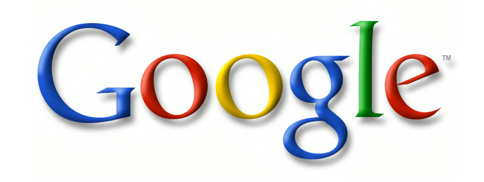
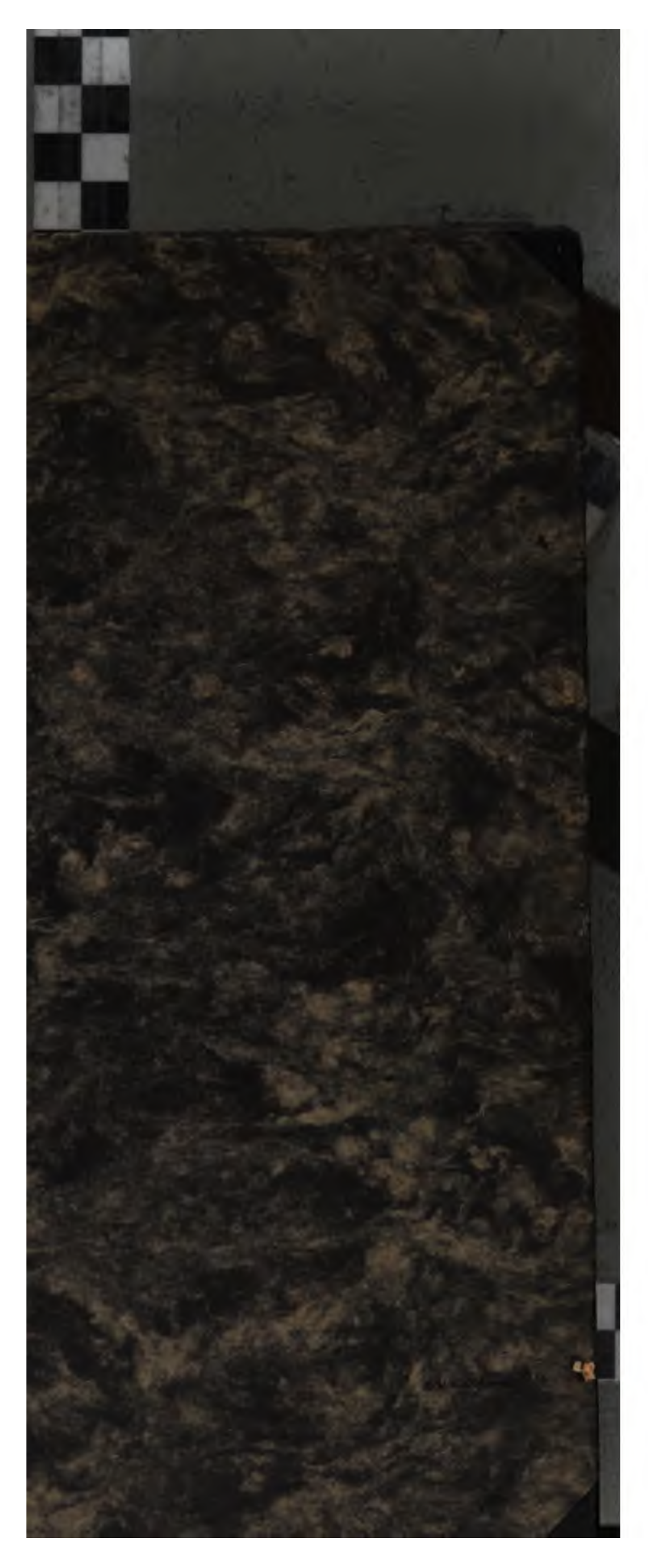




STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИЗВѢСТІЕ О ПОХОЖДЕНІИ

СИМЕОНА СТЕПАНОВИЧА

ПИШЧЕВИЧА

1731—1785.

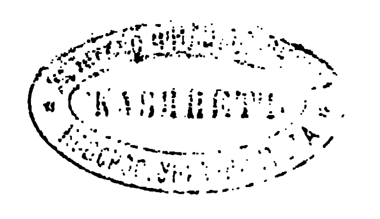
ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ,

подъ редакціей
Д. Чл. Нила Попова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1881 г. кн. 1-я, 1882 г. кн. 2-я и 1883 г. кн. 2-я.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1867 году, во время пріѣзда Славянъ на Московскую этнографическую выставку, д. чл. Общества, профессору Н. А. Попову стало извѣстно, что въ фамиліи Пишчевичей, предки коихъ переселились въ прошломъ столѣтіи изъ Венгріи въ Россію, сохранилось нѣсколько рукописныхъ сочиненій историческаго содержанія, составленныхъ лицами, принадлежавшими къ первымъ тремъ поколѣніямъ названной фамиліи послѣ ея переселенія въ наше отечество. Вскорѣ послѣ того Н. А Попову доставлено было рукописное сочиненіе генералъ-маіора Семена Степановича Пишчевича подъ заглавіемъ: „Книга о націи Сербской, о государяхъ, царяхъ, короляхъ, князяхъ и деспотахъ, такожъ и о прочихъ всѣхъ бывшихъ дѣлахъ, кои съ народомъ Сербскимъ случались". Это сочиненіе, представлявшее не всегда полный сводъ извѣстій о судьбѣ Сербскаго народа съ начала среднихъ вѣковъ до XVIII столѣтія, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ, заключало въ себѣ также свѣдѣнія о положеніи Сербовъ въ Венгріи до реформъ Маріи-Терезіи, коснувшихся ихъ быта, и проистекшемъ оттуда волненіи и переселеніи недовольныхъ въ Россію. Свѣдѣнія эти носили характеръ фамильныхъ преданій и личныхъ наблюденій. Н. А. Поповъ воспользовался ими въ своей статьѣ: „Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи

и Россіи", напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы" за 1870 г., № 7; а свѣдѣнія, заключавшіяся въ этой рукописи о церковныхъ дѣлахъ австро-венгерскихъ Сербовъ, напечатаны имъ во 2-й книгѣ сборника „Родное Племя" (подъ заглавіемъ: Изъ рукописи „Сербская Исторія" Пишчевича, конца XVIII вѣка, стр. 124—131). Самая рукопись передана была въ Сербское Ученое Дружство въ Бѣлградѣ. Но наиболѣе интересныя для русской собственно исторіи сочиненія Пишчевичей остались тогда неизвѣстными.

Въ прошломъ 1879 году потомокъ вышепомянутаго Пишчевича, Александръ Павловичъ Пишчевичъ, доставилъ Н. А. Попову рукописныя сочиненія своего прадѣда, вышереченнаго Семена Степановича и дѣда Александра Семеновича, съ просьбой представить ихъ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія ихъ въ „Чтеніяхъ" на условіяхъ, существующихъ на такіе случаи въ Обществѣ, и въ сроки, какіе Общество найдетъ возможными.

Разсмотрѣвъ эти сочиненія, Н. А. Поповъ высказалъ о нихъ слѣдующее мнѣніе:

1. „Извѣстіе о похожденіи Симеона Степанова сына Пишчевича, генерала-маіора и кавалера ордена св. Георгія, о ево рожденію, жизни, воспитанію, наукъ, начало службы, преселеніе въ далную страну, происхожденіе дѣлъ военыхъ и о случившихся съ нымъ по судбамъ разныхъ счастій и несчастій; пысалъ самъ собственною своею рукою, собыралъ изъ разныхъ преждныхъ своихъ запысокъ и продолжалъ до 1785 года", состоитъ изъ трехъ частей. Первая, писанная на 47 листахъ, заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о первой службѣ Пишчевича въ Австрійской арміи, объ участіи его въ войнѣ Австріи съ Франціей, о походѣ въ Баварію, о возвращеніи изъ него, о семейныхъ дѣлахъ фамиліи Пишчевичей о преобразованіи Сербскихъ военныхъ поселеній въ гражданскія, которое послужило къ выселенію Сербовъ въ Россію, и о поѣздкѣ самаго Пишчевича въ Россію въ 1763 году. Вторая часть, писанная на 80 листахъ, обнимающая 14 лѣтъ

пребыванія Пишчевича въ Россіи, чрезвычайно любопытна по многочисленнымъ подробностямъ, относящимся къ служебнымъ, общественнымъ и частнымъ связямъ автора до 1769 года. Третья часть, писанная на 18 листахъ, но не оконченная, содержитъ въ себѣ разсказъ объ участіи автора въ походѣ русскихъ войскъ противъ польскихъ конфедератовъ. Изъ предисловія къ этой части можно думать, что авторъ хотѣлъ разсказать въ ней также свое участіе въ первой Турецкой войнѣ и наконецъ свою жизнь по выходѣ въ отставку; но въ самой рукописи этого разсказа нѣтъ".

2. „Продолженіемъ къ сочиненію Семена Пишчевича служитъ другая рукопись: „Жизнь Александра Пишчевича, имъ самимъ писанная". Авторъ, сынъ предшествовавшаго сочинителя, родился уже въ Россіи 31 мая 1764 года. Его автобіографія состоитъ также изъ трехъ частей. Въ первой, писанной въ листъ на 131 страницѣ, говорится о годахъ ученія автора, о выходѣ отца изъ службы, о поступленіи самаго Александра Пишчевича въ армію, о походѣ его въ Крымъ и о присоединеніи этого полуострова къ Россіи, о службѣ на Кавказской линіи, поѣздкѣ въ Грузію и жизни въ Георгіевской крѣпости до 1787 года. Во второй части, занимающей также 131 страницу въ листъ, описаны: пребываніе автора въ Екатеринославской арміи, возвращеніе въ Георгіевскъ и походъ къ Анапѣ, участіе во второй Турецкой войнѣ, пребываніе въ Бендерахъ и Яссахъ, послѣдняя служба по Кавказской линіи и гоненіе претерпѣнное отъ Гудовича, служба въ Саратовѣ и положеніе Саратовскаго намѣстничества, бунтъ Донскихъ казаковъ и переводъ автора на службу въ Нарвскій карабинерскій полкъ въ 1794 году. Третья часть, писанная на 102 страницахъ въ листъ, заключаетъ въ себѣ описаніе службы автора въ Нарвскомъ полку, поѣздки въ Москву и въ Петербургъ въ 1796 году, искательствъ новой службы въ военной коллегіи и при Гатчинскомъ дворѣ, уничтоженія Вознесенскаго войска и поѣздки автора въ Тульчинъ, перехода автора въ гражданскую службу по воцареніи Императора Павла, скораго оставленія ея и жизни въ Бѣлорусскихъ имѣніяхъ. Разсказъ останавливается на 1798 году".

„Уже предложенный краткій обзоръ содержанія обѣихъ рукописей показываетъ, насколько оно можетъ быть любопытно, а мѣстами и важно для исторіи царствованія Екатерины II. Оба сочиненія суть не что иное, какъ мемуары отца и сына, служившихъ въ Россіи въ это царствованіе. Помимо разсказа о служебной дѣятельности авторовъ, въ этихъ мемуарахъ разсыпано не мало свѣдѣній о тогдашней общественной и частной жизни, а также о разныхъ лицахъ, съ которыми Пишчевичамъ приходилось вступать въ сношенія или въ столкновенія. Эти подробности придаютъ всему изложенію оживленный характеръ и дѣлаютъ чтеніе названныхъ сочиненій чрезвычайно занимательнымъ“.

Надзоръ за печатаніемъ „Извѣстія о похожденіяхъ С. С. Пишчевича“ имѣлъ д. ч. Н. А. Поповъ“.

Къ благосклонному читателю.

Мнѣ завсегда приятно было оказиватъ своей націи какую нибудь услугу, и коя бы могла принестъ хотя малую ползу обществу, для чего мысли мои непрестано мнѣ о томъ напоминали, почему сколко возможностъ моя досегатъ могла то потому я и не оставлялъ самымъ действиемъ доказатъ; предъ симъ издалъ я отъ моего труда на светъ сочинѣние, состоящее въ однои книге о націй сербскои, о государяхъ, царей, королѣй, князей и деспотахъ, такожъ и о протчихъ всѣхъ бывшихъ делахъ кои съ народомъ сербскимъ случалысъ, что уповаю и будетъ моимы одно-националнимы знакомъ усердия моего принято; а таперъ преступаю о самомъ себе говоритъ не краснорѣчіемъ илы лышними какимы прибавкамы, а просто такъ какъ во все время моеи жизни приключеній со мною въстречалысъ и происходило счастиемъ и несчастиемъ, и поставлю все сие дело въ трохъ частяхъ.

Первое будетъ о всѣхъ произхожденіяхъ бывшихъ отъ юности моей и въ наукахъ обращения моего, и по вступленій въ австрійскую службу даже до выезда моего въ Россію.

Въторая частъ состоятъ будетъ въ томъ, какъ о выездѣ моемъ въ Россію и по вступленій въ службу что происходило

и со мною случалось, даже до похода моего въ 1767-мъ годе въ Полшу.

Третая часть изъявлять будетъ походъ и конфедерацію полскую и о воинѣ и сраженіяхъ с нимы, изъ чего напослѣдокъ родылась преужасная и долголѣтная съ Россіею турецкая воина; а взаключение по продолженій моей долголѣтной службы и о моемъ покое, при коемъ успѣлъ я пресмотретъ и пребратъ всѣ свои преждній запыски, кои подали мнѣ спсобь къ соченению сего дела.

ЖИЗНЪ И ПОХОЖДЕНИЕ

СИМЕОНА СТЕПАНОВА СИНА ПИШЧЕВИЧА ГЕНЕРАЛА МАИОРА И КАВАЛЕРА.

Родылся я на светъ какъ родители моа мнѣ сказивалы въ 1731-мъ годе сентября 14-го дня, отецъ мои былъ Степанъ Гавриловъ синъ Пишчевичъ изъ фамилій старинои шляхетской, какъ о томъ въ опысаній родословнои даволно показано естъ, у меня братѣвъ и сестеръ было и старее и моложе меня, а всѣхъ насъ у отца и матери четирнатцатъ детей отъ перваго ихъ брака состояло, я былъ имъ четвертое дитя, родителы мои воспитавалы меня весма въ добромъ порядке, домъ нашъ где я родился состоялъ въ Славоній въ местечке Шиде [1], а место сие было военное принадлежащее къ подунаиской тогда бывшеи ландь-милицій, въ которомъ отецъ мои былъ капитаномъ и командиромъ того места.

Отъ юностя моей былъ прежде нежелъ я самъ себя помню, какъ матъ моя мнѣ разказовала, былъ я весма резовъ, родители мои старалысъ какбы наилучше въ наукахъ меня наставитъ, для чего и зачалы на пятомъ годе моего возраста обучатъ меня грамоте славенскаго природнаго языка, приставлѣнъ былъ ко мнѣ учителъ, при коемъ я сперва успевалъ такъ какъ обыкновено рабята маленкие учтуца, однако охотно принималея за свою азъбуку, и что далѣ то лучше, и

[1] Шидъ торговое мѣстечко въ жупаніи или комитатѣ Сремскомъ, имѣетъ теперь болѣе 3.400 жителей, изъ коихъ до 3000 православныхъ Сербовъ и около 400 уніатовъ, сверхъ того нѣсколько католиковъ другихъ національностей. Мѣстечко лежитъ почти на одинаковомъ разстояніи между рѣками Савой и Дравой, не въ далекомъ разстояніи отъ православныхъ монастырей западной окраины Фрушкой Горы.

тако дашолъ въ томъ содержаній до восми лѣтъ моего возраста, потомъ отьвезли меня мои родители въ городь називаемы Петроварадинскии шанацъ къ дядѣ моему оберъ капитану Секули Витковичу, куда онъ тогоже года преселился и принялъ командованіе полкомъ ландь-милиціи подунаиской [1], въ томъ городе было учреждено училище для наукъ младеничества, для чего и я туда привезенъ былъ, я въ томъ училище началъ сперва продолжатъ науку своего природнаго языка, а потомъ и полатине, напоследокъ сталъ я часто хваратъ, почему взялы меня мои родители опятъ дамой гдѣ и пробулъ несколко месецовъ, между тѣмъ отъ части пророниль я свое ученіе а особливо по латине, однакъ какъ скоро въ состояние преждняго моего здоровыя я пришолъ, то и опятъ отвезли меня въ Петроваролински шанацъ, гдѣ по прежднѣмъ науку продолжатъ сталъ, и успѣлъ поправитъ и достигнутъ чѣмъ было укоснилъ, потомъ какъ дядя мои оберъ капитанъ Секула Витковичъ отъехалъ по надобности въ столычнои городь Выену, то и отослалы меня мои родители сниимъ въ Выенужъ, для науки немецкаго явыка, куда по приездѣ отъдалъ меня дядя мои въ пансіонъ, онъ потомъ тамъ въ Вѣне неболѣе полугода бавился и получа чинъ подъполковничи отьправился дамои, а я для продолженіа своеи науки тамъ остался и былъ три года, учился я сприлежностію и достигъ знаніемъ того немецкаго языка доволно хорошо, я ужъ безънужди говорилъ, читалъ и пысалъ, также танцоватъ, рисоватъ, арихметику выучилъ и частъ диометрій началъ было пониматъ, между тѣмъ матъ моя жестоко заболѣла, по притчине что дети меншие меня братья и сестри мои померлы и по такои жалосты въпала она въ болезнъ, и какъ болѣе детеи неосталосъ окроме что я одинъ, то потому и пославы за мною и привезли меня дамои.

Приезду моему матъ моя чрезвычаино обрадовалась а притомъ какъ увиделы она и отецъ мои что уже я даволно хорошо понемецки

---

[1] Петроварадинъ, понѣм. Peterwardein, помадьярски Pétervár, существовалъ во времена римскаго владычества подъ именемъ Acuminaceum; средневѣковыя преданія связываютъ его нынѣшнее названіе (городъ Петра) съ именемъ Петра пустынника. Въ 1526 г. имъ овладѣли турки и держали въ своихъ рукахъ до 1687 г.; 25 іюля (5 авг.) 1716 г. принцъ Евгеній Савойскій одержалъ знаменитую побѣду надъ турками, приведшую къ Пожаревацкому міру. Петроварадинъ всегда считался сильнѣйшею изъ крѣпостей Австріи; лежитъ на правомъ берегу Дуная, на равномъ растояніи отъ впаденій въ него Савы и Дравы, нѣсколько выше впаденія Тиссы, противъ города Новаго Сада (по нѣм. Neu-Satz, по мад. Uj Vidék) у восточнаго склона Фрушкой Горы. Теперь въ крѣпости и ея предмѣстіяхъ считается болѣе 2,600 жителей, большею частію католиковъ.

говоритъ умѣю, и сталъ преводитъ разные присилаемые немецкие пысми, такожъ и откоманды къ отцу моему ордера, то тѣмъ весма родители мои были доволни; я ужъ живу дома месеца четыре и проважу время въ чтенiй и пысанiй, а тѣмъ временемъ матъ моя получила отъ болѣзны облехчение, потомъ разсудили родители мои чтобы еще по молодимъ моимъ летамъ къ достиженiю совершенства въ зачатои моеи науке не утратитбы удобнаго времени, дая чего отецъ мои отъвезъ меня въ городь Сегединъ [3] съ намерениемъ чтобы поставитъ меня въ тамошную гимназiю, въ каторои предаютца разные науки, сие училище состоитъ подъ управлениемъ тамошнѣго духовенства патровъ пияристовъ називаемыхъ, и какъ отецъ мои старшему того училища о принятiй меня во оное подалъ на писме свою прозбу, на которою резолуция положена такъ, какде во оной гимназiй студентовъ детеи господскихъ закона другова несостоятъ окроме рымско католицкаго, то ежелы къ тому мы согласитца хотимъ чтобы мнѣ въ оной законъ въступытъ, то и принятъ буду въ то училище а иначе нелзя; отецъ мои видя такую невозможностъ весма оскорбылся, и ужъ незналъ что болѣе дѣлатъ, какъ что поставитъ меня у одного тамъ въ городе немецкаго учителя въ пансионъ, самъ возвратился дамои а я остался: учителъ мои былъ человекъ приятенъ и весма на всѣ науки учонъ, онъ меня въ достиженiй совершенствомъ немецкаго языка болшою частию наставылъ і исправылъ регулно говоритъ и пысатъ, также я у него и всѣ части математики приобрелъ, содержалъ онъ меня такъ какбы я въ своемъ доме былъ; въ томъ городе и у того учителя былъ я года полтора, а потомъ приехалъ отецъ мои ко мнѣ и взялъ меня дамои стѣмъ намеренiемъ, чтобы отьдатъ меня для практики судебныхъ и другихъ военыхъ пысменыхъ дѣлъ, кои производютца на немецкомъ языке въ крепосты Есекъ [4] въ тамошнѣи гене-

---

[3] Сегединъ (Szeged, Segedinum) лежитъ противъ устьевъ р. Мароша, сливающейся съ среднимъ теченiемъ р. Тиссы, которая впадаетъ въ Дунай слѣва ниже Петроварадина въ мѣстности подвергающейся разливамъ названной рѣки. Городъ старинный, бывшiй уже не малымъ во время нашествiя татаръ. Съ 1551 до 1686 г. былъ въ рукахъ турокъ, построившихъ въ немъ крѣпость; теперь имѣетъ болѣе 60.000 жителей, между коими число православныхъ Сербовъ занимаетъ лишь ничтожную долю.

[4] Подъ властiю римлянъ Mursia, потомъ Осекъ съ небольшою крѣпостью, построенною въ 1091 г., по нѣм. Essek, съ 1535 по 1685 въ рукахъ турокъ, находился до конца прошлаго столѣтiя среди болотъ у праваго берега Дравы, не доходя до впаденiя ея въ Дунай на три мили. Въ 1775 г. главныя части города

ралъ губернаторскои канцелярій, для того что мы Сербы по природе нашей ни до чего болѣе оклонности не имѣемъ какъ до военнаго ремесства, и потомъ чтобы ужъ я и зачало свое предпринялъ, отецъ мои неупуская времени отьвезъ меня туда, (креностъ сия состоитъ въ Славоній) и приехавши явылся тамошнѣму генералъ губернатору,називался маркизъ де Гвадани [5], обьявылъ ему отецъ мои о своемъ намереній и проситъ о принятій меня въ оную канцелярию и обопределеній для практики къ пысмѣнымъ военымъ дѣламъ, но чина мнѣ отецъ мои никакова не просилъ, а толко такъ партикулярно и на своемъ содержаній чтобъ я тамъ былъ до времени, генералъ губернаторъ такое отца моего дело похвалылъ и обещалъ зделатъ.

Тогоже дня пашолъ отецъ мои и меня взялъ съ собою къ состоящему въ тои крепосты и при канцелярій главному директору, производящему всѣ какъ военые такъ и судебние писмение дела, називался чиномъ и по фамилій хофъ кригсъ ратъ концепыстъ фонъ Малеръ, чинъ сеи тамъ великъ почитаетца, и значитъ военнаго совета оберъ секретаръ; сеи господинъ былъ отцу моему издавна знакомъ, отъкрилъ ему отецъ мой свое намерение и пресказалъ что ужъ и генералъ губернаторъ о томъ известенъ, прося его чтобы онъ принялъ меня на содержаніе къ себе въ домъ, яко управление пысменыхъ дѣлъ при канцелярій отъ него завыситъ, и что я будучи при нѣмъ могу во всемъ лучшее наставление приобрестъ, за какову его милостъ обещаетъ отецъ мои принестъ свою благодарностъ и признаватъ будетъ навсегда его великимъ своимъ приятелѣмъ, сеи господинъ на ту прозбу отца моего охотно склонился и меня къ себе принялъ.

И потомъ какъ отъ генерала губернатора о употребленій меня къ деламъ приказано, а отецъ мои совершивши свое желаніе поехалъ домои а я остался.

Господинъ фонъ Малеръ содержалъ меня не иначе а какбы точно

отнесены отъ болотистыхъ береговъ. До турецкаго завоеванія это былъ главный городъ въ Славоніи, за тѣмъ его торговое значеніе упало, но военное сохранялось долго; теперь опять поднялся, имѣетъ до 15.000 жителей, изъ коихъ до 12.000 католиковъ хорватскаго и нѣмецкаго происхожденія и болѣе 2.000 православныхъ Сербовъ.

[5] Маркизъ, потомъ возведенный въ графы, Алексанръ *di Guadányi* былъ генераломъ австрійской службы уже при Леопольдѣ I. Его племянникъ гр. Іосифъ Гвадани извѣстенъ, какъ первый въ свое время мадьярскій водевилистъ и сатирикъ (род. 16 окт. 1725, ум. 21 дек. 1801).

роднаго своего, и я оть него много ползи въ наставленій получилъ, у него я былъ завсегда на одномъ столе и квартеру мнѣ определылъ возлѣ себя въ другой комнате, водылъ онъ меня всегда съ собою празничнимы днямы къ генералъ губернатору и случалось несколко кратъ, что я у генерала у стола кушатъ оставался, также бывало часто когда господинъ фонъ Малеръ по вечерамъ поидетъ куда, къ тамошнимъ господамъ для провожденния времени въ кампанию и на балъ, а часто празничнимы днямы въ загородние сады прогуливатца куда и многие тамошние господа для увеселения съежаютца, то всегда меня съ собою бралъ, и тѣмъ подавалъ мнѣ въ обхожденій съ людми способь къ просвещению.

По прошедствій времени немного болѣе одного года получилъ господинъ фонъ Малеръ повелѣние чтобы ему ехатъ въ Выену и что онъ определенъ будетъ къ другому вышшему месту, почему онъ и поехалъ, я ево проводылъ до первои почти и будучи въ дорогѐ говоритъ онъ мнѣ: какде я таперь мои любезни Симонъ отъежаю, а самъ еще незнаю куда определенъ буду и ужо де мнѣ сюда болѣе невозвращатца, то де советую тебы чтобь ти о моемъ отъездѣ своего отца уведомыль, и что онъ соизволитъ стобою, оставатцалъ тебы ещё при канцелярій илы ехатъ домои и въ томъ какъ онъ залучше разсудитъ.

Я выпроводивши моего господина фонъ Малера и простясъ снимъ съ слезамы возвратился назадь въ городь, и пишу къ отцу что я остался и что господинь фонъ Малеръ уехалъ въ Выену; почему онъ спустя несколко днеи приехалъ ко мнѣ сказивая, что онъ командированъ въ походь противъ французовъ и что намеренъ и меня съ собою взятъ.

Тогожъ дня пашолъ отецъ мои къ генералу губернатору благодаритъ за его высокую мылостъ и обьявляетъ при томъ: какде таперь продолжаетца съ французамы воина и я командированъ, говоритъ отецъ мои, въ походъ то де и сина моего намеренъ взятъ съ собою, чтобы повидетъ чужие края, а при томъ какъ по природе нашеи неинаково ему оставатца, а должно въ военномъ деле привыкатъ и въ службе зачало учинитъ; генералъ губернаторъ таково отца моего намерение весма похвалылъ и меня отьпустылъ.

Потомъ въскоре въ томже 1744-мъ годе на веснѣ армия цесарская изъ своихъ винтеръ-квартеръ стала выступатъ въ полѣ подь предводительствомъ принца Карла Лутрингскаго, въ томъ числѣ и подунаискои ландьмилицій адинъ пехотной полкъ.

Я таперъ здесъ стану нарочно для любопитства читателю писатъ о семъ воиске какъ тогда оное было. Сия подунанская ландмилиция состояла въ двухъ тисящахъ салдатъ пехоти, но не весъ тогда вь походь выступылъ, а осталасъ болшая частъ онаго въ своихъ жилыщахъ у прикритиа граници отъ сторони турецкои, а толко въ паходь пошло восемъ сотъ человекъ редовыхъ! Правда что всѣ выборние люде были, хотя вто время оны почиталысъ воискомъ не регулярнимъ, однако всегда болшъ службы носилы нежель другие, мундиръ, ружи, и всю амуницию должни были имѣтъ свое собственое и на своемъ коште исправлятъ, потому что сеи народь по силе ихъ привелегій никакои другои подати недавалы и состоятъ отъ всего волнимы, и для того въ военномъ порядке въместо другихъ податѣи и квартеръ, должни были себя исправлятъ своимъ коштомъ, что имъ ни мало тягости неприносило и оны охотно на томъ положеній аставалысъ, ружья и амуницию имѣлы оны свое собственое, а ктому сабля и пара пистолетъ въ кожаномъ невеликомъ чехле пристегнути къ левому боку тела, при чемъ ножъ или кинжалъ въ полъ аршина длини; у всякаго то должно было бытъ и во всякои исправности чего оны самы всегда наблюдалы, и другъ предь другомъ исправностию и чистотою щеголялы.

Мундиръ обыкновенои свои вчомъ оны и дома ходыли, но однако непростое а все одного манера покрою и цветомъ, на голове были у всѣхъ кивера чорние съ короткимы обрезанимы крилямы ничемъ не обкладение, разве что у некоторыхъ офицеровъ стакимыжъ короткимы крилямы шитие сребромъ были, въ томъ числѣ я первои себы зделалъ и белое перо носилъ; ето такои видъ дѣлало что лстился всякъ имѣтъ, кто толко былъ въ состояній себы исправитъ, а впротчемъ у афицеровъ были и шляпы.

Сие Славонское воиско [6] и Тренковъ полкъ [7], что изъ лѣсовыхъ раз-

---

[6] Въ то время Сербы, какъ издавна поселившіеся въ Венгріи, такъ въ особенности переселившіеся изъ Турціи въ 1691 г. при патріархѣ Арсеніи III Чарноевичѣ въ числѣ 40.000 семействъ и въ 1737 году при патріархѣ Арсеніи IV Шакабентѣ въ небольшомъ числѣ, занимали въ качествѣ военныхъ поселеній всю юго-восточную Венгрію и большую часть Славоніи, имѣли постоянно подъ оружіемъ 20.000 человѣкъ, платили въ камеральную кассу ежегодно 48.000 флориновъ, и раздѣлены были на три военныхъ округа: Сегединскій, Арадскій и Петроварадинскій, въ коихъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ или шанцовъ считалось 45, но изъ нихъ не болѣе пяти имѣли свыше тысячи жителей, платившихъ ежегодно по 10 флор.

[7] Баронъ Францъ Тренкъ родился 1 янв. 1711 г., былъ сыномъ полковника

бойниковъ тогда былъ навербованъ; какъ французи первои разъ противъ себя въ сраженыяхъ увидѣлы то прозвалы ихъ пандурамы, каково имя прилепылосъ потомъ за ныхъ такъ, что и многие другие по неведению, что сие значитъ, такимъ же именемъ називатъ сталы, однако неправилно сказано: ибо то имя пандуръ совсѣмъ иныхъ людей значитъ кои нимало не военые, таковы пандури содержатца въ Славоній у цивылнихъ присудственыхъ местахъ какъ для содержания караула при тюрмахъ, такъ и для разсилокъ въ зборе поголовныхъ денегъ и для собраныя съ земли провианта и фуража къ магазеини принадлежащаго, а также и помещики въ деревняхъ своихъ таковыхъ пандуровъ содержутъ для содержания ночнихъ карауловъ, у коихъ имѣютца такнежъ ружи, сабли и пистолети и такаяжъ одежа какъ и у служивыхъ, ибо въ Славоній весъ народь обыкновено въ одинаковой одеже ходитъ.

Таперъ возвратимся назадъ, стану говоритъ о виступленій полка въ походь, которои атьряженъ былъ подь командою маіора Вукъ (илы волканъ) Исаковича.

Мы виступыли на веснѣ и вь томже годе какъ више значитъ и назначено было всѣмъ ротамъ зборное место куда, и отецъ мои съ своею ротою на томъ срокѣ спешилъ и меня уже съ собою възялъ,

---

австрійской службы, перешедшаго въ оную изъ Пруссіи, началъ свои военные подвиги, прославившіе его имя въ Европѣ, тѣмъ, что вышелъ въ 1738 къ Миниху съ тремя стами добровольцевъ, набранныхъ между южными славянами, и участвовалъ въ руско-турецкой войнѣ, но дважды подвергался военному суду за дерзкое обращеніе съ начальниками и только крайняя отвага его спасала отъ строгаго наказанія; затѣмъ, возвратившись въ Славонію, гдѣ у него было имѣніе, набралъ особое ополченіе изъ людей разнаго, но преимущественно южнославянскаго происхожденія, предводительствовалъ ими въ войнахъ съ Баваріей и Пруссіей, сталъ даже лично извѣстенъ Фридриху II, нагналъ страхъ на мирное населеніе средней Германіи грабежами и насиліями своихъ пандуровъ; нѣсколько разъ былъ судимъ въ самой Австріи за своевольство и презрѣніе къ дисциплинѣ и, будучи приговоренъ къ заточенію, притворился умершимъ и такимъ способомъ получилъ свободу, благодаря содѣйствію боронессы Лестокъ съ которой и бѣжалъ въ Голландію, но потомъ вернулся въ Австрію, снова судился за намѣреніе будто бы поднять возстаніе въ Славоніи, былъ посаженъ въ моравскую крѣпость Шпильбергъ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1749 г., оставивъ по себѣ записки, изданныя тогда же подъ заглавіемъ: «Merkwürdiges Leben und Thaten des Freiherrn Franz von der Trenk (Leipzig, 1748). О немъ потомъ было писано много. Его имя оставило по себѣ память и между южными Славянами. На хорватскомъ языкѣ есть книжка о немъ Луки Илича: «Baron Franjo Trenk i Slavonski Panduri» (U Zagrebu, 1845).

и тако соединившись всѣ роти на томъ назначеномъ местѣ, и по пресмотре маіоромъ оныхъ, велѣлъ приказомъ чтобы називатца полкомъ Славонскимъ Подунаискимъ и учиня маіоръ подлежащій свои разспоряженій, выступыли въ свою путъ далѣ.

Аднѣмъ днемъ на раздаху пашолъ отецъ мои къ маіору и меня съ собою взялъ представляя меня говоритъ чтоде ето синъ мои, онъ посие время былъ на науке, а таперде взялъ я ево съ собою въ походъ волонтеромъ, чтобы светъ и чужие края повидетъ, а при томъ о службе и о действияхъ военыхъ понятие могъ приобрестъ и приучитца тому реместву въ каковомъ и я самъ состою; яде вамъ ево, говоритъ отецъ мои, представляю и прашу, чтобы позволытъ ему бытъ при полковой канцелярій при пыеме, а также и другое по полку что приказано будетъ онъ исправлятъ можетъ.

Маіоръ прозбу отца моего весма склонно принялъ и радъ былъ, причемъ еще и благодарилъ отцу моему за ево таки къ нему отъзывъ, обещавъ старатца въ случаи помагатъ; оборотясъ потомъ маіоръ ко мнѣ проговорилъ понемецки, спрашивая умеюлъ я тѣмъ языкомъ говоритъ, начто отвечалъ я что умѣю и что готовъ служитъ і исполнятъ его повелѣній *; маіоръ тотъ часъ приказалъ къ себе призватъ пол-

* Сколко нинѣшняго времени въ народе нашемъ Сербскомъ уже повыходили ученыхъ на разныхъ языкахъ людей, столкожъ в то время былъ въ томъ недостатокъ, и ето редностъ была когда кто понемецки толко умѣлъ говоритъ, а о другихъ какихъ наукахъ и слыху вовсе небыло.

Насъ тогда въ полку которие понемецки говоритъ умѣли было всего три человѣка, маіоръ первый да поручикъ Николичь другой, и я третой, однако въ точности правилнаго знанія мнѣ право давалы.

Таково незнание ни отчего болшъ непроисходыло какъ отъ того, что отцы синовъ своихъ на науки не отдавалы, убегивая слѣпо отъ просвещенія, а наиболшъ чрезъ сохранение положеныхъ постовъ, воображая что ежелы сина отъдатъ въ наукъ и отослатъ изъ дому въ какие далние училыщи, то будучи тамо должно будетъ дитя всегда мясо естъ, и тѣмъ будто потѣряетъ вѣру и законъ свой, и будетъ нѣмецъ (или шокацъ) а потомъ чрезъ науку до економый домашнѣй будетъ неспособенъ; по какимъ недостаткамъ въ ученыхъ людяхъ а особливо молодие господские дети вьступывшие въ службу тѣрали свое счастие; и весма трудно въ чины происходылй и оставалысь многие во весь векъ свой въ одномъ толко чинѣ и едва кто до капитанства доходылъ, я знаю доволно что по недостатку изъ ученыхъ немецкаго языка людей принуждено было держатъ какъ при главной команде у генералитета, такъ и при полкахъ талмачовъ, исчего великие затрудненій происходилы, и капитанъ въ ротѣ какъ случитца, что иному на немецкомъ языке

коваго квартирьмеистера; онъ былъ немецъ приказалъ ему, чтобъ онъ въ канцелярій имѣлъ меня при себе и употреблялбы въ пысменыхъ делахъ, квартиръмеистеръ сталъ даватъ мнѣ къ сочинению табелей, списковъ и другихъ дѣлъ, кои тогда къ главному смотру приуготовлялысъ, ибо мы ужъ не далеко отъ города Печуя [8] где оберъ кригсъ комысаръ (по фамилій фонъ Клеинъ називался) дожидаетца и будетъ смотретъ полкъ, мы продолжалы наши марши далѣ и вышли ужъ изъ Славоній, перишедь реку Драву пошли въ Венгрію и приближаемся къ тому городу где смотръ будетъ.

Я препорученое мнѣ дело въ препыске табелеи и списокъ ис-

писмо илы ордеръ отъ команды пришлѣтца, то и бегаетъ со онымъ во всѣ стороны ищетъ, кто иное прочтетъ и прескажетъ ему что тамъ напысано.

И на такомъ основаній оставалысъ изъстари сколко десятковъ лѣтъ, покуда уже на послѣдокъ тѣ ландь-милицій преформировани на другой штатъ и учреждены изъ ныхъ полки регулярние (о чемъ въ переды въ своемъ местѣ еще буду я говоритъ), и всѣ писменые дела отправляца сталы понемецки, также и афицеровъ немцовъ почти половиная часть къ нимъ определено, почемъ уже и наши отворилы глаза и сталы немецкаго языка учица, и заперъ многие тѣмъ воспользовалысъ, что хорошимы людми и афецерамы практикованимы попроисходилы и втамощныхъ полкахъ состоятъ.

Правда была и то что въ первие веки немци также небыли такъ просвещены, какими нинѣшняго времени состоятъ, оны въ канцеляріяхъ даже и по военымъ деламъ пысивали и свои отъправленіі делалы по обычаю древности рымскои на языке латинскомъ, что также не толко намъ сербамъ но и самымъ имъ немцамъ приносило большое затрудненіе, яко оны и самы не всѣ такъ учени были и всякъ того языка разуметъ не могъ, покудова напослѣдокъ оны отъ того отъсталы и нинѣшняго времени по военымъ деламъ ужо на своемъ природномъ немецкомъ языке отъправлятъ сталы, и латинскои остался болше въ цивылныхъ и въ судебныхъ делахъ въ употребленіи, а особливо венгри того держатца.

[8] По сербски Печуй, по хорв. Pečuh, по мадьярски Pécs, по чешски Pětikostelí по нѣм. Fünfkirchen, въ средніе вѣка Quinque Ecclesiae s. Basilicae, во времена римлянъ Sopгana,—одна изъ обильнѣйшихъ по археологическимъ находкамъ мѣстностей, лежащая недалеко отъ Дуная и границъ Славонскихъ. Этотъ городъ уцѣлѣлъ даже во время великаго переселенія народовъ и былъ уже значительнымъ во время прибытія Мадьяръ въ придунайскія земли. Св. Стефанъ основалъ здѣсь епископскую каѳедру въ 1009 г.; Людовикъ I въ 1367 г. основалъ здѣсь академію, въ которой число слушателей въ 1525, въ годъ битвы при Могачѣ, передавшей Венгрію въ руки турокъ, доходило до 2000 и болѣе 300 изъ нихъ пало въ этой битвѣ. Во время турецкаго владычества городъ упалъ, но послѣ завоеванія австрійцами въ 1686 г. сталъ подниматься, вслѣдствіе сильнаго наплыва нѣмецкихъ колонистовъ. Теперь жителей въ немъ считается около 20.000 и между ними болѣе 18.000 католиковъ мадьярскаго и нѣмецкаго происхожденія.

[illegible] и [illegible] был [illegible] квартирмейстерства [illegible] и [illegible] майору; мы тихо маршировалы [illegible] и уж [illegible] въ [illegible].

По [illegible] нашемъ въ [illegible] о себе оберъ кригсъ комысару [illegible] чтобы расположитца по квартерамъ.

Въ [illegible] день выступылъ полкъ для смотра на назначенное место. маиоръ былъ пред полкомъ на лошады верхомъ. а на правомъ фланге поставленъ былъ столъ и на немъ [illegible] приуготовление къ смотру на немъ положены. [illegible] потомъ [illegible] верхомъ оберъ кригсъ комысаръ и приближаясь къ фронту, отдалъ ему маиоръ честь съ барабаннымъ боемъ.

Кригсъ комысаръ слезъ съ лошады, ходылъ чрезъ шеренги пешкомъ и вышелъ къ правому флангу селъ за столъ подъ шляпою, а прочие все стоялы на ногахъ и безъ шляпъ, однако потомъ сказалъ маиоръ честь [illegible] полковому командиру сей оберъ кригскамысарские чины въ службе цесарской [illegible] во время смотровъ особливую честь, и такъ мне кажетца что еще болшь нежели въ другихъ [illegible] (сколко мне [illegible] дело есть известно): онъ при смотре сидя за столомъ беретъ особливую [illegible] и аутеритетъ и представляетъ себя во образе государя въ великои силе и власти.

Смотръ полку нашему зачался и стала людямъ перекличка, напередъ роте маиорскои, а по [illegible] оной подъступыла рота отца моего яко старшаго капитана. на которое время отъ той роти фурьера [illegible] ротнаго [illegible] на лыцо не случилось, онъ былъ посланъ въпередъ какъ обыкновено по очереды таковы для всего полка посылаютца для заготовления квартеръ и фуража. то и прекликиватъ людеи въ роте отца моего небыло другаго. а я на то время какъ стоялъ по близости стола; то маиоръ и говоритъ мне: везмите списокъ отъ роти батюшки вашего и зачинаите прекликиватъ людеи, я то зделалъ и сталъ прекликиватъ, а какъ дошло до имены ротнаго форира тогда говоритъ оберъ кригсъ камысаръ оборотясь лыцомъ ко мне спрашиваетъ [illegible] тотъ; на тотже спросъ маіоръ въставши докладиваетъ, что фурьеръ посланъ въперіодъ для заготовления квартеръ, а обо мне сказалъ что де етотъ молодои человекъ есть синъ сего господина капитана, коего онъ взялъ съ собою въ походъ волонтеромъ для практики военного дела и чтобы повидеть чужие краи; господинъ оберъ кригсъ камысаръ възглянувши на отца моего похвалылъ его

дело, подьнявши несколко свою шляпу говоритъ: желалбы де я видетъ чтобы по сему обрасцу и всѣ протчие ваши националние такъ дѣлалы, потомъ поворотясъ къ маиору спрашиваетъ обо мнѣ умѣюлъ я говоритъ понемецки, на что отвечалъ маіоръ чтоде онъ и говоритъ и писатъ умѣетъ и показиваетъ списки что я пысалъ; оберъ кригсъ камысаръ посмотря на пысмо моеи руки—показалосъ ему хорошо, зачалъ со мною говоритъ и спрашиваетъ где я учился, на что отвечалъ я что въ Виенѣ и в другихъ городахъ, онъ моимъ ответомъ былъ доволенъ, спрашиваетъ маиора какие въ полку состоятъ ваканцыи, маиоръ отвечалъ что никакои другои не состоитъ окроме адютанской, тогда господинъ оберъ кригсъ камысаръ поворотясъ ко мнѣ подьнялъ шляпу, говоритъ мнѣ поздравляю васъ тѣмъ адютантскимъ чиномъ, и на томъ местѣ въ табелъ въ ту ленейку что порожая была запысалъ своею рукою мое имя, я будучи вѣдругъ такимъ чиномъ пожалованъ почти спужался незная где стою и всего меня жаръ обьнялъ, едва опомнился и господину оберъ кригсъ камысару и маіору поклонился и благодарылъ, а потомъ зачалъ продолжатъ ту прекличку до конца.

Сеи чинъ былъ мнѣ по моимъ тогда молодымъ лѣтамъ сперва сколко лестенъ столкожъ и труденъ, для чего отецъ мои выпросилъ у маіора, чтобы ево роты фуриера никуди болшъ въ посилкѣ неупотреблятъ, а билбы онъ моимъ помошникомъ, маіоръ ту прозбу уважилъ и приказалъ на томъ бытъ, и тако я с моимъ помошникомъ а лучше сказатъ дядкою былъ неразлучно, я отъ него во всемъ порядкѣползовался много, ибо того рода чини тамъ въ службе австрискои должни быть во всемъ знающие, какъ по канцелярій въ писме и въ щетахъ, такъ и по должности военнои службы также и въ судебныхъ делахъ въместо аудитора бываютъ употребляемы; онъ со мною всегда и вездѣ ездилъ, ему отецъ мои и лошадъ верховую подарылъ а сверхъ того и другимъ награждалъ его хорошо, чрезъ что онъ охотно и служылъ, и прямо сказатъ что по приятелски наставлялъ меня, а смотрѣлъ чтобы при моемъ зачале службы по должности моеи немогло ничто бытъ упущено, и тѣмъ я мало по мало самъ въ должностъ службы вошолъ и оную узналъ.

По окончаніи же въ томъ городе нашего полковаго смотра и будучи еще въ полю на смотровомъ местѣ, приехалъ къ намъ посланои отъ тамошнѣго католыцкаго арцибыскупа, обьявляетъ господину оберъ кригсъ камысару: какде и вчерасъ въ вечеру просилы всѣхъ господъ на севоднѣшній денъ къ оберу, тоде онъ с тѣмъ и таперъ присланъ проситъ.

Полкъ распущенъ по квартерамъ, а мы всѣ пошли на прошеной обедъ и приближаемся уже ко двору, говоритъ оберъ кригсъ камысаръ нашему маіору, что де надобно учинить честъ господину арцибыскупу по обычаю подоититъ всѣмъ поцеловатъ руку, маіоръ о томъ всѣмъ намъ обьявылъ, и вошедши ужо въ домъ арцибыскупа дождалъ онъ насъ въ зале, маіоръ подошолъ къ нему къ руке, что и мы всѣ зделалы; однакъ онъ руки целоватъ недавалъ а толко благословлялъ насъ, потомъ повелъ насъ далѣ въ другие покои и просилъ сесть, продолжалъ онъ съ оберъ кригсъ камысаромъ и съ маіоромъ разговори, умѣлъ онъ и пославенски говоритъ, потому что въ тои странѣ естъ много униятовъ, то и языкъ славенски надобно поставляемымъ на то место арцибыскупамъ знатъ, сій разговори продолжалысъ о разныхъ материяхъ, между тѣмъ и на столъ блюда поставлены, о чемъ какъ ему данно знатъ, то всталы и пошлы въ столовую, и селы по своимъ местамъ за столъ, при чемъ ево придворная музика играла на разныхъ иструментахъ и продолжала во все время нашего за столомъ сидения.

По окончаніі стола пошли всѣ въ другои покои, где былъ поставленъ десертъ и поднесено кофи, а по окончаніі и того между протчимы разговорамы господинъ оберъ кригсъ камысаръ докладиваетъ арцибыскупу указивая на меня говоритъ, чтоде сеи молодои афицеръ сево дня пожалованъ чиномъ и похваляетъ моего родителя о томъ, что онъ меня съ собою взялъ въ походъ, арцибыскупъ тоже самое похвалылъ и говоритъ мнѣ, какде вы таперъ новы афицеръ, то и еквипажъ новои имѣтъ надлежитъ, для чего чтобы тѣмъ зачало учинитъ при вступленіі вашемъ вслужбу—дарую вамъ верховую лошадъ, кою и приказалъ привестъ, она была мастыю темно серая, хотя невеликаго росту да оченъ хороша и доброежа, я оную съ благодарностью принялъ; мы еще тутъ у арцибыскупа бавылисъ до подь самои вечеръ, а потому отклонясъ пашли и проводилы господина оберъ кригсъ комысара до квартери, отькуда пошли протчие по своемъ квартерамѣ, а я съ отцомъ моимъ проводыли маіора дамои.

Приказъ отъданъ отъ маіора что еще и завтрешнѣи денъ тутъ раздахъ будетъ и чтобы служивые во всякомъ порядке были и обходилисбы съ хазяевамы смирно, таковъ приказъ я принявши запысалъ въ свою книшку, потомъ пашолъ въ канцелярію, где сержанти собралысъ были коимъ тоже я отдалъ, и осмотря обозъ и караулъ пошолъ на свою квартеру.

На завтрешни денъ рано въ часу шестомъ пришлы всѣ сер-

жаити съ благополучнымъ рапортомъ, и я потомужъ отърапортовалъ своего маиора, мало спустя потомъ пришли афицера къ маиору и докладивалы, о чемъ кто по ротѣ имѣлъ какую надобность, а затемъ пошли всѣ хадытъ по городу и въ лавки къ купцамъ где и скупалъ всякъ что кому было надобно, а я увидевши въ однои лавке белое перо (султанчикъ) прасылъ батюшку своего, чтобъ оное мнѣ купытъ, онъ сего удоволствія мнѣ зделатъ не отказался и получа оное я тотъ часъ задѣлъ за свои шитои киверъ и счолъ, что ужъ ничего лучше и пригожее бытъ не можетъ; въ вечеру тогожъ дня приказъ отъданъ что завтре будетъ маршъ, къ чему все по обыкновенію і изготовленно состояло, и рано по утру по пробытій генералъ маршъ выстопылъ полкъ и в походъ, маіоръ еще зашолъ къ господину оберъ кригсъ комысару, которои также рано выехатъ хатѣлъ навстречу по другои дороге марширующимъ полкамъ; въ марше водылъ полкъ батюшка мои яко старши капитанъ, мы на марше остановливалысъ раза два дожидаясъ маіора, но какъ онъ насъ не догналъ, то ужъ мы и въ квартери где ночлегъ назначенъ въступалы, потомъ ужъ и маиоръ приехалъ, я ему о благополучномъ марширований и что полкъ въ квартери свои въступылъ отърапортовалъ, после того принявши о завтрешнѣмъ марше отъ маіора приказъ и отъдавши онои сержантамъ пашолъ я на свою квартеру, и такимъ порядкомъ продолжалы мы наши марши чрезъ Венгрію и дошли къ немецкимъ граныцамъ до Щтеирій, первои намъ былъ тои земли городь Рахеншбургъ [9], въ томъ городе имѣли раздахъ и потомъ помаршировалы далѣ.

Сия штеирская земля естъ весма гориста, но при всемъ томъ дарога хараша, она делана видно давнихъ временъ, что безъ всякой опасности чежелимы возамы люде ездятъ куда кому надобно; дарога идетъ между горъ и где каменій препятствовалы, то тѣ места ламани порохомъ и всио сравнено, чрезъ тѣжъ гори течетъ рѣка Мура, кою случалосъ намъ въ денъ разовъ по четыре и по пятъ преходытъ; ибо оная течение свое имѣетъ чрезъ самые тѣ места какъ болшая дарога лежитъ и великимы кривинамы завороти своя имѣетъ, для чего где чрезъ нее естъ преходь, то тамъ вездѣ каменые мости поделаны съ высокимы дугамы, дабы судни проходитъ свободно моглы.

---

[9] Radkersburg (Radgona) на р. Мурѣ, берущей свое начало въ Зальцбургѣ, протекающей чрезъ Штирію въ юго-восточномъ направленіи и впадающей въ Венгріи въ Драву.

Въ Штеиріи лесовъ и железныхъ заводовъ есть очень много, тамъ въ тѣхъ заводахъ работаетца железо помочию водяныхъ машинъ, я много кратъ ходылъ ту работу смотреть; куда какъ воидешъ, то не иначе представляетца въ глаза человеку, а точно какъ говоритца адъ, ибо очонъ чрезъ вычаиною жестокостью горитъ и уголья трещатъ, и работники всѣ въ кожаной одежде чорние какъ черти, стукъ и шумъ превелычаиши, и кто сперва туда воидетъ то отъ того духу и жару многие наши с непривички доставалы головную болезнъ, я и самъ однажды одъ того заболѣлъ было и потомъ въ такие места хадыть престалъ; въ сихъ заводахъ делаетца весма хорошое железо и развозятъ купци оное во всю Австрію Венгрию, Славонию и в другие места того государства; тамъ делаютца коси сенокосние особливымъ искуствомъ и доброти, каковыхъ въ другихъ местахъ нигде нѣтъ, отътель и въ Россию велыкое множество косъ ежегодно вывозятъ купци, нарочно за тѣмы приежающие, способомъ тои реки Мури коя въ падаетъ въ реку Драву, а Драва въ Дунаи, и Дунаемъ препровождаютца судна въ море Чорное, и потомъ въ удобныхъ местахъ выгружаютъ и возютъ сухимъ путемъ куда кому надобно.

Въ скоре пришли мы тои земли въ главнои городь називаемы Гратцъ, [16] городь сеи есть весма стариннои, однако в немъ состоитъ все хорошое каменное строение и домы по три и по четире етажа имѣютъ лежитъ онои надь рекою Мурою въ широкои между горамы далыне, съ аднои сторони надь городомъ подошла високая каменная гора мысомъ, на коемъ построенъ крепкои цитаделъ; сюда присилаютца иногда преступники осужденые въ силку, въ то время былъ тамъ сосланои Сербскои дворянинъ Іосифъ Іоановичъ провизоръ, онъ обвинѣнъ якобы имѣлъ некакие препыски съ приежающимъ изъ Россіи вояжиромъ княземъ Кантакузеномъ; въ семъ городе бываютъ ярмарки и торговли великие на разные тамошние продукти а особливо на дѣлание железние всякие вещи.

Земля сия Штеирия мнѣ весма понравылась и надобно бытъ здоровому воздуху отъ лесовъ всегда виходящего, болотже и гнилыхъ местъ нѣтъ, води здаровые и стекающие изъ горъ источниками, скота

[16] Gratz или Grätz, по славянски Nemški Gradec, въ отличіе отъ мѣстечка Windischgrätz, называемаго Slovenski Gradec, былъ не большою крѣпостью еще во времена Римлянъ. Въ 1281 Рудольфъ Габсбурскій далъ ему городскія привиллегіи. Грацъ не разъ былъ осаждаемъ Мадьярами и Турками, а въ 1809 г. Французами; теперь считаетъ болѣе 80.000 жителей.

имѣютъ доволно, лошадей хотя нѣтъ со излишествомъ, но тѣ кои тамъ плодютца весма хорошие, а тамъ видѣлъ такихъ жеребцовъ въ плугу по четыре запряжение и мужикъ съ седла поганяетъ и землю пашетъ, за таковыхъ платилы бь охотники для заводу въ Россій верно по двести и по триста рублеи, хлеба имѣеть та земля достаточно и овощь всякую, мясо и другие съестние надобности продаетца ценою умереною, толко что адного вина тамо мало родитъ и в томъ естъ недостатокъ, а что естъ то привозютъ изъ Австрій и то дорого, однако тотъ недостатокъ награждаетъ тамошнѣе хорошое пыво, с коимъ я былъ доволѣнъ и о винѣ не спрашовалъ.

Въ семъ городе Гратце простоялы мы дня три, а темы днямы помошникъ мои припоминалъ мнѣ, чтобъ я зачалъ водитъ журналъ обо всемъ, говоритъ онъ мнѣ какде вы зачинаете служитъ и в такой должности, что можетъ иногда случитца о чомъ лыбо васъ командиръ спросить, то чтобы вы знали чемъ отвечатъ.

Я сей советъ принялъ за наставление и потому зделалъ тетрадъ и сталъ свои журналъ вестъ, выписывалъ я всю что ни случалосъ видетъ и что происходыло, также марши и раздихи где были и чрезъ которие места и провинцій проходилы и пысалъ всякую всячину, того напоследокъ зделалосъ много и связка болшая, а по прошедствій потомъ несколкихъ лѣтъ, какъ оное вошло у меня въ обычаи и я непростовалъ писатъ обо всемъ и вездѣ что толко случилосъ, то умножилосъ у мени таковыхъ запысокъ въ великомъ количестве и тако напоследокъ на досуге временемъ сталъ я пребыратъ и всѣ съ зачала пресматриватъ и что слѣдовало адно за другимъ связивалъ, ис коихъ иные были ужъ погнили а другие попредиралысъ, то я сожалѣя бросить, зачалъ мало по мало преписоватъ и зделалъ новые тетрады кои разсудылъ хранитъ, подумалъ что можетъ бытъ после меня потомкамъ моимъ илы кому другому приятно будетъ оное читатъ, а далѣ какъ еще прибавилосъ и умножилосъ таковыхъ запысокъ, а ктому и лѣта мои подосполы, въ которие по службе и по многимъ военымъ трудамъ случалысь дела и достопамятние, для чего не хотя оставитъ бывшее мое время въ тунѣ и зделалъ изо всего того сию повестъ.

Чтоже до моеи тогда должности принадлежало, то я такъ прилеженъ былъ и старался всегда службою угодитъ своему командиру, что никогда ни вчемъ за мною упущения не было, а ктому пособлялы мнѣ много отъ моего помошника наставлений (о коемъ я више говориль), сей честнои человекъ такъ меня любылъ, а и я его, что нигде адинъ

безъ другаго быть не могли, онъ былъ природной немецъ званися Яковъ Хехеръ, былъ онъ мнѣ и помошникъ и наставитель во всемъ.

Повернемся таперъ къ нашему маршу, каторой продолжалы чрезъ Штеирию и приближаемся уже по минованій несколкихъ днеи къ границе верхнѣи Австрій и вступя во оную увидѣлы мы совсѣмъ ужо другой край.

Въ сеи землѣ всего изобѣлно и вино родытъ, земля ровная даволно, хотя и естъ гори, но все нискые и плодные насажени садамы и овощми, чрезъ сию землю маршировалы мы съ великимъ увеселениемъ, охотилысъ въ марше съ борзимы собакамы за заицамы, какихъ тамъ превеликое вездѣ множество, у меня были собаки отмѣно хороши, коихъ я какъ чрезъ Венгрию шли досталъ иныхъ, а другихъ по обыкновению охотничему съ собою и такъ примаными, съ коимы я веселился и едучи возлѣ полка по дозволению командира, а къ тому изъпрашивалъ позволѣния у помещиковъ, чрезъ чій владѣній проходилы, ибо самоволно никому въ немецкои землѣ зверей и птицъ стрелятъ и собаками тровитъ не дозволяетца и на то право великое тамо естъ, имѣлъ я в полку друзей афицеровъ кои хотя всѣ старѣе лѣтамы меня были, однакъ любыли меня и всякъ желалъ моей дружбы.

Мы соберемся бывало иногда попередь полка въ марше верхамы, скачемъ и резвимся на лошадяхъ, песни поемъ, табакъ куримъ, вотъ тутъ я зачалъ оне ремесло учитъ трубку куритъ, за что неоднократно отъ отца получалъ я репремандп, понеже въ родѣ нашемъ курителя табашнаго прежде не было окроме меня, и тако я къ сему привыкъ много, что и по сеи денъ отъстатъ отъ того не могу.

Намъ въ марше на ночлегахъ и на раздыхахъ часто случалосъ бывать у тамошныхъ господъ помещиковъ, онѣ насъ вездѣ принимали ласково и обходилысъ с намы по приятелски, бывало иногда что для насъ и балы давалы и собыралы свою околишную родню и приятелеи, при какой хорошой компаній и танцы происходилы, а какъ я немецкй говоритъ умѣлъ и при томъ делалъ имъ въ танцовании удоволствие почему мнѣ отменное приятство оказивалы и бывало такъ что на во которыхъ местахъ и съ плачемъ разставалысъ, хотя мени своимы словамы что я имъ хорошъ и приятенъ и желали бы, чтобы я и навсегда с нимы былъ; тутъ я зачалъ слыщитъ колебанне кровы по натуре человеческои, однакъ еще стидъ и молодостъ мнѣ воспрещало, что не доходылъ ни до какого искушения, въ самомъ делѣ я былъ оченъ выденъ собою, ростъ мои былъ болшъ среднѣи мери, а лицемъ бѣлъ, волосъ на голове предлинной и густой, а чорной какъ уголъ, меня иногда на

несмарадо наряжалы барини въ девическое убранство и одевалы въ шнуровки и тымъ въ танцахъ и увеселениях иногда молодие рабята не зная прелщалысъ (зашолъ я нѣсколко симъ въ ошибку опысивая самъ себе преступило опять къ маршу).

Продолжалась путь наша чрезъ Верхную Австрию весма хорошимы и увеселытелнимы местамы, домы и палаци господские все каменние, сады овощние и цветние украшены разнимы искуствамы, статуямы, иные мраморние, а другиѣ дикаго камня искусно изъсечение, фантаны воду высоко бьющие, вся земля устроена порядкомъ благоприятнѣйшимъ, однимъ словомъ сказать, что ни попадетца въ глаза видетъ, то всякая вещъ приятность человеку изъявляетъ.

Приближилысъ мы къ городу Кремсъ Минстеръ називаемомъ, сей городъ лежитъ въ низине на плоскомъ месте при речке Кремсъ, хотя окружностию своею и не естъ городъ оченъ великъ, да строение домовъ у себя имъетъ весма хорошое, надъ городомъ подошла съ адной стороны гора, на коей преогромной манастиръ состроенъ, преукрашеной всякимы изобылиями и достопамятнимы вещми, въ немъ состоятъ католицкаго закона духовние чини, називаютца бенедиктини, надъ коимы старшина именуетца прелатъ илы архимандритъ, до тогожъ манастира и городъ тотъ принадлежитъ. Мы не доходя до него мыли за две, представылся уже оной глазамъ нашимъ и потомъ въскоре была намъ отътуда встреча, едетъ посланой отъ прелата форштмеистеръ илы старши надъ егерамы, у коего въ ведомстве вся округа грунтовъ и лесовъ того города и манастира состоитъ, тоже зверинци, пруды, и другие въ рекахъ рыбние ловли отъ негоже зависитъ, онъ ехалъ верхомъ а за нимъ четыре человѣка егерей верхамы жъ и съ ружямы, порядочно и богато одетие, подьехавъ онъ къ намъ спрашиваетъ о начальнике полка, и какъ на то время самъ маіоръ попередъ полка верхомъ ехалъ, то и отвечалъ что онъ естъ самъ командиръ, тогда сей посланой снялъ свой съ головы зеленой бархатной съ белимъ бултанчикомъ картузъ, обьявляетъ поклонъ отъ прелата съ прозбою, дабы не стрелять зверей и птицъ, по сей прозбе маіоръ тотчасъ приказалъ, чтобы ни кто не дерзнулъ стрелять и заицовъ сабакамы не травить, сказавъ притомъ ему маіоръ, что онъ все до порядка принадлежащее будучи въ марше, чрезъ того манастира владение сохранять будетъ и обнадеживаетъ тимъ, что обидъ никакихъ не будетъ.

Афицери наши у каво борзие сабаки были, тотчасъ велѣлы попривязивать, тоже самое и я съ своимы зделалъ и велелъ слуге водить на дворе, и подлинно естлибы сабакъ не привязывалы, тобы могли

Мало погодя пашодъ прелатъ показываетъ намъ свою библиотеку и другие кое какие вещи и редкости, тамъ и видели разныхъ военныхъ старинныхъ рыцарскихъ орудиевъ, также и турецкихъ всякаго рода ружьевъ, сабель, кинжаловъ, седелъ, и уборовъ конскихъ, знаменъ, платья разного турецкаго, и одного великана турка убитаго кожа снята и выделана и набито чучиломъ, сей турокъ высокъ былъ, какъ то чучело свидетельствуетъ, безъ мала три аршина въ плечахъ въ одинъ аршинъ, голова же чрезвычайно велика; сей турецкие вещи привезени въ тотъ манастырь после отъ турковъ осады и по разбиении ихъ подъ столичнымъ австрийскимъ городомъ Веною.

Далѣ отъ туда пошли мы по саду, котораго описывать нахожу за излишнѣе, ибо великолепние алеи, фантани, беседки, оранжереи, статуи, то всио такъ устроено какобы въ какомъ государстве иномъ увеселителномъ саду могло быть; между протчимъ видели мы четыре маленкие пруда аднъ возлѣ другаго въ одной связи съ прегородками выложенние тесаннымъ дикимъ камнѣмъ, въ первомъ стоитъ посредине статуя мраморная, представляющая какъ Самсонъ льву челюсти разорвалъ, у той статуи у льва изъ языка бьетъ фонтанъ въ гору высотою саженъ на четыре, вода же изъ перваго пруда протекаетъ презъ весма мелко плетеную изъ проволоки решедку въ другой, и далей свое течение имееть исподъ земли въ большой по близости озеръ.

Въ техъ четирехъ прудахъ напущена рыба разного рода дико-вение, есть некоторие блищатъ какъ сребреные, а другие красние какъ кровъ, и другие всякие кои за редкость тамо почитаются.

При семъ прудахъ стоитъ на столбике мраморномъ колокольчикъ прибыванъ на пружинке железной, въ которой какъ скоро позвонить, то на тотъ голосъ вся рыба выпливаетъ на верхъ води, и ожидаетъ по привичке свой кормъ, коимъ тотъ часъ и даютъ.

По обеимъ же сторонамъ техъ прудовъ оставлена для проходу дорога вымощена камнѣмъ изрядно широкая, а по сторонамъ той дороги стенки каменние согнутие во нутрь безъ столбовъ, [illegible] изгибаютъ [illegible] разные исторические фигури работы высокой [illegible], а на углахъ и посредине лавки мраморние для седения.

Въ большомъже по близости пруде на выходе изъ сада заведены разнаго рода водяние птици кои тамъ и плодютца, а для лебедей поделани окрашение зеленою фарбою пловущие клетки изъ досокъ.

Мы прохаживая во всѣхъ техъ увеселениі тогда не видели, что предь нами видѣть случилось, между темъ и вечеръ поспелъ, откланялись мы у прелата пошли по квартерамъ.

На завтрешнѣи денъ помаршировалы далѣ, и продолжалы путь чрезъ Верхную Австрию во всякомъ удоволствій и увеселеній и дошли къ границамъ къ землѣ, что называется Рымски Реихъ и владеній курфиртские въ разныхъ округахъ состоящій, ис коихъ первое курфирство Баварское намъ довелосъ воитить, кое почиталосъ уже тогда земля неприятельская, яко той земли курфирстъ владетелни Карлъ Албърехтъ помочию Французовъ было зделалъ себя цесаремъ и коронованъ подъ названиемъ Карлъ седмы, но вскоре потомъ скончался.

Земля сия Бавария стала быть уже не такъ какъ Австрия, хотя города и местечки даволно харощи, но народъ на бедностъ походытъ, живутъ несколко скудо и какъ бы съ недостаткомъ, хлебъ у ныхъ не оченъ слышкомъ, сталы намъ показиватца места гористие и леса, а дароги трудние уские, и естли куда нибудъ съ балщой дороги соититъ, то уже нехарошо вездѣ топотъ и балото, и такимъ образомъ дошли мы до крепости Енгельштата, каторая лежитъ надь рекою Дунаемъ, тутъ засталы мы много уже собраннаго нашего воиска и полковъ, между протчимы были потиской ландмылиціи сербскихъ два полка, адинъ пехотной, а другой гусарской подъ командою подьполковника Арсенія Вуича.

Въскоре потомъ и поморишской ландмылицій пехотной полкъ къ намъ пришолъ подь командою маіора Івана Хорвата, онже и Шамовъ назывался, симъ именемъ прозвали его Венгри потому что отецъ его назывался своимъ именемъ Самуилъ.

Я всякои денъ изъ лагера ездилъ по утру въ часу десятомъ въ крепостъ къ генералу тамо каманду имѣющему, у коего на то время всѣ полки въ каманде состоялы, принимая отъ ево адютанта паролъ и приказъ приносилъ къ своему маіору.

Въ тои крепости знатнаго не было чего выдетъ, окроме что укрѣпление состояло знатное и лежитъ на хорошемъ местоположеній, въ ней цейтхаузъ правда что хорошъ, и какъ строениемъ огроменъ такъ разнаго рода военыхъ припасовъ въ немъ видетъ было можно, стоалы мы подь тою крепостию недели две, а потомъ помаршировалы далѣ, чрезъ Баварскои пределъ приближилысъ къ другому отъ Реиха княжеству илы герцогству, называемы Виртенбергски Штутгардски краисъ.

Марсъ имѣлы мы недалеко той земли столычнаго города называемаго Штутъгардь, владение сей земли надлежитъ герцогу Виртенбергскому, отъ которои прежде былъ владателнымъ цесарской фелдмаршалъ принцъ Александръ Виртенбергски, онъ во время цесаря

Карола шестаго былъ въ Белиграде и надь Сербыею генераломъ губернаторомъ, потомъ какъ онъ тамо скончался, то супруга его герцогиня съ синомъ своимъ тогда малолетнимъ прешли въ свою землю въ Вартеньбергъ и тамъ она до високой своеи старости жыла.

Герцогиня, какъ тогда услишила, что воиско сербское маршируетъ и синъ ее герцогъ ужо въ болшомъ возврасте и владѣетъ тою землею, выехала она при своеи старости съ синомъ своимъ герцогомъ на ту дорогу, куда воиско маршируетъ и дожидаетца въ адномъ имъ принадлежащемъ местечке, послала она на встрѣчу къ нашимъ полкамъ проситъ командира, чтобъ къ неи заехатъ, на тожъ время при превожденіи сихъ полковъ не было особливаго командира изъ генераловъ, а толко самы полковые командири по поданымъ имъ маршру тамъ свои полки вели къ зборному месту на реке Реину.

На ту присланую отъ герцогини прозбу съ некоторимы афицерамы полковые камандири пошли къ ней.

Герцогиня жъ о потиской и поморишской ландьмылицкахъ въ бытность ее въ Белиграде хотя и знала что оны есть, но какъ тѣ полки у покойника герцога въ каманде не стоялы, то и небыло ей ни ково изъ ныхъ знакомаго, а толко однѣхъ подунаискихъ она знала, да и маіоръ нашъ какъ о себе сказалъ, каторои въ то время въ Белиграде былъ порутчикомъ и случался былъ часто у герцога на ординанціи, то она тутъ припомнила его и в томъ приятностъ изъявляла, что еще техъ самыхъ людеи дождаласъ видѣтъ, кои подъ командою супруга ее служилы и говоритъ къ маіору, я бы де васъ никакъ таперъ узнатъ не могла, вы ужъ поостарѣлы, спрашиваетъ герцогиня о протчихъ афицерахъ, кто онѣ по фамиліямъ и какъ називаютца и в какихъ чинахъ состоятъ.

Маіоръ на сей спросъ обо всѣхъ зачалъ пресказоватъ, а какъ отца моего упомянулъ что Пишчевичъ, то она встала съ стула говоритъ: о Боже мои! не техъ ли Пишчевичевъ, что у покойника мужа моего былъ флигелъ адютантомъ и тѣмъ именемъ називался, и како маіоръ и батюшка мои обьявыли, что техъ самыхъ и что тотъ былъ батюшки моему братъ двоюродни, и подошедъ батюшка мои къ ней поцеловалъ руку, а потомъ и меня маіоръ представылъ герцогинѣ, указивая на батюшку моего говоритъ, что и сей естъ той фамилій и синъ сего господина капитана онъ у насъ адютантомъ въ полку служитъ, при чемъ и я подошедъ поцеловалъ герцогинѣ руку, вся ее свита стоитъ и смотритъ на насъ, герцогиня поворотясь къ сину своему герцогу и къ протчимъ говоритъ: видите сихъ господъ, ето де такие люде вер-

ние и достоиние всякой честы и похвалы, анѣ де у покойника мужа моего были въ каманде и какую оны имѣлы любовъ и привязаностъ къ намъ и взаимстве, того и мужъ мой будучи надь нимы главнимъ командиромъ имѣлъ всегда къ нимъ отьменную любовъ и добрую обь ныхъ мыслъ.

Потомъ поворотясъ къ маіору и къ протчимъ афицерамъ говоритъ: я де сей денъ за особливое свое удоволствие почитаю что дождаласъ еще тѣхъ самыхъ видетѣ, каторие во всякихъ случаяхъ были къ намъ доброжелателны и послушни, и как де она еще всѣ удоволствія и веселости тѣ помнитъ, какие въ тѣхъ местахъ будучи имѣла, при сихъ словахъ какъ ей довелосъ часто упоминатъ имя покойного герцога супруга своего, то и прослезиласъ несколко.

Потомъ поднесено въ стаканахъ на подносе сребреномъ вино и герцогиня у подносчика адною рукою за подносъ приняла, проситъ маіора и всѣхъ афицеровъ викушатъ, мы прияли по стаканчику и за здоровые ее выпили, тѣмъ она насъ тутъ потчовала и просила сестъ, а потомъ мы сталы отклонясъ пашли въ лагеръ, сие было после полъдень под вечеръ.

На завтрешнѣй денъ герцогиня предь выездомъ своимъ въ резиденцію дала къ намъ въ лагиръ знатъ, что она мымоездомъ намерена и нашъ лагеръ видетъ, мы расположилысъ было подь тѣмъ местечкомъ въ адномъ весма редкомъ лесе і имѣлы раздахъ.

Маіоръ нашъ изъвестясъ о томъ, что гости къ намъ въ лагеръ будутъ, для чего чтобы всио было чисто и люде одети приказалъ, но не фрунтомъ становитца людямъ, а такъ ходилыбъ въ своихъ ротнихъ улыцахъ и безъ ружьевъ и стаялыбь где кто хочетъ.

Въ часу десятомъ по утру едетъ герцогиня со всею своею свитою и подьехавъ къ нашему фрунту остановиласъ, вышли всѣ изъ каретъ, пошли ходитъ по всему лагиру, маіоръ нашъ въстретылъ герцогиню съ афицерамы предфрунтомъ и ходылъ с нею по всемъ ротнимъ улыцамъ по между палатокъ.

Герцогиня мымоходомъ, что ни увидитъ стоящихъ кучамы людей то и остановитца смотря на ныхъ, оказивая имъ свое удоволствие что ихъ видитъ.

При отьездѣ герцогини какъ маіоръ съ афицерамы проводылъ ее до кареты, то она обьявила маіору, что де въ знакъ приятства приказала она своему того местечка камысару вынестъ въ лагеръ для служивыхъ мясо и пыво въ подарокъ, также и для господъ афицеровъ

на столъ живности, вина и водки, и с тѣмъ прастившись герцогиня с намы поехала въ свою путъ.

Спустя после того часъ места едеть къ намъ комысаръ и всио то, что оть герцогини приказано, доставлено въ лагеръ, онъ привнялъ рогатаго скота несколко штукъ и барановъ, также бочки с пивомъ вывезены, а для афицеровъ птицъ, вина, водки, и всякои огородной зелены.

Завтрешняго дня отътудова помаршировалы мы далѣ чрезъ ту землю и приближилысъ къ реке Рейну и прибыли подь местечко Штукъштатъ, около коего въ близосты былъ редкои лесъ, въ которомъ и лагеръ мы имѣлы и простоялы тутъ недели две, куда уже и весь авангардни корпусъ собрался, назначенои подь команду генерала лейтнанта барона Перньклау.

Напротивъ насъ за рекою Рейномъ были француские форпосты, а пониже того местечка за польмыли противъ одного, поближе къ тои неприятелскои сторонѣ лежащаго, острова былъ французскои шанецъ съ некоторимъ числомъ пехоти и съ двумя пушкамы, толко какъ на тои сторонѣ за рекою весъ тотъ берегъ болшимъ лесомъ прикритъ, то и не можно было видѣтъ и узнатъ силу и число неприятеля, для чего и надобно было въ томъ острове, коего окружаетъ глибокои текущи изъ Рейна рукавъ, намъ занятъ и выкопать противъ Француз зовъ редутъ и поставитъ во онои отъ воиска своего команду.

Мы зделалы то весма скоро, первее преправылась ночию на лодкахъ изъ нашихъ ландьмылицовъ зборная команда с лопаткамы чрезъ реку Рейнъ и занялы тогъ островъ, которой также весъ густимъ лесомъ былъ покрить, и Французи той преправы видетъ не могли, но какъ наши подошли поближе къ берегу того залыва и сталы копатѣ редутъ, а Французи услишивши стукъ, на которой съ своей стороны жестокои огонь изъ пушекъ і изъ ружьевъ производить зачали и старалысъ не допустить до того, однакъ оборонитъ острова не моглы и наши место занятое удержалы.

На завтрешни денъ поставлени съ нашего берега чрезъ реку въ островъ пантони и мостъ зделанъ, Французи о томъ уведавъ усугубыли было свое сопротивление, но какъ островъ доволно длинъ а также и лесъ пособлялъ, то такимъ прикритиемъ не могли работѣ на мосту никакова препятствия зделать и мостъ тотже день поспѣлъ.

Редутъ копатъ наши днемъ никакъ не могли и принуждени лежатъ на землѣ за деревамы, спасаясь отъ силной и непрестанной стрелбы француской, а болѣе работа происходыла ночию покудова въ-

копалысь поглибе землю и на третую ночь уже совершилы, при чемъ потѣралы мы человекъ болѣе двацаты убитихъ и толико же было и ранѣныхъ.

Въ тотъ островъ уже чрезъ наведеной мостъ посилалась изъ нашего лагера всякои денъ каманда на перемену первымъ, и должно было изъ лагера позады пригорковъ въ право и несколко кругомъ итытъ до моста, а прямо по берегу реки нелзя, ибо берегъ съ нашей стороны противъ того места былъ голой и чистой песокъ, почему всякаго человѣка, кто толко покажетца, Французи с той стороны не пропускалы, чтобъ изъ штуцеровъ своихъ чрезъ реку не стрелять по немъ, отъ чего несколко человекъ сперва кои туда берегомъ ходыли и рани получалы, я видѣлъ что одинъ пехотной капитанъ тамъ убытъ, онъ посланъ былъ съ плотникамы для пачинки адного мосточка лежащаго чрезъ небольшой ручеи въпъдающи въ Рейнъ, и какъ сей капитанъ надъ работникамы былъ и вышолъ толко на берегъ смотрѣлъ на реку, то отътуда по нѣмъ учинѣно несколко выстреловъ ис коихъ адинъ попалъ въ голову, а разве кто поосмелитца и верхомъ по берегу проскачетъ, но и тотъ не останетца чтобъ не былъ проводымъ выстрелами.

Аднимъ днемъ венгерскихъ полковъ гусарской полковникъ, назывался Венцелъ, онъ полюбопитствовалъ бытъ въ островѣ и того нашего редута выдетъ, для чего поехалъ съ своимы ординарцамы верхомъ, оставя лошадей у моста, самъ и еще съ двумя своимы чрезъ мостъ пошли пешкомъ, и вошедь въ редутъ хадылъ въ задъ и въ периодъ пресматривалъ, а далѣ захотелось ему еще чего нибудъ видетъ, не говоря ни с кѣмъ ничего възашолъ на верхъ редута, какъ на то время престрелка была утихла, онъ чего туда гледетъ хотелъ того не сказовалъ никому, а толко вдругъ какъ с той стороны по нѣмъ выстрелѣно и онъ уже безъ духу упалъ въ редутъ, то всѣ выдели.

Я на то время съ моимъ батюшкою, какъ онъ туда былъ командированъ, то выпросился я у моего маіора, чтобы с нимъ итытъ, и тотъ случаи что съ полковникомъ зделалось я видѣлъ, коего тотже часъ на носилкахъ вынесли изъ острова чрезъ мостъ, а тамъ положенъ на возъ и отвезенъ въ лагеръ, а на завтрешнѣй денъ учинѣнъ ему похоронъ, а потомъ весь его еквипажъ и лошади распродано съ молотка.

Мой маіоръ также вздумалъ было туда поехатъ, куда и меня съ собою възялъ, далъ мнѣ и лошадъ свою оседланую, мы по за пригорками ехалы хорошо до моста, гледѣлы на церемонию какъ команда

съменяласъ, после чего какъ маіоръ отменилъ ититъ во внутръ въ островъ, а говоритъ поедем де назадь въ лагеръ, и въ место того чтобы первою дарогою ехатъ, то онъ пустился скакатъ прямо берегомъ что и я за нымъ зделалъ, какже изъ за реки болѣе десети выстреловъ по насъ выпалили и некоторые пулы и подь ноги лошадиние попадалы, а другие мымо уши просфистивалы, то на томъ самомъ опасномъ местѣ стало подо мною на лошады седло выварачиватца и пришло ужъ упастъ на землю.

Я сталъ кричатъ, чтобъ остановился хоть маіорской слуга, однако моего крика оны слышить не хотелы, а прибавилы шнори лошадямъ ускакалы далѣ, на тотже часъ, какъ я с лошадию вертелся и не могъ седла самъ выправитъ и только что упастъ, то счастиемъ моимъ бежитъ адинъ солдатъ пешкомъ на встрѣчу, онъ былъ нашего полка и увидевши меня закричалъ не бойся, подьбежавъ ко мнѣ и подьхвати меня рукамы, выправылъ и седока и седло на свое место.

Салдатъ отъ меня побѣжалъ туда къ мосту, а я ужъ сталъ покрепче балансъ держатъ ногамы, поспешалъ къ лагеру, и тѣмъ случаемъ могъ спастисъ, что салдатъ мнѣ пособылъ, а то бы конечнѣ илы бытъ ранену илы убыту, какъ непрестано выстрелы отътуда изъ за реки по мнѣ делалы и пули кругъ меня летели и пылъ подъ ногамы конскима поднимали, того салдата я знавалъ и батюшка мой за ту учинѣнную мнѣ помочъ подарылъ его, и выпросилъ у маіора ему чинъ капралски, однакъ я болѣе туда не ездилъ.

Спустя потомъ несколко дней получилъ нашъ корпусной командиръ повелѣние, чтобъ учинитъ преправу на ту сторону за реку Рейнъ, онъ поднялся ночию с того лагера, оставя во ономъ частъ войска и все палатки и обозъ, прибавылъ въ островъ команду, давъ имъ провианта на шестъ дней, и приказалъ въ лагере ночию огни умножатъ и бытъ зорю какъ обыкновено, и с тѣмъ пашолъ далѣ.

Маршировалы мы всю ту ночъ поспешно и пришли предь светомъ между леса къ адной неболшой речке, тамъ остановилысъ и дневалы, однакъ со всякою тихостию и безъ огня, въ вечеру тогожъ дня привезено къ намъ порохъ въ патронахъ с пули готовое, то все тотъ часъ разделено салдатамъ, туже ночъ пашли далѣ и пришли также пред светомъ въ лесние места, тамъ остановилысъ и дневалы, куда за намы на четыре дня привезенъ провиантъ, коего генералъ не приказалъ болѣе людямъ раздаватъ какъ на два дни, а осталной возилы за намы.

Генералъ отъдалъ приказъ кто охотникъ на преправу за реку Рейнъ на ту сторону, но неболѣе съ афицерамы какъ триста человѣкъ и чтобы отъ полковъ о таковыхъ учинить списокъ и представить къ генералу.

Сия експедиция приказано чтобъ была на лехке, я тутъ видѣлъ что весь нашъ полкъ хотѣлъ итить, однако недозволено а выбрано подлежащее число изъ всехъ ротъ и зделана одна команда.

Въ вечеру тогожъ дня уже въ сомеркъ та команда пошла, а осталние на томже местѣ осталысь, коимъ приказано чтобъ огни класть и несколко шумѣть въ лагире, какъ тамъ берегъ реки Рейна въ близскомъ разстоянии состоитъ, то чтобы изъ того Французи могли подумать, что корпусъ весъ тамо ночуетъ или лагеръ на то место пренесли.

Съ тою командою батюшка мои пашолъ, для чего и я у маіора отьпросился чтобы въ той експедиціи бытъ.

Предъ тою командою былъ предводителѣмъ самъ нашъ генералъ, шли мы ту ночь широкимы шагамы и пришедъ въ адинъ невелыкой лесокъ, чрезъ каторои прошли и сталы на самомъ берегу реки Рейна, слишимъ мы на той сторонѣ кричатъ французи свои лозунги, я подошолъ въ периодъ, спрашиваю проводниковъ, коихъ было четыре человека, что ето за крыкъ и где мы нахдимся таперъ, проводники мнѣ говорятъ, что де мы противъ города Майнца и то француские салдати на берегу реки въ шанцахъ кричатъ.

Мало после того спустя велѣно намъ податца въ верхъ по реке берегомъ, куда весма скоро бежалы и, отоидя с того места такъ примѣромъ на два ружейныхъ выстрела, нашли мы тамо лодки насъ дожидающихся, на которыхъ были наши пантонери и афицеръ с нимы отьправленои; а отькудова тѣ лодки пришли того мнѣ разспрашиватъ времени не было, ибо приказано чтобы немедленно въ лодки садитца и чтобы весма тихо дело делалось безъ шуму и стуку, лодки были болшие и всехъ двенадцатъ.

Генералъ, преодевшись прежде еще въ лагире въ лехкое простое мундирное платѣ, селъ въ переднуюю лодку, гребци на лодкахъ тѣ самые пантонери также и салдати гресть помагалы, отъвалили мы отъ берега чутъ толко что заря, однакъ еще темно было, прошлы по за двумя неболшимы островцамы и вышлили на реку чистую и далѣ уже до половины, но какъ река Рейнъ даволно широка и при томъ весма быстро течетъ, то и снесло переднихъ две лодки несколко по-

[illegible]е, изъ коихъ въ адной самъ генералъ былъ и нанесло ихъ на мелъ, тутъ салдати повыскакивалы некоторие въ воду хотъ неглибоко то было, однакъ чтобь скорие исправить дело и покудова оны тамъ управлялысъ, то другие поплилы мымо и гребли проворнѣе, и причаливаясъ къ берегу тутъ ужъ утаится было не можно.

Французи приметилы и слышать шумъ водяной отъ веселъ, тотъ часъ закричалы своимъ языкомъ, на тожъ время и тѣ две лодки уже поспѣлы, слишимъ мы, что на тотъ французской окрыкъ въ ответъ весма громко изъ нашихъ съ стороны лодокъ отозвался голосъ: Мария Терезия, сие имя естъ ея величества императрици и королѣвы Венгеро-Бохемской, также на тотъ отзывъ (которой, какъ мнѣ послѣ сказовалы, самъ генералъ то закричалъ) въдругъ и наши салдати и Французи залпомъ адынъ по другомъ выпалилы, тутъ я ужъ своихъ хотъ еще не разсвело однакъ видѣлъ и мертвыхъ и раненыхъ человѣкъ несколко.

Наши повыскакивалы изъ лодокъ на сухо, подънялы преужасной крикъ, пошли атакою просто на шанци, а я остался въ своей лодке, сиделъ я въ оной весма ниско чрезъ реку при корме, испужался было до крайности, батюшку своего не вижу, онъ какъ выскочилъ изъ лодки такъ и пашолъ с протчимы, а мнѣ что дѣлать не сказалъ ни слова, и потому остался я на своемъ месте.

Тамъ въ переды стрелба преужасная и крикъ происходытъ и ужъ отъдалылосъ отъ берега подалеко, между тѣмъ уже и светъ сталъ, а я еще въ лодке сижу и не знаю что делатъ, напоследокъ вышолъ на берегъ и хажу възадь и впередь, увиделъ нашихъ некоторыхъ мертвыхъ да ранѣныхъ пятъ человекъ, трое сидело стонутъ, а два лежалы, кои скоро тутже скончалысъ.

Я бы тутъ у берега еще и далѣ остался, естлибы не пришолъ посланой отъ батюшки моего салдатъ, онъ меня нашолъ и повелъ по болшой дароге на гору.

Сей салдатъ мымоходомъ повелъ меня въ тотъ французской шанецъ что наши атаковалы, я тутъ виделъ первое действие военное и какъ горкую чашу салдатъ пытъ повыненъ, лежало въ томъ шанце и нашихъ и Французовъ доволно адинъ на другомъ мертвие.

Пашолъ я отътуда съ моимъ проважатимъ на гору далѣ, и нашолъ батюшку моего живаго однакъ раненъ, тронула его пуля на скосъ по ребрахъ, захватило немного шкури, да на мышке въ левой руке контузия.

Я какъ его увиделъ, что рука привязана и онъ раздетъ въ палатк

сиДѣть, то жестоко испужался и стал плакать, на что онъ сталъ говорить: о семъ плакить нѣчего, учисъ и привикай къ военному дѣлу, видищъ каковъ хлебъ салдатски и какъ честь заслуживатъ должно, а я де говоритъ онъ слава Богу не великую контузію на рукѣ имѣю и то скоро пройдетъ, а что онъ по ребрахъ пулѣю тронутъ, о томъ мнѣ не сказиваетъ и кровъ плащомъ закрилъ, чтобъ я какъ увижу болшъ еще не спужался.

Я тутъ съ нимъ говорю вижу, что лекаръ нашъ идетъ съ своею сумою, батюшка видно поселалъ его сискать, онъ какъ пришолъ то велѣлъ мнѣ батюшка, чтобъ я отошолъ протчъ немного, покудова его лекаръ привяжетъ.

Потомъ велѣлъ себя по маленку вестъ въ состоящей тамо поблизи на болшой дароге домъ, а то была карчма, но никаго въ ней не было окроме адной старухи, батюшка мой велѣлъ себы подъ окошкомъ у того двора на улици подослатъ саломы, а отъ той старухи что во дворе взялы адну подушку, тутъ какъ плащъ батюшкинъ немного развернулся, увидалъ что у него рубашка въ кровы, отъ чего я еще болшъ спужался и сталъ плакать, не зная какъ опасенъ и велика та рана.

Лекаръ меня уверяетъ, что ни мало оба места не опасни и что чрезъ несколко дней можно ему будетъ верхомъ ехать, я сему немного верилъ, покудова меня батюшка самъ о томъ не уверилъ и что онъ болы великой не слишитъ.

Салдати наши какъ за Французамы до той горе гналысъ и дошли подъ самую крепость, то генералъ остановилъ ихъ и велѣлъ воротитца всѣмъ на болшую дорогу по ближе къ лодкамъ своимъ и отъискиватъ раненыхъ.

Генералъ воротился а за нымъ и салдати идя бывчи въ барабаны зборъ, смотримъ мы идетъ генералъ прямо къ той карчмѣ, тутъ стою я, лекаръ и несколко человекъ салдатъ, генералъ какъ увидалъ лежащаго раненна, спрашиваетъ, кто оно лежитъ; онъ до того времени еще батюшку моего не знавалъ и батюшка мой подымившись немного отвечаетъ: я де капитанъ Пишчевичъ подунайскаго полка, и плащъ какъ немного открился и увиделъ генералъ рубашку въ кровы, говоритъ, умѣлъ онъ немного по славенски хоть на криво, но разуметъ можно, приказиваетъ чтобъ скорие лекаря сискать для привяски раны, я тутъ отвечалъ ему по немецки указавъ на лекаря, что ужъ рана привязана на двухъ местахъ, а опасныль говорю я того не знаю.

Генералъ, услишивъ мои ответъ, поворотясъ ко мнѣ спрашиваетъ а ти кто таковъ, я отвечалъ что синъ сего господина капитана служу адютантомъ въ подунайскомъ полку, на то говоритъ генерал браво отецъ и синъ въместѣ при такой славной експедиціи, а в томъ поворотясъ къ батюшке моему говоритъ: я о всей той храброст и усердіи къ службе, что сей денъ въ моемъ присудствіи люде ваш оказалы, а особливо обь васъ и что вы рани получилы не оставлю справедливосты донестъ главно-командующему армиею, и вы может надѣятца къ полученыю особливой мылости, и приказалъ генерал тутже и быть батюшке моему въ той карчме покудова и обо придетъ.

По собраніи туда къ той карчме всей нашей команде приведе было пленыхъ француских салдатъ человѣкъ до тритцети и два афицер а протчие Французи, которие были въ городе, видя что ихъ каман разбыта и шанцамы при реке мы овладелы, то недожидаясъ ушли городъ оставилы.

Отъ нашей стороны уронъ былъ убытихъ и отъ ранъ умерших тритцатъ два человека да ранѣныхъ сорокъ три, кои однако отъ пол въ гошпиталъ отъходитъ не хотелы.

Городъ сей состоитъ въ Елсасіи, принадлежащей къ Франц онъ естъ весма великъ и харошъ, владѣетъ онымъ арцибыскуп Майнцски.

Къ генералу изъ города пришли послание чины, бургомейсте съ другимы еще мещанамы и адинъ с нимы духовной начальник кланялысѣ генералу обьявляя, что со всякою покорностию остаютца что городъ сей естъ неутралной, и такъ подъвергаетъ себя подъ влас ея велычества королѣвы.

Прошлую же ночь маршировало за намы несколко полковъ н шей кавалеріи, каторие предъ полденъ за намы на берегъ и поспел и фрунтомъ на той сторонѣ противъ города показалысъ, для кон вознные за нимы пантони сталы на реку наводитъ и весма сво дело делалы, такъ что тогожъ дня под вечеръ и мостъ совсѣмъ гото былъ, чрезъ каторой въ наступывшую ночъ и полки на нашу сторо прептитъ могли.

Мы расположилысъ по утру тамъ по близости города лагерой куда тотже денъ и всѣ протчие полки пришли и уже весъ авангард корпусъ соединился на томъ месте.

Подъ тѣмъ городомъ сталы мы дня три, покудова армія пр правилась и пошли всѣ въ Елсасию.

За нашу експедицію отъ предводителя армій принца Карла данѣ въ армію писменой приказъ съ великою похвалою, а салдатамъ, кои притомъ были и живы осталысъ, подарено на каждаго по одному гулдину, афицерамъ же по рекомендацій генерала въ собраніи отъ самаго принца Карла за ихъ храбростъ и хорошое своихъ салдатъ предьводительство, а особливо батюшки моему обьявлена благодарностъ.

На томже лагере на нащи авангарднаго корпуса полки вывезено изъ города пыво, скотъ на мясо, и водка, и раздано салдатамъ въ порцию.

Къ намъ тѣмы днями, покудова мы на томь лагере были, набегивалы партиямы францускіе гусаре и престреливалысъ с нашимы отьводнимы форпостамы, однакъ наши всегда ихъ проганивалы.

Изъ подь сего города корпусъ нашъ пошолъ далъ во внутръ Елсасіи, батюшки моему рана и контузия стало получше, уже онъ въ каляске могъ седетъ, мы приближилысъ къ городу називаемомъ Вурмусъ и, проходомъ чрезъ адно местечко, отьпросился я у маиора чтобъ для прековки своеи верховой лошады на малое время въ томъ местечке остатся и со мною еще два афицера осталысъ, зашли мы въ адинъ трактиръ велѣлы хазяину, чтобъ намъ подалъ чего покушатъ, у негожъ въ верхнѣмъ етаже прежде насъ было также изъ проежихъ афицеровъ собралосъ несколко человѣкъ и ожидалы обеда, иние съ женамы а другие холостие, хозяинъ проситъ насъ, чтобы и мы тудажъ напередъ пошли, сказавъ что тамъ уже и столъ накриваютъ и кушанѣ уже готово.

Мы пашли на верхъ, видимъ что компания изърядна и приглаcилы насъ къ себе ласкаво, также хозяйка тамъ съ двумя дочермы на столъ набираютъ, отозвалысъ и оны къ намъ ласкаво, между тѣмъ вижу я, что на одномъ въ стороне столике лежатъ музикалние инструменти, какъ обыкновено въ немецкой землѣ музиканти при трактирахъ бываютъ и тѣмъ приобрѣтаютъ свой заработокъ, вскоре потомъ и блюда на столъ поставлены; мы отобедалы изърядно, и далѣ какъ музиканти во время нашего стола по своеи доброй волѣ игралы и насъ своимы хорошимы штучкамы веселилы, то и подалы намъ охоту не много еще позабавица ис чего и танцй завелисъ, я какъ дотого охотникъ то и не хотелъ оставитъ чтобь госпожамъ не зделатъ моего учтивства, протанцовалъ я с тѣмы кои до того волю имѣлы и с тѣмъ хотѣлъ было паититъ и свое дело исправитъ, но по прозбе хозяйки а особливо ее дочерей, кои были оченъ недурние и на-

школѣни видно комплементи строитъ и великие танцерици были, оны такъ ласкавимы словамы увернулысь около меня, что я тутъ слышкомъ забавылся и дождался уже вечера, товарищи мои видятъ, что у меня уже изъ кармана червончика три пошло, то по расчете за обедъ, то музикантамъ, то за понесеной отъ хозяйки кофе и лимонадъ, посажалѣлы мои товарищи обо мнѣ, сталы усиловатъ меня чтобъ ехатъ, я ужъ и самъ вижу что протчие разъехалысъ и что надобно и мнѣ ехатъ, хотъ дочерамъ хозяйнымъ не было то приятно, однакъ должни были на томъ остатца, и простившисъ я с нимы паехалы мы искатъ своего лагеря; денъ тотъ былъ не много пасмуренъ и подь вечеръ какъ мы поехалы стала наводитца туча болшая, а не много погодя подьнялась буря страшная съ великимъ громомъ и блискотнѣю, а затѣмъ пашолъ пресилний дождъ и настигла уже ночъ.

Ехалы мы сперва покудова еще выдно было въследь куда корпусъ маршировалъ, а послѣ какъ темно стало то ужъ и не зналы куда едемъ, напослѣдокъ збылисъ с пути и принуждены остановица.

Товарищи мои пенютъ на меня и на мои танци, бранятъ хазяйку и ее дочерей, я то принужденъ слушатъ и молчатъ, покудова ихъ сердце прошло; далѣе говорю я имъ, что же мы стоимъ, нелучшелъ искатъ какъ нибудъ дарогу и ехатъ, оны согласилысъ отъ ехатъ всякъ въ свою сторону, а я съ слугою аднымъ чтобы на томъ местѣ стоялъ и кричалбы не престано, по чему оны будутъ столко отѣдалятца, сколко оны голосъ мой слышитъ будутъ.

Я ту комысию охотно исполнитъ принялъ на себя, чтобъ толко успокоитъ ихъ и не сердилисбы на меня, оны всякъ въ свою сторону поехали по сторонамъ а я тотъ часъ началъ кричатъ такъ, какъ часовыи свои лозунги (слушай).

Скоро адинъ с левой сторони и не далеко отозвался сюда, сюда, здесъ дорога, ему подала способь молния ту дорогу увидитъ, но куда она идетъ того не знаемъ.

И тако мы собралысъ на ту дорогу, берегли ее прилежно чтобы не потѣратъ, молния намъ на то много пособляла.

Отъехавъ несколко по той дороге увидѣлы предь собою болшой каменой домъ, тамъ у воротъ остановилысъ и кричатъ и стучатъ зачалы.

Но надобно знатъ, что дождъ еще непрестано идетъ и рубахи наши всѣ водяни сталы.

Едва могли дозватца человѣка онъ насъ спрашиваетъ чрезъ у воротъ не болшое окошечко, кто мы таковы и чего мы хотимъ, я тутъ с нимъ сталъ говоритъ, спрашиваю: а ето что за домъ, онъ отвечаетъ что трактиръ (тутъ надобно было сего человека обьманутъ, а иначе воротъ намъ онъ не отворилбы и мы не моглибь его въ проводники съ собою взятъ).

Говорю я ему, добро мы того ищемъ, отвори пожалуй, чтобъ намъ отъ дожда где нибудъ подьклонитца и пробудемъ тутъ до света, а ти намъ за денги дашъ для нашихъ лошадей овса и сена, онъ какъ услишилъ, что за заплату требуетца, отворилъ намъ ворота.

Мы въехавши туда говорю я ему: ти лы самъ хазяинъ илы кто другой, онъ отьвечаетъ что де я слуга дворовой, потомъ спрашиваю я ево, давнолъ наше войско прошло, на то говоритъ онъ что войска я не видалъ, а сказивалы де наши во дворе что шли по болшой дороги въ праве отъ селъ лежащей и стали лагиремъ при городе Вурмусе, я говорю ему: а Вурмусъ далече ли, онъ отвечаетъ что нѣтъ и не далѣ какъ маленкой польмыли, такъ говорю я: идижъ ти веди насъ туда въ лагеръ, онъ сталъ было противитца, однакъ какъ его мы понудили то итытъ согласился, говоритъ: разве де виведу васъ вотъ заразъ есть прекрестная дорога, которая пряме васъ въ вашъ лагеръ приведетъ; добро говорю я идижъ поведи насъ на ту дорогу, онъ отвелъ насъ отъ трактира за выстрелъ ружейни, показиваетъ намъ дорогу и хочетъ назатъ воротитца изъговариваясъ, что онъ слуга дворовой и что оставылъ ворота отъперти и зато можетъ бытъ предъ хазяиномъ своимъ виноватъ.

Добро говорю я ему, что всио то хорошо что ты свою должность наблюдаешъ, но между тѣмъ ти не погнѣваешся, что поступлю я с тобою несколко неучтиво, меня ваши братя училы что не предъ меня уходилы и я безъ проводника оставался, такъ хочу я таперъ тебя съвязатъ, что бы и ты также от меня не ушолъ, однакъ не опасайся говорю я ему, тебы худова ничего не будетъ, а какъ приведешъ насъ въ лагеръ, то я тебя отьпущу и притомъ еще на пропоикъ подарую.

Онъ бедной какъ услышилъ мое слово что его вязать хочу, спужался и сталъ было плакать и просить, чтобы съ нымъ того не дѣлатъ, я де охотно с вамы пойду и вотъ и лагеръ не естъ далеко однакъ я етимъ ево словамъ не поверилъ, а отьпуталъ у лошады отъ недоуздка конецъ, зделалъ петлю, положилъ ему на шею, таперь говорю ему, ведижъ насъ въ лагеръ.

Мы приехалы до лагера, коего по темноте ночи и что дождъ еще идетъ не можемъ познатъ съ какова краю приехалы, а толко видимъ то, какъ молния блиснетъ что обозъ и лошады стоятъ, а полатокъ тогда разбытихъ не было по чему и нелза угадатъ, где полкъ нашъ стоитъ.

Адинъ изъ товарищей моихъ подъехалъ къ часовымъ, кои тамъ стоялы и отъкликивалы лозунги у ныхъ, осведомилысъ что полкъ нашъ на другомъ фланге расположился, мы поехалы по предъ фрунта и всѣ рядомъ часовыхъ о полку спрашывалы и ужъ нашли своихъ.

Салдати всѣ безъ палатокъ лежатъ въ грязи обьвернувшисъ своимы мокримы плащамы, кричатъ и бранятъ что иному лошадыю на ногу наступышъ.

Я помочию сияния молній увиделъ и узналъ свой обозъ, при коемъ стоялы батюшки моего верховие лошады, пред коимы слуга лежалъ, проводникажь нашего я отьпустилъ и подарилъ его деньгамы, онъ тѣмъ былъ доволѣнъ просить, чтобы ему позволитъ до света пробутъ тутже у моего обоза.

Слуга батюшки моего, какъ услишилъ что я приехалъ, въсталъ съ земли, я его спрашиваю где батюшка, на что отвечаетъ что еще съ маршу заехалъ на каляске своей съ лекаремъ въ городь и тамъ ночуетъ.

Я повернулся на всѣ стороны выбираю гдебъ лечъ, однако постеля была везде одинакова и вездѣ грязъ, а я весъ мокрой въ водѣ и ужъ меня дрожъ взяла, хотѣлъ было хоть мало прилечъ чтобы згретца и заснутъ.

Слуга пашелъ принесъ съзады съ палуба не много мокрого сена, положилъ на землю и далъ мнѣ две конские мокрие попони, я подосталь адну подь себя, а другую поверхъ плаща, окутался и положился на свою постелю.

Я бы могъ и вь свою калясочку, которая тамо у меня была въместитца и было бы можетъ быть получше, но у меня тогда была борзая сука съ маленкимы щенками коя тамо въ колясочке лежала, то жалъ было ее выкидать.

Лежание мое на той постелѣ не долго было я не могъ и згретца, а колми заснуть какъ уже светъ сталъ и въ барабани генералъ маршъ быть сталы.

Въскочилъ я поскоряе, пошелъ предъ фрунтъ, отобралъ отъ сержантовъ утрение рапорты, поспешилъ къ своему майору, онъ спра-

шиваетъ меня: когда я приехаль и что забавился, я отъвечаю какбы поглаже, что забавился не много покудова лошадь успелъ прековатъ (а то была не правда), а приехалъ говорю я скоро за вамы и еще съ вечера, но какъ оченъ было темно а притомъ шолъ дождъ, то потому я не являлся къ вамъ, маиоръ моимъ словалъ поверилъ жалуетца и онъ, что весь мокръ и что ему ночъ оченъ была безъпокоина.

Спрашиваю я маиора о марше что приказатъ изволытъ, онъ говоритъ я де поеду въ городъ къ генералу, а вы отъдайте приказъ капитану Антоновичу, чтобъ онъ с полкомъ маршировалъ, а полки будутъ ититъ тѣмже порядкомъ, какъ что и вчерасъ шли, и потомъ приежай говоритъ маиоръ за мной въ городъ.

Я поспѣшилъ скоряе тотъ приказъ капитану обьявилъ и вернулся въ слѣдъ за маиоромъ, коего близъ городскихъ воротъ догналъ.

Въехавши мы въ городь какъ денъ сталъ яснои и дождъ престалъ, то и показался намъ городь оченъ хорошъ, сталы мы въ томъ трактире, где и батюшка мои былъ, майоръ пашелъ къ генералу а я остался, и тотъ часъ сталъ раздеватца, чтобъ просушитъ платье, но какъ сего на сонце не скоро дождатца было можно, то я пашолъ на кухню, где болшой огонъ былъ разъкладенъ, разделся поскоряе, слуга мой помагалъ мнѣ скоро раздетца, онъ сушилъ у огня платье, а я поварачивался тутже съ моею мокрою рубашкою покудова ее высушилъ, хазяйка была такъ ласкова смотря на меня, а особливо на мои долгие чорные волоса дивовалась, коихъ я расчесалъ и принужденъ былъ оные также просушить, стала хазяйка сожалѣтъ говоритъ мнѣ: какъ вы еще молодь а такую нуждъ снестъ можете, зготовила она скоро кофи тутже въ кухнѣ напоила меня, спрашиваетъ не прикажулъ я чего еще себе податъ, я ей отвечаю что всего лучше какбы кушатъ чего было, она на то говоритъ что вотъ мы около того заходимся, тотде афицеръ что на верху ранѣной лежитъ приказалъ что обедъ готовитъ, такъ и вы съ нымъ можете въместе отъкушатъ, она не знала что то естъ мой отецъ, а какъ я о томъ сказалъ, то она еще болшъ сожалѣтъ стала и пеняетъ на батюшку моего, за что онъ меня такъ молодого въ такую нужду съ собою взялъ, между тѣмъ платье мое просохло и я одевшисъ пашолъ на верхъ, где ужъ и столъ надкриватъ сталы, маіоръ пришолъ и мы сѣли кушатъ, лошадей своихъ тамъ также покормили и потомъ поехалы.

На половини дороги нашего марша догналы мы свои полки, анѣ остановилисъ при адной речке, тамъ былъ и заездной болшой дворъ, салдати разослалы свои плащи на сонце сушитъ, а офицеры

всѣ въ томъ дворе также сушатъ свои мундири и кушаютъ, хазяинъ видно съподѣвался гостямъ, для чего и было у него даволно всего заготовлѣно.

Генералъ въ слѣдъ за намы почтою прискакалъ и велѣлъ маршировать, а самъ поехалъ въпериодъ къ городу Шпаеру, куда и мы подь вечеръ поспелы и расположилысь лагеремъ, тамъ отъданъ приказь, что на томъ местѣ будетъ раздахъ и чтобы въ полкахъ и палатки были разбыти.

Отъ сего города помаршировалъ корпусъ далѣ и дошлы къ крепосты форть Луи, тутъ мы опять Французовъ увыдѣлы, анѣ насъ въстретилы партия не велика конницы, имѣлы съ нашимы передовымы препалку и потомъ вернулысъ въ крепостъ.

Мы не далеко оть той крепосты занялы лагеръ, но какъ въ тѣхъ местахъ все полѣ засеяно было хлебомъ, то на тѣхже хлебахъ и лагеръ сталъ.

Намъ казалось что до крепосты разстояниемъ доволно далеко, однако какъ насъ отътуда въстречать сталы пушкамы, то некоторые ядри и въ лагеръ доставалы, для чего принуждено было тотъ флангъ преместитъ несколко заворотомъ назадъ.

Командующій нашъ генаралъ аднѣмъ дномъ паехалъ рекогносцировать положение места близъ крепости, однако какъ отътуда въстретилы его пушечнимы выстреламы, то скоро вернулся назадъ.

Потомъ приказано во всехъ полкахъ, чтобы заготовитъ фашины изъ привезеннаго нарочно для того на возахъ хвороста, то было чрезъ день готово, а тогожъ дня учинѣнъ отъ всѣхъ полковъ нарядь, чтобы итить подъ крепостъ поближе и копатъ апрожъ и батерию, сие предпринято въ наступившую ночъ: всякъ салдатъ възялъ по адной фашине, шли на назначеное место весьма тайно, Французи однакй скоро такихъ гостей приметилы, для чего на разсвете учинилы изъ крепосты выласку при силной изъ пушекъ канонаде, хотя съ нашей стороны и былъ уронъ болѣе отъ того, что бомбы изъ мартиръ въ планеихъ къ намъ попадалы, однако выжитъ насъ с того места не моглы, ибо мы ужъ даволно глибоко въкопалысъ въ землю и пушки на батерию поставилы и тѣмы, а также и солдатскимы ружейнимы выстреламы въстретилы Французовъ и отбыли назадъ.

Мы совершивши апрожъ, хадыла туда всякой ночи въновѣ наряжаемая каманда на премену первыхъ и зачала было крепостъ бомбандировать однакь всуе, ничего не зделалы и Французовъ выгнатъ не моглы.

Сия крепостъ лежитъ на плоскомъ местѣ весьма крепка, имѣетъ съ одной стороны реку Рейнъ а воокругъ съ другой стороны глибокой и широкой ровъ и болото.

На такихъ ежеденныхъ между собою престрелкахъ прошло время дней несколко, напослѣдокъ умыслили Французы своею хитростию какбы насъ отътелъ отогнатъ, заперлы оны воду въ томъ глибокомъ рве, въ каторой изъ реки стремытелно вода вътекаетъ, оны имѣлы видно давно для такова дела нарочито зделаные слюзи, толко тѣмъ ошиблисъ, что рано по своему намеренью дело зачалы, а какбы попозднѣе и в ночъ, то бы бѣди и урону великаго наделалы.

Тотъ ровъ какъ оны съ низу заперли, а вода изъ реки въ него стремително текла и наполнившисъ стала по болоту разливатца, а далѣе какъ еще изъ реки прибавилосъ, то и взяла вода свое течение во всѣ стороны такъ силно, что въ мало минутъ уже нашъ апрожъ и батерию затопыло.

Салдати изъ апрожа выскочивши, несмотря на силние изъ крепосты по ныхъ пушечние выстрелы, побежалы въ батерию подъхватя на себя пушки и ящики, едва со онимы спастисъ моглы.

Вода непрестано прибавлялась и текла велыкимъ стремлениемъ стеною въ вышину аршина на два съ грязию съмешана, и обьняла весъ нашъ лагеръ такъ скоро, что воокругъ насъ стоящие на нывахъ хлеба потопыло, а палатки наши въ лагере посривало, возы понесло, лошадей, коихъ не скоро могли успетъ отьвязатъ, многихъ тамже поддавило, и такую тревогу намъ наделало что незналы куда деватца, все поле кругъ насъ было водою покрито, и люде безъ всякаго порядка бредыли по водѣ, куда кто могъ вытитъ на пригорокъ и тѣмъ спасалысъ, стоя однако въ водѣ по колѣна.

Естлибы та напастъ по позднѣе и въ ночъ къ намъ пришла, тобы всеконечне превеликой вредъ причинилю и весъ бы лагеръ и съ людми пропастъ могъ, однако и тутъ многие убытокъ великъ понеслы, что возы попревертивало, поламало и еквипажи такою грязною водою премочило, отъ чего уже не годилысъ, а другие при такомъ случаи разькрадены и вовсе пропалы.

Я успѣлъ сестъ на лошадь свою и поспешалъ съ протчимы къ ближъшему пригорку, аднакъ премочился весъ а пуще было досадно, что на мени жолтие новые гусарские сапоги пропалы, и тако чрезъ всю уже наступывшую ту ночъ былъ корпусъ въ разныхъ кучахъ разъдробленъ безъ всякаго порядка, ибо устроитъ въновъ другой

лагеръ въ ночное уже время, и что всякъ искалъ своего спасенія, никакъ было не можно.

Завтрешни денъ имѣлы мы всѣ даволно работи, какъ вода несколко поопала и могли хадитъ по грязы, отъискиватъ своихъ еквипажеи и подьниматъ и зъбыратъ палатки, коихъ понаносила вода въ разные места и лежалы кучами, а подь вечеръ пашолъ корпусъ отъ туда протчъ и расположился отъ крепосты подалѣ лагеромъ, но опятъ на посеяныхъ хлебахъ, кои уже почти были совсѣмъ къ жатве поспѣлы, одьнако пропалы по резону что будучи на первомъ лагере, приказъ былъ хлебовъ окроме занятого подь лагеромъ что естъ, а болѣе воокругъ лежащаго не топтатъ и не коситъ а охранятъ въ целости, а какъ Французы самы своихъ хлѣбовъ не пожалѣлы и потопыли онои водою, то ужъ и сего на новомъ лагере храныть ни для чего, и позволяется полкамъ фуражироватъ.

Мы противъ сей крепосты простоялы еще несколко дней и видя, что нѣтъ способа достатъ оную, илы можетъ бытъ и надобности въ томъ не состояло, оставя ее уже къ адной сторонѣ сѣбы за спиною, пашли далѣ къ столычному той земли городу Шрасъбургу.

Городь сеи, илы главная въ Елсасьсіи крепостъ, естъ весма велыка и строениемъ хараша, какъ о томъ вездѣ естъ известно, хотя мнѣ и не случилосъ бытъ во оной, однако о ее великолѣпыю доволно слышилъ, я сеи городь всякой денъ изъ далы видѣлъ, въ немъ было воиска французскаго тогда много, ис того то приметитъ было можно, что стоящей подь крепостию ихъ лагеръ отъ нашихъ форпостовъ чрезъ трубу зрителную намъ хорошо былъ виденъ.

За намы въскоре и вся наша армия пришла и разположиласъ лагеромъ къ нашему правому флангу, а фрунтомъ къ крепосты.

На семъ лагере армия наша стояла много дней, а тѣмъ временемъ происходилы препыски, о чемъ всякой почти денъ былю видно, что съ нашихъ форпостовъ проводютъ присланаго изъ крепосты трубача, коему на форпосте нашемъ завяжутъ платкомъ глаза, взявши за поводъ его лошадь, отъводютъ къ нашему главно-командующему армиею, и такимже образомъ обратно оныхъ провожаютъ, но при томъ деиствіи военные не преставалы и гусаре французские часто на наши форпосты нападалы, а иногда и совсѣмъ съ места събывалы, чрезъ что у насъ въ лагере делалась часто тревога.

А чтобы тѣмже и Французамъ отвечатъ, то посилалысъ отъ насъ туда къ нымъ партій и также на форпости ихъ нападение делалы, избывалы, отъ чего былю кровавыхъ головъ много.

Таковы ежеденые почти происхожденіи подалы мнѣ охоту чтобы поехатъ съ нашимы партезанамы, и видѣтъ ихъ действій, и попользоватца хотя зрениемъ такова дѣла, для чего несколко разъ отъпрашовался я у маіора своего, а отецъ мой давалъ мнѣ къ охранению надеждних͡ъ людей и на добрихъ лошадяхъ.

Мы ездилы съ нашимы партиямы, где и были случаи даволние присмотретца мнѣ действиемъ нашихъ наездниковъ; у насъ были на то люде искусние и храбрие, кои таково дѣло весма проворно дѣлатъ умѣлы, а особливо наши сербские потиской ландьмылицій гусаре отьмено хорошо действовалы, при какихъ случаяхъ въ практике военной, хотя тогда по моимъ молодимъ лѣтамъ толко зрениемъ однимъ примечалъ, но то самое зачало послужило мнѣ потомъ навсегда въ ползу много.

И такимъ образомъ часто будучи въ такихъ партияхъ, при чемъ когда удавалосъ что наши збывали французские форпосты, то я с протчимы осмеливался въпериодъ далѣ, и доежалы въ такую разъстояниемъ до лагера дистанцию, что намъ во ономъ чрезъ трубу зрителную и люде были видни и могли всю длину лагера и крепость съ предстоящей отъ насъ стороны обозреть хорошо.

Аднѣмъ дномъ будучи на такой прогулке, толко что мы было выехалы и сталы приближатца къ неприятелскому форпосту, увидѣлы что изъ лагера ихъ сталы полки какъ пехота, такъ и кавалерия выходитъ и становится въ строй, мы, увидя сие оставивъ на томъ местѣ несколко человекъ для примечания, вернулысъ назадъ къ нашему форпосту, вожидаясъ тамо что еще далѣ будетъ, афицеръ нашъ форпостной о томъ далъ тотъчасъ въ дежурство знатъ.

Мало потомъ спустя зачаласъ силная во весъ округъ крепосты пушечная палба, я всѣ тѣ вистрелы шчиталъ и начелъ ихъ ровно триста, лышъ толко оная престала, то зачался изъ строеваго фрунта изъ мелкаго ружья беглой огонъ и обьходылъ три раза.

О семъ что оно значило узналы мы на завтрешни день отъ одного ущедшаго къ намъ отътуда солдата, котораго я въ дежурстве выдѣлъ и сказовалъ, что королъ самъ почтою въ крепостъ приежалъ и мало бавылся, поехалъ опятъ назадъ.

Потомъ зделалосъ у насъ съ Французамы премирие и происходилы частие чрезъ присилаемыхъ трубачей препыски, а при томъ отъ нашего главнокомандующаго армыею изданъ приказъ, чтобы подъ смертною казнью не осмелылся никто по деревнямъ и селамъ делатъ грабежа даже овощъ и зеленъ въ огородахъ была запрещена, а буде

кто въ противностъ того въ чомъ лыбо пойманъ будетъ, тотъ уже безъ всего далнего лышенъ будетъ живота, и что определенъ въ разъездъ грандъ профосъ.

Сей чинъ тамо почитаетца великъ, съ коимъ определена команда изъ коныци также попъ и палачъ.

По сей строгости и надлежить ужо всякому себя беречъ, ибо въ противномъ случаи ежелы тотъ разъездъ каво въ чомъ лыбо застянетъ, то не делая никакихъ болѣе допросовъ а толко спроситъ, кто онъ таковъ имя и прозвище и котораго полка и тотже часъ попъ исповедаетъ, приобщаетъ, а палачъ какъ случитца на дереве илы на заборе вешаетъ оставя при немъ часоваго, а потомъ чрезъ три часа снимаютъ мертваго и зариваютъ въ землю.

Я потомъ видѣлъ некоторыхъ такихъ несчастныхъ действително высящихъ на деревахъ овощныхъ.

Каковъ несчастливой часъ было адному нашего полку служивому случился, салдату такому, которой былъ отъмено храберъ и виденъ собою и на многихъ местахъ противъ неприятеля образцомъ между протчимы оказивалъ себя, и раны две три на теле своемъ имѣлъ, какою храбростию и на тотъ часъ оть злосчастной смерты самъ себя изъбавылъ.

Онъ какъ съ капраломъ своимъ и съ двумя еще товарищи ходылъ въ близъ лежащую деревню за водою и набравъ воды въ котелъ, увиделъ въ адномъ огороде мужика работающаго землю, купылъ у него немного зелены капусти, и репы себы на варение, завязавъ оное въ платокъ носылъ съ собою, и вышедь изъ деревны шли по дороге къ лагеру, на тожъ время наехала на ныхъ та разъездная каманда и увидя у того одного носимую капусту, окружилы ихъ и тотьчасъ приступыли было къ нему къ исполнению надь нимъ того смертоноснаго штрафа, онъ бедной изъговорился что капусту и репу купылъ, однакъ того что онъ говоритъ не слушалы и добыраютца ужо за него, тогда онъ выхватя свою саблю сталъ оборонятца и прорвавшисъ помежду ногъ лошадиныхъ съ великою скоростью добежалъ до случившагося тамо по близости копанога въ длину посеяныхъ конопелъ рва, и прескочивъ оной на той сторонѣ съ своею голою саблею сталъ, повторяя свою невыностъ, толко грандь профосъ столко былъ свирепъ, что закричалъ на своихъ драгунъ чтобъ словитъ его, кои и догналысъ до того рва, но какъ оной былъ слышкомъ глибокъ и доволно широкъ, то ни одна лошадь не осмелыласъ скакатъ чрезъ ровъ,

а тотъ бедной стоитъ на своемъ местѣ и говоритъ я де вамъ сказалъ что невыноватъ и капусту купылъ, а вы ежелы хатите моей смерты конечне выдѣтъ, то позволяю честно себя отъ васъ застрелытъ, а палачу себя живой не дамъ въ руки и безъчестною смертью умеретъ не хачу, потомъ поворотясъ пашолъ протчъ и спрятался въ конопли.

Грандъ профосъ оставя уже далѣ его отьискиватъ, положа тѣхъ другихъ на землю былъ жестоко палкамы и потомъ отослалъ ихъ въ главное дежурство, коихъ тамо по допросе усмотрено что невыни, для чего доложена обь ныхъ главнокомандующему армыею, отъ коего приказано послатъ за нашимъ маіоромъ.

Маіоръ туда поехалъ и меня съ собою възялъ, мы явилысъ у дежурнаго генерала, отъ коего узналы что с нашимы салдатамы случилосъ и потомъ дежурной генералъ представылъ маіора къ принцу Карлу.

Принцъ спросилъ маіора также о томъ, что воспослѣдовало и что ушедшей не пойдетли иногда со страху къ неприятелю.

Маіоръ на то отьвечалъ, что тотъ ушедши естъ адынъ храбростию и постоянствомъ изъ первыхъ его въ полку салдатъ, и что не точию онъ къ неприятелю не пойдетъ, но надѣетца что конечне онъ по своей невыности самъ явытца будетъ въ полкъ, а также и сіи, говорилъ маіоръ, что за карауломъ отъ разъездной каманды въ дежурство присланы и штрафъ тамо безъвыно понесли сутъ такиежъ надеждние люде, на коихъ я въ полку всякую доверенъностъ возлагаю и во всякихъ военыхъ действияхъ отьмено себя оказывали и никогда ни в какихъ штрафахъ до сего времены не бывали, что де мнѣ таперъ о семъ, что съ нимы воспослѣдовало даволно естъ прискорбно, и прошу вашу светлостъ, повторялъ маіоръ, учинитъ надъ нимы мылостъ и отъпуститъ въ полкъ.

Принцъ слушалъ ответъ маіора, былъ тѣмъ доволѣнъ и велѣлъ тѣхъ исподь караула привестъ предь себя, поласкалъ ихъ словамы и подарылъ каждому по одному червонцу и с тѣмъ отъпустылъ въ полкъ.

Нашъ ушедшій отъ смерти пришолъ въ самомъ деле тую же ночь въ полкъ, о коемъ по утру какъ мнѣ отъ сержанта той роты отърапортовано и я по томужъ маіора рапортовалъ, то маіоръ велѣлъ явшагося призватъ, и спрося его о капусте и о репе, за кою онъ мало жызнъ свою не положылъ, възявъ его съ собою и мнѣ также ехатъ приказаль, поехалы первее къ нашему корпусному генералу, и

по спросе явшагося, генералъ смотря на него и на его ответы выговорылъ, было би де вечно жалъ такова салдата и на баталій потѣратъ, а колми паче такою смертию, какую ему было приуготовилы чтобъ умеретъ.

Потомъ поехалъ генералъ къ главно-командующему армиею принцу Карлу и насъ съ собою тудажъ възялъ.

Принцъ и велѣлъ явшагося къ себе представитъ и посмотря на его отьменную позитуру и хорошой ростъ, а к тому какъ сей сталъ говоритъ и свою невынъностъ изъявлятъ показывая на раны свои доставшие противъ неприятеля, и что онъ служитъ такъ какъ честному салдату принадлежитъ, а за всио де то довелосъ было умеретъ безъчестною смертию, и я де за то точно самъ явылся говорилъ салдатъ, чтобы предь вашею светлостию принестъ свою невынъностъ, и служитъ такъ верно хочу какъ что и прежде служилъ.

На таковы бодрие отъ салдата слова, принцъ гледѣлъ и говоритъ я де въ семъ салдате примечаю отьменое достоинство и жалбы было такова потерятъ, вынувъ изъ кармана пятъ червоныхъ подарилъ ему, и при томъ пожаловалъ его ундеръ-афицерскимъ чиномъ и съ тѣмъ отьпустиль въ полкъ.

После сего случая уже разъездная каманда палача и попа неимѣла, а обходылосъ дело когда каво въ чомъ поимаютъ штрафомъ палкамы.

Наше учинѣное съ Французамы премирие по мынованій несколкихъ толко дней кончилосъ безъполезно, и зачалысъ съ обеихъ сторонъ военые деиствій, хотя главной баталій и небыло однакъ награждало то частие съ партиямы сраженій.

Между тѣмъ въ адынъ денъ приказано, чтобы отъ нашихъ сербскихъ ландьмылицкихъ полковъ учинитъ нарядъ числомъ восемъ сотъ человекъ пехоти да одинъ ескадронъ отъ полка потискихъ гусаръ, а другой оть кроатскихъ, коныхъ.

Подъ вечеръ тогожъ дня собравшисъ вся та каманда на левомъ фланге нашего лагера, предь коимы былъ камандиромъ при гусарскихъ ескадронахъ маіоръ Марковичъ, а при пехотѣ подполковникъ адынъ, коимъ приказано было чтобы итытъ поближе къ лагеру неприятелскому и съкритца пехотѣ въ удобномъ местѣ, а ескадронамъ гусарскимъ на разъсветѣ ударитъ на форпостъ французски и зделатъ тамо тревогу, и ежелы будетъ на ныхъ погонка, то чтобы препалывалисъ и отходомъ подавалисбы назадъ и тѣмъ старатца навестъ неприятеля на нашу пехоту.

Съ такимъ наставленыемъ каманда наша въ наступывшую ночъ выступыла и шли всѣ въместѣ знакомимы уже прежде местамы и пришедъ близъ половини дароги ихъ лагера тамо остановилысъ.

Я самъ хателъ быть в тои партіи однако батюшка мои недозволылъ, и велѣлъ остатца при полку въ лагере.

На томже местѣ, где каманда наша остановиласъ, былъ давнѣй кирпичной заводъ, при коемъ осталысъ рвы и ямы, изъ коихъ для кирпычей работники копалы землю, и было места даволно по обеимъ сторонамъ дароги, куда могла наша пехота съкритца.

На тожъ время батюшка мой ужо отъ своей преждиѣй контузіи и раны выздоровѣлъ, и былъ с тою партиею командированъ, при чемъ взялъ съ собою и верховую свою лошадь, подполковникъ что над пехотою пригласилъ батюшку моего, чтобъ поехатъ съ ескадронамы въ периодъ для обозрения неприятелскаго движения и чтобы въ случаи погонки возвратитца съ известиемъ скоряе назадъ и потомъ статъ къ своему месту.

Батюшка мой къ тому согласился и поехалъ при тѣхъ ескадронахъ съ маіоромъ Марковичемъ въместѣ.

Оны на разсветѣ напалы на неприятелски главни форпостъ коего избыли, и препалкамы своимы надѣлалы въ неприятелскомъ лагере тревоги даволно, и шермицировалы тамо съ французскимы гусарамы часа два и тѣмъ походыло несколько дѣло на выгришъ, а какъ противъ нашихъ силы великой сперва не выходило, а то малое число гусаръ противъ ихъ что было оны прогналы, то и осмелилысъ наши въ периодъ еще далѣ и подьехалы къ лагеру разстояниемъ весма недалекомъ, тогда увыдѣлы что изъ лагера стала выежатъ коныца въ числѣ сълышкомъ велыкимъ, кои выступывши тронулысъ маршироватъ въ периодъ.

Наши жъ увыдя сие, а также и съ стороны и почти несколко позады себя что пылъ велыка подьнялась, тогда моглы уже узнать о намереныю неприятелскомъ, и недожидая болѣе, подалысъ назадъ въ ретираду, однако было то уже поздно, ибо та съ стороны пылъ докраласъ къ нымъ лощиною такъ скоро, что въдругъ открилосъ толпа велика коныци, коя уже и дарогу пресечъ успѣла, а тѣ что изъ лагера также поспешилы въ погонку, и тако будучи наши окружены съ двухъ сторонъ, и выдя себя въ великой опасносты не осталосъ болѣе ничего къ ихъ спасению, окроме что отважитца на прорубъ чрезъ неприятеля.

Оны то здѣлалы уже отъчаяцою атакою и пробылисъ на свою да-

рогу, однако потѣрялы нѣсколько человѣкъ и лошадей и на послѣдокъ безъ порядка искалы своего спасенія.

Батюшка жè мой пробывшись также чрезъ непріятеля пустился скакатъ полѣмъ на простецъ, спешилъ поскоряе достигнутъ до своей пехоти но тщетно, ибо заехалъ за одинъ предлиной ровъ, копаной вокругъ сенокоснихъ лукъ, которой былъ столько глибокъ и широкъ, что прескочитъ онаго лошадью никакъ было не можно, а за нимъ увязалосъ скакатъ въ догонку шестъ человѣкъ французкихъ гусаръ, кои и не допустилы выпровитца ему назадь на дорогу и тѣмъ отделилы его совсѣмъ прочъ въ другую сторону.

Хотя оны не такихъ под собою лошадей имѣли чтобы догнатъ могли, но выдя его отъделѣнаго однаго и что по известности имъ тѣхъ местъ могутъ его нагнатъ на рвы и пойматъ живаго, какъ оно и зделалосъ, для чего и не отставалы и гналысь прилежно за нымъ.

Напослѣдокъ батюшка мой, будучи совсѣмъ отрезанъ и отъдалѣнъ уже въ сторону, принужденъ отъважитца нагнать на тотъ ровъ свою лошадь, она протянулась чтобъ прескочить, болшъ половины на той сторонѣ была, но заднимъ ногамы не могла туда достигнутъ повалылась на бокъ, тогда уже гусаре наскочилы и взялы его живаго въ полонъ.

При сихъ гусарахъ былъ поручикъ адынъ, ундеръ-офицеръ адынъ и четире человѣка гусаръ, парутчикъ былъ Венгеръ и столко могъ спроситъ о чинѣ батюшку моего, и узнавъ что капитанъ оставывъ при нѣмъ ундеръ офицера и три человека гусаръ, възявъ съ головы батюшки моего новую шляпу, а надѣлъ на него свои ветхой киверъ, также кошелиокъ съ денгамы и часи взялъ къ себе, и о тѣмъ ускакалъ въпериодъ, а оставшимъ приказалъ въ слѣдъ за собою ехатъ поспешно.

Подь однимъ гусаромъ была лошадь несколко поутомлѣна то онъ пременылъ оную, далъ ее подь батюшку моего, а батюшкину взалъ подь себя и тако возвратилысъ назадъ къ своему лагерю.

Между тѣмъ покудова то с намы происходыло, то коныца наша будучи разбыта доскакалы въ непорядке до нашей пехоти, и мыновавъ оную оставилы свободную дарогу стремящемуся за нимы въ погонъ непріятелю, кой вогнавшись кь нашей пехотѣ въстречены были силними по оныхъ выстрелами отъ чего многихъ побыто и преранены, напротивожъ того и оны яко въ превасходнѣй силѣ оборотясъ учинилы также изъ своихъ карабыновъ и пыстолетъ по нашимъ выстрелы, и тѣмъ причинилы уронъ даволно великъ. Но какъ тѣ рвы и ямы пособыло нашимъ много, и могли успѣватъ свои ружья заряжатъ и

стрелятъ безъ остановочно, чѣмъ напослѣдокъ и привелы неприятеля до смятения и обратился бежатъ.

Тѣмъ же временемъ покудова дело съ пехотою происходыло, то собралась въ порядокъ наша коныца и были въ готовносты увидѣвъ уже неприятеля разбыта и бегущаго, напалы въслѣдъ за нимъ и гналысъ къ самому почти ихъ лагеру, и воротясъ назадъ увидѣлы въ сторонѣ едущихъ къ лагеру неприятелскому несколко человекъ коныхъ, коихъ и сочлы не от своего войска бытъ людямъ, какъ и вь самомъ деле оны были неприятелы, и тѣ самые кои отца моего съ собою водютъ. А тѣ также увидя таково болшое числы коныци и отъ стороны своего лагеря едущихъ сочлы за своихъ, незная что ихъ партия уже разбыта, поворотя под собою лошадей просто къ нашимъ, а наши увыда ихъ остановилысъ, а какъ столко блиско подьехалы, что ужъ легко могли свою ошибку видѣтъ, то бросся повода отъ лошады водимой подь атцомъ моимъ въдалысъ бежатъ, однако наши ихъ переняли и поймалы живыхъ.

Лошадь подь отцомъ моимъ заступивши ногамы за повода упуталасъ и вертѣласъ на одномъ местѣ и покудова онъ сълѣзъ съ нее и отпуталъ повода и опятъ успѣлъ сестъ на оную и къ своимъ прискочилъ, тѣмъ временемъ адинъ кроатски афицеръ, какъ онъ того неприятелского гусара поймалъ, подь коимъ лошадь собственая отца мого была, то онъ ту лошадь взяль къ себе яко добычную отъ неприятеля, и тотъ часъ отьделился самъ уехалъ просто въ лагеръ.

Отецже мой съехавшисъ съ своимы и нашедъ майора Марковича благодаритъ его за свое избавление, при чемъ спрашиваетъ о своей лошады, и пресмотря во всей каманде что нѣтъ ее и не зналъ никто кудабы она пропала, а какъ о всѣхъ чинахъ выправилысъ и каво на лыцо нѣтъ, кои тутже были, то и оказалосъ что того кроатского афицера нѣтъ, почему и догодалысъ что конечне онъ и лошадь взялъ, какъ тогожъ дня къ вечеру у него лошадь и найдена.

Та команда какъ отыправиласъ къ вечеру и утрешни денъ съ неприятелѣмъ имѣлы дело, о чемъ више сказано то мы оставшие въ лагере болѣе ничего не зналы, а толко тотже денъ съ утра десятаго часа слышно намъ было въ оть далы ружейная палба, ис чего и могли мы разумѣтъ что то не иное что, а конечне наша команда съ Французамы имѣетъ сражение.

Во второмже часу споль дня привезено къ намъ въ лагеръ несколко человекъ нашихъ ранениxъ, я какъ то увидѣлъ падошолъ скоряе туда, сколко таковыхъ нашего полка будетъ чтобъ отърапортоватъ майору, и велѣтъ поскоряе лекарю привязиватъ, междужъ прот-

чимы выжу я тамо барабанчика отъ роти отца моего, сидитъ съ завязаною рукою, а какъ меня увидѣлъ то въсталъ.

Я ево спрашиваю, что ти конечне ранѣнъ и где батюшка мой, сей барабанчикъ былъ немношко заикиватъ а притомъ еще плачетъ, то я долго дожидался нокудова онъ выговорилъ что не знаетъ, а болшъ де думаетъ что мой батюшка не живъ, я де говоритъ онъ какъ рану получилъ пашолъ въ сторону, а господина капитана вашего батюшки съ намы и не было, онъ какъ съ вечера съ нашею гусарскою камандою поехалъ въпериодъ, то уже къ намъ болшъ и не возвращался, а гусаре наши какъ были разбыти и къ намъ опрометомъ прискакалы, то де еще тогда господина капитана съ ными не было.

Болѣе уже я ево, услыша сие, ни о чомъ не спрашивалъ, залылся слезамы, всякъ поверитъ можетъ какова мнѣ та жалостна вестъ на сердце была, я оцепенѣлъ почти, и не зналъ что въдругъ отъ меня зделалосъ, меня обморокъ ушибь и возлѣ адной салдатской палатки съ ногъ съвалылся, сталъ жестоко плакатъ.

Мой помощникъ о томъ известясъ прибежалъ скоро ко мнѣ и какъ разумной человекъ сталъ меня униматъ, възявши подъ руку говоритъ: пойдемъ къ майору обьявымъ ему, и вамъ надобно говоритъ онъ ехатъ на то боевое место, отъискатъ тело и похоронитъ, мы пашлы къ майору, о семъ донеслы и по моей прозбе отъпустылъ меня и далъ еще со мною адного надежднаго сержанта.

Поспешилъ я скоряе туда севши на свою лошадь, вьзялъ съ собою одного слугу, даль также и подь сержанта другую свою лошадь, бежалы рысию до самого нашего форпоста, тамъ не хотѣлъ было насъ афицеръ форпостны пропустытъ, однако на мою прозбу и увидѣвъ также что я плачу, то съжалылся и поверилъ моимъ словамъ, велѣлъ нашимъ часовымъ насъ пропустытъ.

Намъ попадалысъ некоторые изъ той команди на встречу, но какъ были отъ другихъ полковъ и незнакомы, то оны чего я у ныхъ спрашивалъ не зналы, а толко то сказалы что де каманда собыраласъ ититъ отътуда прочъ, но не в лагеръ а куда того незнаютъ, я прискакавши на то боевое место думалъ тамо ихъ еще застатъ, но уже ихъ не было.

Тудажъ на то боевое место посланою при афицере изъ дежурства командою согнаны были изъ деревенъ мужики, чтобъ хоронитъ мертвые тела, я скоряе туда къ нимъ подъехалъ, спрашиваю не похоронилылъ оны таково афицерское мертвое тело, опысивая имъ выдъ и позитуру и платѣ батюшки моего, но что отвѣчалы что де мы толко

сюда сей часъ пришли и не хороныли еще ни адного, я пашолъ после по всему тому плацу, пресматривалъ и выжу мертвыхъ людей доволно, но вдвое болшъ Французовъ, попалъ было мымоездомъ на несколкихъ мертвыхъ отъ нашихъ, между коимы былъ адинъ—коего я узналъ что отъ роти батюшкиной, я тутъ думалъ и тело отца моего наитить, вездѣ възадъ и вънериодъ обьехавши глядѣлъ и на всякого мертваго, коихъ мнѣ случилосъ наехатъ, присматривалъ, но нѣтъ того каво я ищу.

И тако обьехавши все тое место поехалы мы еще несколко въпериодъ и становились и сталы разсуждатъ что дѣлатъ.

Сержантъ сталъ мнѣ говоритъ: ви де увидите что барабанчикъ неправду вамъ сказалъ, ево какъ ранилы то и укланился онъ въ сторону и господина капитана, вашего батюшку онъ и не видалъ, а какъ де та команда отъсюдова пошла далѣ, то конечне и батюшка вашъ со оною пошолъ, и такъ не изволите говоритъ сержантъ ни о чемъ болѣе сумнѣватца, оно такъ верно будетъ, а мы де поедемъ назадъ въ лагеръ, тамъ уже надобно бытъ обо всемъ верному известию.

Сіи сержантовы слова меня несколко поободрилы, сталъ и я тоже думатъ, однакъ говорю я ему поедемде еще вотъ туда въ левую сторону къ тому двору, не найдемли тамо каво нибудъ изъ нашей каманди и можетъ бытъ что случитца чего слишатъ.

Мы согласылисъ и поехалы къ тому двору, катораго приехавши усмотрелы, что то былъ увеселытелной господской дворъ безъ никакова другова жылья, и стоитъ въ ту сторону поближе несколко къ городу, денъ тотъ какъ весма былъ жаркой, а мы много скакалы на лошадяхъ, то я жестоко пытъ води хателъ и думаю что при томъ дворе напытца, а потомъ какъ время уже спольдня гаразда къ вечеру наступыло, то и вернутца въ лагеръ назадъ.

Мы приехавши туда не нашлы во дворе ни души, всио было заперто наглухо, хотъ мы у воротъ и стучалы однакъ всуе, никто намъ не озивался; потомъ поехалы вокругъ двора, где показался намъ прекрасной садъ, въ коемъ увыдѣлы колодезъ съ насосомъ подъ искусно зделаною крышкою стоящи.

Въ томъ же саду овощниа деревы, всѣ съ своимы спѣлимы плодамы обьвешены и не знаешъ отъ прелестнаго того выда, на какое дерево прежде глази свои броситъ, мнѣ ужъ тутъ захотѣлось и воды пытъ и тѣхъ прекрасныхъ фруктовъ покушатъ, а воитытъ въ садъ нелзя, то и согласилысъ мы уже оставитъ должное той лепоти сохра-

нение, хотя приказъ и естъ такъ строгой, чтобъ въ садахъ и въ с ленияхь шкоды не дѣлатъ, но какъ сей дворъ съ садомъ состоя за нашимъ форпостомъ, то и можемъ къ нашему намеренiю пр ступытъ, и тако сълезлы мы съ лошадей далой привязавъ оны за окрашеную состоящую кругъ сада решедку и отступя нескол шаговъ подалѣ, възялысъ около той решедки майстеритъ винима оную, однако признатца надобно что болшъ ламалы, и зделалы та широко проломъ, что лошадмы свободно было въехатъ можно.

Нашу работу мы весма скоро зделалы, я прежде всего побежа къ колодезю напылся той холодной воды, что и другие мои сотоварищ зделалы.

Слуга же мой подьвелъ тудажъ въ садъ къ колодѣзю и лошад коихъ также напоилы, но всио то дѣлалосъ очену скоро и проворн несмотря на то что прекрасние тѣ цветники лошадмы потоптал чтоже дѣлатъ хотъ опосля за то хозяинъ и бранитъ будетъ, но то время такъ зделатъ требовала нужда.

А чтобы въ случае какой лыбо опасносты лехче и скоряе во изъ саду могли выскочитъ, то мы селы на лошадей и такъ у подь тѣ фруктовие деревы подьехалы, я первее подьступылъ по персики кои были особливо величины, но еще не совсѣмъ спѣли однако имѣлы вкусъ хорошъ я ихъ елъ, и клалъ въ кармани что слуге делатъ велѣлъ, чтобъ онъ ихъ также набралъ, онъ говоритъ меня де вотъ естъ конская овсяная торба, я де въ нее накладу, м и другие деревы также посетилы а наиболѣе паргамотовъ и други болшихъ грушъ жолтыхъ какъ воскъ у коихъ вкусъ былъ отмено при томъ нашемъ хозяистве позабавилысъ мы въ томъ саду не бол полъчаса, а потомъ выехалы; смотримъ кудабы на простецъ н дорогу къ лагеру могли выехатъ, какъ уже денъ горазда къ захо солнешнему приближаетца и чтобы могли заранѣе къ нашему фо посту поспѣтъ, однако отьвелы насъ разние воокругъ того дво лежащие огорожи и забори несколко въ медление, и не было у другова места къ выходу о кроме что опятъ, тудажъ выеха было надобно отькуда приехалы, между тѣмъ увидѣлы въ сторо подалеко едущихъ трохъ человѣкъ верхамы, кои ужъ насъ мынули едутъ просто къ нашему лагеру, мы сталы кричатъ и шапкамы ныхъ махатъ, но оны не слишатъ, мнѣ тутъ какбы нѣчто особл вое подало желанностъ, что тѣхъ людей догнатъ и выдѣтъ кто он таковы, для чего пустился я за нимы полемъ скакатъ и кричу чтоб остановилысъ.

Оны как услишилы мой крикъ и видять, что я съ своимы сопутникамы прасто къ нымъ скачу, поостановилысъ было но опять поехалы, я тутъ чтобы ихъ конечно догнать прибавилъ скачку порезвее и кричу, почему уже оны остановившисъ поверну лысъ лицомъ къ намъ, я приблизившисъ къ нымъ узналъ тотъчасъ своего батюшку, но то чудно мнѣ показалосъ что у него на голове киверъ а не шляпа, с коею онъ въ ту командировку пашолъ, да и лошадь подь нымъ чужая а не своя.

Я бросился къ батюшке моему сталъ ему целоватъ руку и заплакалъ, онъ говоритъ мнѣ что ти плачешъ и спрашиваетъ где я былъ, я на то ему обо всѣмъ сталъ пресказоватъ, что мнѣ барабанщикъ обьявылъ и что я ездылъ на то боевое место ево искатъ.

Батюшка мой покудова до лагера доехалы сталъ мнѣ обо всемъ томъ, что и какъ съ нымъ тотъ денъ случилосъ и какъ ево майоръ Марковичъ нечаяно изъбавылъ, пресказиватъ о чемъ я выше писалъ, и также говоритъ батюшка мой что ево лошадь пропала, и надобно де ей бытъ въ кроатскомъ лагере, а ета де лошадь говоритъ онъ, что подо мною худая и заморена, естъ добычная французская.

Подъехавши мы ужо възаходь сонца къ нашему лагеру, говоритъ мнѣ батюшка мой, заежай де ти въ кроатски полкъ, тамъ может бытъ сищешъ нашу лошадь, а я де поеду прямо къ своей ставке.

По сему приказанию я и повернулъ въ лагеръ кроатски и скоро туда въехалъ, увыдѣлъ изъдалы нашу лошадь, подъняла голову и стоитъ привязана у коновези съ другою лошадью, сталъ я требоватъ оную, однако тотъ афицеръ зачалъ споритъ и не даетъ, почему принужденъ я паититъ къ ихъ полковнику и о томъ проситъ, пресказавъ ему обо всѣмъ, что съ батюшкою моимъ случилосъ и что тотъ афицеръ лошадъ взялъ.

Полковникъ приказалъ съ другимъ афицеромъ лошадь отослатъ къ нашему майору и спрашиватъ о томъ, и буде точно такъ какъ я требую то и отъдатъ лошадъ намъ, кою мы по свидителству и получилы, а ту добычную французскую отьдалъ батюшка тому афицеру.

Я засталъ майора сидящаго съ батюшкою моимъ и онъ майоръ пресказиваетъ о своемъ въ тотъ денъ случившемся приключеніи.

Насъ удержалъ майоръ у себя ужинатъ и я къ ужину принесъ майору техъ собраныхъ въ саду фруктовъ, кои несколко отъ скачки лошадиной въ торбе падавилысъ было, однакъ за весма хорошие приняти были, и смѣялысъ какъ мнѣ при жалости пришло на умъ фрукты

събыратъ, я на то отвечалъ представляя имъ нужду что жестоко пытъ воды хатѣлъ, а между тѣмъ говорю и фруктовъ набралъ.

На семъ лагере были мы еще четыре дня и потомъ пошли далѣ въ правую сторону къ городу називаемомъ Елсасъ Цабертъ, корпусъ нашъ шолъ въпериодъ а за ными и вся армыя помаршировала, но оная остановыласъ и расположиласъ лагеромъ въ другомъ местѣ, а нашъ корпусъ толко одинъ подъ Цабертъ подступылъ, где въстретила насъ партия не велика французской коныцы, однакъ ничего съ намы не зачиналы а толко что увидя насъ вернулысъ назадъ.

Въ томъ городе былъ войска французскаго корпусъ даволно великъ, оны сперва изъ крепости попротивилысъ намъ и зачалы было пушкамы съ бастионовъ по насъ стрелятъ, но потомъ илы оны уже не в силахъ были устаятъ, илы у ныхъ что нибудъ другое было, ибо какъ скоро мы подвезлы нашу артилерию и сталы по городу стрелятъ то ихъ кононада престала, а наша не преставала и силную стрелбу производилы, отчего скоро увидѣлы мы что французская пехота на другую сторону города стала выходитъ и подниматца по болшой дороге на гору, и тѣмъ открилы намъ что ихъ сила противо насъ и половиной части не составляла.

Оны какъ на гору сталы подниматца, то мы наилучше силу ихъ, по цветамъ мундирнымъ, полки и зборние баталиони увидетъ и узнатъ могли.

Ворота городовые съ нашей стороны какъ были пушечнимы драмы разбыти, то тотъчасъ войска наши вошли въ городъ, и пошли поспешно въ догонку за неприятелемъ, коего еще на выходе города полние улыцы были и маршировалы въ своемъ порядке прикривая свою ретираду отъступнимъ боемъ, отстреливалысъ весма крепко, и сколько вреда оны зделалы намъ, столко еще жителы того города изъ дамовъ своихъ чрез окошка что по насъ стрелялы, отчего у насъ было много убытихъ и раненыхъ.

Я при семъ случаи имѣлъ даволно оказию видѣтъ, что естъ действие военное въ моемъ зачале тогда службы и в такихъ молодихъ еще летахъ, будучи съ полкомъ въ силномъ томъ сраженіи.

Французи хотя и ритировалысъ, но однако ни мало своимъ отступомъ не спешили, а непрестано производилы плотоножную по насъ палбу, способь имъ къ тому подавала широкая въ городе улыца, а за городомъ еще въдвое шире дорога, по коей какъ оны подниматца сталы на гору, то занималы фрунтомъ поперекъ всю ту дорогу и удваивалы свои плотонги.

Здесъ у ныхъ было коныци невеликое число кои по периодъ уехалы, они намъ видни были издалы, а что въ городе была на площады каменъная болшая церковъ съ высокою колокольнѣю, изъ которой много вреда своею стрелбою жителы намъ зделалы, то какъ сие усмотрено и камандующему генералу о томъ сказано и онъ приказалъ изъ пушки туда бытъ, такъ ужъ отътуда болшъ стрелятъ по насъ престалы и на колоколны отъ нашихъ ядеръ велыкие дири показалысъ, отчего потомъ едвалы ее починитъ было можно.

При семъ сраженіи убытъ потиской ландьмылиціи капитанъ Рако (или Ракославъ) также и другихъ афицеровъ и нижныхъ чиновъ убыто и ранено отъ нашихъ много, въ томъ числѣ славонской ландьмылиціи капитанъ Ефимъ Любобратичъ ранѣнъ жестоко * и по продолженіи сего сраженыя несколкихъ часовъ подоспѣла уже и вечеръ и тѣмъ дело кончилосъ.

Командующій нашъ генералъ баронъ фонъ Перньклау командировалъ для учинѣния еще и болшъ надь неприятелѣмъ поиска полковника барона Тренка съ его пехотнимъ полкомъ (полкъ сей естъ тотъ самой что набранъ былъ изъ лесовыхъ разбойниковъ о коемъ я прежде говорилъ), и потому приказаныю пашолъ Тренкъ еще тогожъ

* Сеи храброй афицеръ заслуживаетъ ту честъ чтобы об нѣмъ на долгіе веки помыналосъ, для чего и не хотѣлъ я оставытъ яко о своемъ аднонациональномъ чтобъ непояснитъ. Онъ былъ Сербынъ и дворянинъ природни а родомъ изъ Требыня города что вь Илырій, былъ онъ въ молодие свои лѣта въ Венеціи и научился тамо италианскаго и немецкаго языковъ, вышолъ потомъ въ Цесарию гдѣ принятъ въ службу и дослужасъ до капитанскаго чина, ростъ и ево позитура была отменная; тогда какъ онъ раненъ было ему лѣтъ около тритцаты, сей злой случай принесъ ему бедному велыкую болѣзнъ и убытокъ, костъ полувынная въ евой руке у самой мышке была пулѣю раздроблена и покудова всѣ тѣ часты могли бытъ выняти, то онъ лечился долго і издержалъ на то последнѣе что имѣлъ и мало и жизны не лишился, напослѣдокъ хотя и вылечился однакъ тою рукою владѣтъ могъ мало, но по усердной къ службе ревности не отьставалъ отъ оной, и былъ потомъ еще на многихъ баталияхъ, и дослужился до генеральскаго чина, женатъ былъ на вдове Черноевичевой, княжнѣ дочери полковника князя Афанасія Рашковича, и потомъ по ево великимъ по службе дѣламъ былъ пожалованъ отъ ея величсства императрицы королѣвы венгеро-бохемской Маріи Терезіи барономъ и кавалеромъ терезианскимъ орденомъ, а напослѣдокъ уже подь высокую старостъ произведенъ генераломъ фелтцабгменстеромъ и определенъ на покой въ должностъ оберъкомендаита въ Италию въ городь Кремону, принадлежащій дому австрискому, где прошедшаго 1783 года и скончался, но толко то одно жалъ что послѣ его не осталосъ детей, и тѣмъ сеи достоиной герой жызнъ свою скончилъ.

събырать, я на то отвечалъ представляя имъ нужду что жестоко пыть воды хатѣлъ, а между тѣмъ говорю и фруктовъ набралъ.

На семъ лагере были мы еще четыре дня и потомъ пошли далѣ въ правую сторону къ городу називаемомъ Елсасъ Цабертъ, корпусъ нашъ шолъ въпериодъ а за ными и вся армыя помаршировала, но оная остановылась и расположилась лагеромъ въ другомъ местѣ, а нашъ корпусъ толко одинъ подь Цабертъ подступылъ, где въстретила насъ партия не велика французской коныци, однакъ ничего съ намы не зачиналы а толко что увидя насъ вернулысъ назадъ.

Въ томъ городе былъ войска французскаго корпусъ даволно великъ, оны сперва изъ крепости попротивилысъ намъ и зачалы было пушкамы съ бастионовъ по насъ стрелять, но потомъ илы оны уже не в силахъ были устаять, илы у ныхъ что нибудъ другое было, ибо какъ скоро мы подвезлы нашу артилерию и сталы по городу стрелять то ихъ кононада престала, а наша не преставала и силную стрелбу производилы, отчего скоро увидѣлы мы что французская пехота на другую сторону города стала выходитъ и подниматца по болшой дороге на гору, и тѣмъ открилы намъ что ихъ сила противо насъ и половиной части не составляла.

Оны какъ на гору сталы подниматца, то мы наилучше силу ихъ, по цветамъ мундирнымъ, полки и зборние баталиони увидетъ и узнатъ могли.

Ворота городовые съ нашей стороны какъ были пушечными драмы разбыти, то тотъчасъ войска наши вошли въ городъ, и пошли поспешно въ догонку за неприятелемъ, коего еще на выхо города полние улыци были и маршировалы въ своемъ порядке и кривая свою ретираду отъступнимъ боемъ, отстреливалысъ въ крепко, и сколько вреда оны зделалы намъ, столко еще жители города изъ дамовъ своихъ чрез окошка что по насъ стрелялы, с у насъ было много убытихъ и раненыхъ.

Я при семъ случаи имѣлъ даволно оказию видѣть, что ес ствие военное въ моемъ зачале тогда службы и в такихъ м еще летахъ, будучи съ полкомъ въ силномъ томъ сраженіи.

Французи хотя и ритировалысъ, но однако ни мало с ступомъ не спешили, а непрестано производилы плотон насъ палбу, способь имъ къ тому подавала широкая въ го а за городомъ еще вьдвое шире дорога, по коей какъ матца сталы на гору, то занималы фрунтомъ поперек рогу и удваивалы свои плотонги.

была заперта, онъ выпросилъ у хазяйки чтобъ меня на малое в туда въ ее спалню въвесть, покудова мнѣ лекарство приправи чаю напьюсъ, она столко была ласкова, что не поспорила въ ни мало, спалню свою отьперла и меня туда въвелы, съжалы надо мною, не дала намъ чаю варить, а сама скоро свой чай несла, баба молодая и не дурна собою, между тѣмъ лекарь далъ нечто изъ его составлѣного лекарства выпить, такъ приятное к самой лучши лыкоръ, я то принялъ и потомъ чаемъ запылъ, тутъ и зборъ въ барабанъ ударилы и корпусъ поднялся, хозяйка за по и за чай ничего отъ насъ взять нехотѣла, а сожалѣла что меня болного повелы и въ каляску положилы, я поблагодаря ей за т ласку, поехалы далѣ, какже спустя мало времени после моего пр подействовало лекарство и понесло меня рвать самая желчь, я малъ что и кишки выдуть вонъ, браню я лекаря что такъ слыш крепкое лекарство мнѣ далъ, а онъ смеиотца говоритъ: дабро, ет рошо, здаровъ будетъ, и тако пришли мы около полденъ на то м где лагеръ занять, на поляхъ засеяныхъ хлебамы, кои уже жалы мужики возють и спешать убрать оной къ своимъ домамъ, на месте было целимы нивамы табаку много посеяно и некоторая ч подь лагеръ было занято и пропалъ.

На семъ лагере имѣлъ корпусъ ночлегъ адынъ, а на завтр часу десятомъ по утру пошли далѣ и мнѣ уже лехче стало и я верхомъ ехать при полку.

Мы маршировалы отътуда малыми маршамы, покудова армі периодъ успеть могла чрезъ реку Рейнъ прѐправитца назадъ въ йхъ, уже въ немецкую землю.

При вступленіи арміи нашей въ Елсасъ, какъ я выше говор былъ у насъ для преправы чрезъ реку Рейнъ наведенъ адынъ м и казалосъ, что преходъ нашъ былъ поспешенъ даволно, а та у обратномъ марше зделалы два моста на судахъ адынъ возлѣ гаго, да и тѣ показалысъ тесно и мало, сіи мосты были наведены деревнѣю называемая Пеинхеймъ въ лесистомъ местѣ съ об береговъ реки Рейна, и зделано съ стороны нашего прихода з ной редутъ, пред которимъ по краямъ волчие ямы и въ каждой яме ударенъ вострой колъ въ вишину на ровнѣ съ землѣю, и по ронамъ того редута учинѣни изъ состоящего тамо леса болши секи, позады коихъ у берега съкладено было множество вяза соломяныхъ кулѣй.

Корпусъ сталъ лагеремъ безъ палатокъ при той деревнѣ на

подъ самымъ лесомъ отъ мостовъ за полъ мыли разстояниемъ, и прикривалы преправу.

Чрезъ тотъ день и чрезъ наступывшую ночъ наша армия и весъ обозъ успѣлы на ту сторону чрезъ мосты преправитца, и поставлено повелениемъ главнокомандующаго на томъ берегу по краямъ мостовъ две батареи съ пушкамы и съ прикритиемъ пехотной каманды, а корпусъ нашъ предь светомъ пришедъ къ мостамъ заняли въ томъ редуте, что на сей сторонѣ, и въ засеке место особо на то наряженою командою, а протчие весма поспешно шлы на мосты и преходилы на ту сторону.

Мы толко что преправлятца зачалы, то услишилы ужъ позады престрелка происходитъ и зделаласъ у насъ маленкая тревога, а то было что изъ крепосты фортъ Луя, коя состояла въ сторонѣ не весьма въ далнѣмъ отъ нашей преправы разстояніи, и выдно что захотѣлосъ было Французамъ насъ потревожитъ и напастъ въ тылъ за намы на преправу, ихъ коныца настигла и зачалы съ нашимъ ариеръгардомъ малую препалку, а потомъ какъ пехота поспѣла то ужъ палба стала посилняе и наперли на насъ болшимъ приступомъ, отчего нашъ ариеръгардъ поспешылъ къ мостамъ въ ретираду.

На тожъ время каманда наша, что въ редуте была, сталы скоро иные носитъ тѣ соломяние кулы съ берега и бросатъ на засеку, а другие отъстреливалы и удерживалы неприятеля, покудова всѣ наши чрезъ мосты на ту сторону убралысъ, а затѣмы и та последная каманда запалывши салому и засеку побежалы на мостъ, при чемъ также изъ батериевъ и наши пушечние выстрелы пособыли, что Французы не моглы на берегъ и къ мостамъ приступытъ, одно то что засека около редута загореласъ, а друго наши какъ со всѣмъ на ту стое рону пребралысъ, то на мостахъ лежащие по сторонамъ соломяни кулы и смоляние доски зажглы, отчего уже и весъ мостъ згорѣлъ и тѣмъ наша преправа кончиласъ.

Я здесь о той землѣ Елсасіи, изъ которой мы вышли, хочу несколко упомянутъ, что оная естъ весма хороша по болшой часты ровная и плодородная, заселена городамы и селамы частимы, виноградовъ оченъ много и всякаго рода фруктовъ изобылно, но что земля оченъ народна, то тѣмъ кажетца для жителѣй несколко тесно, однако во всякомъ порядке всио устроено, скотъ имѣютъ для своихъ нуждъ достаточно, но толко лошадей мало да и тѣ коихъ оны имѣютъ сутъ негодние, аословъ держутъ много.

Армия наша помаршировала во внутръ Райха далѣ, продол-

жалы марши умерение, а неприятеля въ слѣдъ за намы не было, Французи осталысъ на своей границе за рекою Рейномъ и не пошли далѣ, а Баварци самы собою действоватъ были уже не в состояніи, и тако по наступывшему осенѣму времены ученѣно о винтеръ квартерахъ распоряжение, где и вкакихъ провинцияхъ армыи расположитца.

Нашему корпусу довелосъ бытъ въ землѣ неприятелской, въ Баваріи и въ оберъ Фалцу, куда маршъ свой и повернулы и пришлы въ Баварию къ городу Шартингу, отъколъ ужо сталы наши полки по своимъ назначенымъ квартерамъ разходытца, а нашему полку довелосъ бытъ въ оберъ Фалце, куда и послано въпериодъ для заготовленія квартиръ и фуража, а полкъ на другой денъ выступылъ.

Въдругъ тоежъ утро при выступленіи обьявленъ отьцу моему посланымъ отъ генерала приказомь арестъ и тутъ ему въ городе остатца что и зделано, сей ударъ былъ мнѣ весма чувствительнымъ, а болшъ что мнѣ съ нымъ растатца, не зная сему никакой притчины. полкъ нашъ и я с полкомъ помаршировалы, а квартеры наши какъ сказываютъ еще далеко и что разве седмымъ днемъ туда поспѣтъ будетъ можно, сътревожило меня ето дѣло чрезвычайно я сталъ майора своего проситъ, чтобъ меня уволнытъ обратно и бытъ у отца несколко дней покудова увыжу, что съ нымъ воспослѣдуетъ далѣ, майоръ меня уволнылъ.

Я возвратясъ назадъ въ городь Шартингъ лышъ толко что приехалъ выжу, что батюшку моего хотятъ возитъ назадъ еще мыли три въ замокъ називаемы Сумъ.

Главнокомандующій армыею принцъ Карлъ поехалъ въ Выену ко двору, а препоручилъ армыю фелтмаршалу графу Бадяны, коего и квартера въ томъ замке Сумъ бытъ назначена.

Отца моего туда привезши поставленъ под караулъ возлѣ хаубтьвахта, и приставлѣны два часовыхъ, тутъ содержался онъ недели две и я при немъ былъ безьотлучно.

После сего сталы над нымъ производытъ слѣдствие и такихъ делъ отъ него спрашиватъ, чего онъ и во снѣ не сниваль, будто онъ подьгаваривалъ салдатъ, чтобы о недоимочномъ жалованіи бунтовалысъ и чтобы оставляли службу і бежалыбь.

На сіи запросы батюшка мой отьвечалъ чисто и доказивалъ, что онъ о такой продерзосты не токмо не знаетъ, но никогда ничего чтобь салдати имѣлы какое въ недоимочномъ жалованіи неудоволствие оть ныхъ не слихалъ, да и такое ихъ жалованые пропастъ не можетъ какъ уже оны то и получилы, а конечне де говорилъ батюшка

мой такое дѣло на него от каво ныбудъ по злобе нанесено (какъ о семъ ниже въ своемъ местѣ изъяснено будетъ).

Сіи допроси и что на оные батюшка мой отьвечалъ представлено отьсуда къ фелтъмаршалу, но потомъ поступлено съ батюшкомъ моимъ еще строжае, заковалы его вь железа: хотя то тамъ въ цесарской службе и есть въ обычай, что почти за безделицу скуютъ афицера въ железа и посадютъ подь арестъ къ профосу, но однако какъ такая строгостъ надъ отцомъ моимъ воспослѣдовала, не знавъ человекъ за собою никакой вынносты, то конечне досадно.

Фельтмаршалъ приказалъ то учинитъ потому, что считая конечне батюшка мой въ вынѣ своей не хочетъ признатца, и чтобы его такою строгостию принудитъ, и велѣлъ въновъ вопросние пункта учинитъ и по онымъ его спрашоватъ.

По сему повелѣнию какъ присудствующие собралысъ и велѣлы батюшку моего такъ въ железахъ привестъ туда, и потомъ сталы его спрашиватъ не токмо, что о томъ прежднѣмъ, но еще с прибавкою новыхъ пунктовъ, каторие ему напериодъ всѣ прочлы, а затѣмъ по каждому порознъ спрашивать сталы, на что батюшка мой обьявылъ, что онъ таперъ ни на что отвечатъ не можетъ яко некоторие ево дела, кои онъ имѣетъ къ своему оправданыю, осталысъ при полку въ его екви- паже и проситъ времены недели на две, покудова онъ туда въ полкъ отъ себя пошлѣтъ нарочного и подлежащие дела ему отьтуда принесетъ, и чтобы ему съ тѣхъ запросныхъ пунктовъ далы копыю, а по выходе двухъ недель онъ самъ въ свое оправдание отвѣтъ представытъ имѣетъ.

На сие обьявление презесъ того слѣдствия и оберъ аудиторъ въсталы съ своего места и велѣлы батюшки моему вытитъ въ другую горницу, оны посоветовалы между собою и пошлы оба къ фелтмаршалу о томъ доложитъ.

Мало спустя потомъ возвратилысъ, и батюшку моего опятъ въ присудствие призвалы обьявывъ ему, что господинъ фелтмаршалъ по его прозбе велѣлъ срокъ на две неделы отьложитъ и копыю съ вопросныхъ пунктовъ датъ приказалъ.

Батюшка мой, получа такову копию, отведенъ былъ по прежднѣму въ свое место, куда пришедь сказиваетъ мнѣ и подаетъ тѣ пункта по немецки пысание, я ему оные читалъ и превелъ на сербски.

Того же дня отъправляетъ меня батюшка въ полкъ и пишетъ къ майору и къ протчимъ афицерамъ, приложа и ту копыю съ вопросныхъ его пунктовъ, проситъ майора и афицеровъ, чтобы ему при-

слалы атестатъ о службе, также свидителство, что онъ по тѣмъ запроснымъ пунктамъ винымъ не состоитъ.

Я тотъ часъ отьправился въ дарогу съ аднымь толко слугою верхамы, дня два ехалъ я Бавариею а потомъ вошолъ въ оберъ-Фалцъ и поспѣлъ въ полкъ въ шестъ дней, меня какъ скоро наши увидѣлы, всякъ скоряе желалъ со мною говоритъ и спрашиваютъ, что и какъ съ батюшкою моимъ зделалосъ, я майору моему явывшысъ подаю ему и къ протчимъ до кого слѣдовало привезеные мною пысма съ обьявлениемъ обо всемъ, сколко мнѣ по тому делу было сведомо.

Майоръ собралъ всѣхъ афицеровъ, читалы тѣ присланые запросние пункта, сожалѣлы о невиности и страданіи батюшки моего, сталы пысать атестатъ и свидителство с такимъ выраженіемъ, что естли кто нибудъ доказатъ можетъ, чтобы въ такомъ деле капитанъ Пишчевичъ, въ каковомъ на его донесено, былъ чемъ лыбо выненъ, то оны всѣ подвергаютъ себя штрафу и ручаютца за то своею честью, а то де не иное что какъ конечне отъ какихъ нибудъ злоумышлѣныковь на него донесено съ неправдою, и онде потому напрасно страдаетъ.

Сие свидительство и атестатъ о службе подписали майоръ и всѣ афицеры, о кроме двухъ капитановъ немцовъ, кои недавно въ томже походѣ были толко на время въ полкъ причислѣны, оны съ зачала вступления тотьчасъ хотѣлы бытъ въ полку старшимы капитанамы и непрестано съ батюшкою моимъ о томь споръ имѣлы, тѣ оба капитана при подписке того свидителства и атестата руки своей къ подписке приложитъ не хотѣлы, изъвыняя себя что оны недавно къ полку причислѣны и другой націи люде, а ктому по новости де нашей не знаемъ еще въ точностъ его состояныя и для того де подписатъ того свидителства и атестата не можемъ.

Таковъ поступокъ сихъ двухъ капитановъ и подалъ притчину обь ныхъ сумнѣватца, всѣ афицеры тутъ зашумѣлы и сталы обеихъ тѣхъ укарятъ и улычатъ, что де конечне вы тѣ самые, кои нашего товариша оболгалы и чрезъ васъ де онъ страдаетъ, когда вы подписатца с намы вообще не хотите, такое дело тутъ произошло было что едва майоръ утолытъ могъ, на тожъ время какъ салдати о такой подписке свидителства услышили, то почти вся батюшкина рота, какъ оная тамо въ блызосты на квартерахъ была, прибежала и доложилы о себе майору что прозбу имѣютъ, майоръ съ афицерами самъ къ нымъ вышолъ, оны всѣ сталы говоритъ и проситъ: какъ де мы слышимъ, что нашъ господинъ капитанъ страдаетъ и терпытъ арестъ невыно, а мы его

любя и почитая скорбымъ по нѣмъ, и мы де безъ его какъ овцы безъ пастиря печалымся, что ево здесъ пред намы нѣтъ, то и просимъ всѣ вообще дабы отъ стороны нашей салдатской прозбу на пысме принятъ и представытъ, ибо де мы безъ его весъ свой куражъ тѣряемъ, а онъ де страдаетъ напрасно и мы всѣ жизнью нашею за нево ручаемся, что онъ ни вчомъ невыненъ и того ничего не было что на его донесено.

Майоръ и велѣлъ принятъ на писме ту выраженую отъ ныхъ прозбу и засвидителствоватъ отъ той роты афицерамы, а кой были ундеръ-афицеры и капралы граматние а некоторые и редовые, то тѣ самы за себя подписалысъ, и тако совершивши все сие, зделалъ майоръ особливое еще отъ себя къ фелтмаршалу представленые, отправилы меня обратно.

Възялъ я свою тутъ поспешно тоюжъ преждн҃ѣю дарогою и прибылъ къ тому замку, где фелтмаршалская квартера была, но ужъ не засталъ тамо никаво, фелтмаршалъ прешолъ въ сторону своею квартерою въ другой господской домъ, кой былъ весма огроменъ и украшенъ великолѣпно, називался Санктъ-Мартинъ, я неупуская времены хотя и весма было холодно и снеги, и морозы великие, однакъ поспешалъ и другимъ днемъ туда прибылъ.

Батюшка мой какъ меня увидѣлъ обьрадовался, тогожъ дня и срокъ двунедѣлни что отъ слѣдственнои камысіи было отложенъ мынулъ, батюшка мой разпечатавъ пысми увыдѣлъ всио то чего желалъ, я ему пресказиваю что маіоръ нашъ особливое еще писмо къ фелтмаршалу писалъ, и о протчемъ также пресказалъ, что при подписке свидителства отъ техъ двухъ капитановъ произошло и какъ всѣ афицеры мало съ нимы не подралысъ.

На завтрешны денъ рано посилаетъ меня батюшка мой къ оберъ аудитору обьявытъ, что онъ свои дела къ отчиске своей уже имѣетъ въ готовносты и что желаетъ, дабы оные отъ него были приняти, почему оберъ аудиторъ тотъ часъ пошолъ къ фелтмаршалу доложитъ а я тѣмъ временемъ зашолъ въ трактиръ и дождался тамо адинатцатъ часовъ, потомъ пашолъ къ фелтмаршалу чтобы ему отдатъ своеручно то писмо, которое къ нему майоръ писалъ, а притомъ какъ мнѣ батюшка приказалъ проситъ оть стороны своей по пристоинству о освобожденіи отца своего.

Вошедъ я во дворъ фелтмаршалски спросилъ стоящихъ у воротъ часовыхъ куда наверхъ ходютъ, анѣ указалы мнѣ болшую лесницу и ту сторону куда итытъ надобно, вошолъ я въ болщой залъ,

тамь были ординарци и слуги, тѣ показалы мнѣ двери далѣ итыть ежелы мнѣ надобно, я по тѣмъ словамъ пашолъ прямо чрезъ два покоя и остановылся тамо пред спалнѣю, у коей были адна половина дверей несколко отворены.

Фелтмаршалъ какъ прохаживалъ по покою, то чрезъ отворение двери меня увидѣлъ и позвалъ къ себе, онъ еще меня не зналъ, а также и я съ нымъ никогда прежде не говорилъ, я подошедъ възялъ его руку поцеловалъ, подаю писмо маіорское, онъ сталъ разпечативатъ, а я оборотя голову увидѣлъ на канапею сидитъ графиня фелтмаршалша, о которой я прежде слишилъ но невидалъ, держала она вь рукахъ некакое дамское рукоделые—показалосъ мнѣ что кошелиокъ вяжетъ, я подошедь къ ней и также руку поцеловалъ, а потомъ сталь противь фелтмаршала, графиня на меня прилѣжно смотрела однакъ ничего неговорила, между тѣмъ фелтмаршалъ писмо прочолъ и говорить ко мнѣ: кто вы таковъ и какое ваше дело, я отвечалъ что я адютантъ ландь-мылицкаго подунайскаго полка, и что я синъ того несчастнаго капитана Пишчевича, которой здесъ въ железахъ подь арестомъ содержитца, и выговоря сие припалъ къ нему, сталъ просить о освобожденіи отца моего, причемъ и прослезился.

Я толко что свою прозбу представылъ, какъ въдругъ графиня стала къ фельтмаршалу говоритъ: ахъ Боже мой какъ сего молодчика слезы и нѣжная его прозба меня тронуло, зделай мылостъ надь нимъ беднимъ и утешъ его; я услишивъ оть графины такой отзывъ падошолъ скоряе къ ней и поцеловалъ руку, сталъ ее просить представляя отца своего невынъностъ и что онъ обнесенъ отъ злоковарныхъ и ненавистныхъ людеі, и носитъ такое несчастые по напрасну, графиня отвечаетъ мнѣ насмеявшисъ: будъ надеженъ что фелтмаршалъ вамъ зделаетъ справедливостъ, а я буду твой стряпчей.

Потомъ фелтмаршалъ сталъ меня спрашиватъ где я учился и давнолъ служу, на сие я отвечалъ что стараниемъ отца моего учился въ Выенѣ и в другихъ городахъ, а таперъ говорилъ я какъ отецъ мой пошолъ въ сей походь, то для практики и чтобъ повидетъ светъ и чужие края, а при томъ по нашей природе, чтобъ и въ военыхъ действияхъ въ моихъ еще молодыхъ летахъ приобрестъ привычку, възялъ онъ меня съ собою и былъ съперва волонтеромъ, а потомъ что при главномъ смотре г-мъ оберъ кригсъ камысаромъ фонъ Клейномъ произведенъ въ сей чинъ.

Послѣ сихъ разговоровъ говоритъ мнѣ фельтмаршалъ, я де приказалъ оберъ аудитору, чтобъ онъ дело отца твоего принесъ ко мнѣ,

а вы будте спокоенъ, отцу де твоему всио то зделаетца, что по справедливосты надлежитъ, и с тѣмъ меня отпустылъ, я поклонясъ фелтъмаршалу и графинѣ, повторая при томъ мою прозбу, пашолъ протчъ.

Скоро я вышолъ изъ квартеры фелтмаршалской, зашолъ къ оберъ аудитору пресказиваю ему, что фелтъмаршалъ сказалъ, на что онъ говоритъ поежаите вы скоряе и принесите всѣ дѣла отца вашего, какие онъ представитъ къ своему оправданию имѣетъ, сюда ко мнѣ, мнѣ де уже о томъ приказано чтобъ въ часу четвертомъ после польденъ подьнестъ на разсмотрение.

Я после того скоряе поскакалъ обратно къ батюшке моему (а было то место неболшая деревня, где онъ содержался разстояниемъ отъ туда за маленкие польмыли), сказавь ему обо всемъ и забравши всѣ дѣла отьнесъ оные къ оберъаудитору, онъ принявши всио то сталъ читатъ (а оные были въ полку сочинѣны полковымъ квартирьмейстромъ по немецки) и говоритъ оберъаудиторъ, добро вы имѣйте до завтре терпение, я де севодни понесу все и представлю фелтмаршалу, съ тѣмъ я и уехалъ назадъ.

Утрешни денъ въ десетъ часовъ поехалъ я къ оберъаудитору, онъ меня въстретылъ видомъ приятнымъ и говоритъ: пойдите таперъ вы къ господину фелтмаршалу, онъ вамъ скажетъ резолуцию.

Я поспешилъ скоро туда и войдя по преждnѣму въ залъ и далѣ въ другие пакои, фелтмаршалъ меня увидѣлъ и позвалъ къ себе въ спалню, тамъ и графиня была, я имъ обеимъ поклонился и сталъ, фелтмаршалъ подошедь ко мнѣ положылъ свою руку на мое плечо говоритъ: пайди скажи твоему отцу что онъ севодни будетъ выпущенъ, а графиня также тутъ скаааla, видишъ я де тебы вчерасъ говорила, что я твой стряпчи буду, таперъ спокоенъ лы ты, я поблагодаря за высокую мылостъ покленясъ поцеловалъ обоимъ руку, вышолъ отьтуда сѣвъ на лошадь, поехалъ скоро къ батюшке моему, онъ какъ меня чрезъ окошко увыдѣлъ что я на лошады скачу, догадался что конечне весты будутъ приятние, вышелъ къ дверямъ встречаетъ меня и говоритъ что естлы мылостъ, я отвечаю ему: слава Богу дело кончено и вы севодня будете выпущены.

Съпустя часа полтора едетъ фелтмаршалски флигельадютантъ, несетъ батюшки моего саблю и обьявляетъ ему освобождение исподь ареста, тутже при нѣмъ съ батюшки и железа сняльı.

Мы тотъ часъ убралы свои екипажъ въ каляску и верховыхъ лошадей поседлалы, коихъ батюшка мой при себе на другомъ дворе содержалъ, подаривъ караульныхъ переехалы къ фелтмаршалской

квартире въ состоящій тамо трактеръ, тамъ особливую горницу взя
и велѣлы хазяину датъ намъ покушатъ.

После польдня под вечеръ пашолъ батюшка мой и я съ ны
къ оберъ аудитору, поблагодаря ему за ево оказанъную помочъ
и трудъ, и на томъ тотъ день прошолъ.

По утру въ обыкновеное время убравшисъ мы въ свои нов
мундири пашли къ фелтмаршалу, я ужъ тутъ былъ батюшки мое
провожатимъ, шолъ я пред нимъ показивая куда итытъ надобно,
вошедь въ заль и далѣ, тамъ былъ адинъ лакей сидѣлъ у окош
коего мы попросилы чтобъ об насъ доложилъ, онъ то зделалъ и на
въ спалню въпустилы.

Батюшка мой по немецки не могъ чисто говоритъ, для чего пре
ставлялъ фелтмаршалу свею благодарностъ за выпускъ исподь арес
и говорилъ о своеи невыности своимъ природнымъ сербскимъ язы
комъ, я ужъ тутъ служылъ преводчикомъ і изяснялъ всио то, что б
тюшка мой говорилъ.

На сіи слова фелтмаршалъ выдъ даволно приятни показал
даетъ батюшки моему въ руку запечатаной конвертъ на имя наше
корпусного генерала барона фон Перьклау, сказиваетъ при томъ ч
де я ето пишу къ генералу обь васъ, что вы исподь ареста освобо
дены, и что выносты никакой неподвержены, и чтобы по преждне
командованые роты вамъ принятъ, тотъ конвертъ батюшка мой пр
нялъ и сталъ говоритъ, зделайте ваше сиятелство надо мною еп
адну мылостъ, скажите мнѣ за что я былъ подь арестомъ и кто ме
обьнесъ, я будучи говорилъ батюшка мой столъ долгое время
службе, никогда небылъ ни в какихъ порокахъ и служылъ всегда чест
и верно, а таперъ подъ такимъ стидомъ и петномъ чтобь остат
считаю то за велыкую себы обыду.

Фелтъмаршалъ выслушалъ чрезъ мой преводь сіи слова осме
нулся говоритъ: слушай оставте вы то требоватъ, честъ де ваша
мало тѣмъ что вы претепѣлы неможетъ вредыма быть, а человѣ
всякъ подъверженъ претерпѣватъ и сноситъ зло и дабро, и с тѣ
остантесъ вы с покоемъ.

Батюшки моему за симъ болѣе не оставалосъ чего говоритъ, п
клонился поблагодаря и графинѣ поцеловавъ ей руку, пошлы гот
витца къ своему отьезду.

У насъ какъ всио было готово, то по утру поехалы въ сво
путъ къ полку, но первее надобно было заехатъ къ корпусному ген
ралу, чтобы податъ тотъ фелтмаршалски конвертъ и обьявытъ о се

батюшки что онъ выпущенъ, для чего и вьзялы мы дарогу чрезъ прежній городъ Шартингъ, было то немного въ сторону, куда приехавъ остановилысь въ трактирь где и преночевалы, а генералъ былъ еще далѣ въ городе Пасау.

Какъ можетъ быть что ужъ не доведетъ судбына болѣе въ сей землѣ бывать, то между протчимъ не хачу прапустить, чтобъ о семъ городе Шартинге не упомянуть, его положение состоитъ на плоскомъ местѣ близъ реки Дуная съ полуденной стороны, городъ самъ собою не оченъ велыкъ но даволно хорошъ, а строение всио каменъное и домы етажа въ два и вь три естъ, и купечества имеетъ даволно.

Мы изъ Шартинга по утру рано выехалы и продолжалы свою путъ снегамы великимы и с трудностию до города Пасау, куда приехавши явилысъ корпусному нашему генералу; батюшка мой обьявляетъ ему, что онъ исподь ареста освобожденъ и подаетъ конвертъ фелтъмаршалски, генералъ принявъ оной распечаталъ, и читалъ, показивая при томъ ласковой намъ приомъ, говоритъ что онъ много тому радь о оказаной батюшки моему фелтмаршалской мылости, и что сожалѣетъ о ево понесеномъ аресте, и приказиваетъ своему секретарю пысатъ по силѣ фелтмаршалскаго повелѣния къ нашему маіору ордеръ.

Батюшка мой началъ говоритъ, представляя ему какъ онъ считаетъ то за великую себы обыду, что напрасно терпѣлъ арестъ, и что сие конечне на него нанесено злоковарнимы людми, и какъ онъ не сумнѣваетца чтобъ о тѣхъ людяхъ его превосходительство не зналъ, то и проситъ чтобъ учинитъ великую мылость обьявытъ ему ктобы оны таковы были, (у генерала былъ преводчикъ которой съ сербскаго языка преводылъ, потому что всѣ сербские ландмилицкие полки въ походе находящиеся состоялы у него въ каманде, и безъ такова преводчика обоитытца было никакъ нелзя, каторой и тогда что батюшка мои говорилъ, генералу преводылъ, а я на то время стаялъ слушалъ что говорятъ).

Генералъ отьвечаетъ, что ето де правда, я хоть и знаю о томъ и могъ бы тебы обьявытъ, но зная васъ Сербовъ и ты захочешъ за то отьмстытъ, такъ илы убыешъ илы срубышъ человека, чрезъ что можешъ ещё болшъ несчастия на себя навестъ и тако лучше будетъ говорить генералъ, что ни ти о томъ спрашивай ни я буду сказоватъ, а бросимъ де то дѣло въ забвение; послѣ того какъ болѣе делатъ было нѣчего, то отьклонясъ у генерала пашлы въ трактиръ, где еще и в слѣдуюшую ночъ преночевалы, и завтрешни еще день пробулы,

хадилы по городу и были въ лавкахъ и скупалы кое чего что намъ надобно было.

Городь сей Пасау есть великъ даволно, лежитъ между двумя рекамы въ вылахъ, съ правой стороны онаго течетъ река Дунай, а слевой река Ина, и обе тѣ реки имѣютъ чрезъ себя мосты на судахъ по берегамъ къ средине города, сіи обе реки соединяютца ниже города въместѣ и ужъ Ина тѣряетъ на томъ устье свое имя, а пошолъ далѣ Дунай и течетъ на востокъ, городь хорошъ, народенъ, домы всѣ каменые, улыци чистие и купечества доволно за рекоюжъ пошли превеликие каменистие горы и другая уже земля називаемая оберъ-Фалцъ что выше я говорилъ, и где полкъ нашъ свой квартеры имѣетъ.

На другой денъ оставилы мы сей городь и землю Баварию поехалы оберъ-Фалцомъ къ полку, путъ наша была оченъ трудна, что горы и леса великие, то бы еще въ такое зимнѣе время сносно было если бы где порядочно было заехать и преночеватъ, а то села такие бедние и народь скуденъ, избы всѣ чорные и нечисто, что на некорихъ местахъ и вовсе туда войтытъ было неможно, чрезъ что принуждены были ехатъ с прибавкою далѣ і изискиватъ, гдебь чрезъ ночъ подклонитца моглы, а хлебь у тѣхъ бедныхъ людей весма неприятенъ и человѣку непривичну вовсе естъ и в пищу употребытъ не можно, въ немъ смешано весма малая часть рожы а кь оной прибавлено овесъ, горохъ, и бобы болшие, и всѣ то въместѣ смолото и хлебь спеченъ, катораго оны оченъ велика делаютъ и покудова теплой, то еще несколко будто есть можно до и то намазавши масломъ, коего а также и мясо имѣютъ достаточно способомъ горъ и лесистыхъ местъ, где скотъ водитъ могутъ.

На противже того где въ той землѣ города и местечки состоятъ, хотъ оные не весма часто лежатъ, но ужъ тамо и строение хорошое и всякая выгода проежему можеть быть, и всио достатъ, хотъ слышкомъ дорого да есть, окроме одного вына нѣтъ и того не спрашивай, а веселысъ хорошымъ пывомъ, и такимъ образомъ по той трудной дароге едва мы двенатцатымъ днемъ къ полку прибыли.

Тотже самой денъ нашего приезда было у майора собрание и случилысъ всѣ афицеры тамо при штапькквартеры, какъ скоро увидѣлы что мы приехалы тотьчасъ пришли и всѣ рады, целуютъ батюшку моего сожалѣя о ево страданіи, и с тѣмъ всѣ пашли въместѣ къ майору, онъ также весма радь былъ что батюшка освободылся, батюшка мой поблагодаря майору и всѣмъ афицерамъ за присланой атестатъ и свидителство, причемъ зачалъ говоритъ, что де я даволно при-

метытъ могъ изъ словъ господина фелтмаршала, а также и нашего корпусного генерала что между намы въ полку естъ злоковарние люде, кои по ненависты меня обнеслы и я безъвынно страдалъ, хотя де сие говорилъ батюшка мой и не можетъ меня безъчестнымъ учинитъ что я претерпѣлъ, яко не по винѣ моей и напрасно, однако пропуститъ такъ не могу, чтобы о семъ при собраніи таперъ не обьяснитъ, хотя тѣ злоковарние люде и не вышли на публику, но однако—рано илы поздо не оставлю доказатъ тѣмъ какъ честь моя мнѣ дорога, на сіи слова всѣ афицеры тоже повторялы, при чемъ и тѣ два капитаны были, кои: послѣ сего всячески старалысъ завестъ дружбу съ моимъ батюшкою, и видя напослѣдокъ что имъ тутъ места нѣтъ, препросилысъ въ другие полки куда и преведены.

Афицеры на другой денъ всѣ разехалысъ, также и батюшка мой поехалъ къ своей ротѣ, где и квартера ему уже готова была, я ево туда проводылъ, а на треты денъ возвратылся къ майору въ штапь квартеру къ своей должносты, а помынованіи несколкихъ дней приехалъ ко мнѣ нашего полка капитанъ Антоновичъ, какъ онъ былъ со мною оченъ друженъ, проситъ онъ меня чтобъ я съ нымъ на ево квартеру поехалъ и тамбы у него чрезъ всю зиму и стаятъ, яко отъ штапь квартеры онъ всего разстояныемъ съ польмыли состоялъ, я на сию прозбу согласился; просилъ майора о уволненіи, на что получа дозволеные, но съ тѣмъ чтобы для сочинения семыдневныхъ рапортовъ приехать всякой суботы въ штапъ, и тако я съ моимъ другомъ капитаномъ Антоновичемъ поехалъ, онъ стаялъ квартерою въ одномъ селѣ прозиваемомъ Мылдахъ въ доме у барона Шенбрунъ, домъ весма изрядной каменной и обширенъ доволно, на хорошемъ местѣ надь рекою называемою Регнъ, мы скоро вошли въ пакой где баронъ съ женою насъ въстретилы ласкаво, а капитанъ Антоновичъ сталъ говорить (онъ немного понемецки говоритъ разумѣлъ): вотде господинъ баронъ мой братъ, о коемъ я вамъ много кратъ пресказовалъ и вы его выдѣтъ желалы, потомъ оборотясъ къ баронесе говоритъ, ви де судариня великая охотница къ танцамъ а братде мой тоже, такъ таперъ сошласъ пара.

Мнѣ отведена особливая комната возлѣ моего друга, а тутже поблизосты чрезъ сенци толко и баронъ съ женою спалню свою имѣлы, потомъ я съ нимы скоро познакомылся и такъ что сталы меня обое отмено любытъ.

Мы чрезъ всю зыму проводилы время весело вь танцахъ и вь машкарадахъ, хазяинъ собыралъ къ себе часто своихъ сосѣдовъ и

свойственыковъ, а также и мы къ нымь въ госты ездилы и такимы забавамы чрезъ всю зыму время праводилы.

Ездилы мы иногда верхамы въ полѣ на охоту, а баронеса за намы на саняхъ и нигде оть насъ отьстатъ не хотѣла, у насъ також въ соседстве былъ городокъ неболшой називался Камъ, мы и туда на саняхъ по тамошнѣму обычаю зимою с колоколчикамы для прогулки иногда ежалы.

Въ адынъ денъ хатѣлъ я ехатъ къ своему майору отклонясъ у барона и у баронеси обещавъ имъ, что тогоже дня въ вечеру возвратытца назадъ, съ тѣмъ пашолъ въ нызъ где уже и моя верхова лошадь была подведена (у меня была еще и другая верховая лошадь отмено доброежа), я тогда на ее селъ и поворотылъ, хотѣлъ было зделатъ бароңеси удоволствие, какъ она на окошке стаяла и гледѣла, чтобь пропарадироватъ, а тоть день на дворе было оченъ сколско, я несмотря на то (какъ обыкновено молодые люде ни что при такихъ случаяхъ не уважаютъ) тронулъ свою лошадъ немного шпорою, она стала переднимы ногамы подниматца зделала разъ и другой неболшие попривычке курбеты, а на тотъ часъ скользнуласъ заднимы ногамы и повалыласъ со мною бокомъ на землю, и придавыло мнѣ стремя ногу такъ болно, что меня на силу подняли и почти на рукахъ люде на верхъ понесли, я оть сего испужался оченъ что нога крепко распухла; для чего послалы скоряе за нашимъ лекаремъ, онъ приехалъ и сталъ делатъ припарки и спиртомъ мазать, хоть то посабыло мнѣ много однакъ болшъ неделы еще храмалъ, а пуще досадно было что долго танцоватъ немогъ.

Наше таково увеселение прекратилосъ скоро и время таково прошло какъ адинъ денъ, и мы я стоварищемъ моимъ принуждены съ нашимы хазяиномъ и съ хазяйкою проститца и ужъ на веки разлуку оть ныхъ понесть съ собою, ибо время тогожъ 1745-го года уже къ веснѣ приближилосъ, а армыя наша чрезъ ту зиму къ военному действию дѣлала свои приуготовленіи, о чемъ и в корпусе нашемъ повелѣние было, чтобы всио состояло къ выступленыю въ готовносты, яко съ Французамы а также и съ новымъ цесаремъ курфирстомъ баварскимъ Карломъ седмымъ еще мыра небыло, каторой изъ своей земли уклоныся и жилъ въ Франкфуртѣ съ самаго того времены, какъ онъ тамо короновался, и былъ нашей королѣвы Маріи Терезіи вовсѣмъ противенъ, чрезъ что наиболше и война сия произошла, онбы можетъ бытъ на то самъ собою не отважился, еслибы его Французы къ тому невозбуждали и помочъ свою далы, а дабы Мария Терезия удержатъ въ на-

слѣдстве свое право и слѣдуемою по отце своемъ Карле шестомъ цесарскою короною овладѣтъ, то и было ее о томъ намерение чтобы еще далѣ противъ учинившагося цесаремъ Карла седмого въ его баварскомъ курфирстве и противъ Французовъ продолжатъ войну, къ чему и для командованья армиею уже было пришолъ супругъ королѣвы Маріи Терезіи великигерцогъ тошкански Францискъ первы, каторой въступывши къ реке Рейну предприняль противъ Французовъ военыи деиствія, однако все сие прекратилосъ тѣмъ, что новы цесаръ Карлъ седмы тамо въ Франкфортѣ тогожъ 1745-го годе скончался, а на его место владетельнымъ въ курфирстве баварскомъ герцогомъ въступылъ его наслѣдникъ Максимиліанъ Іозефъ, каторой выдя свою державу курфирство Баварское чрезъ происходившую сколко лѣтъ войну уже почти все разорено, а дабы и вовсе народъ и землю свою въ погибелъ не подвергнутъ, то и пожелалъ могущие еще бытъ худие слѣдствія чтобъ утолытъ и прекратытъ, прибегъ онъ съ прозбою къ королѣвы Маріи Терезіи и подвергаетъ себя въ покровытелство, отступаетъ отъ всего того что отецъ его было предприняль, и полагаетъ свой голосъ на выборъ цесарской короны на супруга королѣвы Маріи Терезіи великаго герцога тошканскаго и лутрингскаго Франциска перваго, и потому, уже всѣ военые деиствіи въ ево землѣ оставлѣны и учинѣнъ съ нымъ мыръ, а Французи хотя еще воеватъ не преставалы однако напослѣдокъ и оны успокоилысъ, осталосъ толко (окроме что въ Италій противъ Гишпанцовъ) еще съ королѣмъ прускимъ Фридерикомъ вторимъ каторой противъ Маріи Терезіи съ великимъ числомъ своей арміи было въ Бохемыю вошолъ и уже столычни той земли городъ Прагу взялъ, чрезъ что с нымъ были зелыкие и кровопролытние въ Слезіи баталіи, по какимъ обстоятелствамъ требовало тогда надобностъ чтобы воиски наши состоящие въ Баварій поспешалы туда противъ Прусака, для чего и было велѣно нашимъ ландьмылицскимъ полкамъ чтобы въ мае месеце изъ своихъ винтеръ квартеръ выступытъ. *

Мы по сему повелѣнью въ томже мае месеце выступыли и толко что оберъ Фалцъ прошли и въступыли въ Баварию и мыслили маршъ свои продолжатъ въ Бохемыю, но вдругъ получили повелѣние

---

* Я уже здесъ прекращаю что далѣ происходыло яко сие естъ особливая история, а стану говоритъ о самъ себе и о полкахъ нашихъ, что съ ными воспослѣдовало и какая оныимъ реформа учинѣна, ктоже, о той бывшей съ Французамы и съ Баварцамы войнѣ обстоятелно ведатъ желаетъ, тотъ можетъ удоволствие свое получитъ въ универсалной о Германіи історіи,

чтобы нашимъ полкамъ маршироватъ къ своимъ граныцамъ въ Славонию.

Сему повелѣнию всѣ наши были рады и пошли полки въ рознъ по поданымъ маршрутамъ къ Австріи пряма, нашижъ марши отъ зачала выступленыя изъ квартеръ продолжалысъ весьма худою пагодою, провожалы насъ ежеденые и непрестаные дожды, и такою распутицею вошлы въ Австрию; примечатъ было въ семъ марше чего достопамятного время и худая погода того не дозволяла, я ежеденно при полку на марше будучи весъ отъ дожда мокръ, радь и тому былъ когда толко могъ чрезъ ночъ плащъ посушитъ и часъ другой заснутъ и отъпочинутъ, и такою дорогою въступыли мы въ Венгрию, и прошедь оную уже въ іюлѣ месеце вошли вь нижную Славонию.

Полкъ нашъ со всѣмы ротамы маршировалъ весъ вьместѣ еще несколько дней, а потомъ на марше разпущены роты всякая въ свои жилыщи, где каму ближе и способнѣе дорога была.

Меня уволнылъ маіоръ на несколько днеи съ отцомъ паехатъ дамой, и велѣлъ патомъ къ себе приехатъ, мы въступывши въ свои жилыщи слышимъ поговорку между людми, что наша ландьмылиция также и всѣ другие будутъ разскасированы и зделаютца изъ того же народа новые поселеные регуларние полки, хотя симъ наслышкамъ мы сперва веритъ не хотѣлы, однакъ напослѣдокъ зделалось точно такъ.

Я поехалъ съ отцомъ моимъ къ нашему майору а отьтелъ къ полковому настоящему командиру подъполковнику Секулы Витковичу (дяди моему о коемъ еще съперва я упомыналъ), мы тамъ будучи узналы о томъ точно, что всѣ ландмылицкие Сербские полки будутъ касированы, а вместо оныхъ изъ тогоже народа учреждены будутъ регуларние поселеные полки, и что для такова учреждения уже назначена отъ двора комысия.

У насъ того года осталние месеци и зима прошла еще безъ никакова по той камысіи зачала.

А въ слѣдующій 1746-и годъ на веснѣ приехалъ означеной отъ двора для такова учрежденыя камысаромъ генералъ фелтмаршаль лейтнантъ баронъ фонъ Енгелсьхофенъ въ Славонию и взялъ свою квартеру въ креносты Петроварадине, куда и всѣмъ штапъ и оберъ афицерамъ нашего подунайскаго полка собратца велѣно.

При томъ собраніи генералъ камысаръ какъ о касированіи всѣхъ ландьмылициевъ такожъ и о учрежденіи новыхъ регулярнихъ полковъ обьявылъ, и велѣлъ чрезъ секретаря прѣводъ на сербскомъ языке съ

даннаго ему отъ императрици королѣвы Маріи Терезіи * предъ всѣмы читатъ публично, въ коемъ напысано что ея величество обьявляетъ всѣмъ бывшимъ какъ подунайской, такъ и протчимъ Сербскимъ ландьмылициамъ отъ самаго болшаго чина даже до нижняго военослужащимъ свое благоволеные и благодарностъ за ихъ всегдашную и верную службу, съ коею ея величество всегда была даволна, а притомъ симъ повелениемъ изъявляетъ всемылостивѣише, что высочайщи интересъ въ ползу государства требуетъ того, дабы учредыть на границе турецкой по Саве реке поселеные регулярние полки, изъ того же Сербскаго народа въ техъ местахъ живущихъ, а для такова учрежденія препоручена и возложена камысия на господина генерала фелтмаршаль лейтнанта барона фонъ Енгелсьхофена обчемъ всѣмъ и всякому да будетъ известно.

Прежднiи же ландьмилицiи яко оныи остаютца во внутре земли то для того ихъ касироватъ, но стѣмъ однако ежелы кто изъ бывшихъ ландмилицкихъ полковъ отъ солдатъ пожелаетъ въ тѣ въновъ назначеные военые места преселитца, таковымъ безъпрепятственно дозволяитца и время даетца на три года, чтобы тѣмъ временемъ могли успетъ въ своихъ прежныхъ жилыщахъ грунта и домы свои разпродатъ и прейтытъ куда и въ каторие места кто пожелаетъ, ктоже по прошедствiи трохъ летъ не перейдетъ, тотъ уже изъ нижнихъ чиновъ доложенъ будетъ на томъ преждньмъ своемъ жилыщѣ остатца въ поданстве въ казенномъ ведомстве подъ камарою Венгерскою.

После сего генералъ обьявылъ всѣмъ афицерамъ, что ежелы кто по старости летъ своихъ, а другие по нуждамъ домашнымъ не могутъ преходитъ въ новые места и желаютъ отъ службы отъстатъ, то чтобы таковы подавалы свои прошеніи, которие будутъ къ ея величеству императрице представлены на разсмотрение.

Междужъ тѣмъ какъ генералъ еще въ Петерьварадинѣ бавился и свои дела заготовлялъ и списки по служ6е о афицерахъ сочинялысъ, то всякой почти денъ у него было собрание.

Ему было нужно узнавать афицеровъ, для чего самолычна онъ со всякимъ кто по немецки умѣлъ, а съ другимы чрезъ преводчика го-

* Тогда уже герцогъ Тошкански и Лутрингски супругъ королѣвы Маріи Терезіи былъ коронованъ цесаремъ Рымскимъ и принялъ властъ на престоле австрискомъ, и потому писалась Мария Терезіи въ титуле императрица и королѣва Венгеро-Бохемская.

ворилъ и спрашивалъ то и другое, дѣлалъ притомъ свои отъметки, на послѣдокъ дошло дѣло до меня, какъ я съ протчимы афицерамы тамо стаялъ и меня генералъ увидѣлъ, то спросилъ кто я таковъ и какой фамиліи, на что отъвѣчалъ ему дядя мой тогда бывши подполковникъ Секула Витковичъ указивая на отца моего, что я его синъ и состою въ полку адютантомъ и былъ въ чужихъ краяхъ и въ прошломъ французскомъ походе, а притомъ далѣ говорилъ дядя мой что имѣю надежду на его господина генерала, что при нинѣшнѣй формираціи новыхъ полковъ не оставленъ буду ево милостию.

Сие генералъ выслушалъ что дядя мой ему докладивалъ съ удоволствиемъ, яко генералу по службе прежднихъ временъ бывшие дела прапредковъ моихъ были известны, а также и отца моего доволно зналъ, почему и далъ знакъ своимъ ответомъ, что мнѣ можно было надѣятца и ожидатъ отъ него мылости, какъ онъ вскоре потомъ в самомъ деле то и зделалъ.

Генералъ окончивши съ дядѣю моимъ свою речъ подошолъ ко мнѣ, зачалъ меня по немецки самъ спрашиватъ упомынаая, умѣю лы я тѣмъ языкомъ говоритъ, и где я училея и получа отъ меня на все свои вопросы тѣмже немецкимъ языкомъ ответы (что в то время унасъ Сербовъ была редкостъ, кто порнемецки и другимъ какимъ языкамъ говоритъ умѣлъ, а еще болще кто былъ уконъ другимъ математическимъ наукамъ).

Изъ сего перваго случая понравылся я моему генералу, почему и приказалъ онъ, чтобы мнѣ оставатца при нѣмъ, а потомъ были часто случаи, что генералъ при свободномъ времены со мною говорилъ и продолжалъ разные запроси, кои касалысъ иньце до науки моей а другие до разговоровъ и обстоятелствъ по его камысіи, при чемъ такъ удачно мнѣ было, что я ему всегда по мыслямъ отвечатъ могъ, чрезъ что еще и болшъ вошолъ я къ нему въ мылостъ и приобрелъ совершено отъ него слѣдуемую къ счастию моему склоностъ, для чего и представылъ онъ отъ себя особливо обо мнѣ съ хорошею рекомендациею къ ея величеству императрице Маріи Терезіи свою прозбу, и назначилъ меня въ чинъ порутчика.

Потомъ какъ генералъ поехалъ во всѣ роты въ селеніи бывшей Подунаиской ландъмылиціи, тогда уже и я при немъ вездѣ былъ, онъ во всякомъ военномъ местѣ где роты состоялы велѣлъ собыратца всѣмъ военослужащимъ, обьявляя имъ то самое высочайшее повеление что и афицерамъ сказано, изъ чего въ народе произошло было велики мятежъ, потому что о касированіи ландьмилициевъ и что оста-

ватца въ поданстве у Венгровъ и преселятца и разорятъ свои домы, сочлы себы за великую обыду и нарушение ихъ привелегиевъ; однако напослѣдокъ какъ нѣчимъ инымъ таково определение было можно пременитъ, то и осталысъ на томъ:*) мнѣ ничто не было такъ приятно какъ то, что я съ моимъ генераломъ вездѣ ездылъ, мы прошли и другие въ Славоніи ландьмилиціи какъ Посавскую, такъ Бродскую и Градишкавскую и дошлы въ верхъ до границъ Кроатскихъ, осматривалы по границе всѣ места, назначивалы где карауламъ и главнымъ редутамъ на берегу Савы реки противъ турецкой страны бытъ, вымерялы чрезъ глухие леса дистанціи, на коихъ велѣне дѣлатъ просеки въ длину и въ щерину для разъездовъ, сочинялы новые планы, я при томъ деле будучи спознался съ правителѣмъ генеральской канцеляріи и с протчимы чинамы въ его штате состоящимы, отъ коихъ приобрелъ къ себе любовъ и приязнъ, имѣлъ доволны случай акуратно узнатъ обо всемъ по той камысіи происходящемъ, дѣлалъ я на случай надобносты у себя о разныхъ делахъ запыски, кои мнѣ полезные объ томъ подалы сведеніи.

Генералъ мой въ наступывшую осенъ возвратившисъ отъ туда выбралъ себы место въ нижнѣй Славоніи въ городе Вуковаре, яко оной состоитъ о всей той страны посредыне, гдѣ весъ свой штатъ вѣместылъ, и покудова въ Славоніи камысия продолжатца будетъ, тамо и свое пребывание бытъ назначилъ.

А въ наступывшую зиму 1747-го года какъ генералъ получилъ повелѣние, чтобы ему ехатъ ко двору въ Вьену, то онъ всѣхъ своихъ тамо въ городе Вуковаре оставылъ възявъ толко секретаря и адного писаря, съ коимы хотелъ было и меня възятъ, но случай приключившійся мнѣ предъ тѣмъ возпрепятствовалъ мнѣ ехатъ, что въ дароги будучи лошады разбыли мою каляску на коей я седелъ и тѣмъ жестоко было руку себы повредылъ, оть чего принужденъ после него остатца, и что генералъ въ Выенѣ (по некоторимъ важнымъ отъ Венгровъ занесенымъ къ императрице яко своей королѣвы по тои

---

* «О семъ деле чтобы таперъ повторятъ и опысиватъ какъ и что далѣ происходило, не нахожу за надобностъ, яко уже пред симъ (изъ чего такое касирование ландьмылициевъ възялосъ, а также и о переходе народа сербскаго въ Россию) я въ моемъ особливомъ о сербскои націи сочинѣніи обстоятелно опысалъ, въ каторомъ читателъ мой къ сведению свое удоволствие имѣтъ можетъ».—См. статью Н. А. Попова: «Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи», въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., № 7, составленную на основаніи указываемаго С. С. Пишчевичемъ сочиненія его.

реформе требованыямъ о местахъ прежде бывшихъ воеными, а особливо о Поморишской и Потиской ландьмылициахъ) оставался даже до будущей весны, то тѣмъ временемъ прешолъ я къ дядѣ моему подъполковнику Витковичу, каторой еще находился въ Петроварадинскомъ шанце на преждънѣмъ своемъ местѣ, а отецъ мой преведенъ комендантомъ на время въ городь Карловци, что въ Сирмыи, куда со всемъ домомъ уже преселился и жылъ тамо безъ мала два года.

Мое намерение было чтобы оть предстоящего счастия не отставатъ и ползоватца по моимъ тогда молодымъ летамъ тѣмъ случаемъ, каторое показовало мнѣ путъ къ моему благополучию.

Я хотѣлъ ехатъ въ Выену къ моему генералу, но судбына все то упредила и приуготовила мнѣ преграду такую, отъ каторой все воспослѣдовавшие мнѣ несчастіи и разные приключеніи моего страдания родилысъ, и зачало тому отъ сего времены зделалосъ.

Выше сего я говорилъ, что по отьездѣ моего генерала прешолъ я къ дядѣ моему подполковнику Витковичу въ Петроварадински шанцъ, отъкуда въ скоре поехалъ къ отцу въ городь Карловци, [11] (яко сіи оба города разстояниемъ адинъ отъ другаго толко въ двухъ мыляхъ состоятъ) съ тѣмы мыслямы, чтобы доложитъ отцу о томъ своемъ намерении, что въ Виену ехатъ хочу, однако сие отьвело меня въ другую сторону и отецъ, а паче матъ моя о той поездке моей слишитъ не хотѣлы, и велѣлы до приезда генералскаго тутъ при нихъ бытъ.

Городъ же сей Карловци именуется общенародская столица и митрополита Сербскаго резиденция, где привелегіи народские и вся архива хранитца, а на то время былъ тамо выежы съ народомъ еще прежде во время цесаря Карла шестаго въ тогдашную съ туркамы войну въ 1737-мъ годе изъ турецкоі областы сербскои патриархъ Арсеній Іоановичъ Шакабента, [12] онже и четвертымъ пысался, каторой на порожую тогда митрополитскую ваканцию туда определѣнъ былъ.

---

[11] Карловци стари или дольни, по нѣм. Karlowitz, подлѣ Петроварадина на правомъ берегу Дуная, прославились въ исторіи, какъ мѣсто заключенія мирнаго договора въ 1699 г. между Австріей, Польшей, Венгріей и Россіей съ одной стороны и Турціей съ другой, по которому Австрія получила всѣ земли, составляющія такъ называемый Банатъ и часть Трансильваніи. Въ тоже время Карловцы стали мѣстопрнбываніемъ патріарха Австро-Венгерскихъ православныхъ Сербовъ, вслѣдствіе перехода изъ Турціи ипекскаго патріарха Арсенія Чарноевича.

[12] Арсеній Шакабентъ, послѣдній ипекскій патріархъ, изъ Сербовъ, пере-

Онъ тогда какъ отецъ мой преселился въ Карловци, былъ еще жывъ въ высокой уже своей старосты, я къ нему часто хаживалъ и зделался ему такъ знакомъ, что онъ весма меня полюбылъ, также и отецъ мой часто къ нему хадылъ, и онъ по своей доброй натуре былъ нашимъ визитамы весма даволѣнъ и всегда за то благодарилъ.

У него же сестра родная за мужемъ за вышедшимъ съ ным же патриархомъ, за полковникомъ Афанасиемъ Рашковичемъ княземъ Сербскимъ (имѣвшимъ въ турецкой областы свое владѣние въ землѣ називаемой Стари Влахъ и городь Нови Пазаръ что въ Расціи, каторое владение онъ оставылъ и вышелъ на визывъ въ цесарскую державу).[13]

Онъ имѣлъ съ тою патриарховою сестрою детей, сина одного, каторой уже капитаномъ служылъ, да еще четыре дочери из коихъ старша была, выщла замужъ за капитана Петра Шевича, а по нѣй осталасъ старшею вътораяименемъ Дафина, оны приежалы всею фамилиею иногда къ патриарху въ госты, где и былъ мнѣ случай ихъ всѣхъ видетъ.

Мат же моя имѣла съ отцомъ моимъ четырнатцетеро детей и всѣ протчие померли, окроме что остался я да меншой братъ мой Гаврила, после которыхъ жалостей за детмы, матъ моя стала весма здаровыемъ своимъ слаба, для чего сердечно желала чтобы выдетъ меня женатого, и потому предприняла она съ отцомъ моимъ такое намереные, чтобы конечне намерение свое исполнитъ, о чемъ однажди на одинѣ матъ моя въ приятномъ разговоре зачала мнѣ говоритъ, отъ-

---

шолъ въ Австрію въ 1737 году и занялъ мѣсто Карловицкаго патріарха. Не далѣе какъ за четыре года до повелѣнія о раскассированія сербскихъ милицій, ему подтверждены были отъ Вѣнскаго правительства всѣ привиллегіи Австро-Венгерскихъ Сербовъ, но Мадьяры потомъ настояли на подчиненіи сербскихъ военныхъ поселеній венгерскому управленію. Арсеній Шакабентъ умеръ въ 1748 году и погребенъ въ Фрушкогорскомъ монастырѣ Крушедолѣ.

[13] Рашка, отъ рѣки того же имени, юговосточная область средневѣковой Босніи, съ главною крѣпостью Raza, впослѣдствіи городъ Нови Пазаръ. Рашковичи—старинная фамилія, имѣвшая нѣкогда значительныя земельныя владѣнія въ названной области, Афанасій Рашковичъ, какъ родственникъ патріарха Арсенія Шакабента, участвовалъ въ переговорахъ его съ австрійскими властями, получилъ чинъ полковника и привелъ съ собой 1500 хорошо вооруженныхъ людей, какъ сербскаго, такъ еще болѣе албанскаго происхожденія, поселившихся въ низовьяхъ Савы подъ именемъ Клементиновъ.

кривъ мнѣ то свое желание, и что она намерена сватать за меня ту полковника князя Афанасия Рашковича дочъ Дафину, спрашивая при томъ моего на то согласия, и говоритъ что де ти девыцу виделъ и что она естъ фамиліи первой изъ нашего народа, а также и отецъ ее человекъ и господинъ естъ великъ и можетъ во всякомъ случаи бытъ въ помочъ.

Я на таково известие промолчалъ и ничего не отьвечалъ, ибо въ то время о женидбе мнѣ ничево въ голову еще не входыло, а толко то воображалосъ лошады хорошие, мундиры новие и еквипажъ афицерски, надѣясъ еще и чинъ болшъ получитъ, чемъ я тогда весма лстился и болѣе ни о чемъ не думалъ, какъ толко о томъ одномъ и тому подобномъ.

Но что я на учинѣную мнѣ пропозицию ни чего не отвечалъ, то и приметила матъ моя вь томъ мое несогласие, стала какбы повелително мнѣ говоритъ, спрашивая что же ти молчишъ и не отвечаешъ на мои слова ничего, твое де молчание предвещаетъ какое ни естъ несогласие, я и на то потупывши глаза молчалъ, тутъ она ужъ заплакала укоряя меня словамы, что она какъ матъ то произвестъ намерена съ доброю надеждою, и что сколъ много понесла она за детми жалостей, чрезъ что и здоровыя своего лышиласъ, и какъ она и отецъ мой много старалысъ о воспитаніи и о науке моей, а ти де говорила она всию то презираешъ неблагодарной, говорила тако мнѣ моя матушка, и не хочешъ повиноватца моему желанию; я выслушавъ всѣ сіи слова, пременялась толко со стида краска въ лице моемъ и видя пред собою лыющую слезы родителницу свою, каторую я паче всево на светѣ любылъ, съжалылосъ во мнѣ сердце мое, падошолъ я къ ней възавши руку поцеловалъ, говорю не положите въ гнѣвъ милостивая матушка моя, что я въ томъ предь вамы выноватъ и не далъ вамъ на запросъ вашъ тотъчасъ ответа и довелъ васъ тѣмъ до того, что вы оскорбылисъ и слези предо мною пролыли, мнѣ сие говорилъ я не толко что чувствително естъ, но и всю кровъ мою тронуло, я вамъ милостивая моя матушка, продолжалъ я къ ней мои слова, донестъ хочу и прошу выслушатъ, что я всѣмъ вашимъ распоряжениямъ долженъ повиноватца и ни в чемъ не прекословитъ, но какъ говорилъ я еще толко что изъ детскаго возраста вышолъ и женидба мнѣ по моимъ еще молодымъ летамъ ни мало не пристала и я стижусъ назватца женатымъ, а ктому что я томко зачинаю служитъ и чинъ у меня маленкой, сверхже того говориль я естъ нѣчто противное и будто предвещаетъ мнѣ, что изъ сего намерения напослѣдокъ не вы-

детъ конецъ доброй *; она какъ услишала сіи последние мои слова говоритъ вотъ угадчикъ какои, ты ли то можешъ знатъ что въ периодъ бытъ можетъ и какие пустие изговорки; поднявши она руку свою, ударила меня по щеке однакъ не с гнѣвомъ, но такъ какъ матъ коя дитя свое любытъ, и притомъ ударе еще спрашиваетъ на чомъ и какъ чтобъ я обьявылъ.

Я не зналъ болѣе что, а говорю вы матушка можете со мною дѣлатъ всио то что вамъ угодно, и я прекословытъ ни в чомъ не долженъ.

Она видно о всемъ томъ что со мною говорила презкасала отцу моему, для чего онъ завтрешни денъ какъ сталъ мнѣ свою проповедь говоритъ, возпрещая мнѣ въ томъ противитца, то и положился я на томъ бытъ какъ ихъ родителская воля естъ.

Родителы мои скоро потомъ сталы делатъ свои приуготовленіи, хотя всио то делалосъ безъ далнѣй публики и не объявляя еще ни кому своего намерения, однакъ люде примечатъ сталы, и догадивалысъ что такое приуготовление ни кчему болѣе какъ толко къ веселью принадлежитъ и что дело около меня идетъ, да на какой девыце и отъ кого въ томъ никто угадатъ не могъ.

Въ адинъ денъ слишимъ мы что у патриарха гости, приехалъ полковникъ Рашковичъ со всею фамилею, мы на другой денъ, отецъ мой и матъ моя и я съ нимы, паехалы туда въ патриарши дворъ, где и квартера для полковника съ фамилиею на другой половине была отъведена: учинилы имъ нашъ визитъ, коимъ оны были оченъ даволны, принялы насъ ласково, я при семъ случаи познакомылся съ синомъ полковничимъ капитаномъ, каторой думаю былъ десетмы летамы меня старее, но еще не женатъ, хотя прежде я съ нымъ и виделся, да знакомство далнего между намы не было, такъ ужъ тутъ мы какъ сошлысъ учинилысъ познакомее, поцеловалысъ адинъ съ другымъ, разговоривалы и прохажывалы по покоямъ, хадыли и туда къ патриарху на его половину, онъ насъ принялъ ласково, подчивалъ фруктамы и конфектамы, а патомъ пашли опятъ въ собрание.

Я съ моею назначеною невестою виделся, но ничево обое одно съ другимъ не говорилы, адно по тому сие я оставылъ что въ тог-

---

* Въ самомъ деле збылося такъ, что скоро матъ моя скончаласъ и не дождаласъ видетъ совершено того своего желания, а друго ужасное со мною приключение и горкая смертъ моей супруги (что во второй часты сего сочинѣния).

дашнѣе время весмабы то было обычаю противно, когда съ девыцею хотелбы кто разговорамы обьходитца волно, хотябы еще я и могъ ту смелостъ на себя възятъ, какъ я съ братомъ ее прохаживалъ, чтобь подоититъ и спроситъ о здаровыи, тѣмъ оказатъ ей мое почтение, где и былби случай съ нею слово и другое поговоритъ, но сие не отважился я учинитъ по тому, дабы при первомъ случаи не податъ старикамъ притчины помыслитъ о себе какова лыбо неудоволствия, однакъ при всемъ томъ възглядамы адно на другое глаза наши въстречалысъ, и показаласъ мнѣ девыца приятна и лицемь весма хороша, она летамы была аднимъ годомъ меня моложе, а мнѣ тогда было семнатцатъ летъ отъ роду, таковъ то женихъ я еще былъ.

Старики мои и я бавилысъ тамо до подъ самой вечеръ а потомъ поехалы дамой, на завтрежъ рано по утру приходитъ къ отцу моему посланой отъ патриарха, проситъ насъ всѣхъ на тотъ денъ къ себе отобедатъ, отецъ мой благодарылъ и обещался бытъ, мнѣ приказала матъ моя чтобъ одетца въ лучшей свой мундиръ, а въ одинатцатъ часовъ поехалы во дворъ къ патриарху, онъ насъ принялъ весма выдомъ приятнимъ, куда въскоре и полковникъ Рашковичъ со всею фамилею пришли и с намы поздравилысъ, а затѣмъ какъ настолъ блюда были поставлены, то селы обедатъ.

Патриархъ при всей своей старосты жылъ оченъ велыколепно, у него во всемъ было порядочно и служителѣй имелъ, какъ дворецкой такъ и протчие люде были по болшой часты всѣ Немци, и какъ тотъ денъ былъ празникъ его рожденыя, то всѣ служащие его люде были въ богатой лывереи одѣты и музыка при столе играла.

По окончаніи стола пашлы мы всѣ въ другой пакой, что предь спалнѣю, тамъ поставленъ былъ десертъ и поднесено кофи.

Къ намъ после обеда прибавылосъ еще гостей, приехалъ изъ Петроварадина постъдиректоръ Андреевичъ съ женою, синомъ, и съ двумя дочермы, да еще два афицера Сербы отъ Будаина полку, для поздравления патриарха празникомъ, что и сотворило у насъ компанию даволно велику и тѣмъ подало оказию въ тотъ денъ намъ бытъ веселимъ.

Патриарху угодно было чтобы мы танцовалы и проситъ начатъ и отькритъ балъ, сие предпринялъ синъ полковничей а за нымъ послѣдовалъ я, тутъ ужъ побудила меня смелостъ, что поднялъ я свою назначеную невесту къ танцу.

Мы продолжалы время такимы приятнимы забавамы даже въ самую глубокою ночъ, и старикъ патриархъ былъ отмено веселъ и угодно ему было таково собрание по чему и резвилысь мы танцамы

слышкомъ много, и тако тотъ денъ на томъ прошолъ, а палковникъ на треты денъ после того поехалъ дамой.

Спустя потомъ несколко дней призвалъ меня отецъ мой къ себе въ спалню, заставылъ пысмо пысатъ къ полковнику Рашковичу, онъ диктовалъ а я пышу упомыная между протчимъ, что естли судбына божеская благословитъ и его господина полковника на то соизволение естъ, то де намеренъ онъ заручитъ дочъ ево господина полковника Дафину за меня, о чемъ буде согласитца то бы пожаловалъ учинитъ ответъ и назначитъ денъ, когда туда къ нему приехатъ; на сие пысмо чрезъ тогожъ нашего нарочного господинъ полковникъ отвечалъ приятнимъ отзывомъ и что онъ на то согласенъ, назначивъ время нашему приезду чрезъ две недели (было то ужъ время пред велыкимъ постомъ на масленой).

Отецъ мой получа таково ответное пысмо поехалъ со мною къ дядѣ моему подполковнику Витковичу и обьявляетъ ему о своемъ намереніи, показывая и то пысмо полученое во ответъ оть полковника, проситъ отецъ мой чтобь на назначеной терминъ всѣмъ обще туда поехатъ (дядя мой такому отца моего намереныю радъ былъ, но самъ ехатъ не могъ по притчине тогдашнѣго ево нездаровыя, а обещалъ съ намы послатъ свою супругу а мою тетку).

Мы всѣ собравшисъ отьправилысъ въ путъ и приехалы къ подковнику въ понеделникъ на масленой неделы.

Толко мы того не зналы что полковникъ къ такому предприятию и патриарха къ себе просилъ, каторой тогоже дня какъ и мы туда приехалъ.

Приемъ и встреча намъ была отъ господина полковника оченъ приятна, а на завтрешний денъ учинѣно условые и мнѣ съ моею невестою обручение совершилы, отложивъ свадбу до после Светлого Воскресения.

Пробулы мы тамъ чрезъ всю масленую неделю въ приятносты и въ веселосты, а на первой денъ великаго поста отьправилысъ въ свою путъ обратно.

Съпустя после того неболѣе какъ дней десетъ, пришло время зачаломъ скорбы, каторое претворила злая судбына все то наше предприятие въ великую мою жалостъ: ибо дражайшая моя родителница заболѣла жестоко и чрезъ четыре неделы не могши отъ докторовъ и лекарей получитъ никакой ползы жызнъ свою скончала.

Всякъ можетъ поверитъ каково мнѣ въ то время было горестно, видя свою родителницу въ гробе лежащую, каторая во всю свою жызнъ

чего желала видѣть того недождалась и оставыла меня въ такомъ посебе состояніи, каторое уже нанесло мнѣ болшъ печалы нежедь отрады.

Я повынуясь ея волы согласился еще будучи въ детскихъ летахъ на женидбу, считая что матъ будетъ всему наставытелница, и мнѣ бы ни о чемъ не старатца какъ толко по службе своей итытъ къ предьбудущему счастию, но все сие вдругъ обратилось чежелымъ камнѣмъ на мою голову.

Таковы уменя тогда были расмышлѣніи, а притомъ воображалось мнѣ въ голове ежемынутно ее будучи въ болезны нѣжние слова, каторие она мнѣ говоривала (видевши ужс близкую свою кончину) о томъ сожалѣніи, каторое она обо мнѣ на сердце своемъ съ собою въ гробь понесетъ, требовала того чтобь я неотступно при ней у постелы былъ, и с какою жалостию она духъ свой окончивала при всемъ своемъ до конца разумѣ, держа меня заруку глазъ своихъ с меня ни мало не спускала до последняго конца своего, напоследокъ выговоря съ великимъ жалостнимъ стенаниемъ: оставайся съ Богомъ а я де въ свою путъ иду, и съ тѣмъ Богу духъ отьдала.

При семъ моемъ горестномъ ударе я думалъ, что съ нею въместѣ въ гробь поиду, такъ силно съхватыла меня жалость, я упалъ на ее мертвое и уже халодное лыцо, обьливалъ оное слезамы моимы, паверъ мои любезной читатель, что я и таперъ, какь сталъ сие пысатъ по прошедствіи уже болѣе тридцаты лѣтъ, въспомнилъ о семъ, то едва оть слезъ слова и строки выжу.

Отецъ мой тогда неменше меня въ жалосты будучи приказиваетъ мнѣ скоро пысатъ къ назначеному моему тестю полковнику Рашковичу и уведомытъ его о несчастливомъ семъ случае и просить ево, чтобы съ моею невестою приехать для отьдания преселывшейся въ вечную жызнь последняго целования.

Я тотже часъ писалъ писмо и отправылъ чрезъ нарочнаго, но тому статца было не можно чтобы оны такъ скоро могли приехатъ, ибо толко туда съ поспешностыю за два дни едва приехатъ можно, а тело мертвое нелзя было такъ долго держатъ, то протчие наши сродники кои въ близосты были и къ нашей жалосты съехалысъ, а также и придворной патриаршей архиерей, коего онъ для отправлени погрѣбения прислалъ, присоветовалы чтоб не ожидатъ, почему и учинено приуготовление, и тело въ томже городе Карловци въ верхнѣй церквы по учинѣномъ по долгу християнскому церковномъ пѣныи положено въ землю, и похоронъ конченъ.

Между тѣмъ какъ тотъ нарочно отъ насъ съ писмомъ посланой туда къ полковнику прибылъ, и увидѣлы на кофверте чорную печатъ услыша словестное притомъ о смерты матеры моей уведомление, то какая тамо жалостъ происходыла а особливо отъ невести моей, о томъ не хочу читателя моего чтениемъ трудытъ, а доволно и того что отъ жалосты моя невеста занемогла и лежала болна дни несколко, а приехала къ намъ уже после похоронъ адна толко моя теща съ синомъ и съ меншою доцерию, оны проводилы обще съ намы жалостние дни целую неделю и потомъ поехалы дамой.

После сего воспослѣдовавщаго намъ жалостнаго удара я и отецъ мой оставалысъ тутже въ городе Карловцы еще до маия месеца, тогда уже какъ на представление 1748 года отъ главнаго камысара господина генераль-фелтмаршалъ-лейтенанта баронъ фонъ-Енгелсхофена пришло по команде о афицерахъ повелѣние, а также отъ ея величества о новыхъ регуларныхъ поселеныхъ полкахъ конфирмация, где и вь каторыхъ местахъ онымъ бытъ подь названиемъ 1-й Петроварадински пехотни, 2-й Сирмиски гусарски, 3-й Бродски пехотни, 4-й Славонски гусарски, 5-й Градишкански пехотни, тогда отцу моему сказано, что онъ причислѣнъ старшимъ ротмистромъ въ Сермиской гусарской полкъ и патентъ новой ему присланъ, а роту свою имѣтъ на новомъ месте въ шанце Керчедине; а обо мнѣ прислано повелѣние что по представлению моего генерала особливо ея величество жалуетъ меня порутчикомъ (лейтнантъ) въ тотже Сирмиской гусарской полкъ.

Въ сейже полкъ помещенъ тесть мой полковникомже а подьполковникомъ дядя мой Секула Витковичъ, что и было къ моему утешению несколко надежда, однако и то скоро прекратилосъ, ибо тогоже года зделалосъ опятъ изъ аднаго полка въ другой афицерамъ преводы, то меня генералъ мой превелъ въ Славонской гусарской, отъ коего онъ шихаберомъ илы шефомъ пожалованъ, и получа я о томъ преводе ордеръ отьправился въ полкъ, куда приехавши засталъ тамо своего новаго полковника называлея Петранды, онъ не былъ сербынъ, но албанецъ (типровацъ), переведенъ изъ венгерскихъ гусарскихъ полковь къ намъ, да человекъ онъ былъ знающій и ученой на разныхъ языкахъ въ томъ числѣ и по славенски харошо говорылъ.

Я у него явылся также и у маиора, каторой мнѣ весма знакомъ и отцу моему велыкой былъ другъ, назывался Мыхаилъ Продановичъ.

Меня полковникъ мой принялъ ласково и тотже денъ остался я у него обедатъ, а назавтре получилъ я ордеръ что определѣнъ въ первую роту.

Сему я весма радь былъ, и болѣе тѣмъ что при штапъ-квартеры жыть, где завсегда люде и афицеры собыраютца и будетъ мнѣ весело съ нимы время проводитъ.

У меня въ тойже ротѣ былъ корнетъ немного старее меня лѣтамы назывался Степанъ Янковичъ, каторой съ перваго раза нашего свидания подружился со мною, и потомъ жыли въ любви весма согласнѣ.

Я принявъ роту учиныль о людяхъ списокъ, и табель привезенымъ новымъ вещамъ, подалъ при рапорте своему полковнику и вьступылъ въ свою должностъ.

Въскоре потомъ получилъ мой полковникъ повелѣные чтобы ехатъ ему въ Выену, яко генералъ нашъ еще въ Выенѣ при учрежденномъ при дворе о техъ новыхъ полкахъ военномъ советѣ целой годъ оставался.

Таковъ резонъ что полковникъ отьежаетъ подалъ мнѣ способъ чрезъ майора выпроситца у моего полковника, чтобы до приезда ево отъехатъ къ отцу для исправления себе еквипажемъ.

На ту мою прозбу полковникъ позволылъ, и я скоро полковника выпроводилъ, нымало немешкавъ поехалъ дамой къ отцу моему, коего я засталъ подлино въ жалостномъ состоянiи, онъ будучи въ превеликой скуке не зналъ куда повернутца и что дѣлатъ, еднимъ словомъ всио домашнее содержание стало было опадатъ, а управлятъ въ доме по внутреносты хазяйствомъ нѣкому, чего онъ при покойной матеры моей почти ничего не зналъ, а смотрѣлъ толко свое дѣло по службе.

Проходитъ уже шестой месяцъ после смерты матеры моей, сталы отца моего советовать о женидбе, и что онъ такъ не можетъ безъ хазяйки бытъ, къ чему наиболшъ дядя мой Витковичъ советы свои подавалъ.

Отецъ мой сперва къ тому никакъ не соглашался и такъ скоро траурное платье съ себя съдетъ не хотѣлъ и намеривался вовсе не женитца, но какъ непрестано о томъ сталы ему говоритъ (илы такъ сказатъ что на то и судбына ево вела), то напослѣдокъ и далъ онъ дядѣ моему слово, а где и каво за себя сватать того и самъ онъ еще не зналъ, но дядя мой ему говорилъ я де самъ о томъ старатца буду и опосла де тебы скажу.

Спустя потомъ мало дней пишетъ дятя мой къ отцу моему писмо чтобь онъ къ нему приехалъ, куда и отьправылся, онъ какъ скоро туда прибылъ то дядя мой показиваетъ ему пысмо ответное оть вдовы, что за капитаномъ Арсениемъ Зоричемъ была, она вь ответъ на писмо

дяди моего пишетъ, что она ево съ отцемъ моимъ по ихъ намеренію къ себе въ домъ ожидаетъ и что на запросъ его согласна.

Вотъ тутъ узналъ я сей секретъ, ибо въ то время и я съ отцомъ моимъ тудажъ къ дядѣ моему было приехалъ, а прежде о томъ сватаныю я ничего не зналъ, дядя мой самъ о томъ мнѣ открылъ, онъ какъ уже съ отцомъ моимъ условылся, то позвалъ меня одного съ собою въ садъ, зачалъ о томъ пресказиватъ ласкавимы словамы увещавая меня чтобъ я не оскорбылся, на что я не могъ ничево отьвечатъ окроме что залылся слезамы, дядяже мой кого я весма боялся глянулъ на меня, говоритъ что ты плачешь, разве де лучше думаешъ было бы когда отецъ твой останетца неженатымь, какая бы тебы говорылъ онъ истого полза была что упуститъ домъ и еканомыю вовсе къ разоренію, а сверхъ того ти де знаешъ что и твое веселие кончитъ надобно, а безъ настоящей въ доме хазяйки того предпринятъ и совершитъ неможно, такъ разсуждай говоритъ онъ какъ хочешъ, я на то отьвечалъ говорю ему что я не прекословлю нимало, но женидба батюшкина делаетца оченъ скоро, хотя бы по крайнѣй мере после смерты матери моей годъ адинъ прошолъ.

Онъ на то отвечалъ, что отецъ мой въ подобныхъ случаяхъ ни первой ни последни, такъ де оно бывало и будетъ, а чему бытъ тому не миноватъ, и тако поедемъ де говорилъ онъ мы всѣ туда и дело кончимъ, я на то сказалъ изволыте делатъ какъ угодно.

После сего чрезъ дней четыре поехалъ дядя мой съ отцомъ моимъ и тетка моя съ дочермы и съ невесткамы своимы туда къ вышесказаной вдове Зоричевой, было то всего отъ Петроварадинскаго шанца денъ одинъ езды разстояниемъ, тамъ уже отецъ мой с нею обвенчался, а я на то время оставался въ доме дяди моего и ожидалъ ихъ обратнаго приезда, оны чрезъ несколко дней возвратилысъ и тутъ у дяди моего госты были собраны и веселье повторялы.

А чтобы и меня успокоитъ, моя новая матъ илы мачиха, умела она весма наружную политику производитъ и около меня сперва стала ласкатца чрезвычайно, стараласъ всячески привестъ скоряе въ действие и мою женидбу, зачалы к тому делатъ приуготовленіи уведомывъ о томъ также и тестя моего полковника Рашковича, и получа на то отъ него соизволение и назначивъ время къ настоящей туда поездке, и тако после женидбы отца моего на третьемъ месеце кончилы и мою свадбу.

Я ужъ сталъ женатъ, однако какъ я такъ и жена моя обое по нашей тогда молодости въ хозяйстве ничего не зналы, а в то время

всякой афицеръ въ тѣхъ новыхъ полкахъ долженъ былъ имѣть свою економыю, потому что въ штате положено въ мирное время имѣть афицерамъ половиное толко жалованые, а за другую половину определенъ всякому по чинамъ грунтъ, коего и должно было работать и ис того житъ.

Хотя таково положение мнѣ и было извѣстно и грунтъ подлежащій мнѣ отъведенъ, но по тогдашнѣй еще моей молодосты, и никакова зачала на томъ грунте предринять не умѣлъ, а отъдалъ оной другимъ людямъ въ малую весма цену подъ занятУ, для чего разсудилъ чтобь на некоторое время оставитъ жену свою у отца моего въ доме, а самъ поспешалъ ехатъ въ полкъ чтобъ не пропустытъ срокъ, яко ужо слышу что и полковникъ мой изъ Выени приехалъ.

Я приехавши въ полкъ тутъ скоро было известно что я ужо женатъ, и всѣ меня тѣмъ поздравляютъ и пеняютъ а особливо барини, за что оставылъ молодую свою жену и не привезъ ее съ собою, напоследокъ и полковникъ мой о томъ уведалъ, спрашиваетъ меня выдно что онъ и незналъ о томъ, что я давно былъ засватался и по какой притчине отложена была моя женидба, а какъ ему майоръ Продановичъ въ подробностъ пресказалъ, а при томъ и я тутже повторилъ всю притчину женидбы моей и какъ моя покойная матъ тому учинила зачало, а не дождаласъ привестъ ко окончанию, то полковникъ а особливо полковница весма сожалѣлы, и для того мой полковникъ такъ былъ великодушенъ, что тотъчасъ велѣлъ мнѣ ехатъ къ моей молодой женѣ обратно.

Приездъ мои дамой сколко мнѣ былъ приятенъ, столко же нѣчто меня тронуло, что я нашолъ жену мою плачну и невеселу, хотя она притчини настоящей мнѣ и не сказала, а толко то что ей безь меня скучно было, однако о томъ узналъ я опосля, что таперъ пропускаю мыма.

Чрезъ несколко дней поехалы мы обое къ тестю моему и къ дядѣ Витковичу, какъ оны въ адномъ местѣ соседствомъ квартеры имѣлы и прешли изъ прежднихъ жилищъ в полкъ, то я успевалъ всякой денъ у обеихъ быватъ и тѣмъ время было намъ несколко весело, но поехавши обратно въ полкъ не взялъ я жены съ собою, а оставылъ ее у тощи своей съ тѣмъ толко намерениемъ, чтобъ на малое время она тамо была, покудова я въ ротѣ своей квартеру новую поисправлю и чтобы уже совсѣмъ туда пребратца, однако таково мое намерение превратилосъ на другие дела и приближаютца мнѣ на ветречу другие обстоятелства, ибо какъ я въ полкъ приехалъ

сиину что опять полкамъ будутъ переделки, а что и какъ того еще въ точность никто не зналъ, не потомъ была оказия мнѣ о томъ узнать (какъ ниже видно будетъ), что венгерские господа жестоко о тѣхъ новыхъ пограничныхъ полкахъ ненавидятъ и стараютца искоренить и чтобы ихъ не быть, представляя императрице яко своей королѣвы прожектъ, что Венгерская земля даетъ войска вновь сорокъ тысящъ на своемъ коштѣ, и содержать оныхъ будетъ по границе, где и въ каторыхъ местахъ сказано будетъ, построя для ныхъ каменые касармы, а народъ Сербски состоящій въ Славоніи въ техъ полкахъ обратить бы въ подданствѣ короны подъ властъ венгерскую.

При всем же томъ что Венгри тому назадъ уже третьи годъ то есть отъ 1746 года непрестанно работалы, домагалысь о касированіи всѣхъ сербскихъ ландмилиціевъ и уже поморишские и потиские прежде бывшие военые места овладѣлы * и не были тѣмъ давольны, но еще и въ Славоніи новоучрежденое пограничное сербское войско чтобъ уничтожить предприналы свой замысли, къ чему было и довелы императрицу Марию Терезию, чтобъ на такие ихъ Венгровъ обещаніи согласитца и было бы действително такъ и зделалось, естлибы ни взялся того дела самъ его величество цесарь супругъ Маріи Терезіи Францискъ перьвы, онъ велѣлъ прептить нашему генералу съ своею камысиею въ другой разъ въ Славонию, а къ нему определены были члены отъ стороны венгерской самъ первоначалны камаралны президентъ графъ Кражалковичъ да баронъ Ваяй и графъ Патачичъ, коимъ вообще данна довереность чтобы обьехать всѣ пограничние места и всѣ полки, также и планы вънов по всей границе сънять.

1749-го года сия камысия ездила вездѣ и по всѣмъ пограничнымъ местамъ, генералъ нашъ старался удержать целость полковъ,

---

* Чрезъ что были тамо великие въ народѣ замешателствы, и подало то самое резонъ полковнику Івану Хорвату съ фамилиею и со всѣмы своимы сродниками и братъ его Дмитріи Харватъ съ фамилиею, и за тѣмы подполковникъ Иванъ Шевичъ съ двумя женатымы сынамы Иваномъ и Петромъ съ фамилиею, да капетаны Николай и Феодоръ Чорбы съ фамилиею и всемы сродникамы, а къ тѣмъ еще и другие согласившисъ подалы отъ себя обьявленіи что въ Росию преселитца хотятъ, коимъ вскоре потомъ (яко своего намерения отменитъ уже не хотѣлы) и пашпорты отъ дворе даны, почему имъ обеимъ какъ Хорвату такъ и Шевичу чрезъ полномочнаго россійскаго посла въ Венѣ находящагося по повеленыю россійской императрицы Елисаветъ Петровни чины генералские обьявлены.

стр. 198.

а Венгри всемы мерамы хотѣлы и желалы видѣть, чтобы полки и народъ подалы какое нибудь о томъ новомъ учрежденіи свое неудоволствие, дабы тѣмъ доказать что Сербы и самы не желаютъ быть военными, а хотятъ остатся въ числѣ короныхъ подданыхъ; однако таково господъ Венгровъ желание осталось тщетно и народы никакова своего неудоволствия не обьявлялъ.

Генералъ мой какъ скоро въ Славонию приехалъ, то меня опять къ себе взялъ и покудова онъ с тою камысиею тамо у насъ въ Славоніи находылся, то я безъотлучно при немъ былъ и вездѣ съ нымъ ездылъ, гдѣ и былы давожние случаи мнѣ обо всѣмъ томъ что по сей камысіи происходыло узнать.

Полки сихъ господъ камысаровъ вездѣ въстрѣчалы строемъ и полковою церемониею, и провожалы далѣ, и како окончивши осмотромъ всю пограничность господа венгерские поехалы въ свою путь, а нашъ генералъ для подачи рапорта цесару отьправылся въ Вѣену, і потомъ полки осталысъ на своемъ фундаменте, а прожектъ венгерски уничтоженъ.

А чтобы таково войско тѣхъ новоучрежденыхъ полковъ самолычно ихъ величеѣствы цесаръ и Мария Терезия увыдѣть могли, то и велѣно было учредыть лагеръ въ Венгрии подъ городомъ Пештомъ, куда отъ техъ новыхъ полковъ командировано отъ каждаго пехотного по адному баталиону, а отъ гусарскихъ по два эскадрона, коимъ велѣно на веснѣ туда слѣдовать.

Между тѣмъ той осены Петроварадинскаго пехотнаго полка въ Славоніи умеръ полковникъ Іосифъ Монастерлы, а за нимъ вскоре также и мой полковникъ Петранди скончался, и тако въдругъ въ нашихъ полкахъ учинилысь две полковничіи ваканціи, на место коихъ не было еще другихъ определено, а толко что преведенъ на место умершаго Манастерлій изъ Сирмыскаго гусарскаго въ пехотной Петроварадински тестъ мой Афанасій Рашковичъ, а за его отьбытиемъ осталысъ оба гусарские полка ваканциею безъ своихъ полковниковъ, а потомъ въскоре изъ сихъ обеихъ гусарскихъ назначено, что будетъ адинъ не въ двухъ частяхъ и на техже местахъ где и прежде были, подъ названиемъ одныйъ Сирмиски гусарски полкъ.

Я послѣ умершаго моего полковника Петрандій оставался въ тойже ротѣ въ каторой и прежде былъ, однакъ фундамента своего не полагалъ, потому что ожидалъ видеть кто у насъ полковникомъ будетъ, и какъ обыкновено новые полковники, новые и распоряженіи свои дѣлаютъ, то на случай таковъ, ежелибы захотѣлъ афицеровъ изъ адной роты

проводить въ другую или иногда приведетъ нановыхъ новыхъ съ собою афицеровъ и захочетъ тѣхъ при себы въ первой ротѣ удержать, а мнѣ бы довелось преходить въ другую, то дабы напрасно убытка не понесть, а сверхъ того какбы нѣчто мнѣ предвѣщало, что я тамо недолго еще останусь и будто ожидаю въ скоросты нѣкакой со мною премены, меня непрестано мысли мои о томъ тревожилы.

Тойже зимы приехалъ къ тестю моему зять его что старшую дочь держить Петръ Шевичъ для свидания, о коемъ я прежде упомянулъ, что отецъ его подполковникъ Иванъ Шевичъ получилъ увольнителний пашпортъ въ Россию, и какъ о приездѣ его мнѣ дано знать, то и я съ женою тудажъ къ тестю приехалъ, надобно знать что я моего своика и своячины еще не видалъ и тутъ былъ случай съ нимы въ первое видется и познакомитца, правда что мы другъ друга полюбили сердечно и я въ немъ потомъ друга великаго себы нашолъ.

Между тѣмъ въ разговорахъ о России и повторяя оные много кратъ возгорелась во мнѣ желаность чтобы также итыть въ Россию, о семъ я моему своику и женѣ его о моей своячине подъ секретъ объявилъ, советуюсь съ своикомъ что и какбы дело о увольнении зачать, ибо формою чтобы просить никакова резона мнѣ не было, а ктому и то что изъ нашихъ славонскихъ пограничныхъ полковъ никто в то время абшитовъ ни в Россию и некуды не просилъ, а я какъ того зачну требовать то и буду первымъ, и чтобы иногда за образецъ такова зачала не подьвергнуть себя какому лыбо несчастию, и будучи въ такихъ размышлѣниях колебалысь мысли мои непрестано, а чѣмъ далѣ то еще болше раждалось во мнѣ побуждение, и будто нечто ведетъ меня и показываетъ путь къ смелосты и сколко ни таилъ я своего намерения однако въ коротномъ времены открылесь, ибо какъ обыкновено женски поль въ секрете недолго воздержатца можетъ, то и оне мое предприятие вышло наружу скоро.

Своячина моя сказала о томъ женѣ моей радуясь что будутъ вместѣ, а затѣмъ согласившись обе сестрицы сказалы матеры своей а моей теще, а она тотьчасъ пресказала тестю моему и сину своему а моему шурину, вотъ тутъ попался я въ хорошое обстоятелство, меня атаковалы всѣ и с плачемъ и съ угрозамы, тесть мой представляетъ мнѣ всякой могущій изъ того бытъ страхъ въ глаза, воспрещаютъ мнѣ о томъ не токмо что не предпринимать но ныже и не думать, о чемъ несколко и на своjaка моего быль напускъ, обьвыняя его тѣмъ что онъ мнѣ вселыль мысли такие вь голову.

Я всѣ тѣ выговоры претерпѣлъ не говоря въ ответъ имъ ничего,

дабы тѣмъ отъвесть ихъ къ успокоенью, а од своего намерения однако не отставалъ, къ чему болѣе жена моя возымѣла волю и [illegible] къ скорейшему предприятию о получения увольнения мнѣ напоминале.

Свояшко мой Шевичъ прожылъ тамо у насъ еще месецъ целой и что ему чрезъ меня былъ маленкой выговоръ, то ужъ мы оба перестали явно о нашемъ деле говорить, а случаемъ находинъ имѣли между собою разсуждении, напоследокъ говорить онъ мнѣ: я де о твоемъ деле, чтобы можно было достигнуть до желаемаго, не нахожу другова средства какъ только одно то, чтобы просить вашего генерала шефа; онъ таперъ какъ известно что изъ Вьены приехалъ и есть въ Темешварскомъ Банатѣ генераломъ губернаторомъ и отъ нашего дома недалеко, а прежде сего былъ отцу моему великой приятель, то де я какъ приеду дамой, говоритъ своякъ мой, прескажу о вашемъ намерениі отцу моему и онъ конечне поедетъ въ городъ Темешваръ и станетъ о увольнении вашемъ генералу просить, а потомъ что въ резолуцию воспоследуетъ, то де я не оставлю вскорости васъ известить.

Мы оба на томъ согласившись и своякъ мой въскоре поехалъ обратно дамой, и отцу своему генералу Шевичу о томъ что я намерение имѣю итыть съ нымъ въ Россию обьявылъ, таковы вести ему были весма приятны, онъ поехалъ тотьчасъ въ Темешьваръ къ моему генералу шефу, коимъ принятъ былъ ласкаво, и между протчими разговорамы изыскалъ Шевичъ случай попросить о моемъ увольнении и о абшите.

Генералъ мой сему весма удивился отвечалъ, какъ мой порутчикъ Пишчевичъ хочетъ въ Россию ехать и просить абшита, сомуде неможно статца, чтобъ онъ хотѣлъ оставить свое отечество безъ никакова резона, и будучи онъ у меня въ полку въ отменномъ почтениі, а также я знаю говорилъ мой генералъ, что у него отецъ есть и другой родни и свойственыковъ много и всио господа служутъ въ полкахъ и люди знатние а особливо тесть его полковникъ Рацковичъ, хотѣ ево не допустятъ апшита просить.

На что какъ Шевичъ уверылъ моего генерала, что точно есть мое желание о апшите, и что мнѣ въ томъ никто изъ моихъ свойственыковъ препятствоватъ небудетъ, то тогда генералъ мой сказалъ: дабро я де за нымъ пошлю приказъ чтобъ онъ ко мнѣ явылся, и буде онъ точно такое намерение имѣетъ то я разъсмотрю, и онъ де долженъ будетъ проситъ формою своего апшита съ прописаниемъ своихъ резоновъ, а иначе зделатъ ему отъпуска неможно.

Своякъ мой по возврате отца своего осведомясь о резолуціи моего

апшита и узнавъ склонность моего генерала, тотъчасъ чрезъ нарочного далъ мнѣ знатъ и пышетъ обстоятелно о всемъ томъ что генералъ говорилъ.

Я получа сие известие возчувствовалъ несколко въ себе радостъ, тѣмъ болѣе что ужъ зачало естъ и воображалосъ мнѣ что ужъ получу скоро и совсемъ свое уволнение, а о томъ немало не думалъ что изъ того далѣ возспослѣдуетъ и какие мнѣ беды къ понесению навстречу предстоятъ.

Я до сего часа о своемъ намереніи съ отцомъ моимъ еще не говорилъ и какъ ему такъ и дядѣ Витковичу не отькривалъ, а таперъ уже осмелился имъ обоимъ о томъ сказатъ, но къ моему удивлению оны оба на то были согласны и благословляютъ мое намерение, а особливо дядя мой говоритъ мнѣ: ти де еще молодь иды за своимъ счастиемъ, тебѣ Богъ туть управитъ, люде же высокихъ фамилиевъ говоритъ старикъ ходять по свѣту и в чужихъ государствахъ бываютъ не всио по нужде а для практики и приобретения просвещеныя, такде и ты можешъ тамо некоторое время бытъ и послужитъ, а потомъ буде не захочешъ далѣ оставатца возвратышся назадъ, и ти тамо говоритъ дядя мой найдешъ себе предстателя какъ и самому тебы известно, что братъ мой двоюродни Степань Витковичъ естъ в Россіи бригадиромъ и онъ де верно твоему приезду радь будетъ какъ и я об тебе къ нему пысатъ буду, а отецъ мой тоже повторылъ съсилаясъ также на бригадера Витковича что естъ в Россіи и что оны оба до отьезда онаго были въ дружбе и росльі и училысь грамате въместѣ, ибо Степанъ Витковичъ оставши после отца своего и матеры въ сиротстве неимѣлъ уже другова пристанища къ воспитанию, какъ что въ доме отца моего, каторой былъ принятъ и содержался до настоящего своего возраста и до отъезда въ Россию.

Мало дней спустя после того полученъ въ полку отъ генерала приказъ, чтобы меня отъправытъ къ нему въ городь Темешваръ, почему я и поехалъ, причемъ имѣлъ я въ готовносты уже челобытную на случай надобносты, въ каторой немного резоновъ о апшите было пысано, а только что по моимъ молодымъ лѣтамъ хочу светъ видетъ и счастия далѣ искатъ и для того прошу апшитъ.

Приехавши я въ крепостъ Темешваръ явылся кь моему генералу, онъ какъ скоро меня увидѣлъ, то позвалъ въ спалню и зачалъ меня спрашиватъ, говоритъ какъ вы слышу я хатите изъ службы апшита проситъ, скажите вы мнѣ какой о томъ резонъ имѣете и правдалы то, вы де человекъ еще молодой и въ ваши лѣта чинъ имѣете доволны, го-

ворилъ мнѣ генералъ. Васъ также въ полку любытъ всякъ и ваше де счастие ны мало васъ еще не оставляетъ и вы можете надѣятца, что по заслугамъ вашимъ и впредъ далѣ производимы будете, а сверхъ того говорилъ еще генералъ, что знаютли о томъ вашемъ намереніи отецъ вашъ, также дядя Витковичъ и тестъ полковникъ Рашковичъ и дозволятъ ли оны вамъ, чтобь ихъ оставытъ и итытъ въ чужое царство и чтобы изъ того не вышло какихъ затрудненіевъ, я на то отвечалъ что какъ отецъ мой такъ и всѣ протчие мои сродники оставилы то на мою волю и препятствоватъ не будутъ, а мое уволненые говорылъ я состоитъ отъ мылосты вашего высокопревасходителъства.

Генералъ выслушавъ мои слова зачалъ говорить, лакъ поетому и естъ правда то что вы хатите сдеоъ службу и отечество свое оставытъ, я де не понимаю какъ вы безъ никакой вамъ досады могли на то мысли свои положытъ, разве де не выдите вы многихъ старее насъ афтамы въ полкахъ отъ націи вашей служащыхъ афицеровъ, кои въ одномъ чинѣ понесколко лѣтъ остаютца и тѣ обь обыде ничего не говорятъ, а почитаютъ за долгъ отечеству служитъ, а вы де предъ прочимы многимы получилы свое произвождение и нимало ни в чемъ не можете сказатъ о какой лыбо вамъ обыде, и не будетлы на васъ нація ваша роптатъ и обвынятъ васъ тѣмъ, что вы отечество свое безъ всякой нужды оставляете и не хотыте самоволно обществу и толикимъ многимъ тысящамъ военнаго народа отъ націи вашей состоящимъ бытъ въ ползу, какъ вы молодые господа по природе вашей не иное что значите, а есте точние наслѣдники всѣхъ тѣхъ чиновъ и достоинствъ, коимы предки ваши пользовалысъ и были обществу въ подькрепление, и не грехы вечной вашимъ отьходомъ вы на себе чрезъ то понесете, вы де самы знаете когда вы въ сей порутчичи чинъ по моему представлению произведены именымь ея величества королѣвы повелѣныемъ, что въ патенте вашемъ напысано, не упомянутолъ въ ономъ что за службы предковъ вашихъ чинъ оей жалованъ вамъ и недоводноль дѣлаетъ то честъ фамыліи вашей, о семъ самомъ хачу я вамъ таперъ призначца говорилъ генералъ, что тогда при зачале фармираціи полковъ въ Славоніи пысалде я особно обь, васъ къ королѣвы съ обьяснениемъ и справедливою похвалою, какъ давныхъ лѣтъ фамылия ваша двору австрискому служитъ и что всегда отъ племены вашего выходилы люде достойние, упомянувъ при томъ обь васъ что вы изъ тѣхъ самыхъ достойныхъ людей состоите отьрослью такою, что всякие въпредь къ службе касателные дѣла къ исполнению надежду велыку предвещаютъ, и потомуде вы таковую въ производстѣ высочайшею мылостъ получилы, что и

должно вамъ сие знакомъ особливаго монаршего благоволѣныя признавать.

Вы не считайте совершено счастливимы и тѣхъ господь, продолжалъ генералъ свою речъ, кои изъ поморишской и потиской ландьмылициемъ какъ Хорватъ, Шевычъ, и протчие съ нимы согласившиесъ невеликъ имѣвъ резонъ, а толко что погорячилысь противъ Венгровъ оставилы свое отечество и пошлы въ Россию.

Хотя де тѣ ландьмылиціи и раскасированы, но нымало тѣмъ волность и привелегіи ваши ненарушены и Венгри народу ничего худаго поверъ ихъ замысламъ и требованыямъ зделать не моглы; какде и вы самы при той тогда камысіи со мною были и выдѣли; слѣдователно и не доходыло ни до какой еще крайносты, чтобы отечество свое бросить и преселитца въ чужое царство, можетель вы и то знать какъ весма естъ предьосудително тѣмь людямъ, кои изъ адного толко пренебрежения а не по нужде оставляютъ свое отечество, и что оставшее отъ націй общество ненадѣясь уже отъ ныхъ вечно никакой полвы не можно таковыхъ своимы собратиямы почитатъ, и не думайте вы, что тѣ одшедшие еще о своей поступке каятца не сталы.

Я не спорю, продолжалъ генералъ непрестано свои слова, чтобы оны не были тамо хорошо приняты, въ томъ наблюдаетца полытика, но со временемъ всио то изчезнетъ и обратытца иначе, а внукамъ и правнукамъ ихъ не будетъ известно настоящего произшедствия и тѣмъ потѣряютъ волностъ своего природнаго названыя, чего здесь никто ва веки нарущитъ и ту волностъ и преимущества касающиесъ по привелегиямъ до націи вашей превратыть иначе не можетъ, а въ протчемъ о вашемъ апшитѣ можете делатъ по своей волѣ какъ вамъ угодно.

Такова отъ моего генерала учинѣнная мнѣ проповедъ и подлино было меня тронуло такъ, что я самъ себя стидился и не зналъ что говоритъ и чутъ не отсталъ отъ своего намерения, но какъ опомнился, то зачалъ я съ учтивостью генералу моему говоритъ съ тѣмъ признанымъ, что во все время продолженыя моей службы въ полку вашего превосходителства ничиво инова не знаю сказатъ окроме, что былъ вашимъ высокопревосходителствомъ отьменно любымъ, и пользовался высокою вашею мылостыю много, а также и в полку говорылъ я ни от кого никакихъ обыдъ илы гонѣныя не имѣлъ, и признатца по справедливости долженъ, что болѣе ничто не побудыло во мнѣ желалость проситъ апшита, какъ что толко хочу еще светъ выдетъ и свое счастие далѣ пробоватъ, тутъ генералъ подьхватылъ мое слово говорытъ (ja, das Glück probieren und Wind treiben) то естъ да ща-

стие пробоватъ и ветеръ гнатъ, я ему полюнился стою пред нимъ ничиво болѣе не говорю, а онъ ходытъ по покою възадь и вълеридъ нѣсколько мынутъ молчитъ задумавшисъ, а потомъ оборотясъ до мнѣ сказалъ, добро ежелы ужъ ти такъ положылся и хочешь конечно свой апшитъ имѣтъ, то подай о томъ прощеніе.

Я тотъчасъ вынулъ онов ужо у меня заготовленое подаю ему которое онъ развернувъ сталъ читать, и потомъ сказалъ завтра де получишъ свое желание, съ тѣмъ я отъклонясъ пашолъ въ трактыръ где и квартера моя была.

На завтрешни денъ пришолъ я къ моему генералу, онъ меня принялъ весма ласково, подаетъ мнѣ апшитъ, въ коемъ именно прописано что уволенъ въ Россию, при томже и ордеръ въ полкъ за известие, чтобы меня изь полку выключить и удоволствоватъ заслуженымъ жалованьемъ.

Тотже денъ удержалъ меня генералъ у себя къ обеду, а по окончаніи онаго працался я у моего генерала съ слезамы, причемъ всѣ мои чувства вострепеталы оть тѣхъ изъявляемыхъ мнѣ отъ него при последке наиприятнѣйшихъ словъ съ тысящу счастливѣйшихъ мнѣ желательностей во всѣхъ моихъ предприятыяхъ, и потомъ отклонясь у него паехалъ.

Я взялъ путъ мою не в полкъ, а заехалъ къ своему новому командиру генералу Шевичу, чтобъ явытца и показатъ ему свой апшитъ и учиныть условые, на какой срокъ чтобы совсѣмъ къ нему пребратца и когда и в какое время движение путы нашего будетъ.

Шевичъ увидя меня и узнавъ что ужо я апшитъ имѣю весма былъ тѣмъ даволѣнъ, поздравляетъ меня чиномъ капитанскимъ, яко онъ въ томъ оть состоящего въ Выенѣ полномочнаго россійскаго министра графа Безтужева былъ уполномоченъ, чтобы едущимъ съ нымъ въ Россию афицерамъ даватъ по одному чину въ награждение, о чемъ и ордеръ онъ мнѣ далъ, побулъ я у Шевича дня три и условясъ чтобы въ наступывшую осенъ въ сентябре месеце положилы такъ, чтобы и въ дарогу подьнятца.

Съ тѣмъ паехалъ я въ полкъ, и скоро прибылъ первое явился къ дядѣ моему подполковнику Витковичу яко полковому командиру, засталь я его несколко здаровыемъ по его староcты слаба, онъ командовалъ полкомъ, ибо у насъ еще настоящаго полковника послѣ смерти Петрандій определѣно не было, дядя мой узнавъ отъ меня обо всемъ, что генералъ бывши мой щефъ со мною въ Темешваре, говорилъ, и

прочитавъ ордеръ о моей из полку выключке, приказываетъ мнѣ отнесть оной къ майору и явытца у него.

У насъ было тогда какъ назначено, что на обоихъ гусарскихъ полковъ будетъ одинъ, то и состояло майоровъ два; первой Продановичъ котораго на то время при полку не случилось, а другой былъ баронъ Рыньбергъ, и къ нему какъ явылся и онъ прочитавъ генералской ордеръ, что написано о моей ис полку выключке, сталъ человекъ внѣ себя, говорылъ что его вы ко мнѣ приносылы, и де самъ себѣ что читаю не верю и не можетъ тому статца, да и того де еще не знаю говорилъ майоръ, можетъ ли нашъ генералъ самъ собою отпускать афицеровъ из полку въ чужие царства безъ дозволеныя двора.

На то я майору отвечалъ, что генералъ конечно знаетъ какъ далеко власть его простираетца, и онъ бы говорылъ я верно мнѣ апшита не далъ, естлибы въ томъ власты не имѣлъ, а васъ прошу докладываю я майору о скорейшемъ моемъ отъправленыи, майоръ потерялъ въ томъ свое удивление много [illegible], и смотритъ на меня, говорытъ: скажи пожалуй что вамъ ето вздумалось, не сочтуть ли васъ неблагодарнымъ, не были ль вы у насъ въ полку изо всѣхъ афицеровъ первымъ любимцемъ, да и по летамъ вашимъ имѣете чинъ хорошъ * и за что вы такъ зделалы; тутъ какъ собралось еще афицеровъ, то и тѣ напалы на меня словамы такимы жъ угаваривая, чтобъ я апшитъ возратылъ назадь, я говорю имъ что ужъ зделано то на томъ и бытъ, и апшита возратытъ нелзя, ибо я его отьдалъ своему новому командиру генералу Щевичу, а при себы имѣю толко со онаго засвидетелствованую копью.

Я объ апшите сказалъ нарочно, яко бы оной отьдалъ генералу Шевичу для всякихъ случаевъ, какъ о семъ ниже выдно будетъ (что и помнию оно последокъ въ достиженью желаемаго послужило мнѣ въ помочь много).

Майоръ отьдалъ приказъ въ полкъ за известые, что я ис полку выключенъ и требуетъ рапортовъ какъ не состоитъ ли на мнѣ какихъ долговъ, такожъ и о здаче мною роты другому афицеру учинылъ по-

* Весьма о томъ что я будучи тогда въ молодыхъ летахъ произведенъ поручикомъ было то чудно, и за редкость почиталы, ибо въ австрийской службе такова чина афицеръ бываетъ обыкновено уже сорока летъ отъ роду, а капытаны многие съ великимы сѣдинамы на голове, и старшинство тамо мало смотрять.

веленіе; а между тѣмъ приказалъ заготовить мое отъ полку отправленые.

Таковы требуемые рапорты отъ ротъ поданы съ объявленіемъ, что никакихъ долговъ и начетовъ по командующей мною роты не состоитъ, и такъ совсѣмъ отъ полку меня отправлено, окроме что доводящееся получить заслуженое жалованье, яко при полку на то время казны еще въ привозѣ небыло, то и писано къ оберъ-кригсъ-камысару Гарнулы *, отъ коего на всѣ пограничные полки по его ассигнаціи подлежащая денежная сума отпускается, а то отъ полка представленіе дано мнѣ, чтобъ я самъ туда къ нему съѣздилъ и доводящееся къ полученію мнѣ денги, отъ него истребовалъ.

Я поехалъ къ оному оберъ кригсъ камысару въ крепость Петроварадинъ, где онъ съ своею камысиею тогда находился, ему подаю то представленіе и требую своего жалованья.

Онъ прочитавши то представленіе возгорелся жестоко, какъ было несколко по своей природной гордосты и умѣть, и требуетъ отъ меня его апшита чтобъ ему показать, я на то отвечалъ что оригинала у меня нѣтъ и что оной отъдалъ я моему новому командиру, а имѣю у себя говорю я ету со оного засвидѣтелствованую копыю.

Онъ на таковъ учинѣны отъ меня отъвѣтъ осердился еще и болше выговоря, что вамъ отъпуска денгамъ нѣтъ, а я де отънесу къ главному месту о такой непозвалителной отъ генерала вашего поступке и вы де увидите что еще не того выдетъ; потомѣ отворотясъ проворчалъ по немецки сіи слова (Ich werde Eych dasz nach Moskau Reisen fergessend machen), что значитъ я де вамъ ту въ Москву езду зделаю забвеною.

Сихъ ево словъ я ужъ не могъ стерпетъ, говорю ему, вы государь мой болше стращаете меня вашимы угрозамы нежелъ въ самомъ дѣле чего зделатъ можете, а я не пришолъ слушатъ сего что вы говорите, но за моимы денгамы, коихъ ежелы вы отъпуститъ не соизволите, то хотя по пристоинству резонъ сказатъ можете а не кричатъ.

---

* Онъ былъ природны Грекъ родомъ отъ Приморья изъ города Корфу, былъ онъ ученъ на разные языки, и что перешолъ въ законъ католицки рымскаго исповеданья, то за то былъ сперва определенъ консуломъ малыхъ отъпровиденыевъ, а потому и къ сей должносты удостоенъ, но при всемъ томъ, былъ чрезъ меру гордь и прегрубая тварь, и к тому еще и великой гонителъ на состоящихъ въ законѣ Греческомъ.

За симъ моимъ къ нему отвѣтомъ, Грекъ такъ осердился что я думалъ онъ лопнетъ и говоритъ (ja Sie denken, dasz ich Ihnen soll das Geld noch auf die Reise geben, nein Sie bringen keins), что значитъ, да вы думаетъ еще чтобъ я вамъ и денги на дорогу далъ, нѣтъ вы ихъ не получите.

Такова суровство мнѣ было нѣчимъ применитъ, а с нымъ далѣ въ диспуты въходытъ не хотелось, отъворотясь отъ него пашолъ прочъ.

Онъ на томъ своей злости не оставилъ а позамерился учинитъ мнѣ пути препятствие, какъ и въ самомъ дѣле онъ то и здѣлалъ.

Незнаю изъ чего почему у него былъ съ нашимъ генераломъ несогласие, и прежде какъ прямо сие случилось ему на руку чтобъ генералу досадитъ, то и предоставилъ отъ себя донос прямо въ состоящій въ Вѣнѣ хофъ-кригсъ-ратъ (тоесть военный при дворе совѣтъ), что генералъ фелтмаршалъ лейтенантъ баронъ фонъ Энгельсъ-хофенъ далъ отъ себя состоящему въ полку его поручику Пищевичу апшитъ въ Россию, и прислано де къ нему отъ того полка требование объ отпуске оному поручику заслуженаго жалованья, а какъ де онъ о томъ сумнѣвается, чтобъ генералъ могъ самъ собою таковы апшиты въ чужое царство афицерамъ даватъ безъ дозволенья двора, то по чему онъ требуемаго жалованья отъпуститъ удержался о чемъ проситъ резолуцiи.

Вотъ чрезъ сие дѣло последовалъ моему сердечному генералу ударъ не малъ, отъ него требовано отвѣтъ, почему онъ отъважился мнѣ датъ таковъ апшитъ і изъ службы выключитъ, о немъ же і известие отъ хофъ-кригсъ-рата прямо писано въ полкъ и строжайше повелѣно, чтобы даной мнѣ отъ генерала апшитъ одобратъ, и мнѣ бытъ по прежднѣму въ полку въ службе.

Сие повелѣние мнѣ объявлено и требовано моего апшита, но какъ я на томъ утвердился о чемъ выше говорилъ, что апшита въ оригинале у меня нѣтъ, а только имѣю засвидителствовану копыю, съ которой я еще другую въ полковой канцелярiи спысалъ, то и подаю оную.

Такова спысанная копыя отъ меня принята и отослана въ Вѣену, откуль скоро изъ хофъ-кригсъ-рата другое прислано повелѣние чтоби меня арестоватъ и отослатѣ къ генералу губернатору графу Кайзъруку въ крепостъ Ессекъ для учинѣния тамо надо мною судебнымъ порядкомъ слѣдствия.

Меня при полку арестовалы и отослалы туда при афицере на

моемъ коште, езда наша продолжалась дня три, и прибывши въ ту крепость Ессекъ (катораи лежитъ въ нижнѣй Славоніи на полуденной сторонѣ реки Дравы) мой проважатой пашолъ къ генералу губернатору съ докладомъ о прибытіи нашемъ, а я остался съ каляскою нашею у воротъ при первой стражи отъ крепосты, дожидаясь обратнего прихода моего товарища, каторой возвратившись объявляетъ мнѣ что де господинъ генералъ губернаторъ приказалъ насъ представить къ нему, (но я безъ сабли).

Я скорее отворилъ свой сундукъ вынялъ свой новой мундиръ потомъ пошли оба туда, и скоро я вошедъ напередъ въ генералскіе пакои, и генералъ насъ увидевъ, то тотъчасъ и узналъ меня, ибо еще какъ мой полковникъ Петранды живъ былъ и генерала сего раза два приглашалъ къ себе въ лагеръ и предоставлялъ ему полкъ, то для встречи и обратнаго препровождения съ конфоемъ посилаемъ былъ я, а также несколко разовъ что былъ отъ полковника з деломъ къ немужъ посиланъ, то по тому онъ меня зналъ.

Человекъ онъ былъ еще въ силѣ въ своихъ средныхъ летахъ, а при томъ въ речахъ и въ разговорахъ весма сурйозенъ и несколко гордъ (какъ обыкновено въ австриской службе, и редко естъ кто въ тѣхъ и въ штабскихъ чинахъ чтобы небылъ гордъ).

Генералъ говоритъ мнѣ по немецки: Wie ich höre, dasz er will ein Moskowiter sein, ich denke aber, dasz er das wird wohl bleiben lassen; — то естъ, какъ я слышу что вы хатите Москалѣмъ быть, однако де я думаю что вы то оставите.

Немцы въ Австріи мало когда въ разговорахъ упоминаютъ Россия, или Россиане, а обыкновено говорятъ Москва, и Москалы.

Незнаю какъ таперъ преверитулосъ а прежде такто было, и несколко какбы съ пренебреженіемъ.

Такова встреча отъ генерала губернатора въ его словахъ мнѣ не очень приятно было, я оное сочелъ двояко: первое что можетъ быть и самъ отъ того намерения отъстану, а другое почелъ я за покрытие угрозы, сиречъ что доведу я тебя до того что ты то оставишь, каковы слова было несколко меня смешалы, и я ожидалъ не станетъ ли еще чего говоритъ, однако разговоръ былъ на томъ конченъ, а толко то прибавылъ, что велѣлъ указатъ мнѣ дорогу итыдъ на гаубтвахтъ, где и квартера мнѣ данна обще съ караулнымъ афицеромъ въ адномъ пакое.

По прошедствіи несколкихъ дней наряжена была для меня слѣдственная камыссия, меня туда потребовалы и проважаемъ былъ до при-

судствия и назадъ аднимъ ундеръ афицеромъ и аднимъ редовымъ салдатомъ безъ ружья.

Задачи мнѣ въ запросахъ давалы разные съ велыкимы выдумками, между коимы вышли и тѣ вопроси, какъ и что и для чего я службу оставляю и апшита просилъ, и чтобы я тотъ данной мнѣ отъ генерала барона фон-Енгелсъхофена апшитъ къ суду въ оригинале представылъ.

Я на всѣ тѣ даные мнѣ запросние пункта отвечалъ сколко къ своему оправданыю зналъ, а о апшите всио адно говорылъ, что онаго у меня нѣтъ, а отъданъ мною моему новому камандиру, Россійскому генералу Шевичу, съ коимъ и я намеренъ былъ въ Россию ехать.

Комысия потребовала отъ полка въ коемъ я служылъ известия о моемъ поведеніи, на что получила въ ответъ что я былъ въ ономъ полку не точию по службе исправенъ и поведения харошаго, но сверхъ того во всемъ изъ моихъ сверстниковъ субалдернъ-афицеровъ былъ первымъ.

Всѣ мои ответы были въписиваны и такиежъ почты запросы ежеденно мнѣ повторялы, и думаю что нарочно и для того не приметятъ лы какова въ ответахъ моихъ разноречия, и крепко того добывалисъ нѣтли еще каво со мною въ согласіи, также и то кѣмъ я подговоренъ, чтобъ въ Россию итытъ и тому подобное.

И такимъ образомъ продолжалосъ то слѣдствие дней деветъ, напослѣдокъ какъ ничего болѣе изъ того слѣдствия вытитъ не могло окроме толко то одно, что я службу оставылъ и апшитъ получилъ, о совершивши комысия всио то дело поднеслы мнѣ тѣ учинѣные запроси и при оныхъ мои ответы, чтобъ я оные подьпысалъ.

Я взявши прочолъ и сталъ подписоватъ свое имя и новой свой чинъ рытмейстеръ Россійски, какъ вдругъ презесъ и оберъ аудиторъ подьхватя ту бумагу у меня изъ рукъ не далы совсѣмъ и допысатъ, говорятъ, что де вы должны подьпысатца тѣмъ чиномъ, какимъ вы въ службе нашей состоите а не чужей.

Я имъ на то отвечалъ, что я уже не порутчикъ и отъ полка въ каторомъ служылъ совсѣмъ отправленъ и въ службе здесь не состою и тѣмъ прежднымъ чиномъ подписиватца мнѣ не слѣдуетъ, вынувъ при томъ ордеръ данной мнѣ отъ генерала Шевича, въ которомъ онъ меня пышетъ ротмистромъ и обьявляетъ мнѣ сей чинъ, показываю имъ оной и говорю, вотъ изволите видетъ что вы имѣете у себя подь арестомъ Россійскаго ротмистра а не здешнѣй службы поручика, по-

[illegible] и не бу- [illegible]

[illegible] ... мнѣ [illegible] другаго [illegible] обо [illegible] ... [illegible] ждать [illegible].

[illegible] чтобы хотъ [illegible] и мнѣ [illegible] не подписывать что [illegible] [illegible] [illegible] засвидетельствовалъ, послѣ сего [illegible] [illegible] сказано [illegible] за свое место.

Я [illegible] содержался подъ арестомъ всего два [illegible] [illegible] изъ полка и поведенія моего [illegible] въ хофъ-кригсъ-ратъ, отъ коего [illegible] [illegible] королевы.

[illegible] генералъ Шевичь [illegible] и заехалъ изъ Венгрии за границу [illegible] [illegible].

Продолженіе моего въ крепосты Ессеке ареста безъ решимосты было причиною то, что на то время былъ въ Венгріи подъ городомъ Пештомъ учрежденъ отъ воиска болшой лагерь, где присудствовала сама ея величество императрица, королѣва Мария Терезия съ супругомъ своимъ императоромъ Францискомъ первымъ, и потому доклада обо мнѣ дело продолжалось, я было отчаялся и думалъ что ужъ мнѣ туть въ той крепосты и навсегда жилыщемъ остатца, ибо то место многимъ людимъ последни конецъ былъ, однако выдно что моя судбина не преставила предо мною действоватѣ и моимъ дѣломъ управлять и меня на то, чему еще съ мною събытца должно.

Генералъ губернаторъ напоследокъ получилъ отъ хофъ-кригсъ-рата повеленіе, чтобы меня из подъ ареста освободытъ и велѣть явитца къ генералу фельдмаршалъ лейтнанту барону фонъ Енгелсъ-Хофену моему бывшему шефу, на коего де имя уже о моемъ дѣле по докладу онаго хофъ кригсъ-рата отъ ея величества королѣвы конфирмация последовала, что и будетъ мнѣ о томъ обьявлено и что на [illegible] остатца въ службе по прежднѣму.

Я тако освобожденнъ и не подъ ареста поехалъ немедлено въ [illegible] Темешваръ къ моему бывшему генералу шефу, езда моя

продолжалась дней пять, я какъ къ нему явился, то въстрѣтылъ онъ меня сердцемъ жестокимъ, онъ дѣлалъ мнѣ такие выговоры что и подлинно не находылъ я чѣмбы пред нымъ могъ оправдитца, а толко болшъ молчениемъ отьбывалъ и терпѣлъ покудова его воля была говорить, а какъ онъ приступылъ ко мнѣ своимъ требованыемъ, чтобъ я данной мнѣ оть него апшитъ возвратылъ; тогда ужъ зачалъ я говоритъ повторяя всѣ тѣ его мылости, коимы я много ползовался, говорю съ понызенимъ духомъ: ваше высокопревосходителство не можете столко веритъ сколъ много я скорблю о томъ, что вы чрезъ меня понеслы затрудненіи, и что таперъ чрезъ то выжу надъ собою вашъ гнѣвъ, предъ каторымъ не могу никакъ чѣмъ инымъ оправдитца и себя защитытъ окроме адною толко вашею высокою мылостию; я ежели бы зналъ что таковы досады чрезъ меня вамъ моему благодетелю зделаны будутъ, то бы, говорилъ я, никогда нехотѣлъ приступатъ къ такому дѣлу, хотя бы оно мнѣ самые наилучшие шчастій приносило, какъ и таперъ баюсъ доложитъ вашему высокопревосходителству, дабы не податъ еще и болшъ вамъ неудоволствия о семъ что требоватъ изволите, апшита данного мнѣ оть васъ я у себе его не имѣю, а взялъ оной у меня Шевичъ (я ужъ и не смѣлъ Шевича генераломъ упомынатъ), а имѣю толко говорылъ я съ онаго апшита засвидителствованую копыю.

Ну тутъ досталысъ и Шевичу со мною въместѣ харошие пѣсни и говоритъ генералъ, чтожъ ты таперъ изь того думаешъ бытъ, что апшитъ у Шевича остался, не домаешъ лы ты еще о Москве чего, говоритъ, такъ ужъ тогда мог бы ты путъ свою и подлино въ другую какую сторону управытъ.

Я отвечаю что о семъ говоритъ мнѣ ужъ нѣчево, а я приехалъ говорю съ тѣмъ толко къ вашему высокопревосходителству, что мнѣ велѣно у васъ явытца и о учинѣнной, по слѣдствию бывшему надо мною, высочайшей ея величества конфирмаціи, чтобы получитъ отъ васъ повелѣные.

Генералъ будучи еще въ сердцахъ ходитъ по горнице говоритъ: да конфирмація! ты ужъ недостоинъ того, для тебя бы не такая мылостъ надобна а другое что, чтобы тебя поусмиритъ и вывестъ тѣ ветри изъ головы, и на томъ тотъ денъ у насъ разговоръ кончился, было то ужъ поздо подъ вечеръ, съ тѣмъ я вышолъ и пашолъ по дорожкамъ, у своихъ знакомыхъ при свите генеральской что и какъ проведиватъ.

Мнѣ показалъ директоръ канцелярія, какіе моему генералу чрезъ

меня репреманды были и ответъ требованъ о томъ что онъ мнѣ апшитъ далъ, и что послѣ того посредствомъ придворной адной особы вынна ему прощена, и что въновъ повелѣниемъ ея величества отъ хофъ-кригс-рата къ нему уже склонностию о моемъ же дѣле рескриптомъ пысано и конфирмация въ пользу мою прислана.

Я того просилъ прочестъ но не далы, а сказалы что генералъ завтре самъ вамъ о томъ обьявытъ.

Завтрешни денъ въ часу десатомъ поутру пашолъ я къ моему генералу, ему ужо выдно пресказалы, что я жестоко скорблю о томъ что чрезъ меня ему послѣдовало, для чего отозвался ко мнѣ поскорнѣе и говоритъ, вотъ видите вы, сколко затрудненія чрезъ ваше дело произошло и доходило до худыхъ слѣдствій и твое де счастие, что еще на томъ обошлосъ.

Потомъ приказалъ чтобы принестъ изъ канцеларіи тотъ полученой рескриптъ, въ коемъ положена конфирмация обо мнѣ.

Директоръ канцеларіи пришолъ и тотъ рескриптъ принесъ, генералъ взявши оной подаетъ мнѣ и говоритъ, я де подаю вамъ къ прочтенью учинѣнную обь васъ конфирмацию и такову ея величества ми[illegible]тъ, какова редко кому другому случитца можетъ, и вам де со-ве[illegible]ю я чтобы ни о чемъ болѣе не думатъ, а повиноватца высочайшему повелѣнию какъ вы здесъ о учинѣнной вамъ мылости къ произвожденыю вашему усмотретъ можете, каторое вамъ при послѣдующемъ въскоре въ Славоніи всѣмъ полкамъ ревы (главной генералной смотръ) данно будетъ, на чомъ вы съ благодарностыю и спокоемъ остатца должны.

Рескриптъ я держалъ въ рукахъ и слушалъ покудова генералъ слова свои окончилъ, а потомъ сталъ читатъ, выжу я что для меня мылостъ велика и въ конфирмаціи отъ ея величества положено мнѣ датъ чинъ, я ужъ на то согласился, поклонясъ генералу отьдаю рескриптъ ему обратно, представляя свою благодарностъ, говорю сіи слова что и при семъ случаи выжу свое назначеное счастие, что оное единствено отъ милосты вашей произошло есть, чѣмъ будучи много обовязанъ не нахожу столко словъ къ изречению моей такъ великой благодарносты, а заключаю толко симъ что на всѣ предбудущее время жызни моей долженъ чувствоватъ и признаватъ ваше высокопревосходительство своимъ благодетелѣмъ.

Генералъ приказалъ пысатъ ордеръ въ полкъ о причисленіи меня по преждному въ службу съ изьяснениемъ о учинѣной обо

нѣе конфирмаціи, а с того рескрипта приказалъ дать мнѣ копью, съ коей для любопытства читателю прилагаю при семъ на немецкомъ языкѣ выпысъ такъ какъ оная есть.

Copia

Eines an dem Herrn General Feldmarchal-Lieutenant Freyherrn von Engelshofen erlassenen Rescripts.

Wohlgebohrner,

Sonders geliebt und geerter Herr Feldmarchal-Lieutenant, ob der mit deszen Schreiben de dato Temesvar den 20-te Elapsi an Uns angeschickten Erklärung, dasz bey seinen unterhabenden Syrmischen Houszaren-Regiment bestelten Lieutenants Simeon Pisczhevics ist erschienen, warum er solch bekleidente Charge quittiren wolle, und dazu die Erlaubniesz neuer Dingen ersuche, gleich wie es aber bey dem, was Wir dem Herrn Baron in dem auszgefertigten Rescripto von 26 des leszt verfloszenen Monats Augusti zu erkennen gegeben, dasz nömlichen Jhro Kays. Königl. Maj. keineswegeș gesinnt seyn diesen Lieutenanten als dero Unterthanen in fremde Dienste tretten; sondern bey der demnächst resolvirten endlichen Regulirung derer Slavonischen Gränitz-Regimenten auf seine Unterbringung den Bedacht nehmen, auch eine Charge nachstimmender seiner Tüchtigkeit Jhnen verleyhen und den hinreichenden Gehalt anweisen zu lassen, sein unabanderliches bewenden gewinnt, und eben andurch die Haupt-Ursach der vorhabenden Quittirung sich von selbsten aufhebet, also hat der H. Feldmarchal-Lieutenant solches dem Wiederholten Lieutenanten Pisczhevics zu bedeuten seine Resignation nicht anzunehmen, sondern dasz er der jeszt bemerkten allerhöchsten Gesinnung sich füge mithin seine Ubication in der Granitz continuire und darinen die Anstellung in dem Character als Iro Kays. Königl. May. für gut finden werden geruhig und gelaszen abwarthe, selben ernstlich an einzubinden, sich allestäts gegenwärtig zu halten. Joseph Graf von Garrach.

Ad Mandatum Sacrae Caes. Reg. Majestatis ex Consilio Bellico. Wien den 3 Novembris 752 Jahr.

Aug. Thomas Edler von Wöber.

Я получа оную копію и ордеръ отъ моего генерала, коимъ повелѣно причислить меня въ службу и вступить по прежнему въ

должностъ, поехалъ въ полкъ и положился на томъ уже и быть, и думать о Россіи стало у меня въ голове исчезатъ, но что у меня апшитъ лежитъ спрятанъ, то иногда напомынались мнѣ въ мысляхъ, и будто предвещаетъ что еще чему ныбудъ быть изъ того дела.

Въ тоже время какъ жестоко Венгри домогалысъ о чемъ прежде я говорилъ, чтобы всѣ Сербские полки въ Славоніи состоящие раскасироватъ, а на ихъ места для охранения границы отъ стороны турецкой по Саве реке состоящей обещалы оны датъ войско на своемъ коште, что и было оны почти приклонилы королѣву на свою сторону, но цесаръ Францискъ первы супругъ королѣвы Маріи Терезіи взялся за то крепко и недопустылъ тому бытъ, для чего и велѣно учредытъ, какъ уже я о томъ више говорилъ, въ Венгріи подъ городомъ Пештомъ отъ войска болшой лагеръ, куда для обозрения ихъ обеихъ імператорскихъ величествъ при своемъ присудствіи отъ того новоучрежденнаго по границе Сербскаго войска, коего Венгри опысалы было неустройнымъ и ненадежнымъ, велѣно притытъ отъ каждаго пехотнаго полка по одному баталиону, а отъ гусарскихъ по два ескадрона что и сделано, а къ онымъ туда же въ лагеръ соединилосъ какъ Немецкие такъ и Венгерские полки тамъ по близосты состоящие, и безъ мала вся армыя была въместѣ.

Лагеръ былъ великолѣпенъ и маневры военые дѣлалысъ, при чемъ баталионы и ескадроны Сербские соединѣны і во всѣхъ предъ протчимы, а асобливо предъ Венграмы своимъ проворствомъ и живостию въ палбе и въ маневрахъ себя отълычили, что и засвидителствовало давольно къ стиду венгерскихъ прожектовъ кои бролщены, и положено на томъ, чтобы симъ въ Славоніи полкамъ бытъ непоколебымо на той ноге какъ оны уже учреждены, а для укреплениы ихъ определено учиныть главни ревы (то есть генералны смотръ), къ чему определѣнъ былъ генералъ отъ кавалеріи графъ Сербелоны.

Ему во всемъ какъ смотръ делать, такъ и въ протчемъ что толко до сихъ полковъ касатца можетъ полная власть данна, онъ приехалъ въ Славонию въ крепостъ Ессекъ, яко сие место противъ средины всѣхъ тѣхъ военыхъ дистриктовъ состоитъ, куда на то време сихъ пограничныхъ полковъ всѣ полковые командиры и протчие штапъ афицеры собралысъ, въ томъ числѣ и я туда же поехалъ.

Явылся я къ сему главному инепектору генералу графу Сербелоны, подаю ему мою прозбу упомынаю при томъ, что я уже имѣлъ свой апшитъ, и что повынуясь волы и созволению ея величества остаюсъ по прежднѣму въ службе, и что рескриптомъ на конфирмацию

ея величества всѣмилостивѣйше повелѣно меня при нынѣшнемъ ревы и формаціи наградить чиномъ, то и прошу вашу графскую екселенцію, писалъ я такъ въ своей прозбе, не оставыть по власты данной вамъ чиномъ меня наградить.

Генералъ принялъ мою прозбу и выдно что онъ о томъ уже имѣлъ повелѣние, для того что то мое писмо отъдалъ своему правытелю канцеляріи съ приказаньемъ выправитца, естли что между протчимъ обо мнѣ упомянуто въ той запыске, которая ему отъ ея величества вручена.

Справка учинѣна и деректоръ канцеляріи ту запыску принесъ, показываетъ генералу состоящую во оной, обо мнѣ отметку.

Генералъ погледелъ и обратясь ко мнѣ обьявляетъ мнѣ именемъ ея величества чинъ капитански, и приказываетъ чтобы мнѣ явытца у генерала губернатора графа Кайзрука для получения моего определения въ полкъ.

Таково повелѣние было потому, что главной инспекторъ спещылъ ехать въ верхъ къ границамъ Кроатскимъ, для обозрения всѣхъ тамо положениемъ и состоящихъ смежностию къ верхнѣй Славоніи местъ, а потомъ зачнетъ делать смотръ полкамъ и учреждение военымъ дистриктамъ въ Славоніи, а между тѣмъ препоручилъ чтобы помещение прысланымъ изъ Выены немцамъ афицерамъ, и некоторымъ другимъ до того времены сверхъ комплекта состоящимъ учинитъ оному генералу губернатору распределение по полкамъ, яко генералъ губернаторъ былъ отъ Бродскаго пехотнаго полка шефъ, а при томъ и всѣ протчие Славонские полки въ его губерныи состоящи были по службе въ своже команде, то таково распределение и положено на тотъ случай на него, для чего чтобы скорейше учинѣно то могло быть, оставылъ генералъ инспекторъ некоторыхъ изъ своихъ канцелярскихъ чиновъ для описивания и приуготовления къ смотру всего дела, и потомъ съ оными чтобы туда къ нему спешитъ приказалъ, понеже уже онъ зачнетъ отъ верхнѣй страны и вныз всѣмъ полкамъ смотръ делатъ.

Все сие зделано въ самой скоросты и отыправлѣно, а я тамъ будучи получилъ отъ генерала губернатора повелѣние что помещенъ въ комплектъ капитаномъ въ Бродской пехотной полкъ, о чемъ для ведома въ полкъ и ордеръ мнѣ далъ.

Таково определѣние мнѣ причинило досаду велику, понеже о томъ я ни мало не думалъ, чтобъ меня изъ Гусарскаго полкя выклю-

чить, а считалъ что въ оном же по прежднѣму буду, для чего и не старался я о томъ проабы мои заранѣе употребыть, но какъ сие въ противность моей волы зделалось, то просилъ я о томъ генерала губернатора представляя ему что въ пехоте быть и служить не желаю, а прошу и оставитъ меня въ том же полку въ коемъ я и прежде былъ.

Генералу то было противно, что въ ево полку я быть волы не имѣю, отьвечалъ мнѣ несколко съ неудоволствием говорить, вы о томъ можете проситъ генерала инспектора, ибо дела и всѣ списки уже къ нему отьправлены, и мнѣ де пределатъ болѣе не можно.

Выжу я что со мною вѣстречаютца новые досады и что далѣ то болшъ раждаются хлопаты, не зналъ на тотъ часъ что другое делатъ какъ что согласился съ мыслямы своимы ехатъ въ Бродской пехотной полкъ, и дожидатъ приездъ генерала инспектора тамъ.

Я приехавши въ тотъ Бродской полкъ явылся у полковника барона Януса и подполковника барона же Рыта, оны какъ давно меня зналы и много старалысъ, чтобъ я къ нымъ въ полкъ перешолъ, то тогда приняли меня выдомъ приятнимъ и ласкою, говорятъ: ну вотъ сколко ты ни спесивылся сперва, что не хотѣлъ къ намъ перейтитъ въ полкъ, а таперь де само собою на то пришло и вы таперъ нашъ, а въ томъ не хотѣлы признатца что оны тому притчиною, что меня генералъ губернаторъ въ сей полкъ поместылъ, какъ я о томъ опосля узналъ.

Однако я имъ отвечалъ, что въ пехоте быть не желаю, вы говорылъ я самы знаете, каковъ я по форме гусарской еквипажъ имѣю каторой таперь должень у меня остатца безъполезно, и я чрезъ то понесу такъ великой убытокъ по напрасну, а сверхъ всего говорилъ я несколко съ неудоволствиемъ: какъ скоро я не въ гусарской службе въ каторой я прежде бышъ, то ужъ я и не слуга ея величества, таковъ, каковъ еще могъ бытъ и заслужитъ ту высочайшую мылость, которая надо мною оказана.

Сии мои господа употребыли мои слова за подсмешку, говорятъ мнѣ чтожъ вы думаете разве де толко и слугъ у государя что гусаре, нѣтъ мы де надежда и стена крепостьі а вы за намы, я далѣ ужъ и не хотелъ с нимы диспутатца, оставилъ на томъ, думаю въ себе что не буду я у васъ долго пехотинцемъ въ томъ разуме, что препрошусъ у инспектора по прежднѣму бытъ въ гусарскомъ полку, а также

и на своего бывшего шефа надѣялся что онъ меня оть пехоты вызволить, а о Россіи уже совсѣмъ у меня изъ мыслей вышло.

Послежъ сихъ разговоровъ определылъ мнѣ полковникъ роту, коею до того времены командовалъ порутчикъ, онъ былъ немецъ звался Горичка, но по болшой часты хваралъ, я туда въ то селение поехалъ и тому порутчику о здаче мнѣ роты принесъ ордеръ, тотъ денъ у насъ прошолъ такъ праздно, а на завтре зачалы мы делать дѣло и людей по списку я осмотрѣлъ.

Тую же наступывшую ночъ какъ квартера у порутчика была толко адна горница съ маленкою комнаткою и съ сенмы (коя то ужъ должна была бытъ моимъ въпредь жилыщемъ но неудалосъ), то мы оба я и порутчикъ положилысъ въ горнице всякъ на своей постелѣ а вь комнатке у него была служанка и еквипажъ не великой, человекъ онъ былъ доброй но оченъ беденъ, и толко всего добра что мундиръ да три лошады имѣлъ, кои стоялы тутже поблизосты въ несколко шагахъ по зады квартеры въ конюшнѣ, при коей и сараецъ маленкой для повоски.

Подъ сумеркъ взяла порутчика трести лыхорадка и онъ бедной потомъ въ превеликомъ жару безъ чувства почты лежалъ а я было уже заснулъ, какже въдругъ нѣчто стало стучатъ. отъ чего я разбудылся и покудова опомнился изъ просоня прошла мынута и другая, у насъ въ горнице поставленая на землѣ въ шандале свеча еще горѣла, а тутъ опятъ со двора у ставни стучитъ стало непрестано и слишу голосъ оть часоваго, что говоритъ вставайте вы погибли, я какъ скоро то услышиль всталъ и кличу порутчика, однако всуе, онъ въ жару какъ мертвой лежитъ.

Добыраюсъ я до своего ружья чтобъ оборонитца, ежелы кто какое нападение на насъ зделаетъ, какъ часовой крычалъ что погибли, каторой непрестано у ставни и у двери оть сенѣй стучитъ и кричитъ, между тѣмъ зачала служанка въ комнате кричатъ и плачетъ, я скоряе ее спросилъ что такое и что она кричитъ, отворивъ при томъ и дверы от комнаты; окошечко невелико у той комнаты было также заперто и что оть свечи сияние изъ горницы туда въ комнату вошло, то я и не могъ приметытъ сперва что на дворе делаетца, а повторяю слова къ служанке что она кричитъ, на что она какъ встала с постелы и прибираетъ свое платѣ, говоритъ мнѣ, мы згорымъ посмотрите чрезъ расчелыну вотъ у окошка, какъ на дворе пожаръ великъ.

Я отъ сихъ словъ бросился къ дверамъ отворылъ оные а у сеночныхъ сталы было салдаты ломатъ, почитая насъ еще спящихъ и подлино мало и на веки тамъ не заснулы, я лышъ толко что горнишние двери отворылъ, алъ ужъ и въ сеняхъ сталъ огонъ показиватца, кровля была изъ тростника, которая весма буйно горѣла.

Двери сеношние я отворилъ, кричу на салдатъ чтобы скоряе вынесли порутчика, оны кинулысъ туда взялы его съ периною и совсѣмъ и вынеслы вонъ, а онъ ничего того не чувствуетъ и покудова оны съ тѣмъ возилысъ, то я успѣлъ взятъ свой мундиръ, а слуга мой подскочилъ подьхватылъ постель, и другие стекшіися салдаты хваталы, кто что могъ въ горнице, выносилы и тѣмъ спаслысъ, но бедного порутчика всѣ трое лошадей съгорѣло съ повоскою, ибо пожаръ изъ конюшни възялся, слуга его былъ пьянъ, положился с трубкою въ сено и тѣмъ запалылъ, каторой полужареной едва изъ огня выскочилъ а ветръ великъ какъ поднялся и поломенъ понесъ на домъ, то отъ того и домъ скоро загорелся и всѣ безъ остатку зделалосъ пепелемъ.

Вотъ встреча какое предвещаные зделала, о чемъ было тамошние жителы сталы угадиватъ, что де нашему новому капитану недолго здесъ бытъ, оны чему нибудъ иному такъ угадывали, а судбына моя иное приуготовляла какъ на то всякъ человекъ итытъ повыненъ, и точно слѣпому подобенъ, куда его ведутъ туда онъ і идетъ.

Я роту принялъ и возвратился въ штабь для донесения о томъ полковнику и между протчимъ приметылъ полковникъ, что я весма смутенъ спрашиваетъ меня здаров лы я и что такъ невеселъ, о чемъ какъ узналъ изъ словъ моихъ, что мнѣ въ пехотѣ служитъ неприятно, то и сталъ мнѣ говорытъ слушайте вы, я де вамъ советую престатъ отъ того, вы де чрезъ то потѣрятъ можете много, естлы станете противытца и вновъ проситъ захотыте, а служба де всио ровно въ какомъ бы то полку ны било.

По симъ обстоятелствамъ я ужъ и положылъ на томъ бытъ и ожидалъ приезда инспектора графа Сербелоны, но какъ тогда уже настигла зима и онъ не могъ далѣ по своей камысіи хадытъ, окроме толко что адынъ Градишкански пехотной полкъ смотромъ кончиль, то потому и продолжился приездъ его къ намъ даже до будущей весны.

Между тѣмъ отьпросился я у полковника своего чтобы съездытъ къ отцу, нашолъ я его въ великой печалы тѣмъ болѣе, что при новой формираціи Славонскихъ полковъ, какъ я въпереды говорылъ, что изъ двухъ гусарскихъ зделанъ адынъ, то и велѣно ему преитытъ

опять въ другое назначеное военое место и тамъ и другую роту принять где почти пустое место состоитъ, и надобно бы было совсѣмъ въновъ заводытца, отъчего а также и от прежднихъ частыхъ пре-селеньевъ съ одного места на другое вовсе почты разорылся, чѣмъ весма будучи огорченъ, а к тому еще и то что сталы ежегодно съ моею новою матерью у него раждатца деты коихъ ужо было шестеро, то и положылъ отъ службы отьстать и просить отьставки, что потомъ въскоре и зделалъ и прешолъ на жилыще въ волной королѣвской породь называемы Новы Садъ (противъ крепосты Петроварадина чрезъ реку Дунай толко разстояниемъ лежащій), где на время нанялъ домъ покудова изостроитца въновъ илы готовой купытъ изищетъ.

Потомъ поехалъ я съ женою къ тестю моему полковнику Рашковичу въ городь Митровицъ, где онъ съ фамылиею жилыще свое имѣлъ, обстоятелства со мною бывшие были уже ему известны, и что на томъ такъ обошлосъ и дело кончено, то тѣмъ хотя онъ и былъ даволѣнъ, но не оставылъ онъ мнѣ великие выговори учинитъ, и почти ежедено сколко я тамъ у него былъ всио о томъ принужденъ былъ я оть него слышитъ, упомыная что и для чего безъ никакой нужди доводылъ я себя до того, представляя при томъ мнѣ въ глаза какъ я ужо близъ погибелы былъ и что еще съчастия что могло на томъ обойтытца, и что напоследокъ такой мылости какая со мною зделана еще никому не было, и то первая редкость со мною последовала и чтобы я въпредъ безъ его волы никакихъ дѣлъ самъ собою не зачиналъ, на кренко мнѣ о томъ подтвердылъ, а что де ты тѣмъ недоволѣнъ что въ пехотной полкъ определѣнъ, то де еще можно будетъ пределатъ илы говорылъ онъ возму я тебя сюда въ свой полкъ, и стоитъ де толко ободномъ илы о другомъ попроситъ инспектора какъ онъ приедетъ, что надѣюсъ верно онъ и зделаетъ, я ужъ на всио сие согласился и обнадежылъ тестя моего, что конечне въпредь обо всемъ его спрашиватца буду, на чомъ я думаю и осталосбы навсегда, естлибы другие обстоятелства еще не родилысъ, мое тогда свидание съ тестомъ было почти какбы на веки простытца съ нымъ.

Я всего у тестя моего бавылся дней шестъ и потомъ поехалъ въ полкъ, всю ту зиму и до весны провелъ я въ велыкой скуке, и напоследокъ уже дождался приезда генерала инспектора графа Серъбелоны, онъ первее зачалъ Бродской пехотной полкъ смотрѣтъ, всѣмъ намъ съ перваго раза показался громомъ страшенъ, и мало почти с кѣмъ говорылъ разве съ полковникомъ и то не много а толко о какомъ деле что спроситъ, онъ власть велику имѣлъ яко поверенная

особа отъ государя, дѣлалъ великие въ штате премены, всѣ трепетали предь нымъ, а мнѣ то его просить о своемъ деле было надобно не зналъ я какъ зачать, напослѣдокъ решился, възялъ на себя смелость изыскавъ случай за одинъ денъ прежде нашего смотра под вечеръ, такъ онъ вышолъ самъ адынъ изъ горнишныхъ дверей на гангъ, а я тутъ подьступылъ подаю ему на пысме мою прозбу, въ коей обьяснылъ все мое дело какъ я имѣлъ апшитъ въ Россию, и что меня подь арестомъ держалы, и какъ на рескриптъ хофъ-кригсъ-рата и конфирмацию ея величества королѣвы я повиновался и остался въ службе, и чинъ капитански мнѣ данъ чѣмъ я и доволѣнъ, но что въ пехотной а не в гусаркой полкъ определѣнъ то тѣмъ остаюсь обыженъ, ибо служба пехотная мнѣ ны мало не сродна, и я имѣю весъ свой афицерской еквипажъ по форме гусарскаго полка, катораго нинѣ съ великимъ своимъ убыткомъ я потѣратъ долженъ, и потому просилъ разсмотрения и превода въ гусарской Славонской полкъ, въ коемъ я и прежде былъ.

Я сию прозбу что подалъ неспросясъ тестя своего, почитая оное малостыю чтобы его въ томъ трудытъ, а намеревался ежелы не зделаетца, тогда уже возложитца на него и преитытъ въ ево Петроварадинскій пехотны полкъ.

На завтрешни денъ было у генерала инспектора болшое собрание, и какъ нашего полка всѣ штапъ и оберъ афицеры, такъ еще и другихъ полковъ некоторые поприежалы и всѣ стаялы въ зале поутру дожидалысъ, покудова онъ къ намъ выдетъ.

Генералъ вышолъ въ превелыкихъ тупоносихъ съ раструбамы сапогахъ и съ сталнимы шпорамы при шпаге и въ своемъ мундире, какъ онъ былъ адного киросирскаго полка шефъ, то по той форме и одевался, однако сапоги слышкомъ были грубые, въ коихъ онъ тупалъ и хадылъ по зале въ задъ и въ периодъ съ полчаса не говоря ны скѣмъ ни слова, напослѣдокъ между протчимы афицерамы увидѣлъ меня, остановылся и подошедь смотря на меня, я думаю онъ глядѣлъ я лы тотъ что ему вчерасъ прозбу подалъ, ибо вчерашни денъ адѣтъ былъ я въ вицемундире, а сево дня въ парадномъ, а какъ узналъ что я тотъ самой, то приступылъ поближе и говоритъ по немецки (dein Bitten ist billig), то есть твоя де прозба естъ справедлива, я ему за тѣ слова поклонился, а онъ отьворотясъ пашолъ опятъ по зале хадытъ.

На меня сталы всѣ мои штапы и полковникъ смотрѣтъ, не зная что сие значитъ и какую прозбу я генералу подалъ.

Мы долго ждалы не зачнет ли съ кѣмъ еще чего говорить, а какъ то молчание почти еще с полчаса продолжалось, то приехавши на встречу генералу отъ Петроварадинскаго пехотнаго полка маиоръ баронъ Ланнусъ тамъ въ зале будучи (какъ онъ человекъ на все извики вострой и ученой да толко что несколко былъ ветреноватъ), онъ былъ еще с перваго зачала у моего бывшаго шефа генерала барона фонъ Енгелсъгофена адютантомъ, и мешался при формации полковъ много въ кое какие прожекты чѣмъ и навелъ на себя много роптания, то толко его и портило, а въпротчемъ былъ харошой надобной афицеръ и смелость велику въ себе имѣлъ, онъ тогда подошолъ къ генералу инспектору и сталъ докладывать, что онъ приехалъ на встрену для препровожденыя генерала до полка, и на какое время прикажетъ полку быть для смотра въ готовносты.

Генералъ былъ природою Италианецъ и худо по немецки говорилъ а болше по францусски и по италиански, видно онъ знаяъ илы слишилъ о Ланнусе, для чего какъ Ланнусъ къ нему подошолъ, то генералъ остановился и крикнулъ по немецки (still) то есть молчи, а далѣ громко говорить сталъ подьнявъ свою руку въ верхъ сколко могъ выше сказалъ (Lanius so grosz), а потомъ опустылъ вънызъ руку почти на польаршина отъ земли сказалъ (ick mahen so klein) слова то сказаны накрыво, однако мы разумели что значить, то есть Ланнусъ де такъ великъ а я зделаю такъ маленкимъ и то выговоря пашолъ опять по зале ходыть, а потомъ опросилъ нашего полковника что вашъ полкъ готовъ, на что отвечалъ что готовъ и на какое время прикажеть на плацъ выступыть, генералъ приказиваетъ (ich will morgen um acht Uhr frie sehen) я де хочу завтре въ восемъ часовъ поутру видеть, и с тѣмъ насъ оставылъ, самъ пашолъ въ другие пакои.

Лышь толко что мы изъ зала вышли, зачалъ меня мой полковникъ спрашивать что я генералу подалъ, и в чомъ моя прозба состоитъ, и какъ я могъ осмелитца чего подавать не сказавъ ему о томъ на периодъ, я пред полковникомъ сколко могъ екскузовался представляя ему мою невыность и что къ моей прозбе ни какой важносты нѣтъ, а толко говорю я что то самое о чемъ и вамъ известно, что я въ пехотѣ служитъ охоти не имѣю, и просилъ превода въ тотже гусарской полкъ въ коемъ я и прежде былъ.

Полковникъ на то съ серлцемъ отвечалъ: дабро, я де тебы выведу гусарство изъ головы и выучу де я тебя по пехотному шагать,

и то сказавъ пашолъ оть меня протчъ, и потомъ въ самомъ дѣле онъ зачалъ делать кое какие интрижки и за самую маленкую безделицу делалъ мнѣ шиканства, адмако я то сносилъ терпеливо съ учтивостью хадылъ къ нему часто, также и къ подполковнику барону Рыту, катерой могу сказать меня ласкаво всегда въстречалъ словамы, но я не могъ никакъ на то склонитца, чтобъ въ ихъ полку быть а ожидалъ въ терпенія своего времены и какая на мою прозбу оть генерала инспектора мнѣ резолуция будетъ.

Полку нашему завтрешни день былъ смотръ, генералъ всякаго человѣка по списку смотрелъ, я чрезъ смотръ при своей ротѣ прошолъ а потомъ была енсерцыция, и всѣ еволуція съ палбою целимъ полкомъ.

Генералъ по окончаніи всего того бавылса у насъ еще дня три пресматривалъ всю амуницию, делалъ некоторимъ вещамъ кои были отьпущены не по форме премену, назначивалъ немогшихъ по старосты служить афицеровъ въ отставку и потомъ поехалъ далѣ въ Петроварадински пехотни полкъ, въ коемъ какъ я выше упомыналъ былъ тесть мой полковникомъ.

Я почиталъ что на мою прозбу будетъ мнѣ въ преводе резолуция, надѣясъ на отьзывъ генерала инспектора, какъ онъ мнѣ сказалъ что прозба моя есть справедлива, однако надежда вышла тщетна; ибо генералъ при своемъ отъездѣ далъ о томъ полковнику ордеръ съ промысаниемъ, что за неимѣныемъ въ гусарскомъ Славонскомъ полку капитанской вакансіи, должно мнѣ оставатца въ томъ Бродскомъ пехотномъ полку въ комплекте какъ я воономъ и причислѣнымъ состою, о чемъ чтобы мнѣ датъ знатъ.

Полковникъ призвалъ меня, даетъ мнѣ тотъ ордеръ читатъ при чемъ повелѣваетъ, чтобы мнѣ оть своего такова намереныя отьстатъ и быть при своей должностьı съ пакоемъ, советуя при томъ бросить всѣ думки, кои болшъ вреда наносятъ нежель пользы, и что со временемъ я привыкши къ пехотной службе самъ болѣе въ гусарахъ быть не захочу.

Мой ответъ на то былъ учтивымъ образомъ, какъ обыкновено и съ нимы обьходился духомъ смыреннымъ и тѣмъ отводылъ много отъ себя гоненій, и сказалъ что уже и быть такъ когда иначе быть не могло; но о томъ что таковъ ордеръ на мою прозбу послѣдавалъ показалось мнѣ сумнителнымъ, и болшъ думалъ претчиною моихъ штаповъ, нежелъ что генералъ самъ такую резолуцию положылъ, какъ и въ самомъ дѣле опосля ихъ хитростъ я узналъ, что полковникъ мой,

а особливо подполковникъ баронъ Рыть, старалысь упросить о томъ правытеля канцеляріи генералской, какъ обыкновено таковы люде могуть много и худо и добро зделать.

А дабы на томъ не осталось, то положился я ехать скорие къ тестю своему и тамъ съ нымъ посоветовать, чтобы онъ о моемъ преводе у генерала инспектора испросилъ илы въ гусарской, въ коемъ я и прежде былъ, илы къ нему въ ево Петроварадински пехотни полкъ.

Я не терявъ времены пашолъ къ полковнику прошу о уволнеій меня на сколко дней онъ изволытъ, сказываю что имѣю надобность выѣтца с тестомъ какъ давно я его не выдалъ, полковникъ подумалъ несколко а потомъ сказалъ: харащо изволыте поехать а срокъ вамъ даю на десеть дней, на тоже время случился тамъ и мой подполковникъ баронъ Рыть и видитъ, что меня полковникъ уволняетъ говоритъ осмехнувшисъ къ полковнику: добро вы де ево уволняете, посмотрите ежелы такъ не будетъ, что мы въ последны разъ ево таперъ видимъ и онъ конечне отъ насъ отойдетъ протчъ, я на то отвечалъ ему поклонясъ говорю, не подумайте вы господинъ баронъ, чтоб я былъ столко лехкомысленъ и хателбы что лыбо зачинять не сказавъ вамъ моимъ командирамъ, какъ я даволно выжу къ себе вашу мылость и что желание ваше имѣтъ меня въ полку естъ для меня знакъ вашей приязны, и дѣлаетъ мнѣ честъ, вы увидите говорылъ я къ нымъ, что я опять скоро возврачусъ и къ вамъ буду, съ тѣмъ отьклонясъ вышолъ, и тотже денъ поехалъ въ свою дарогу.

И подлино что я не о другомъ чомъ думалъ предпринимать какъ о томъ толко что выше говорылъ, чтобы с тестомъ о моемъ преводе посоветовать, въ чемъ и не состояло ни какова секрета, но приуготовленое время мнѣ моею судбиною къ понесению всего того что еще со мною быть назначено ужо приближилось.

Мнѣ надобно было ехать целые два дни покудова бы могъ доехать до местечка Мытровицы, где тестъ мой жылъ и полковая штапъ квартера была, для него тотъ первой денъ ехалъ я очень скоре, чтобы мнѣ можно было завтрешнымъ днемъ туда поспѣтъ.

Тутъ первую ночь провелъ я въ полю на траве для корму лошадей и вставъ очень рано запрегши лошадей въ каляску поехалъ.

Спустя часъ места моей езды выжу я издалы скачетъ человекъ верхомъ по дороге мнѣ навстречу, коего какъ онъ приближился узналъ я, что онъ естъ человекъ изъ служителѣй конюшеныхъ тестя моего, я, остановылся что и онъ узнавъ меня также зделалъ, спра-

шиваю я его куда едетъ, онъ ни чего болѣе не говоря окроме, что изволите сударъ скоряе ехатъ вотъ де вамъ и пысмо, я взялъ оное вижу по надпыси что рука щурина моего, распечаталъ скоряе и сталъ читатъ, пыщетъ уведомляя меня что батющка нечаяно заболѣлъ и что ненадежно о ево выздоровленіи, для чего чтобы я скоряе поспешалъ и ехалбы просто въ село Купыново, где уже вся фамылия собралась въ томъ числѣ объ отце моемъ и о женѣ моей упомынаетъ что и оны тудажъ приехалы.

Я еще слугу спрашивалъ не умеетлы чего сказатъ, на что отьвечалъ что болѣе ничего не знаетъ какъ толко что смотръ полку уже конченъ, и генерал де после смотра поехалъ въ нызъ границою по надь Савою рекою, куда и нашъ господинъ было поехалъ, но въ селѣ Купынове заболѣлъ и остался тамъ, для чего какъ пришло отьтуда известие третова дни, то наша госпожа полковница тотьчасъ поехала, а пысмо де сие отътуда вчерасъ во дворъ прислано съ приказаныемъ чтобы скоряе съ онымъ за вамы ехатъ, почему вотъ и еду и въстретылся съ вамы.

Таковы весты каковы тѣ мнѣ были можешъ мой читателю вообразитъ себе, я весъ смутился отъ жалосты велѣлъ слуге поганятъ лошадей болшою рысию, но тово дня мнѣ туда ни какъ поспѣтъ не можно, однако ехалъ с поспншностыю даже въ глыбокую ночъ, выжу что уже лошады приходятъ до усталы, принужденъ въ полю остановитца и покормытъ лошадей, а предь светомъ предьпринялъ опятъ свою путъ, и приехалъ въ то село Купыново после польдня въ часу шестомъ ужо под вечеръ.

Меня въстретилы всѣ съ великою жалостыю сказываютъ, что тестъ мой уже при последнѣмъ издыханіи, я скоряе туда вошолъ выжу его лежащаго въ великомъ стонаніи безъ языка и весъ пременился лыцомъ, что едва я его узналъ, ужъ глаза помутылысъ.

Я подошолъ къ нему, целую ево руку, обьявляю что я приехалъ и не может лы мнѣ чего скакатъ, теща моя также и прочие тоже повторялы стараясъ, не могут лы тѣмъ моимъ приездомъ хотъ мало въ чувство его привестъ (какъ онъ сказывалы мнѣ, покудова еще говорытъ могъ несколко разъ обо мнѣ спрашивалъ и приказалъ за мною послатъ нарочнаго), для чего тутъ непрестано ему всѣ говорылы что ужъ я приехалъ и по многомъ о томъ упомынаніи повернулъ не много голову и хотѣлъ было руку подьнятъ, я подьхватя оную держу, а онъ толко что немного глаза отворылъ и погледелъ, но говорытъ не

могъ ничево, и съ тѣмъ чрезъ четвертъ часа и Богу духъ далъ, оставывъ по себе всѣмъ вечную жалостъ.

О смерты его данно тотъ часъ генералу инспектору знатъ, каторой какъ по границе поехалъ находылся тогда въ городе Землине, что протывъ турецкой крепосты Белыграда лежитъ.

Генералъ приказалъ, чтобы къ погребеныю весъ полкъ туда собрался и церемонию по военному обычаю отъправылъ, тело его анатомлено, ибо иначе нелзя было обойтытцо покудова весъ полкъ собрался, и потомъ понеслы тело съ церемониею великою въ манастиръ Крушедолъ где положено въ землю, а генералъ инспекторъ о смерты такова славнаго господина отъправылъ съ известиемъ ко двору нарочнаго оть себя куриера *.

---

* О притчине смерты сего славнаго господина не могу оставытъ, чтобы не поясныть столко, сколко мнѣ о томъ естъ известно, по разговорамъ бывшимъ тогда между людмы, о чемъ и онъ самъ покойникъ тотже часъ какъ заболѣлъ отъчасты сказалъ, какъ ниже видно будетъ. Я ужъ выше сего несколко разъ упомывалъ о томъ что 1751 г. подъ городомъ Пештою въ Венгрій былъ учрежденъ от войска болшой лагеръ въ присудствіи обеихъ императорскихъ величествъ, цесаря и супруги его Маріи Терезіи, куда и от славонскихъ полковъ войско пришло было и соединены баталионы въ адно, пред копмы былъ командиромъ нинѣ умершій тестъ мой полковникъ Афанасій Рашковичъ, и по счастливой удаче въ произвожденіи всѣхъ аволуциевъ были ихъ величествы много даволны, для чего оному тестю моему оказано особливое предь тѣмы протчимы монаршее благоволеніе: его ихъ величествы удостоилы съ собою за столомъ обедатъ, где всѣ министра и протчие господа стоялы на ногахъ, а за столомъ седело толко цесарь съ супругою да тестъ мой третьы, где отъ ихъ величествъ ему изъявляемы были всякие ласки въ словахъ съ похвалою народскою о ихъ всегдашнѣй службе а паче великой во всякихъ случахъ верносты, съ обнадеживаныемъ какъ ему такъ и всему народу высочайшей мылости. Таковъ приемъ тестя моего обратылосъ у некоторыхъ господь въ ненавыстъ, кои потомъ старалысъ какбы сего предводителя искоренытъ: дабы тѣмъ получитъ могли себе ползу, почему и приуготовилы ему чашу смерты, одно для того чтобы открытъ ваканциевъ поболше какъ тогда великаго произвожденія въ штабские чины при тѣхъ въ Славоніи полкахъ ожидалы, а другое — и то предметъ былъ — какъ такова предводителя, каковъ толко онъ адынъ всего и былъ (предь народомъ у Сербовъ), не будетъ, то ужо болѣе изъ протчихъ оставшихъ не скоро кому на такой степены доведетца бытъ, почему та слава и честъ чрезъ службы народа можетъ прилысано бытъ имъ. Для чего таковъ душегубытелъ, сыскавъ удобной случай къ исполненыю своего намереныя, въ то время когда генералъ инспекторъ былъ провожаемъ многимы афицерамы по границе того дистрикта и будучи въ томъ селѣ Купынове былъ обедной столъ вообще, при коемъ къ услуженыю такжe разные тѣхъ господь слуги были и послѣ обеда под-

Мы всѣ что свои были после погребеныя поехалы изъ манастыра Крушедола въ местечко Мытровицу для препровожденія нашей жалосты, отьколъ пысалъ я моему полковнику изъвещая его о приключившейся смерти тестя моего и что не могъ я на назначенной срокъ къ полку явитца, а находытца буду некоторое время у оставшейся вдовы тещи моей и въ томъ прошу позволѣнія.

Я въ Митровице у тещи пробулъ еще дней шестъ и оставывъ супругу свою тамо, дабы матеръ отъ той великой жалосты удерживатъ хотя словамы, ибо она почти какъ безъ ума ходыла и лежала, такъ силная жалостъ ее обьняла, а самъ я съ отцомъ моимъ поехалы въ Новы Садъ, гдѣ уже онъ по отставке отъ службы совсѣмъ пребрался и живетъ тамо.

Тотъ денъ не могли мы еще туда поспѣтъ, а ночевалы у знакомова приятеля по пути, а назавтре поехалы далѣ.

Тѣмыжъ днямы напалы на меня разные думки и размышлѣнія а наиболѣе стревожила приключившаясъ смертъ тестю моему, воображая о той учинѣнной съ нымъ душегубытелной поступке, отъ чего въдругъ пришли мнѣ всѣ дѣла тамошные въ омерзеные и сталы мнѣ напомынатъ мысли мои некоторое сожалѣние о томъ, что я отъ намереныя въ Россію отьсталъ и что далѣ, то болшъ началъ я о томъ думатъ, и наполниласъ тѣмы днямы полная моя голова таковыхъ мыслей, но что и какъ зачатъ, не могъ еще резолуціи себе положытъ, зная что формою проситъ уже никакъ мнѣ не можно и пропалбы верно,

---

носима была кофы, коей чашку адну между протчимы неизвестно чіи то слуга былъ поднесъ тестю моему; онъ какъ скоро оную выпылъ, то спустя мынутъ несколко возчувствовалъ великую колючку и ревь на животѣ, отчего не могши тамо болѣе въ собраніи былъ пашолъ на квартеру, и тотъ часъ стало его рватъ и чрезьвычайная болъ за сердце его съхватила, такъ что онъ прекидывался сместа на место, выговорылъ толко предь тѣмы кои при немъ случилысъ, что де въ злой я часъ на путъ сію поехалъ, а еще болше, что данную ему чашку кофи выпылъ; онъ хотѣлъ было ехатъ дамой но не могъ, съвалыло его съ ногъ и привела та жестокая мука въ изнеможеные; лекаръ хотя и случился тамъ, но ужъ и онъ ничѣмъ помочъ немогъ, для чего и велѣлъ скоряе за фамылиею своею посылатъ, кой какъ на другой денъ туда собралысъ нашли его уже въ великомъ мученіи и мало что говоритъ могъ, отъ чего какъ я и выше говорилъ и жизнъ свою кончилъ. То самое, что онъ о несчастливой чаши кофи упомянулъ, засвидетелствовалю, когда его анатомылы и увидалы, что вся внутренная почернѣла и знаки выдни были такие каковы доказивали, что ему оть того и смертъ приключиласъ.

на послѣдокъ о апшите имѣющимся у меня также сталъ я размышлять, какбы по немъ чего предпринятъ и не находылъ другова средства но чтобы ехать въ Выену и явытца къ находящемуся тамо Россійскому полномочному Мынистру и проситъ его о домогателстве моего уволненія, и то моглобы возымѣтъ успѣхъ думая естли бы мнѣ туда дозволѣно было ехатъ, ибо зналъ я то, что безъ особливаго дѣла по службе илы какой оть полка посилке никому изъ афицерскихъ чиновъ состоящихъ въ полкахъ въ Выену ехатъ быдо тогда непозволѣно.

Таковы мысли ожилы у меня въ голове и воспламенилосъ о Росеи желаные болшъ еще перваго, для чего и положилъ себя на отвагу, что ехатъ въ Выену неупуская времены хотя и безъ дозволеныя.

Я о такомъ своемъ намереныи никому нислова неговорю и будучи въ дороге тогда съ отцомъ моимъ, какъ я выше говорылъ, спрашиваетъ онъ меня говорытъ: чтожъ ты всио такъ жестоко задумавшисъ молчишъ, я де примечаю вотъ сево дня да и вчерасъ ты ничего еще не елъ, ты де можешъ отъ такихъ думокъ занемочъ, такъ скажи мнѣ говорыть отецъ мой о чемъ ты такъ много думаешъ, ежелы о томъ что покойнику тестю твоему смертъ приключиласъ и скорбышъ понѣмъ, какъ онъ тебя много любылъ, то что делатъ ето де уже возвратытъ нелзя. Я на то отцу моему говоритъ началъ представляя, что какъ время и обстоятельства превертаютца и выходытъ надежда человеческая всио на другое, нежелъ что человекъ чему бытъ полагаетъ, какъ и таперъ со мною худие обстоятелства представляютца, была мнѣ говорю я надежда осталасъ толко на тестя, каторой бы могъ во всякихъ случаяхъ бытъ мнѣ въ помочъ, такъ таперъ и того лышился.

При сихъ разговорахъ отькрылъ я отцу свое намерение, говорю что воображаетца мнѣ непрестано надежда, что я еще по моему апшиту могу получитъ уволнение въ Россию и что решился учинитъ отвагу ехатъ самому въ Выену и проситъ пашпорта.

Отецъ мой подумалъ несколко и на мои слова отьвечалъ говорытъ дабро де, ето твое намереные было бы и естъ дѣло харошое естлы удастся достигнутъ того, и я де тебѣ въ Россию ехатъ благословляю, да опасаюсъ чтобы иногда непопастысъ въ какое несчастые, и тогда де и я на светѣ живымъ бытъ не желаю, ты выдишъ говорыть мнѣ отецъ, что я ужо собыраюсъ къ старосты, и какая мнѣ полза изъ того, что таперъ сталы деты у меня раждатца, ето де болшъ къ ихъ и къ моему несчастию, а мнѣ де подь старие мои лѣта естлы оныхъ дожду толко что на тебя вся моя и надежда, да и детямъ симъ еще

малолѣтнымъ, болѣе не на ково обныхъ стараные возложитъ какъ на тебя.

Ежелы счастливо ты въ Россию выедешъ, то ужъ конечне надобны старатца тебе самому, чтобы и насъ всѣхъ отъсюдова вызволытъ, и чтобы совсѣмъ намъ тудажъ пребратца, ибо инаково мнѣ адному здѣсъ послѣ тебя остатца неможно, а чтобы я о своемъ уволненіи, говоритъ онъ, зачалъ искатъ, въ томъ какде и ты самъ знаешъ что нѣтъ способа по сей строжайшей отъ двора здешняго учиненной недавно публикаціи и о Росіи запрещенія *, чего де я и боюсъ и несмѣю того зачинатъ, а буду ожидатъ что Богъ дастъ, когда ты такъ уже вознамерился, чтобъ въ Выену ехатъ и по твоему апшиту дѣло оботпуске возобновитъ хочешъ, для чего и небуду говорылъ отецъ мой ничего ни строитъ, ни грунтовъ здесъ покупатъ.

Притомъ нашемъ разговоре просилъ я отца, чтобъ онъ о томъ моемъ намереный ни мачихи моей и ныкому другому ничего не сказовалъ.

---

* Таково запрещеніе учинено отъ двора потому, что Хорватъ какъ въ Россию выехалъ вознамерылся скоро послатъ вь Венгрию въ свои прежныи жилыщи отъ себя нарочнога, съ тѣмъ, чтобы вывестъ отьтуда оставшихъ сроднысковъ техъ людей, кои съ нымъ уже выехали, съсилаясъ на повелѣные королевы Маріи Терезіи, что при уволненыи его Хорвата и снымъ еще другихъ чиновъ упомянуто отьпустытъ съ ихъ фамылиями, почему Хорватъ и сочелъ такымы фамылиями и тѣхъ кои осталысъ, а состоятъ въ родстве адынъ другому, можетъ бытъ даже и до десятаго колена, для чего и послалъ Хорватъ, для такова дѣла маіора тогда бывшаго Николая Чорбу, каторой приехавши въ Венгрію, въступя въ свои прежніи жилыща подь видомъ другой надобносты, а между тѣмъ назначилъ многихъ еще желающихъ къ выходу, упомянувъ ихъ фамилиею тѣхъ, кои уже въ Россию вышли; но что таково уволненые инаково получитъ было не можно окроме что податъ прозбу самой королевы, онъ поехалъ въ Выену напысалъ доношеніе, пашолъ въ одынъ денъ рано во дворецъ, на которое время никакова собраныя небыло, сталъ въ передныхъ покояхъ ожидая выхода королевы; тоежъ утро цесарь хотѣлъ выехатъ въ полѣ, и проходомъ своимъ чрезъ пакой увиделъ стоящаго Чорбу, остановылся спросилъ его, кто онъ таковъ и какое дѣло имѣетъ, Чорба отвечаль о себе и что имѣетъ доношение къ пода804ыю королевы, цесаръ то доношеніе сталъ требоватъ, а Чорба не узнавъ цесаря яко былъ одетъ въ платѣ егерскомъ, почитая его какимъ другимъ придворнымъ человекомъ не далъ доношенія а сказалъ, что онъ самъ изъ своей руки хочетъ королевы податъ, цесаръ осердившисъ выгналъ его из двора споволеніемъ, что ежелы вь два раза двадцатъ четыре часа за границу не выедетъ, то велелъ его повеситъ. Изъ сего самаго учинено такое строгое повелѣние, что ежелы кто в Россию будетъ проситца, тотъ будетъ казнѣнъ смертыю.

Тотже денъ въ вечеру приехалы мы въ Новы садъ и живу у отца уже дня четыре, приуготовляю мысли свои какъ намерены свое зачать и въ дарогу ехать, и въ такихъ размышленіяхъ будучи обьнять, пашолъ проходытца по городу и зашолъ къ купцамъ въ лавки, люде были всѣ знакомые, седелъ у одного и у другова, разговаривалъ и отбывалъ тѣмъ скуку, при чемъ увыдѣлъ нечаяно мымоидущаго полка нашего аднаго знакомова мнѣ ундеръ-офицера, позвалъ его къ себе, спрашеваю зачемъ и съ кѣмъ приехалъ, на что отвечаетъ, что присланъ отъ майора за кое какою покупкою, и что уже исправылъ свое дѣло хочетъ въ полкъ завтре ехать, я ево попросилъ чтобъ онъ поутру ко мнѣ зашолъ и возметъ у меня пысмо къ полковнику, что и обещалося онъ зделать, а я выставши пашолъ дамой, тутъ уже я решилося что скорее выехатъ и тѣмъ скритъ свои слѣды, чтобъ неизвестно было гдѣ я обретаюсъ, взялъ бумагу и перо сталъ пысатъ пысмо къ своему полковнику слѣдующее:

Высокородный Господинъ Баронъ

и Высокопочтены Господинѣ Полковникъ

мой особливо благонадежни патронъ.

Я вашему высокородию изъ города Мытровицы предь несколькимы днямы пысалъ, что по приключившейся смерты тестя моего подковника Рашковича не могъ я на назначенной мнѣ срокъ къ полку прибытъ, а также и таперъ честъ имѣю донестъ, что по моимъ обстоятелствамъ какъ и вамъ самымъ естъ известно, что определеныемъ въ пехотной полкъ остаюсъ обыженимъ и продолжатъ службу въ пехотѣ нымало охоты не имѣю, для чего и принужденъ изыскиватъ способъ изъ оной вытитъ, о чемъ симъ уведомляю васъ и къ полку для продолженыя службы болѣе не буду, а развѣ для отъданыя щета о ротѣ во свое время повыненъ буду явытца въ полкъ, между тѣмъ хотя мое место въ полку уже и ваканциею щитатъ изволыте, я о томъ прекословытъ небуду.

Затѣмъ съ моимъ всегдашнымъ къ вамъ высокопочитаныемъ пребываю!

Вашего Высокородія

пакорной слуга.

Сие пысмо какъ завтрешни денъ по утру тотъ ундеръ-офицеръ ко мнѣ явился, то я подаю ему оное сказавъ притомъ, чтобы самому

полковнику вѣручилъ, а о себе говорю ему, что я исправляюсь здесъ въ городѣ нужнимъ мнѣ по формѣ пехотнаго полка еквипажомъ и мундиромъ (какова я ни мало не намеренъ было дѣлатъ) и что потомъ говорю ему въскоре въ полкъ буду; ундеръ афицеръ взявши тотъ отъ меня конвертъ отъправылся тогожъ дня въ полкъ, а я нымало не медля пашолъ улыцою будто прохаживатца за городь, а тамо былъ одынъ знакомой мнѣ извошикъ, каторой завсегда въ разные места и города нанимаетца людей возытъ куда кому потребно, подошолъ я къ двору его, опросилъ случившагося на улыце у воротъ малчика дома лы Діока (такъ звалы того извощика), малчикъ отвечаетъ что де вотъ толко что со двора пашолъ въ кузницу, и ежелы вамъ надобенъ то я побегу и призову его, мнѣ то было и надобно посылаю малчика за нымъ, а я тамъ прохаживилъ по путы къ нему на встрѣчу.

Діока идетъ, спрашиваетъ меня о надобносты, я ему говорю, что ты мой давны знакомецъ, хочу тебя нанятъ чтобъ меня съвесты въ городь Темешваръ и что проситъ хочешъ, онъ отвечаетъ, что въ ту сторону правда и не рука мнѣ ехатъ и давно уже несколко лѣтъ тамо не бывалъ, по притчине частыхъ преправъ и болотнистой иногда дароги въ ту сторону отъ извоза отьсталъ, однакде по вашей знакомосты и что много я отъ васъ кое когда ползовался изволыте я соглашаюсъ съвестъ васъ туда, а цену говорытъ онъ для васъ не требую болшъ какъ четыре червонца.

Я тотъ часъ вынулъ одинъ червонецъ, даю ему въ задатокъ и говорю, чтобъ онъ завтре рано ко мнѣ на дворъ приехалъ и завтре и въ дорогу поедемъ, съ темъ условясъ съ нымъ пашолъ я дамой, и говорю въ слухъ, что мнѣ надобно скоро въ полкъ ехатъ а также болшую надобностъ имѣю побыватъ у моего благодетеля бывшаго генерала шефа барона фонъ Енгелсъ-Хофена, для чего говорю я и хочу завтра ехатъ къ нему въ городь Темешварь (отецъ мой приметылъ что то значитъ и говоритъ: да и надобно тебы у него побыватъ, ты де и такъ давно у него не бывалъ).

По утру рано извощикъ мой ко мнѣ на дворъ приехалъ я, нымало немедля и обеда не дожидалъ, а толко такъ на скору руку не много поелъ и потомъ поехалъ, възявъ толко однаго слугу съ собою (а еквипажъ всего одинъ неболшой чамаданъ да сундучокъ съ мундиромъ).

Мы выехавши за городь на полѣ чистое где разные дароги раздѣляютца, сълѣзъ я съ калясочки далой, пошолъ несколко шагомъ въ полѣ позвавъ извощика за собою, а слуге велѣлъ стоятъ у лошадей,

говорю я извощику: слушай другъ мой Діока, а витъ не въ Темешваръ еду, а хочу въ городь Пешту ехать, куда тебы и дорога способнѣе и ты туда на извозъ непрестано ездишъ, а разстояние всю одно, то тебы я о семъ таперъ сказиваю и мы должни въ Пешту ехать.

Извощикъ мой было о томъ задумался, и говоритъ мнѣ за чтожъ вы дарогу свою скриваете, и спрашиваетъ не зделалы я чего худого (онъ разумѣлъ какъ иногда бываетъ, что чрезъ дуель убегиваютъ иные и скриваютъ слѣды свои), я догадался словамъ его чего онъ мыслитъ быть, говорю, что нѣтъ другъ мой за мною дурнова ни чего нѣтъ, какъ и ты самъ меня давно знаешъ (извошика сего я знавалъ по тому какъ дядя мой тамо въ Новомъ садѣ прежде жилъ, то часто онъ нанимался возить кое куда), а есть въ томъ моя надобность говорю я ему такая, какъ иногда бываетъ злие люде и вори приметютъ кано куда отъ правляющагося въ дорогу, то выходятъ встречаютъ илы доганиваютъ и грабятъ, какъ и ты говорю я ему самъ о томъ знаешъ, то для того я такъ зделалъ и въ городе некоторие думаютъ, что и подлино я въ Темешваръ поехалъ.

Я тѣмы словамы моего извощика уговорилъ и онъ уже согласился вестъ меня въ Пешту, при чемъ однако просилъ прибавки на овесъ хотя полъ червонца, я ему и то обещалъ и тужъ вечеръ на ночлеге и далъ.

Мы ехалы почты всю ночъ, потому что днемъ покудова жаръ мынулъ стаялы даволно, а пред светомъ остановилысъ у одного по болшой дороге заезднаго двора, покормя тамо лошадей поехалы далѣ.

Третимъ днемъ прибылы мы благополучно въ предьместые города Пешты, сталы въ одномъ заездномъ дворе, где обыкновено проежающие становятца, въ томже городе былъ у меня одинъ купецъ весма великой приятелъ, прозивался Георгій Равославлевичъ, къ коему посылалъ я тогда сказатъ, что я приехалъ, а самъ не пашолъ въ городь, потому что у воротъ стоитъ караулъ и неравно меня остановитъ и станутъ спрашиватъ какъ обыкновено, кто таковъ и куда еду а также и о пашпорте хотелыбъ знатъ, между тѣмъ мало спустя времены идетъ тотъ мой приятелъ самъ ко мнѣ, я ему открылся и сказалъ всю правду моего туда приезда, и прошу его, чтоб онъ мнѣ былъ въ помочъ яко тамошнѣй обывателъ нашолбы способь пронестъ въ городь къ нему на домъ мой маленкой еквипажъ, и на завтре также чрез

реку Дунай на ту сторану въ городъ Будимъ *; онъ охотно то сделалъ говоритъ мнѣ, пойдемте мы оба пешкомъ въ городъ, а еквипажъ препоручу я хазяину, онъ де человекъ доброй и мнѣ знакомой а потомъ пошлю своихъ людей чтоб перенеслы.

На сіи моего приятеля слова я согласился, призвалъ моего извощика заплативъ ему уреченое и сверхъ того далъ еще два сибенценера (денга въ семнадцат копеекъ) на пропойку говорю ему, вотъ видишъ какъ я тебя подарилъ, поежай съ Богомъ назадъ да пожалуй не сказивай ни кому, что ты меня сюда въ Пешту возылъ, а говори ежелы кто спроситъ, что въ городъ Темешваръ и что я тамъ остался, извощикъ и обещался такъ сдѣлатъ.

Мой приятелъ призвавь хазяина отьдаетъ ему на руки мой чамайданъ и сундукъ, проситъ чтоб цело было и говоритъ, что де я тотъ часъ пришлю моих людей чтоб оной взятъ.

Хазяинъ вь приеме моего еквипажа согласился, а я заплатя ему за тотъ недолгой у него простой и что мнѣ онъ покушатъ далъ, надѣвши я на себя плащъ (вотъ уже буду я впредъ о плаще много говоритъ. какъ оной не токмо для дождя естъ способенъ, но и на другіе потребы надобенъ) пашолъ я съ моимъ приятелѣмъ въ городъ и мынувъ стоящей у воротъ караулъ, насъ никто ни о чемъ неопрашивалъ почитая насъ, что тамошніе жителы, какъ обыкновено народъ много възадъ и въпередъ проходитъ, а слуге моему велѣлъ я итытъ за намы несколко въ отьдалъ, каторый также вь плаще былъ и тако пришли мы въ домъ моего приятеля, и прошлы ужо первое мытарство.

Приятелъ мой посилаетъ своихъ людей за моимъ еквипажемъ, коего скоро къ намъ и принеслы, я тутъ у приятеля моего преночевалъ, а на завтре какъ онъ имѣль надобностъ отьправлятъ по своему купечеству на ярмарокъ на ту сторону чрез реку Дунай въ городъ Будимъ свой вовъ съ товаромъ, то и велѣлъ людямъ своимъ поставытъ тудажъ и мой сундукъ и чамаиданъ, а мы оба пашли пешкомъ къ превозу, при чемъ я опятъ плащъ надѣлъ на себя, прешлы мы мымо караула стоящего у другихъ воротъ, вошедъ на превозъ преправилысъ на ту сторону въ городъ Будемъ благополучно, и пошли прямо форштатомъ на заездной дворъ, гдѣ Вьенские извощики ста-

---

* Сей городъ лежитъ на правомъ берегу Дуная противъ города Пешти, разстояніе толко теченіе той реки и оба славние и первые города въ Венгріи.

новятца; мнѣ послужило счастые, что засталъ одного фурманчика, каторой съ своею критою каляскою отъправлялся въ Выену и было еще попутчиковъ, однако и для меня на той же каляске место было, я уговорился съ фурманчикомъ, отьдалъ ему по обыкновеныю тамошнему мой сундучекъ и чамоиданъ на руки, а онъ то взявши увязалъ на зады каляскѣ, поехалы еще тогоже дня вь свою дарогу.

Простясъ я съ своимъ приятелѣмъ поблагодаря его за доброе его сердце, отъправылся въ свою путъ.

Мы чрезъ несколко дней приехалы къ столычному городу Выены, гдѣ первой караулъ состоитъ, что лынія називаетца, тамъ для осмотру нашихъ еквипажей насъ остановилы, при чемъ какъ у всѣхъ моихъ попутчиковъ втомъ числѣ и меня о пашпортахъ сталы спрашиватъ, тутъ ужъ я несколко пременылся и струсилъ, однакъ скоро своимъ отъветомъ оправылся и говорю тамошнѣму караулному афицеру, что я есмъ апшитованой афицеръ и показавъ ему свой въ оригинале данной мнѣ отъ моего генерала апшитъ, и что еду въ городъ Выену для истребованыя въ главномъ кригсъ камысариате заслуженнаго мною жалованыя.

Сему моему показаныю сей доброй афицеръ поверылъ и говоритъ къ таможенному ундеръ-цолнеру, что я пропущенъ въ городъ; почему тотъ таможены осмотря наши еквипажи далъ намъ о пропуске маленкой на карте значекъ, что заповедныхъ товаровъ у насъ нѣтъ.

Отъ сего перваго загороднѣго караула съ даннымъ намъ праважатымъ салдатомъ въехалы, мы въ городъ до другаго караула, где отъ насъ тотъ пропускной значекъ отобралы и пропустилы въ городъ.

Я квартеру себы нашолъ вь одномъ известномъ мнѣ давно трактире на улыце (називаемой Алтьфлеишь маркъ), гдѣ по болшой часты иностраные купци становятца и въ наймныхъ домахъ съ своимы товарамы живутъ, ту первую ночъ я преночевалъ, аднакъ лучше сказатъ, что всю ночъ не спалъ а разсуждалъ, что предпринятъ и какъ свое дело зачатъ, на послѣдокъ положылса такъ, чтобъ первее явытца Россійскому полномочному мынистру, разьяснитъ ему обо всѣмъ моемъ дѣле, но не знаю где онъ живетъ, и что ни какова знакомства тамо при его свите ни скѣмъ неимѣю, о томъ безъпокоилы меня мысли мои много, на послѣдокъ вздумалъ я искатъ себы провожатаго, кто бы мнѣ въ томъ пособылъ и къ послу на дворъ повелъ.

О чемъ въспомнилъ я ободномъ купце тамо живущемъ, онъ былъ грекъ и банкеръ, каторой промыслъ свои имѣлъ толко аднимы денгами въ преводахъ въ разные государства, називался сей купецъ Димитри Хапса, человекъ онъ былъ честной и помагалъ людямъ много; я его на завтрешни денъ по утру нашолъ еще въ квартере, хотя я ево прежле и знавалъ да не было снимъ далнего знакомства, однако онъ принилъ меня ласково; между протчимы разговорамы какъ мы толко были двое, то чтобы намъ приходомъ кто нибудъ не помешалъ, поспешалъ я поскоряе съ нымъ о своемъ дѣле поговоритъ (мало я не позабулъ сказатъ, что тотъ денъ какъ я изъ квартеры вышолъ, то и плащъ на себя надѣлъ не смотря, что денъ теплой и жаркой былъ).

На сей первой случай, что я сему честному человеку отькрылъ свое дѣло и просилъ его, чтобы мнѣ показатъ посолской дворъ, ѡсобыло мнѣ доволно, и хотя онъ самъ по ево съ купцамы обращению и не могъ изъ дому отлучитца и со мною туда итытъ, яко господа россійские далеко за городомъ на форштатѣ живутъ, а говоритъ мнѣ что де я тотъ часъ найду другова человѣка, которой здѣлаетъ вамъ удоволствие и свамы туда пайдетъ, и посилаетъ слугу своего съ приказаніемъ, чтобы попроситъ того человѣка къ намъ, а между тѣмъ говоритъ мнѣ сей мой приятелъ советуя, чтобы неизвестно никому было о томъ, что я къ россійскимъ господамъ намеренъ въхожъ бытъ, какде таперъ, продолжалъ онъ разговоръ свой, о непрошеніи въ Россию уволнения учинѣно жестокое запрещеные, то дабы я иногда не могъ бытъ кѣмъ здесъ въ городѣ познанъ и тѣмъ могу подвергнутъ себя несчастыю.

Мало времени въ нашихъ разговорахъ прошло, вотъ идетъ тотъ человекъ за коимъ мы посилалы, ему мой приятелъ по грецки пресказалъ обо мнѣ, что имѣю надобностъ видѣтца съ секретаремъ Россійскимъ и проситъ его, чтобы меня туда на посолской дворъ отьвестъ, а мнѣ также мой приятелъ говоритъ: вы де не сумнѣвайтесъ о семъ человеке, онъ васъ хорошо туда отьведетъ и онъ естъ купецъ изъ Россіи, изъ города Нѣжина, находитца здѣсъ за долгамы, изискиваетъ должниковъ своихъ и потому часто бываетъ у господъ Россійскихъ и у секретарей посолъскихъ.

Я сего моего провожатаго сталъ также о томъ проситъ, чтобъ потрудился и со мною туда бы сходылъ, онъ охотно къ тому согласился и говоритъ, хотъ сей часъ изволите я васъ туда по веду, и самое де къ тому время вотъ толко что десятой часъ предъполъдень, то

мы всѣхъ господъ еще въ квартерахъ застанемъ и можете съ кѣмъ вамъ естъ надобностъ говоритъ сколко угодно, анѣ де все люде ласковые и приятны, я сталь его спрашиватъ о мынистре также кто при нѣмъ естъ секретаръ, на что отвечалъ, что де таперъ другой здесъ мынистръ графъ Кейзерлингъ, а тотъ прежди, что былъ графь Безтужевъ отъправылся въ Саксонию, аднакъ тѣ прежніи легационсъ секретари осталысъ здесъ.

После сего моего спрашиваныя просилъ я моего проважатаго, чтобъ на часъ меня пообождалъ покудова я на квартеру схожу, онъ обещался то сделатъ, а я скоряе пошолъ на квартеру, забралъ съ собою свой абшитъ и тотъ ордеръ, что мнѣ генералъ Шевичъ далъ, и возвращаюсъ туда къ своему проважатому, онъ скоро меня увыдѣлъ тотъ часъ пашоль попередъ меня улыцою, а я смоимъ плащемъ въ слѣдъ за нымъ.

Повелъ онъ меня просто чрезъ цесарской дворецъ, куда естъ пропускъ для пешихъ людей идущихъ на форштаты за городь и отьтуда опятъ вь городь.

Мы вышедъ, мымо караула во дворце цесарскомъ стоящаго, уже за городь, і идучи тою ровною и широкою площадыю къ форштатамъ, какъ всѣ тѣ, места мнѣ давно знакомы были, говорю я моему провожатому, далече лы намъ будетъ ходытъ до двора посолского, онъ отвечаетъ вотъ видите на Іозефъ-штату (такъ називался тотъ форштатъ где посолъ живетъ) тотъ болшой дворъ туда де намъ итытъ надобно, было то еще подалеко, а чтобы идучи сократытъ время въ разговорахъ, то зачалъ я сего моего провожатаго спрашиватъ о самомъ господине послѣ, можно лы его всегда видѣтъ и съ нымъ говоритъ, также и о другихъ господахъ Россійскихъ тутъ находящихся; таково мое спрашиваные было мнѣ знатъ нужно, но во отьветъ на оное весма мало могъ разуметъ, понеже сей мой проважатый отвечалъ мнѣ языкомъ Мало-Россійскимъ, коего я уже съ своимъ природнымъ сводытъ былъ долженъ, и приходыло мнѣ во многомъ не сходно, а во многомъ вовсе не разумелъ, однакъ кое какъ повторяя речъ угадывалы сколко было досегнутъ можно, между протчимъ даволно мнѣ было и того, что онъ мнѣ расхвалылъ секретаря Чернева, что онъ естъ человекъ учтивой, ласковой, приятенъ вь разговорахъ, и вчомъ толко возможно, то де онъ всякому пособляетъ и помочъ подаетъ.

Вошедши мы во дворъ посолской къ болшой лѣснице, въстречаетъ насъ стоящій тамо по обыкновеныю цвайцаръ, каторой всѣхъ

приходящихъ у первомъ въходе принимаетъ, онъ былъ немецъ, спрашиваетъ, чего мы хотимъ и да ково надобностъ имѣемъ.

Праважатой мой говоритъ мнѣ, изволите съ симъ человѣкомъ итытъ онъ васъ поведетъ, а я де иду назадъ имѣю свое дѣло.

Я швайцару говорю по немецки, что надобностъ имѣю видѣтца съ господиномъ секретаремъ Черневымъ, на то отвечаетъ швайцаръ изьволите за мною итытъ, пошли мы въ верхъ по лесницe въ первой етажъ, говоритъ швайцеръ мнѣ, вы де конечно здесъ у насъ въ первое, я на то говорю, что да такъ, онъ потомъ указываетъ мнѣ, что здесъ въ евтомъ етаже самъ господинъ пасолъ живетъ, и повелъ меня далѣ на другую лѣсницу на второй етажъ и вошли въ переднѣй пакой господина секретаря Чернева, говоритъ мнѣ швайцаръ, изъволите здесъ немного пообождатъ, покудовъ я господину секретарю обь васъ доложу, онъ стѣмъ пашолъ далѣ и мало погодя идетъ ко мнѣ указивая, чтобъ итытъ во внутръ другихъ покоевъ.

По сему показанью прошолъ я еще адынъ пакой, а вдругомъ нашолъ господина секретаря Чернева сидящаго застоломъ нѣчто пысалъ, а со всемъ убранъ, что толко выходытъ хатѣлъ, онъ какъ меня увидѣлъ, въсталъ и подошедъ ко мнѣ спрашиваетъ, но какъ сие было спрашивано рускимъ языкомъ, то я ничево не зналъ чего онъ говорилъ, на что въ отьвѣтъ по немецки я сказалъ говорю, что было бы то вь мое удоволствіе, естли бы его мылостъ тѣмъ немецкимъ языкомъ хотѣлъ говоритъ.

Онъ тотъ часъ и зачалъ спрашиватъ, кто я таковъ и какое мое дѣло, я ему на сие отвѣчалъ обьявывъ первее свое имя и чинъ, а потомъ зачалъ пресказиватъ всио по порядку, что со мною происходыло, онъ всѣ мои слова выслушалъ съ примечаниемъ и говоритъ, чтожъ вы таперъ хатите, на то я ему отвечалъ, что я възявь на себя отьвагу безъ дозволеныя своей каманды приехалъ сюда въ той надежде, что получу оть васъ въ томъ моемъ намереныи мылостъ и защиту, и что вашимъ стараныемъ о свободномъ отьездѣ въ Россию, изходатайствуте мнѣ оть двора здѣшняго пашпортъ. Отвѣтъ господина Чернева на мои слова былъ мнѣ велыкимъ ударомъ, какъ зачалъ онъ спрашоватъ, кто меня къ нему стакимъ дѣломъ прислалъ, и говорытъ еще далѣ, что де мы въ такие трудносты въхадытъ не будемъ, а вы говоритъ онъ мнѣ, ежелы имѣетѣ намереные ехатъ въ Россию, то старайтесъ о вашемъ уволненыи самы, и когда получите, тогда можете ко мнѣ явытца; а тѣ кои уволнены оны уже и поехалы, и таково уволненіе въновъ зачинатъ при дворе здѣшнемъ и проситъ,

было бы то говорилъ онъ для васъ великимъ затрудненіемъ и совсемъ невозможность, и советуетъ меня что бы я о томъ болѣе къ нымъ не хадылъ, и то выговоря съ нѣкоторою досадою отьвернулся отъ меня прочъ.

Я было подошолъ къ нему повторяя мою прозбу, но онъ прекратылъ мои слова, далъ мнѣ короткую резолуцію говоритъ, вы де я думаю слышалы, каково естъ отъ двора здешняго учинено строжайшее повелѣние и публиковано, чтобы никто о уволнении въ Россию изъ сего государства не просилъ, то потому мы и неможемъ въ ваше дѣло въступатца, и стѣмъ говоритъ онъ изволите итытъ.

Такова встреча отъ господина Чернева тогда мало меня въ обморокъ не ушибла, не зналъ я гдѣ стою и болѣе какъ онъ не хотѣлъ со мною говоритъ не зналъ, что дѣлатъ какъ толко что поклонился ему вышолъ вонъ, и пашолъ на свою квартиру.

Я тотъ целой денъ ни елъ, ни пылъ, а былъ почти внѣ ума воображая, что я здѣлалъ самь себя въ винѣ, для чего поехалъ въ Выену, а ктому приходытъ мнѣ на памятъ и то, что не былолъ для меня по моимъ молодымъ лѣтамъ и того доволно, что я имѣю чинъ капитански и свою роту, въ какихъ лѣтахъ изъ моихъ сверстниковъ тогда въ такомъ чинѣ не было ни одного, яжъ еще какъ былъ любимъ вполку ото всѣхъ, и таперъ какъ я исполку такимъ не позволытелнымъ образомъ отлучился и что къ своему полковнику при отправлении своемъ изъ Петроварадына пысмо пысалъ, та ужъ думаю я въ себе таперъ меня тамо вездѣ ищутъ, и какъ можетъ бытъ еще проведаютъ и узнаютъ что я здесъ, то не иначе а напышутъ сюда и по тому меня здесъ найдутъ, тогда уже я совсѣмъ не точию что чина лышусъ, но и процесъ на меня навалятъ и могу со всѣмъ пропастъ; въ каковыхъ размышлѣнияхъ будучи проклинаю и себя и Шевича, и тотъ часъ когда вздумалъ въ Россію итытъ, тутже еще секретаря Чернева браню, припысивая ему жестокосердіе и нелюбовь къ людямъ, хотябъ говорю я самъ въ себѣ по крайнѣй мере онъ меня поучтивее и ласково словамы своимы въстретылъ, выдя что какое усердие и ревностъ Сербы двору Россійскому оказалы, оставя свое отечество и разорилы свои домы безъ никакой далнѣй еще нужды, хотя некоторие и распродалы при отьходѣ свое имущество ни за половину цены, а многіе и ни чего не получа бросилы вовсе и такъ пошли, съ такою горячою желинностыю поспешалы и преодолевая всѣ встрѣчающиесъ съ нимы трудносты, подвергая себя у двора цесарскаго въ немылостъ и учиня такову отвагу вздумалы выходитъ въ Россию,

употребя на такую далную и трудную путъ свое последнѣе иждивеные и великой убытокъ.

Все сие припысивалъ я тогда неблагодарностъ господина Чернева, и говорю самъ въ себѣ какъ онъ мнѣ показался тогда грубъ и суровъ, что естлы и всѣ протчие Рсссійские господа таковы сутъ то я незнаю какъ можно статца, чтобы между имы иностраные люди жить могли. *

Таково разьсуждение во весъ тотъ денъ и во всю наступывшую ночъ было великимъ сметениемъ въ моей голове, напоследокъ положилъ на одно, чтобы пайтитъ еще и на завтре къ Черневу и просить его, что бы онъ по крайней мере хотя то для меня сдѣлалъ доложилбы обо мнѣ господину послу, и чтобы представитъ меня къ нему, у коего бы я самъ могъ проситъ, а буде и пасолъ не зделаетъ мнѣ никакой помочи, тогда уже другова средства нѣтъ окроме поспешатъ и какъ скоряе упредытъ, покудова не будетъ известно что я здесъ и податъ прозбу ихь величествамъ: цесарю и супруге его королевѣ Маріи Терезіи, обьявя свою ошибку возвалытъ всю вину на свою молодостъ и донестъ, что я непозволытелнимъ образомъ оть полка отлучился, а что преступылъ высочайшее повелѣные какь вь рескрипте всѣмылостывѣйше обо мнѣ конфирмовано, и что мнѣ чинъ данъ и рота, и какъ я хотелъ возобновытъ приездомъ моимъ сюда объ отпуске меня вь Россию прозбу, и раскаявшисъ признатца въ томъ, а также и данной мнѣ оть генерала моего в оригинале абшитъ коего я таилъ отьдатъ назадъ, и проситъ по тому обьясненыю всемылостывейшаго прощеныя.

И тако положа я на томъ свое намерение назавтре, надѣвъ на себя плащъ пашолъ на посолской дворъ, меня встретылъ у лесницы швайцаръ, говоритъ доброй вамъ день государъ мой, ви де тотъ что вчерасъ здесъ были, и хатыте конечно опятъ съ господиномъ секретаремъ Черневимъ видѣтца, говорю я ему, да хочу, онъ учтиво показиваетъ на лесницу говоритъ изволыте итытъ, таперъ нѣтъ надобно-

---

* Однакъ я тѣмы своимы тогда размышлениямы ошибся, ибо господинъ Черневъ со всемъ инова достоинства человекъ былъ, а также и всѣ прочие Россійские господа тамо бывшие, какъ я потомъ коротко ихъ узналъ, то нашолъ въ ныхъ совершено качества честныхъ людей; я имъ и всѣмъ мое обныхъ размышление каково было пресказоваль и предними изьвынялся и особливо предь господиномъ Черневымъ, о чемъ далѣ будетъ видно.

сты объ. васъ докладиватъ, можете и самы туда къ нему войтытъ; я швайцару отвечаю, какъ мнѣ безъ докладу туда войтытъ, можетъ бытъ что то не было бы господину секретарю угодно, на сеи мои слова отъвечаетъ швайцаръ, что нѣтъ и не изволыте ни мало вь томъ сумнѣватца, ето де прелюбезной человѣкъ нашъ господинъ секретаръ, онъ никогда ни о чемъ не досадуетъ и внѣмъ де спеси нимало нѣтъ, я тутъ на сіи швайцаровы слова сталъ въ пенъ, зная каковъ мнѣ вчерашнѣй день отъ Чернева приемь былъ, а опятъ что сіи швайцаровы слова съ вчерашнымъ ни мало не сходствуютъ, говорю я швайцару, хорошо другъ мой благодарю тебя за такое мнѣ обьявленые, но между тѣмъ пожалуй примы мой плащъ и положи туда въ твою избушку, покудова я ворочусъ; онъ охотно снялъ съ меня плащъ и понесъ въ свей покоикъ, а я пошолъ вь верхъ по леснице, и вьзошедъ на первой етажь, иду мымо дверей посолскихъ покоевъ—выжу въ коридоре подь окошкомъ двухъ лакеевъ одѣтыхъ въ богатой ливреи, чистятъ кафтанъ не знаю чій. Какъ скоро оны меня увидѣлы, тотъ часъ адынъ изь ныхъ подошолъ ко мнѣ на встречу говоритъ сталъ по немецки, не изволытелъ къ господину послу, и поворотясъ къ дверямъ хатѣлъ было отворитъ оные, но какъ я сказалъ что нѣтъ, а имѣю мадобностъ къ господину секретарю Черневу, то говорить лакей указивая мнѣ въ верхъ на лесницу—изволыте туда итытъ, я сказалъ ему что знаю, идучи я по сходцамъ на верхъ разсуждатъ сталъ о словахъ, что внизу швайцаръ говорилъ, а также и сихъ двухъ лакеевъ приятной ихъ видъ и учтивые слова, думаю самъ въ себе, что ето немцы, оны обыкновено принимаютъ людей учтиво, а секретаря Чернева посмотрю каково онъ меня таперъ въстренетъ.

Я вошедъ въ переднѣй къ секретарю пакой, нашолъ слугу его сидящаго у окошка, онъ всталъ спрашиваетъ меня также по немецки, что и оть каво я присланъ, сего слугу я вчерашни денъ не выдалъ, а онъ также видно не зналъ что я ужо тутъ былъ, говорю я ему доложи пажалуй господину секретарю обо мнѣ и скажи, что я тотъ афицеръ, каторой вьчерасъ къ нему приходылъ, слуга пошолъ, і идетъ скоро обратно ко мнѣ, указиваетъ итытъ вовнутръ далѣ, я отворилъ двери вошолъ къ господину Черневу, онъ подошолъ ко мнѣ спрашиваетъ не имѣюлъ я сказатъ чего поваго, отвечаю я ему, что всио старое и то самое о чемъ и вчерашнѣго дня вамъ я докладивилъ, а притомъ прошу выслушатъ мои слова; онъ говоритъ изрядно изволите, тутъ зачалъ я рѣчъ симы словамы, вы государъ мой даволно известны, сколь много мы Сербы зделалы и оказалы наше усердие ко

всѣпресвѣтлѣйшему престолу Россійскому, учинилы отвагу обьявлениемъ что итытъ хотимъ въ Россию, и тѣмъ подьверглы себя здешнѣму Австрійскому двору въ немылостъ, оставилы многие свое отечество сказатъ такъ безъ никакихъ нуждъ, жилы здесъ мы и предки наши, говорилъ я господину Черневу, сколко вековъ, а таперъ разорилы самы свои домы, пошли многие въ такую далныю страну, претерпѣлы толъ великие затрудненіи и понеслы не малой убытокъ, поспешалы толко изъ усердыя, несмотря ни накакие препоны и на великой свой убытокъ, обращалы мысли свои съ радостию, какъ бы толко поскорие достигнутъ подъ крыло къ своимъ едыновѣрнымъ, изъ числа которыхъ остался я адынъ какъ овца заблудшая, незная таперъ какъ дорогу ко стаду найтитъ, а вы государъ мой, говорилъ я ему, будите пастырь и направите путъ мой и дайте мнѣ помочъ и утешеные въ желаніи моемъ, ибо мнѣ уже здесъ остатца и службу продолжатъ ни какъ нелзя для того, что было бы то уже мнѣ во всегдашную укоризну и болшъ къ несчастию нежелы къ ползе; вы же государъ мой, говорилъ я господину Черневу, были при отьправленіи моихъ собратьевъ началнымъ старателѣмъ и подалы поводь къ выходу, какъ мнѣ о томъ сведомо естъ и я доволно слышилъ, а инаково бы никто о томъ не мыслилъ, да и дѣло мое, говорилъ я, конечно должно бытъ вамъ известно, ибо мое имя у господина генерала Шевича по моему абшиту спротчимы отьежающимы напысано, почему и ордеръ оть него я имею, котораго вчерасъ я вамь показивалъ. Для чего пришолъ, я и севодня васъ трудытъ и прошу вашего въспоможеныя, какъ я уже въ то дѣло вошолъ, а не знаю куда судбына моя меня ведетъ, но однако оть своего намерения не отстаю.

Хотя бы государъ мой, говорилъ я Черневу, въчерасъ и сказалы мнѣ, чтобъ я самъ объ отпуске и о полученіи отъ здѣшняго двора пашпорта старался, но я кь тому не нахожу никакова средства, и зачатъ дѣло тою дарогою не смѣю, понеже обо мнѣ здѣсъ ужо оть ея величества королѣвы конфирмовано и я чинъ и роту получилъ, и стой конфирмаціи въчерасъ показовалъ вамъ я копию, кою таперъ здесъ при себѣ имѣю, для чего прошу васъ говорилъ я ему, будте вы мнѣ ходатаемъ вь моемъ предьпринятомъ дѣле, и усчастливите мѣня тѣмъ, чтобы я чрезъ васъ могъ господина посла выдѣтъ и съ нимъ говоритъ. Естлы же вы государъ мой и по симъ моимъ отъ усердыя моего представленымъ вамъ словамъ меня безъполезно отрыните оть себя, и я потомъ какимъ ныбудъ образомъ душевно и телесно себя погублю и подвергнусъ какому лыбо несчастыю, то пусть вы предь Богомъ

отьвѣтъ дадите, а я буду знать и по несчастыи могущемъ иногда бытъ, терпѣтъ, и буду обрасцомъ всѣмъ тѣмъ, кои бы еще вознамѣривалысъ выходытъ вь Россию, и то будетъ имъ примеромъ къ ихъ воздержаныю.

Сколко, я речъ мою продолжалъ и говорилъ, то секретаръ господинъ Черневъ не спустылъ глазъ своихъ съ меня, и стаялъ предо мною и слушалъ, напослѣдокъ какъ я окончилъ, то онъ зачалъ говорить, первое просилъ меня сестъ, что и онъ также зделалъ и возлѣ меня селъ, а потомъ сталъ спрашиватъ какой я націи, на что говорю ему, что я есмъ природы Сербынъ, и родомъ изъ Славоніи, онъ на ю отьвечаетъ, говоритъ: не погневайтесъ вы, что я вамъ сказатъ хочу, я де тому и вчерасъ удивлялся, а также и сего дня еще болше, что вы такъ по немецки хорощо говорите какъ немецъ природны, а тѣ господа Сербы, каторыхъ а имѣлъ честъ выдѣтъ, и въ Россию пошлы мало кто изъ ныхъ тѣмъ языкомъ говоритъ умѣлъ, а кои и говорилы но мало и несовершенно, а вы конечне говоритъ господинъ Черневъ училысъ где, а можетъ еще и воижировалы.

На сіи запроси я благодаря ему за такую похвалу говорю, что родителы мои вь томъ старалысъ и я учился и воижировалъ, онъ еще повторилъ другой вопросъ, какъ де естъ некоторие отъ ваше сербской націи живущие въ Славоніи и держатъ изъ давна законъ католыцкой рымскіи, ты не истехлы и вы состоите.

Отьветъ мой былъ господину Черневу, что нѣтъ а законъ и вѣра естъ моя православная Греческаго исповеданыи, тогда зачалъ онъ ко мнѣ говоритъ учтиво и приятно, что де надобно вамъ взятъ терпение до завтре, а я между тѣмъ проищу дѣла генерала Шевича и пресмотрю, о всѣхъ тѣхъ кои съ нымъ пошли и получилы отъ здешняго двора уволненые, между коимы не найдулы и ваше имя, а также не оставлю, говоритъ господинъ Черневъ, объ васъ доложитъ господину послу, и вы завтре въ начале одинатцатаго часа изволите ко мнѣ явытца, я де вамъ что мнѣ въ резолуцию сказано будетъ объявлю.

Вотъ тутъ успокоилъ я уже несколко духъ свой и хотѣлъ толко что вьстатъ и отклонитца господину Черневу, какъ вдругъ отворилысъ двери, и входятъ къ намъ двое господь харошо весма одѣтие, сталы кланятца господину Черневу, и онъ также имъ тѣмже отьвечалъ, я какъ съ стула вьсталъ такъ и стою, выжу что оны между собою завелы разговоръ своимъ рускимъ языкомъ, чего я ни мало не разумею, а разве где какое слово сходное съ моимъ природнымъ серб-

снимъ попаду, а особливо какъ оны скоро говорятъ, то для меня очень чудной и непонятной языкъ показалося.

Господинъ Черневъ указиваетъ на меня говоритъ къ нымъ по руски же видно, что обьявылъ имь о моемъ намереніи, анѣ оба поворотясъ ко мнѣ говорить сталы спрашивая умѣюлы я по руски, а какъ господинъ Черневъ въ место меня отвечалъ и бывъ превотчикомъ сказалъ, чтобъ онѣ со мною говорилы по немецки, то и зачалы оны оба меня одно и другое спрашиватъ, я одного изъ ныхъ по наречию тотъ часъ приметылъ, что надобно ему природному немцу бытъ, потому какъ я поосмелылся снимы въ разговорахъ, то сталъ я господину Черневу говоритъ, что вы государъ мой на первой сей случай дѣлаетѣ меня съ симы господамы знакомымъ, но не имею честы ихъ знатъ, онъ указиваетъ на одного говоритъ ето де господинъ Волковъ и мой товарищъ и естъ легационсъ секретаръ при посолстве, а тотъ другой при посолствежъ господинъ баронъ Ашъ (того то я и узналь по наречию, что естъ природни немецъ), а объ другомъ что Волковъ слышалъ я давно.

Сей первой случай, что я съ симы двумя господамы видѣлся, и хотя не много тогда знакомства съ нимы зделалосъ, но потомъ въ слѣдующее время было мнѣ то много въ помочъ.

Побулъ я еще немного у сихъ господь и выжу, что господинъ Черцевъ беретъ свою шляпу и хочетъ выходитъ, то я отклоняcъ пошолъ прочъ идучи вьнизъ по лѣстнице, нашолъ швайцара стоящаго у своего места, вьстречаетъ онъ меня приятнимъ выдомъ, и подаетъ мнѣ мой плащъ говоритъ, вы де позабавилысъ на верху, и видѣлыдъ господина секретара, я ему отвечаю что у него то я такъ долго и проседелъ, на то говоритъ швайцаръ не такли, какъ я вамъ сказовалъ, что онъ естъ человѣкъ приятной, я ему отьвечаю, что подлинно такъ и что я еще и завтра сюда буду, съ тѣмъ надѣвши я на себя плащъ папюлъ своею преждней дорогою вь городь, что чрезъ дворецъ и мымо караула и часовыхъ.

Скоро я пришолъ на квартеру было то уже во исходе перваго часа велѣлъ податъ себѣ отъ хозяина покушатъ, тотъ часъ то зделано было и поставлено на столъ, я покушалъ и въсталъ, хажу по горнице разсуждаю и собыраю себе въ голову, ежелы господинъ Черневъ представытъ завтра меня къ послу, то что мнѣ ему говоритъ, и въ тѣхъ расмышленыяхъ будучи вьдругъ вошолъ ко мнѣ человекъ знакомой, а то былъ нашъ сербски при мытрополыте общенародски секретаръ,

Павелъ Ненадовичъ * (сей чинъ почитаетца тамо великъ), онъ на то время тамо былъ вь Выенѣ для исходатайствованыя по представлѣниямъ митропѡлытскимъ резолуциевъ.

Я изьумылся какъ его увидѣлъ не зная, ктобъ ему о моемъ въ сей городь приездѣ сказалъ, хотя онъ и блиско естъ мнѣ знакомъ, но зналъ я что онъ къ Россійской сторонѣ противенъ и тѣхъ кои вь Россию пошлы осуждаетъ и ненавидитъ; онъ вошедь ко мнѣ вь горницу отозвался своимъ компліментомъ ласково, спрашиваетъ о здаровый и давноль приехалъ; мнѣ ужъ надобно было свои предпринятые мысли о послѣ россійскомъ пременытъ, что зачаль было компоноватъ, что предниимъ завтре говоритъ, а занялся я думатъ о семъ пришедшемъ ко мнѣ гостѣ, каторой естлы узнаетъ о моемъ предпринятомъ дѣлѣ, моглобы для меня и опастно бытъ:

Чтожъ делатъ надобно мнѣ было также ласкавимы словамы компліментовъ, я его просиль сестъ, и отвечаю ему на его о моемъ приездѣ запросъ, что вчерасъ приехаль, онъ на то показаль мыну несколко съ усмешкою, и завель другую материю говоритъ, а я позадумалса покудова онъ разговоръ продожалъ и ожидаю что еще будетъ; а о своемъ же дѣле я ему конечне не смелъ обьявытъ и опасался, дабы иногда онъ кому ныбудъ вь нызъ вь Славонию о томъ, что я вь Выенѣ не пысалъ и какъ отъкроитца, то бы отътель было сюда къ главному месту пысано, и потому могбы я себя въ велыкую опасностъ и вь несчастые подьвергнутъ, для чего и надобно было мнѣ свое дело на некоторое время вь секретѣ храныть.

Хотя онъ о томъ что я оть полка безъ дозволеныя отлучился и не зналъ, но однако обо всемъ томъ, что прежде со мною происходыло, доволно былъ сведомъ.

Между протчимъ спрашиваетъ онъ какая нужда привела меня вь Выену приехатъ, я ему отьвечаю и пресказиваю другие кое какие резоны, на что говоритъ онъ, я де буду почитатъ себы за удоволствие, естлы по вашему дѣлу возмогу вамъ оказатъ свою услугу и конечне де постараюсъ у здешныхъ господь вь ползу вашу бытъ въ помочъ, я ему поблагодаря за такой ко мнѣ отьзывъ и говорю, что конечне и я самъ о томъ васъ трудытъ и проситъ хачу, и етимы днямы какъ съ своимы дѣламы пособерусъ, то и открою вамъ всю мою надоб-

---

* Такимъ же именемъ (Павелъ Ненадовичъ) и самъ нашъ тогда бывшіи митрополитъ назывался и былъ сему секретарю родной дядя.

ность и съ тѣмъ окончилы мы нашъ разговоръ, онъ побулъ еще тутъ у меня и потомъ вьсталъ и пошолъ протчъ.

На завтрешни денъ по утру рано послалъ я призвать парикмахера, заставилъ его убратъ мнѣ волоси, одѣлся потомъ въ новой парадной оть бывшаго Славонскаго государскаго полка мундиръ (а прежде я къ секретарю хадылъ вь старомъ мундире), надѣлъ однако на себя плащъ дорогою чрезъ дворецъ и пришедъ на посолской дворъ оставылъ плащъ у швайцара, а самъ пошолъ въ верхъ къ секретарю; онъ какъ скоро меня увидѣлъ и вьдругомъ уже убранстве, то понравился я ему оченъ, и принимаетъ меня гаразда ласковее противъ прежняго просилъ меня сестъ, а самъ одѣватца сталъ, между тѣмъ говоритъ мнѣ, что де я объ васъ докладиваль господину послу и пресказивалъ ему всѣ ваше дѣло, и господинъ пасолъ приказалъ мнѣ чтобъ васъ къ нему представитъ, я поклонясъ господину Черневу за оказанную мнѣ мылостъ и предстателство, и какъ онъ одѣлся то говоритъ таперь де изволыте пойдемъ къ господину послу.

Пошлы мы оба вьнызъ по леснице и вошедъ въ залъ говоритъ мнѣ господинъ Черневъ, остантесъ вы здесъ а я первее доложу объ васъ, мало потомъ погодя идетъ лакей спрашиваетъ меня о имены, и какъ я ему оное обьявылъ, то говоритъ онъ, изволыте итытъ васъ де господинъ пасоль спрашиваетъ.

Я пашолъ, а лакей попередь меня отворяетъ двери и вошедъ далѣ въ спалню увидѣлъ я господина посла сидитъ въ кресле, а мой патронъ господинъ Черневъ стоитъ возлѣ его и нѣчто говоритъ, я полконился господину послу, и принявши отъ него ласковою встречу говоритъ мнѣ, я де объ вашемъ дѣле уже сведомъ, какъ господинъ Черневъ о вашемъ страданіи пресказивалъ, и будте благонадеждны что я всѣмы мѣрамы вь ползу вашу старатца буду, и чрезъ два илы три дня будетъ вамъ резолуция, при томъ сталъ господинъ посолъ спрашиватъ обо всемъ, какъ о ново-учрежденыхъ регулярныхъ пограничныхъ полкахъ, такъ и о народе нашемъ, на какой ноге таперъ по раскасованіи старыхъ ландьмылициевъ народь остался и какие обстоятелства при формырованіи новаго войска происходилы, на что я сколко мнѣ было сведомо пресказовалъ.

Господинъ пасолъ при отходе моемъ повторялъ свое обещаные обьнадеживая меня, что конечне не оставытъ въ моемъ предпріятіи помогатъ, и сказалъ, что де я буду съ канцлеромъ графомъ Каоницемъ говоритъ, и тутъ отъ меня взялъ и мой въ оригинале абшитъ къ себе.

Я вышедъ отъ господина посла и взявши свой отъ швайцара плащъ пашолъ опятъ тою же дорогою чрезъ дворецъ, и пришедъ на квартеру не выходылъ уже никуды, а на завтрешнѣй денъ оченъ рано какъ я еше въ постелѣ лежалъ, выжу, что мымо окошка моего гангомъ прошолъ человѣкъ въ беломъ мундире, показался мнѣ солдатъ какъ обыкновено тамъ вся пехота въ белыхъ кафтанахъ ходютъ, думаю въ себе, что онъ такъ за чемъ нибудь въ трактиръ зашолъ, однако мало погодя стало стучать тихонко въ мои двери (по тамошнему обычаю ежелы незнакомой войтить хочетъ), я зная что то значитъ отвечаю что изволь войди, онъ видно не дослушался моего отьзыву, повториль свой стукъ въ другой разъ, на что я погромчее сказалъ, что изволь войды по чему и дверы отворилысь, а какъ я увидѣлъ по знаку, что онъ есть ундеръ афицеръ отъ дворцоваго караула, то и смотрю на него что будетъ и затрепеталъ весь, такъ жестоко меня тронуло знай что не напрасно онъ ко мнѣ пришолъ и думаю въ себе что вотъ доехалы уже меня.

Онъ немного комплиментовъ строилъ, а сталъ тотъ часъ говоритъ по немецки: «Mein Herr, ich bin geschickt von dem Herrn Capitain von der Burgwacht Sie aufzusuchen und zufragen: wer sind Sie, woher Sie gekommen und ob Sie in Dienst stehen, und unter was für Regiment, ihre Charge und Namen und was Sie hier zuthun haben», то есть государь мой, я посланъ отъ господина капитана отъ дворцовой стражи, васъ чтобы сыскать и спросить кто вы таковъ, отькуда приехалы, и вслужбе-лы вы, и вь которомъ полку, и ваше имя и чинъ, и какое ваше здесъ дѣло.

Все сіи запроси какъ онъ выговорилъ, то вынялъ изъ кармана свою запысную книжку и держитъ вь готовносты карандашъ запысатъ то, что во отвѣтъ я буду говоритъ, вотъ я ужь тутъ ежелы когда вь жизны отчево спугался такъ было то въ тотъ часъ.

Я въдругъ зделался боленъ сталъ протиратъ глаза и голову, а на тотъ часъ слугу я было послалъ вь состоящей на улыце кафейной домъ, чтобы мнѣ принестъ кофи, и потому оставался вь горнице я одынъ, а какъ сей гостъ пришолъ то стало насъ два.

Скоро онъ свои слова кончилъ и дожидаетца что я отьвечатъ буду, то я ужъ было со страху почты свою резолуцию вь голове потѣралъ, и не зналъ что сказатъ, однако оправился тѣмъ, что поболше сталъ стонутъ, указывая ему рукою на стоящей на окошке съ уксусомъ карафинчикъ (оной тамъ остался отъ ужина какъ хозяинъ мнѣ садатъ къ жаркому приносилъ), говорю ему пожалуй, здѣлай любовь подай мнѣ

тотъ карафинчикъ съ окошка вь немъ естъ уксусъ, хачу голову примочитъ, я вотъ видишъ боленъ лежу въ постелѣ а слуги при мнѣ нѣтъ, послалѣ его за лекарствомъ.

Сей учтивой человекъ тотъ часъ подалъ мнѣ карафинчикъ, а я между тѣмъ собыраю скоро на памеъ что ему во ответъ сказатъ, лыю тотъ уксусъ на платокъ и привязиваю голову, тру руки, нюхаю уксусъ въ носъ і стону, отьдаю ему карафинчикъ назадъ, онъ взявши поставилъ опятъ на окно, а я чтобы его далѣ не держатъ и не податъ ему какой приметы говорю, поклонисъ твоему господину капытану, скажи что я Славонскаго гусарскаго полка рытмейстеръ Шимоновичъ (а также и в полку тогда былъ капитанъ той фамыліи), я приехалъ говорю ему сюда предь несколкимы днямы посланъ отъ полку за дѣломъ, и обо мнѣ ея величество королева и другие господа знаютъ, сіи мои слова ундеръ-афицеръ тотъ часъ запысалъ отьклонясь говоритъ прощайте желаю вамъ скорейшаго отъ болѣзны обьлегченыя, и стѣмъ вышедъ, опятъ мымо моего окошка ганголъ прошолъ.

Я выдя что приходь сего ундеръ афицера ко мнѣ предьвещаетъ что ныбудь худое, бросилъ платокъ помоченой уксусомъ съ голови, вcталъ с постелы скоряе сталъ одѣватца и совсѣмъ почты былъ готовъ, покудава слуга мой пришолъ и за нымъ человекъ изъ кафейнаго двора носитъ на подносе кофи, молоко, и чашку надкритое салфеткою, и ту кофу не знаю какъ пылъ скоро и заплатывь за оную отыправляю человека с кафейникомъ назадь, а человекъ сей говоритъ мнѣ, что вы государъ мой такъ поспешно изьвольте кофи пытъ, конечно де у васъ естъ некакая екстра и куда итытъ хатите, я ему говорю да ты угадалъ другъ мой, я спешу чтобъ мнѣ застатъ еще вь доме того господина до коего надобность имѣю; съ тѣмъ онъ собравши свою пасуду пашолъ прочъ, слуга мой тоже смотритъ что я такъ торопдюсь и что я ему приказиваю скоряе складатъ платѣ въ сундукъ, и постелъ въ чамайданъ, говорю ему поскоряе въкладай, мы сей часъ выежатъ будемъ, а не сказиваю ему ничего о томъ, что у меня ундеръ-афицеръ былъ и онъ также его не выдалъ, слуга сталъ въкладатца тутже и я ему помагалъ и зделалы вьдругъ всио готово, говорю я слуге пайди призовы хазяина чтобы ему за квартеру заплатытъ, онъ пашолъ и скоро возвратылся, и хазяинъ идетъ.

Я говорю хазяину пращай другъ мой я отьежаю, получилъ говорю я пысмо, что мнѣ немедлено надобно приехатъ въ городъ Прешбургъ тамъ найдено моего должника, а я чрезъ несколко дней опятъ сюда

къ тебѣ буду, а таперъ оставайся здаровъ меня уже попутчики и фурманчикъ дожидаютъ, и что я вамъ виноватъ хочу заплатыть.

Хазяинъ сожалѣлъ о моемъ такъ скоромъ отъездѣ, обьявилъ свое за квартеру и за столъ требованныя, я вынулъ и отщиталъ денги ему отдалъ, а слуге приказалъ приведы трогора, тамъ такие люде есть что темъ имемъ называютца, кои изъ дома на другой дворъ и куда надобно преносить, а таковыхъ людей вездѣ по трактерахъ и на улыце давольно есть.

Слуга мой пошолъ и ведетъ двухъ таковыхъ людей, я имъ указую, что везмитъ говорю адинъ изъ васъ етотъ сундукъ, а другой чамаданъ и несить за мною.

Я вышедъ со двора иду просто ко двору того знакомова мнѣ купца, что банкеръ о коемъ я прежде говорилъ, засталъ его еще въ доме, онъ какъ увидѣлъ что я съ еквипажемъ къ нему пришолъ и приметылъ изъ лыца моего что я пременылся, говоритъ мнѣ чтобы ето значило вы такъ рано въсталы, да и еквипажъ свой съ собою носите.

Я ему отвечаю и прошу чтобы позволылъ на малое время еквипажъ тутъ у него положитъ, и послѣ вамъ скажу что то значитъ.

Онъ охотно позволылъ и указиваетъ людямъ, чтобъ тутже въ его пакое паложитъ, я тѣмъ людямъ что носилы заплатывъ отпустилъ, а моего приятеля възявь за руку попросилъ въ другую горницу; тутъ я ему отькрылъ что со мною случилось, онъ выслушавши мои слова самъ задумался, и говоритъ, что ето конечне ничто иное какъ кто нибудь обь васъ донесъ, илы не приметилылъ съ стороны васъ, что вы часто на дворъ къ Россійскому послу ходите, какъ о томъ таперъ по той строгой публикаціи запрещено, чтобъ никто не отважился въ Россию уволненыя просить, и дѣлаютца о таковыхъ примечаніи.

Говорю я моему приятелю, что не знаю кто бы обо мнѣ могъ что донесетъ, ибо о моемъ намереніи никто въ городѣ не знаетъ окромѣ васъ, а я крепко надѣюсъ, что оть васъ то не вышло, а разве то можетъ бытъ какъ обще-народски нашъ секретаръ Ненадовичъ находитца здесъ и онъ меня видѣлъ и знаетъ мои обстоятелства, которие прежде о Россіи при полку со мною происходилы, то несказалли онъ кому нибудъ что я здесъ, ибо иначе какбы тотъ ундеръ афицеръ мою квартеру могъ знатъ, илы не приметилилъ и подлино меня, какъ я всегда въ плаще и безъ дожда проходылъ чрезъ дворецъ тою дорогою

на простець за городъ, коею пешей народъ обыкновено приходы мимо караула и часовыхъ тамо стоящихъ.

Мой приятелъ говоритъ мнѣ, что такъ точно и естъ, или секр таръ объ васъ кому сказалъ, илы приметилы васъ караулние, чтожъ таперъ хатите вы делатъ, я говорю ему что за то и пре рылся я къ вамъ, что есглы иногда опятъ пошлютъ меня искатъ и найдутъ на квартери, то чтобы не моглы слѣдъ мой найтытъ, покуда дѣло мое кончено будетъ, и я поспешу скоряе за городъ къ господи послу съ обьявлениемъ что со мною случилосъ; говоритъ мой при телъ ето де весма хорошо пойдите скоряе, однакъ говорю я ему I дажъ мнѣ таперъ на квартеру перейтытъ, чтобы хотя на несколко дн безопастну бытъ, разве вы мнѣ въ томъ помочъ подадите; на то воритъ онъ, добро естъ де здесъ некоторие мнѣ знакомые, иностран купцы, кои со мною по вексселямъ и въ преводахъ денегъ дело им ютъ, я тотъ часъ призову одного старика онъ де тамъ въ угле, Поштейне живетъ самъ одинъ и нанимаетъ два покоя, я его поп шу, онъ васъ верно примытъ, а ему и не надобно о вашемъ д сказиватъ, и тако послалы за нымъ, онъ пришолъ и на прозбу мо приятеля согласился и меня принялъ охотно, говоритъ что де м итакъ одному скучно, а какъ съ товарищемъ то будетъ веселѣе вре проводытъ; я тотъ часъ велѣлъ слуге найтитъ трогоровъ и принес туда еквипажъ, куда вслѣдъ за нимы и я самъ пашолъ, и узнавъ св новую квартеру въ коей оставилъ слугу, пашолъ подъ прикритие моего плаща поспешно и широкимы шагамы за городъ на посолск дворъ, аднакъ не чрезъ дворецъ, а взялъ дорогу главною улыцею, и ею премножество народа непрерывно възадъ и въпередъ ходю и просто пашолъ къ воротамъ что називаютца Карньторъ, мнѣ се кругу и накладу въ ходбе было съ полъчаса лышнѣго, нежелъ как чрезъ дворецъ шолъ, да чтожъ дѣлатъ хотъ кружнѣе да здорове толко то было досадно, что какъ денъ былъ оченъ жаркой, а я ско хадылъ и вь плаще, то вьспотѣлъ было слышкомъ и вишедъ за воро на ту веселую и широкую площадъ, тутъ ужъ я сталъ потише х дытъ, обтеръ платкомъ потъ съ лыца и пришедъ во дворъ посолск отьдаю плащъ швайцару; онъ принимая смеетца говоритъ, чтожъ е вы государъ мой всио въ плаще хадытъ изволите, а денъ какой х рошей да и мундиръ на васъ не такъ ветхой, хтобы плащемъ закр ватца; говорю я ему, да ты правду говоришъ да надобностъ естъ т кая, чтобь въ плаще на несколко еще дней бытъ, тутъ онъ поту голову сказалъ, простите меня въ моей ошибке, что я не свое дѣ спрашиваю, възявши съ меня плащъ понесъ въ свой покойкъ, а

пашолъ въ верхъ, къ господину секретарю Черневу, онъ увидѣвши меня удивился, говоритъ что вы изволелы сево дня пожаловатъ, вамъ де господынъ пасолъ сказалъ, чтобы вы послѣ завтра приходилы, я ему отъвечаю: государъ мой меня нужда и страхъ понудыли сево дня бытъ у васъ, на что говоритъ онъ чтожъ оно такое, тутъ зачалъ я ему пресказоватъ, какъ ко мнѣ уидеръ афицеръ приходылъ и что спрашивалъ и какъ я спужался и сдѣлался болнымъ и уксусомъ голову мочилъ, и что скоряе пересѣлыся на другую квартеру, и прошу его чтобы о томъ доложитъ господыну послу и датъ мнѣ наставленые что дѣлатъ.

Господинъ Черневъ выслушавъ мои слова сталь смеятца говоритъ: важе вы такъ робки и боитесъ такова малова дѣла, вамъ де надобно съ крепкимъ духомъ бытъ, имѣя добрую надежду, вы знаете какъ вашъ вчерасъ господинь пасолъ далъ свое слово и обнадежилъ васъ, знайтежъ вы и то, что естлы мы каво примемся, то ужь не оставымъ въ тунѣ а доведемъ конечне дѣло до совершенства, такто и объ васъ будетъ, вчерасъ вамъ сказано, а сево дня уже об васъ и записка послана къ канцлеру графу Каоницу, а такжъ сево дня въ вечеру какъ господинъ пасоль во дворце будетъ, то обещался еще и словесно обь васъ съ канцлеромъ говоритъ и требоватъ по той записке скорейшей резолуции.

Мы уже, говоритъ господинъ Черневъ, не требуемъ вамъ отъпуска въ новъ, а толко изьясняемъ, что нашъ афицеръ, имѣвъ свой чистой абшитъ и уволнены изъ службы здешнѣй, былъ невинно удержанъ подъ арестомъ, и требуемъ толко о свободномъ проездѣ пашпорта, и такова докладиватъ господину послу о томъ, что вамъ случилосъ нѣтъ надобносты, везмите — продолжалъ господинъ Черневъ терпение до послѣ завтре, тогда приходыте и вамъ резолуция будетъ.

Я услишивши сіи слова обрадовался благодара господина Чернева, называю его своимъ благодетелѣмъ, какъ онъ и подлино того стоитъ, говорю притомъ, что ето всио харошо, но естлы сохраны Богъ какъ нибудь да меня найдутъ и везмутъ, то тогда что дѣлатъ и какова спасены я могу надѣятца, на что говоритъ господинъ Черневъ. вы хотябы васъ и взялы не опасайтесъ ни чего, будте мужествены да и таитъ себя и скрыватъ ни для чего, вы знаите, что вашь абшитъ естъ уже у нашихъ рукахъ, то по оному и нашли бы мы васъ, оно тапѣръ такъ значитъ, что вы подь протекциею нашею состоите и для тово не опасайтесъ ничего, будте съ покойнымъ духомъ и положитесь на томъ что и вамъ сказалъ, ваше де дѣло нашло харошою да-

рогою и ваше имя, въ поданной намъ при отьездѣ генерала Шевича табелы, напысаное я нашолъ при чемъ отьмечено, что абшитъ имѣетъ а удержанъ подь арестомъ, слѣдователно намъ своего афицера и выручитъ должно, а господинъ посолъ знаетъ, въ какую сылу свое требованые употреблятъ будетъ, между темъ, говоритъ господинъ Черневъ, дайтѣ мнѣ запыску о ващей квартере для всякихъ случаевъ чтобь я зналъ.

Я взявши перо изъ чернилыцы, тутъ у его на столику что стаяло и на бумаге пышу по сербски: имя купца приятеля моего, того банкера Димитрия Хапси, и ту улыцу въ городѣ, и домъ гдѣ онъ живетъ, подаю господину Черневу, онъ увиделъ пысмо мое и слова сходные съ рускимъ, говоритъ что де ето вы такъ пысалы, какъ что и мы пышемъ, и потому де васъ и не трудно будетъ скоро къ нашему языку навыкнутъ; между тѣмъ пришоль тутъ адынъ афицеръ, коего прежде я не выдалъ и очелъ я его за немца потому что на нѣмъ былъ белой пехотной кафтанъ, онъ вошедши поклонился и зачалъ нѣчто говоритъ съ господиномъ Черневымъ рускимъ языкомъ не знаю о чемъ, а по окончанін своихъ словъ отошолъ къ окну и сталъ.

Господинъ Черневъ, какъ держалъ въ руке ту мою запыску поворотясъ къ тому афицеру, сталъ ему по немецки говоритъ спрашиваетъ изъ той моей запыски, незнаетлы онъ вь городы ту улыцу, и того купца Димитрия Хапсу, на что сей афицеръ отьвечалъ, что давольно знаетъ и что тотъ купецъ есть банкеръ и честной человѣкъ, и великой къ россійскимъ людямъ приятелъ, говоритъ ему господинъ Черневъ указивая на меня, видишъ сего господина естлы онъ по чемъ ныбудь послѣ завтра сюда не будетъ, то чтобъ вы зналы его тамъ вь томъ доме и у того купца спрашиватъ.

Тотъ афицеръ говоритъ харошо, я де и завтре могу туда наведатца, я тутъ съ тѣмъ афицеромъ познакомылся и узналъ, что онъ естъ точно немецъ закона лутеранскаго и въ службе въ Россіи, а родомъ изь верхней Венгріи, изь города Кашау, прозиваетца Пекинъ, онъ тогда былъ порутчикомъ, имѣлъ отьпускъ и находился въ Вѣне по своему дѣлу, отьискивая доводящагося ему наслѣдства.

Я послѣ того отьклонясъ пошолъ въ нызъ по лѣснице прошу оть швайцара своего плаща, коего тотъ часъ онъ вынесъ и надѣваетъ на меня говоритъ, желалбы де я скоро видѣтъ чтобы сей плащъ открылъ ваше желаемое удоволствие, я поблагодаря его за учтивые

слова нашолъ опятъ тоюже во округъ дорогою въ городь, а неболшъ на простецъ и чрезъ дворецъ.

Не хотѣлъ я оставитъ чтобы мымоходомъ не зайтытъ въ своему приятелю, тому купцу Димитрию Хапси, я ево нашолъ за столомъ обедаетъ, было то уже вь начале втораго часа въ польдня, просить меня мой приятелъ за столъ сестъ и покушатъ, чего я не отказался и охотно къ тому приступилъ, такъ я тотъ день моею ходьбою истощалъ исголодалъ, что естъ хотѣль чрезвычайно.

Послѣ обеда я моему приятелю всио то что мнѣ господинъ Черневъ говорилъ, отькрылъ, а притомъ и то обьявылъ, что я запысалъ ево имя и квартеру, и о томъ афицере Пекине также сказалъ, катерой естлыбъ завтра пришолъ меня искатъ чтобы зналъ.

Мой приятелъ всѣмъ тѣмъ что я ему пресказалъ былъ даволѣнъ и радь, что мое дѣло взяло свой успѣхъ, послѣжь сего разговора сказиваетъ мнѣ мой приятелъ, что онъ какъ былъ тотъ денъ вь лавках видѣлъ адного господина и говоритъ, что сербынъ и человѣкъ харошъ виденъ собою и толко вчерасъ что приехалъ, називаетца Марко Продановичъ.

Я услыша о Продановиче крайнѣ радъ былъ, ибо сей маіоръ тотъ самой естъ что вь Славонскомъ гусарскомъ полку состоитъ, въ коемъ и я дополученыя моего абшита служилъ, говорю я моему приятелю: не можнолъ знатъ где онъ на квартери сталъ, на что отвечалъ что де ето тотъ часъ узнатъ можно, и посилаетъ слугу своего вь ту лавку где маіоръ материю покупалъ, кою за маиоромъ на квартеру понесли, какъ то приятелъ мой видѣлъ и потому узнатъ можно, слуга туда пашолъ и скоро возвратылся сказиваетъ, что квартера господина маіора Продановича за городомъ на форштатѣ называемомъ Ландштрасъ вь трактире у Енгель Бирта.

Сей форштатъ и тотъ трактиръ мнѣ даволно известны, и хотъ оно совсѣмъ въ другую сторону города и вь другие вороты выходытъ надобно, нежелъ куда я проходь свой за городь имѣю, но не могъ я никакъ оставытъ чтобы сего господина не видѣтъ, имѣя къ нему мое доброжелательство и почтеные, а притомъ яко онъ естъ человекъ изъ стариныхъ дворянскихъ фамылиевъ и самъ заслуженой, и добраго нраву, то потому я особливо любовъ къ нему имѣлъ, а сверхъ всего что онъ меня всегда отменно любылъ.

Говорю я моему приятелю, что пойду я въ вечеру къ сему знакомому мнѣ господину, имѣю великое желаные его видѣтъ и пресказиваю о томъ въ какомъ дружелюбыи я съ нымъ состою.

оро и маіорше весма досадно, какъ увиделы чрезъ окошко что онъ уже у ворота вошелъ, хотѣлы было чтобы я уклонился, однако я того здѣлать не хотелъ, говорю пущай идетъ, нѣтъ ничего, а я отъ него притатца не буду, между тѣмъ и онъ съ дверей къ намъ вошолъ, кланяетца всѣмъ и говоритъ къ маіорше, я хотъ и незванъ, но яко вашъ приятелъ пришолъ нарочно сево дня у васъ обедатъ, маіорша отвечаетъ ему, что имъ естъ приятно такова гостя у себе имѣтъ, потомъ поворотясъ онъ ко мнѣ поклонился спрашиваетъ о здоровьи и осмехнулся говоритъ, я де думаю что вь дароге утрудилысъ и давнолъ изь Прешбурга приехатъ изволелы, отвечаю я ему что приехалъ сево дня и что мнѣ дарога нымало трудна не была, потомъ говаритъ онъ, можетъ бытъ что я не ошибусъ когда скажу, что вы етимы днями столко были въ Прешбурге сколко и я, а я де говоритъ онъ искалъ васъ на вашей старой квартеры аднакъ не нашолъ, и спрашиваетъ меня, где я таперъ квартеру имѣю и на которой улыце, на то отъвечалъ я, что улыцу какъ зовутъ не припомню, а квартера моя въ Выенѣ, онъ видя такой ать меня отвѣтъ престалъ со мною далѣ говоритъ.

Селы мы за столъ обедатъ а потомъ вьставши иза стола не хотѣлосъ мнѣ тамо много бавитца, дабы иногда не завестъ словь противныхъ, какъ оны позаговорилисъ, то я удалылся тихонка и пошолъ въ городь на свою кватреру, и ужъ весъ тотъ денъ и вечеръ просѣделъ дома, дожидаясъ утрешняго дня, чтобы итытъ къ господину послу какъ мнѣ приказано.

По утру рано я вьставши велѣлъ слуге призватъ парикмахера, заставилъ его причесатъ мнѣ волоси и потомъ одѣлся въ свой новой мундиръ и надѣвши плащъ поверхъ онаго, пашолъ улыцею за городь на посолской дворъ, вьстречаетъ меня знакомой швайцаръ принимаетъ попрежнѣму отъ меня плащъ, а я пашолъ на верхъ къ господину секретарю Черневу, онъ какъ меня увидѣлъ отозвался приятнымъ видомъ и былъ уже совсемъ одѣтъ, спрашиваетъ меня шутя, не виделолыся мнѣ чего во снѣ, я посмѣялся отьвечаю, хотябы что таковое и случилосъ во снѣ то яко сонъ и прошло, а лучше на явѣ приятностъ ожидатъ; на то говоритъ онъ, такъ когда вамъ во снѣ ни чего не явылосъ, то хачу я вамъ вестникомъ бытъ, что по вашему желаныю дѣло збылося, я изъ сихъ словь могу уже приметитъ, что полезная для меня резолуция естъ, и прошу его чтобы мнѣ оную отькрылъ; сие я говоритъ онъ сказатъ не могу, а тотъ де вамъ скажетъ кто здѣлалъ, и пойдемъ господину послу тамъ вы услышите. Го-

сподинъ Черневъ вьзявь шляпу хотѣлъ итытъ, а я его остановилъ, говорю: прошу на мынуту остановитца за мною я вамъ еще нечто сказатъ хочу новое, онъ остановился а я сталъ пресказоватъ, что я былъ у майора Продановича и какъ тамь слышали слова обще народнаго секретаря Ненадовича, и что я опасаюсь ево какихъ либо интригъ.

Господинъ Черневъ выслуша меня насмеялся говоритъ, дабро пойдемъ вънызъ къ господину послу, а я де думаю что сево для всѣ ваши опасносты уже кончелысъ, и тако вошедь мы въ залъ, онъ пашоль во внутръ далѣ, а мне велѣлъ пообождатъ.

Скоро потомъ позвалы и меня тудажь я пошедь къ господину послу поклонялся, а онъ вставши съ кресла зачалъ мнѣ говоритъ, поздравляю васъ совершеньною Россійскаго двора протекциею, и вы уже ваше желание получилы, я де ужь имѣю вь полученіи, что на мое обь васъ требование, каторое докладивано чрезъ канцлера графа Каоныца ея величеству королеве, и ея величество указала вамъ о свободномъ отъездѣ въ Россию датъ пашпортъ, о чемъ для ведома дано мнѣ знатъ.

На сию радостную вестъ бросился я къ руке господина посла и благодаря его, тутъ сталъ господинъ Черневъ пресказоватъ послу, о томъ что я ему вь верху обьявылъ, о словахъ митрополитскаго секретаря, также и о томъ какъ ко мнѣ ундеръ-афицеръ съ дворцоваго караула приходылъ спрашиватъ, и что я спужался перешолъ на другую квартеру.

Господинъ посолъ выслушавъ сие и оборотясъ ко мнѣ говоритъ, вамъ де таперъ опасатца нѣчего, и хотябы кто васъ спрашовалъ можете обьявытъ смѣло, что Российской афицеръ, чтоже о пашпорте вашемъ принадлежитъ, то оной на сихъ дняхъ конечне выдетъ и пришлѣтца ко мнѣ.

Я повторялъ мою благодарностъ господину послу за окозаньную мнѣ милостъ и старателство, говорю при томъ что когда ваше сиятелство столко много для меня уже зделалы, то еще адну мылостъ прашу мнѣ оказатъ и меня принятъ къ себе во дворъ, и чтобы я здесъ могъ бытъ до полученыя пашпорта, господинъ посолъ поворотясъ къ Черневу говоритъ, что ето правда и определыте ему здесъ во дворе квартеру, Черневъ отвечаетъ, что во дворе ни единаго покоя нѣтъ порожего; а разве поместитъ бы его у секретаря Волкова на томъ другомъ нащемъ дворе, пасолъ говоритъ, что и то харошо, пошлите за Волковымъ и обьявыте ему, чтобь онъ такъ зделалъ.

Таковы обо мнѣ приуготовленіи показалосъ мнѣ тогда обновленыемъ жизны моей и съ радостнымъ сердцемъ отьклонясъ у госпо-

дина посла, пашолъ наверхъ въ покой господина Чернева, куда онъ немного погодя пришолъ и посилаетъ за Волковымъ.

Волковъ не умедлилъ и пришолъ къ намъ, коему обьявляетъ Черневъ посолское повелѣные и отъдаетъ меня ему въ товарищество, чему господинъ Волковъ много радъ былъ, и тотъ часъ повелъ меня съ собою на тотъ дворъ въ коемъ онъ живетъ, гдѣ и мнѣ квартера во второмъ етажѣ показана, изъ коей выходъ и въ садъ былъ, а домъ сей разстояниемъ отъ посолскаго толко чрезъ три двора со стоялъ.

При отходеже моемъ съ Волковымъ отъ господина Чернева, говоритъ онъ мнѣ, что приказалъ господинъ посолъ васъ спросить и зделатъ запыску, кто съ вамы въ Россию едетъ, и сколко слугъ, и повозокъ, и во оныхъ лошадей, дабы и о семъ къ канцлеру датъ знатъ для внесеныя въ вашъ пашпортъ; я тутъ у него вьзалъ перо и бумагу хатѣлъ было сприбавкою и поболше слугъ напысатъ, но господинъ Черневъ остановилъ меня въ томъ и говоритъ, что нѣтъ и ненадобно того дѣлатъ, дабы иногда не могло бытъ въ чемъ лыбо остановки, и лишняго въ препыскахъ затрудненія, а лучше де вы напишите всего поменше и тѣмъ окажетца лехче въ требовании, а вы говоритъ онъ, можете опосля самы изыскатъ способъ и людей надобныхъ вамъ ко услуженыю прибавитъ и вывестъ съ собою, почему я и напысалъ что еду съ женою и съ двумя тогда бывшимы у меня маленкими детмы, да две служанки, две повозки, и трое слугъ, каково количество потомъ и въ данномъ мнѣ пашпорте напысано.

Потомъ будучи я у господина Волкова и осмотревъ у него свою новую квартеру, немного тамо бавился пашолъ въ городъ, и спешилъ какбы поскоряе изъ города съ своимъ еквипажемъ выбратца и вытытъ на форштатъ, было то уже за польденъ въ начале втораго часа какъ я въ городъ пришолъ, однакъ не хотѣлъ я оставитъ чтобы мымоходомъ не зайтытъ къ моему приятелю, что банкеръ о коемъ выше часто я говорилъ, и обьявляю ему, что прехожу за городъ на посолской дворъ, прося его чтобы онъ никому о томъ не сказовалъ, что и обещалъ онъ здѣлатъ, я не хотѣлъ болѣе у него бавитца, дабы меня не могъ кто постороны тамо застатъ, пашолъ поскоряе на свою квартеру, нашолъ моего товарища хазяина дома, и онъ уже было отвобедалъ, однако и для меня найдено чего покушатъ, сказиваю я моему хазяину что сей часъ отьежаю въ свою дорогу, и спрашиваю сколко онъ съ меня за постой квартеры денегъ изволытъ требоватъ, однако онъ былъ столко доброй человекъ, что ничево взятъ не хотѣлъ, а сожалѣлъ что такъ скоро со мною разлучаетца.

Приказываю я слуге моему, чтобы онъ нашолъ людей трогоровъ для пренесеныя еквипажа, то было скоро зделано и трогори пришли, я имъ указиваю вздять еквипажъ и итытъ просто улицею съ слугою моимъ на Карнъ-торъ, куда въ слѣдъ за вамы и я сей часъ иду, и договорясъ съ нимы о заплате за ихъ трудъ, оны поднявши себы на плеча мой сундукъ и чамайданъ, увязавъ оное около себя веревкою пошлы, а простясъ съ хазяиномъ пашолъ въ слѣдъ за моимъ еквипажемъ, и вышедъ изъ города на площадъ догналъ я своихъ, оны остановилысъ, чтобы спочинутъ и селы на траву спрашиваютъ, тутли снятъ съ себя сундукъ и чамайданъ илы еще куда далѣ носитъ, а имъ показалъ что на форштатъ Иозефъ-штатъ, на что было поспорилы и итытъ не хотѣлы, а требовалы прибавки еще по десяты грайцаровъ, я имъ то обещалъ датъ, почему уже вcraлы и понеслы за мною, и пришедъ на дворъ къ господину Волкову расположился въ своей новой квартере, потомъ пашолъ я наверхъ къ господину Волкову, обьявылъ ему что я уже со всѣмъ къ нему въ госты пребрался.

Я тамъ нашолъ еще и другихъ господъ Россійскихъ, коихъ прежде не видалъ, люде молодые Галицинъ и Мусинъ-Пушкинъ, оны былы волонжирамы и на то время находылисъ въ Вьенѣ, мнѣ тутъ былъ случай съ симы господамы познакомитца; здесже на дворе у господина Волкова жилы еще при посолстве счисляющиесъ господинъ Левашовъ и баронъ Ашъ.

Мы всѣ тотъ денъ и до вечера были вмѣстѣ и проседѣлы въ разговорахъ оченъ долго, оны непрестано меня і много кое о чемъ спрашивалы и всѣ мнѣ были рады, и оказивалы свою приятностъ, и были тутъ у господина Волкова на ужине, а потомъ разошлысъ всякъ по своимъ квартерамъ.

Чтожъ меня принадлежитъ, то я почти всю ту ночъ до света не заснулъ отъ радосты, воображая себы, что какъ счастливо для меня дѣло зделалось, и что я отъ всѣхъ опасностей избегнулъ, для чего сталъ уже помышлятъ о своей дароге.

На завтрешни денъ въ часу адинатцатомъ посилаетъ ко мнѣ господинъ Волковъ своего слугу спрашивая о здоровыи и что онъ желаетъ меня видѣтъ и ожидатъ будетъ къ обеду, но такову приятному комплименту поспешилъ я на верхъ, где нашолъ всѣхъ тѣхъ господъ кои и вчерасъ тамъ были уже въ собраніи, оны принялы меня съ отменою ласкою и обедалы вмѣстѣ, а послѣ обеда кто охотникъ былъ селы игратъ въ карти, а другіе проводили время въ разговорахъ;

хадиды мы по саду, принесды намъ туда въ беседку чай пыть, на томъ и вечеръ проспѣла и пошлы на верхъ, тутъ обьявилъ мнѣ господинъ Волковъ съ приказаныя господина посла, чтобы я у него всякой денъ столъ имѣль и ненадобно де вамъ для себя ничего особливо готовить, и тако я все время моей тамъ бытности всякой денъ у господина Волкова обедъ и ужинъ имѣлъ.

Съ того времены мало по мало сталъ я съ симы господамы обходытца посмелѣе, а онѣ также показаватца мнѣ приятнѣе, при чемъ зачалъ я у ныхъ изъ разговоровь поньмать несколко руской языкъ, и когда накрыво что выговору, то оны направляють меня, и тако вь томь моемъ положеніи прошло семъ дней, я и не зналъ какъ тѣ дни минулы, выходь мой не былъ никуду болѣе какъ дома, и по саду хадыть.

Однѣмъ дномъ послѣ обеда навестилъ меня мой патронъ господинъ Черневъ, седѣлъ онъ у насъ въ собраніи до подъ самой вечеръ, дасковъ былъ ко мнѣ очень, спрашиваетъ каково мнѣ таперъ между рускимы жыть показалось, я ему отвечалъ обьявляя велыкое свое во всѣмъ удоволствие, и далѣ въступивши съ нымъ и спротчимы въ разговоры подало мнѣ случай отькрыть господину Черневу и привнатца предь ньмъ въ своей ошибке и о той первой учинѣной мнѣ оть него вьстрече, какъ онъ мнѣ показался неприятенъ, и какъ я отошолъ оть него съ велыкимъ огорченыемъ и о прочемъ всѣмъ томъ какъ я выше говорилъ.

Сеи господа всѣ кинулы на меня глаза свои и слушають, какъ я зачалъ говорить извыняя себя предъ нимы, говорю что какъ человекъ можетъ иногда въ людяхъ сперваго разу учиныть своимъ мнениемъ великую ошибку и зато я при окончаніи словъ моихъ просилъ у ныхъ, а особенно у господина Чернева прощеныя.

Всѣ сталы смѣятца повторяя мои слова, а господинъ Черневъ говорить мнѣ: не погневайся государъ мой, что вамъ моя встреча не понравылась, я де точно и объ васъ то самое заключалъ и вашь приходь не былъ мнѣ приятенъ, и болѣе думалъ что вы конечне кѣмъ ныбутъ ко мнѣ подосланы, языкь вашь немецкой подаль мнѣ причину о томъ сумнѣватца, для того что сколко мнѣ ни случалось вашихъ господь Сербовь выдѣть однакь ны одного не видѣль, чтобы такь хорошо тѣмъ языкомъ говориль какь вы, и потому сочель я васъ за Немца илы за Венгра, и тоть ваць абшитъ коего вы мнѣ показовалы, думалъ я что оной также для какова ныбутъ искушеныя чрезь васъ приславь, и

за что я, говорилъ господинъ Черневъ, его отъ васъ не принялъ и васъ отъ себя съ темъ отъправилъ, а таково сумнителство объ васъ имѣлъ потому, что зная какие строжайшіи отъ двора цесарскаго публикацій учинены во всѣхъ местахъ, чтобы болѣе нынкто не отважылся увольненія просить въ Россию, и что всѣ тѣ кои уволнены ужо давно поѣхали, а вы вьдругъ ко мнѣ вошлы и представлять сталы свое желание и что были удержаны, то я изъ тѣхъ вашихъ словъ посумнѣвался и за то недалъ никокой во удоволствие ваше резолуцій и повода своимъ ответомъ, дабы иногда кто неподумалъ что мы къ такимъ выходамъ дѣлаемъ наущеныи, и какъ вы отъ меня пошли, говоритъ господинъ Черневъ, то я на томъ точно мнѣніи и оставался даже дозавтрешнѣго дня, покудова вы опятъ ко мнѣ явилысъ, и прозбу свою повторилы, гдѣ ужь я и приметылъ, продолжалъ господинъ Черневъ свою рѣчь, что въ васъ сумнителства нѣтъ, и естѣ вы самы тотъ, которой о себѣ и проситъ, а потомъ, пребырая дѣла генерала Шевича, нашолъ въ спиcке афицерскомъ ваше имя, при которомъ отъмечено что удержанъ подъ арестомъ, но какъ тапѣръ всйо то сделано чего вы желалѣ и вы ужо сталы нашъ Россійской, то мнѣ съ вамы говорить яко съ своимъ откровено можно, и вы также извыните меня, говорилъ господинъ Черневъ, за учинѣную тогда отъ меня вамъ такую встречу; послѣ сихъ словъ мы другъ друга обьнялы и поцеловалысъ, и заключенъ союзъ дружества, онъ въ вечеру пашолъ къ себе, а мы осталысъ, проводилы еще время въ разговорахъ до ужини, послѣ коего разошлысъ вьсякъ въ свой пакой.

Такимъ образомъ проходыло мое время и ужо дней десетъ мынуло, стало мнѣ ужо скушно, что пашпорта моего такъ долго нѣтъ, и будто стало несколко во мнѣ воображатца страхъ, разсуждая чтобы иногда не сделалося въ томъ какое препятствие, хотя я и нахожусъ въ такомъ безъопасномъ местѣ и никто обо мнѣ что я тутъ не знаетъ, но пинулы меня мысли чтобы иногда отецъ мой тамъ вънызу помнѣтимъ меня исканіи, какъ я отъ полка непозволительнимъ образомъ отлучилося, немогъ чрезъ то пострадатъ.

Господинъ Волковъ сталъ примечатъ, что я не веселъ и увиделъ меня изъ своего окошка, что хожу самъ адынъ задумавшисъ по саду, сошолъ вънызъ и подошедъ ко мнѣ спрашиваетъ здаровлы я, я де изъ лыца вашего примечаю, что вамъ нѣчто естъ, я тутъ ему отькрылъ и сказиваю, о чемъ меня мысли мои тревожутъ, на то отъвечаетъ онъ, напрасно вы суетытесъ, а вашъ пашпортъ конечне чрезъ денъ илы два къ посланнику послу присланъ будетъ, и тако ходилы мы по саду

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] убѣгать.

[illegible] за годъ [illegible] въ свое [illegible] приятными словами. и притомъ спра[illegible] и какъ и когда [illegible] въ путь свой въ Россию. я отвѣчалъ, что [illegible] четыре, а въ путь свой въ Россию [illegible] ѣхать, однако намѣренъ еще [illegible]; мы оба: я и господинъ Волковъ, [illegible], а [illegible] обѣда простясь со всѣми у господи[illegible] квартеру, и сталъ надосуге читать мой пашпортъ, [illegible], что написано между протчимъ, что ея вели[illegible] всемилостивѣйше соизволела указать таков[illegible] учинить и то не во образецъ другимъ.

Тотже день писалъ и по почтѣ писмо къ отцу моему, уведомляя его, что уже пашпортъ и получилъ и что скоро къ нему буду.

Завтрешны денъ была Неделя *, говоритъ мнѣ господинъ Волковъ, что паедемъ таперъ къ обеднѣ вь городь, пустъ всѣ васъ увидятъ. Тамъ вь городѣ имѣютъ греки купци наемной дворъ, въ коемъ естъ болшой залъ, изъ коего зделана церковъ и держутъ на своемъ коште священыка, каторой имъ на греческомъ языке служитъ обедню.

Мы оба, я и господинъ Волковъ, селы вь карету и поехалы въ городь къ обеднѣ, скоро мы въ церковь вошлы, где уже всѣ люде собралысъ, и обедня зачаласъ, и какъ люде увидѣлы что секретаръ Россійского посла идетъ, то и зделалы учтивостъ уклонилысъ и далы намъ тутъ пройтытъ въпередъ къ левой сторонѣ къ олтарю, мы оба сталы возлѣ клироса, смотримъ мы чрезъ церкву на правую сторону, алъ стоитъ тамъ маиоръ Продановичъ и маиорша возлѣ его; говоритъ мнѣ Волковъ, кто ето таковъ тамъ стоитъ, я отвечаю, что ето тотъ маиоръ Продановичъ, что я вамъ сказовалъ, а ета бариня что возлѣ его кто она такова, я отвечаю Волкову, что ето естъ его супруга; смотрю я еще на ту сторону по людяхъ вижу, что немного отъ майора позады стоитъ митрополитскій секретаръ Ненадовичъ, поворотясъ я къ Волкову говорю, знаетель вы мытрополитскаго секретаря, Волковь говоритъ, что нѣтъ и здеслы онъ, укажи мнѣ его пажалуй, я по приметамъ лыца и на нѣмъ платья говорю къ Волкову, вотъ посмотрите тамъ то онъ, Волковъ не вдругъ туда повернулся, а мало погодя его узналъ.

Я часто възглядовалъ на маиора и на маиоршу, а оны обое также почти глазъ своихъ съ меня не снималы.

Предь окончаниемъ обедни говоритъ мнѣ Волковъ, какже вы мнѣ сего господина маиора хвалилы и я таперъ изъ лыца его примечаю, что ему надобно бытъ честному человеку, то и хачу я снымъ поздравытца, а вы при семъ случаи яко знакомой подойди со мною туда къ нему, между тѣмъ, какъ обедня кончиласъ и свещеникъ съ антидоромъ вышолъ, то Волковь подошолъ туда, и поворотясъ къ правой сторонѣ, мы оба подошлы къ маиору и къ маиорше, оны поостановилысъ, а Волковъ сталъ къ маиору говоритъ, вотъ ето мой другъ указывая на меня хвалытца вашею приязнью, для того и я, говоритъ Волковъ, при семъ случаи не могъ оставитъ, чтобь незасвидѣтелствовать вамъ мое почтеныя и желалъ бы вьпредь съ вамы бытъ знакомымъ; маиоръ тому былъ оченъ радь и благодарилъ, но далнего еще

---

* т. е. Воскресенье.

разговора не могло быть, потому что публика и всѣ смотрятъ, и натомъ разошлисъ, я съ Волковимъ какъ въ карету садилысъ, то маиоръ и маиорша вишедши изь церквы на насъ смотрелы.

Я тотъ денъ побулъ еще у господина Волкова и преночевалъ, а на завтре рано сталъ укладиватца, чтобы перейтытъ опятъ вь городь на квартеру, потому что болѣе нигде фурманчика искатъ къ отьезду какъ вь городѣ, и убравшисъ со всѣмъ пашоль къ господину Черневу чтобы съ нымъ простытца, подаетъ онъ мнѣ два запечатаные конверта пысаные отъ господина посла, адынъ на имя господина генерала аншефа Степана Федоровича Апраксина, а другой на—Петра Спиридоновича Сумарокова, и ктому еще и третей конвертъ въ государственную военную коллегию, и при подаче сихъ конвертовъ обьявляетъ мнѣ Черневъ, что во оныхъ сдѣдуемое вь мою рекомендацию оть господина посла пысано, и съ тѣмъ, простясъ я съ моимъ патрономъ господиномъ Черневымъ, пашоль къ Волкову и простясъ і съ нымъ, възялъ свою дорогу въ городь, и сталъ въ трактире тамъ, где и съ зачала приезда былъ.

Хезяинъ мой, какъ меня увидѣлъ, изьумылся человекъ и говоритъ, ахь Боже мой вы еще здѣсъ, и давнолы изъ Прешбурга приехалы, и сталъ мнѣ сказоватъ сколко тутъ меня искалы и ево спрашивалы, и что онъ ничего болѣе сказатъ не умелъ окроме, что я вь Прешбургъ поехалъ.

Я ему говорю, что оставимъ о прошедшемъ говоритъ и я вотъ сей часъ опятъ къ вамъ приехалъ и мнѣ квартера надобна, онъ говоритъ, изволте войтытъ въ ту самую, где вы и прежде былы.

Сие было въ тотъ денъ порано, и было мнѣ до обеда еще времены проходытца, для того пашолъ я въ кафейной домъ, випылъ две чашки кофи с молокомъ и заплативъ за оную денги, пашолъ къ моему приятелю купцу что банкеръ и уже безъ плаща, я съ нымъ увидѣвшисъ, говоритъ онъ мнѣ, сказивайте пожалуйте что и какъ ваше дѣло, вы де не знаете что етимы днямы какъ вы изъ города вышли, какъ тутъ васъ вездѣ искалы, и по всѣмъ местамъ изъ палыціи послание спрашивалы и кто васъ знаетъ, и кто не знаетъ и тѣ мнѣ о томъ говорилы, а вчерасъ вдругъ какъ васъ вь церквы съ секретаремъ Россійскаго посла увидѣлы, то еще болше люде говоритъ сталы, для чего я говоритъ мой приятелъ съ великою нетерпелывостию желаю знатъ, что съ вамы зделалосъ.

Я на тѣ моего приятеля слова говорю, вотъ другъ мой въ чомъ

мое дѣло совершилосъ и показивая ему пашпортъ, онъ какъ увидѣль болшую государственую печатъ, сердечно обрадовался и говорить, ну таперъ слава Богу всѣ опасносты уже мынулысъ.

Мнѣ не было много свободнаго времены съ нимъ говоритъ, а толко обьявылъ ему, что я уже преселился вь городь и сталъ на квартеры тамъ где и прежде быль у трактирѣ, и что спешу за городь на форщатъ (Ландь-штрасъ) къ маиору Продановичу обедатъ, а стобою другъ мой говорю ему, опосля буду далѣ разговоръ имѣтъ и сь тѣмъ пашолъ по улыце и за ворота городские къ маиорской квартери.

Выходъ мой къ маиору вь горницу былъ ему великимь удивленыемъ, онъ сидѣль съ женою на канапею, а какъ меня увидѣлы, то вскочилы обои ко мнѣ на встречу и говорить зачалы: о Боже мой, какъ вы съ собою рыскуете и какъ вы осмелилысъ съ господамы Россійскимы такь публично ездитъ, вчерасъ какъ мы васъ въ церкви съ секретаремъ Россійскимь увидѣлы, то показаласъ намъ та ваша смелостъ весма чудна, и продолжаетъ маиоръ речь свою говоритъ, разве вамъ вашей жизны не надобно, и что еще на послѣдокъ изь того будетъ? Вогъ знаетъ, воть ужо, говоритъ маиоръ, двенатцатъ дней какъ васъ нигде не видатъ и не слихатъ куда делысъ, вы не иначе какь вь воду пропалы, а объ васъ уже по команде представленые сюда вь Хофъ-Кригсъ-ратъ (военьі совѣтъ) прислано, и меня де говоритъ маиоръ объ васъ спрашивалы, незнаю кто бы то объ васъ слухъ разсѣялъ что вы здесъ, и я де отвечалъ, что знаю и васъ вездѣ ищутъ.

По окончаніи сего разговора, я еще не хотѣлъ маиору и маиорше сказыватъ, что я пашпортъ имѣю, а говорю аставимъ таперъ сеи слова, а будемъ опосля о томъ говоритъ, и пушай меня ищутъ, а я сево дня для того къ вамъ прийолъ, что хачу у васъ какъ у моихь приятелѣй обедатъ, и желалъ бы, говорю я, чтобы и митрополитеки секретаръ также здесъ быль, маиоръ и маиорша отвечалы мнѣ, что оны мнѣ искрено рады, а о секретаре говорятъ оны что я угадаль, ибо оны его къ обеду просилы.

Потомъ мы селы и велы свой разговоръ, я наиболще съ маиоршою шутѣлъ, упомыная прошедшие года и дни веселые, какъ я еще въ полку съ нымы въместѣ былъ и смеялысъ кое чему что происходыло.

Маиоръ примечаетъ мои слова и видитъ, что я оченъ веселъ, ходытъ по горнице въздадъ и вьперед и оборотясъ къ супруге своей говоритъ, посмотрижъ то ежелы у него чего нибудь да нѣтъ, онъ витъ

не дарма такъ резвитца, я отвечаю, что всему тому, что къ моем благополучию служитъ, знаю твердо, что вы яко мои приятелы рады и на сей часъ дла васъ сего будетъ даволно.

За симы нашимы разговорамы ужо и обедатъ время поспѣло настолъ набыратъ сталы, мало затымъ погодя идетъ и секретаръ ми рополитски, онъ къ намъ вошедши поздравылся съ маиоромъ и с маиоршою, а потомъ и ко' мнѣ лыце свое повернулъ, спрашивает о здаровыи и говоритъ, какъ давно онъ меня не выдалъ, а при том выговорилъ, что я думаю вы ужь хорошо таперъ и по руски гов ритъ умѣете (оно то значитъ, что онъ меня вчерашни денъ въ цер квы съ Россійскимъ секретаремъ видѣлъ).

Я ему отвечаю, что на сие время несколко того языка я уж понялъ, а можетъ бытъ говорю ему, что впредь еще лучше вы чусъ, онъ далѣ не сталъ ничего говоритъ, а я также оставылъ его в сторонѣ, а наиболшъ разговоръ я имѣлъ съ маиоршою.

Селы мы всѣ за столъ и окончивши обедъ встали и ходилы в горнице, а потомъ подьнеслы намъ кофи, и то кончивши пришло уж тогда время, чтобы съ секретаремъ поговоритъ и укоритъ его по е поступке, для чего и зачалъ я ему сіи слова говоритъ, что зная е каковъ онъ мнѣ естъ доброжелателъ, и что тогда какъ я сюда въ В ену приехалъ, пожаловалъ онъ ко мнѣ на квартеру, спрашивалъ з чемъ я въ Выену приехалъ и отозвался своимы словамы, что въ сл чае моей надобносты по дѣламъ у здешныхъ господъ беретъ онъ себя трудъ мнѣ помагатъ, и говорю ему, что я какъ и въ то вре вамъ на вашу пропозицию отвечалъ, что какъ скоро съ дѣламы св имы пособерусъ, то намеренъ конечне первее вамъ о своемъ дѣл обьявыты, почему нинѣ будучи я уже всио изготовылъ, то и не х тѣлъ оставытъ чтобы своего слова не удержатъ, и вамъ первому оно показатъ, я желалъ, говарю ему, сево дни какбы васъ найтытъ и мо дѣло вамъ представытъ, а какъ довелъ случай намъ здесъ сойтытца то и предпринимаю о томъ васъ трудытъ и прошу васъ то мое дѣ пресмотрѣтъ и не найдетелъ вы еще чего недостающаго илы иног чтобы вы пременитъ моглы, при чемъ выинялъ мой пашпортъ, пода ему и говорю, вотъ государъ мой вчомъ всио мое дѣло состоитъ.

Онъ смотритъ, что я ему такъ выговорылъ, ничего не отвечает а взялъ отъ меня пашпортъ развернулъ и сталъ читатъ, куда и ма оръ подошолъ и слушаетъ где тотъ читаетъ, оны оба языкъ немец даволно разумѣлы.

Я отъдавши секретарю пашпортъ повернуйся къ маиорше, взялъ ее за руку, говорю пустъ оны читаютъ, а мы пойдемъ вь ту другую горницу.

Маиорша пошла со мною и спрашиваетъ меня, что етакое вы подалы секретарю, я говорю ей, а вотъ тотъ часъ узнаетѣ судариня о всѣмъ томъ и о притчине моего сюда въ Выену приезда, между тѣмъ оны ужо пашпорть прочлы і идутъ къ намъ.

Секретаръ подаетъ мнѣ пашпортъ обратно и сталь было говорить, но я прерваль его слова и зачаль самъ къ маиору и къ маиорше говоритъ: какъ я изь давнаго времены имѣю честь с вамы знатца и всегда пользовался вашею приязнью, и сколко напротивъ того я къ вамъ отъ искренносты безъ всякаго лицемерия истиньымъ быль приятелѣмъ о томъ уповаю, что и вы самы засвидителствовать можете, таперже пришло время за всѣ ваши оказываемые мнѣ благоприятствы вамъ поблагодаритъ, и ужъ то время пришло, любезние мои приятелы, говорю я маиору и маиорше, чтобы свамы простытца, а можетъ бытъ и на весъ векъ болѣе не доведетца имѣтъ съ вамы свидание, вы слишилы, говорю я къ маиору, что Россия атъселъ естъ весма въ далнѣмъ разьстоянii, куда судбына моя ведетъ и назначиваетъ мнѣ тамо новое мое отечество, где и пребывание мое вечно уже будетъ. Хотя я свамы нинѣ и разстаюсъ, но вѣрте мои любеаные приятелы, что где бы я нибылъ то не престану никогда я васъ любытъ и почитатъ, и останусъ на весъ векъ мой къ вамъ такъ преданимъ, какъ вы меня знаите, и желатъ вамъ буду всякаго благополучия и счастыя, а васъ прошу въ заимностъ съ стороны вашей также хотя помнытъ и скажите, что вы меня нелицимернога друга себы имѣлы и простыте, я ужь чрезъ дня три вь свою путъ отьправляюсъ.

А потомъ повернулоя я къ секретарю и говору ему, а вы другъ мой оставайтесь съ Богомъ и будте увѣрены, что я нимало на васъ злого сердца не имею, а знаю даволно, говорю ему, что сколко вы котѣлы дѣлатъ мнѣ препоны, и вслѣдъ за мною ходилы, но всио то ужь судбына моя прекратыла и сохраныла меня невредима, вы не подумайте говорю я ему, чтобы вьзаимно я вамъ чего худаго жалалъ, а болше вертѣ что я съ вамы разстаюсъ таперъ такъ, какбы оть васъ я никакихь досадь не имѣль.

Секретаръ изьвыняя себя предо мною своимы словамы говорить зачалъ, вы де государъ мой можеть быть имѣлы какое сумнителство и подозревалы на мены, какъ я таперъ оть васъ слышу, да иногда

приметыль я изь словь вашихъ, что вы отьвѣтомъ вашимъ разумѣт подавалы, но я божусъ честию, что съ стороны моей противъ вас ничего не было изь злосты, я съ вамы речь имѣлъ точно изь приязн и сожалѣлъ толко, дабы иногда не моглы вы себя подвергнутъ каком лыбо несчастыю, а мнѣ говориль онъ, по моей должносты, инаков и говорить не можно, таперже какъ вы уже желаемое получилы, т и желаю вамъ оть искренносты моей счастливаго путы, а меня па корно прошу, говорить онъ, сочесть вашимъ приятелѣмъ, какъ я в всю мою жызнъ хачу таковымъ къ вамъ быть.

И тако мы всѣ тутъ простилысъ, оказывая приятствомъ друг другу възаимние поклоны, маіоръ и маіорша обьнялы меня рукамы и не моглы оть слезъ болѣе чего говорить, какъ что желая мнѣ всякаг счастыя, и съ тѣмъ я у ныхъ отклонясъ пошолъ на свою квартеру и сталъ готовитца въ дорогу.

На завтрешни денъ рано послалъ я своего слугу на заездны домы изискатъ фурманщика, котораго и нашлы, я съ нымъ договорылся за свозъ меня до города Будима и далъ въ томъ задатокъ, а чрезъ денъ чтобъ совсѣмъ изъ Выены и выехать.

Тотже денъ пришолъ ко мнѣ маіоръ Продановичъ седѣлъ у мен и просилъ, чтобъ еще ихъ не оставытъ и зайтитбы къ нымъ, я то обещался зделатъ мымоездомъ, какъ отъежатъ буду.

Тотже денъ простылся я еще и съ моимъ приятелѣмъ купцом что банкеръ, а на завтрешны денъ и совсѣмъ изъ Выены въ свою путъ отьправылся, не оставылъ я обещаные свое исполныть и заехалъ къ маіору Продановичу и простясъ съ нимы обеима поехалъ въ свои путъ.

Четвертымъ днемъ поспѣлъ я въ городь Будимъ и сталъ на квартеры въ адномъ по болшой улыце трактире, где бавился всего адин денъ покудова другова фурманщика нашолъ, а также и въ тамошныхъ теплыхъ водахъ мылся (сіи воды въ томъ городе почитаютца за весма здаровые и исцелителные); таковыхъ домовъ, нарочито для того зделаныхъ въ самомъ городе, главныхъ есть четыре и всѣ каменьное хорошое строеные подъ горою называемою Герзелезъ, изъ которой труба мы въ тѣ дома приведена горячая и холодная вода, въ тѣхже домахъ окроме общей баны еще есть понесколко особливыхъ покойковъ такихже, что вода горячая и холодная приведена, где ежелы кто пожелаетъ особливо мытца то можетъ имѣтъ.

На завтрешни денъ оставылъ я городь Будимъ, преправылся чрез реку Дунай на другую сторону въ городь Пешту, и не оставылъ мымо

ездомъ чтобъ не побыватъ у моего приятеля купца Георгия Раиславлевича, у коего я первее былъ, и простясь съ нымъ възялъ свою путь къ Петроварадину, куда четвертымъ днемъ поспѣлъ.

Приехавши туда еду прямо къ отцу своему, нашолъ ихъ всѣхъ въ доме здаровыхъ, приездъ мой скоро въ городе былъ изъвѣстенъ, и зная что послѣ моего отътелъ выезда какая тревога была и какъ меня вездѣ искалы и что никто не зналъ куда я подѣлся, а тутъ въдругъ какъ услышилы что я приехалъ, то всякъ желалъ изъ приятелѣй моихъ поскоряе со мною выдетца.

Таперъ сталъ я уже готовытца въ далную свою путъ и поспешалъ всячески исправытца потребнымъ еквипажемъ и лошадмы, и чтобъ успѣтъ еще той осены выехатъ, я подредылъ у каретника, чтобъ зделатъ новой крытой палубь и другу повоску для поклажи, а также и карету четвероместную, кою я имѣлъ чтобъ поисправитъ, а лошадей далъ мнѣ отецъ въ карету шестъ вороныхъ молодыхъ жеребцовъ своего стада, а къ оным потребное число еще лошадей, въ палубь пять а въ повоску тры, взялъ я своихъ коихъ я имѣлъ да верховыхъ две лошады, въ карете жеребци мои были славние и росту болшаго, я опосля будучи уже въ Россіи имѣлъ лошадей много, толко таковыкъ каковы тѣ были не имѣлъ.

Досталъ я хорошихъ и надежныхъ слугъ, кои пожелалы со мною въ Россію итытъ, а особливо кучера такова человека, какова редко гдѣ видѣтъ можно, и естлибы не сей кучеръ у меня былъ, то бы я въ такой трудной дороге съ моимы жеребцамы много заботы имѣлъ в никтобы другой онимы управлатъ не могъ, такъ сылние то лошады были.

Все подлежащее къ путы моему разпорядылъ я чтобъ было исправлено, и покудова то делатца будетъ, то тѣмъ временемъ поехалъ я въ полкъ, чтобъ явытца у моего бывшаго полковника, какъ я къ нему при отьездѣ моемъ изъ Петеръварадина и пысалъ, что для отьданыя ко ротѣ моей отьчета явытца во свое время къ полку буду, забралъ я съ собою и свои пысменые дѣла и прибылъ въ полкъ въ штапъ квартеру.

Сталъ я у полковаго квартирьмейстера, онъ былъ немецъ и коротко мнѣ знакомъ и всегда дружился со мною, сей какъ скоро меня увидѣлъ встречаетъ меня своимы словамы и говоритъ, для Бога где вы были, вотъ завтре третая объ васъ публикация наряжена, которая уже и последняя будетъ, и естлибы не явилысь на сей срокъ то ужъ приуготовленъ вамъ процесъ.

Говорю я ему, что не такъ еще страшно какъ вы себы воображаете, онъ на то отьвечаетъ, оставте вы ваши шутки на сторону и пойдите поскоряе явытесъ у полковника, вы де увидите какая вамъ отъ него вьстреча будетъ, онъ на васъ чрезвычайно сердытъ и едвалъ обойдетца, чтобъ вы небыли арестованы, я насмеялся говорю ему, что, можетъ бытъ намереные господина полковника и было таково, но ты, другъ мой увыдишъ, говорю я ему, какъ господинъ полковникъ на противо того будетъ ко мнѣ ласковъ а колы не веришъ, то пойди со мною и увидишъ, потомъ оделся я въ свой отъ прежняго полка гусарской мундиръ пашолъ къ полковнику, онъ видно ужо зналъ что я приехалъ, вьстретылъ меня весма гордо и сердытимъ выдомъ, при чемъ зачалъ репремандние слова мнѣ выговариватъ, обьвиняя меня за самоволную отъ полка отьлучку, и что онъ ужо определылъ надо мною произвестъ слѣдствие и учинытъ процесъ, и повелѣваетъ меня арестоватъ.

Я выслушавъ всѣ ево слова, и далъ время покудова сердце его несколко отошло, зачалъ тогда я ему говоритъ сіи слова: прашу господинъ полковникъ теперъ меня выслушатъ и везмите на несколко мынутъ терпение; лышъ толко что я сие выговорилъ, то онъ еще болшъ осердился и зачалъ было громчее перваго кричатъ и отсылаетъ меня подъ арестъ, на то принужденъ я былъ поближе къ нему приступытъ и повторятъ сталъ мои слова, говорю ему, что етому господинъ полковникъ уже бытъ нелзя и вы меня арестоватъ не можете, а вислушатъ меня что я вамъ говоритъ хочу вы должны; тогда онъ какъ я сие сказалъ остановился и говоритъ, ну что вы мнѣ говоритъ хотыте, я сталъ предъ нымъ съ учтивостию и зачалъ говоритъ, что я вамъ пысалъ изъ Петеръварадина о томъ, что явытца во свое время въ полкъ буду для отьдачи о бывшей моей ротѣ щета, таперъ то время и пришло, и я для того таперъ приехалъ, а при томъ говорю я ему, хочу вамъ донестъ, что я уже не состою въ здешнѣй службѣ и въ вашей каманде, а имѣю я по моему прежнѣму абшиту отъ двора Австрискаго уволнытелны пашпортъ въ Россию, и сие выговоривши подаю я пашпортъ полковнику.

Онъ взявши тотъ пашпортъ развернулъ и зачалъ читатъ и сталъ въ пенъ предо мною не говоритъ ни слова, а потомъ согнувши плечамы пременился изъ яросты въ учтивые слова, зачалъ тико и ласкаво говоритъ, вы де конечне счастливы родилысь и ваша судбына и фортуна велыка, етакую отьвагу говорилъ онъ и что многократно рысковалы съ собою, то редко кому другому удалесъбы счастливо

наконецъ выгнать, я де тапер̃ъ вижу, что вы всѣ строгосты упредилы и освободилы себя, желаю вамъ всякаго счастыя и благополучия!

Послѣ сего прошу я полковника, чтобъ онъ приказалъ о бывшей моей ротѣ со мною подлежащей щетъ учиныть, а потомъ доводящеесъ къ полученыю мнѣ жалованые выдатъ, онъ тотъ часъ отъдалъ въ полкъ приказъ, требуетъ рапортовъ, не состою лы я кому чѣмъ долженъ, а въ роту мою напысалъ о томже особливой ордеръ и повелѣваетъ со мною щетъ учинитъ.

Я тотъ денъ остался у полковника обедатъ, и покудова еще я тамъ до моего отъезда бавился, то просилъ меня полковникъ чтобы всякой денъ у него при столу бытъ.

Промедлылъ я тамо въ полку дней шестъ, покудова все подлежащее дело кончилъ и свое жалованые по денъ моей отъ полка отълучки получилъ, а потомъ простясъ съ полковникомъ и со всѣмы афицерамы кои тамо случилысъ, всѣ меня дружески проводилы, а особливо подполковникъ баронъ Рытъ крайнѣ сожалѣлъ, что я изъ службы тамошнѣй вышолъ, и съ тѣмъ я исполка поехалъ.

Дарогу свою мымоездомъ възялъ я по своей роднѣ, где кто по путы мнѣ случился и простясъ со всѣмы, заехалъ на послѣдокъ къ старику дядѣ моему полковнику Секулы Витковичу, у него я былъ два дни, пысалъ онъ пысмо къ двоюродному брату своему въ Россію, тогда бывшему бригадиру Стефану Витковичу, каторой изъ Цесаріи вышелъ прежде еще, нежелъ я родылся и дослужился въ Россіи того чина, однако по приездѣ моемъ въ Россию я его не выдѣлъ, ибо онъ тогожъ времены уже будучи въ старосты скончался, отъ коего и потомковъ не осталосъ, супруга же за нымъ была изъ Смолѣнскаго шляхетства изъ дому Енгелъхартова, звалась Ѳедора Николаевна что прежде за мужемъ была за Апостоломъ, что въ Малой Россіи.

Я простясъ съ дядѣю моимъ и съ всѣю его фамылиею поехалъ обратно въ Петръварадынъ, не оставылъ я чтобъ не бытъ у тамошнѣго отъ крепосты оберъ коменданта, которой мнѣ былъ доволно знакомъ и меня любылъ, онъ старикъ былъ уже около восмидесѣтъ лѣтъ назывался баронъ фонъ Елфеньрейхъ.

Сей достойной старикъ принялъ меня весма ласкаво, а какъ я ему сказалъ, что я не хотѣлъ промынутъ чтобъ съ нымъ непроститца и что увольнителны пашпортъ имѣю въ Россию, то онъ о томъ дивовался много и сожалѣлъ, говорилъ къ случившимся тогда у него отъ крепосты господамъ, вотъ какие мы ошибки дѣлаемъ, отъпускаемъ стакихъ достойныхъ и болшихъ фамылиевъ людей въ чужое государ-

[illegible]

[illegible] 1793-го [illegible] въ свой путь.

[illegible] была у меня двоюродная сестра [illegible] была родная дочь [illegible] о которомъ я прежде говорилъ.

[illegible] переночевавши я по утру простясь со всѣми, [illegible] и я уже самъ съ женою и съ маленькими [illegible] дѣтьми, две служанки и семь человекъ слугъ поехалъ далѣ.

[illegible] и путь свой съперва небольшими переходами, а [illegible] и растахи дѣлалъ, нарочно для того, чтобы молодыхъ своихъ [illegible] не утомлять, и все у меня шло порядочно и хорошо, [illegible] тутъ встретыло меня первое приклю[illegible], [illegible] время стало дожжливое и ветри холодние, а венгерская

...пь и пустыня голая, чрезъ которую мнѣ проежатъ надобно, а се... хотя и состоятъ, но одно отъ другаго подалеко, для чего я вьстаалъ поранѣе съ намереныемъ уже по болше преходы делатъ, и о ...ъ еще съ вечера слугамъ приказалъ, чтобы и оны рано вьсталы, ...лошадей накормытъ овсомъ, а потомъ и шоры на ныхъ накладатъ, ...о оны и здѣлалы, и кучеръ мой по его прилежносты зачалъ всио ... дѣлатъ что ему приказано и вьсталъ ранѣе всѣхъ другихъ слугъ, и ...ры какъ накладатъ хотѣлъ тронулъ рукою цуговаго журебца, а онъ ... тотже часъ обеимы заднимы ногамы ударылъ кучера вь грудь, отъ... кучеръ мой упалъ на землю за место мертваго, тутъ прибежалъ ...инъ изъ слугъ обьявляетъ мнѣ что зделалосъ, я скоряе туда въ ко...шню прибежалъ и нашолъ кучера простертаго на землѣ безъ чув... и безъ дихания; таперъ можешъ мой читателю поверитъ каково ...ѣ въ тотъ часъ было, а одно что танова добраго человека почи... я уже потѣранымъ, а друго тронуло меня жестоко, что будучи ...дороге зделалъ мнѣ такое приключеные и въ такой пустинѣ, где ... какой помочи сискатъ не могу, окроме толко хазяина, у коего я ...валъ и которой никакой надежды не подавалъ, а гледѣлъ толко, ...бы у меня получитъ за плату, за ночлегъ и за фуражъ, и за сьестное ... давалъ, и какъ видѣлъ случившееся съ кучеромъ моимъ, и узналъ ... мнѣ тутъ будетъ должно забавытца, то онъ безъсовестной (онъ ...герь) тотъ часъ зачалъ говоритъ, что илы выежайте, илы когда ...мерены еще здесъ забавытцъ, то какъ за постой такъ и за все про..., что я у него буду братъ долженъ буду заплатытъ вь двое про... перваго, принося въ резонъ, что другой никто изъ проежыхъ ... будетъ места имѣтъ где статъ, а сие онъ изобрелъ себы въ про...тъ, потому что на томъ местѣ гдѣ мой ночлегъ былъ не состояло ... никакова селения, окроме толко тотъ адынъ заездной домъ да ... то не совсемъ выгодно.

Я ему отьвечалъ, чтобы онъ о его претензіи ни мало не сумнѣ...ся, и что онъ всио то получитъ чего требуетъ, и говорю ему, не...учай мнѣ пажалуй, я не уеду чтобы стобою нерасплатытца да ти ...дишъ, какое мнѣ приключеніе здѣлалосъ, и бросилъ болѣе съ нимъ ...ворить, а приказиваю слугамъ чтобы скоряе внестъ кучера ко мнѣ ... горницу.

Слуги взялы и простерлы попону и превалилы на оную пома...ку моего кучера, и понеслы вь горницу где принесено сено на ...дстилку, однако болной ничего и ни мало не подаетъ знаку, чтобъ ...ъ еще живъ былъ, я смотря на его не могъ отъ слезъ воздержатца, на

послѣдомъ дѣлатъ было иного ничего, окроме старатца узнатъ перве живъ лы еще онъ, а потомъ употреблятъ средствы къ его помочи.

Горница, въ которой я ночевалъ и где болной лежитъ, была доволно тепла, однакъ велѣлъ я еще затопытъ, потомъ велѣлъ слугамъ помаленко разстегнутъ съ кучера поясъ и пуговицы на камзоле, каторой въ два места отъ подковъ былъ разодранъ, и какъ сие слуги зделалы что имъ я приказалъ и показаласъ вся рубашка въ кровы и на самыхъ грудяхъ опухлъ и знаки отъ подковъ, отъ которыхъ одна ударила видно покрепче, даже что шыпъ адынъ въ тело вошолъ и рану болшую зделала, изъ которой и кровь шла, а отъ другой подковы знакъ синѣй былъ, такова нужда заставила меня бытъ лекаремъ; я тотъ часъ велѣлъ служанкамъ моимъ, чтобы съгрѣтъ отрубей съ уксусомъ и тѣмъ зделалъ непрестано припарку, а ктому употребылъ и другое средство, которое на всякъ случай въ дороге, а наиболѣе мысли мои были для лошадей, чтобы имѣть съ собою канфорной спиртъ, коего я изъ Петеръварадина взялъ штофъ целой, и сей часъ послужилъ моему болному наилучшимъ лекерствомъ.

Я взявши того спирта вылилъ на платокъ, потеръ болнаго по лицу, по рукахъ и поднесъ къ носу, и то непрестано обще съ припаркамы продолжалъ болѣе однаго часа, послѣ чего сталъ немного на руке пулсъ являтца, коего прежде нымало ни было приметно, сему знаку весма я обрадовался и говорю воокругъ меня стоящимъ слугамъ, что живъ и чтобы припарки одно за другимъ подавалы.

Такимъ образомъ производылъ я мое лекарское искуство отъ самаго утра и даже за полъденъ до втораго часа, тутъ уже мой болной началъ дихатъ и не много ворушитца, но говоритъ ни слова не могъ даже до вечера, а въ наступывшую ночъ сталъ стонутъ и немного говоритъ, показивая рукою на грудь боль свою, а повернутца никакъ не могъ ны самъ ни чтобы кто его трогалъ.

Въ такомъ положеніи болной мой провелъ всю ту ночъ и до утра, и хотя ему на другой денъ было и полехче, и уже понемногу седѣтъ могъ, но ехатъ мнѣ было нѣкакъ не можно, а принужденъ былъ тамо на томъ местѣ простоятъ трое сутокъ, покудова мой кучеръ могъ уже понемного ходытъ.

На четвертой денъ видытъ онъ, что замедлилы на томъ местѣ долго а ехатъ надобно, то самъ сталъ о томъ говоритъ и обнадеживаетъ, что можетъ на козле сидѣтъ и лошадмы правитъ, я с моимъ безъсовестнымъ хазаиномъ расплатылся и за всио въ двое съ меня взялъ, и тако поехалы мы отътуда помаленку, и всио шагомъ, потому что мой кучеръ хотя и надѣялся здаровыемъ бытъ получше,

однако едва могъ сидѣть и поспешно ехать никакъ было не можно, и мы тотъ день не болѣе моглы уехать какъ двѣ мыли, и заначевалы опять вь пустинѣ, вь одномъ заездномъ доме илы карчме.

Отътуда намъ былъ въпереды городь Сегединъ еще въ трохъ мыляхъ, куда въ завтрешни денъ въ поздую ночь едва доехать моглы, одно что кучеръ весма слабь, а друго что дождѣ силно въ тотъ денъ шолъ и зделаласъ грязь превелякая.

Мы какъ ужъ подъ городь подъехалы и между сады вошли, а зделаласъ такая темнота, по коей не зналы куда ехать, то принужденъ я бытѣ проводникомъ, селъ на верховую лошадь, остановылъ карету на томъ местѣ, самъ съ одныимъ слугою поехалы несколко въпередѣ рассматриватъ дорогу, и по известноты мнѣ того города, какъ я еще въ училище тамо былъ, а потому доводылосъ еще во ономъ разъ и другой бывать, то потому и по приметамъ местъ угадалъ хорошо, и вернувшисъ велѣлъ каретѣ и обозу за мною ехать, и приехавщи къ адному известному мнѣ трактиру остановылся и сталъ у ворота стучатъ, хазяинъ то услышавши отозвался спрашивая чего надобно, и узнавъ что госты къ нему заехатъ хотятъ, отвориль ворота и побежалъ скоро вь свои пакой, вынесъ фанаръ съ свечою, приняль насъ харашо и отведъ для меня особливую горницу, а для людей другую и затопилъ въ обе скоряе, а потомъ сискалъ для насъ и ужинъ, и тѣмъ провелы мы ту ночь съ покоемъ.

Въ томъ городе простоялъ я поневолѣ три дня, дабы тѣмъ временемъ попользовать моего кучера, для чего рекомендовалы мнѣ адного лекаря, за коимъ послалъ я съ прозбою, онъ тотъ часъ пришолъ и на первой случай пустылъ изъ руки кровъ и далъ мазъ и фластыръ, отъ чего ему лучше стало и вь дарогу пустытца была надежда; я для сего человѣка принужденъ былъ всѣ средствы употребытъ къ его пользованью, дабы иногда по слабосты здаровья не отсталъ отъ меня, одѣлъ и его какъ можно потеплее и възялъ оть лекаря поболше той мазы и фластера, поехалы въ свою путъ.

Отъ Сегедина къ Токаю была намъ дорога весма трудна и грязь превеликая, а дожды почти ежедено шлы.

Приехалы мы ужъ вь городь Токай, вь которомь было мнѣ известно что находитца Россійской маноръ прозивался Николай Жолобовъ, онъ тамъ былъ съ командою у покупки ко двору венгерскихъ винъ, къ коему я на утрейшни денъ пашолъ и обьявилъ о себе, что еду въ Россію, приняль онь меня отьмено ласково, и тотъ денъ я у него обедалъ.

Въ Токаѣ простоялъ я одынъ денъ, а тую ночь какъ на завтре

Жидовъ окрыкъ, почему всѣ мои люде вскочилы, куда и я къ нымъ на дворъ вышель и спрашываю имъ что было.

Мы всю ту ночь до свѣта уже нымало не спалы, и дождавши свѣтъ поѣхалы далѣ, и тотже день едва выбралисъ изъ той пропасты и прибылы чрезъ границу на Полскую сторону, где первое намъ полское местечко было называетца Дукля, въ которое въ вечеру мы приѣхалы, и сталы вь одной болшой жидовской корчме.

Въ семъ местечке простоялъ я двое сутокъ, адно чтобы прековатъ лошадей а друго, чтобы и люде одъ трудовъ моглы спочинуть, где уже насъ и снегъ встретилъ и зыма настояща стала.

Изъ Дукли какъ мы поехалы, то показалосъ намъ дарога гораздо полехче, хотя и былы горы и преправы трудние, да всѣо несравнено противъ венгерскихъ горъ и тамашнихъ проходовъ, и тѣмъ еще способнѣе чрезъ Полшу ехатъ, что селение частые, а ктому болшие заездние домы съ сараямы, каторие подаютъ проезжающимъ людямъ великую выгоду и за денги вездѣ и всѣо достатъ можно, что толко кому надобно, и тако доехалы мы до города Жулквы, где простоялы однѣ сутки.

Отътуда выѣхавши была намъ дорога трудна и досадна, потому что частие преправы и мосты, какъ обыкновено въ Полще мало о томъ стараютца чтобь дароги исправни были, а снегъ встречалъ насъ всякой день, и зима уже настояща стала, то съ великою трудностию едва до города Броды доехать моглы.

Я вздумалъ было тутъ вь Бродахъ оставатца чрезъ всю зыму по притчине невозможносты вь ездѣ, но какъ сталъ свой щотъ сводытъ и увидѣлъ, какая бы сума денегъ чрезъ всю зыму мени стоило, а к тому еще и то, что Поляки по ихъ тогдашнѣй гордосты и недоброжелателству къ Россіи, какъ на многихъ местахъ доволно о томъ я узналъ, то и отъложилъ я таково намеренье простоявъ толко тамо вь Бродахъ трое сутки, чтобь лошадей покормытъ, пустылся опять вь дорогу.

По выездѣ изъ Бродовъ продолжалъ ежеденно свою путь съ превеликою трудностью, и по такой несносной стуже и заметынахъ едва, едва могъ до местечка Хвастова достигнуть, где по притчине болшой метелицы простоялъ два дни, тамъ сказиваютъ мнѣ, что уже граница Россійская недалеко и что прямою болшою дарогою на первой и главной карауль, где обыкновено пропускъ бываетъ, называемой Василковъ, въехатъ не можно, не знаю покакой притчине тогда тотъ пропускъ былъ запертъ, а надобно было ехатъ вправо повыше на другой караулъ и пропускъ называемы Шелеговка.

Меня сіи весты, что Россійская граница уже не далеко, побудили, чтобь небавитца а ехатъ и достигнутъ до желаемаго, для чего и поднялся въ дарогу, а чтобы езда была мнѣ безъ остановки и утрафиты просто къ тому Шелѣговскому форпосту дарогу, то нанымалъ я отъ места до места себы проводниковъ, и съ тѣмъ изь местечка Хвастова выехалъ, а принужденъ былъ по весма холодному времены, и что худая дарога дѣлатъ не великие проходы, отъ чего а также что снегъ болшой напалъ и заметины, чрезъ каторие мнѣ первому довелосъ пробыватца и дарогу самъ себе дѣлатъ, то на многихъ местахъ не иначе, а тонулы совсѣмъ съ каретою и с лошадмѣ въ снегъ, напослѣдокъ съ тою нуждою поспѣлы на тотъ Шелеговски форпостъ.

Насъ тутъ предъ рогаткою остановилъ часовой, коего какъ я увидѣлъ въ какомъ онъ убранстве быль смутыло меня чрезвычайно, я того не зналъ прежде, что вь Россіи естъ особливыя гарнизоные салдаты, а почиталъ какъ и въ Цесаріи, что всю адно оть армыи салдаты, то и подумалъ я, что и всѣ протчие таковы будутъ; сей часовой сидѣлъ у рогатке вь своей часовнѣ илы бутке, коя была обвернута старимы рогожамы, на себѣ онъ имѣлъ старой изодраной кожухъ, поверхъ коего имѣлъ шерстяную бурку, а на ногахъ лапты и на голове съ ушамы шапку, мужикъ оброслой весъ въ бородѣ, въ престарелыхъ уже летахъ.

Онъ какъ насъ остановылъ, то зачалъ кричатъ до своихъ, кои за рогаткою были въ караулной избе, отьтуда вышелъ капралъ не въ лучшей форме, а такъ какъ и часовой, спрашиваетъ, кто таковъ едетъ и отъкуда, мы кое какъ разуметца могли, и я какъ ему о себе обьявылъ, то пашолъ онъ рапортоватъ своего капитана, и покудова сие происходыло, принужденъ я былъ тутъ у рогатки простаятъ на холодному ветру болѣе адного часа, на послѣдокъ въпустилы насъ вовнутръ границы и показалы квартеру въ адной холодной карчме, где я и расположился.

Путъ свою отъ Петеръварадина, какъ изъ дому выехалъ по сие место, продолжалъ я съ раздихамы ровно шестьдесятъ дней, а приехалъ на границу Россійскую тогоже 1753-го года, декабря месяца дватцатъ втораго дня. Вотъ таперъ я уже въ Россіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Къ читателю.

Лѣстная сего свѣта жызнь побуждаетъ человѣка предьпринять на себя трудъ, отьвагу, страхъ, не щитая ны во что внурение своего здаровья, а толкобь достигнуть до желамаго, и тѣмъ почитаетъ себя уже на высокой степены своей счастия, но сие есть слѣпо, а должно сказать, что счастливѣйший можетъ назватца тотъ, которой при всѣхъ своихъ трудахъ обратытъ предприятие свое съ добримъ намереньемъ, не выдетъ притомъ изъ граныцъ благопристойнства, і здѣлаетца полезнымъ отечеству и своему государю, и оставытъ по себѣ всѣ добрие дѣла.

На противожъ того какъ можетъ бытъ вредно, что иногда по навичке а иногда отъ вольнаго корны родывшихся, или отъ худаго воспытания въсеетца въ человѣка злонравые, мшхоимство, гордость, велыкое честолюбые и ненавысть къ къ ближнѣму своему.

О семъ, что значитъ и о комъ мысли мои идутъ, можно будетъ усмотрѣтъ въ разныхъ страницахъ сего сочинѣныя.

Говорилъ я о самомъ себе въ первой часты сей моей повесты, въ каторой изъяснылъ о всѣмъ случившемся со мною будучи въ своемъ отечестве и вь службе австрiйской, также по выездѣ мое отьтелъ и слѣдуя въ дароге до границы Российской что случалось, но въ тѣхъ молодыхъ лѣтахъ въ каковыхъ я тогда былъ сколко понесъ я труда, страхъ, препоны разные, каторое всио некоторимъ образомъ предъвозвещало мнѣ, что и напредьбудущее время тому подобное или и болше, счастие и несчастые, со мною вьстречатца будутъ, но однако ничто меня отъ моего предьприятия удержатъ не могло, и слѣдовалъ путемъ за своею фортуною,

Спешилъ я какбы скоряе достигнутъ по своему намеренью до желаемаго. и таперъ выжу что когда судбына человеку

чего определыла, то конечне и понестъ онъ долженъ, шолъ я въ неизвестную мнѣ страну съ намерениемъ однако добримъ, предьпринялъ такъ далную и трудную путъ, употребя на то великую свою издержку и прибылъ въ Россію.

Повѣстъ моя таперъ въ сей второй часты наполнена будетъ всѣмъ тѣмъ, что случалось со мною по вступленыи моемъ въ Россию, и чрезъ продолжение въ семъ государстве безъ всякаго порока моей долголѣтной службы, какъ о томъ далѣ сказано будетъ.

Принятъ я былъ и определѣнъ въ военную службу, а потомъ посланъ для выводу изъ далныхъ странъ желающихъ выходытъ въ Россію людей, претерпѣлъ въ путы заключение невынно подъ арестомъ, и въ томъ страдалъ много, комысию однакъ въ выводе людей хотя съ велыкою трудностыю но исполнылъ порядочно; а послѣ того служилъ при дворе императорскомъ, и посланъ по особливой камысіи въ Венгрию, при которой посилке будучи въ чужемъ государстве несчастливымъ случаемъ потѣралъ свою супругу и детей горкою смертыю, лышился всего имущества, еквипажи и лошадей, при чемъ мало и свою жызнъ тамо не оставылъ.

Подалъ способъ отцу своему къ выходу со всёю фамилиею въ Россию и доставылъ ему выезной съ великимъ трудомъ пашпортъ.

Женылся въ другой разъ и детѣй имѣлъ, каторыхъ такиже несчастливымъ случаемъ' какъ и прежднйхъ мало не потѣрялъ, при чемъ однако лышился своего еквипажа и лошадей.

Происходылъ я чинамы по службе съ некоторимы препонамы, счастіи хотя и дотыкалисъ до меня, но съ великимы пребывкамы и обращалысъ иногда въ несчастіи.

А при всемъ томъ былъ я у всѣхъ первоначалныхъ господъ знакомъ и любымъ, служба моя была известна и признаваема съ честыю и съ похвалою всегда, въсякъ желалъ изъ господь командировъ имѣтъ меня въ своей команде, давалы мнѣ по службе атестаты и свидителствы.

При окончаніи первой часты (принадлежащей до сего) моей повесты сказалъ я, что повыездѣ изъ отечесва моего и слѣдуя чрезъ Полшу приездъ мой былъ на границу Россійскую прошедшаго 1753-го года декабря 22-го дня на форпостъ Шелеговку, что почты нѣчего и почитатъ сей годъ, ибо толко осталосъ онаго до истеченыя несколко дней, а настоящее зачало моего въступленыя . стану я почитатъ съ 1754-го года генваря съ 1-го дня.

Въступленые мое на сей Шелѣговски форпостъ было мнѣ несколко неугодно и досадно, а тѣмъ болѣе, что отъведенная мнѣ квартера была изба пустая и холодная, которую чтобы затопытъ принужденъ я былъ дровъ у караулныхъ салдатъ купытъ, а также что ни фуража лошадямъ, ни съѣстнаго для меня и людей ни за какіе денги достатъ было не можно, и потому надобно было форпостнаго капитана просить о дозволѣніи посдатъ за рогатку въ состоящую тамо на Полской сторонѣ недалече деревню, въ которой искупилы и привезлы, что намъ было потребно; тогоже дня къ вечеру поздо пришолъ ко мнѣ форпостной капытанъ, здѣлалъ мнѣ вызитъ, и счастиемъ что онъ былъ Немецъ и могъ я съ нымъ тѣмъ языкомъ говоритъ.

Онъ сказалъ мнѣ, что объ моемъ приездѣ ужъ отъпрәвылся чрезъ нарочнаго въ Киевъ къ оберъ-комендаnту рапортъ, я съ нымъ не могъ далныхъ разговоровъ имѣтъ, потому что старался болѣе какбы поскорие согрѣтъ свою избушку.

На завтрешни денъ въ глибокую уже вечеръ возвратылся изъ Киева тотъ нарочно посланной и привезъ ордеръ къ капытану о моемъ безъ карантина пропуске, о чемъ тотже часъ далъ мнѣ капитанъ знатъ.

Я не пропуская времены поутру 24-го декабря рано въставши поехалъ и поспешалъ, чтобы еще тогоже дня могъ въ Киевъ поспѣтъ.

Оберъ-камендантъ Киевски далъ знатъ нашимъ прежднымъ выходцамъ тамъ находящимся обо мнѣ, что я на форпостъ Шелеговски приехалъ, и что онъ велѣлъ меня пропустытъ, почему некоторие знакомые выехалы ко мнѣ на встречу и, выстретясъ со мною на путы, были мнѣ до города провожатимы.

Тогоже дня подъ вечеръ приехалъ я въ Киевъ, меня встретилы еще некоторіе знакомые, нарочно высланые отъ свояка моего майора Шевича, которой тогда тамъ былъ, и тѣ высланіе проводилы меня чрезъ городь и показалы отьведенную для меня квартеру на Подолѣ, гдѣ и всѣ протчие выходцы были.

Тамъ на квартеры моей дожидался меня мой своякъ и свояченица сестра супруги моей, оны рады были приѣзду нашему чрезмерно, а мы также адно что съ нимы увидѣлысь, а болѣе что до своего мѣста доехалы и дорога кончалась, которая намъ была крайнѣ наскучила.

На завтрешний день 25-го декабря праздникъ Рождества Христова приехалъ ко мнѣ мой своякъ и сnымъ еще некоторіе знакомыя, поехалы всѣ въмѣстѣ въ крепость къ господину оберъ-комендanту тогда тамо бывщему, Івану Івановичу Косторину, адно что до обычаю, какъ мнѣ о томъ пресказывалы, поздравытъ его праздникомъ, а друго чтобы я самъ себя ему яко новоприежей представытъ.

Господинъ оберъ-комендантъ принялъ меня очень ласкаво и выдомъ приятнымъ, умѣль онъ несколко говоритъ по немецки, и тѣмъ лучше моглы мы въ своемъ дискурсе разуметца, онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я ево опосля сталъ коротко знатъ, былъ человекъ отъ природы весма обхождениемъ своимъ приятенъ, и сказатъ что въ такомъ мѣстѣ на границе былъ онъ и надобенъ, какъ тамъ часто чужостранные проездамы случаютца бытъ, то по ево учтивосты и приятству всякому проежему онъ нравылся.

Я тутъ въ Киеве изъ прежныхъ нашихъ виходцовъ засталъ две команды илы зачало новыхъ полковъ: первой генерала Шевича, а другой генерала Прерадовича, толко на то время сихъ обеихъ господъ генераловъ тамо не было, а находилысъ въ Москве, где вь то время и дворъ былъ.

Семы ново-названимы полкамы командовалы: однимъ подполковникъ (Живанъ илы) Иванъ Шевичъ, синъ старши генерала Шевича, а Прерадовича полкомъ синже его, премиеръ майоръ Георгій Прерадовичъ.

одно только то, что судбына моя привела меня въ такое государство, где уже и житъ и умеретъ съ радостыю готовъ буду.

Я ужъ и не хотѣлъ проситъ опрѣделенья вь другой какой полкъ, какъ некоторые советовалы меня чтобы проситца въ старие полевые гусарскіе полки, упомыная что Шевичевъ и Прерадовичевъ будутъ поселеные, и что не такъ почитатца станутѣ какъ другіе, однакѣ я таковы пустіе совѣты оставылъ въ сторону, а подалъ челобытную съ изъясненыемъ, что желаю бытъ определеннымъ въ полкъ господина генерала Шевича.

По сочинѣніи той моей челобытной прежде, нежель я оную подалъ, адынъ изъ коллежскихъ чиновъ отозвался и говоритъ мнѣ, что де всѣ выежіе наши господа получилы здесъ чины болше нежелъ что въ Цесаріи были, почему и вы говоритъ онъ мнѣ, имѣете сдѣлъ проситъ чинъ секундь-майорски; я о семь советѣ думалъ и расуждалъ целой денъ, проситлы чина болшь илы оставитъ, изъ сего смелы просить чина болшь показалось мнѣ, чтобы иногда на первой случай такою прозбою не податъ о себе господамъ какова неудоволствія, выдя вь какомъ наши выежие несогласіи, ссорахъ, и что болшие господа о такихъ поступкахь крайнѣ недоволны, то для тѣхь резоновъ упустылъ я о награжденіи чиномъ проситъ (что таперъ и выжу свою ошибку велику и не умель воспользоватца предстоящимь предо мною счастиемъ), а толко въ челобытной упоменуль, что желаю въступытъ вь службу и определеныиъ бытъ вь полкъ господина генерала майора Шевича тѣмже капитанскимъ чиномъ, какимъ я и въ цесарской службе былъ, но чтобы предь тѣмы капитанамы команды господина генерала майора Шевича, кои вь цесарской службе тѣмы чинамы не были, дать мнѣ старшинство.

Сию челобытную я такъ сочинивши подьпысаль и подалъ генералу Шевичу, онъ принялъ оную и ничего по той моей прозбе противнаго не сказалъ и представылъ въ военную коллегію при своемъ рапорте, такъ какъ оная оть меня подана.

Потомь, чрезъ дней шесть, призвалы меня вь военную коллегию въ присудтствие, где тогда полное собрание было, спрашиваетъ меня господинь вице-президентъ Степанъ Өедоровичъ Апраксинь и господинъ генераль аншефь Петръ Спиридоновичъ Суморуковь, оба оны харашо по немецки говорилы, что при поданой той оть меня челобытной непрошу-ль я еще чего, я отьвечаль на то, что не нахожу резона проситъ и трудытъ яко человекъ новой незнающій еще обычаю,

и может быть говорилъ я, что мною выпрозбе что и упущено, однако въ томъ полагаюсь на мылость господь присудствующихъ и вдалу надежду на ихъ, естлы что мнѣ слѣдуетъ, то оны конечне не оставятъ о томъ учинитъ свое определеные.

На сіи мои слова, какъ я выговорилъ, то поворнулъ стуломъ попрямее ко мнѣ Петръ Спиридоновичъ Сумороковъ, кои я ему несколко расосъ сталъ, и говоритъ мнѣ, мы де известны чрезъ писмо господина полномочного посла въ Віенѣ находящагося, которъ онъ военной коллегіи изъяснылъ, какъ вы были удержаны и арестъ тѣрпѣлы и по вашему абшиту какое затрудение происходыло, покудова напослѣдокъ вы могли свой настоящи пашпортъ получитъ, а также получа тотъ пашпортъ вы продолжалы изъ своего отечества до границъ россійскихъ путь на своемъ коштѣ, и какъ вы ни о какомъ награжденіи въ поданной отъ васъ челобытной не упомынаете, а толко о принятіи васъ въ службу тѣмже капитанскимъ чиномъ, какимъ вы и въ цесарской службе былы, то для того мы васъ спрашиваемъ, не имеете ль вы особливой еще какой прозбы, я и на сие сказалъ что нѣтъ не имѣю, а полагаюсъ на мылость господъ присутствующихъ какъ оны заблагоразсудютъ.

Вотъ тутъ и вторителнымъ разомъ представало предъ меня мое счастие, но я и тогда его упустылъ и чина не просилъ.

Послѣ сего велѣно мнѣ изъ присудствия на малое время вытить, покудова опятъ меня позовутъ, я по тому приказанию вышолъ въ экзекуторскую и проседелъ не болѣе четвертъ часа, потомъ позвалы меня и опятъ туда въ присудствіе, и обьявляютъ мнѣ господа, что я по прозбе моей въ челобытной принятъ въ службу и опредѣленъ буду въ полкъ господина генерала Шевича съ тѣмъ старшинствомъ, какъ я въ челобытной прописалъ, а сверхъ того государственая военная коллегия определяетъ мнѣ жалованые съ раціи и порціи етого времены, какъ я изъ службы цесарской свои абшитъ имѣю и въ команду господина генерала маиора Шевича записанъ былъ, сие де вамъ сказалы мнѣ господа и будетъ въ место награждения за вашъ выездъ и на путевую вашу издержку.

Я на сие определение поблагодарилъ и былъ тѣмъ даволенъ, сочиняло мнѣ сихъ денегъ всего за полтора года по московскимъ тогда справочнымъ ценамъ за рацій и порцій и съ окладнымъ тысяща сто двадцатъ одинъ рублъ двенадцатъ копеекъ получитъ, причемъ говорятъ мнѣ господинъ вицъ президентъ Апраксинъ, чтобы я къ нему

въ будущее воскресенье то есть после завтра явился, съ тѣмъ я отклонясь изъ присудствия вышелъ и пошелъ на свою квартеру.

Послѣ завтра въ воскресеные, какъ мнѣ было приказано, явился я къ господину вицъ-президенту, где засталъ я собравшихся многихъ господъ и домашнихъ, покуда и самъ Степанъ Федоровичь выдетъ, и мало погодя какъ онъ вышелъ и меня увидѣлъ, то тотъ часъ сталъ со мною говорить и объявляетъ мнѣ, что онъ хочетъ представить меня государинѣ императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ и чтобы шолъ во дворецъ къ обѣдни, потомъ самъ онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ во дворецъ, то и я въ слѣдъ за нимъ тудажъ поехалъ и пришедъ туда, куда и всѣ протчие идутъ, не знавъ еще ничего, ибо въ первой разъ я дворецъ и такое болшое собраные увидѣлъ, и стою въ противномъ большомъ покоѣ, а то было предъ дверми куда въ церковь входитъ, вскоре потомъ пришолъ генералъ Шевичъ и стоялъ мой маеоръ Петръ Шевичъ, я подошолъ къ генералу и сказываю ему, что меня представлять хотятъ къ государинѣ, и стали уже мы всѣ на такомъ местѣ, чтобы намъ видно было между народомъ, какъ государиня будетъ въ церковь проходить.

Государиня изьволела проитыть, и обедня зачалась, а предъ окончаниемъ обедни падошолъ къ намъ одинъ изъ придворныхъ господъ, о коемъ я опосля узналъ что то былъ дежурной камеръ-херъ, спрашиваетъ онъ насъ, кто изъ васъ естъ капитанъ Пишчевичъ, я на тотъ запросъ отозвался, и говорю что я, онъ говоритъ изволыте за мною итытъ, и приведши меня въ болшую галерию поставылъ на такомъ месте, куда государиня проходитъ будетъ, где и онъ самъ возлѣ меня сталъ.

Государиня какъ приближилась идучи, то сей господинъ доложылъ обо мнѣ, а тутъ тотже часъ и господинъ вицъ президентъ скоро поспешылъ и подошедъ сталъ обо мнѣ докладивать, государиня покудова тѣ слова выслушала, кои ей отъ вицъ президента докладываны, то непрестано на меня глядѣла, я былъ въ новомъ богатомъ гусарскомъ мундире, потомь государиня пожаловала мнѣ ручку.

Послѣ сего поехалъ я съ генераломъ Шевичемъ и съ моимъ своякомъ маиоромъ Петромъ Шевичемъ домой, а вьвечеру были мы во дворцежь на балу, гдѣ въ первое къ моему удоволствию видѣлъ придворное въ России увеселеные, которое мнѣ чрезвычайнымъ показалось.

Тотже вечеръ, какъ мы на балу были во дворце, видѣлъ меня цесарской полномочни маеоръ графъ Естерьхазы, онъ былъ природный

Венгеръ самъ онъ со мною не говорылъ, а подосылалъ стороною изъ своей свиты адного, о которомъ я опосля узналъ, что онъ назывался графъ Вогдановичъ, сей подойдя ко мнѣ неблизко остановылся возлѣ меня, и смотрилъ на дамъ и каввалеровъ кои танцуютъ, а потомъ зачалъ ко мнѣ по венгерски говорить, какъ онъ примечаетъ обо мнѣ что конечно я Венгеръ, или покрайней мере изъ Венгріи родомъ, я хотя сей языкъ и разумѣю, но правылно оныиъ говорить не могъ, однакъ выразумѣвши его запросъ отвечалъ ему по немецки, говорю' что я не Венгеръ дародылся и виростъ тамъ въ той странѣ, онъ выслушавъ мой отвѣть осмехнулся, говоритъ уже и онъ по немецки, вотъ ето де хорошо я васъ природнымъ языкомъ спрашиваю, а вы мнѣ отвечаете чужимъ, и когда вы, говорилъ онъ, мой спросъ выразумѣлы и на то отьвечаете то конечне вы не хатите своимъ языкомъ говорить, а нашде господинъ пасолъ желаетъ обь васъ знать какъ онъ севодня видѣлъ, что васъ представлялы импепатрице, я опятъ и на то отьвечалъ, что я не Венгеръ а Сербынъ и родомъ изъ Славоніи и что отьтелъ съ дозволения двора австрискаго выехалъ и прибылъ на сихъ днихъ сюда и принялъ службу, после того онъ о тошолъ оть мене и потомъ видалысъ часто при дворе, по куда я еще въ Москве былъ.

Чрезъ несколко дней спустя вышодъ указъ изъ военной коллегіи и присланъ къ генералу Шевичу о моемъ вь службу определеніи и меня въ военной коллегіи привелы къ присяге, и тако осталосъ уже я въ команде Шевичевой старшимъ капитаномъ.

Мнѣ не было резона далѣ оставатнса въ Москвѣ, а ехать было надобно въ Киевъ, но какъ господинъ генералъ Шевичъ еще далѣ забавился въ Москве въ ожиданіи своего отьправленыя, то желалъ онъ, чтобъ я при немъ на некоторое время еще осталея, и потому пробылъ я въ Москве четыре месеца.

Темже временемъ не оставлялъ я, чтобъ везде въ Москве не побывать, и видѣтъ, где что есть достопамятное, бывалъ также всегда праздникамы у болшихъ господь и во дворце какъ тогда часто при дворе бывалы куртаки, машкарады, балы, фейерьверки, то и было довольно чего выдѣтъ,

Я покудова въ Москве находылся, имѣлъ случай узнатъ о нашихъ выходцахъ о ихъ обстоятелствахъ и несогласияхъ о чемъ изъяснию; первее какъ генералъ маиоръ Іванъ Хорватъ выехалъ, что онъ отьменно былъ принятъ и данна ему привелегия о волносты выходящаго народа, и отведена ему подъ поселенные земля въ пустыхъ местахъ, за-

чаѣ сверху отъ западней стороны и отъ Синюхи реки, где оная въ Бугъ въпадаетъ и поворотя на северъ по Синюхежъ до Выса реки и по оной понадъ границею полской Украйне въ нызъ до Тясмина реки жь, и далѣ по правомъ берегу рѣки Днѣпра до границъ тогда бывшихъ Запорожскихъ казаковъ, что и составляетъ длиною болѣе тридцати мылъ гиографическихъ, на коихъ местахъ определено для заселения выходцамы подъ названиемъ Новая Сербыя.

Хорватъ выехалъ первой въ прошедшемъ 1751 годѣ и зналъ, что вьскоре за нымъ вьслѣдь также выедетъ и генералъ Шевичъ, то и упредылъ Хорватъ ту привелегию на имя свое исходатаиствовать, и зделался того выхода первоначалнымъ, почему и требуетъ, чтобы повелѣно было всѣмъ выходящимъ селитца на тѣхъ местахъ, кои подь Новую Сербыю отъведены, и быть всѣмъ у него Хорвата въ каманде, что и зделано было; и съ тѣмъ онъ Хорватъ поехалъ изъ Петерьбурга въ Киевъ, гдѣ въ то время находилась ево каманда, и подьнявшисъ немедлено со всѣмы своимы пашолъ на ту отъведеную ему землю, гдѣ и расположылся на первой случай сколко могъ успѣтъ.

Распределылъ всю землю на два селенья, адну половыну подъ гусарские полки, а другую частъ подъ пехоту кою назвалъ пандурамы, распределылъ также и назначылъ шанцы илы роты и афицеровъ съ некоторымъ числомъ редовыхъ, сколко тогда изъ выходцовъ при немъ случилосъ.

Къ немужь Хорвату определено отъ Сената для всякихъ порядковъ и содержанья казны адынъ генералъ съ принадлежащимы еще инженернимы чинамы, сей генералъ назывался Іванъ Феодоровичъ Глѣбовъ, каторой долженъ былъ обо всѣмъ, что до поселенья принадлежытъ, съ Хорватомъ имѣть сношенье.

И тогожь года для прикрытия сего поселения отъ страны Крымскихъ и Очаковскихъ Татаръ заложена крепость святыя Елисаветы, въ каторой потомъ генералъ Глебовъ съ командою своею и съ гарнизономъ пребываные свое имѣлъ.

И тако на томь фундаменте Хорватъ по поданой ему привелегій и остался въ Новой Сербыи и вь ожиданіи всѣхь выходцовь къ себѣ въ команду, каторыхъ и велѣно было, какъ кто вь Киевь прибудетъ снабдя подлежащимъ на проездъ, отьправлять въ Новую Сербыю къ Хорвату.

Генералъ Шевичъ выехалъ изъ Цесаріи послѣ Хорвата чрезъ адынъ годъ и приехалъ въ Киевъ, когда приехавши узналъ что Хор-

вату такова привелегия данна и что онъ со всѣмы своимы долженъ ехатъ на поселение въ Новую Сербию, и бытъ уже у Хорвата въ команде, яко о всехъ выходцахъ тако гласитъ.

По такимъ обстоятелствамъ генералъ Шевичъ, не бывъ тѣмъ доволенъ, оставылъ въ Киеве всѣхъ своихъ поехалъ самъ въ Москву, какъ я выше говорилъ, что вто время и дворъ тамо находылся, онъ былъ также какъ и Хорватъ хорошо примлѣнъ и представленъ императрице.

Послѣ того подалъ Шевичъ отъ себя представлѣние, изъясняя что нежелаетъ бытъ никогда у Хорвата въ команде, и что онъ будучи и въ Цесарьской службе былъ всегда старее Хорвата, а также и то что онъ болше людей и фамылиевъ въ Россию вывелъ нежелъ Хорватъ, и требуетъ по тѣмъ резонамъ особливой привелегіи и для поселеныя другую землю.

Въ тоже время какъ и генералъ Райко Прерадовичъ выехалъ и въ Москве также находылся, то и онъ предоставлятъ сталъ, что не желаетъ бытъ въ команде ни у Хорвата, ни у Шевича, почитая себя отъ обеихъ старшимъ по службе цесарской, требуетъ также особливой привелегіи на имя свое и къ заселеныю другую землю.

И тако я сихъ обеихъ господъ генераловъ нашелъ въ Москве въ превеликомъ замешателствѣ, о чемъ примѣтытъ я могъ доволно, что болшие господа тѣмъ были весма недоволны и что изъ того вышло великое затруднение.

Между тѣмъ какъ Хорватъ узналъ сихъ господъ Шевича и Прерадовича требованіи, то и сталъ онъ употреблятъ способы и во всѣмъ имъ препятствоватъ и чтобъ конечне ихъ обеихъ определытъ къ нему въ команду, а ктому еще и представление на ныхъ подалъ опорочая ихъ выходъ, а болше Прерадовича яко онъ никово болѣе съ собою не вывелъ окроме толко своей фамыліи, и что онъ Хорватъ естъ первоначалный того выхода, показывая себя въ томъ болше другихъ, и какбы не онъ отважился проситъ уволнения и пашпортъ отъ двора цесарскаго въ Россию, тобы конечне ни кто другой учинитъ того не смѣлъ и онде всѣмъ образецъ былъ и дарогу отькрилъ.

Шевичъ напротиво того опорочая то Хорватово представление объявляя о себе, что онъ втоже самое время не по слѣду Хорвата, а самъ собою уволнение отъ двора цесарскаго просилъ и не вообше съ

Хорватомъ, и что онъ болшъ людей съ собою вывелъ нежель Хорватъ, и былъ всегда старее ево Хорвата.

Сіи обстоятелства происходилы долгое время и многократъ было въ Сенате и вь военной коллегіи о томъ советы, напослѣдокъ положено такъ дабы прекратытъ всѣ безпокойствы, и датъ выгоду всѣмъ, то отведена Шевичу земля особливая, въ Бахмутской провинціи на пустыхъ местахъ по рекамъ Донцемъ и Луганию, а Прерадовичу тамже по Донцу и по другимъ речкамъ по суседству више Шевича и къ крепосты Бахмуту поближе, и адинъ другому въ команде не бытъ, а имѣтъ всякъ свое поселеные особно, а земля вся вообще названа Славено-Сербыя, однако особливой привелегіи не данно.

Хорватъ какъ о семъ узналъ, то чтобы имъ обеимъ Шевичу и Прерадовичу учинытъ препону, послалъ вь Киевъ своихъ афицеровъ подь выдомъ покупки на полкъ свой суконъ и протчихъ къ строеную мундировъ вещей, а всамомъ дѣле были тѣ афицеры подосланы, чтобъ стороною подговариватъ Шевичевыхъ и Прерадовичевыхъ людей о подаче по команде прошеныевъ, что анѣ желаютъ бытъ на той землѣ, которая Хорвату отъведена, а туда ва Шевичемъ итытъ не желаютъ.

Таковъ Хорватовъ замыслъ и подлино зделалъ Шевичу велыкой подрывъ и не точию что таковы нашлысъ, кои о томъ къ оберъ-команданту Киевскому прошеніи подавалы, но многие способомъ реки Днѣпра отъ Киева въ нызъ на лодкахъ къ Хорвату въ Новую Сербыю уходилы, коихъ онъ Хорватъ потомъ и удержалъ у себя, и естлибы еще Шевичу адно толко то не пособыло, что военная коллегия не была съ Хорватомъ доволна за то, что онъ подь коллегиею бытъ не захотѣлъ, а выпросилъ завысимостыю бытъ пряма отъ Сената, чего Шевичъ делатъ не хотѣлъ, а остался подъ коллегиею, то потому уже коллегия его сторона была и зделано Хорвату запрещение въ приеме Шевичевыхъ людей, а тобы на то время, какъ было возгорелося, Шевичъ могъ потѣрятъ всѣхъ своихъ людей, и тако послѣ того по многимъ затрудненіямъ Шевичъ и Прерадовичъ изъ Москвы выѣхалы и прибыли въ Киевъ.

Къ симъ обеимъ господамъ определенъ былъ тогда генералъ Илья Александровичъ Быбиковъ, на томже основаніи какъ что къ Хорвату Глебовъ, и велѣно ему имѣтъ свое место вь крепостѣ Бахмутѣ, и смотрѣтъ при той комысіи, дабы поселенцамъ достаточная съ угодыями земля была отьведена, также чтобъ оные всѣмь подлежа-

щимъ какъ жалованыемъ, такъ провиантомъ и фуражемъ, на тѣ первые положеные по штату года, снабжены были.

Генераль Быбиковъ приехалъ въ Киевъ и вьскоре потомъ подьнялъ обеихъ господь генераловь Шевича и Прерадовича съ ихъ командамы, снабдя ихъ маршрутомъ и подводамы выпроводилъ изь Киева кь Бахмуту.

Я также вообще съ другимы изъ Киева выехаль, и продолжалы путъ свою чрезъ Малую Россию и слободские полки прибыли къ Бахмуту, отьколъ насъ повелы и расположилы въ провинціи Бахмутской, по близосты нашихъ селениевъ, по слободамъ казенымъ по квартерамъ.

Мнѣ таперъ отъсюдова надобно на малое время моею повестью опятъ возвратытца въ Москву, и сказатъ что еще въ мою тамо бытностъ особливо происходыло.

Таперъ зачинай мой читателю обо мнѣ сожалѣть, ты увидишъ изъ сего, что я буду ныже своею повестью продолжатъ, каковы несчастливые случаи со мною вьстречалысъ и на какую путъ судбына человека ведетъ.

Въ то время какъ я въ Москву приехалъ первой разъ и определѣнъ въ службу, о чемъ выше значитъ, тогда засталъ я въ Москве приехавшаго изъ Чорной горы владику, Василія Петровича: оны отътелъ приежаютъ вь несколикихъ лѣтъ за мылостинѣю, какъ обыкновено безъстидние калугеры вездѣ шатаютца, и изискиваютъ способы какбы набогатытца, то и сей владика послѣдуя тому подалъ отъ себя въ сенатъ прожектъ, обьявывъ, что онъ можетъ учинытъ ползу Россіи, и вывестъ изъ Чорной горы народа до несколко тысяцъ на службу, пропысавь о себѣ что естъ въ Чорной горы самовластной повелытелъ и ни откого незавысимъ, и что весъ тамошны народь повынуется его повелѣнью, и что онъ какъ скоро о семь выходе приехавши туда публикуетъ, то весъ народь по ево повеленыю готовъ будетъ подьнятца и вь Россию выходитъ, а толко бы определено было на путевое содержаные казну, и афицеровъ для препровожденыя и принятыя ихъ на цесарскихъ границахъ, гдѣ способно будетъ.

Сей прожектъ въ сенатѣ принятъ былъ, и по нѣмъ учинѣнъ докладъ императрице Елысаветъ Петровне, почему и конфирмація воспослѣдовала, и велѣно учредытъ комысию, и писатъ ко двору цесарскому, просытъ о дозволеныи на свободной проходь чрезъ державу цесарскую народу Черногорскому, и на карантинныхъ пограничныхъ

туя, чтобы я о предстоящемъ своемъ счастіи подумалъ и решителное сказалбы маиору Петровичу, съ тѣмъ я ево оставылъ и пашолъ на свою квартеру.

На завтрешни денъ послѣ польденъ приехалъ ко мнѣ маиоръ Петровичъ, поседѣлъ у меня и проситъ чтобь поехатъ съ нымъ на ево квартеру, въ чемъ не могь я отказатца зделалъ ему то удоволствие.

Маиоръ Петровичъ зачалъ мнѣ говоритъ то самое что и владика говорилъ, при чемъ толкуетъ еще что какь онъ несколко лѣтъ есть въ Россіи и по службе ему всѣ порядки уже сведомы, и что сия камысия тѣмъ афицерамъ, кои при провождении того народа будутъ употреблены, вь велыкую ползу и къ счастью послужитъ можетъ, и за то де нашь владика желая вамъ яко нашему однеземцу всякаго благополучия вознамерился пригласитъ васъ къ себе; и какъ скоро онъ изь Москвы отъежатъ будетъ, то де тогда и требоватъ хочетъ некоторыхъ афицеровъ для препровожденыя народа, въ томъ числѣ васъ перваго уже назначено, толко вы въ то время какъ повелѣно будетъ слѣдоватъ, чтоб не отказалысъ и дали бы въ томъ свое слово, ибо вы, говорилъ маиоръ, намъ при сей камысіи необходымо надобны первее по известносты о фамылии вашей въ нашихъ странахь, и что народъ выходящій будетъ болшъ имѣтъ привязанносты къ своему, нежель къ чужему, а другое и то, продолжалъ маиоръ свои слова, что вы въ цесарской службе были и вамъ тотъ языкъ и обычаи тамошние изьвестны, и народь какъ выходитъ будетъ въ разныхъ местахъ по границе цесарской, где и въ каторыхь местахь заспособно найдутъ, а также и проездь должно имѣтъ чрезъ Цесарию и Венгрию; и принимать ихъ будемъ какъ выходитъ станутъ на учрежденыхъ по границе цесарской карантинахь, то вь такихъ случаяхъ вы намъ необходымо потребны, для чего нашь владика, говоритъ маиоръ, приказаль мнѣ васъ проситъ чтобы вы не отреклысъ отъ сей камысіи, онже обещаетъ вамь зделатъ за вашъ трудь великое счастие, какъ таково дѣло во всемъ оть его рекомендаціи зависитъ, и како онъ чемъ назначитъ, то тому такъ и бытъ и вы не иначе какъ чинъ полковника получитъ можете, и будете послѣ меня первымъ.

Таковы непрестаные советы тогда такь смутилы меня и набыли мнѣ голову, что я не зналь на чомь положытца, и какбы предвещало мнѣ нечто страшное и опасное, такъ оно мнѣ представлялосъ, но что ежедневно о томъ мнѣ толкуютъ употребляя къ тому всякие ласканія и обьнадеживаньи, кои къ несчастью моему такъ силно за меня

приключилысъ, что уже мысли мои стали мяхчитца, и склонность уже къ ихъ волѣ стала во мнѣ раждатца, но однако еще воздержался и не далъ настоящаго слова, а толко отьвечалъ маиору то самое, что предь тѣмъ и владике говорилъ.

Онъ выслушавъ мои слова говоритъ мнѣ, такъ видно что вы склоносты не имѣете, и предьстоящимъ счастиемъ ползоватца не хотыте, а другой бы и за денги того купытъ желалъ, напослѣдокъ еще говоритъ онъ мнѣ, паедемъ пажалуй оба въместѣ къ владики, вы услишите болше оть него, какие онъ мысли обь васъ имѣетъ, я согласился ехатъ съ нымъ.

Владика какъ увидѣль насъ обеихъ въместѣ къ нему приехавшихъ, вьстрѣчаетъ и титулуетъ насъ словомъ стариннымъ Сербскихь воеводь, просить сестъ, подчевалъ виномъ шампанскимъ, и завелысъ у насъ разговоры, между протчимъ зачалъ маиоръ къ владике обо мнѣ говоритъ, какъ онъ всио о камысіи ихъ мнѣ обьявылъ и что еще слова къ согласию отъ меня не получилъ.

По сему отъ маиора рапорту, владика оказался несколко оскорбленъ, говоритъ мнѣ, вы де еще любезной мой другъ не знаете, какое я для васъ счастие приуготовитъ намеренъ, хотя я говоритъ владика, и есмъ сего дела предводителъ, но мнѣ чинов военыхъ и тѣхъ достоинствъ не принимать на себя, я конечне хачу вотъ васъ два чтобъ тѣмъ ползовалысъ чемъ кто другой, и вы два хачу я чтобъ были начальствующіи.

Я уже видя около меня что столко ласковосты и обьнадеживания сказалъ къ владике, что мнѣ просится къ той камысіи нѣтъ никакова резона, а естли приказано будетъ итытъ, то не откажусъ.

Мое обьявление какъ я приметылъ владику несколко успокоило, для того что онъ меня обьнялъ и поцеловалъ, и зачалъ опять говорить что де вы оба котя и поедете въ полкъ, но тамо оставатца вамъ не надолго, а я таперъ говоритъ онъ, дожидаюсъ толко здесъ въ Москве своего отьправленыя, ибо резолуціи отъ двора цесарскаго на посланое требование о пропуске и о приеме на границахъ приежающаго туда народа еще въ полученіи нѣтъ, а какъ скоро то прислано будетъ и я отсюда отьправлюсъ, тогда обь васъ обеихь пришлѣтца повелѣние куда вамъ слѣдоватъ.

Генералъ Шевичъ и мы всѣ изъ Москвы выехалы и прибыли въ Киевъ и сталы въ путь къ новымъ нашимъ местамъ готовитца какъ я о томъ уже выше сказалъ, между тѣмъ предь самымъ нашимь

выездомъ дня за два прежде, прибылъ владика изъ Москвы въ Киевъ, мы я и маиоръ пошли къ нему съ визитомъ.

Показался онъ мнѣ нѣчто съмущенъ и невеселъ, объявляетъ что нездаровь, онъ пашолъ съ маиоромъ въ другую комнату нѣчто такъ говорилы и какъ сие показалось дожидатца долго, то я вышолъ тихонко и пашолъ на свою квартеру.

Подь вечеръ тотже денъ пришолъ ко мнѣ маиоръ и говоритъ, для чево вы такъ скоро севодни отъ владики пошли, онде васъ спрашоваль и хатель съ вамы говоритъ, такъ поедемде таперъ къ нему, я согласился и пашлы.

Владика зачалъ мнѣ говоритъ, что онъ отъежаетъ въ свою путь въ Чорную гору, и что какъ скоро туда прибудетъ, зачнетъ дѣлатѣ приуготовленіи къ выходу народа, яко уже оть двора цесарскаго въ пропуске естъ дозволение, и что не умедлитъ прислатъ чрезъ нарочнаго свое въ сенатъ представленые, почему тогда какъ маиоръ Петровичъ такъ и я съ протчимы афицерамы, туда къ границамъ цесарскихъ оть страны турецкой, такожъ и въ Венеціанскимъ отъправлены будемъ, а вы де до тѣхъ поръ говоритъ владика оставайтесь при своей команде и ожидайте своего отъправления.

Между протчимъ еще владика сказалъ мнѣ, что онъ послѣ нашего изъ Москвы отъезда подалъ въ сенатъ прошение о истребованыи отъпуска изъ службы цесарской полку Славонскаго гусарскаго капитану Ивану Подгоричанину, и что сей капитанъ также при той камисіи будетъ, я де такъ писалъ говоритъ владика, что мнѣ необходимо капитанъ сей потребенъ, и потому уповаю что отъпущенъ будетъ.

Владика обототпуске изъ канцелярской службы капитана Ивана Подгоричанина учинилъ такою представленые, для того что маиоръ Петровичъ и сей капитанъ состоятъ несколко въ свойстве, и родомъ изъ турецкой областы изъ аднаго города изъ Подгорицы, и о томъ какъ я опюсля узналъ, чтобъ его потребоватъ старался маиоръ Петровичъ прозбою около владики много, я сего капитана знаюсь весьма коротко, и мы оба я и онъ служилы въ цесарской службе въ томже Славонскомъ гусарскомъ полку вѣместѣ, объ немъ буду я въ переды еще говоритъ болше.

Чрезъ денъ владика поехалъ изъ Киева въ свою путь, а мы также съ генераломъ Шевичемъ изъ Киева жъ совсѣмъ подьнялысь и приехады на свои места, какъ я о томъ выше сказалъ, и расположилысь

по квартерамъ, снабдѣлъ насъ нашъ камысаръ господинъ генералъ Быбиковъ всѣмъ потребнымъ, и ту зиму провелы безъ нужды.

Выступленіе наше на квартеры было подъ осенъ въ августе месеце и время хорошое и дни еще теплие, проводилы время разними забавамы, а я какъ имѣлъ охоту къ стрелбе, то втомъ наиболше мое упражненіе было ездилъ по полахъ, и хадылъ по лесахъ стрелялъ птыцъ и зверей разного рода, какова тамъ въ тѣхь местахъ было многое множество, на томъ у насъ та осенъ и вся зыма прошла.

По наступившей веснѣ, какъ въ томъ краю климатъ отьменно харошой, то и весна скоро и рано отькрылась, послано было отъ генерала Бибыкова штата его земмѣмеры афицеры, кои съ тѣхъ мѣств ко тому новому поселенью быть снимали планы, и потомъ означено ге. Шевичу и ге Прерадовичу селенія свои зачинать, вся та пустиня разделѣна на две части, и на роты илы шанци, означены урочища и речки съ принадлежащимъ грунтомъ и угодыями, и тѣ планы отосланы въ военную коллегию на апробацию, и покудова то такъ происходыло, то мы еще на тѣхъ квартерахъ оставалысь целое лѣто, и въ зиму другую вошлы.

Планы въ военной коллегіи апробованы и присланы обратно и потому генералъ Бибыковъ на веснѣ приехалъ изъ Бахмута къ намъ; и генераламъ Шевичу и Прерадовичу о томъ обьявылъ, почему уже господа генералы дѣлалы свои распоряженыи и означивалы, куда и въ каторые шанци илы роты каму изъ капитановъ быть и къ нымъ определилы афицеровъ съ приказаньіемъ, чтобъ немедлено въсякъ на назначеное свое место изъ квартеръ выступыли, и туда для зачинания селѣниемъ слѣдовалы.

На наши строенья былъ способъ даволно на первой случай, ибо почты всякая рота имѣла въ близосты лѣса весма удобние, мнѣ досталась рота надъ рекою Донцемъ, прозивалось то урочище Райевка, где былъ у меня лѣсъ не далеко.

Выехалы мы на чистую и глухую пустиню, тутъ то возьчувствовалы всѣ вообще, а особливо тѣмъ кои по Луганю селитца началы что есть нужда и жизнъ прескорбная, нѣгде подклонитца и что насамъ перодъ зачинатъ не зналы, для того что всякая вещъ въдругъ и въ адынъ разъ надобна, а особливо я яко еще никогда хазяиномъ не бываль и что то есть строитца и економыю заводытъ, по молодости тогда моихъ лѣтъ, совсѣмъ мнѣ въ голову нейшло.

Стаяль я долго лагиромъ имѣль неболшую палатку, а потомъ здѣлалъ сарай оплетеной изъ хвороста и надъкрилъ травою, майстеровыхъ людей нигдѣ еще достатъ было не можно, хотя селеній по той сторонѣ реки Донца и есть, но къ намъ на работу никто ни за какие денги итытъ не хатѣлъ, такъ то тамошней народъ сперва отъ насъ дичился, ато дѣлалось отъ того что народъ тамошни родився, взросъ, и состарѣлся всио на одномъ местѣ, въ глушинѣ такой, что никаво другаго никогда не видитъ окроме себя и своихъ, то потому тогда какъ мы и эту сторону пришли и насъ увидѣли что убегивали отъ насъ какъ дикие, о чемъ оны потомъ какъ с намы пообзнакомилысъ самы намъ сказовалы, какъ мы имъ стращнимы показалысъ, и за то де къ вамъ въ работники приходитъ не хотѣлы.

По какимъ обстоятелствамъ, что съ перваго нашего туда прихода не моглы работниковъ достатъ, то я принужденъ былъ съ своима четырмя человѣкамы слугъ тотъ свой сарайецъ исправитъ, ибо у меня въ ротѣ состояло съ перва толко одинатцать человѣкъ гусаръ, бравахмистръ адынъ и капрала два, коихъ я не могъ на свое дѣло употреблятъ, а должно имъ было также строитца и другъ другу въ томъ помагатъ.

И тако я, построивши тотъ для своего жилыща неболшой сарайецъ, укрепылъ его кое какъ сколко къ тому моего знания достигало и въселылся во оной, было въ нѣмъ два покойка и неболшие сенцы съ коморкою, и считалъ такъ что лучше на то время и не надобно, однакъ ета моя резиденция не долго меня веселыла, какъ тамъ часто бываютъ ветри, то въ одну ночъ какъ пашолъ дождъ съ громомъ преужаснымъ, отъ коего дождя промокла на моей резиденціи кровля насквозъ, и вода во внутръ ручеемъ текла.

Я съ женою и съ маленкимы детмы премоклы такъ, какбы въ водѣ купалысъ, а притомъ страхъ отъ преужасной той блискотни и силныхъ громовыхъ ударовъ, сидѣли мы во ожиданіи последняго конца своего, на послѣдокъ здѣлалась буря гораздо силнѣе съ ветромъ превеликимъ, отъ чего зачалъ мой домъ ламатца.

Крокви какъ надавыла сверху та изъ мокрой травы кровля, то ужь камарку мою въдругъ совсѣмъ повалыло и доходытъ дѣло до моихъ покойковъ, я выдя сію опасностъ поспешилъ скоряе съ женою и съ детмы чтобь вонъ вискочитъ что едва успетъ могли, и ужь моя резиденция совсѣмъ повалылась, и мы совсѣмъ въ адныхъ рубашкахъ подъ небомъ осталысъ а полыклонитца болѣе нѣкуды, принуждены такъ на томъ дожду и на ветру стоятъ безъ прибежища.

Слуги мои изъ своихъ шалашиковъ прибежалы, коихъ также тамъ поопрйкидивало, зачалы скорие мнѣ дѣлатъ помочъ и палаточку мою разбыватъ, однако покудова сие новое строение успѣлы поднятъ и поставытъ, то премоклы мы еще болше, и предрогли почти до смерты, тѣмъ хуже было что какъ повалило мой сараецъ то осталосъ тамъ платѣ и постелъ наша придавлено, и тако принуждены въ такомъ положеніи провестъ ночъ до самаго света, тутъ ужь было и плачу и проклинания доволно.

По утру какъ та буря прошла и денъ ясной показался и стало солнешко грѣтъ, то вышли мы изъ палатки велѣли огонъ болшой раскластъ чтобъ скорие могли просушитца, смотрю я на мою резиденцию, которая развалылась до основания, и лежитъ на землѣ кучею, и тѣмъ болше досадно было, что падение оной принесло мнѣ двойной убытокъ, адно что лышился жилыща, а друго что пропала постелъ моя, коя вся отъ той мокроты что зрезъ кровлю помаралосъ и зделалосъ гноемъ, а к тому еще что было въ каморке въ бутилкахъ небольшаго того напитку, и также на хазяйство искупленые горшки и кувшины, то всио тамъ въ каморке пребыто вдребески.

Тотъ цѣлой день имѣль я труда даволно, покудова разобранъ тотъ упадши мой сарай и отвалылъ всио с того места протчъ, а потомъ послалъ въ лесъ за другимъ деревомъ, послалъ также въ ближную деревню за реку Донецъ сыскать и купыть двухъ свердловъ, адинъ поболше, а другой поменше, и застунъ адинъ, то всио принесено и дерево изъ леса вывезено.

И тако съ тѣмы инструментамы възялся я за новую свою архитектуру, зачалъ строить такой же сарай, на коемъ клалъ уже покрепше дерево, привертывалъ свердламы и прибывалъ клынямы кроквы и преводины чтобъ покрепше держалосъ, а к тому зачалъ еще адно подь землѣю жилыще, выкопалъ землянку съ двумя покоямы и неболшою кухенкою съ чуланчикомъ, и около того суетился я многие дни, полагая на томъ что в томъ жилыще и всю будущую зыму провестъ, покудова успѣю и найду способь какбы лучше домъ себы построитъ.

Однако до окончания сего строеныя нашолся доброй человекъ, которой мнѣ здѣлалъ нечаяно велыкую помочъ, проездомъ по дороге мимо того моего места, где то я строитца зачалъ, едущей изъ-за Донца старикъ, онъ былъ аднодворецъ изъ слободы Новой Айдары, возылъ муку продаватъ, онъ то былъ первой, каторой отъважился на нашу

сторону приехатъ и въ безъопасносты обрасцемь другимъ былъ, онъ какъ увидѣлъ мою около того строеныя заботу то остановылся, оставылъ свой возъ съ мешкамы на улыце, а самъ подошолъ ко мнѣ, спращиваетъ не надобнолы мнѣ муки, пшеничной купытъ, я тому весма радъ былъ, ибо у меня мука уже была вся сошла, и дошло дѣло было до салдатскаго провиянту что изъ магазейна давано.

Старикъ проситъ за мешокъ муки полтину а было у него всего мешка четыре, то я ни мало не торговавшись отдалъ ему денги и муку къ себе взялъ, онъ постаялъ еще тутъ глѣдѣлъ на мою работу, а потомъ говоритъ зачалъ: господинъ мнѣ жаль тебя смотрѣть, какъ ты трудишся съ твоимы людмы около того строеныя, а мнѣ кажетца говорилъ онъ, что то ваше строение для васъ не харошо и не надежно, то не изволыцшли купыть у меня естъ домъ новой рубленой изъ харошого лыповаго дерева, я де тебы его продамъ и привезу совсѣмъ сюда на своихъ подводахъ и поставлю здесъ, где тебы угодно.

Сего старика обьявленыю какъ я былъ радъ никто тому веритъ не можетъ, онъ проситъ за домъ съ превоскою и съ поставкою пятьдесятъ рублей, я ему болѣе ничего не говоря такъ то меня обрадовало, отошолъ толко оть него несколко шаговь протчъ призвавъ слугу своего, даю ему десеть рублей денегъ говорю, садысъ на лошадь и поежай вотъ съ тѣмъ старикомъ осмотри домъ что онъ продаетъ, и сторгуйся тамо съ нымъ ежелы можно будетъ чемъ менше дабро, а буде нѣтъ то уговорись съ нымъ такъ, какъ онъ проситъ за пятьдесятъ рублей съ его превоскою и поставкою здесь, и дай ему сіи десетъ рублей въ задатокъ, потомъ позвалъ я старика говорю ему, что вотъ етотъ человекъ поедетъ с тобою чтобъ осмотретъ твой новой домъ, и онъ уже с тобою сторгуетца и задатокъ тебы дастъ, а ты доброй мой старикъ, говорю я ему, не бавысъ превоскою, дабы поскоряе моглы успеть его здесъ поставытъ.

Старикъ съ слугою моимъ поехалы и на треты денъ слуга возвращаетца обьявляетъ, что домъ хотя не великъ да харошъ и дерево всио новое, и что онъ уже сторговалъ за сорокъ за шестъ рублей и задатокъ десеть рублей далъ.

Превоска дома скоро зачалась и тотъ старикъ такъ былъ доброй человекъ, что еще несколко подводь себѣ въ помочъ нанялъ и въ два раза всио привезъ, а затѣмъ съ своимы тремя синамы и племянникомъ съкладатъ зачалъ и въ скоромъ времены кончилъ, я ему под-

лежащіе деньги заплатылъ, и сверхъ того еще одного рубля на дорогу подарилъ, поблагодаря его за его добрую душу отпустылъ домой.

Домъ у меня выжу я что уже естъ моего очеретомъ или хворостникомъ укрывать сталъ; и состоитъ того строеныя адинъ покой съ небольшою спалнѣю да сенци, и адинъ чуланчикъ, но печи и стекла на окошка нѣтъ, въ чемъ была мнѣ трудность велика, покудова и на послѣдокъ и то досталъ и совсѣмъ исправылъ.

Землянку, каторую я зачалъ строитъ, я ее также кончилъ, коя потомъ послужила меня для моихъ людей и для караулныхъ.

У всѣхъ насъ поселенцовъ вообще на той пустинѣ была тогда въ первое лѣто жызнъ точно такая, какъ у тѣхъ инзуландовъ, кои по несчастыямъ разбытиемъ короблей занесены морскимы волнамы на пустые острова и пыталысъ зелиемъ, кореныемъ, ловлею рибы, птицъ, и зверей, такто и мы тогда что вышли на пустую степъ и землю такую, гдѣ отъ созданыя света никакихъ жилыщъ не было, и достатъ нигде ни за какие денги ничего не можно, а кто чего имѣтъ хотѣлъ тотъ долженъ былъ за несколко дней посилатъ далеко и изыскиватъ и покупатъ дорогою ценою.

Огородовъ и зелены какой на пыщу на первой годъ ни у ково не было, и покудова тѣмъ завелысъ должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой тамъ на поляхъ есть) и другою травою способною къ варенью пособлятъ себя, а простой народъ толко одними сухарямы и такою дикою травою и водою да овощъ, когда кто чего на поляхъ ягоды илы что другое найдетъ, питались а болѣе ничего не имѣлы, я многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояніи, а особливо тѣ кои по Луганы реки селылысъ, тѣ претерпѣлы нужду болѣе нежелъ другие, ибо по той реке лесу ничего нѣтъ а чистая и голая степъ, для чего въ постройке домовъ видѣлы нужду велику и за лесомъ ездить далеко принуждены были.

Напитковъ у всѣхъ вообще и болшаго и малаго никакихъ не было окроме води, а естли у каво простая горелка случитца, его ужъ трактаментъ великъ почиталса (дѣлалы опосля квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду, и то служыло самымъ лучшимъ напыткомъ, покудова узналы дарогу на Донъ въ городъ Черкаскъ и въ Таганърогъ, что тамъ естъ пристань на морю Азовскомъ и что привозютъ туда изъ Царяграда Греки вино и всякую бакалию, то было отъ насъ разстояниемъ около двухъ сотъ

верстъ, однакъ мы кто достатокъ еще имѣль посилалы туда на другой годѣ и покупалы кому что было надобно).

Ездилъ я иногда наведоватца и къ другимъ соседямь своимъ, и смотрѣлъ каково оны строятца и чѣмъ заводятъ себя, но вездѣ находилъ плачъ и рыдание, у каво еще денги водилысъ, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко посилалъ и дарого платылъ, однако еще тѣмъ могъ пособытъ себя.

А кто запасныхъ денегѣ не имѣлъ, а толко полагался на одно окладное жалованые (а рацiевъ и порцiевъ ужо не было), тотъ въ превеликой бедносты состоялъ, ибо то жалованые на мундиръ и на другую къ службе исправность, какъ разчислыть, то и не оставалось ничево, на другую свою къ поселеныю надобность, а особливо у каво семья, и в доме много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованыемъ никогда на конецъ не могъ выходытъ, и тако естлы адынъ другому не пособытъ и у ково что есть хотъ мало что запаснаго не дастъ въ займъ илы по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущiй доходылъ до крайности.

У генерала Прерадовича съперва такиежъ во всѣмъ нужды былы какъ что и у Шевича, но однако съ тою разныцею что Прерадовичъ имѣлъ подь бокомъ своего поселеныя городъ Бахмутъ, и другие напротиво себя чрезъ реку Донецъ вьблизы казеные слободы, въ каторыхъ местахъ и моглы ево подкомандные покупкою всего потребнаго скоряе пособлятъ себя, и тѣмъ Прерадовичъ, а паче что къ строеныю способные лѣса блиско были, имѣль предъ Шевичемъ выгрыши болше, а въ протчемъ земля у обеихъ сихъ частей наровнѣ добротою.

Всѣ сiи нужды вѣстречалысъ съ намы первой толко годъ а после того всио лучше стало, зачалы на весну сѣять хлебъ и огороды также скотомъ и овцамы, имѣлы дворовую птицу всякую, и сталы житъ уже повеселѣе.

Что же меня принадлежытъ то я ту первую осенъ былъ очень смутенъ, и не зналъ что дѣлать и с какова конца что зачатъ; яко иномъ никогда не бывалъ и что бывало зачну дѣлатъ, то оно идет на выворотъ и ничто не успѣваетъ, а толко что той осены могъ съ братца дворъ огородытъ и то толко съ адной стороны вдолшъ спереды, а съ задь имѣлъ я натуралной преглибокой ровъ во всю длину двора, и потому съ той стороны и городытъ было не надобно,

Напослѣдокъ какъ уже осенъ поспѣла и холодно стало, то ужь нужда научила меня хазяйничитъ, я сталъ старатца на самъ периодъ запастыся на всю зыму дровамы, нанялъ двухъ работниковъ и купылъ две пары валовъ съ возамы, на коихъ велѣлъ непрестано на дворъ дрова возытъ, да еще той осены конюшню и вазовню зделалъ, хотя то и не было слышкомъ велыколѣпно, однако на то время послужыло даволно.

Потомъ пришло мнѣ на паметъ о томъ старике, каторой мнѣ домъ продаль, чтобъ къ нему пославъ и искупытъ тамо капусты, свеклы, и другой кое какой зелецы, посылаю я по той надобносты того моего слугу, каторой тамъ прежде былъ и далъ ему на всю покупку денги.

Слуга мой какъ туда къ тому старику приехалъ, онъ принялъ его къ себе въ домъ по приятелски; пособылъ всно то сыскать и искупытѣ что я приказалъ, я наиболѣе какъ слуга мой возвратился радъ былъ кислой капусты коей было бочка ведеръ восемъ, а свеклы, морквы, репы, всего того привезено возъ полной.

Посылаю я опятъ слугу своего тудажъ, хотя то и не близко было, да чтожъ дѣлатъ нужда то велытъ дѣлатъ, дабы было чѣмъ зыму встретытъ, даю денги опятъ на другую покупку, приказываю слугѣ найтытъ и купытъ дойную корову также муки пшеничной, и ржаной, масла, сыра, адно сало, всякой птици дворовой по часты, а для лошадей овса, и для людей крупь, а сено уже у меня, гусаре мои за напойку горелкою скирда два наносилы, вся та моя покупка удачно зделана и привезено, смотрю я въ свой регистеръ не пропущенолѣ еще чего чтобъ искупытъ, нашолъ что солъ пропущена, за коею также послалъ сыскатъ и купытъ, вотъ ужо я спакоенъ казалосъ бытъ и что совсѣмъ къ зыме приуготовылъ себя.

Пришло мнѣ на мысли чтобъ послатъ куда нибудъ сыскиватъ пыва купытъ, хотя бы то было и самое простое нѣтъ ничево, ибо я въ то время пыво лучше нежелъ другой какой напытокъ пытъ любылъ, для чего опятъ моего добраго слугу послалъ я и за тою надобностыю, онъ поехалъ и промедлылъ дней десетъ, я ужъ по нѣмъ и тужытъ было зачалъ, сумнѣвался не пропальли онъ какимъ нибудъ случаемъ, однакъ нѣтъ слуга мой приехаль обратно благополучно, привезь съ собою бочку пыва ведеръ въ шестъ да ведра четыре мыоду, я сему напытку весма обрадовался, ибо у меня болѣе ничево не было окроме яблочной кислой воды.

Я тѣмъ привезенымъ мнѣ новымъ напыткомъ мыодомъ и пывомъ захотѣлъ уже и пощоголять, зная наверно что ни у кого еще того нѣтъ, для чего попросилъ я къ себе подполковника Шевича, и моего своика маиора Петра Шевича отобедать, оны пожаловалы и приехалы, обедалы у меня чѣмъ Богъ послалъ, напылисъ мыоду и пыва, похвалилы что напытокъ хорошъ спрашивалы где такое добро найдено, я имъ сказалъ отъкуда привезено, почему потомъ и оны тудажъ посилалы и себе привезлы.

По исправленіи всѣмъ потребнымъ на зиму, казалосъ что уже другова никакова дѣла нѣтъ, однакъ у меня запасеного никакова мяса нѣтъ, а птица дворовая кою было искупилъ уже сошла, и осталосъ только отъ каждаго рода по адной паре, чтобы тѣмъ на веснѣ къ розплоду зачало зделать, денги же у меня что было отъ великой такой по новосты издержке изътощилысъ почты совсѣмъ, изъ которыхъ своему адному другу въ помочъ, далъ въ займы недавно пятьдесятъ рублей, а осталосъ затѣмъ у меня еще только тритцать, а до жалованыя еще месеца два ожидатъ было надобно, то по такому въ денгахъ недостатку необходимо мнѣ было для пыщи зачинатъ стрелять птицъ и зверей, а на то былъ надобенъ порохъ и дробь, коего я что еще изъ Киева съ собою привезъ уже сошло, то и принужденъ былъ посылатъ затѣмъ покупать нарочно ажъ въ Бахмутъ, что составляло ехатъ болѣе ста верстъ, да чтожъ дѣлатъ когда въ томъ была необходымая нужда, для чего изъ тѣхъ последныхъ тритцаты рублей далъ слуге десеть рублей, съ приказаниемъ купытъ ведро одно водки а на осталные дробъ и порохъ искупытъ.

Слуга мой поехалъ и чрезъ шестъ дней с покупкою возвратылся назадъ, а между тѣмъ покудова онъ приехалъ, то я исправылъ свои четыре ружыя вычистылъ и былъ готовъ къ намереной ловлѣ, сабакъ гончихь было у мена три пары весма добрие, коихь я будучи въ Киеве и по дороге едучи къ нашему поселенью у разныхъ господ выпросилъ, и тако собравшисъ совсѣмъ зачалъ я съ моимы гусарам коихъ было стрелцовъ четире, да слуга мой пятой и я шестой, к сему приобщился ко мнѣ изъ аднодворцовъ мужикъ адынъ, коего приласкалъ къ себѣ подаркамы, бывало когда полтину когда рубл ему дамъ, то онъ и жылъ по болшой часты у меня, онъ былъ и стрелецъ и рыболовъ, и такъ я отъ него два профита имѣлъ.

Пашлы мы по лѣсамъ насъ уже семъ человекъ, коимъ разпределылъ мои ружы, а что не доставало то употреблялы казеные карабины. Зачалы стрелятъ зверей кои намъ попадалысь, ибо онаго в то врем

было даволно, а особливо козъ дикихъ и зайцовъ превелыкое множество, какъ удавалось иногда въ день по десяты козъ застрелыть, а редкой день чтобъ на двухъ или на трохъ обошлось, а что зайцовъ мы въ ту осенъ и чрезъ зыму престрелилы, тому и щота не нахожу окроме птыцъ тетревей, куропатокъ, утокъ и гусей, того всего было даволно.

И тако я сихъ жырнихъ козъ и козловъ, какъ оны обыкновено въ осени и до генваря месеца наилучшии въ телѣ бываютъ, настрелявши даволно, употребляль свежое мясо всякой денъ къ столу въ пищу, также и гусарамъ моимъ давалъ, а что затѣмъ оставалось козыное и зайчее мясо въ излышестве, то резаль оное порядочно на куски, клалъ въ бочку и солылъ, а потомъ коптылъ въ диму, изъ коего зделалась деликатная вытчина, и что далѣ то прибавлялось того у мене еще больше, и казалось что уже за всѣми расходомъ остаетца еще запасъ въ периодъ даволно, то потому началъ я мою харошую вытчину въ подарокъ разсылать, генералъ мой и другие приятелы много меня за то благодарилы.

Я и прежде того умѣлъ стрелять харошо, а потомъ какъ здесь завелъ [illegible] въ томъ упражнятца и навычку к тому зделалъ то и зделался стрелцомъ великимъ, у мене [illegible] ружья моего ничто не уходыло, нетбы оно летело или скакало, лышбы только въ препорцию было выстрелыть, то ужь оно тотъ часъ и падало изъ чего многие заключалы обо мнѣ, что моя стрелба не натуралная в чомъ однако оны ошибались.

Напослѣдокъ положылъ я съ моимы гусарамы стрелцамы въ нашемъ промысле такъ, что кто застрелытъ то ужь оно и ево, но чтобы за то всякъ себы порохъ и дробь на свои денги покупалъ, оны на то охотно согласылысъ и зделали между собою складку, послалы въ Бахмутъ и такой провизыи привезли, и потомъ такую охоту себы возымелы, что всякой денъ въ лѣсъ хадытъ хотѣлы, для того что имъ сверхъ продоволствия мясомъ еще и денги харошие за шкуры волчьи, хамячие, козьные, и зайчие получать доставалось, я съ моимы стрелцамы и по нѣсколко ночей въ лѣсахъ ночевалъ, и не думаю чтобъ какой кусокъ и байракъ въ той нашей отъ поселеныя округѣ [illegible] остался где ноги мои не доходыли.

Теперь стану опять говорыть о Черногорской камысіи.

Послѣ отъезда изъ Киева владыки Черногорскаго, какъ я и выше говорилъ, что маіоръ Петровичъ остался въ каманде у генерала Ше-

вида, и приехалъ с нами на наши квартеры [illegible] осене [illegible]. [illegible] мадъ женытца на дочеры генерала Шевича на девице весма хорошей, и какъ родытелы ее на то былы согласны, то и веселе совершилось еще той осены.

Маиоръ съ своею молодою супругою оставалса на квартере съ дозволеныя своего тестя въ адной казенной слободе недалече нашихъ новыхъ селеныевъ где и презымовалъ, а на весне [illegible] указъ изъ военной коллегіи, чтобъ маиоръ Петровичъ шолъ въ Киевъ къ тамошнему оберъ-коменданту по особливой секретной камысіи, где ему и наставленые данно будетъ и выключить его изъ команды генерала маиора Шевича.

Онъ при отьправленыи своемъ со мною виделса, хотя въ [illegible] указе и не [illegible] по какой камысіи ему въ Киевъ ехать велено; однакъ мы догадатца могли, что по не иное что а по той Черногорской камысіи значить, обо [illegible] и о другихъ офицерахъ въ [illegible] указе ничего не упомянуто, и потому обещалъ маиоръ, что изъ Киева чрезъ пысмо обо всемъ меня уведомыть будеть.

Вскоре потомъ получилъ я пысмо отъ маиора [illegible] даетъ мне знать, что точно онъ по той камысіи туда командированъ, и [illegible] уже чинъ примеръ маиорски получилъ и что къ той камысіи определенъ еще адынъ полковникъ именемъ Пучковъ, кому быть притомъ яко камыюару, и что въ его рукахъ будетъ [illegible] кои определена на препровожденые Черногорцовъ, и что вскоре онъ Петровичъ отправляетца въ Цесарию, въ Выену для полученыя отъ [illegible] двора о свободномъ везде по границамъ проезде пашпорта, и что изъ Виены ко мне пысать будетъ въ Киевъ къ господину оберъ-коменданту, отъ коего то пысмо прислано быть имеетъ.

После того какъ маиоръ изъ Киева уехалъ и [illegible], то я уже более о той Черногорской камысіи и не думалъ, и быть при оной не имелъ воли, для чего и положилъ на томъ что хотя бы [illegible] владика и потребовалъ, то чтобы отказатца и [illegible], а остатца на поселеныю и зачинать заводитца економыею, какъ я уже [illegible] къ тому привикать сталъ и первые горесты и трудносты уже [illegible], а земля наша показалась намъ приятна и плодородна.

Той же зымы командированъ я былъ въ Бахмутъ для принятыя изъ камысіи тамошней, на команду Шевичеву жалованыя [illegible] мою бытность тамо, говоритъ мне генералъ Быбиковъ, какъ онъ меня отьмено любылъ, что де таперъ у васъ въ полку естъ секундъ ма-

перовая ваканцыи, а вы состоите старшимъ капитаномъ, то и не упускайте вы говорилъ генералъ Бибыковъ сего случая, дабы иногда съ стороны на ту ваканцию другова ково не опредѣлены, и просѣтесь вы въ Петеръбургъ и тамъ слѣдуемаго вамъ чина просите, а я говорылъ онъ намѣну обь васъ рекомандацию до тамошныхъ господъ, до чего и знаю я оны вамъ будутъ въ прозбе вашей помагать.

Я сей совѣтъ принялъ и поблагодарылъ, и положылъ что ехатъ въ Петеръбургъ.

По принятіижъ казны отъправылся я въ полкъ и денги съдалъ, а потомъ сталъ просытца у моего генерала Шевича о дозволеніи въ Петеръбургъ и о неоставленый обо мнѣ къ полученыю слѣдуемаго мнѣ чина учинить представленые.

Генералъ Шевичъ не отъказался зделать мнѣ въ томъ удоволствие, онъ не токмо что меня отъпустылъ, но еще учинылъ какъ въ военную коллегию представленые, такъ и къ протчимъ господамъ пысалъ.

Я предъ моимъ выездомъ хотя жалованые за третъ и получилъ, но того было бы мнѣ на мою дарогу мало, то выпросилъ у генерала въ щетъ предбудущаго жалованыя сто рублевъ и съ тѣмъ поехалъ.

Было мнѣ необходымо надобно видѣтца съ генераломъ Бибыковымъ и взятъ и отъ него пысма, кои онъ обо мнѣ пысатъ обещалъ, хотя то мнѣ и здѣлало къ ездѣ несколко кругу, однакъ повернулъ я свою дарогу къ Бахмуту.

Генералъ Бибыковъ не оставылъ то зделатъ что обещалъ и далъ [illegible] на некоторыхъ господъ, и я съ тѣмъ выправылтца [illegible] дарогу.

Предъ моимже приездомъ туда въ Бахмутъ дня за два приехало изъ Цесаріи два человека, изъ коихъ былъ адинъ изъ города Петроварадына, где отецъ мой после моего отъ тель отъезда остался, привезъ сей человѣкъ ко мнѣ отъ отца пысмо, въ коемъ пишетъ что онъ весма о томъ скорбытъ, что со мною разлучился, и приказываетъ мнѣ чтобы я всячески старался изъходатайствоватъ при дворе нашемъ помочъ об отпуске ево изъ Цесаріи въ Россию, и что онъ намеренъ все недвижимое имѣние разпродатъ, также скотъ и протчее учиныть въ денги, и что все конечне вознамерылся за мною ехатъ въ Россию, а [illegible] другова [illegible] собою [illegible] ево не [illegible]ытъ, [illegible]

Я сихъ обоихъ выходцевъ пригласилъ, чтобъ они шли къ генералу Шевичу въ каманду на поселеные, что и обещалы оные тогда зделать, чрезъ коихъ я къ генералу Шевичу пысалъ и уведомылъ его о томъ, что отецъ мой до мнѣ пышетъ и прошу его, чтобъ не оставылъ мнѣ въ томъ засвидѣтелствовать и о точномъ желаныи отца моего выехать въ Россию, учинитбы въ военную коллегию представленые и прислатбы оное ко мнѣ по почте въ Петеръбургъ, что по той моей прозбе онъ и зделалъ.

Мнѣ ужь не было надобносты въ Бахмутѣ болѣе бавытца, отъправылся въ дорогу, и какъ зымняя путъ была хараша, то девятымъ днемъ поспѣлъ я въ Петерьбургъ, а на другой денъ явылся у господина военной коллегiи вицъпрезидента Степана Федоровича Апраксина, подалъ ему представленiе что обо мнѣ пысано, также и пысми партикулярние отъ господъ генераловъ Шевича и Вибыкова, онъ меня тотъчасъ какъ скоро я къ нему вошолъ узналъ и говоритъ, не вы ли тотъ самой капытанъ что изъ Выены съ рекомендацiею полномочнаго посла къ намъ вышли, на что сказалъ я что предстоитъ предъ вами тотъ самой вашего высокопревосходытелства пакорной слуга, коему въ то время много мылости оказатъ изволелы, коею и нынѣ всепакорнѣйше прашу меня не оставытъ, какъ изъ сихъ поднесеныхъ мною пысемъ притчину моего сюда приезда усмотрѣтъ изволыте, я сiи слова принужденъ былъ по немецки говоритъ, потому что по руски еще не былъ я даволно твердъ.

Степанъ Федоровичъ прочитавши пысми отозвался ко мнѣ оченъ ласкаво, говоритъ, что вы по вашему старшинству и достоинству будете чиномъ на открывшуюсь у васъ въ полку секундъ майорскую ваканцию награждены, и тотъ часъ чрезъ ардинарца то привезенное мною предьставленые отослалъ въ военную коллегию отьдатъ секретарю, съ приказаныемъ чтобъ обь ономъ въ первомъ полномъ присудствiи доложитъ.

Потомъ зачалъ меня сей господинъ спращивать о нащемъ поселенiю, и каково намъ на тѣхъ местахъ жить показалось, я ему разхвалыль сколко могъ больше, и что мы всѣ давольны, (всамомъ дѣле что до той земли Славено-Сербыи принадлежитъ, о коей я Степанъ Федоровичу хвалылъ, то втомъ я справедливо говорилъ, ибо сия земля всѣмы своимы угодьями несравнено лучша нежель Новая Сербыя гдѣ хорватъ поселился и горазда теплѣе климатъ нежель что въ Новой Сербыи).

Однакъ при всѣхъ моихъ тогда къ Степану Федоровичу похвалныхъ словахъ побоялся я, чтобъ о тѣхъ нашихъ [illegible]

трудностяхъ и прискорбыю, которое мы все вообще понеслы; поупомынать и я умолчалъ о томъ.

Онъ помнимъ разсказамъ какъ я примѣтилъ весма радъ былъ, для чего повторялъ свои запроси разъ и другой а всіо объ одномъ уже сказанномъ дѣлѣ, причемъ обнадеживъ меня своею мылостию, приказываетъ чтобь я почасту къ нему приходылъ и съ тѣмъ мени отпустылъ.

Тотже день успелъ я еще и другіе писмы разнесть и отьдать господамъ до кого слѣдовалы, и всѣ оны принялы меня хорошо и ласково, и особливо господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоновичъ Сумоpуковъ присвоихъ ласкавыхъ ко мнѣ словахъ подалъ доволно надежды къ полученью мнѣ моего счастья.

Всѣ сіи господа спрашивали меня также о нашемъ поселенью, которымъ я сколко зналъ болше столко разхвалылъ, чѣмъ были оны много доволны.

Такова отъ господъ съ перваго раза оказанная мнѣ встрѣча и обнадеживаніе принесло мнѣ мысли веселые, и я ужъ почиталъ что дѣло мое вь полученіи секундъ-майорнаго чина никакова затрудненый болѣе не имѣетъ, толко бедная тваръ человѣкъ къ чему онъ сего суетнаго свѣта не можетъ быть подверженъ, не всякиелъ трудности понесть онъ повиненъ, и не всѣлы его счастіи и несчастіи покриты темнотою, а нѣмая его судбина обовсѣмъ томъ что съ нымъ случится должно въ недрахъ своихъ укриваетъ и ни кому о приуготовленныхъ случаяхъ вь периодь знать недаетъ.

Я говорю то что вь самомъ лучшемъ и мнимомъ благополучіи доженъ человѣкъ на всякъ часъ ожидать съ собою другой какой встречи и премены, такто тогда и со мною здѣлалось, и превернулыся мои веселыя мысли и вся надежда скоро вь великую печаль и прискорбые, отъ того что я сей слѣдуемой мнѣ чинъ мало не потерялъ, коего съ великою трудностью потомъ едва получилъ.

Здесь надобно на малое время намъ поостановится и восвратытца назадь вь мою повѣстъ, гдѣ увидитъ мой читателю что тому моему приключенью притчина была, при чемъ будетъ случай еще некоторие дѣла узнатъ.

Выше сего говорилъ я о томъ что здесь повторяю вамъ, генералъ Хорватъ посылалъ подговаривать въ Кіевѣ изъ команды Шевич

чевой къ себѣ людей въ Новую Сербыю, и между тѣмы посланымы былъ первоначальны Дмитрій Перичъ.

Сей афицеръ правду надобно сказать что былъ достойны человекъ, да ошибка и попользновение въ совѣсты отъ него учинѣно было тогда на две стороны, кое состояло въ томъ, какъ ниже, а далеломъ и окончаниемъ буду говорить.

Перичъ выехалъ вь молодыхъ своихъ лѣтахъ, и будучи въ Цесаріи еще прежде своего выезда женатъ былъ на старшей дочери (тогда бывшаго вь Цесаріи капитаномъ и выехавшаго потомъ въ Россію) генерала Шевича; и выездъ его Перича былъ в Россію давней нежелъ Хорвата и Шевича, и еще тогда и во время Императрицы Анны Ивановной, какъ было дозволено отъ двора цесарскаго, вербовалъ для укомплектованыя старой Сербской полкъ, каторой зачаломъ своимъ состоялъ еще отъ времены Императора Петра Перваго и было вь маломъ весма числѣ людей и не полкомъ еще називался а такъ зборная каманда легкаго воиска подь командою капитана Ивана Албанеза, каторый будучи съ государемъ въ Молдавіи надъ Пруттомъ въ разныхъ военныхъ действияхъ тотъ Албанезъ съ своими жолнирами (такъ ихъ тогда називалы) оказывалъ себя протисъ Турковъ храбро, и былъ Государю веренъ, для чего Государъ и вознамерился чтобы изъ тѣхъ Албанезовыхъ жолнировъ учинитъ полкъ и назватъ Сербскимъ Гусарскимъ, яко тѣ жолнири до болшой части илы и всѣ Сербы были.

Хотя тому полку тогда зачало и было здѣлано, и набралось некоторая часть людей и побольше нежелъ что прежде было, однакожъ всіи еще небыло такова средства чтобь можно привестъ онаго в полное число гусаръ, и потомъ на томъ оставалось даже до времены Анны Ивановной, а отъ ней изьпрошено таково дозволеные, чтобы можно вь Цесаріи изь волножелающихъ людей вербоватъ и вывестъ оныхъ вь службу вь Россію для укомплектованыя того Сербскаго Гусарскаго полка, и потому на тотъ вербунгъ посланъ былъ изъ Россіи съ невеликою камандою Сербынъ, бывши тогда капитаномъ Божичъ (онже и Паничь назвался), которій опосля былъ во малой Россіи вь Чернигововомъ казачьемъ полку полковникомъ.

Онъ вто время вь Цесарію потому вербунку какъ выехалъ, то успѣлъ весма вскоромъ времены набратъ изъ Сербовь охотниковъ полкъ целой, съ нымъ тогда и сей Перичъ въ Россію выехалъ, каторой служа въ томъ старомъ Сербскомъ Гусарскомъ полку, дошелъ до

чина капитанскаго, природою же своею былъ изъ дворянъ, но отецъ его былъ въ Цесаріи несчастнымъ, будучи въ ландымылицій Поморийской оберъкапитаномъ, по некоторымъ отъ Венгровъ тогда случившимся противнымъ замысламъ неправылно казнѣнъ смертью, для чего оставшій его сынъ, сей Дмитрій Перичь оскорбясь по отцѣ своемъ оставя домъ и отечество вышолъ, какъ выше значить въ Россію.

Потомъ какъ Хорватъ въ Россію же выехалъ, старался всячески чтобъ пригласить къ себе изъ состоящихъ изъ прежде въ Россіи старыхъ гусарскихъ полковъ афицеровъ, о коихъ онъ проведывалъ кто какова состоянія есть, и потому [illegible] иностраныхъ требовалъ объ определеныи [illegible] съ награжденіемъ [illegible] къ нему въ каманду, въ [illegible] будучи первой разъ съ приезда своего Хорватъ въ Петербурге, увыдѣлъ сего Перича, зная и то, что конечне Перичь [illegible] тесть его Шевичъ выедетъ пожелаетъ бысть у тестя въ каманде, для чего Хорватъ предупреждая сие зачалъ Перича ласкать и привлекать къ себе, обнадеживъ его премієръ-майорскимъ чиномъ, и что потомъ вскоре и подполковникомъ его здѣлаетъ.

Перичь видя что Хорватъ приміѣнъ при дворѣ хорошо, а также и то что обещаной премієръ-майорской чинъ приносить ему велики предпротчими авантажъ, а ктому и обнадеживаніе въ полученыи и подполковничья чина подало ему еще болшь къ Хорвату быть въ каманде охоту, и потому согласился Перичь исполныть воле Хорвата.

Хорватъ подалъ въ сенатъ представленые, просить о определении Перича къ нему въ каманду съ награжденіемъ премиеръ маиорскимъ чиномъ, что въ короткомъ времены и здѣлано, а ктому въ самомъ дѣле скоро и до вытѣзда Шевичева Хорватъ своимъ представлениемъ доставилъ Перичу и тотъ обещанаи подьполковничьі чинъ, чрезъ что и остался на то время Перичь къ Хорвату уже такою любовью обязанъ, что во всѣмъ слѣпо готовъ былъ волю его творить, хотябъ то и чрезъ совѣсть было.

А какъ Шевичъ въ Кіевъ выехалъ и не хатѣлъ съ своимы пехотцамы быть у Хорвата въ каманде (какъ я о томъ выше говорилъ), а поѣхалъ въ Маскву для испрошеныя себы подселеные другой земли, то вто время Хорватъ посилаеть Перича еще съ некоторыми афицерамы въ Кіевъ подъ видомъ покупки для афицеровъ на мундиры суковъ и другихъ на полкъ потребностѣй, а между тѣмъ исподъ руки подговаривать Шевичевыхъ афицеровъ и людей, чтобъ

подавалы прощеніи о преводе, какъ къ Хорвату въ Новую Сербыю на поселеные (очемь уже я говорилъ) и тѣмъ самымъ привелъ было Хорватъ Перича у тестя своего генерала Шевича въ такое немерные, что у ныхъ зделаласъ велыкая ненавистъ и сора.

Таковымъ предпріятіемъ въ подговорке людей Перичъ преступылъ чрезъ совестъ, старался исполнитъ волю Хорвата чѣмъ и возбудылъ во многихъ о преходе желаній, исчего воспослѣдовало велики мятежъ и безпокоиствы, и мало не остался Шевичъ совсѣмъ безъ людей, если бы скоро не воспослѣдовало Хорвату отъ вышшаго места въ томъ на прозбу Шевичеву запрещеные.

Перичъ какъ возратылся тщетно изъ Киева въ Новую Сербыю, то и писалъ ему Хорватъ въ той наложеной на его капитанской мести ранию, и зачалъ стого времены Перича гнатъ, и что далѣ то хуже, напослѣдокъ зделаласъ у ныхъ превеликая сора, и Перичъ вышедъ изъ терпѣния пашолъ на Хорвата въ похищеніе въ даносъ, почему поехалъ Перичъ въ Петербургъ и подалъ на Хорвата въ Сенатъ челобытную.

Хорватъ призванъ былъ въ Петербургъ къ ответу, куда приехавши нашолъ къ своему оправданію средствы, а Перичъ остался обвиненъ арестованъ и разжалованъ въ редовые до выслуги и [illegible] надъ нымъ таково несчастые сдѣлалосъ, то Хорватъ [illegible] сожалѣния, выпросилъ въ Сенатѣ таперича милость, чтобъ ему [illegible] вратытъ тотъ чинъ, ис коего онъ его къ себе въ зачали въ [illegible] взялъ, то естъ капитански.

Сие увелычило Хорвата великодушіе и Перичу чинъ капитанск[illegible] данъ, после того Хорватъ уехалъ въ Новую Сербыю, а Перичъ остал[illegible] вь Петербурге, хадилъ онъ и старался въ Сенате много, прос[illegible] прежняго своего подьполковничьего чина, аднакъ самъ собою не мо[illegible] нычего достигнутъ, напослѣдокъ видя себе въ послѣдней своей кра[illegible] носты, пышетъ онъ чрезъ посланого отъ себя по почтѣ нарочнаго [illegible] тестю своему генералу Шевичу, приноситъ предъ нымъ свою [illegible]ную втомъ, что онъ ему въ Киевѣ дѣлалъ, и проситъ помылован[illegible] изъясняя что ежелы Шевичъ (такъ видно ево советовалы) объ нем[illegible] въ Сенатъ представытъ, и къ господамъ Сенаторамъ просител[illegible] пысьми напышетъ, то потому конечнѣ онъ Перичъ можетъ бытъ с[illegible] сталывъ и прежни свои чинъ получитъ.

То всио дѣлалосъ всамое то время, какъ я готовылся въ Петерб[illegible] бургъ ехатъ, и тотъ отъ Перича нарочно посланой приехалъ [illegible]

Шевичу въ тотже денъ послѣ моего изъ дому выезда, когда я въ Бахмутъ поѣхалъ, что мнѣ было кругу болѣе ста верстъ, а ктому еще что я вь Бахмутѣ несколко дней забавился, чѣмъ и утратылъ я въ своей дароге времены много.

А Шевичъ получа таково отъ Перича прошеніе склонился къ нему своею милостыю, учинилъ чрезъ тогожъ нарочного въ Сенатъ обь нѣмъ представленние, и пышетъ къ господамъ сенторамъ пысми партикулярние съ прозбою, дабы Перичу возвратытъ чинъ хотя примеръ маиорски, и определитбы его къ нему въ каманду на акладь порожей вакандіи выключенаго секундь маиора Петровича, и совсѣмъ тѣмъ отьправляетъ Шевичъ того нарочно присланаго отъ Перича по почтѣ обратно, каторой, и успѣлъ прежде меня за несколко дней въ Петерьбургъ приехатъ, о семъ уже и погрешилъ Шевичь что таково представление послалъ, зная съ чѣмъ онъ меня въ коллегию отъправилъ.

Перичь, получа таково отъ Шевича по своему желанию представленіе, и знавь уже о томъ что я за тоюже ваканцию въ Петерьбургъ еду, то и поспешилъ своимь стараниемъ, чтобы ускоритъ въ Сенатѣ по тому Шевичеву представленыю приобрестъ себы ползу.

Ему такое счастие послужило-что вь несколкихъ толко дней вено сдѣлалось и онъ чинъ примеръ маиорски получилъ съ тѣмъ определеныемъ что вь каманду генерала маиора Шевича по его требованыю на окладь порожаго места выключенаго секундь маиора Петровича.

Я о томъ что с Перичемъ и съ Хорватомъ происходыло при приездѣ моемъ въ Петерьбургъ хотя и слишилъ и его Перича еще тамо засталь, но что онъ къ Шевичу чрезь своего нарочнаго писалъ и что обь нѣмъ вь Сенатъ представлено, а также что уже и чинъ примерь маиорски получилъ и определенъ на ту самую ваканцию, о коей я просить приехалъ, о томъ какъ мнѣ такъ и вь военнои коллегіи не было изьвестно, покудова тотъ изь Сената указь невышолъ, что и прешибло мою лынию и здѣлалась мнѣ вь производстве препона.

О семъ какъ я уведаль, то можешъ мой читателю легко поверытъ каково мнѣ тогда было, я почиталъ свое прискорбые безъ утешенія, и сей ударъ быль мнѣ какъ стрела огненая, отъ какой грусты не могъ я несколко дней ни пытъ, ни естъ, ни спаты, а ходылъ и лежаль какъ человекъ безъ ума, а болѣе тѣмъ чю клонитца стало дѣло мое

мнѣ на отказь, и премена зделалась болшая, съсилаясь на сенатской указъ что уже онаго пременить никому неможно, а должно на том такъ остатца какъ велѣно.

Перичево дѣло потому изъ Сената указу вь коллегіи предьпринято, и онъ тѣмъ примерь манорскимъ чиномъ на окладь вылученаго секундь манора Петровича вь каманду Шевичеву определенъ и отьправился въ полкъ, а я вь Петерьбурге остался.

Мое несчастие было еще болше и то, что тѣмы днямы какъ зачаль грустыть свалылся совсѣмъ въ ночь и такъ силно заболѣлъ что не могъ со двора ни къ господамъ ни вколлегию целую неделю вы ходить, отъ чего пременился было совсѣмъ вь лице какь бы я въ лазарет быль, и ежелибы человѣкъ доброй мнѣ не пособыль своимы разговорамы, которой со мною вь адной квартеры стаяль, отьставнои капитан бывшаго тогда старого Молдавскаго гусарскаго полка, звался он Врѣмовъ, то бы оть грусты и великои печалы совсѣмъ могь пропасти

Сеи честной души человѣкъ старался всячески отьшибыть от меня мою печаль, какь онь веселаго быль нрава, то сидя по целой денъ уменя при постелѣ разьказываль иногда что забавное и шуточное, а притомь и другие произшедшие по службе случающиес разнымь людямь дѣла, и много такихъ подобныхъ сему моему не счастию, и что люде при всѣхъ таковыхъ неудачахъ еще не отчаявалися а ходилы, просилы, и многимъ удовалось наитыть и достигнут до своего счастия, такто и вы, говориль мнѣ сей мой приятель, встаньте везмите вь голову мысли другие и духъ бодросты, бросите всю печаль вь сторону, придите къ господамъ, просите и изясните о себе какь вы тѣмь остаетесъ обыжены, что занята слѣдуемая вамь вакансия другимь, и для чегобы не надеятца вамь говориль онъ еще получить то произвожденые, какъ васъ господа хорошо съ вашего сюда приѣзда принялы и обнадежилы.

Мнѣ таковъ совѣтъ моего приятеля капитана Врѣмова показался полезнымъ, и потому повернулъ я мысли свои изыскивать средствы къ достиженыю потѣрянаго своего счастія, я обвинялъ сам себя, для чего съ приезда моего въ Россию при определеныи меня въ службу упустылъ и не просилъ тогда чиномъ награжденыя, как и всѣ протчие выѣжие чины получалы, а некоторые и вовсѣ небывшии въ службе цесарской досталы въ Россіи чины капитанские, а толко изъ пустаго одного мнения воображалъ, будто тѣмъ, естлы буду просить чиномъ награжденыя, здѣлаю у господъ о себе какое

неудоволствие и остался съ своимъ усердиемъ толко на томъ чинѣ доволнымъ, скоимъ и изъ цесарской службы вышолъ, очитая себы въ авантажъ толко одно-то, что старшинство мнѣ предъ протчимы капитанамы дано.

Вотъ каково изъ того затруднение вышло и какъ закосвить назадъ своимъ счастиемъ человѣкъ можетъ, когда не восползуетца во время, когда само чѣмъ ему на руку приходытъ, какъ и я признатца надобно тому подобное здѣлалъ, что при определеніи мени въ службу чина секундъ маиорскаго не просилъ, о коемъ тогда господа самы мнѣ напомынали, но я будучи столь много усерденъ не могъ того предвидѣть, что то опосля уже будетъ мнѣ съ трудностью достигать, а хотѣлъ пустимъ мнениемъ показать себя обрасцемъ, что не для чиновъ выехалъ, а для усерднаго моего желания съ коимъ жить и умереть хачу въ службе Россійской, и что достигнулъ до своихъ по закону единовѣрныхъ, и тѣмъ былъ доволенъ и за наилучшее счастие себы почиталъ, что и доказываетъ мнѣ сколь много я тѣмъ проронилъ и не умѣлъ восползоватца предъстоящимъ предо мною счастиемъ.

Правдаже и то естъ что всякъ честной человѣкъ наиболши и первы долгъ имѣетъ быть своему государю веренъ, и во всякихъ случаяхъ усерденъ, и то усердие должно быть всегда въ своемъ положеніи такъ твердо, чтобъ никогда не оскудѣвало, и употреблять его попустому адним толко мнениемъ никогда ненадобно, а старатца всегда подкреплять свое усердые службою и по оной приобрести себы ползу.

Государъ и правителство того не требуютъ, чтобы тотъ усерды терялъ чрезъ то свое счастие и благополучие каторое ему слѣдуетъ, а паче подаютъ способы установленымъ закономъ, чтобы восползоватца всякому тою государскою милостью, коя на всѣхъ вѣрноподданыхъ вообще предстоитъ, и усердие не можетъ быть тѣмъ опорочено, когда кто веренъ и по службе справедливо отъ государя своего чего требуетъ.

Усердиеже адно само собою, когда не приноситъ ны дѣла ны ползы, есть подобно мертвому тѣлу лежащемъ безъ души, для чего и должно, чтобъ всякъ старался свое усердие подъкрепытъ доказателствомъ службы, яко оная есть первое человѣку основание, чрезъ кого всѣ слѣды будутъ къ его благополучию, при чемъ не упускать восползоватца случаемъ приносящимъ честь и славу имены, а сіи двѣ вещи раждаютъ ползу и пропитаніе, то есть по чину жалованые, а по

службы вѣрной и долголѣтной кто себя достойнымъ учинытъ получает въ награждение отъ государя деревны илы пенсия.

Когдаже кто столь несчастливъ, что его служба невидна или самъ собою свое счастие пропоронытъ, и тѣмъ не приобрететъ себѣ пропитаныя, хотя и съ честью будетъ, но ужь та честъ остаетц въ бедносты, чрезъ что и не можетъ то его усердие долго въ своей твердости бытъ, ибо тотъ кто пропиташия не имѣетъ подьвергаетъ себя въ послѣдную крайность, и долженъ со всемъ своимъ усердием остатца беденъ, и поитытъ въ нищие и умереть съ голоду, и тѣм ны государю ны отечеству своему ползы принестъ не можетъ.

Таковы размишлѣніи были у меня тогда въ голове, и разсудыл что мнѣ ужь не осталось въ помочъ ничево инова, о кроме что въста ватъ хоть чрезъ силу съ постелы и ходыть по своему дѣлу и про сить у господъ милосты, дабы достигнутъ таперъ хотя уже и позд то свое счастие, каторое я усердиемъ своимъ тогда при вступленіи в службу проронылъ.

И тако я, съ симы мислямы въставши спостелы, одѣлся пашол первѣе въ коллегию, спрашиваю въ повытіи не вышлалъ къ нымъ в повитие моя челобитная, на что отвѣчаетъ повитчикъ что нѣтъ и что онъ объ моей челобитной ничего не знаетъ.

Я потомъ пашолъ къ секретарю въ его прегородку гдѣ пишетъ онъ какъ меня увидѣлъ спрашиваетъ чего я изволю, я ему покло нился, пониже спрашиваю о моей челобитной и нѣтлы по оной ка кова отъ господъ приказаныя, онъ отвѣчаетъ что челобитная тутъ у него лежитъ, а приказаныя другова по ней нѣтъ, окроме что сказан было еще тогда, говоритъ онъ, какъ вы ее подалы чтобы въ полном собраній доложитъ, что де я и здѣлать хотѣлъ, но какъ вскоре за тымъ по указу сенатскому на ту ваканцию, о которой вы просите, по мещенъ маіоръ Перичъ, то потому и осталась ваша челобытная без решеныя и мнѣ нѣтъ слѣду говорилъ секретарь докладивать, а раз ве господа присутствующие самы спросютъ, съ такою отъ секретар резолуциею я потупывъ голову пашолъ на свою квартеру.

А поутру рано пашолъ я къ господину вицъ-президенту Сте пану Өеодоровичу Апраксину и вошедъ мымо часовыхъ въ залѣ вижу что никаво нѣтъ, стаю самъ одинъ тамъ, потомъ мало погоди пришолъ одинъ лакей, коего я спросилъ не видетли скоро генералъ онъ отвечаетъ что генералъ еще не вставалъ и лежитъ въ постелѣ.

Погодя еще съ полъчаса идетъ и другой лакей онъ видно былъ дежурной илы дневалной, отворилъ въ зале двери вошедъ въ другой маленкой покоикъ что предъ спалнѣю, и тамо у дверей сталъ, я подошедъ къ нему тихонка спрашиваю не всталъли генералъ, на что сказалъ что можетъ быть уже проснулся, а вотъ скоро де увидимъ не позоветли каво.

Я сего лакея прошу, какъ войдетъ чтобы обо мнѣ доложилъ, онъ отъвѣчаетъ, чтобъ я пообождалъ какъ камеръдинеръ придетъ и евобы о томъ попросить, а мнѣ де докладывать не можно.

Подождалъ я тутъ еще съ четверть часа и дождался камердинера, онъ носилъ нѣчто въ рукахъ завернутое въ бумаге, я ево также сталъ просить чтобъ обо мнѣ доложылъ, толко какъ обыкновено у болшихъ господъ таковы слуги, кои у господина блиски бываютъ, надути спесию, а особливо ежелы чрезъ ныхъ кому приступъ нуженъ, что сіи твары тако дѣлаютця горды что съ лучшимъ человѣкомъ говорить не хотятъ, * такъ то и сей мнѣ такуюжъ встречу здѣлалъ, говоритъ обождите здѣсь ежелы вамъ угодно, какъ генералъ выдетъ тогда можете ево видѣтъ, а мнѣде обо всякомъ не бегать докладывать, и то сказавъ хатѣлъ было отъ меня итытъ далѣ; (но какъ я желалъ и стѣмъ такъ рано туда пришолъ, чтобъ ускоритъ съ господиномъ вицъ-президентомъ самъ адынъ по своей нужде говоритъ, нежель чтобъ ждать и когда еще соберетца болшъ людей, причемъ бываетъ что и неудастца иногда получитъ слова поговорить), для чего сталъ я повторять къ камердинеру мою прозбу съ уклонами чтобъ обо мнѣ доложилъ, на что ужь склонился, спрашиваетъ кто вы таковъ чтобъ умѣлъ генералу сказать, я и то ему обьявылъ, и погодя потомъ немного, зазвенѣло въ спалны колокольчикъ, и потому знаку камердинеръ туда пашолъ, а спустя немного, и меня тудажь въ спалню позвалы.

---

* Однако сь другой стороны и то есть нужно, естлы хочешь имѣть къ болшому господину скорой приступь, то старайся первее узнать слуги его, и проведивай каторой есть кь нему наиближшіи, и скоимь онь частые разговоры имѣеть, слуги таковы что блиаскии бывають по разнымь случаямь, иные по верности своеи и давнѣй службе у господина, а другіе по другимъ какимъ обстоятелствамь, однако я еще ни одного господина не видаль, которойбы такова слугу при себе не имѣль, такъ ежелы имѣешь нужду и желаешь имѣть приступь, то старайся завестъ стакимъ слугою знакомство, оны знають когда удобное есть время объ тебе докладиватъ илы словамы разсказыватъ, для чего и нежаль о томь естли тебѣ то чего будеть стоитъ.

Степанъ Федоровичъ какъ меня увидѣлъ спрашиваетѣ, что т много дней меня не видѣлъ и что я такъ худъ и влице не болеін

На таковъ приятной спросъ отъвѣчаю я, что притчина тому ша екселенція, такъ титуловалъ я его по немецки, что я забол отъ грусти и печалы по случившемуся несчастию, что мнѣ въ мо дѣле учинилась препона, и на то мосто о коемъ я прошу, уже оп дѣленъ другой а я остался, и таперь остаетца говорилъ я толко о дать мне своего счастия единствено отъ високой вашей мылости сие виговоривши припадь я къ нему къ руке усугублялъ свою п бу, (изъясняя что и при определеніи меня въ службу тогда, как изъ Цесаріи выехалъ, остался противъ протчихъ выходцовъ обы нымъ, какъ всѣмъ вто время чины даны болшъ нежель оны въ сарской службе были, а я принятъ толко тѣмже капитанскимъ номъ скоимъ выѣхалъ).

Мой високой милостивецъ Степанъ Ѳедоровичъ виелушавъ и что я говорилъ до последняго слова, отъвечаетъ мнѣ и говоритъ, ваше дѣло состоитъ таперь несколко въ затрудненіи, потому что ваканцию коя вамъ слѣдовала уже заступылъ Перичъ, и полага Степанъ Ѳедоровичъ выну на Шевича, говоритъ что онъ учинылъ себя представление объ одной ваканціи въ двойнѣ, одно въ сен о помещеніи на оную Перича, а другое въ коллегию на туюжъ ва цию о помещеныи васъ, и что Шевича таковъ поступокъ есть не непохваленъ, коимъ нанесъ въ коллегіи затрудненые, а таперъ н ково уже и нелзя будетъ, говорилъ Степанъ Федоровичъ, о ваш дѣле какъ что пообождать, покудова будетъ наше собрание въ легіи и мы о томъ предъпримемъ наше разсуждение.

Я тѣмъ отъ моего милостивца отъвѣтомъ былъ много доволѣ отклонясь вышолъ, и поспешалъ какъ еще было порано, чтобы и л гова моего благодетеля Петра Спиридоновича въ доме застать.

Тотъ день послужылъ мнѣ хорошою удачею, я какъ и къ с господину на дворъ пришолъ и вошедъ въ пакой засталъ его о вающагося, готовился во дворецъ выехать, онъ въстретылъ менѣ сково, а также приметылъ изъ лица моего премену, спросилъ что такъ худы сталы и здаровыль вы, я ему на то отъвѣчалъ тѣ са слова, что и Степану Феодоровичу говорилъ, повторяя прозбу о емъ дѣле.

Онъ столко былъ милостивъ, что сожалѣлъ обо мнѣ говори что вы и вто время какъ васъ въ службу принялы пророниlы с

чиномъ, тотже о коемъ таперь уже съ трудностыю ищете, и на сей случай надобно вамъ взять терпеные и пообождать до своего времены, яко та просимая вамы ваканція уже занята другимъ, о чемъ не инаково могу вамъ сказать какъ толко то, что колъегия объ васъ будетъ имѣть свое разсмотрѣние.

Обѣ сіи отъ господъ въ тотъ денъ въстречи подалы мнѣ некоторую надежду, почему уже и не осталось болѣе что дѣлать, какъ терпѣть и ожидать решимосты отъ колъегіи.

Тотже день подъ вечерѣ пашолъ я еще и къ третѣму господину, Василию Ивановичу Суворову, каторой былъ генераломъ маиоромъ и присутствовалъ также въ колъегіи, я прежде у него бывалъ, однако не много въ ползу склонъносты отъ него видѣлъ, а в тотъ вечеръ еще и менше.

Я какъ сталъ ево о своемъ дѣле просить, то онъ по своей милосты прямо совсѣмъ мнѣ отъказалъ, и говоритъ, что вы по прозбе вашей награждены чиномъ быть не можете потому, что та ваканция уже занята, и вы напрасно, говоритъ онъ мнѣ, тутъ живете и указываетъ ехать къ своей команде.

Сей господинъ былъ своимъ сложеныемъ отъменъ отъ всѣхъ протчихъ господъ, и никаво изъ иностраныхъ не любыль, почему и мнѣ отъ него такой отзывъ былъ.

Были тогда обстоятельства, что предвозвещалы съ прускимъ королѣмъ Фридерикомъ вторимъ воину, почему частие происходилы при дворе конференціи, и прошло время долго что въ колъегіи полнаго собраныя быть не могло, и потому оставалось мое дѣло въ прежднѣмъ своемъ положеніи безъ действия и протекло времены месецъ целой.

То время празно месецъ целой жить въ Петеръбурге и со днямы прежде прошедшимы, а ктому были еще и другие издержки, отъ чего въ моемъ кармане душа стала изчезать, что и принесло мнѣ еще болше думать; естли еще надалѣ продлитца мое дѣло какъ недостатокъ въстречатъ, я непрестано всякаго празничнаго дня хотя къ господамъ и хажу и оны меня видятъ, и случаетца иногда что со мною говоря, а иногда и такъ проходытъ, но еще о своемъ дѣле ничего непредвижу, и напала на меня такая скука, что тѣ дни показались мнѣ не иначе, а какъ пучина морская, а толко мнѣ и забавы было что ходытъ по улыцамъ въ превеликомъ униныи, напоследокъ

вздумалъ паитыть въ колълегию отъ скуки, тамъ поседетъ и пойми трѣтъ не услишулы чего о собранию, было то въ тотъ денъ поутр рано въ четверкъ.

Я пришедъ туда вошолъ въ ексекуторскую, засталъ на своем месте ексекутора, назывался Гаврило Петровичъ Череповъ, онъ был человѣкъ обходителной, умѣлъ доволно хорошо говорить по немецки мы вошли въ кое какие разговоры, между протчимъ говоритъ онъ что утре будетъ въ коллегіи полное собранье; я какъ сие услиший тотъ часъ пашолъ прямо на дворъ къ Петру Спиридоновичу, засталъ его еще въ доме, просилъ его съ наиболшою понизеностью о не ставленыи меня въ моемъ дѣле, на что отъвечалъ что завтре бу детъ онъ о томъ старатца, и съ тѣмъ я отъклонясь пашолъ на свою квартеру.

По утру рано пашолъ я къ Степану Федоровичу и такъ уско рилъ, что прежде къ нему пришолъ нежель онъ выехалъ въ колъле гию, просилъ его прилежно о неоставленыи меня по моему дѣлу, и что сказалъ паидите въ колълегию и тамъ дожидайтесь меня.

Я тотъ часъ поклонясъ ему пашолъ болшимы шагами и при шедъ въ коллегию, сталъ на такомъ местѣ куда онъ проходытъ будет

Спустя споlъчаса едетъ мой благодетелъ Степанъ Феодорович я ему у дверей сделалъ болшой поклонъ напомынная о себе, он толко что немного уклоныlъ голову прошолъ мыма въ присудстви

Выжу я того секретаря у коего моя челобытная лежитъ, что онъ възадь и впериодъ съ деламы къ докладу бегаетъ и носитъ туд въ присудствие.

Дождался я тутъ при дверяхъ даже до начала третьяго часа, ко кудова было время присудствущимъ выходытъ, и какъ Степанъ Фе доровичъ вышелъ и меня тамо стоящаго увидѣлъ, то остановылся го воритъ мнѣ, что ваша челобитна слушана и что принадлежитъ с оной зделать о томъ уже приказано, съ тѣмъ онъ пашолъ, а я еще остался дожидатца и другова моего благодетеля Петра Спиридонович Суморукова, онъ также какъ вышолъ и меня увидѣлъ говоритъ мне мымоходомъ, что по челобытной моей подлежащее здѣлать приказан

Далѣ и не было уже мнѣ надобносты стаятъ и дожидатца вы хода изъ присудствия генерала Суворова зная его недоброхотство, также и генерала царевича Грузинскаго, которой хотя въ колълег

и присудствуетъ, но онъ былъ человѣкъ доброй, ничего не спорилъ и никому ни добра ни зла не дѣлалъ, и для того пашолъ я къ секретарю поклонитца и спрашивать.

Онъ сказалъ мнѣ весты приятние, что по челобытной моей приказано здѣлать выписку и занесть во оную всно отъ начала моего въ Россию выхода и определеныя въ службу, почему тогда говоритъ мнѣ секретарь, какъ то въ будущее присудствие разъсмотритца, тогда и резолуция настоящая положена будетъ.

Таперъ уже стало мнѣ немного полехче, и тѣмъ даволѣнъ что дѣло возбудилось, челобитню мою отъдалъ секретарь въ повитие съ приказаныемъ, чтобы по оной подлежащую здѣлать выправку и заготовывши подать къ нему, (я повитчика упросилъ и на другой неделы во вторникъ было уже мое дѣло готово и подано секретарю).

На тойже неделѣ въ четверкъ было въ коллегии полное собраные, я въ тотъ день дождался всѣхъ господъ въ колъегіи стаялъ у дверей и всѣмъ въ мымоходѣ кланялся, оны меня видѣлы, и остался я уже на томъ местѣ, дожидаясь великой и богатой милосты.

А въ часу двенадцатомъ позвалы меня въ присудствие объявляютъ мнѣ господа присудствующие, что дѣло мое разсматривалы и что колълегия инаково определить не можетъ, яко та просимая ваканция уже занята и на тотъ окладъ определѣнъ сенатомъ маиоръ Перичъ, а вы, говорилы мнѣ господа, что при определеньи васъ въ службу противъ протчихъ выходцовъ тогда чиномъ не награждены, а приняты тѣмже капитанскимъ чиномъ съ какимъ изъ Цесаріи вышли, то будетель вы таперъ даволны какъ колълегия положитъ, чтобъ вамъ чинъ секундъ маиорски дать и остатца сверхъ комлекта на окладе капитанскомъ въпредь до ваканціи.

Напротиво такой великой милосты, немного хотѣлъ я уже говорить какъ толко что даволенъ, и прашу втомъ учиныть определеные, по симъ моимъ словамъ Степанъ Федоровичъ, яко первоначалны въ присудствіи, поздравляетъ меня секундъ маиорскимъ чиномъ, я поклонясь поблагодаря вышолъ изъ присудствия въ ексекуторскую, гдѣ и многие штабъ-офицеры еще стаялы; а на другой день хадылъ я ко всѣмъ господамъ на дворъ благодарить.

А покудова определеные подписано и потому вышолъ указъ, то прошло еще несколко дней, однако между тѣмъ не было мнѣ скучно того ожидать, и проводылъ время забавою, хадылъ во дворецъ на опе-

[illegible] я на [illegible] когда [illegible]. я [illegible] себя зрениемъ по тогда[illegible] [illegible] великой моей [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] сталъ я помышлять какбы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] избавлениа отца своего изъ Цесаріи, почему вознамерил[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] просьбу. [illegible] по моей въ Россія [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] совете спрашивать, на послѣдок[illegible] сталъ я самъ [illegible] челобытную свою въ рускомъ языке тогд[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] выносить материю, я ее писалъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. я [illegible] онуюо содержалъ у себя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] между тѣмъ о моемъ новомъ чинѣ указъ вышелъ я [illegible] въ [illegible] Шевичеву, съ коего указа [illegible] [illegible] [illegible] въ коллегія копыя и мнѣ данна, то стого времены между [illegible] [illegible] бумагамы я нинѣ оную храню.

[illegible] [illegible] по утру рано пашолъ я къ господину вицъ-президенту Степану Феюровичу Апраксину, онъ меня какъ увидѣлъ, сталъ спрашивать скоро ль я отъправлюся въ полкъ, я ему на то отвѣчалъ, что болѣе не имѣю дѣла здесь бавитца, толко еще нужда одна меня удерживаетъ. о которой осмеливаюсь вашему высокопревосходителству донесть. онъ прехватылъ моя слова, говоритъ добро, обьявы мнѣ вчомъ твоя нужда состоитъ, и ежелы втомъ будетъ возможность то я не оставлю зделать тебы вспоможеные, на сей приятной мнѣ отъ Степана Федоровича отвѣтъ. сталъ я ему докладивать, и пресказиваю объ отце своемъ все обстоятелно, упомянувъ при томъ и то что для того отецъ мой и меня въ Россию отъпустылъ, и я такой великой трудъ. страхъ. и рыскъ понесъ, покудова могъ увольнение сво отьтель получить. какъ вашему высокопревосходительству уже о томъ моемъ выездѣ извѣстно, единствено для того чтобъ также отца со всею фамылиею отътуда могъ вызволыть, и таперъ говорилъ я къ Степану Федоровичу получилъ отъ отца моего пысмо, коимъ приказываетъ мнѣ, чтобъ о увольненіи его я самъ старался и просилбы здесь у господъ втомъ милостиваго въспоможенья, ибо онъ самъ собою по строгимъ тамошнымъ запрещеныямъ просить такова увольненыя не смѣетъ, для чего я и прошу таперъ вашего высокопревосходительства оказать мнѣ въ такой моей нужде высокую свою мылость и принять отъ меня въ томъ прошеные.

Сей господинъ, виcлушавъ мои слова, говоритъ мнѣ чтобъ подать въ колълегию челобытную, по которой что можно будетъ зделать не оставитъ колълегия учинитъ разсмотрение, похвалыль притомъ Сте-

анъ Федоровичъ таково отца моего намереные и также что я объ ѣмъ стараюсь.

Я отвѣчалъ съ прозбою изъясняя, какъ я человекъ еще новой недавно вышолъ и что незнаю какъ дѣло зачать и кавобы просить тобъ сочинить мнѣ челобитную, дабы иногда говорилъ я незделать акой ошибки, и для того прашу вашего высокопревосходителства, огда вы мнѣ при моемъ выездѣ въ Россию и таперъ въ моемъ прозводстве также оказалы отеческую мылость, то и всемъ моемъ дѣле будте мнѣ наставытель, ибо я никово другаго себы благодетелемъ не наю окроме васъ.

Моя прозба была ему видно угодна, что сталъ говоритъ я де всѣхъ васъ люблю а особливо тебя, и хачу быть во всякихъ случаяхъ тебы въ помочъ, сие сказавъ, приказиваетъ мнѣ пообождать въ переднѣмъ пакою, а яде тебя опосля призову, при чемъ приказиваетъ ординарцу чтобы изъ колълегіи призватъ секретаря Немова, ординарецъ получа приказъ пашолъ въ коллегию, а я вышолъ въ залъ.

Потомъ спустя часъ места идетъ секретаръ Немой (такъ онъ звался и силенъ весма по своему дѣлу былъ въ коллегіи) онъ пашолъ залѣ во внутръ, куда вскоре и меня позвалы, я какъ вашолъ туда, сталъ мнѣ Степанъ Федоровичъ говоритъ указывая на секретаря, вотъ етотде господинъ всио то напишетъ что вамъ надобно, вы явитесь у него и объясните свою нужду, я поблагодаря за такову високою мылость и поклонясь вышолъ опять въ залъ, дожидаясь покудова секретарь выдетъ, онъ мало погодя какъ вышолъ говоритъ мнѣ, чтобъ я къ нему въ три часа после полъденъ приходылъ и стѣмъ разошлыся.

Я тотже денъ какъ назначено въ три часа послѣ полъдня пошелъ къ секретарю на домъ, взялъ съ собою мою челобытную которую я составлялъ, нашоль секретаря въ доме, онъ меня павелъ въ свою спалню, приказавъ слуге естлибы кто посторони пришоль, то чтобь сказатъ нѣтъ дома, дабы ему въ дѣле не было помешки.

Господинъ секретаръ посадылъ меня на канапеи, и самъ возлѣ меня сель, зачалъ потомъ спрашиватъ какое мое дѣло, обьявывъ при томъ мнѣ чтоде Степанъ Федоровичъ, какъ я примечаю говорилъ секретаръ, конечне хочетъ вамъ въ вашемъ дѣле вывесть вь вашу ползу, я вынулъ сочинѣную мною челобытную говорю ему, что вотъ вся моя нужда написана здесь, но не погнѣвайтесь говорю я что писано можетъ бытъ въ речахъ накриво, яко я еще человекъ новой и россій-

скаго языка твердо не знаю, такъ прошу пресмотреть и что слѣдует препрaвить.

Онъ говоритъ что ето нѣтъ ничево, а мнѣ толко материя (дѣле надобна а потомъ я знаю какъ сложить должно, възявъ от меня читалъ и ничего не пречерчывалъ окроме некоторые речи, что с Сербскаго языка съ рускимъ были накриво и несходно напысаны кои онъ разумѣть не могъ, то о тѣхъ спрашивалъ что оное значит о чемъ какъ я ему претолковалъ и онъ настояще понялъ, то толко т речи пречерныл, и говоритъ мнѣ чтобы я чрезъ два дни къ нем явылся, а онъ между тѣмъ обещаетъ составить дѣло какъ ему быт надобно. Потомъ отъклонясь я секретарю пашоль на свою квартер

А въ назначеной денъ пашоль я опятъ къ нему на домъ, застал его дома, показываетъ мнѣ составленую челобытную, въ которой вся т материя состоитъ, какъ что и я напысалъ, но другимъ тономъ выр жено, и по прочтеніи спрашиваетъ меня секретаръ угодноль мнѣ бу детъ такъ что онъ написалъ.

Я ему незналъ что болѣе говоритъ окроме моеи благодарност и что тѣмъ самымъ обовязанымъ останусь навсегда признавать е своимъ приятелѣмъ, я поднесъ ему въ знакъ моей благодарносты ф нифтовую хорошую табакерку, какъ оные тогда носить въ модѣ был толко онъ отъказался и взятъ нехотѣлъ, и говоритъ что онъ ест удастся потомъ видѣть желаемой мною успѣхъ, то тѣмъ будетъ он доволѣнъ, отъдавъ мнѣ ту начорно писаную челобытную сказалъ, что въ коллегіи отъдать въ его повитыи повитчику для препыски на бел

Я отъклонясь господину секретарю пашолъ просто въ коллеги отъдаю ту челобытную повитчику, каторой и прежде былъ мнѣ зн комъ, онъ принявши прочолъ и велѣлъ одному писарю преписат которую я потомъ держалъ у себя покудова въ коллегіи полное пр судствие собралосъ, которое завтрешни денъ и было.

По утру рано пашолъ я въ коллегію и дожидаюсъ у дверей, ку господа присутствующіе проходытъ будутъ, и какъ пришолъ мой бл годетель Степанъ Федоровичъ, то я подойдя къ нему, подалъ челобы ную, онъ отъ меня оную принялъ и понесъ съ собою въ присудстві

Потомъ пришло время часъ второй во исходѣ, сталы господа пр сутствующие выходытъ и всѣ ужъ вышли, спрашиваю я секрета небылоль по моей челобытной какова приказаныя, на что отвеча что де ваша челобытная у меня, и приказано оную въ будущее с

браные доложытъ, а севодня нелзя было говоритъ секретарь по ней ничево зделать, ибо много дѣлъ нужнейшихъ было въ докладе.

Дожидатца мнѣ ужь было необходымо другаго собраныя, что продолжилось дней шестъ, между тѣмъ хадылъ я спрозбою къ моимъ высокимъ молостивцамъ къ Степану Федоровичу Апраксину, и къ Петру Спиридоновичу Суморукову, оны оба меня обънадежилы что по челобытной моей о вызволеніи отца моего въ первомъ собраніи въ коллегіи не оставятъ учинитъ подлежащее разсмотреныe.

По мынованіи уже семъ дней уведомылся я что завтре во вторникъ будетъ въ коллегіи собрание, для чего поспешилъ я въ тотъ денъ поранѣе въ коллегію, и сталъ тамъ на такомъ местѣ и гдебъ меня господа мымоходомъ могли видѣтъ.

Оны въ тотъ денъ въ присудствіи сидѣлы поменше преждныхъ дней, и при выходѣ Степанъ Федоровичъ какъ меня увидѣлъ, то проговорилъ ко мнѣ понемецки, чтобь я не скорбылъ ваше де дѣло сегодни слушано, я ему поклонясь благодарилъ.

Я потомъ пашолъ къ секретарю спрашиватъ о резолюціи, на что отъвечаетъ что по челобытной моей естъ приказаніе чтобь написатъ отъ коллегіи докладъ государыни, и проситъ коллегія милостивѣишаго повелѣнія, дабы повелѣно было по прозбе вашей писатъ къ полномочному мынистру въ Виенѣ находящемуся о исходатайствованіи отцу вашему съ фамилиею при дворе цесарскомъ уволненія въ Россію.

На завтрешни денъ былъ я у Степана Федоровича, онъ мнѣ тоже самое сказалъ, и обнадежылъ меня чтобь я втомъ надѣялся, ходилъ потомъ и къ Петру Спиридоновичу спрозбою, отъ коего также получилъ хорошую надежду, что по моей прозбе докладъ будетъ написанъ.

Спустя дней шестъ при полномъ собраніи въ коллегіи тотъ докладъ подписанъ и поднесенъ государини, на что ея величество всемилостивѣише указать изволела въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобъ изъ оной писатъ Выену къ находящемуся тамо полномочному мынистру графу Кейзерлингу о исходатайствованіи отцу моему съ фамилиею въ Россию отъпуска, съ прописаныемъ резоновъ, яко я синъ его съ дозволеныемъ двора цесарскаго выехалъ въ Россию, а отецъ мой остался тамъ съ малолетнимы дѣтмы, и что обе стороны остаютца одна по другой по разлуке въ величкомъ сожаленіи, для чего полно-

мочни министеръ, чтобы употребылъ свое стараніе о такомъ у
ніи отцу моему въ Россію.

Сие именое повелѣние въ коллегію иностранныхъ дѣлъ в
сено и потому сталы отъправление дѣлатъ, я туда всякой ден
дылъ и просиль, бывалъ также часто у вицъ—канцлера графа В
цова просиль его, онъ былъ господынъ весма ласкавой обещал
вскоросты отъправлено будетъ, и что еще и онъ отъ себя къ п
мочному министру писатъ будетъ, обнадеживалъ меня своею мило
и чтобь я до своего времены имѣль терпѣние.

Минуетъ уже дней десеть моего въ коллегію иностраныхъ
хожденыя и дождался того дня, въ которой мое дѣло отъправлен
детъ, мнѣ сказано что курѣръ нарочны едетъ въ Выену, которой
въ коллегіи случился, спрашиваю я его когда отьежаетъ и мо
отъ меня писма взятъ съ собою въ Выену, на что отьвечаль что
ездь его будетъ завтре съ полдня въ четвертомь часу, а писм
воритъ курѣръ, ежелы оные идутъ на посолски дворъ въ Виен
лучше будетъ когда поутру рано принесете ихъ сюда въ колле
попросите оберъ секретаря, чтобь вложитъ въ болшой пакетъ,
другие партикулярние писмы кладуть, я скоряе пашоль на квар
пишу писмо къ отцу моему уведомляю его тѣмъ, что я нахожу
Петерьбурге, и что исходатайствовалъ такую о увоненіи его
луцію, и что о томъ писано въ Виену къ полномочному минис
что въскоре пашпорть о выходе въ Россию получить будеть, а д
писмо пишу я къ господину легаціонсъ секретарю Волкову, ибо
нева уже тамъ въ Виенѣ, нѣть а прешоль по указу въ Пари
тамошнѣму посолству.

Въ тоже писмо что къ Волкову въложилъ я и оное, что къ
моему пишу съ адресомъ въ то место где онъ находитца, и п
Волкова чтобы отьдатъ на почту, а также просиль я Волкова и о
что когда пашпорть отцу моему видеть, чтобь отослатъ въ г
Петроварадинъ къ нему, где онъ тогда находылся.

Во всемъ томъ зделался успѣхъ по желаныю нашему, госп
полномочни пасоль графъ Кейзерлингъ по рескрипту писанному къ
изъ иностраной коллегіи приложиль свое старание чрезъ тамош
канцлера, и пашпорть отцу моему о свободномъ съ фамилые
Россию выходе изъходатайствовалъ, и отосланъ по команде та
нѣй въ Петеръварадинъ къ тамошнѣму оберъ коменданту ген

Бароңъ фонъ Елфенреиху (о коемь я въ первой часты моей повесты упомыналь) съ повеленыемъ, чтобь онаго отцу моему вручить.

А до присилки туда пашпорта, отецъ мой получиль по почте присланое ему отъ господина Волкова мое писмо и уже онъ былъ обо всѣмъ сведомъ, но никому того необьявлялъ а содержалъ у себя въ болшомъ секретѣ, и спустя потомъ месецъ послаль за отцемъ моимъ тамошны оберъ комендантъ, (о коемь више сказано), требуетъ его къ себе, хотя сие и предвещало о благополучномъ успѣхе извѣстнаго уже дѣла, но однако отецъ мой, какъ онъ потомъ мнѣ пресказивалъ, о такомъ повелѣніи чтобь ему въ крепость явытца посумнѣвался жестоко, а тѣмъ болше что посланной за нымъ отъ артилеріи сержантъ не хотѣлъ безъ него назадь итыть (крепость Петроварадинъ лежитъ на правомъ берегу реки Дуная, а на левомъ напротивъ оной, лежитъ городъ Петроварадински шанецъ преименованы Новы Садь, илы понемецки die statt Neysatz, въ которомъ отецъ мой пребываніе свое имѣль).

Отецъ мой по такой за нымъ сержанта отъ артилеріи посилке впаль въ великое сумнителство, ибо сіи люде ежелы за кѣмъ пошлютца бываетъ двояко, первое изъ почесты, а другое по какому лыбо несчастию, такъ тогда и отецъ мой болшь думалъ къ несчастыю нежель къ приятносты, понеже вто время некоторые изъ нашихъ Сербовъ по тогдашнѣй учинѣной отъ двора цесарскаго къ выходе въ Россию строгой публикаціи были въ ихъ намереніи изъобличены чрезъ что пострадалы, что и подало отцу моему притчину боятца и жестоко было испужался, воображая что какая ни есть въ полученіи пашпорта учинилась остановка илы и вовсѣ невозможность, и тѣмъ осталось известно что онъ въ Россию выехать желаетъ, и что конечне потому его въ крепость требуютъ, ибо онъ того не зналь что пашпорть къ нему чрезъ тамошную каманду пришлѣтца, а ожидаль онаго получить чрезъ почту илы чрезъ какую другую оказию, а какъ посланой за нымъ итыть самь одинъ назадь не хотѣль, то ужь отецъ мой будучи страхомъ великимъ обнять принужденъ съ тѣмъ за нымъ посланымъ итыть въ крепость, и явитца у оберъ коменданта.

Оберъ-комендантъ, зная моего отца весма коротко, встречаетъ его словамы говоритъ, что вы господинъ Пишчевичъ хатите въ Россию итыть, на сей запросъ отвечаетъ отецъ мой что нѣтъ и незнаеть, тогда сказалъ оберъ-комендантъ какъ не знаешъ вотде и пашпортъ вашь присланъ, отецъ мой не видитъ еще пашпорта посумнѣ-

вался, не делаетцаль наднимъ какое искушение, отьвечаетъ вторитедн своимъ незнаниемъ упомянувъ при томъ что разве синъ мой, катоторой отъ двора здешняго уволненъ и таперъ находитца въ Россіи самъ собою не просиллы о моемъ уволненіи, а яде говорилъ онъ ничево не знаю.

Тогда оберъ-комендантъ приказалъ принестъ изъ своей канцеляріи пашпортъ, отьдаетъ его отцу моему сожалѣя о его отъездѣ, говорилъ что де вы напрасно свое отечество покидаете, вы здѣсь и предки ваши много служилы, и во всякомъ почтеніи признаваемы были, а таперъ безъ никакой нужди отъежаѣте и оставляете всю ту честъ, кою здесь заслужилы, въ тужѣ, разоряете самы свой домъ, и имѣние продадите въ безценокъ, и хатите въ чужемъ царстве зачинатъ подсвои лѣта въновъ себя заслуживатъ, что можетъ быть покакимъ нибудъ обстоятелствамъ и неудачно вамъ будетъ, и на послѣдокъ чтобъ не сожалѣлы, а впрочемъ какъ угодно сказалъ оберъ-комендантъ, желаю вамъ счастливой путь.

Отецъ мой изъявилъ болшъ притчину своего отъезда въ томъ что я въ Россіи, и что такъ видно судбына бытъ определыла, простясъ у оберъ-коменданта пашолъ дамой.

По полученіи пашпорта отецъ мой зачалъ продаватъ всио свое недвижимое имѣние и скотъ, и подлино въ безъценокъ, зачалъ потомъ готовитца въ дорогу съ тѣмъ намереньемъ, чтобъ еще тогожъ лѣта успѣтъ выехатъ.

Яжъ по совершеніи всѣго дѣла небавывся болиъ въ Петербургѣ отъправылся въ апрелѣ месеце къ своей команде къ генералу Шевичу на поселеные и прибылъ благополучно дамой, явылся къ своему генералу и указъ о производстве моемъ подалъ, и потому въ мой новой чинъ приведенъ къ присяге.

Весна какъ уже отъкрыласъ, взялся я за свое хозяйство, стала у меня по економыи воображатца о всякомъ дѣле охота и прилежностъ, зачалъ сѣятъ хлѣбъ и заводитъ себя потребнымъ, помышлялъ и о томъ какъ отца своего принятъ когда приедетъ, для чего хотѣлъ пристроитъ еще два покоя, еднимъ словомъ ни о чемъ болѣе не думалъ, а толко о томъ какбы мнѣ во всѣмъ достигнутъ и узнатъ силу что до економыи надлежитъ, и тѣмъ назватца хазяиномъ но таково мое предприятие не надолго меня веселыло, а надоб было вдругъ всио бросить і итытъ туда куда судбына ведетъ, и при

нимать на себя трудь, прискорбые, и встречать всѣ тѣ несчастіи кои для меня приуготовлены.

Съприезда моего изъ Петербурга не болѣе я тамъ на поселеныю былъ какъ недѣлъ восемъ, вотъ и указъ къ господину генералу Шевичу изъ военной коллегіи присланъ, коимъ повелѣно чтобь немедлено меня, и адютанта Маркова, да вахмистра Крестича, и еще другихъ двухъ вахмистровъ, отъправить въ Киевъ къ господину оберъ-коменданту Костюрину, и отъколь отъправлены будемъ въ чужое государство по секретной камысіи.

Меня призвалъ генералъ Шевичъ, обьявляетъ тотъ указъ и весма былъ тѣмъ недоволѣнъ, а я еще болшъ какъ о томъ услишилъ, исчего лехко догадатца было можно, что то зделалось по требованыю черногорскаго владики и маіора Петровича, я говорю своему генералу что ехать не хачу и что моей волы къ тому нѣтъ, и что я сталъ заводитца хазяйствомъ и економыею на поселеныю, и что я какъ поеду лышусъ всего своего имущеетва.

Генералъ Шевичъ такому моему отъзыву былъ доволѣнъ и вознамерился было чтобь меня и ту всю наряженую каманду удержать, по на тожь время онь о томже получилъ изъ Бахмута отъ генерала Бибыкова сообщение, коимъ уведомляетъ что по такомужъ военной коллегіи указу надобно насъ камандированыхъ удоволствовать изъ его камысіи жалованыемъ, то и требуетъ чтобы мы мымоездомъ къ нему въ Бахмутъ явилыся, на сие къ Бибыкову генералъ Шевичъ и отьвечаетъ что онъ удержалъ, и намеренъ чрезъ курѣра представить въ военную коллегію спропысаниемъ нашей прозбы, яко мы зачалы на поселеныю заводытца економыею и строеныемъ и что нашей нѣтъ воли ехать, и что можемъ чрезъ то по нашей новосты лышитца всего имущества, генералъ Бибыковъ не умедлилъ скоро къ Шевичу въ отвѣтъ написать советуя чтобь того недѣлать, ибо чрезъ такову остановку можетъ подвергнуть себя великому отъвѣту, и ехать конечно надобно куда велѣно, повторяя втомъ сообщеніи, чтобы насъ скоряе къ нему въ Бахмутъ отъправилъ для выдачи намъ жалованыя.

По сему обстоятелству и нельзя было иначе здѣлать, а должно мнѣ съ тѣмы другимы командированимы ехать куда велѣно. о чемъ мнѣ отъ моего генерала и ордеръ данъ.

Я симъ дѣломъ оскорбылся жестоко выдя, что чрезъ такову путь лышусъ всей моей зачатой економыи и потѣряю всио что имѣю, для

чего вознамерился было ехать самъ адынъ, а супругу свою съ ленкимы дѣтми оставитъ въ доме тутъ напоселеныю, о семъ ка супруге своей обьявылъ, то она, небывъ тѣмъ даволна, говоритъ ни подкакимъ выдомъ остатца после меня не хочетъ, а желаетъ ч конечно со мною въместѣ ехатъ, принося въ резонъ къ возможн что и маиоръ Петровичъ свою супругу съ собою же възялъ, а му еще что при сей оказіи можетъ видѣтъ своихъ оставшихъ въ саріи матъ, брата и сестеръ, коихъ опосля, говарила она, мо бытъ и не доведетца никогда болшъ видѣтъ.

Вижу я что мнѣ супругу свою отъ ее намереныя никакъ неможно уговоритъ, чтобъ остатца въ доме на поселеныю, прину согласитца и взятъ ее съ собою, разпродавъ всио что было на зяйство приуготовлено, также скотъ рогатой, овци, и табунъ л диной, чѣмъ было къ приплоду зачало здѣлалъ, всио то прода приуготовылъ себя въ дорогу какъ можно полехче, зная уже к мнѣ чрезъ горы Венгерские прискорбная путъ будетъ, а остав толко домъ непроданой, въ коего въпустылъ адного капрала для смотру до моего обратнаго приезда, и съ тѣмъ отьправылся в путъ.

Заехалъ я съ своею командою въ Бахмутъ, явилыся у генер Бибыкова, отъ коего получилы жалованые въпредь на полъгода, ко одню окладное безъ рационовъ, а отътуда предьпринялы до въ Киевъ.

Изъ Киева отъправляетъ насъ господинъ оберъ-комендатъ стюринъ за границу съ повелениемъ, чтобы намъ всѣмъ ехать сто чрезъ Полшу въ Цесарию, и явитца уполномочнаго россійс посла графа Кейзерлинга тамо въ столичномъ городѣ Выенѣ нах щагося, отъ коего что далѣ предпринятъ дано будетъ мнѣ повелѣ а при семъ господинъ оберъ-комендантъ Костюринъ выдаетъ н на проездъ по указу сенатскому денги, мнѣ наровнѣ съ адютант каждому по двѣсты, а вахтъмейстрамъ каждому по сту рублевъ.

По какому несходству докладиваю я господину оберъ-коменда что я по моему штабь-офицерскому чину и чрезъ такъ далную п сь двесты рублямы не могу вытитъ наконецъ, и принужденъ б разоритца и войтытъ въ долги, онъ на то отьвечалъ что такъ зомъ предписано и что онъ самъ собою не можетъ никакой бо прибавки учинитъ, и даетъ мнѣ ордеръ съ приложеныемъ при он

о свободномъ нашемъ до Вьены проездѣ изъ киевской губернской канцелярій пашпортъ.

По сему докладываю я господину оберъ-коменданту, изъясняя о такомъ пашпорте что мнѣ со онымъ нелзя будетъ проехатъ до Виены, и сказываю какие въ Венгріи и въ Цесаріи строгосты и что для такова далнѣго чрезъ чужие государства путы и проезда надобно мнѣ необходимо имѣтъ пашпортъ отъ иностраной коллегіи съ государственою печатью, а инаково проѣхатъ мнѣ будеть неможно.

На сей мой докладь господинъ оберъ-комендантъ не былъ доволѣнъ и говоритъ что де губерныя киевская вездѣ естъ известна, и потому конечне и в Цесаріи обь ней знаютъ и я чтобь ехалъ съ тѣмъ пашпортомъ въ свою дарогу.

И тако принужденъ я былъ съ такимъ отъправленыемъ изъ Киева выехатъ, и въступывши въ Полшу чрезъ всю дарогу были мнѣ даволно отъ Поляковъ препоны, какъ онѣ тогда въ великой силы почиталы себя, и проежимъ россійскимъ ни мало приятства а болше грубосты оказивалы, какъ и меня съ командою на многихъ местахъ что останавливалы, еквипажъ нашъ прекидивалы, пошлины требовалы, и на другихъ местахъ мостовые денгы и тому подобное, чрезъ что лышние остановки и затрудненыи случалысъ, покудова напослѣдокъ едва до границы Венгерской доехалы.

Въехавши мы въ Венгрию на первомъ карауле, где таможеные осмотръ дѣлаютъ, насъ своимъ порядкомъ осмотрѣлы, и какъ я съ нимы умѣлъ говорить и сказался россійскимъ маиоромъ и что еду въ Виену въ нашему россійскому послу по дѣлу важному, то послужило счастие такъ что насъ пропустилы.

Я тотже денъ въ вечеру въстретылъ отца моего едущаго съ мачихою моею и с детми со всѣмъ въ Россию, мы ночевалы въместѣ въ адной случившейся по болшой дороге между горамы, карчме, онъ мнѣ пресказивалъ обо всемъ томъ, что снимъ дѣлалосъ при получеңіи пашпорта, о чемъ я више говорилъ; провелы мы всю почти ночъ въ разныхъ разговорахъ, онъ мнѣ между прочимъ сказалъ и о той черногорской камысіи, что едвалы изъ того чему харошому бытъ, и что маиоръ Петровичъ приежалъ въ Петеръварадинъ, где супруга его заболѣла и умерла, а онъ потомъ поехалъ къ Венецианской границе въ Цесарской тамо состоящи городь Триестъ, поутру я простясъ съ отцомъ моимъ далъ ему маршрутъ до Киева, онъ поехалъ къ границе Полской, а я во внутръ Венгріи.

Предо мною и вокругъ меня показалысъ уже тѣ превеличайши горы и стены каменые, чрезъ каторые мнѣ пребыратца надобно, и т кою прискорбною дарогою ехалъ четыре дни, чрезъ разные села деревны безъ никакой остановки, и проехалъ на пятомъ дню горо Еперьешъ, за которымъ, отъехавши мыли две какъ уже вечерь н ступыла, остановился въ адномъ селѣ въ тамошней карчме ночеват

А поутру какъ я въсталъ и зачалы слуге лошадей къ упраж готовитъ и возы и карету подмазиватъ, тогда прищолъ ко мнѣ чел векъ незнакомой изъ тамошныхъ людей спрашиваетъ у меня пашпо та, и отъколъ и куда еду и кто я таковъ, и где границу проехал я напротиво его запросовъ спрашиваю также, кто онъ таковъ и к кая ему надобностъ о всемъ томъ знатъ чего онъ спрашиваетъ, о на то отвечаетъ что онъ естъ изъ пограничныхъ надсмотрщико чиновной человекъ, и что его прислалъ пограничны генералъ кам саръ графъ Старай меня о томъ спрашиватъ и пашпорта требоват

Я ему на то требованые сказалъ что я есмъ россійской служб маиоръ, и что еду въ столичны городъ Виену, къ находящемуся т мо нашему полномочному россійскому мынистру по дѣлу важному с командою при мнѣ находящеюся, и показываю ему тотъ пашпор данной мнѣ изъ киевской губернской канцеляріи, а границу прееха на такомто местѣ.

Сей посланой показался мнѣ грубаго вида, потому что безъ в кой уваги о посолстве своемъ со мною говорилъ, и хочетъ мой па портъ отъ меня взятъ и носитъ къ своему камысару, въ городъ К шау, разстояниемъ отътолъ съ неболшимъ две мыли.

На таково требованые я ему пашпорта самому не отъдалъ, а тѣлъ ехатъ въ свою путъ далѣ, и говорю ему что городъ Кашау е въ переды преднамы, и я тамъ на попасъ останавлюсъ, такъ вы жете с намы въместѣ ехать, и тамъ пашпортъ мой вашему кам сару представитъ.

Онъ на тѣ мои слова отъвечаетъ грубо и говоритъ, что ти д ехатъ отсюдова не можешъ, покудова твой пашпортъ господинъ мысаръ не увидитъ, и онъ дозволытли далѣ ехатъ илы нѣтъ того знаетъ, а буде я сопротавлятца стану, то указавъ онъ мнѣ приеха шихъ с нимъ пограничныхъ оружейныхъ караулщиковъ шестъ че ловекъ, говоритъ, что я тебя далѣ ехатъ не допущу и вотъ карау ныхъ къ тебѣ приставлю, и требуетъ пашпорта.

Вижу я что върстреча сия предвещаетъ чемъ нибудь да быть худому, принужденъ былъ послать съ нымъ моего одного вахтьмейстера съ пашпортомъ къ его камысару и на томъ местѣ ожидать, покудова вахтмейстеръ мой возвратитца назадъ.

Тотже денъ подвечеръ едетъ мой вахтмейстеръ съ тѣмже пограничнымъ чиновнимъ ко мнѣ назадъ, и сказиваетъ мой вахтмейстеръ, что пашпортъ удержалъ камысаръ у себя съ обьявлениемъ, что онъ тотъ пашпортъ къ своей каманде отошлѣтъ въ Выену, а впротчемъ не знаю говорилъ вахтьмейстеръ, что онъ еще сему приехавшему со мною приказивалъ.

Я сего приехавшего чиновнаго спрашиваю, что запритчина что камисаръ пашпортъ мой у себя удержалъ и мнѣ въ путы моемъ зделалъ остановку, онъ отвечаетъ что де твой пашпортъ естъ сумнителенъ, и писанъ неизвестнымъ намъ языкомъ и безъ печаты государственной, ежелы то правда какъ ти говоришъ что ты естъ маіоръ россійской, да и границу где преехалъ неизвестно и не можетъ бытъ вѣроятно, чтобь ти на томъ местѣ прошолъ о коемъ ти упомыналъ, ибо тамъ долженбы ти бытъ остановленъ и держатъ карантинъ.

Сколко я сего грубыяна ни уверялъ, что я точно на такомъ местѣ по болшой дороге чрезъ границу проехалъ и что меня тамо свидѣтелствовалы и пропустилы, а о карантине что принадлежитъ говорю я ему, ежели бы у васъ по границе въ томъ учреждение и повелѣніе были, то бы конечне тамъ меня удержалы и не пропустили бы меня безъ того, а здесь меня говорю я для карантина въехавшаго уже во внутръ земли какой резонъ имеете удерживатъ, а ежелы о моемъ чрезъ границу проездѣ имѣете какое сумнителство, то хотъ послатъ туда на тотъ пропускъ справитца.

Однако сей чиноѣной моихъ словъ немного слушалъ и въ резонъ ничего не принялъ, отвечаетъ мнѣ, ти говори сколко хочешъ а я буду то дѣлатъ что мнѣ приказано, онъ приставылъ ко мнѣ тѣхъ караулщиковъ и еще приведшихъ съ собою одного ундеръ-афицера и одного редоваго, приобща къ тѣмъ первымъ всего восемъ человекъ меня и подькомандныхъ моихъ тутже на томъ местѣ заарестовалъ, поставывъ часовыхъ при возахъ и у моихъ дверей съ приказаныемъ чтобь меня и моихъ подкомандныхъ никуда со двора ходытъ не допускатъ, причемъ и втомъ селѣ началнику приказъ отъдалъ, чтобь на ночной караулъ даватъ въ прибавокъ еще по четыре человѣка мужиковъ.....

Сие учредивши тотъ чиновной уехалъ неизвестно мнѣ куда, а я съ подкомандними своимы остался подь арестомъ.

Тотъ денъ минулъ на томъ такъ, а на завтре взялся я писатъ къ нашему полномочному послу рапортъ въ Виену, изъяснылъ всио обстоятелство которое сомною случилосъ, запечаталъ конвертъ и надпысалъ на ономъ съверху по французски адресъ; упросилъ адного караулнога чтобь позватъ ко мнѣ почтмейстера въ томъ селѣ состоящаго, онъ былъ столко учтивъ что по прозбе моей тотъчасъ пришолъ, хотя онъ и былъ природою Венгеръ, но говорить умѣлъ и по немецки, пришедь ко мнѣ съ учтивостыю спрашиваетъ что я ему приказатъ имѣю.

Я отвечаю ему благодаря за то что пожаловалъ ко мнѣ притытъ, и обьявляю о всемъ томъ что сомною случилосъ и какъ арестованъ при чемъ подаю ему конвертъ что къ послу, и прошу чтоб принялъ и отьправилбы по почтѣ въ Виену, и далбы мнѣ въ приеме росписку, притомъ и другой конвертъ подаю ему что пишу къ состоящему въ городе Такае маиору Жолобову, которой обретаетца тамо у покупки венгерскихъ винъ ко двору нашему, (о семъ маіоре писалъ и въ первой часты сей моей повесты).

Почтмейстеръ принявъ оба тѣ мои конверта далъ въ прие[...] росписку, говоритъ что де сей наступывшей ночи почта въ Вие[...] отъежаетъ, а другая завтре въ Такай, обнадеживъ притомъ меня что [...] конверты верни туда дойдутъ, и с тѣмъ пашолъ отъ меня прочъ.

Караулщики мои такъ меня стеснилы, что со двора никуди проходитца мнѣ не даютъ, и когда изъ горницы выду то тотъчасъ приставъ за мною ходятъ и прилежно за мною смотрятъ, у меня[...] запасу для пищи себе и людямъ также и для лошадей ничего нѣ[...] и надобно тутъ у хозяина въ три дарого братъ на щотъ свой, п[...] силъ я чтобь дозволитъ мнѣ лошадей въ полѣ пустытъ, а также чт[...] кое чего сьестного искупытъ въ городь своего человека послатъ, [...] нако караулщики ни одно ни другое не дозволялы, о чемъ хазя[...] весма старался и караулщиковъ поилъ чтобь недозволятъ, дабы[...] принужденъ былъ всио потребное у ево покупатъ и тако въ то[...] положеныи прошло восемъ дней.

А на девятый денъ какъ я после обеда прохаживалъ по дво[...] слишу что почталионъ по болшей дароге отъ стороны Такайской тр[...] бытъ въ рожокъ и крепко въ почтовой калясочке лошадей погания[...]

я подьехавши просто къ той карчме где я подкарауломъ содержусь, остановылся, вижу я что человекъ сидитъ на колясочке въ плаще, весъ запылился, къ коему подошолъ караулной ундеръ-офицеръ спрашиватъ; онъ тотъчасъ снялъ съ себя плащъ, выходитъ изъ калясочки въ нашемъ россійскомъ кавалерискомъ мундире, коего я узналъ по нашивномъ на абшлагахъ позументе, что вахмистръ и надобно ему бытъ изъ Токая, позвалъ я его къ себе, спрашиваю отъкуда едетъ и куда, онъ отвечаетъ что изъ Токаю толко до сего места посланъ къ нашему россійскому маіору, здесъ содержащемуся подъ арестомъ, и какъ узналъ что со мною говоритъ, снялъ съ головы шляпу поклонился, винимаетъ изъ сумки писмо отъ маиора Жолобова подаетъ мнѣ.

Караулщики всѣ подскочилы слушатъ, что вахтмейстеръ со мною будетъ говоритъ, а какъ наши слова были по руски, то оны не могши разуметъ отошли въ сторону, а я възявши писмо позвалъ вахтмейстера съ собою въ горницу, вахтмейстеръ свидителствуетъ мнѣ поклонъ отъ маиора Жолобова сказуетъ, что де и самъ господинъ маиоръ, какъ наше писмо получилъ, хотѣлъ сюда къ вамъ приехатъ, но что боленъ на ногу и не можетъ одѣтца, для того де меня сюда съ писмомъ прислалъ.

Потомъ распечаталъ я писмо и вижу то самое написано что и вахтмейстеръ говоритъ, что маиоръ Жолобовъ хотѣлъ самъ ко мнѣ приехатъ, но по причине болезни не можетъ, а также пишетъ что онъ о приключившимся со мною писалъ въ Виену господину послу.

Тотъ день удержалъ я вахтмистра у себя, и писалъ къ маіору Жолобову писмо, а на завтре отъправылъ его обратно.

Спустя потомъ дня три приходитъ ко мнѣ почтмейстеръ съ визитомъ, седелъ у меня долго, и между разговорамы пресказываетъ мнѣ что онъ вчерашны денъ былъ въ крепосты Кашау и у того пограничнаго комысара графа Старай, которой де таперъ самъ не радъ что онъ здѣлалъ и васъ удержалъ, видя что вы писалы къ вашему россійскому послу въ Виену, а также извѣстно уже въ городѣ и то что къ вамъ нарочны присиланъ изъ Токая, то ужь и веритъ онъ таперъ, что вы точно такова чина есте, каковымъ вы себя обьявилы и что вы россійской службы, о чемь онь прежде сумнѣвался, а темъ болше что пашпортъ вашъ писанъ неизвестнымъ ему языкомъ и безъ государственной печаты, что и подало ему притчину сумнѣния, и не подъ видомъ лы россійскихъ пробрался чрезъ границу кто другой отъ стороны намь противной, какде въ недавнѣ и случилосъ, что отъ

прусскаго короля были посланы и пробралысъ во внутрѣ Венгріи тайно для возбунтованыя калвиновъ и лютеровъ, дабы тѣмъ при нонѣшнѣй съ намы войнѣ могъ восползоватца, что и отъкрилосъ, и тѣ посланые словлены, почему отъ вышшого места секретние повелѣніи къ намъ пограничнымъ камысарамъ присланы, о крепкомъ по границе смотрѣніи, дабы никто не могъ тайно во внутръ Венгріи пробратца, а кои явно идутъ и люде незнакомые и въ ныхъ предъвидитца какое сумнѣтелство таковыхъ удерживатъ, для чего де я пресказиваетъ почтмейстеръ слова камысаровы и съ симъ господиномъ такъ зделалъ и остановылъ его подъ видомъ выдержаныя карантина, а пашпортъ его отослалъ къ главной каманде, почему уже таперъ инякову и нелзя зделатъ а должно ожидатъ резолуціи.

При сихъ разговорахъ сказиваетъ еще почтмейстеръ, что въ городе комендантъ о той учинѣной отъ камысара поступке, что меня удержалъ вьехавшаго уже во внутръ землы, весма дивуетца и говоритде комендантъ, какъ таперъ россійская армыя идетъ намъ на помочь противъ Прусака, и между нашимъ и россійскимъ дворамы есть алыянция, то де пограничной господинъ камысаръ за то великую беду будетъ имѣтъ.

Прошло потомъ еще несколко дней, слишу я, что тотъ погранични камысаръ графъ Старай приехалъ въ свою деревню, состоящу отъ того места где я арестованъ въ польмыли разстояныемъ, немного отъ болшой дароге въ сторонѣ гдѣ дворъ болшой каменной и са харошой имѣетъ, посилаетъ онъ аднѣмъ днемъ подъ вечеръ ко мн адного своего чиновного съ визитомъ, обьявляетъ мнѣ отъ своег господина графа комплиментъ, и что проситъ графъ на завтрешн денъ меня къ себе обедатъ, я сему посланому отъвечалъ, что благ дарю господину графу за присланой его визытъ, а обедатъ къ не говорю я бытъ не могу, по притчине что я нездоровъ.

Посланой сей съ тѣмъ моимъ отъветомъ пашолъ отъ меня, а завтре въ часу девятомъ по утру едетъ ко мнѣ графскій сипъ м чикъ лѣтъ восемнатцаты, одѣтъ харошо и видно что и воспита харошого, оказалъ себя весма учтиво, говорилъ по-венгерски а томъ и по-немецки, представляя свое посолство, что батюшка его ве желаетъ со мною видѣтца и проситъ, чтобъ его усчастливытъ на воднѣшны денъ бытъ у его на обеду, какде и вчерасъ съ тако прозбою онъ къ вамъ присилалъ.

Я сколко ны отгаваривался что не здоровъ и бытъ туда не могу однакъ сей малчикъ такъ приятнымъ выдомъ и словамы просителны

увертивался около меня, что напослѣдокъ разсудылъ я поехать къ нему, не столко для обеда, а болшъ для того чтобь сего господина видеть и узнать, причемъ будетъ случай о томъ что онъ мнѣ зделалъ с нымъ преговоритъ, и потому согласился и сказалъ графскому сину что буду.

Онъ бывъ тѣмъ даволѣнъ отьклонясъ у меня поспешалъ ехать обратно, приказываетъ своему вершнику, каторой съ нымъ приехалъ, чтобь тутъ остался и меня ко двору проводытъ, а самъ селъ въ свой полукаретокъ поехалъ къ отцу своему.

Тотъчасъ приказалъ я карету мою очистытъ и обтеретъ съ нее пылъ и заложитъ лошадей, между тѣмъ одѣлся я въ свой новой мундиръ, велѣлъ и слугамъ одѣтца также въ новые мундиры, възялъ съ собою адютанта Маркова, поехалы съ целымъ нарядомъ къ графу на дворъ.

Онъ видно изъ своего двора увидѣлъ насъ чрезъ окошко, что мы ужъ на дворъ въехалы, то въстретылъ меня на крилце онъ самъ съ двумя своимы синамы, показывая приятной видъ изъявляя великое свое удоволствие въ томъ, что я не оставылъ его прозбы и приехалъ къ нему обедать, потомъ павелъ меня далѣ во внутрь своихъ покоевъ, представляетъ къ своей супруге графинѣ и двумъ дочерямъ своимъ, кои еще девыци были.

Посадыла меня графиня возлѣ себя на канапеи, продолжала разговоры свои со мною на немецкомъ языке, не зная ничево о томъ что я родымецъ той же землы, а считаетъ меня природнымъ рускимъ человекомъ, а и я также ны мало приметы не подаю, что я прежде былъ въ австриской службе и что родылся въ Славоныи, а говорю такъ на ее запросъ что руской природной.

Оны дивовалысъ нашему рускому языку, когда я что съ адютантомъ Марковимъ говорю: Марковъ былъ природный изъ Украины въ Малой Россіи, а служылъ въ гусарскихъ старихъ полкахъ прежде нежель на поселеные къ Шевичу определенъ, и довелоѳъ ему въ первое тогда Венгрию и Цесарию видѣть. А болѣе всего чудно графинѣ показалоѳъ о моемъ въ разговорахъ съ нею немецкомъ языке, и не хотѣла тому сперва вериттъ чтобь я не былъ Немецъ, но какъ я ее уверылъ что я природной Руской, а языкъ немецкий говорилъ я ей что училъ и не естъ мой природный, она на то отвечаетъ, мы де по ся поры какъ таперъ я выжу о россійскихъ людяхъ никакова понятыя не имѣлы, а считалы де мы обь ныхъ совсѣмъ инаково.

Спрашиваетъ графиня о дамахъ въ Россіи и о убранст обхожденіи, даже и то спрашивала умѣютли танцоватъ европѣ танцы, на что какъ я ей подробно обо всѣмъ пресказалъ, а осо что и какъ при дворе нашемъ есть, и не токмо что дамы россі танцоватъ умѣютъ и убыраютца по модѣ европейской самымъ шимъ убранствомъ, но и всякие европейские языки разумѣк говорятъ.

Графиня прилежно выслушала мои слова, стала шутѣтъ, ротясъ къ мужу своему говоритъ, вотъ видишъ что не весь толко здесъ у насъ въ Венгріи, я де какь таперъ слышу и воз лосъ во мнѣ желаные, тобы хотъ северодня готова поехать въ Р и тотъ край повыдѣтъ.

Графъ во все время нашего разговора молчалъ, и при смотрѣлъ на меня, а потомъ говоритъ къ графине, яде думаю чт всѣхъ тѣхъ разговорахъ надобно гостѣй еще до обеда попотче онъ въсталъ и пашолъ въ другой пакой, и мало погодя при слуги на подносахъ, на одномъ две великие рюмки водки, а на гомъ нарезаной хлебъ и сирь, и подносятъ ко мнѣ тѣ рюмки с кою, вижу я что то естъ умышлено зделано, зная ихь обычай оны такъ великимы рюмкамы никогда водку не пьютъ, да и на часъ не поднесено ни графу, ни графинѣ а толко намъ двумъ да адютанту, для чего я не принялъ ни адной и пытъ не х графъ тутъ было подошолъ взялъ отъ слуги подносъ и говоритъ, ч ето не изволыте викушатъ, я ему отъвѣчаю что для меня п слишкомъ велыка и пытъ не могу, онъ сталъ намагатца пов прозбу чтобь выкушатъ, однако я отъказался, и говорю сме давнолъ у васъ такой обычай сталъ, чтобь такимы болшимы рюм водку пытъ какъ мы слишилы, что въ Венгріи у господъ такова чаю не бывало, и тако обе тѣ рюмки понеслы назадъ.

Между тѣмъ сказано что на столѣ уже блюда поставле въсталъ и взялъ графиню за руку, она говоритъ я де буду васъ водытъ, вошли мы въ заль где приуготовлено было къ обеду, за столъ я между графинѣю и старшою дочерью сель, у насъ а домъ были разные разговоры, а потомъ въставши иза стола и въ тотже пакой где и прежде были и потомъ поднеслы намъ ко

После того зачаль графъ говоритъ, какъ много онъ сожалѣ томъ что со мною такъ воспослѣдовало и что ему не можно иначе зделатъ по притчине строгихъ отъ вышшаго места о с

неніи пограничносты повелѣныевъ, и что карантынъ должно мнѣ выдержать, но что я не на форпосте на граныце остановленъ, а пропущенъ и потому ужь здесъ удержанъ, о томде тотъ форпостный афицеръ подверженъ суду, а обвасде говорилъ графъ я въ подлежащее место представылъ и надѣюсъ что въ скоросты и резолуция будетъ, изъвыняясъ притомъ чтобы на него за то не имѣтъ злой воли.

Я на сіи изговореніи сказалъ ему во отвѣтъ коротко, говорю, что что вы государъ мой изволыте говоритъ, претворяя будто по резону карантина я здесъ удержанъ, то естлы меня по какимъ поветриямъ имѣете сумнителнымъ, а севодня какъ я въ вашемъ доме нахожусь и у васъ обедалъ, то и должно вамъ со всѣю вашею фамилыею со мною въместѣ быть въ карантине.

Чтожь до того вашего форпостнаго афицера принадлежитъ, каторой меня пропустылъ, то онъ ни мало въ томъ обвинѣнъ бытъ не можетъ, ибо у васъ по граныце естлибы были о держаніи проежающимъ карантина какие повелѣныи, то бы конечне меня тамъ удержалы, и какъ сего ничего нѣтъ, то какой резонъ вы имѣлы меня во внутръ земли въехавшаго подъ видомъ карантина удержатъ и на такомъ местѣ, где никакова на то учрежденыя и заставы не состоитъ; также говорилъ я ежелибы и по моему пашпорту, какъ вы о томъ прежде говорилы что неизвестнымъ языкомъ оной писанъ и тѣмъ признали вы меня сумнителнымъ, то надлежало когда не имѣете другова преводчика, призватъ толко изъ окружныхъ здесъ въ селахъ вашихъ уныятскихъ священыковъ, кои бы вамъ могли лехко прочестъ и претолковатъ, ако сіи ваши унияте говорилъ я грамату російскаго языка даволно знаютъ и на россійскихъ книгахъ службу въ церквахъ отправляютъ, и потомубь вы узнатъ моглы, что пашпортъ мой естъ справедливъ. Съверхъ же того вамъ въ доказателство, когда бы я и по другому какому резону показался вамъ сумнителнымъ, то бы я публично и по болшей дароге такъ не ехалъ, а то видно господинъ графъ говорилъ я ему, что вы самы собою такъ со мною захотѣлы зделатъ и меня арестовалы, а такой крепкой караулъ ко мнѣ приставленъ, каторой по приказанью вашему меня никуда со двора вытитъ не дозволяетъ, да и покупки потребние мнѣ, послатъ куди въ деревню илы въ городь запрещаютъ, и я въ семъ вашемъ заточеніи терплю такую строгостъ вотъ ужо три неделы.

Онъ какъ выразумѣлъ изъ словъ моихъ о такой строгосты караула зделался, якобы ничего о томъ не знаетъ и обьвинятъ того, котораго онъ первее за пашпортомъ ко мнѣ присилалъ, и что конечне

не оставытъ онаго за то штрафоватъ, и приказываетъ тутъ адному изъ своихъ подькомандныхъ, чтобы тотъчасъ караулныхъ снятъ, а оставитъ толко четыре человека для ночнаго времены, въ томъ будто разуме, дабы иногда изъ проежающихъ кто не могъ учинитъ мнѣ какой обыди.

На сие приказаные говорю я, что вы напрасно господинъ графъ такову политику таперъ употребляете, хотя бы вы и весь свой караулъ снятъ велѣлы, то я однако съ того места где удержанъ не выеду, покудова на то оть своего началства не получу повелѣные.

Послѣ сихъ нашихъ съ графомъ преговорокъ немного я уже съ[illegible] нимы бытъ хатѣлъ, приказалъ слуге своему чтобь карета подьехала, [illegible] отъклонясъ графинѣ и ее дочерямъ, также и графу слова учтивые [illegible] оказалъ и поблагодаря за ихъ угощеные, говорю что не могу болш[illegible] бавитца, а спешу яко арестантъ къ своему месту, и съ тѣмъ сел[illegible] въ карету и поехалъ.

Сей господинъ бавился въ томъ своемъ доме еще дня четыре [illegible] два раза между тѣмъ ко мнѣ синовъ своихъ съ визитамы присила[illegible] съ прозбою, чтобь я еще къ нему побувалъ, но я болшъ не поехал[illegible]

На четвертой неделѣ моего ареста получилъ чрезъ почту из[illegible] Виены оть нашего полномочнаго мынистра писмо, коимъ даетъ м[illegible] знатъ, чтобь я приключеныемъ учинѣннаго мнѣ ареста имѣлъ на не[illegible]которое время терпѣные, покудова онъ о томъ доложытъ ея величест[illegible]у королѣвы и что не останетца то дѣло безъ взисканыя.

А затѣмъ терпѣлъ я тотъ арестъ еще три неделы, напослѣдо[illegible]ъ прислаль ко мнѣ господинъ пасолъ по почте конвертъ болшой и [illegible]ъ нѣмъ писмо, съ приложеныемъ отъ двора цесарскаго о свободно[illegible]ъ моемъ проездѣ пашпортъ съ государственною печатыю, а всего пр[illegible]одолжался мой арестъ на томъ местѣ ровно семъ недѣль, таперъ [illegible]е надобно ехатъ и приуготовитъ себя другие несчастливые случ[illegible]и встречатъ.

Господинъ нашъ полномочни пасолъ графъ Кейзерлингъ пише[illegible]ъ и приказываетъ мнѣ, чтобь я ехалъ просто въ Петеръварадинъ, и тамъ бы ожидалъ далшаго повелѣния, а что я терпѣлъ арастъ, о то[illegible]ъ уведомляетъ господинъ пасолъ, что оному пограничному камысару [illegible]е-лѣно прибытъ въ Виену къ отвѣту.

Я получа таково повелѣние сталь тотъчасъ готовытца къ отъезду, а караулщики мои то видя, немедлѣно адинъ изъ ныхъ поскакалъ по

почте рапортоватъ, я тотъ денъ совсѣмъ въклался еквипажемъ въ возы, и приказалъ и своимъ подкомандным҄ъ бытъ готовымъ, чтобь завтре поранѣе выехатъ могли, между тѣмъ по утру рано приехалъ адынъ изъ подчинѣныхъ того графа Старай, несетъ ко мнѣ также другой пашпортъ пысаной на латинскомъ языке, обьявляя что де господинъ графъ хотя еще и не имѣетъ на его обь васъ представленые резолуціи, но слиша что вы повелѣные получилы оть вашего господина посла изъ Виены чтобь отъселъ выехатъ, то де господинъ графъ уважая сие не делаетъ вамъ далѣ въ томъ препятствия, для чего и прислалъ о свободномъ вашемъ чрезъ Венгрию проездѣ сей пашпортъ.

На то отвечалъ я что вашего графа пашпортъ у меня ничто не значитъ и мнѣ онаго не надобно, и говорю вотъ каковъ пашпортъ я имѣю, показавь отъ цесарскаго двора мнѣ присланой, скоимъ я и отъежаю.

Потомъ разплатылся я съ хазяиномъ за всио то что у него бралъ, что меня великихъ денегъ стоило.

И тако я отътуда выехалъ, приказавъ и всѣмъ своимъ за мною ехатъ, кои ужо и совсѣмъ готовы были и на улыце у ныхъ и возы стоялы, отъехавши я мылю адну остановился, вижу что вахтмейстера Крестича за мною съ ево повоскою нѣтъ, спрашиваю другихъ, где онъ и для чего не всѣ въместѣ за мною выехалы, на то отвечаютъ мнѣ другие, что де онъ садился въ повоску какъ мы поехалы и надобно ему скоро бытъ, я паехалъ далѣ и отъехавъ еще мылю адну остановился, спрашиваю не догнальли насъ Крестычъ, на что сказалы что нѣтъ, я ужь тутъ и подумалъ, что надобно бытъ чему ныбудъ худому зная что онъ невоздержная пыяница, говорятъ мнѣ на то другие мои что нѣтъ, северодня де онъ не былъ пьянъ, но слуга его былъ несколко подь хмелькомъ, я тутъ на дороге еще съ четвертъ часа пообождаль, и какъ онъ нась не догналъ, то я по приближившейся ночи а притомъ что ветръ очены жестокъ былъ, не могъ болшъ на дороге статъ поехалъ далѣ къ городу Кашэу, куда приехавши въ самую уже вечеръ остановился предь крепостью въ адномъ заездномъ дворе на форштатѣ, где показалъ намъ хазяинъ пакои особливые, и ужь положылъ я на томъ что въ семъ местѣ пообождатъ, естли вахтмейстеръ Крестичъ въ ту ночъ за намы не поспѣетъ, то чтобы завтре посилатъ назадь искатъ его.

Мы послѣ ужина взялы свой пакой, и толко что я было заснулъ какъ стало въ дверы мои стучитъ, отьчего я разбудился слишу опятъ

стукъ и говоръ двухъ человекъ, въсталъ я сь постелы и падошол къ дверямъ спрашиваю кто тамъ, на то отъвечаютъ оба разомъ чтоб я отъворилъ дѣло іе есть. я сихъ обеихъ узналъ голосъ, что один естъ адютантъ Марковъ, а другой почтьмейстеръ изъ Лемешанъ (так називалосъ го село, где я подкарауломъ содержался), исчего и мог я заключитъ что то не естъ попустому, а надобно быть чему нибуд худому, а отворилъ дверы и оны оба ко мнѣ вошли, и почтмейстер зачалъ мнѣ сказыватъ, что онъ изъ любвы ко мнѣ прискакалъ п почте съ вестмы худимы, и что вахтмейстеръ Крестычъ убылъ св его слугу на смертъ, и потому взято его тѣмы караулнимы, гово рилъ почтмейстеръ, что тамъ осталысъ, подь арестъ, положа на ег железа готовилысъ весты въ городь Енерьешъ для отъ дачи его там въ тюрму, къ Земскому Суду.

Я тогъ часъ послалъ къ болшимъ отъ крепосты воротамъ к карау ному афицеру съ прозбою, чтобь отворитъ ворота и дозволыт выехатъ ко мнѣ почтовымъ лошадямъ с коляскою.

Афицеръ отъвечалъ что ключи обыкновено по пробытіи вечер ной поры отъносятца къ коменданту, и потому вороть отъворитъ н можетъ, а также что уже поздня ночъ, то и коменданта онъ будит не смѣетъ, и с тѣмъ мой посланой вернулся ко мнѣ.

Посему принужденъ я въ другой разъ посилатъ и проситъ х зяина своего, чтобь онъ съ моимъ посланымъ къ тому афицеру п шолъ с прозбою, чтобь онъ хотя и поздо разбудилбы коменданта объявилбы мою прозбу.

Сей афицеръ обещалъ то сдѣлатъ, но не прежде какъ въ чет ре часа съ полночи, а чтобы толко ему сказатъ сколко лошадей н добно и втожъ время почта ко мнѣ прислана будетъ, мой послан объявылъ что четыре лошады съ почтовою каляскою потребно, и тѣмъ исвестыемъ мой посланой съ хазяиномъ возвратилысъ ко мн

Между тѣмъ покудова почта ко мнѣ изъ крепосты выедетъ, ка жестоко взялы меня мысли и болѣе спатъ не могъ, то зачалъ я по мейстера спрашиватъ, какимъ образомъ то здѣлалосъ что Крест слугу оного убылъ.

Онъ и зачалъ мнѣ пресказыватъ, говоритъ какъ вы поехалы и вахтмейстеръ хотѣлъ тотже часъ за вамы ехатъ и селъ было въ пов ску, но слуга его пашолъ въ ту карчму где квартера его была, ск завъ что нѣчто тамъ позабулъ, и какъ онъ долго промедлылъ, то п

шолъ вахтмейстеръ его искатъ, а слуга тамъ въ карчме будучи стаялъ и пылъ вино, и былъ уже слышкомъ пьянъ, и увидѣвъ идущаго къ нему вахтмейстера спалкою, побоялся видно штрафа вискочилъ вонъ и побежалъ просто улыцею ко мнѣ на дворъ, а я говоритъ почтмейстеръ какъ васъ выпроводылъ и стаялъ еще съ тѣмы караулнимы на улыце, увидѣвъ что вахтмейстеръ за слугою своимъ погнался и вбежалы оба на мой дворъ, то и я съ тѣмы караулнимы побежалы тудажъ за нимы, чтобь обороныть и развестъ, и видимъ уже что вахтмейстеръ какъ догналъ слугу, быетъ палкою немилосердно и потомъ схватя за волоса таскалъ и топталъ ногамы.

Мы подьбежавъ зачалы оборонятъ а слуга лежалъ разпростерпшисъ ныцъ на землѣ, то думалы мы сперва что онъ крепко былъ пьянъ а прытомъ и бытъ, что можетъ битъ адно и другое ево такъ обезъпаметыло и лежитъ, но какъ прошло съ четвертъ часа а слуга не встаетъ, то де взялысъ мы поднниматъ его, однакъ безъполезно и увидѣлы что ужъ мертвъ, и потому тѣ караулные тотъ часъ взялы вахтмейстера подь арестъ, отъвелы на тотъ дворъ где вы были и тамъ сталы на него кластъ железа, и подводу готовилы везтъ его въ городь Еперьешъ для отьдачи къ Земскому Суду, а я говоритъ почтмейстеръ поскакалъ къ вамъ съ известыемъ.

Я выслуша всѣ слова что мнѣ почтмейстеръ пресказывалъ и какъ сей неприятние весты замешалы мнѣ голову и обнятъ будучи такимы мислямы, то ужъ и не ложился болше и спатъ всю ночъ не могъ, разсуждая что дѣлатъ и что предпринятъ говорю самъ въ себе, что вотъ какъ человекъ претерпѣватъ долженъ въ светѣ какъ и я, что толко успѣлъ изъ адной беды вытитъ, а вдругую уже попалъ (а не знаю того что впереды меня еще ожидаетъ).

Венгерские права и судъ каковы, о томъ было мнѣ даволно сведомо и что у ныхъ законъ таковъ в чомъ кто прилыченъ въ томъ и судютъ и безъ далнихъ обстоятелствъ казнятъ смертъно, почему я могъ и лехко предвидѣтъ что мнѣ сие великаго труда и клопотъ нанесетъ, а ктому еще и почтмейстеръ прибавылъ мнѣ думатъ, онъ говоритъ что ежелы я самъ туда не поспешу приехатъ и не постараюсъ избавитъ вахтмейстера, то де конечне его повесютъ, толкуя ихъ Венгерской судъ что онъ весма коротокъ и смертъ за смертъ конечне должно бытъ.

Въ сихъ осадныхъ думнахъ проседѣлъ я всю ночъ, и дождался ужо четвертаго часа заполъночъ, но что изъ города почты еще

[illegible] пошлать, и справитц [illegible] твечалъ что ужо при [illegible] чиъ прислана будетъ, но [illegible] казалъ. [illegible] а тѣмъ ждалъ я ещ [illegible] золотамъ посилать, но ка [illegible] почтилионъ убыть, то ужъ и узна [illegible] непрестано и тѣмъ дает [illegible] нехалъ.

[illegible] съ собою адютанта Марко [illegible] къ вечеру едучи поутомы [illegible] была очень темна и ма [illegible] на почтилиона надѣятца, ибо п [illegible] были каменья, о чемъ спр [illegible] ей почтилионъ зн [illegible] хорошо править умѣет [illegible] къ почтилиону смот [illegible] не хорошо тамъ посп [illegible] нно еще два сибенцене [illegible]

[illegible] обыкновеною рысию а [illegible] почтилиону поспешай дру [illegible] летянулъ гамо еще ва [illegible] нелзялы будетъ [illegible] гонилысь.

Почтилионъ [illegible] не пожалѣлъ своихъ [illegible] и началъ летѣть [illegible] скоро, а ночь [illegible] дорога изъвестна и на [illegible] четвертъ мыли, какже вѣдругъ [illegible] правымъ колесомъ объ каменъ, [illegible] другаго бросило [illegible] насъ изъ каляски неско[illegible] насъ попался подк[illegible] опрокинутую лошады таск[illegible] на которой онъ на седлѣ сидѣл[illegible] другихъ также удержать могъ; тобы еще хуже было.

Мы кто прежде могъ вставъ, помагаетъ и поднимаетъ друга[illegible] кто говоритъ болитъ рука, кто нога и голова, и такъ какбы изъ о[illegible]

мороза едва на ногахъ стаялы, счастие еще хотя и поушибалысь на повреждений никому не было, потомъ подьняли мы каляску, стали собырать съ земли свои плащи и другое коио што, что съ собою имѣлы, селы и поехалы далѣ, однакь скакать почтилиону я и не дозволылъ болше потому что ночъ еще темна была, а потомъ отъехавши несколко стала разныматца заря, и на расветѣ приехалы вто село Лемешаны, остановилысь предь тѣмъ заезднимъ дворомъ где я стаялъ, спрашиваю я моего бывшаго хазяина о вахтмейстере Крестиче, ибо тѣхъ караулщиковъ что тамъ были уже никово нѣтъ, хазяинъ отъвечаетъ что еще вчерасъ отъвезлы его въ городь Еперьешъ и тамъ закованаго въ железахъ посодилы въ тюрму.

Я тутъ принужденъ много думатъ, что зачатъ и къ кому адресоватца, не могъ средства никакова изобрестъ, понеже всио былы люде мнѣ незнакомые, а броситъ и ехатъ въ свою дарогу, и того зделать нелзя, вахтмейстражъ яко своего подкомандного конечне какъ нибудъ да надобно выручитъ, и положивши мысли что то надобно зделать такъ, взятца за тотъ судь, куда вахтмейстера повезено, спрашиваю почтмейстера кто началныкъ втомъ Земскомъ Судѣ и тутли онъ въ городѣ.

Почтмейстеръ отвечаетъ что началнымъ въ томъ Земскомъ Судѣ естъ оберъ-ишпанъ (сей чинь не могу инаково назватъ какъ презыдентъ того суда), и что онъ тутъ въ городе бываетъ толко въ положеные судебние дни, а впротчемъ живетъ онъ въ своемъ доме по ту сторону города мыль за четыре разстояниемъ.

По сему известыю я небавясъ болѣе селъ съ адютантомъ Марковимъ на почту, поехалы къ городу Еперьешу и то была толко одна времена, при вьездѣ въ город остановылъ меня стаящій у воротъ часовой, почему вышелъ караулны ундеръ-афицеръ спрашиваетъ по обыкновеныю кто едетъ, и пашпорта требуетъ, я ему о себе сказалъ, а о пашпорте говорю ему что хочу самъ у комендантá бытъ и что тутже въ городѣ остановлюсъ въ трактире.

Меня пропустилы и я заехалъ въ трактиръ, тамъ закавалъ хазяину чтобь поскоряе заготовилъ маленкой фриштикъ, послалъ оправитца въ канцеляріи Земскаго Суда о президенте тутли онъ въ городѣ, на что сказано что ево въ городе нѣтъ и находитца въ своемъ доме, отъ города за четыре мыли.

Потомъ пашолъ я къ коменданту; онъ принялъ меня очень учти-

во, говорилъ я снымъ о притчине моего вахтьмейстера и что за тымъ сюда приехалъ, и прошу его чтобь въ томъ подалъ мнѣ помочъ.

Онъ отвечаетъ что съ великимъ удоволствиемъ радбы пособити естли бы то дѣло чѣмъ нибудъ до него принадлежало, но какъ онъ толко таковы дѣла кои до крепости принадлежателны въ своемъ управленыи имѣетъ, а по судамъ земскимъ не мешаетца ни во что, и то оное остаетца во власты господь Венгровъ и ихъ ктому поставленыхъ началниковъ, кои всѣхъ тѣхъ преступниковъ въ тюрме у ныхъ содержащихся властъ имѣютъ разпрашиватъ, судитъ, штрафоватъ и по обстоятелствамъ изобличенаго злодейства, виноватаго по правамъ своимъ казнытъ смертыю, и я де сумнѣваюсъ говорилъ комендантъ чтобь вы вашего вахтмейстера освободитъ могли, ибо онъ яко убіеца судимъ долженъ бытъ.

Я еще комендантa просилъ не можнолъ ему хотя то зделатъ чтобь изътребоватъ отъ того Земскаго Суда моего вахтмейстера к себе подь военную стражу, покудова что о семъ дѣле разсмотрено будетъ.

Онъ отвечалъ. что и того ему учинитъ нелзя обьявляя въ резонъ что онъ съ своимъ немецкимъ гарнизономъ толко въ адной крепости повелѣваетъ, а внѣ оной что дѣлаетца то ужь до него не принадлежитъ и онъ ни во что таково мешатца не можетъ, а естли бы съ вашего вахтмейстера дѣло говорилъ комендантъ приключилосъ здѣсь во внутри крепосты, то бы конечне тогда и долженъ онъ бытъ подъ стражою въ ведомстве моемъ.

Мнѣ ужь не осталосъ надобносты болѣе тамъ бавитца, отъкланяласъ у коменданта съ невеликою надеждою пашолъ въ трактиръ, положился на томъ, что ехатъ искатъ того земскаго президента снимъ преговоритъ.

Пришедъ я въ трактиръ велѣлъ хазяину податъ на столъ покушатъ, а между тѣмъ посилаю адютанта Маркова въ ту земскую канцелярию, какъ оно тутже не далеко было, чтобь справитца о томъ дѣлѣ, где того суда президентъ живетъ и какою дорогою ехатъ надлежно, а притомъ испроситъ доступъ, видѣтъ вахтмейстра Крестина и тѣмбы ему датъ знатъ что я здесъ приехалъ и стараюсъ его избавыть.

Адютантъ Марковъ пашолъ, виправку о доме президента зделалъ и потребилъ стараніе упросилъ началника что надь колодниками досмотръ имѣетъ, и допущенъ чрезъ рещетку у дверей отъ тюрмы

мы вахтмейстра Крестича видѣть, и с тѣмъ возвращаетца скоро ко мнѣ назадъ, мы покушалы на скорую руку а почта ужь была готова, заплатя хазяину за фриштикъ селы и поехалы.

Путь мнѣ была на двухъ пременахъ по болшой дароге даволно хараша, а на третой то естъ на последней надобно было свернуть с болшой почтовой дороги въ лево проселошною до того места, где президентъ живетъ, и потому долженъ я былъ заплатыть двойние прогоные денги, а сверхъ того что тамъ худая дарога то поспорилъ почтмейстеръ и не хотѣлъ датъ четырехъ лошадей, а конечне шестъ чтобь заплатыть, коихъ я и принужденъ взятъ.

Приехалъ я просто на дворъ къ президенту, было то уже подвечеръ засталъ его въ доме, онъ принялъ меня сперва яко незнакомова несколко холоднымъ видомъ, однакъ какъ узналъ, а притомъ видитъ что я на шесты почтовыхъ лошадяхъ къ нему на дворъ приехалъ (что тамъ редко случаетца окроме весма великихъ особъ) и что я приехалъ къ нему по делу взятаго моего вахтмейстера подъ караулъ, то онъ вдругъ пременылъ свой видъ и сталъ ласкавъ, проситъ меня сестъ, и зачалъ разговоры и харошо умѣлъ по немецки говоритъ, между протчимъ сказалъ, я де думаю какъ ужь скоро будетъ ночъ что вы здесъ преночуете и не прикажетелъ квартеру вамъ показатъ и еквипажь туда нестъ.

Я на то ему отвечалъ что я здесъ ночеватъ и свое время упускатъ никакъ ненамеренъ, а прошу васъ говорю я ему приказатъ моего вахтмейстера изъ вашей тюрмы освободытъ, дабы я могъ скоряе въ свою дарогу ехатъ, ибо я важние по секрету дѣла къ исправленью имѣю, и втомъ здѣлаласъ таперъ мнѣ болшая остановка что мой вахтмейстеръ взятъ, и я вотъ сколко почтовыхъ пременъ сево дня зделалъ ищу васъ, а чтобы вы могли веритъ о томъ что я вамъ сказиваю, представляю вамъ въ доказателство вотъ пашпортъ, которой мнѣ на сихъ дняхъ изъ Виены отъ двора здешняго присланъ, вы въ ономъ разуметъ можете, что меня съ командою моею никто и ни гдѣ удержатъ несмѣетъ; президентъ взялъ пашпортъ и сталъ читатъ.

Тамъ было харошо написано съ повелѣньемъ чтобы меня и скомандою ни где неудерживатъ, и не точию въ проездѣ пропускатъ, но во всякихъ случаяхъ въспоможенiи оказыватъ.

Президентъ прочитавъ пашпортъ отдаетъ мнѣ обратно и говоритъ важнымъ терминомъ, что онъ вахтмейстера освободытъ не мо-

жетъ, ибо онъ естъ убіеца, и должень смертыю по правамъ ихъ ка[illegible] нѣнь бытъ.

Я ему повторяя опятъ съ зачала мои слова и говорю, что я [illegible] секретному весма важному дѣлу камысию, известную и двору ваш[illegible] му, возложеную на меня исправитъ имѣю, (мнѣ необходимо было [illegible] жно при семъ случаи, камысию свою увеличатъ словами, дабы хо[illegible] тѣмъ что нибудъ въ ползу достигнутъ), и что я получилъ на встр[illegible] чу будучи в дароге отъ нашего россійскаго полномочнаго министр[illegible] изъ Віены повелѣние, чтобы какъ наискоряе предьпринятъ возлож[illegible] ное на меня дѣло, почему и спещу туда ехатъ куда мнѣ велѣно.

А вы государъ мой говорилъ я ему никакой власты надъ по[illegible] командницъ моимъ неимѣете, и тѣмъ меня отъ моего путы удерж[illegible] ватъ, а еще менше казнытъ моего вахтмейстра смертыю не может[illegible] а вашы права и законы силу имѣютъ надь вашими подданымы, а [illegible] надъ россійскимы.

Смертноежъ убыство учинѣное моимъ вахтмейстромъ, ежели б[illegible] оно здѣлалосъ надъ вашимъ человекомъ, то бы вы тогда моглы [illegible] томъ право имѣтъ и судыть его по законамъ вашимъ, но понея[illegible] того неучинѣно, а убыство зделалъ россійской надъ россійскимъ [illegible] человекомъ, то потому и долженъ онъ судымъ бытъ тѣмъ правом[illegible] куда онъ принадлежитъ, а не здѣсъ подь закономъ вашимъ.

И ежелы вы такъ намереваетесъ какъ вы мнѣ говорите и подлино вахтмейстра моего къ смерты предатъ хатите, то реши[illegible] вы свою резолюцию еще сего вечера и мнѣ последнѣе скажите, [illegible] чему я тотъ часъ еду до первой почты, отькуда долженъ отъправи[illegible] штафетъ въ Виену и донестъ имено на васъ нашему россійскому п[illegible] номочному послу жалобу, съ тѣмъ обьясненыемъ что чрезъ вас[illegible] остановленъ и по своей камысіи не могу далѣ ехатъ, и увидите [illegible] ворилъ я ему подь какой отъвѣтъ вы подьвергнете себя, упомян[illegible] ему и то что за удержку меня въ селѣ Лемешанахъ пограничн[illegible] камысаромъ графомъ Стараемъ, что повелѣние естъ чтобъ ехатъ [illegible] въ Виену къ отвѣту.

Мы оба адинъ противъ другаго имѣлы втомъ споры долго и [illegible] шли уже даволно въ ночъ далеко, напослѣдокъ както я своимы ре[illegible] намы преодолѣлъ сего господина и сталъ я примечатъ, что онъ у[illegible] два и три раза всио адно слово и речъ повторяетъ указивая непр[illegible] стано на свои венгерские права и законы, и что кровъ убыств[illegible]

изъявилась на землѣ королѣвской, и потому де судъ производство дѣла предприниять должень.

Однако по моимъ на то доказателствамъ довелъ я его до того что онъ поумяхчился и говоритъ сталъ, что де я самъ собою адынъ не могу сего дѣла решитъ, а должно о томъ имѣтъ разсуждение при общемъ нашемъ собраныи въ судѣ, каторое чрезъ два дни и будетъ, и я завтре на ночъ говоритъ онъ хачу ехатъ въ городь, и тогда мы вообще на чомъ положимъ бытъ, естлы на то время пожалуете говоритъ онъ мнѣ, быть въ городѣ, то мы вамъ конечне не оставымъ обьявытъ наше мнѣние; и проситъ чтобь я взялъ свой пакой и оставилъбы то дѣло до назначенаго времены.

Мнѣ ужь не осталосъ болѣе чего говоритъ, согласился на послѣдние сего господина слова, принужденъ такъ на томъ условыи оставытъ и заночеватъ тамъ.

Квартера мнѣ была отьведена у перваго сусѣда возлѣ двора президентова, я туда пашодъ призававъ къ себѣ почтилиона, которой ужо былъ мнѣ накучилъ чтобь его отпустыть, говорю ему слушай вотъ тебы на вино и даю ему денги и ты преночуй здесъ, а завтра повезешъ меня обратно.

Онъ денги взялъ, но притомъ говоритъ я де останусъ, ежелы вы почтовыхъ лошадей чрезъ ночъ прокормыте и въдвойнѣ прогоны у обратномъ путы заплатите, а иначе я отъ хазяина своего штрафованъ буду, естли останусъ, по сему требованыю принужденъ я всио то заплатытъ и почталиона удержалъ.

Завтрешни денъ всталъ я рано, велѣль закладатъ лошадей, видѣлся съ господиномъ президентомъ, онъ также готовылся къ виезду въ городь, и условясъ со мною что тотъ часъ въ слѣдъ за мною выедетъ.

Я поехалъ къ городу Еперьешу, куда поспѣлъ того дня къ вечеру и сталъ въ томъ же трактире где и прежде былъ, а поутру осведомылся я естли собраные въ канцеляріи того Земскаго Суда, и уведавъ что естъ, потомъ далъ я о себе президенту знатъ, что я дожидаюсь отъ него уведомленыя какъ онъ мнѣ обещалъ, на что сказалъ что въ адинадцатомъ часу предь полъденъ пришлѣтъ онъ ко мнѣ съ известыемъ, на чомъ оны въ судѣ свою резолюцию положутъ.

Въ часу адинатцатомъ идетъ адинъ изъ ихъ присудствующихъ ко мнѣ съ известыемъ, обьявляетъ что судъ положилъ свое определе-

Потомъ положылъ дитя лекаръ на постелъ, обложылъ сперва гу припарками а потомъ зачалъ направлять пребытие косты т сталъ малчикъ кричатъ безъмерно, даже что обморокъ его ушиб для чего непрестано спиртомъ его потиралы, а я и матъ его отъ лосты внѣ себя зделалысъ.

При сейъ несчастливомъ случае, адютантъ Марковъ чтобь и утешитъ всѣ силы свои употреблялъ, далъ онъ скоро знатъ и ма ру Жолобову, каторой тотъ часъ прибежалъ и насъ унымалъ, и обеихъ меня и супругу мою, отъвелы въ другую горницу, а малч ни ково другаго до себе допуститъ не хотѣлъ, чтобь его держ какъ толко адного адютанта Маркова, его онъ всѣхъ другихъ бол любылъ, однако при такой необходимосты надобно было чтобь и гие подержатъ помагалы.

Малчика тамъ держутъ а лекаръ своимъ искуствомъ напр ляетъ косты и увязываетъ дощечкамы, а дитя изо всей силы св кричитъ, а я съ матерью его плачемъ и рвемся майоръ Жолоб доброй души человекъ унымаетъ насъ, подаетъ намъ словамы с имы надежду о лекарѣ, что онъ его даволно знаетъ и что естъ ловекъ въ своемъ дѣле искусенъ и что онъ и прежде былъ въ та практике.

Погодя потомъ сполѣчаса дитя престало кричатъ и сказ мнѣ что меня спрашиваетъ; (оно меня почты болшъ матеры св любыло и привязаностъ ко мнѣ имѣло), а за тымъ идетъ къ нам лекаръ, говоритъ сталъ что онъ честью своею обовязуетца и да надежду что вскоре сина нашего здароваго учинитъ и на ноги ставытъ, ибо де ему не одынъ разъ такие случаи были и что и старыхъ людей вылечивалъ, а колмы такое молодое дитя чтобь не могъ вылечитъ и тѣмъ уверяетъ насъ и проситъ чтобь мы скорбилы.

Я и супруга моя вошли туда гдѣ синъ нашъ на постелы житъ, онъ уже молчитъ и увидевши насъ спрашиваетъ здарова ужь нога чтобь ехатъ, мы ему говоримъ указивая на лекаря что и онъ знаетъ, и ногу твою вылечитъ.

Лекаръ былъ такъ доброй человекъ что непрестано тутъ дѣлъ, умѣлъ онъ несколко по славенски говоритъ и тѣмъ съ мал комъ разговаривалъ что оно могло его слова разумѣтъ, и наконе докъ дитя такъ того лекаря полюбыло что непрестано хотѣло что онъ тутъ былъ.

Тотъ денъ адютантъ Марковъ еще тутъ остался а на завтре отъправылся въ свою путъ.

Синъ же нашъ тотъ денъ и наступывшую первую ночъ въ великомъ жару былъ, и часто води спрашивалъ пытъ, что лекаръ и не запрещалъ, однакъ подьмешивалъ иаъ аптеки красной сиропъ, каторой для утоленыя жару много помогалъ, и такъ оставаласъ у него въ дощечкахъ привязана нога трое сутокъ, каторую почасто чрезъ дощечки примачивалы спиртомъ, а па пятомъ дню лекаръ попустылъ несколко тѣ дощечки, чрезъ кои и чрезъ завои сталъ напускатъ теплую мазъ, и то употреблялъ всякой денъ.

Мы по сему несчастливому случаю принуждены были въ Такае житъ месецъ целой, писалъ я между тѣмъ въ Виену къ господину полномочному послу, также и къ полковнику Пучкову въ Триестъ съ прозбою, чтобь мнѣ непричтено было въ вину, что я посему приключеныю остался на некоторое время въ Такае.

Таковы несчастливые приключенiи со мною встретившиесъ адно что долго содержался подъ арестомъ, и клопоты вахтмеистера Крестича, а также и сие что съ синомъ моимъ случилосъ нанесло мнѣ какъ прежде такъ и таперъ, что принужденъ въ такихъ местахъ по неволѣ долго прожытъ гдѣ всио дорого а iмѣвъ при себе лошадей и людей, а жалованыя съ отьезда моего отъ полка не получалъ, а тѣ двести рублевъ что въ Киеве на проездъ мнѣ дано ужю давно сошли, то потому издержался совсѣмъ и дошолъ почты до крайносты.

Между тѣмъ временемъ какъ я въ Такае находылся, слишу я что по черногорской камысiи приехалъ въ Петроварадынъ, а также и по границе цесарской по реке Саве что противо турецкой обласны состоитъ, проходылъ маиоръ Петровичъ и дѣло зачалъ, поставывь тамъ при карантинныхъ местахъ некоторыхъ отъ себя присмотрщиковъ, й чтобы зымою какъ Черногорцы выходытъ и пробыратца будутъ тайно чрезъ турецкую областъ и чрезъ реку Саву ядомъ на цесарскую сторону, то приниматъ ихъ и снабдеватъ потребнымъ до моего приезда.

Си весты какъ я услишилъ сталъ сумневатца чтобь изъ того дѣла могло что доброе бытъ, понеже маиоръ Петровичъ адно что не тамошны родимецъ, и езыка немецкаго не знаетъ, коего по той пограничносты должно знатъ, а ктому еще и то что онъ прежде въ тѣхъ местахъ не бывалъ; мнѣ же вся та граница извѣстна на коей

я будучи въ службе цесарской часто на форпостахъ по той реке Саве стаялъ да и окроме того случилосъ часто проехать и знаю всѣ места и что на тѣхъ местахъ Черногорцамъ съ фамыліямы, какъ владыка обещалъ, ныкоимъ образомъ выходь бытъ не можетъ, а разве оть той стороны что отъ Венецианскихъ границъ, да и то неиначе а на кораблѣ по морю Адриатическому до границы цесарской къ городамъ Триесту илы къ Фиуме.

И еще я слишилъ что ужо некоторые люде якобы изъ Чорной горы прешлы чрезъ реку Саву на цесарскую сторону и приведены въ Петроварадински шанецъ, но какъ сей весты не отъ такова человека до мене дошли чтобы на томъ утвердытца можно, то и заключалъ я что то происходють пустые басни.

Прошолъ уже адинъ месецъ что мы въ Такае живемъ, а зима настигаетъ и становитца холодно, то зачалъ я о дороге номышлятъ чтобы успетъ прежде венгерские пустины проехатъ нежелъ зима болшая станетъ, и достигнутбы до назначеного мнѣ места какъ можно поскоряе.

Сину нашему денъ отъ дня стало полехче, и уже привывки сняты, а толко что лекаръ мазъ и фластеръ прикладаетъ и приметно было что кости въ ноге уже срослысъ и опухолы осталосъ мало, то на пятой неделѣ сделалъ лекаръ пробу.

Онъ взявши дитя за обе руки подняль его въ гору, и поставыхъ на ноги и тѣмъ меня и супругу мою поздравляетъ, синъ нашъ на тотъ случай выздоровѣлъ и хадитъ по маленку зачалъ, однакъ не надолго то насъ тешило, опосля скажу конецъ жизны его.

Лекаръ за его труды пятнадцатъ червоныхъ требовалъ, а я ему далъ дватцатъ и расплатившисъ съ хозяиномъ и простясъ съ майоромъ Жолобовымъ изъ Такаю выехалъ

Дорога мнѣ была очень трудна и безъпокойна, ибо зыма надстигла и снегъ на землю упалъ, а ктому еще ветри холодные всякой денъ насъ проводилы и потому продолжаласъ наша дорога изъ Такаю до Петеръварадина двенатцатъ дней.

Приехавши я въ Петроварадински шанецъ (что прейменованъ Новы Садъ) сталь квартерою въ болшомъ заездномъ доме, на первой случай, покудова потомъ нанялъ себы другой дворъ.

На другой денъ надобно мнѣ было явытца въ крепосты въ Петерьварадинѣ у оберъ-комендanта (генерала фелтцейгмейстера баро-

на фонъ Елфенреиха, о коемъ я прежде съ зачала моего выезда въ Россію изъ службы цесарской говорылъ) и обьявылъ о себе что я приехалъ и по какой камысіи тамо находытца буду, и потому въ тотъ день пашолъ я къ преправе на реку Дунай, преправылся шлюпкою на ту сторону въ крепостъ пашолъ во дворъ къ оберъ-комендäнту.

Я хотя сего много достойнаго старика еще живаго и засталъ, однакъ по ево высокой старосты уже и глухъ и слѣпь на оба глаза (сие ему зделалосъ въ томже годѣ и послѣ отьезда оть туда отца моего).

Какъ я вашолъ въ пакой увидѣлъ его сидящаго въ креслѣ, адютантже его падошолъ тотъ часъ ко мнѣ какъ скоро меня увидѣль спрашиваетъ кто я и отъ куда, и какое мое дѣло чтобь генералу доложитъ, я ему что хотѣлбы я самъ съ генераломъ говоритъ, онъ говоритъ что де опосля можете вы въ томъ имѣть удоволствие, а напередь долженъ я, говоритъ адютантъ, о приежихъ доложитъ, потому какъ вы самы видите что воть и другие предстоящие здесь къ ему подходютъ съ докладами своимы и кричатъ на ухо, ибо онъ ни слишитъ ни видитъ.

Адютанту я сказаль имя и чинь свой и что я приехаль по Черногорской камысіи о чемъ уповаю говорилъ я и его екселенция уже известенъ, и что здесъ находитца буду, такь чтобы обо мнѣ были сведомы.

Потомъ адютантъ подошедь къ старику сталъ ему на ухо кричатъ обьявляетъ о томъ что я ему сказалъ.

Старикъ какъ услишилъ о моемъ имены говоритъ что, какъ, маиоръ Пишчевичъ изъ Россіи, ето де конечне тотъ что недавно отъ селъ поехалъ но онъ былъ капитанъ, и какбы ему такъ скоро можно возвратитца, и спрашиваетъ что ужь онъ немолодь.

Ему на то адютантъ опятъ на ухо кричитъ что нѣтъ не старь а еще молодь, сие старикъ услишивши въспомнилъ тогда обо мнѣ говоритъ, когда онъ молодь я де не знаю другаго ни ково той фамиліи, а разве то естъ синъ старога Пишчевича, и думаю что онъ изъ Россіи приехалъ, для того я знаю говоритъ старикъ, что молодой Пишчевичъ былъ у насъ въ службе и взялъ свой абшитъ и пашолъ еще прежде отца своего въ Россію.

Я предьупредылъ адютанта нежелъ онъ меня о томъ спроситъ говорю доложитъ генералу что я есмь тотъ самой о комъ онъ изволитъ говоритъ.

Адютантъ докладываетъ на ухо старику, что такъ ваша екселенция изволелы угадатъ онто и естъ молодой Пишчевичъ.

Сие также старикъ выразумевши, протянулъ свою руку говоритъ: пайди сюда синъ мой подай мнѣ твою руку, я падошолъ къ нему принялъ его за руку и поцеловалъ изъ почтения его такой высокой старосты.

Възявши онъ меня за руку говоритъ пайди сюда по ближе ко мнѣ, вы говориль къ людямъ своимъ подаи стула, сажаетъ меня возлѣ себя, сталъ ощупыватъ рукою меня по лыцу, по голове, и по платю, спрашиваетъ что ето мнѣ сказано ты маиоръ, я отьвечаю также крикомъ ему на ухо говорю что такъ, онъ тотъ часъ спросилъ обо отце моемъ видѣлъ ли я его, отвечаю я что видѣлъ и встретился съ нымъ въ дороге и что онъ поехалъ въ Россию.

Потомъ началъ меня спрашиватъ обо всемъ адно и другое и каково намъ въ Россіи и не каемсялы мы что оставилы свое отечество и пашлы въ чужие государство.

Я ему на тотъ спросъ отвечаю, что намъ всѣмъ вышедшимъ очень харошо въ Россіи и пресказываю, что отьведены намъ подъ поселеные земли обширние и плодние и въ тепломъ краю (старикъ былъ очень шутливъ въ свое время то и при сихъ разговорахъ въздумалъ шутѣтъ): говоритъ какъ въ тепломъ краю земли вамъ даны ты говоришъ, не ужелы Россия Италиею претворилась, что тамъ теплой край естъ, а я де думаю что у васъ и о Петрову дню на санияхъ и на оленахъ ездятъ, я отвечаю что наша Украина лучша Италіи, потому что у насъ хлѣба болше, а на саняхъ и оленахъ говорю я ему, что въ Сибиріи и въ Камчатке правда что ездятъ долго зимою, но однакъ о Петрову дню и тамъ лето естъ.

Старикъ на мои отьвѣты осмехнулся говоритъ я де синъ мой шучу стабою, ты за то не погнѣвайся, я тебя люблю и знаю всѣхъ васъ, и за то я такъ стобою по приятелски обхожусъ, а мнѣ де ваша Украина хотя я продолжалъ старикъ речь, тамъ и не бывалъ да слишилъ даволно, и знаю что у васъ такие места естъ, кои ничемъ не хуже здешняго и всякая овощъ родытъ и хлѣба много, мнѣ де о томъ многие воиежиры пресказивалы, кои тамо бывалы и хвалилы, что гаразда дешевлѣ тамъ житъ. можно нежелы здѣсъ.

Сколко старикъ со мною разговоры продолжалъ, то всѣ тѣ кои тутъ при нѣмъ случилысъ гарнизоные чины между коимы были полковники и еще штапь-офицеры всѣ стоятъ и слушаютъ, потомъ сталъ старикъ кь нымъ говоритъ, вы господа видителы сего молодога господина, вотъ вамъ въ доказателство какие мы ошибки дѣлаемъ и достойныхъ людей въ чужое государство служитъ отъпускаемь, для чего бы сей господинъ не могъ здѣсъ у нась маиоромь бытъ, такбы и не надобно было ему ехатъ въ Россию, и остался бы онъ здесъ и была бы полза оть него своему отечеству а не чужему, мы де говорилъ старикъ цены людямъ не умѣемъ датъ чего оны стоють, а что пиехаль туда онъ адинъ, а потомъ отецъ со всѣю своею фамылиею тудажь пошли, а гдѣ еще сколко другихъ достоиныхъ людей мы потѣрялы, а за что продолжалъ старикъ свои слова, за то что не продвидѣлы за службы своего авантажа, пошлы туда гдѣ и нашлы свое счастие, изъ коихъ со временемъ выдутъ тамо болшие люде.

Продолжалъ старикъ еще свои слова и говоритъ, я де воевалъ съ симы людмы, служба сихъ людей такъ велика и верна нашему двору, что надлежало имѣтъ имъ всякие достоинствы; ви де можетъ бытъ говорилъ старикъ слишилы, а я самъ видѣлъ какъ Венгри двору нашему чинилы измену, и соединилысъ было с Туркомъ и доходило до крайносты, такь въ то время ни ково болѣе въ подкрепление нашимъ войскамъ не было, окроме толко одны Сербы намъ верны были.

Турки разорилы всю ихъ землю Славонию и Сирмыю, подьступылы подь столичны городь Виену, соединясъ съ измеником Венгерскимъ предводителѣмъ Текелиею, однако и тутъ Сербы оть насъ не отступилы, а были въ помочъ армыи, и пособствовалы неприятеля разбытъ и прогнатъ, и границы какь тогда съ пролытыемъ кровы своей охранилы, такь и по сей денъ анѣжь Сербы содержутъ и целостъ сохраняютъ.

Возмитежь толко то въ доказателство говорилъ старикъ, естлы где нибудъ по границе турецкой, на такой великой обширносты по Саве реке, нашъ немецкой караулъ, а всио оны Сербы то полкамы своимы содержутъ, и тѣмъ мы остаемся съ великою надеждою безопасны и прикриты.

По окончаніи сихъ разговоровъ старикъ, какъ онъ невидитъ, спросилъ тутли Лапорта, сказалы ему что нѣтъ, такъ пошлите за нимъ приказываетъ старикъ, я услиша о имены Лапорти въспомнилъ

обнѣмъ, онъ былъ директоромъ канцеляріи и мнѣ весма знакомъ, мало за тимъ погодя пришолъ Лапорта и меня увидѣлъ, кланялысь мы адынъ другому яко давние знакомые.

Цотомъ падошоль онь кь старику кричитъ ему на ухо что онъ здѣсь и изволыть приказать, старикъ узналъ его голосу, спрашиваетъ нѣтли у насъ какова повелѣныя оть двора нашего обь приежемъ изъ Россіи господине маиоре Пишчевиче каторой вотъ здесъ.

Лапорта отвѣчаетъ что есть и что о свободномъ по границе проездѣ ему и пашпортъ прислань, на то сказалъ мнѣ старикъ что изволыте взять свой пашпортъ и по своей камысіи можете съ Богомъ проехать куда вамь надобно, толко какъ я надѣюсь говорилъ онъ что вы есте другова сложения человѣкъ, а не такъ какъ внедавнѣ что здѣсъ былъ адинъ изъ вашихже россійскихъ и также маиоръ какъ и вы, каторой наделалъ много ветровъ нимало почесты его прилычнихъ и яде съ нымь не могу сказатъ чтобы былъ даволѣнъ, *

---

* На сіи слова что генералъ мнѣ говорилъ, я и догадался что то былъ майоръ Петровичъ, какъ я потомъ осведомылся, что онъ будучи прель моимъ приездомъ тато въ Петеръварадинѣ хатѣлъ себя весма великимъ человѣкомъ представитъ, и дѣлалъ непристойные кое какие поступкы, между коими было и то что нанялъ себѣ мужичихъ шесть лошадей и запрегши оные вкарету, хотѣлъ въ ехатъ къ генералу надворъ, куда никто каретою не въежаетъ, ибо въ таковшныхъ крепостяхъ обыкновено становятця на улыце у приделаного нарочито для приежающихъ такое крылцо и дверы, предкоимы становятца каретамы, а вовнутрь далѣ пешкомъ входють, чего Петровичъ не зделаль, а хотѣлъ въехать просто надворъ къ генералу, дворже такъ маленкой и тесной, что ево передние лошады какъ онъ въехалъ былы уже подь болшою лесницею, а карета еще заворотамы, для чего и принужденъ былъ тамъ остановитца, слѣзть, и войтыть пешкомъ чрезъ дворъ и туда ужь далѣ наверхъ, а карету потомъ люде вытаскивалы задомъ наулыцу а лошады поцутавшисъ наделали во дворе генералскомъ шуму и стуку слышкомъ много, и тѣмъ навелъ на себя нарекание что генералъ имъ небылъ даволѣнъ.

О семь старике хачу обьяснытъ каковъ онъ человѣкъ былъ, чинъ ево такъ естъ какъ я прежде говорилъ генералъ фелтцейгмейстеръ и звался баронъ Фонъ Елфендренхъ, служилъ весма верно и порядочно двору австрискому, и былъ велыкой воинъ во свое время, отъ зачала еще известнаго славнаго фелтмаршала принца Евгенія Савуйскаго, и командовалъ болшою частью въ Славоніи и Границы отъ турецкой стороны содержалъ і имѣлъ всегда Сербовъ въ своей камандѣ, и дошедь въслужбе до високой староcты, былъ уволенъ отъ службы и определена ему пенсия въ гошпиталѣ пештанскомъ; но послѣ уволненыя его какъ другіе на ево местѣ бывшіе оберь коменданты, а особливо въ сей весма важной пограничной Петроварадинской крепосты, не моглы такь какъ онъ дѣла свои отправ-

такъ и вы поберегите себя говорилъ старикъ въ своихъ предьпрыятыяхъ чтобь иногда въ затрудненіи какие воитыть не могли.

Я получа тотъ присланой мнѣ, по требованыю нашего полномочнаго посла въ Виенѣ, отъ двора цесарскаго новой пашпортъ, отъклонясъ у генерала пашолъ на свою квартеру, пысалъ рапорты къ господину послу въ Виену, а также и къ полковнику Пучкову въ Триесть, уведомывъ ихъ о своемъ вь Петроварадинъ приездѣ и что о свободномъ по Границе проездѣ присланой пашпортъ я получилъ.

Пробулъ я вь Петроварадинѣ недѣлы двѣ, учредылъ свое дѣло, ежелы черногорцы выходыть будуть гдѣ ихъ по тогдашнѣму зимнѣму временны поставыть, и какъ ихъ содержати, между тѣмъ изьвестылся я и о томъ что происходыло тагда, какъ маиоръ Петровичъ туда приежалъ и какие то люде были, кои вышли о коихъ я прежде будучи въ Такае слышилъ, и узналъ что заподлино вышолъ изъ турецкой областы тайно чрезъ реку Саву на Цесарскую сторону, нѣкто прозваныемь Ездимыровичъ * и по выдержаныи карантина въ

[illegible]ятъ и происходилы тѣмъ велыкие упущенія, то потому опятъ сего старика изъ [illegible]шпиталя взяли, хотя уже престарелаго но память еще добрую имѣвши, поставленъ къ первои его въ ту крепостъ должносты, где и велѣно ему бытъ до конца [illegible]ній его.

* Сеи былъ предъ тѣмъ въ Россіи вишедши симъ адынъ вто время какъ Ше[illegible]вичъ изъ Цесаріи въ Киевъ прибылъ, и записался у него въ каманду редовымъ гусаромъ, а потомъ какъ и я первой разъ въ Россию же вышелъ и определенъ въ службу въ каманду генерала Шевича и по возвратѣ моемъ изъ Москвы въ Киевъ, [illegible]къ въ то время готовилысъ мы выежать наназначенные намъ къ поселенью мѣста въ Бахтумской провинціи, тогда назначены были отъ Шевича капитаномъ [illegible]ты и распределены были люде втомъ числѣ между редовыми въ мою роту [illegible]помнилъ я, что въ списке былъ у меня адинъ гусаръ Ездимировичемъ пази[illegible]щися которои предь выступленыемъ нашимъ бежалъ за границу въ Польшу, [illegible]после того слишно намъ было обтѣмъ, что онъ преодевшись въ черночее ра[illegible]ное платье имѣлъ у себя фальшивои пашпортъ сказивался черницемъ изъ [illegible]той Афонской Горы, и что ходытъ за напрошеніемъ мылостины, пробравшись [illegible] Польшу и чрезъ Венгрию, дошедь въ Славонью поближе къ границе Турец[illegible], бывалъ у некоторыхъ тамошныхъ господь проея мылостины, сказывая также [illegible] онъ за такимже изьпрошенымъ мылостины и въ Россіи былъ, и такимъ обра[illegible]ъ скрывъ свои слѣды изыскавъ притомъ случай прешолъ чрезъ реку Саву [illegible]у сторону въ Турецкую область въ Босніюо оть кудова онъ и уроженцемъ [illegible], и какъ небыло никому нужди знать обь нѣмъ куда онъ девался, то и[illegible]юсь досего времены; однако онъ какъ услышилъ о той черногорской камысіи [illegible]хотѣлъ оставытъ что бъ невоспользоватца тѣмъ случаемъ, пошолъ пешкомъ

местечке Мытровицы обще съ вишедшимы съ нымъ несколко человекъ обьявывъ себя Черногорцамы, пропущены и пришедь въ Петроварадынъ явылся у маиора Петровича съ имѣющимся у себя отъ владики писмомъ, коимъ приказываетъ владика что онаго Ездимыровича онъ назначаетъ чиномъ порутчика и чтобь ему бытъ при той черногорской камысіи, а людей коихъ онъ выводитъ будетъ именоватъ Черногорцамы.

Маиоръ Петровичъ, по такому отъ владики повеленыю, сего Ездимыровича принялъ, но какъ въ ту сторону выходъ Черногорцамъ со всѣмъ бытъ не можетъ и способносты нѣтъ, то и обратылъ маиоръ Петровичъ мысли свои въ другую сторону, согласившись съ симъ Ездимыровичемъ, чтобь тайно въ Цесарской областы вербовать людей.

Таково предьприятие хотя оны и положилы, но самы собою яко въ чужемъ государстве зачатъ не моглы, для чего надобно имъ было изъискатъ изъ тамошныхъ какова на то способнаго человѣка, каторой бы имъ въ томъ дѣле былъ въ помочъ, а на то время былъ въ городѣ Карловцы разстояниемъ отъ Петеръварадина за полтори мыли, человекъ въ должносты синдикуса, (сей чинъ не могу иначе протолковатъ какъ полыцъмейстеръ и секретаръ Городскаго Правленія), звался Иванъ Балевичъ, вышедши изъ Турецкой областы изъ Албаніи еще малолѣтнымъ будучи въ Цесарию, и потомъ ходылъ въ училыщи, гдѣ выучился достаточно немецкаго и латинскаго языковъ, почему и признанъ способнымъ бытъ къ той должносты въ томъ городѣ, обнѣмъ какъ Петровичъ узналъ, то старался съ нымъ первее съпознатца, посилаетъ за нымъ исподьруки съ объявлениемъ что они оба адноземцы и что желаетъ снымъ видетца, (Петровичъ такъ же былъ родомъ изъ областы турецкой изъ Албаніи города Подгорицы)

къ Черногорскому владики пробыраясь чрезъ разные Туреція места въ томъ своемъ черночемъ наряде, и пришедь туда обьявылъ о себе кто онъ и что онъ можетъ вывестъ людей въ великомъ количестве тѣхъ, кои жилыщи свои имѣютъ въ турецкой областы понадьграницею въ Цесаріи, а за то просилъ онъ у владыки чтобь ему далъ чинъ афицерскій, почему и призвавъ его владыка порутчикомъ сприказаныемъ, чтобь тѣ люде коихъ онъ на цесарскую сторону въ карантинъ выведетъ сказывалисбы Черногорцамы, онъ вывелъ правда вто время въ карантинъ цесарской въ местечке Митровице состоящій двухъ своихъ братьевъ женатыхъ съ детмы, да зятя своего что сестру его держалъ съ детмы и кто еще двухъ мужиковъ съ женамы и сдетмы, и втомъ тогда составлялась вся его команда кого и назвалы выходцамы черногорскимы.

Балевичъ на такову прозбу склонился, приехалъ въ Петроварадынъ, и с маоромъ Петровичемъ видѣлся и заключилы знакомство, при чемъ маоръ Петровичъ отъкрылъ ему свое намерены съ тою прозбою, чтобь Балевичъ былъ ему въ томъ предпріятіи въ помочъ, обещавъ ему за труды великое награжденые, на что Балевичъ склонился, а зачало то ихъ дѣла было слѣдующее.

Какъ въ томъ городе Карловцы такъ и въ окружныхъ тамо другихъ местахъ находятца всегда изъ разныхъ местъ приходящие люде съ былетамы на заработокъ, називаемые бурлаки (а по тамошнѣму названию бетяры), кои живутъ тамо иногда по целому году въ наймахъ по дено и по месечно у хозяевъ въ работѣ, наиболше около виноградовъ и въ овощныхъ садахъ, люде зашедшие и незнакомые, то чтобы таковыхъ приглашатъ тайно и обьявляли бы себя Черногорцамы, и когда отъ работъ отъходытъ будутъ, (а должны въ городской канцеляріи свои билеты взятъ, яко оные бываютъ отъбыраемы), и потомъ даютца новые, то чтобы таковыхъ имена въписиватъ съ изъясненыемъ что Черногорецъ вышедши такой то именемъ находылся некоторое время на заработке, въ городе илы въ такомто въ уездѣ селѣ, вчемь ему о свободномъ проходе въ другое место даетца свидителство, почему уже оны могутъ яко настоящие Черногорцы бытъ приняты къ Петровичу въ каманды.

Такову сплетеную и опасную камысию Балевичъ принялъ на себя, зачалъ онъ многимъ таковымъ являющимся у него бурлакамъ, (кои уже былы тайно научены и подькуплены) даватъ былети въписивая разные числы, отъпускалъ, а оны потомъ являлысъ у маиора Петровича, каковыхъ въ скоросты набралосъ человекъ до петыдесетъ, и то всно происходыло въ великомъ между имы секрете.

Петровичъ какъ скоро увидѣлъ что зачало его вербунга оказало успѣхъ, то и велѣлъ онъ тѣмъ являющимся у него нанымать самы себе за городомъ въ заездныхъ домахъ и въ харчевняхъ порознь илы по два и три въместѣ квартеры, яко бы оны такъ какъ и прежде обыкновено проживаютъ покудова новыхъ наймовъ для за работку себы найдутъ, давъ имъ каждому на первой случай по несколко денегъ, приказалъ притомъ томуназваному порутчику Езднмыровичу имѣтъ о томъ смотреные, и зналбы гдѣ кто на квартерахъ статъ будетъ.

А между тѣмъ не упуская времены Петровичъ, представылъ въ Виену къ полномочному послу, что у него вышедшие Черногорцы

[illegible] ... чемъ
[illegible] ... въ го-
[illegible] ... границу

[illegible] ... фарту
[illegible] ... поручи-
[illegible] ... [illegible]
[illegible] ... бой по

[illegible] ... городу
[illegible] ... воинъ
[illegible] ... время
[illegible] ... воинъ
[illegible] ... дорогу,
[illegible] ... ловился
[illegible] ... Шуч-

[illegible] ... сть-
[illegible] ... [illegible]
[illegible] ... лучшии
[illegible] ... сни-
[illegible] ... более
[illegible] ... тъмъ не

[illegible] ... из несколь-
[illegible] ... Дуная въ Ба-
[illegible] ... ъволненые не
[illegible] ... (или Нови
[illegible]

[illegible] ... Петроварадански шанецъ чтобъ [illegible] ... есть тотъ самой о коемъ [illegible] ... съ перваго своего [illegible] ... назывался, а потомъ учиненъ королѣв- [illegible] ... Новы Садъ, а понемецки (...) [illegible] ... на левомъ берегу реки Дуная въ Вен- [illegible] ... Петроварадина разстояниемъ толко что [illegible] Дуная [illegible]

Онъ приехавши въ тотъ городъ ночью скрылся у своего шу-
и завтрешни денъ предневалъ тамъ, а въ вечеру поздо какъ я
на своей квартеры самъ адинъ и при мнѣ толко адинъ слуга,
кугъ вошолъ ко мнѣ въ плаще человекъ незнакомой, обьяв-
мнѣ что имѣетъ нѣчто важное со мною говоритъ наединѣ.

I не знавъ кто онъ таковъ говорю ему что не имѣю честы васъ
и вы конечне не здешняго города, онъ отвечаетъ что онъ
синдикусъ Балевичъ изъ города Карловецъ, и повторяетъ свою
чтобь со мною наединѣ говоритъ, сей человѣкъ мнѣ не былъ
о знакомъ и я въ первой разъ тогда его видѣлъ, въсталъ я и
ь его въ другую горницу, онъ какъ шолъ за мною и вошедь
рницу, то и затворилъ за собою двери, подойдя ко мнѣ побли-
дь предо мною на колѣны сталь плакать и проситъ чтобь я его
ь спасъ, мнѣ сей поступокъ оть такова незнакомога человека
лся странымъ, поднимаю я его чтобь онъ въсталъ и спраши-
тобь мнѣ сказаль, какое его до меня дѣло и вчемъ то состоитъ
жызнъ его спастъ.

Гутъ онъ мнѣ всю сию что происходыло между имъ и маио-
Петровичемъ историю пресказалъ подробно, такъ какъ више
рилъ, и обьявляетъ притомъ что онъ услиша таперъ о себе
эстъ, упредылъ уклонитца прежде нежелъ взятъ будеть подь
ь, выпросился оть начялника того въ Карловци подвидомъ яко-
жду имѣетъ ехатъ за реку Тысу, на Банатскую сторону на
ко дней въ городь Панчево, яко на сихъ дняхъ говоритъ онъ
не ево будутъ искатъ, о чемде ему изъ крепосты Петровара-
динъ приятелъ далъ знатъ съ тѣмъ увереныемъ, что уже въ
сты генералъ аудиторъ-лейтнантъ извѣстенъ и что подалъ оть
къ оберъ-команданту обьявленые съ требованыемъ, дабы его
подъ арестъ и предатъ суду, и потому просить чтобь я своею
ою какъ ныестъ его жызнъ спасъ, для чего де сюда ко мнѣ и
аль не зная уже никакоі другой себы помочи.

Я не могь на сию его прозбу согласитца, чтобь его къ себе
какъ онъ того желаль, а еще менше за него статъ и съ су-
дѣло имѣть, ибо о таковыхъ не позволытелныхъ дѣлахъ и о
иятіи никакихъ другихъ людей къ себе въ свое ведомство
е аднѣхъ толко выходцовъ черногорскихъ, крепкое повелѣные
вашего господина полномочнога посла я имѣю, съ такимь при
подьверждеными чтобь подь опасеніемъ лышения честы ни вка-
остороные дѣла не принадлежащие мнѣ и моей камысіи отьнюдь

не мешатца; я все сие Балевичу тогда сказалъ и говорю ему, что естлибы толко моя была сыла и возможностъ тобы конечне не отказался вамъ помочъ, но какъ я самъ себя и свою честъ храныть долженъ то и не могу никакой вамъ помочи учинить, а вы говорю я ему изъищите другие какие средствы къ своему спасенію, а на меня не полагайтесъ, ибо мнѣ ничево болѣе дѣлатъ не можно окроме то что я вамъ сказалъ.

Онъ вислушавъ мои слова залился весъ въ слезахъ, падаетъ къ ногамъ моимъ проситъ чтобь я жызнъ его охраныль, и что онъ никакова другова средства изобрестъ къ своему спасеніи не можетъ, окроме что полагаетца на мою помочъ; на сие опятъ принужденъ я былъ повторятъ мои первые слова и говорю ему что не смѣю въ такие дѣла входытъ и что опасаюсъ, дабы самъ себя не подвергнутъ въ несчастые, и прошу ужъ я его чтобь онъ оставилъ меня спокоемъ.

Съ тѣмъ напоследокъ пашолъ Балевичъ отъ меня протчь, а я остался по сему дѣлу въ великихъ размышленияхъ, и провелъ всю ночъ безъ покою, предьставляя себы что таперъ какъ сие дѣло отькрылосъ, то конечне будутъ и обо мнѣ тамошние господа имѣть подозреные, и дабы не податъ въ томъ поводу собырался смысламы, что естлибы меня о чемъ спросилы то какбы отьвестъ и загладитъ, что то не правда и напрасно выдумано, и напоследокъ ежели бы до чего дошло, думалъ показать и повелѣные имѣющеесъ у меня отъ господина полномочнога посла, и тѣмъ доказатъ какие строгие повелѣніи мы отаковыхь не позволытелныхъ делахь имѣемъ.

На завтрешны денъ уже въ городѣ въ Новомъ Садѣ, о Балевиче учинѣнь обыскь, спрашиваютъ вездѣ посланые изь крепосты обнѣмъ, для чего и вь тамошны Городской Сенатъ (такъ вь томъ городе ихъ судебное место называютъ) дано знатъ, я о томъ слышу; а также сказано мнѣ что посланъ нарочны искать Балевича и втомъ городе въ Панчеве, куда онъ сказалъ что ехатъ хатѣлъ, и тамъ ежелы его наидутъ чтобъ арестоватъ.

Того же дня посилаетъ адинъ господинъ (не хачу ево здесь упомынатъ) ко мнѣ своего человека спрашиваетъ будуль я въ вечеру у себя адынъ; и что онъ имѣетъ надобность со мною видѣтца, (сей господинъ въ томъ городѣ Новомъ Садѣ есть вь великомъ почтеніи, и мнѣ коротко знакомъ), отвечаю я тому посланому человеку что буду всю вечеръ въ квартере у себя, и что приходъ ево господина будетъ мнѣ приятенъ, съ тѣмъ тотъ посланой и пашолъ.

При наступившемъ уже вечеру пришолъ тотъ господинъ самы здынъ ко мнѣ, я встретыль его по приятелски, мы разговаривалъ кое о чемь съ полъ часа, между протчимъ сталъ онъ меня просытъ о Балевиче, чтобь я какъ можно зделалъ съ нымь милостъ, и сохранидбы его, упомыная при томь что Балевича ищутъ и что онъ какъ его найдутъ, предань будетъ суду и принужденъ будеть всѣ дѣло отькритъ, которои де тапери хотя и находитця здесъ подь скритиемъ, но однако не можетъ сие бытъ въ его ползу надолго, а спасение его, говоритъ сей господинъ, зависитъ таперъ единствено оть вась, а иначе съ жизныю его будетъ конецъ несчастливой, и что онъ по осужденыю илы на веки въ гюрме пропадетъ илы зделаетца съ нымъ образецъ что казнѣнъ будетъ смертыю, а какъ таково дѣло въ каторое онъ по ощибке вьмешался, продолжалъ сей господинъ свою речъ, имѣетъ съвазъ сьвашимы россiискими дѣламы, то и должно подать ему помочъ и старатца и его спасеныю, сьсилаясъ въ томь на меня что я конечне то здѣлать могу и отьправитъ его тайно въ Россию, советуя меня тѣмы словамы, чтобь такъ зделатъ и что такимъ образомъ останетца сие дѣло не известно и по суду не можеть бытъ далѣ отькрыто.

Ежелибы сего господина я не зналь такь коротко, и что онъ есть честной человекъ, и билбы въ место его кто другой тобы я. какъ учинѣной мнѣ визитъ такъ. и слова его сочелъ за искушение, но какъ онъ ны вчемъ не былъ мнѣ сумнителѣнъ, то потому и могъ я съ цымъ о томъ дѣлѣ войтытъ въ разговоры, претолковавъ ему всѣ тѣ строгие повелѣныи каторые я имѣю, и говорю что конечне и всѣ другие наши афицеры кои по той камысiи въ Австрiи находятца такиежь повелѣныи имѣютъ, показавь ему и ордеръ оть нашего полномочнаго посла, таперъ говорю я ему представте вы себѣ смѣюлы я въ Балевичево дѣло воитытъ, не имѣвши на то ни какой ны влавласти ны способносты.

Онъ всѣ мои слова что я ему отвечаль и представлялъ со вниманиемъ выслушалъ, разсуждалъ самъ въ мою сторону что долженбы я быль преступыть всѣ тѣ повелѣныи и здѣлатъ самь собою отьвагу когда о Балевиче что дѣлать предьпрiиму, при чемь однако не преставалъ онъ своею прозбою, и требовалъ чтобь учинитъ Балевичу какую нибудь помочъ и тѣмбы его обнадежитъ.

Меня та прозьба сего господина задала въ думки, и не могъ я ему никакова на тотъ часъ слова датъ, а говорю чтобь еще до зав-

тре оставилъ меня разъсмотретца и на чему положу, то о томъ неоставлю его уведомытъ; съ тѣмь мы разъсталысъ и онъ пашелъ дамой.

Сколко жь я ны крепылся чтобь въ такие дѣла не входитъ, представляя себы что Балевичъ дѣлалъ свое дѣло изъ користы, получивъ отъ Петровича денги а не отьусердия къ Россіи, а Петровичъ также вошоль вь сие дѣло не подолгу а единствено полегкомыслию дабы чѣмъ нибудъ натянутъ обще съ своимъ владикою, въ выводѣ обещанаго числа людей, что и представлялось предо мною въ резонъ не мешатца въ дѣло Балевича, однако какъ съ другой стороны сталъ я разсуждатъ, какое изъ того ежели Балевичъ будетъ кь суду представлень выдетъ затрудненые и откроитца дѣдо стидное и предосудителное, что не токмо до нашего полномочнаго посла въ Виенѣ дойдетъ, но еще можетъ быть и ко двору нашему отьнесетца, исчего чтобь иногда не воспослѣдовало какова адной и другой стороны неудоволствия, и тѣмъ и вся сия камысия прекратытца можетъ, то вь предьупрежденые всего того и дѣло чтобь осталось безъгласно, разсудылъ найтытъ способь, и Балевича отослатъ въ Виену, а отьтуда случаемъ препроводытъ его заграницу въ Полшу, и на томъ положеныи провелъ я ту ночъ.

Поутру рано присилаетъ тотъ господинъ ко мнѣ своего человѣка и проситъ чтобь у него въ тотъ денъ отъобедатъ, исчего я могъ догадатца что онъ тѣмъ случаемъ хочетъ со мною о Балевиче еще говоритъ, слуга съ ответомъ моимъ что буду возвратился, а я между тѣмъ покудова время будетъ итытъ обедатъ, селъ и пысалъ въ Виену пысма, адно къ господину послу а другое къ секретарю Волкову, изъяснивъ о Балевиче какой онъ человекъ съ приписаныемъ ему въ похвалу, какъ онъ изъ усердия къ Россіи старался оказатъ свою услугу, и что таперъ о томъ его дѣле отькрилось и что жизнь его подьвержена опасносты, а чтобы сие дѣло по суду не могло бытъ явно, упомянулъ я, что принужденъ быль отьправитъ его тайно въ Виену, и просилъ о неоставленіи его своею милостыю и учинитъ ему помочъ и защиту.

Потомъ какъ пришло время къ обеду, пошолъ я къ тому господину, онъ съ супругою своею въстретилы меня у дверей, были мнѣ ради, мы толко адни были у стола а посторонаго не было никаво.

После обеда пашли въ другой ево пакой, сталъ меня тотъ господинь спрашиватъ, на чомъ я о Балевиче положилъ, я ему на то отьвечалъ что заготовилъ обь нѣмь пысма въ Виену, и что хачу его

завтре туда отъправить, толко чтобь онъ, говорилъ я, иначе преодѣлся и пашпортъ подь видомъ купца чтобь имѣлъ; на сіи мои слова сей господинъ благодарилъ меня, и былъ такимъ моимъ положениемъ много доволенъ, сказавъ притомъ что о пащпортѣ такъ и чтобь преодѣть Балевича въ купецкое платѣ, беретъ онъ ту камысию на себя.

Въ томже городѣ Новомъ Садѣ бываетъ извощиковъ всегда много, и становятца за городомъ въ заѣздныхъ домахъ, кои приѣжаютъ изъ разныхъ местъ съ попутчикамы, и опятъ съ такимыжъ назадъ возвращаютца, и ѣздятъ во всѣ места и города непрестано, то потому и лехко было для отъправленыя Балевича таковъ возъ наитытъ.

Балевичъ преодѣлся какъ купецъ проежи изъ турецкой областы, каковыхъ тамъ полонъ городь съ разнимы товарамы естъ и наиболше Греки, и ездятъ и товари свои развозютъ по всѣмъ протчимъ городамъ а болшею частию въ Пешту, въ Будимъ, и въ Виену, то подвидомъ такова купца и онь устроенъ былъ, а подводчикъ уже ему былъ отъ меня заготовленъ въ томъ заездномъ доме, где мой вахтмейстеръ квартерою стаялъ.

Я такимъ образомъ что Балевича отъправитъ намеренъ далъ въ томъ тому господину слово и говорю чтобь онъ завтре въ вечеръ явылся, (надобно же знатъ что всѣ тѣ дни Балевичъ у своего шурина спрятанъ въ погребу лежалъ).

Онъ завтрешны денъ въ поздую вечеръ пришодъ ко мнѣ въ нарядѣ яко Грекъ, купецъ изъ Туречшины каковъ и пашпортъ на свободной проездъ до Виены подь чужимъ названыемъ онъ имѣлъ, я давъ ему тѣ заготовление два писма, а ктѣмъ и третое еще ему далъ, которое я обь нѣмъ на всякъ случай писалъ въ Виену, къ моему приятелю тому купцу что банкеръ, о коемъ я въ первой часты говорилъ, съ прозбою чтобь онъ вь случаи нужды вь препровожденіи былъ Балевичу въ помочъ, что въ самомь дѣле наиболше ему помогло, какъ о томъ ныже видно будетъ.

Балевичъ, взявъ тѣ отъ меня писма, отъправился туюжь ночъ въ дарогу, благополучно такь что ни кто обнѣмъ ни мало сведения не имѣлъ, и доехаль въ Виену, онь адресовался первее тому моему приятелю купцу, какъ я ему приказалъ и писмо подалъ, которой поставилъ его квартерою къ такому человеку где могъ безъопасенъ бытъ, а потомъ показалъ ему дарогу какъ на посолски дворъ итытъ, куда пришедь явылся къ секретарю Волкову, и писма мои ему подаль,

однако на то не много илы никакой помочи ему зделано, ибо динъ посолъ не придвидѣлъ резона датъ ему свою протекцію залъ что онъ ежелы имѣетъ намереные ехатъ въ Росію, с своемъ проезде старался, почему уже Балевичъ принужденъ милосты у того моего приятеля купца о коемъ више я сказал

Онъ по писму моему отьправылъ Балевича с купцами ницу въ Лейбцигъ, и писалъ обнѣмъ къ своимъ приятелямъ же тамъ находящимся, чтобь отьправилы его въ Варшаву. (в тѣхъ городахъ, естъ купцовъ Грековъ даволно, кои иногда людямъ помагаютъ).

При выездѣ своемъ изъ Виены Балевичъ обо всѣмъ томъ ко мнѣ по почтѣ, о чемъ и я обьявылъ тому господину о ко ше часто говорено, и потомъ никто не зналъ куда Балевич и осталосъ уже его дѣло въ забвеныи, почитая его безвести падшимъ.

Однако Балевичъ пробрался чрезъ Полшу, приехалъ въ въ Санктьпетербургъ благополучно.

Я послѣ сей експедиціи поехалъ на границу Цесарскую родь Митровицу, которой лежитъ на реке Саве, на левомъ въ Сирміи противъ турецкой областы, где и главный прох заграницы естъ, и карантиные домы и карауль учреждены, въ городе жителство имѣлы, матъ супруги моей и братъ пол Александръ Рашковичъ съ супругою и съ детмы своимы, ехавши туда засталы ихъ всѣхъ въ добромъ здаровыи, приня насъ къ себе во дворъ, отьведены намъ были особливые п тутъ ужь мы своимъ пребыванием расположилысъ.

На семъ местѣ надобно было мнѣ по моей камысіи что дѣлатъ и устроить прежде нежелъ пограничная рѣка Сава нетъ и промыслить къ приобретенію стой стороны изъ по ныхъ турецкой областы, хотя малое число людей, понеже о горцахъ чтобь оны на тѣ места могли вытитъ никакъ не на потому что имъ надобно бы было чрезъ всю Боснию велич горамы въ турецкой областы пробыратца, что и составляетъ и опасную оть Турковъ путъ, и для того поехаль я набере реки, которая тутже при томъ городѣ Митровицы вънызъ каетъ и не далеко отъ города карантиной домъ состоитъ, пр директоръ и другие принадлежащие чины обретаютца и кара сарской поставлѣнъ.

Я видѣлся съ директоромъ и познакомылся съ нымъ, показалъ ему имѣющейся у меня отъ двора цесарскаго пашпортъ, что по оному мнѣ на учрежденыхъ карантинахъ на границе выходящихъ Черногорцовъ приниматъ должно, испрашиваю нѣтлы уже каво вышедшаго отъ туда (мнѣ о семъ такъ надобно было спрашиватъ и говорить что конечне будутъ).

На таково мое обьявленые директоръ сказиваетъ, что онъ о моемъ туда приездѣ по команде своей уже известенъ, но Черногорцевъ говоритъ онъ еще ныково нѣтъ и не слишно чтобь оны были, на что повторилъ я ему моимъ обьявленыемъ что будутъ, и прошу на таковъ случай для приему оныхъ позволилбы бытъ притомъ карантине моему одному вахтмейстеру и капралу, которые будутъ тѣхъ выходцовъ запысиватъ и денною пыщею покудова въ карантине свое время выдержутъ доволствоватъ, на ту мою прозбу директоръ позволылъ, и вахтмейстера моего принялъ.

Таперъ ужь на первой случай намереные мое малимъ зачаломь основано, къ чему чтобь достигнутъ и точнымъ дѣйствіемъ, надобно было предпринятъ другие меры, но такъ чтобь не войтытъ въ затрудненые и не подать о себе тамошнѣй каманде какова подозреныя.

Мнѣ вся та погранычностъ даволно была еще прежде изъвѣстна, а притомъ были на некоторыхъ местахъ по граныце цесарской люде такие, кои доводилысъ мнѣ несколко въ свойстве, а ктому и другие знакомые добрие приятелы, и своихъ я зналъ наково положитца можно, то и нашолъ я таковыхъ что по приятелски мнѣ въ моемъ предприятіи учинилы помочъ.

Я чрезъ оныхъ секретно на ту сторону въ турецкую сторону, въ лежащие по граныце на реке Саве места далъ о себѣ знатъ, что нахожусь я въ городѣ Митровице дожидаясъ для приему приходящихъ Черногорцовъ, и что втомъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ Черногорцевъ приняъ и другихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой областы къ себе въ каманду, для чего ежелы кто желаетъ то чтобы выходили и являлисбы на учрежденомъ по граныце Цесарскомъ карауле где кому способно, откуда приведены будутъ въ карантинъ и тамъ всио содержаные будетъ отъ меня имъ давано.

Меня къ сему предприятыю ничто болше не побудыло какъ толко одна ревностъ и усердые къ моей присяге, и тѣмъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ

своихъ во ономъ въ ползу оставитъ намеренъ), то для того прило[illegible] жылъ я свой трудь и стараные чтобы сей случай учинить полез[illegible] нымъ и вывестъ людей въ Россию.

О моемъ приездѣ въ сей городь чрезъ моихъ приятелѣй как[illegible] я више говориль дано секретнымъ образомъ на ту сторону въ Ту[illegible] рецкую область, въ лежащие на берегу Савы реки места живущим[illegible] тамо Сербамь знать, отъ куда и сталы въ разные числы выходыт[illegible] какь кто могь изъобрестъ случай чрезъ Саву реку лдомь уже въ п[illegible] следнѣй преходь, ибо рега потомъ скоро въскрылась и являлыс[illegible] какъ имъ сказано на цесарскихъ караулахъ обьявляя себя Черного[illegible] цами, коихъ приведено въ карантынъ люде всѣ холостые и выдни[illegible] о коихъ тотъ часъ какъ кто приходылъ давано мнѣ знать, и я оны[illegible] принималъ въ свое ведомство, каковыхъ всего собралисъ человѣ[illegible] шестъдесятъ два, для коихь здѣлалъ расположеные въ продоволст[illegible] дневной пищы, а также некоторымъ покупаль и даваль одежу обувъ, а на то къ издержке были у меня казеные преведеные е[illegible] сь приезда моего денги триста червоныхъ *.

Не упустылъ я тотъ часъ какъ сіи люде ко мнѣ собралысъ в въ карантинъ вошлы, послатъ отъ себя рапорты, адинь въ Виен[illegible] къ нашему полномочному послу графу Кейзерлингу, а другой в[illegible] Триестъ къ находящемуся тамо съ казною полковнику Пучкову, ко пмъ донесъ, что уже ко мнѣ прешло на цесарсыую сторону выход[illegible] цовь сь стороны турецкой кои обьявилы себя Черногорцамы щестде[illegible] сятъ два человѣка и что поставлены въ городѣ Митроваце въ каран[illegible] тынъ, по выдержаныи коего переведены мною будутъ на Венгерскую[illegible] сторону, за реку Дунай вь городь Новы Садъ, где и ожидать буд[illegible] далшего повелѣныя.

Мнѣ мои приятелы тамъ по границе живущие о коихъ я выше[illegible] говорилъ сказывали, какую желаность въ народѣ на той сторонѣ за[illegible]

---

* Надобноже знать и о томъ что на той сторонѣ зарекою Савою въ Турец[illegible] кой областы вь Босніи п въ Сербын, живутъ турки нетаковы какъ въ Анадолѣ и въ Египте, а совсѣмъ другова рода люде, кои съ зачала своего изъ древносты былв христянѣ, и тѣжь какъ и протчие тамъ живущие сербы, но потомъ отъ наглосты и варварства турецкаго истурчилысъ и ннѣ живутъ наиболшъ въ тамошныхъ городахъ, а по селамъ кое гдѣ хотя и естъ, но весма мало, язикже и обычай держутъ природны свои сербскіи: оны на своеи сторонѣ по рекѣ Саве хотя и держутъ караулы, но когда кто изъ жителѣй на цесарскую сторону уйдетъ, то ужъ въ томъ требования нѣтъ, почему и сіи что ко мнѣ прешли осталысъ безъ претензіи.

границею возбудыло къ виходу, что ежели бы не помешало худое время и распутица и что река Сава уже въскрилась, тобы подьнялисъ было со всѣмы своимы фамылиямы люде преходытъ ко мнѣ, вь чемь и мои выходци что въ карантинѣ подьтвердилы, и говорятъ что естлы я тамъ еще на дачѣ находитца буду, то де на предьбудущее лѣто и на другую зыму целимы селениямы подьимутца и выходитъ будутъ на сию сторону.

О семъ что мнѣ обьявлено писалъ я къ владики Черногорскому, каторой тогда было въ Триестъ приехалъ, а также и маиора Петровича о томже известылъ, а приятелямъ моимъ сказалъ чтобы оны на ту сторону народу далы знатъ, что или я тутъ буду илы кто другой на место мое пришлѣтца то конечне примнѣны будутъ, въ чемъ чтобь имѣлы надежду и билибы в готовносты.

Сколкоже сие время какъ я тамь на границе находылся было мнѣ сь своимы препроводытъ приятно и весело, столко же еще и болше принесло мнѣ скорбы и печалы, ибо синь мой, о коемъ я прежде говориль что несчастые ему въ Такае приключилосъ, заболѣль вдругь такъ жестоко что на треты денъ тамъ же скончался, сей ударъ его смерты претворилъ всю нашу веселость и утеху вь великую жалость, отьчего супруга моя въпала въ болезнь и лежала на постелѣ неподвижна.

Я всѣ силы свои употреблялъ къ ее ползованыю, изьискивалъ лекарей, но что при той болѣзны еще была она и бремена, то лекаря советовалы чтобы лекарствамы поудержатца, дабы тѣмъ нездѣлатъ еще чего хуже, она пролежала на постелѣ недѣлы две, и хотя ей немного и полехче стало, но однако была очень слаба и болшь лежала нежелъ хадыла.

Тѣмъ временемъ къ карантинѣ моимъ выходцамъ срокъ вышолъ и выпущеñы, я обныхъ что карантинъ выдержалы и сколко ихъ числомъ естъ, а также и то что оны при выходе обьявилы себя Черногорцамы выпросилъ оть карантинога директора атестатъ, и потомъ превелъ ихъ за реку Дунай на Венгерскую сторону въ городь Новы Садъ, обьявилъ также о томъ въ крепосты Петроварадинѣ оберъкомендантy, отъ коего посланъ былъ афицеръ освидѣтелствоватъ и осмотрѣтъ каковы оны и нетамошниелъ люде, потомъ нанялъ я тамже въ городѣ Новом Садѣ на выездѣ три болшие заездные дома, куда въместылъ всѣхъ своихъ выходцовъ, приставылъ къ нымъ вахтмейстера и капрала адного, учредывъ притомъ о ихъ содержанiи под-

лежащей порядокъ, оставылъ ихъ на томъ, а самъ поспешилъ опять на границу где и прежде былъ, и тако уже поспѣла весна и дни харошие показалысъ.

Не много дней после того спустя получилъ я отъ полковника Пучкова ордеръ, коимъ даетъ знатъ что посилаеть ко мнѣ чрезъ вахтмейстера Фишера двадцатъ семъ человекъ, кои какъ скоро прибудутъ чтобь я соединывъ съ тѣмы у себя имѣющимы ехатъ и препроводилъ оныхъ въ Россию до Киева, куда какъ приеду ожидатъ сенатскаго указа, по преждпѣму лы по той камысіи ехатъ обратно въ Цесарию, илы какъ приказано будетъ, а люде мною туда выведеные останутца въ ведомстве Киевскаго оберъ-коменданта, на дорогу же для препровожденыя людей такожь и подлежащее мнѣ заслуженое жалованые получитъ мнѣ чрезъ преводь въ крепосты Петроварадинѣ денги.

Я получа то повелѣние что ехатъ сталъ ктому готовитца и ожидаю того отьправленаго ко мнѣ съ людмы вахтмейстера Фишера, но другая мнѣ скорбь на голове что супруга моя еще на постелы слаба, и какъ по немощи ее такь и то что чежело бремена, почему ни какь въ такую далную путъ отважитца и трудь на себя въязтъ чтобь ехатъ была невсостоянiи, для чего и положилы на томъ что ей оставатца у матеры, и какъ можетъ бытъ что указомъ сенатскимъ повелѣно будетъ опять по той камысіи возвратитца мнѣ въ Цесарыю, а она тѣмъ временемъ пооправитца здаровыемъ и отъ бремены своего разрешитца, то тогда и ехатъ будетъ можно, наше намереные положено было харошо, но человекъ бедная тварь на светѣ, не знаетъ къ чему судбына ведеть и какое несчастые понестъ долженъ.

Вахтмейстеръ Фишеръ прибылъ ко мнѣ самъ адынъ а людей оставилъ по тракту прямой дороги въ городѣ Кечкеметѣ, я не медля болѣе простясъ съ супругою своею отьправился въ дарогу, какь можно было лехче, взялъ толко адну каляеку и четыре лошады да два человѣка слугь съ собою, а проездомъ чрезъ крепостъ Петроварадинъ зашоль къ оберъ-коменданту (старику о коемь я прежде много говорилъ), обьявиль ѣму о себѣ что отьежаю и простясъ сьнымъ, получилъ также преведеные мнѣ тамъ въ крепосты денги, преправился чрезъ Дунай на ту сторону въ городь Новы Садъ, нанявъ тамо фурманчиковъ съ болшимы фурамы, и посадя на оные всѣхъ своихъ людей, отьправился въ путъ.

Третымъ днемъ поспѣлъ я въ городь Кечкеметъ гдѣ и тѣ приведеные Фишеромъ изъ Триеста люде меня дожидалыся, и совокупя

оныхъ обще съ своимы что и составыло тогда мою команду всего восемдесять деветъ человекь редовыхъ да вахтмейстеръ адынъ и капралъ адынъ, отъколъ взялъ дарогу свою далѣ.

Вахтмейстера Фишера по здаче людей хотя и велѣно отьправитъ обратно въ Триестъ, но я взялъ его съ собою еще на два ночлега, спрашиваю я его всѣлы тѣ приведеные люде точние Черногорцы какь оны по списку значутъ, ибо говорю я ему какь примечаю изъ наречия ихъ, хотя оны языкомъ Сѣрбскимъ и говорятъ но надобно имъ бытъ какова ныбудь другова краю людямъ.

Онъ на то мнѣ отвечаетъ что тутъ Черногорцовъ нѣтъ, а набыралы де мы тайно гдѣ како достатъ моглы и тѣмъ именемъ въ пысивалы, а Черногорца говоритъ онъ ни адного мы тамь не видалы, и владики Черногорски хотя къ намъ въ Триестъ моремъ и приплылъ, но также отъ туда съ собою никаво непривелъ, окроме несколкихъ человекь поповъ да чернцовъ, а говорено де что вслѣдъ занымъ изъ Чорной Горы туда въ Триестъ люде будутъ моремъ на кораблѣ; Фишера потомъ отьпустылъ обратно, а маршъ свой продолжалъ я далѣ.

На первомъ ночлеге было мнѣ безъ клопотъ и спокоемъ, на другомже и на третьемъ стало несколко являтца безъспокойство а что далѣ то хуже, напоследокъ и весма клопотливо стало, а то всио происходыло одъ тѣхъ присланыхъ ко мнѣ изъ Триеста людей, кои были всио воръ нагоio и пияницы прегоркие; наволочъ то такая была что хуже сыскатъ нигде неможно, между имыжь были оружейнис лѣсовые настоящіи разбойники, и гдѣ толко чего на ночлегахъ и проездомь чрезъ жилыщи й въкарчмахъ захватютъ и сорватъ могутъ то ужь было ихъ.

И на многихъ местахъ принужденъ я былъ за ныхъ что жителямь надѣлаютъ убытка платытъ денги; сверхже того еще между имыжь ежеденно происходилы страные не согласіи, ибо всякъ хатѣлъ олшь другаго бытъ, и также на фурахъ гдѣ каму сидѣтъ первенство въ местахъ выбиралы, и на то место гдѣ кто сперва сидѣлъ, къ другому садитца возпрещалы, исчего не токмо что ссоры но и драки иногда происходилы.

Отъ какова безъпутства хотя и могъ я строгостыю отъшедъ и къ границе Полской ихъ поудержатъ, но разсудыль что такие вратние люде оть того могутъ разбежатца и понесу я чрезъ то

опосля великое затрудненые, для чего и принужденъ былъ обходитца сь нимы всякою ласкою и тѣмь привестъ ихъ къ послушанию.

Давалъ я имь въ дароге пыщу мясомъ и рибою, где толко быле можно доставатъ съ излишествомъ, также поденно на пропой денги, и говорилъ сьнимы повсякъ часъ ласково хваля ихъ храбростъ, и достоинство, останавливался иногда проездомъ на дороге предь корчмамы куповалъ пыво и горелку и поилъ ихъ невзачотъ, упомыная притомъ о ихъ своеволстве, что то имъ не есть прилычно дѣлать и стидно, и что нанесутъ тѣмъ на себя худое имя, а лучше говорилъ я имъ какъ вы будете воздержны и послушны и между собою согласны и дружелюбны, и такою хорошою поступкою приобретете честь своего имены, и можете за хорошое поведеные получатъ чины афицерские, толкуя притомъ имъ что въ Россіи по службе никто не останетца безъ награжденыя.

И тѣмь и тому подобнымъ едва я ихъ могъ довестъ до согласия и дружелюбыя, и что повиноватца сталы моимъ приказаныямъ, я сь нимы сперва жызнъ свою мучилъ да и самъ опасался чтобь иногда бунтъ въ такой далнѣй дароге и вь чужемъ государстве не зделалы, и уйдуть къ Полякамъ въ службу какъ на многихъ местахъ покушалысъ Поляки и явно о преходе къ нымъ моихъ людей подгаваривалы, для чего и не хотѣлъ я никогда въ городахъ и въ болшихъ местечкахъ становитца на ночлегъ, а располагаль маршрутъ свои чтобы въ карчмахъ по дороге илы въ селахъ ночлеги свои имѣтъ.

Тѣже другие мои люде коихъ я вывелъ, были какъ съ зачала такъ и во всю дарогу до самаго Киева мнѣ послушны и вѣрны, почему я будучи вдароге и болшъ доверенносты на ныхъ имѣлъ, и такимъ образомъ и стою моею трудностыю продолжаласъ путъ моя чрезъ всю Венгрию и чрезъ Полшу до самой границы Россійской.

Между же тѣмы что изь Триеста присланы ко мнѣ люде узналъ я адного знакомова мнѣ издавна человѣка, Сербынъ родомъ изъ Славоніи, каторой былъ во время моей въ Цесаріи службы, въ Славонскомъ гусарскомъ полку, у маиора Продановича во дворе при его дѣтяхъ учителѣмъ, звался Алексѣй Калиновичъ, былъ человѣкъ поведеныя харошаго и учонъ на своемъ природномъ Славенскомъ языке даволно, и отьшедъ отъ маиора изъискивалъ себы другова места, былъ въ Далмаціи, а отътуда приглашенъ былъ чтобь итытъ къ владики Черногорскому въ секретары, какъ оной владика туда пысалъ и просилъ своихъ знакомыхъ чтобь такова человѣка изъискатъ постаралысъ.

Сей человѣкъ былъ въ Чорной Горѣ у того владики Василия въ должносты секретаря три года, и сныкже и вь Триестъ моремъ приплылъ, а какъ услышилъ тамо что я по сей камысіи нахожусъ въ Цесаріи (какъ онъ мнѣ о томъ сказывалъ) и что я отъправляюсъ съ камандою въ Россию, то потому не хотѣлъ болѣе при владике оставатца просилъ увольнения и пожелалъ съ отьправлениmы люди въ Россию, почему обще съ онимы отъ туда людмы, приехалъ ко мнѣ.

Я сему человѣку былъ весма радь, и какъ онъ не подлаго рода, то сажалъ его съ собою за столъ, и вдароге сомною въ местѣ въ каляске сидѣлъ, причемъ быль мнѣ случай узнатъ о делахъ той чорногорской камысіи, что тамъ въ той странѣ происходытъ, его я о томъ спрашивалъ на что въ подробностъ мнѣ пресказыватъ сталъ.

Что владика Василій приехавши изъ Россіи въ Чорную Гору собралъ къ себе сердара и другихъ тамошныхъ почотныхъ хазяевъ и отъ священства, обьявылъ имъ что такова камысія зачнется, и чтобы согласилысъ ехатъ въ Россию на первой случай холостие молодие люде а потомъ и съ женамы и съ детмы кто пожелаетъ выходытъ могутъ, и просилъ владика чтобь втомъ никто не отказывался, ибо де онь на первой случай обещалъ вывестъ изъ Чорной Горы въ Россию тысящу человѣкъ, а потомъ еще и болше, и что на препровожденые ихъ отъ Триеста до Россіи будутъ употребляемы изъ казны денги.

Лышъ толко что владика тому собраныю, говоритъ Калиновичъ, о своемъ намереныи обьявылъ, какже всѣ на него негодоватъ сталы и зделалысъ две партіи, адна изъ свойственыковъ владики на то согласилысъ, а протчие всѣ отьказалысъ і что ехатъ не хотятъ, упрекая что какую онь власть имѣетъ приглашатъ людей, чтобъ изъ своего отечества выходилы, и что онъ ежелы обещалъ, то можетъ выводытъ съ собою каво самъ имѣетъ подь своею властыю, а оны ехатъ не хотятъ, и стѣмде всѣ разышлисъ, между коимы быль, говоритъ Калиновичъ, главной что спориль нѣкто именемъ Стано, за коимъ и всѣ протчие единако почты говорилы.

Владика послѣ того, продолжаетъ Калиновичъ, былъ несколко дней въ великомъ смущеніи, видя что его никто не послушалъ, а дѣло такое безъ согласия народа самъ собою началъ каторое исполнитъ должно, то и началъ приглашатъ своихъ свойственыковъ и некоторыхъ поповъ что вдовцамы были, давъ имъ благословение обритъ бороды наградя денгамы и назначивъ ихъ чинамы афицерскимы и тѣмъ пригласилъ на свою сторону.

Потомъ владика изъбыралъ средства какбы приласкать къ себѣ того началника именемъ Стана, о коемъ выше сказано что наиболѣе спорилъ, а также воеводу и сердара Мояша, коихъ и пригласилъ къ себе подаркамы, а притомь засваталъ за маиора Петровича Станову сестру, обещавъ ему титулъ губернатора, (каково название и достоинство тамо прежде не бывало) растолковавъ ему что то значитъ генералъ, и владелець всей той земли, и что тѣмъ достоинствомъ по его рекомендацiи признанъ будетъ отъ двора Россiйскогa, ежелы только онъ въ Россию поедетъ, и что онъ изъ Россiи можетъ вернутца назадъ и будетъ уже началникомъ во всей Чорной Горе, а толко бы онъ согласилея ехать, и старался бы пригласить къ выходу и протчихъ жителей.

Таково отъ владики предьприятые возымѣло некоторимъ образомь желаемой успѣхь, онъ согласивши того Стана на свою сторону и утвердывъ уговоръ что на его сестре маиоръ Петровичъ безъ сумнѣния женитца будетъ и что невеста обще сь нымъ въ Триестъ къ жениху поедетъ, а также воеводу, и сердара, обнадеживъ что когда оны согласятца ехать въ Россию, где конечне по ихъ усердию будетъ отъ двора учинѣно награждение, то оное всио имь отъдастъ.

Тѣмъ основалъ владика свое дѣло, и тѣ приступывъ къ его волѣ, зачалы протчихъ людей къ виходу приглашать, каковы и сталы у владики являтца, изъ коихъ что почотныхъ домовъ были, обьявлялъ оньмъ владика афицерские чины, однако совсѣмъ тѣмъ не много таковыхъ желающихъ къ выходу явылосъ, какь о томъ еще далѣ видно будетъ.

Подь тотже случай послужило владики вь резонъ кь изговорке, что онъ своей камысiи такъ какъ обещелъ исполнытъ не можетъ яко втожь время наступилы Турки отъ страны Албанiи на границы Чорной Горы, и Черногорци забавилысъ о своей домашнѣй бедѣ, выступилы всѣ къ своей защите i имѣлы съ Туркамы сражение, почему онъ владика положившисъ къ выводу техъ людей, кои обьявилы желание, на тѣхъ своихъ союзниковъ, собравшись на скорую руку выехалъ изъ Чорной Горы, нашедь отьправляющееся по близосты тамо на берегу Венецианской границы на море Адриатическомъ судно, селъ на оное и приплылъ на Цесарску границу въ городь Триестъ, где уже былъ полковникъ Пучковъ сь казною, втожь время и сей его секретарь Калиновичъ съ нымь тудажь пришоль, о чемъ что Турки таково на Чорную Гору учинилы нападение посоветовалъ владика съ маиоромь Петровичемъ въ сочиненiи своего къ полковнику Пуч-

кову обьявленыя, припысалы притчину въ выходе людей изъясняя, что Черногорцы забавилысъ въ защите отъ нападения турецкаго своихъ жилыщъ, не могутъ таперъ въ великомъ числѣ выехатъ и отъделяютъ некоторую часть и что вскоросты прибыть имѣютъ.

Потомъ какъ владика тамъ въ Триестѣ будучи получилъ чрезъ почту отъ меня пысмо, что я къ нему и къ маиору Петровичу пысалъ и уведомылъ ихъ о томъ числѣ людей, кои ко мнѣ изъ турецкой областы въ городъ Мытровицу на границу цесарскую перешлы, и что еще и болше людей обещалысъ ко мнѣ отъ туда притытъ, а знавъ уже владика съ маиоромъ Петровичемъ что выходъ ихъ Черногорцовъ будетъ не великъ, и что обещаные свое исполныть не могуть, для чего и надобна имъ было сводитъ свои концы иначе, то и побоялысъ оны меня тамо на границе долѣ держатъ, дабы виходъ народа не могъ припысанъ бытъ въ похвалу болшъ на меня нежелы на ихъ, и что конечне отъкроитца опосля что то не естъ Черногорци а толко что подъ именемъ такимъ пригласилъ я къ выходу другихъ Сербовъ къ себе, то и положилы оны чтобь меня стого места отъвестъ протчь, докладивая полковнику Пучкову (какъ онъ самъ опосля по уничтоженіи той камысіи и узнавъ всѣ ихъ дѣла будучи въ Петерьбурге о томъ мнѣ сказывалъ), чтобь съ сиею командою въ Россию меня отъправитъ, а на мое место туда на границу послатъ адютанта Маркова, а притомъ пысано въ Сенатъ съ требованыемъ скорейшей присилки и того названаго порутчика Ездимыровича, которой съ первымъ транспортомъ людей пошолъ въ Россию, (о коемъ више говорено) почему того же года и зделано и тотъ Ездимировичъ по такову требованыю. изъ Россіи отъправленъ къ нымъ въ Цесарию, коего тудажъ на границу гдѣ я былъ поставилы и онъ обще съ адютантомъ Марковымъ тамъ осталысъ, и народъ въ летнѣе время какъ прешолъ изъ Турецкой областы на Цесарскую сторону съ женамы и съ детмы и холостые всего около тысячи душъ принялы, подъ тѣмъ названиемъ какъ имъ прежде чрезъ моихъ приятелѣй сказано, чтобь при выходе Черногорцамы себя обьявлялы, (сие дѣлалосъ въ 1757 годѣ).

Таперъ оставимъ владику и маиора Петровича съ ихъ Черногорцамы въ местѣ, покудова опятъ до ныхъ речъ придетъ, а будемъ говоритъ о моей дароге какъ оная продолжаласъ далѣ.

Сколко мнѣ было труда и мучения будучи сь симы людмы въ дароге, о томъ уже я више говорилъ, и такимъ образомъ продолжаласъ моя путъ чрезъ всю Полшу, и дошедъ не далече уже отъ гра-

ницы нашей Россійской въ Полское местечко Паволочь (что на Украине близъ перваго форпоста Российскаго Василова).

Въ томъ местечке довелосъ мнѣ статъ въ полъденъ на попасъ незналже я нычего что тамь Полские команды стаятъ, и въехавши уже въ заездные жидовские дома, велѣлъ чтобь фурманщики лошадей своихъ покормыли а люде также пообедалы, выжу я что на улыце ходютъ Полские жолмыри, спрашиваю ихъ что и какъ и за чемъ тутъ находятца и кто преднимы командиромъ, на то сказали мнѣ что оны самы не знаютъ какая надобностъ имъ тутъ бытъ, и что оны толко вчерасъ туда пришлы, а о командире своемъ указали мнѣ домъ что въ ономъ ихъ региментаръ стоитъ.

Я разсудилъ чтобь зделатъ ту политику паитытъ къ тому ихъ началнику, адно что обьявытъ о себѣ съ какою камандою я проежаю а болѣе что хатѣлъ отъ него узнатъ по какой надобносты оны там близъ нашей границы стоятъ, дабы по приездѣ въ Киевъ могъ оберъ коменданту о томъ донесть.

Пашолъ я туда на дворъ где караулъ его стоитъ и ундеръ афицеръ у воротъ сидѣлъ, спрашиваю я о началнике, на что отвечал что спитъ, однакъ можно его разбудытъ говоритъ онь, я говори ежелы не будетъ противно, то разбуды его и доложи обо мнѣ что желаю сь нымъ видѣтца, ундеръ афицерь пашолъ и скоро возвратился указавъ мнѣ куда итытъ и что своего пана региментара разбудылъ.

Сей какъ я къ нему вашолъ сидѣлъ еще на краваты протирает глаза оть просонья, мужикъ претолстой здаровой, увидѣвъ меня въсталъ, проситъ сестъ, спрашиваетъ кто я и какой имѣю до него интересъ, на что обьявылъ я ему о себе и что чрезъ сие местечко съ рекрутамы проежаю и что не хотелъ оставытъ, чтобь ему о том моемъ проездѣ не обьявитъ.

Онъ такою почестыю былъ даволѣнъ, и вошолъ со мною въ разговоры, между протчимъ узналъ я о томъ что мнѣ было надобно знатъ, какъ онъ сказалъ что съ своею камандою преходытъ сместа на место для охранения отъ гайдамаковъ (каковыхъ тогда по Украине не оченъ было умножилосъ) и съ тѣмъ я отъ него вышелъ, и велѣлъ своимъ запрегатъ лошадей и выежатъ; но не зналъ я что за местечкомъ на выездѣ еще адна такаяжь ихъ войска толпа стоитъ и что тамъ другой командиръ ихъ естъ, фуры мои запрежены и люде селы.

Я чрезъ то местечко предь своею командою еду на коляске, а осталные фуры съ людмы за мною, и проехавъ ужо къ выезду, увидѣлъ на одномъ дворе возлѣ дароги на правой сторонѣ что караулъ стоитъ и ружи и барабаны, при коихъ часовой прохаживаетъ, а на дворе людей много, коихъ я сочелъ всию адну каманду и адного камандира съ тѣмы преждними у коего я уже былъ.

Дарога та лежала на томъ местѣ угломъ и завороть болшюи, отъ чего помешало что фуры мои съ людмы не моглы такъ скоро выправитца и за мною блиско ехатъ.

Меня самаго сь каляскою тѣ караулние пропустилы и никто нычего неспрашивалъ, а какъ изъ за того заворота показалысъ мои фуры съ людмы, то часовой закричалъ къ ружю а самъ выскочилъ на улыцу и переднуюю фуру остановылъ хатѣлъ видно узнатъ кто и что за люде едутъ.

Я увидя что фуры мои остановлены вискочилъ изъ каляски поспешилъ чтобь самъ тамо отьвечатъ, но покуда я поспѣлъ то адинъ изъ моихъ разбойниковъ скоча съ фуры далой и того часоваго ударилъ и повалылъ на землю и ужь крикъ зачался, караулние выбежалы изъ двора и прегородилы дарогу, барабаны ударилы тревогу, и потому скоро и звона на колоколнахъ набатъ бытъ сталы, народь и салдаты сталы стекатца поднялась тутъ такая тревога и шумъ и крикъ отъ народа что ни слова разумѣтъ не можно кто что говоритъ, и такь окружилы и стеснилы насъ втой улыце что доходытъ до убыства, я оть такова смущеныя не зналь что дѣлатъ и скѣмь говоритъ и толко что могъ едва прорватца и въбежатъ въ тотъ дворъ гдѣ караулъ стаялъ, въ коемъ отъ той каманды самь региментаръ былъ, онъ также спалъ какъ и тотъ преждны къ коему я хадылъ, и услыша на дворе тревогу въскочилъ скраваты, засталъ я его такъ полусонного, саблю на себя привязивалъ.

Счастие мое что я еще успѣлъ такь скоро кь нему войтытъ, сказываю ему о себе что я россійской штабь-афицеръ и веду новыхъ рекрутъ изъ Цесаріи въ Россию, (ужь я о Черногорцахъ ничего не упомынаю) и обьвиняю его караулныхъ что меня обыдили и моихъ людей бьютъ, и требую отъ него скорейшаго защищеныя.

Онъ по моимъ словамъ тотъ часъ выбежалъ на улыцу, сталъ на своихъ кричатъ и уныматъ, подошедъ въ ту собравшуюсъ толпу народа разганятъ сталъ, что продлжалосъ около двухъ часовъ покудова мало что утишитца могло.

На тотже крикъ и тревогу подоспѣла была и та и другая изъ местечка каманда и ужь было сталы на ветръ стрелять подавая тѣмъ по ихъ обыкновенню болшь шуму къ тревоге; и при всемъ томъ естли бы сей регементаръ не подоспѣлъ и самъ къ моимъ фурамъ не подошелъ, при коемъ и я неотьступно былъ, то бы наверно много мертвыхъ тутъ осталосъ, ибо и мои люде ужь всѣ дружелюбно взялысъ было себя защищать притиснившисъ кь адному углу за фуразы приуготовилысъ было со всѣмъ къ оборонѣ, а у всѣхъ почти было что нибудъ ружейное, сабля, пистолетъ, ружью, и мало кто былъ чтобь хоть кинжалъ за поясомъ не имѣлъ, и то много помогло что Поляки жестоко сунутца не посмѣлы, видя что всѣ мои были соотвечать боемъ въ готовносты.

Региментаръ самъ и еще некоторие изъ его подкомандныхъ пособлялы и разганивалы людей протчъ, и не допустилы до драки, а какь все по утихло тутъ взялысъ дѣлатъ слѣдствие, ибо региментаръ еще не зналъ и счего то здѣлалосъ, для чего собралысъ оба регимента и еще некоторые ихъ старшины и такь по разобраніи дѣла найдено то, что и я самь видѣлъ какъ адынъ изъ моихъ подкомандныхъ часоваго ударилъ въ рожу и съшибь съ ногъ на землю началь было таскатъ.

Можетъ быть что по изслѣдованіи обошлобыся и безь штрафа виноватаго, или бы то было можно повернутъ какъ ныбудь иначе и еще съ претензиею, но доказателство къ изобличению предстояло явно, ибо тотъ часовой крепко кулакомъ ушибенъ, что у его глазъ подбытъ и кровью изъ носа весъ окраваленъ, и сидѣлъ на дворе подь окошкомъ уже не могши бытъ при должносты, коего къ намъ въ избу къ присудствию приведено, и тѣмъ доказано что мои люде самы виноваты и подалы случай къ тревоге, для чего по многимъ между намы преговоркамъ не могло бытъ иначе, а должно было виноватаго оштрафовать, а ушибенаго удоволствоватъ и тѣмъ весь процесъ кончить.

Поляки требуютъ яко ихъ часовой обыженъ, то чтобы надь мо имь подкомандным екзекуция была ихъ, я на то не дозволялъ, говорю чтобь оставилы на меня и что я имъ надъ тѣмь виноватыы самъ чрезъ своихъ ундеръ-афицеровъ полное удоволствие здѣлаю, пась о томъ долго споръ происходылъ однакъ осталосъ на моемъ.

Я приказалъ того виноватаго, каторой часоваго ударилъ, по житъ тутже предполскимъ карауломъ на землю и оштрафоватъ

ютѣкъ, въ самомъ дѣле я самъ того хатѣлъ чтобь былъ жестоко наказань, и тѣмь показатъ къ воздержанью образецъ другимъ, ибо онъ былъ самой тотъ, каторой меня въ дароге наиболшъ своимъ воровствомъ и піянствомъ безъпокоилъ.

И какъ Поляки увидѣлы что уже за петъдесятъ жестокихъ ударовъ прошло и что еще и далѣ штрафъ продолжаетца, то сталы самы меня проситъ, признавъ втомъ свое удоволствие, потомъ тому часовому подарилъ я за увечые два рублы, онъ тѣмъ былъ даволѣнъ и примечаю что онъ еще бы разъ далъ себя такъ ударитъ, когда бы столкожь денегъ ему подаритъ.

По окончаніи сдй исторіи, попросилы меня оба сіи региментара къ себе въ горныцу, оказывая мнѣ по сосѣдству свою склонность, и поднося напиток по своему обыкновеныю болшимы килихамы пытъ, я какъ втомъ нымало несроденъ и великова питыя снестъ не могу, отъгавариваліся своею не возможностью, но однакъ вызволитца не могъ, а принужденъ былъ здѣлать имь удоволствие, и напылся несколко слышкомъ; стѣмь выехалъ, было то ужь блызъ вечера и толко что могъ адну мылю отьехатъ, схватило меня жестоко на сердце, для чего принужденъ въ случившейся на дороге карчме остановитца и тамъ заночеватъ, а то здѣлалосъ мнѣ отъ того лышняго пытия, что ясно миодъ твердой жидовской былъ, всю ту вечеръ и наступившую ночь меня мучило сь такимъ превеликимъ жаромъ что я и завтрешны день еще боленъ былъ, и патомъ двое сутокъ ныелъ ни пылъ погудова диетомъ едва освободитца могъ.

На треты денъ поспѣлъ я на границу нашу Россійскую на форпостъ Василковски, тамь меня остановилы и дней десетъ карантынъ держалъ, а потому выпущенъ и прибылъ въ Киевь.

Подалъ я господину оберъ-комендэнту Костюрину о моемъ прибытіи рапортъ и о приведеныхъ мною людяхъ списокъ, коихъ онъ на завтрешны денъ осмотрѣлъ и привелъ къ присяге, а потомь препоручилъ состоящему тамо по той камысіи порутчику, въ каманду (онъ былъ того маиора Петровича братъ родной звался Николай Петровичъ).

Въ Киевѣ известылся я, что тѣ приведение прежде меня порутчикомъ Ездимировичемъ перваго транспорта люде отъправлены съ ныниже въ Аренбургъ на поселение, куда и сихъ мною приведеныхъ также отправитъ надобно; а онаго Ездимировича указомъ Сенатскимъ велѣно отъправитъ отъ туда чрезъ Киевъ обратно въ Цесарию по

тойже камысіи въ каманду Полковника Пучкова и маиора Петрович (оно то и естъ такь, какъ я выше говорилъ что онъ поставленъ был на мое место на границе Цесарской въ городе Мытровице, и въ Но вомъ Садѣ).

Люде мои что отъданы другому афицеру въ каманду не был тѣмъ даволны и здѣлалосъ несколко изъ того затрудненые; оны и другой денъ пришлы ко мнѣ спрашиватъ, я лы предниимы и впред командиромъ буду илы кто другой, и просятъ чтобь я ихъ не остав лялъ, на что сказалъ я имъ что хотя бы кто и другой былъ какъ п службе случитца можетъ, но въ томъ чтобы оны не сумнѣвалысь били бы съ покоемъ, ибо содержание ихъ жалованыемъ и протчим будетъ имъ всио ровно и на всякомъ местѣ получатъ свое будутъ однако оны тѣмъ не осталысъ спокоемъ, а пошлы всѣ къ оберъ-ко менданту въ крепостъ проситъ, чтобь я при ныхъ командиромъ остал ся какь я ихъ вывелъ, и оны меня знаютъ, упомыная что ежели б не я при ныхъ былъ то бы ни адынъ до Россіи не дошолъ, и мы д такъ говорили оны надѣялысъ, что сей нашъ господинъ и на всегд при насъ останетца, а что таперь насъ другому афицеру въ команд отъ дано тѣмде мы ни мало не доволны и бытъ у него не хочем: ибо мы не Черногорцы, а самы по своему желаныю на вызовъ сего господина въ Россию и тытъ согласилысъ.

Оберъ-комендантъ за мною послалъ сприказаниемь чтобь скоро я къ нему явылся, что я и зделалъ и засталъ еще всѣхъ моихъ лю дей тамъ, онъ было изъ сего дѣла засуетился и спрашиваетъ мен что то значитъ, и не ялы въ томъ притчиною и чтобь какъ можно старатца людей успокоитъ.

Я принужденъ былъ тутъ предь оберъ-комендантомъ божитса что и не знаю и неведаю и что я самъ при ныхъ оставатца не же лаю, яко оны отправлены должны бытъ туда куда приказано, а мо его намереныя нѣтъ туда ехатъ, но чтобы ихъ успокоитъ говори я, прикажите бытъ имъ еще на несколко дней въ моемъ ведомстве покудова оны привикнутъ и того афицера узнаютъ и тѣмъ оставут ца спокоемъ.

Оберъ-комендатъ на томъ бытъ приказалъ и людямъ сказано, всѣ стараніи къ тому употребылъ и труда много имѣлъ, и ужь во дено денги кои имъ давалысъ велѣлъ тому афицеру имъ раздават покудова ихъ успокоитъ, а тѣмы днямы о издержке, что будучи в дароге мною употреблены, обо всѣмъ сочинилъ щетъ подалъ обер

каменданту и осталные денги въ Губернскую Канцелярию представилъ.

Послѣ того докладиваю я господину оберъ-коменданту о себе и показиваю имѣющейся у меня отъ полковника Пучкова ордеръ, которымъ велѣно мнѣ въ Киевѣ ждатъ Сенатскаго указа что и тытли по той камысіи мнѣ опятъ назадъ въ Цесарию илы какъ приказаню будетъ.

На что господинъ оберъ-комендантъ отвечалъ что онь о томь никакова повелѣныя не имѣетъ, а толко де обь адномъ Ездимировиче естъ повелѣние, чтобь его какъ скоро онъ изъ Аренбурга прибудетъ, коего на сихъ дняхъ и ожидаю, отъправитъ по почтѣ въ Цесарию къ полковнику Пучкову, а вамъ ежелы здесь ждатъ Сенатскаго указа говоритъ оберъ-комендантъ того будетъ долго, но лучше вамъ ехать въ Петерьбургъ и тамъ изъпроситъ повелѣние.

По такову совѣту согласился я ехатъ въ Петерьбургъ и възявъ подорожную поехалъ съ аднимъ толко слугою, а коляску съ лошадми и съ кучеромъ оставилъ въ Киеве.

Я приехавши въ Петербургъ явылся къ господамъ какъ военной колълегіи членамъ, такъ и къ господамъ сенаторамъ, докладывалъ имъ первѣе на словахъ обо всѣмъ что сомною воспослѣдовало, и какъ я былъ удержанъ въ Венгріи съ зачала туда моего скомандою приезда и претерпѣлъ болѣе шесты недель арестъ, также и о виведеныхъ мною въ Киевъ людей о коихъ и господинъ Киевски оберъкомендантъ засвидителствоваль и рапортъ въ Сенатъ прислалъ, причемъ не оставилъ я господамъ сенаторамъ и о томъ доложитъ, что при отправлении меня по сей камысіи въ Цесарию какъ несравнено противо другихъ на путевое содержание мнѣ денги толко двесты рублевъ такъ какъ и адютанту маиору выдано, и что я будучи долго времено подь арестомъ принужденъ былъ на свое содержание съ великимъ излышествомъ за всио платытъ денги, отъ чего издержалъ и все последнѣе свое что имѣлъ, и тѣмъ понесъ великой убытокъ.

На сие мое словесное обьявленые сказано мнѣ отъ господь сенаторовъ, а особливо отъ господина генералъ-прокурора князъ Никиты Юрьевича Трубецкаго, каторой меня сперваго того раза возлюбылъ, и отозвался своею милостию что не оставитъ мнѣ въспоможеніи дѣлатъ и я о своей нужде чтобь въ Сенатъ подалъ челобытную, каторую я сочинивши и подалъ, и ожидалъ по оной подлежащей резолуціи.

Приездомъ моимъ въ Петеръбургъ засталъ я тамъ отца моего, онъ будучи определенъ въ ново формирующиися тогда Белой Слободской гусарской полкъ, куда въ скоре потомь и отъправился.

Моего хожденія по поданной отъ меня въ Сенатъ челобытной проходытъ уже месецъ целой, напослѣдокъ вышла резолуция, чтобы въ прибавокъ къ тѣмъ выданымъ мнѣ въ Киеве на путевое содержаные выдать еще триста червоныхъ, кои я тамъ и получилъ, о чемъ и въ военную колъдегию для ведома указъ посланъ, тѣмже указомъ велѣно, какъ Черногорская камысия оставлена то отослать меня по прежднему въ полкъ къ генералу Шевичу.

Я сталъ о семъ выправлятца чтобы истого здѣлалось что Черногорская камысия оставлена, и узналъ скоро о томъ, что полковникъ Пучковъ пысалъ въ Сенатъ рапортъ, какъ о выходе Черногорцовъ ненадеждно, и что толко малое число людей къ нему въ Триестъ пришло а болѣе выхода отъ туда неожидаетъ, и потому посланъ къ нему указъ чтобь ту Черногорскую камысию уныштожить, а самому ему ехать обратно въ Россию, и явытца въ Петеръбургъ.

Вотъ таперъ скажу я что мое пророчество исполнилось, какъ я и прежде о томъ говорилъ, что той камысіи быть не надолго, а толко по то время какь отькроитца дѣломъ, однако не осталось на томъ, а было съ нимы дурной исторіи еще много, о чемъ впереды въ своемъ местѣ видно будетъ; мнѣ и не било бы надобносты столь много о семъ дѣле говоритъ, но что оное неотъступно дотыкалось до меня, и я и стого болшъ несчастия видѣлъ, а ползы никакой, то потому и не могу оставитъ чтобь здѣсъ невывестъ всно оть зачала и до конца, какь по сей камысіи происходыли и напослѣдокъ само собою изьчезло.

Я не токмо о семъ что хачу пояснитъ самымъ дѣломъ какь оно происходыло, но и обо всякихъ другихъ дѣлахъ кои случалысь, и я у себя оные въ своихъ дневныхъ ежегодно запыскахъ имѣю, каковы сь зачала моего юношества я всегда водылъ даже что и понинѣ оть того не отстаю, для чего таковъ мой трудь чтобы не остался тщетно и хачу пустытъ въ свѣтъ во удоволствие моихъ благосклонныхъ читателѣй.

Выше сего сказаль я что сенатскимъ указомъ посланымъ въ военъную колъдегию велѣно отъправитъ меня къ своей каманде къ генералу Шевичу, что и привело меня въ великую разъстройку, и

мое положение что вернутца назадь въ Цасарию за своею хазяйкою выходитъ невозможнымъ, ибо такую далную путъ туда и обратно долженбы я былъ предпринятъ на своемъ коште, а у меня столко денегъ, какь я самь съ собою разочолся и не доставало бы, и принужденбы былъ въ долги войтытъ и тѣмъ себя со всемъ разоритъ.

То для того разсудылъ за лучше хотя бы и годь целы, чтобы моя хазяйка оставаласъ тамо въ Цесаріи у своей матеры и ожидала бы покудова изъобрететца удобны случай поехатъ и ее отътуда вывестъ, а я между тѣмъ по продолжающейся еще съ Прусакомъ войнѣ, какъ всѣ наши гусарские полки при армыи состоятъ въ томъ числѣ отъ командь Шевича и Прерадовича соединены ескадроны, и по отбытіи моемъ въ Цесарию отьправлены тудажь къ армыи и составлѣнъ изоныхъ полкъ, то чтобы и я не упустылъ сего случая и быдбы такь какь и протчие при арміи, и тѣмъ заслужу себы честь и счастые, а особливо что главнокомандующій армыею Степанъ Федоровича Апраксинъ пожалованъ уже фелтмаршаломъ, которой всегда былъ моимъ великимъ благодетелѣмъ, отъ коего и тогда уповалъ я приобрѣстъ по службе моей себы мылосты, почему и положылъ на томъ чтобь къ нему ехатъ въ армыю.

О таковомъ моемъ намереніи подалъ я въ военную коллегию доношение, спропысаныемъ что въ армыи на войнѣ служитъ желаю, и прошу въ томъ указа и скорейшаго моего отьправления, о чемъ и словесно будучи въ домахъ у господь присудствующихъ обьявылъ имъ и просилъ, меня за то всѣ господа похвалилы и обещалы еще съ рекомендациею къ господину фелтмаршалу отьправитъ.

Тѣмже временемъ бывалъ я всегда во дворце, на балахъ и на куртакахъ, и празничнимы днями въ обеднѣ, видѣлъ государиню Елисаветъ Пётровну часто, и случалосъ раза два съ протчимы господамы въ публичные дни подойтытъ ея величеству къ ручке.

Меня всѣ придворние господа даволно знавалы для того, что я никогда не пропускалъ случая у всякаго праздничнимы днямы бывать, и тако на томъ ежеденно ожидалъ я своего къ арміи отьправления.

Въ адинъ денъ поутру рано присланъ вестовой ундеръ-афицеръ отъ ексекутора военъной колълегіи ко мнѣ, съ обьявлениемь чтобы я въ колълегию явылся, я поспешилъ туда, думаю въ себе что конечне уже дѣло мое готово и я скоро поеду, пришедь въ колълегию

гдѣ уже и присудствующие были собралысъ, явылся къ екзекутору спрашиваю какое приказаные что за мною посилалы.

На то отъвечаетъ чтобь я пообождалъ, а онъ пайдетъ доложитъ, мало потомь погодя позвалы меня въ присудствие.

Господа присудствующие обьявилы мнѣ что потребованию изъ кабынета изволыте туда явытца гдѣ и счислятца будете, и болѣе нычего.

Мнѣ сия въстреча страною показалась, я тутъ предь господами стаялъ мынутъ съ две задумавшись, а после осмелылся спросить что не знаю сему дѣлу притчины, а мое намерение проговорилъ я было ехать въ армыю о чемъ и доношение подалъ, и по оному ожидалъ своего отьправленыя.

На то сказалъ мнѣ господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоновичъ Суморуковъ, что можетъ бытъ вы ко двору за чемъ ныбудь потребны, то и должны вы туда явытца, съ тѣмъ я вышелъ въ великихъ размышленияхъ, а чтобы скоряе узнатъ, поспешилъ къ господину кабынетъ министру, тогда бывшему Івану Антоновичу барону Черкасову, и пришедь къ нему на дворъ доложылъ о себе чрезъ камердинера что имѣю къ его высокопревосходителству дѣло.

Тотъ часъ по докладу меня туда къ нему въпустилы, я поклонясъ докладиваю ему что велѣно мнѣ въ военъной коллегіи у васъ явытца и что приказатъ изволыте.

Онъ отвечаетъ приятнымъ видомъ, дабро жаловать, велѣлъ слуге податъ стула и приказываетъ мнѣ сестъ, такой встречи я удивылся а предьстоящие еще и болше, для того что отъ него редко кому тому подобное имѣтъ случилосъ, сей господинъ былъ нрава стариныхъ еще людей и хотя уже былъ въ высокой старосты, но натуралную великую имѣлъ прозорливостъ и разумъ харошъ, на его напрасно многие кричалы, а онъ былъ человѣкъ справедлывь.

Говоритъ онъ мнѣ что Государиня приказала тебя възятъ ко двору и ты тутъ находитца будешъ и дастся тебы и квартера и все протчее подлежащее содержание, а къ столу всякой денъ изволышъ приходытъ сюда ко мнѣ, а дѣло твое скажетца тебѣ опосля.

Мнѣ того же дня даны квартерные денги, и я нанялъ себе другую харошую квартеру въ Мещанской улыце, гдѣ мнѣ и приказано бытъ, хадылъ я всякой денъ къ сему господину и всегда у него

былъ у стола, онъ всегда со мною говорилъ и спрашивалъ о разныхъ дѣлахъ, напослѣдокъ я въ него такь блиско вошолъ и онъ меня полюбылъ, что всякой часъ хатѣлъ чтобь я тутъ при немъ былъ.

Въ такомъ содержаніи при дворе провожу я время весело, у меня ны вчемъ нычего не доставало, исправился всѣмъ потребнымъ екипажемъ, уже я не пешкомъ хажу, а хорошую каретою съ четырмя запряженнымы лошадмы разъежаю и денегъ имѣю доволно, бывалъ во дворце почты всякой денъ, всѣ придворные меня узналы и знакомылисъ со мною и такъ проходытъ уже два месеца. *

Потомъ сказано мнѣ что я отъправленъ буду въ Выену къ нашему полномочному министру тамо находящемуся съ некоторымъ важ-

* Въ адинъ денъ будучи я на гостиномъ дворе встретылся со мною вь ренянъ нечаяно тотъ синдикусъ Балевычъ коего я изъ города Новаго Сада въ Віену отъправылъ, какь выше обь нѣмъ уже сказано, онъ бѣдны какь меня увидѣлъ то заплакалъ, кинулся было меня целовать въ руку, называетъ меня своимъ отъ смерты избавителѣмъ, я его чтобь тутъ не стаятъ въялъ съ собою въ карету и завесъ на свою квартеру, хатѣлось было мнѣ узнать что и какь его дѣло и куда онъ проходылъ, нашолъ я его въ жалостномъ состояніи, у него не было ни копеки денегъ, и естъ и пыть нѣчего, проситъ меня чтобь не оставитъ его повторяя признаныемь и благодарностыю то благодѣяние каторое я ему здѣлаль, и чтобы учинитъ ему помочь и показать путь къ достиженыю своего благополучия, и что желаетъ въступытъ въ службу, и какде я говоритъ онъ вашимъ въспоможеныемъ изъ Виены отъправленъ по пысму вашему тѣмь вашимъ приятелѣмъ съ отъежающимы тогда купцамы грекамы за граныцу въ Лейбцигь съ награжденыемъ на дорогу несколко отъ него денегъ, тоде я съ тѣмъ туда приехавши по препоруке на другихъ купцовъ тамо находящихся отъправленъ въ Варшаву, гдѣ оть великой печалы заболѣлъ и пролежалъ всѣ почты лѣто, а потомъ отъправленъ также купцамы по ихъ милосты чрезъ Рыгу и вотъ уже неделы две какь приехаль сюда, и таперъ какь я человѣкъ бедной и здѣсъ еще новой, не хачу говоритъ онъ искатъ себы другаго прибежища а полагаюсъ на вашу милостъ. и вы управыте оо мною какъ заблагоразсудите.

Я вознамерился сему человѣку и въ другой разъ учинитъ свою помочъ, не для того чтобы онь потомъ былъ мнѣ чрезьвычайно обовязань, а единствено изъ адной любвы християнской (по слову преданыя что сказано несите тягосты брата своего); оставляю далѣ говорить что происходыло, а толко во кратце упоминаю что первѣе далъ я ему на пропытание несколко денегь, и на наемъ по его состоянию квартеры (ибо мнѣ его у себя не можно было держатъ), патомъ повелъ я его къ генералу прокурору князь Никите Юрьевичу Трубецкому, представилъ его, обьявывъ и всѣ бывшее обь нѣмъ дѣло, а что не можно было растолковатъ что его чинъ синдикусъ значитъ въ томъ засвидителствовалъ что то естъ полыцмейстеръ и городовой секретарь, почему и велѣно ему подать въ Сенатъ челобытную и произведенъ капитаномъ въ Белой Слободской тогда формирующейся гусарской полкъ.

нымъ дѣломъ (о коемъ не могу здесь упомынатъ), а отътуда чтоб ехатъ въ княжеѣство Трансилванское искупытъ тамо для завода жеребцовъ и несколко кобылицъ, ко двору потребныхъ.

По заготовленіи того препорученаго на меня дѣла выданы мнѣ на дорогу изъ кабынета денги, и какъ въ Киевъ прибуду то чтоб мнѣ дано было для препровождения двухъ человѣкъ надеждныхъ рейтаровъ, кои тамо состоятъ нарочито для курѣрскихъ посылокъ, о чемъ и къ оберъ-коменданту писано, и заготовившисъ со всѣмъ к отъезду и получа пашпортъ отъ иностраной коллегіи на руской языке съ преводомъ немецкимъ писанъной, представлѣнъ былъ государинѣ, ея величество пожаловала мнѣ ручку и притомъ подарила въ двухъ изъ бумаги свернутыхъ патронькахъ пятьдесять империаловъ, сказавь при томъ что то мнѣ служитъ будетъ на мундиръ.

Я получа такову высочайшую милость падь ередъ государиней на колѣны поблагодарилъ и съ тѣмъ изъ дворца вишелъ, откланясъ у кабинетъ министра, отъправился въ дарогу. а виездъ мой исъ Петеръбурга во исходѣ октября месеца 1757 года.

По прибытіи моемъ въ Киевъ, лошадей своихъ что тамь прежде было оставилъ продалъ, а кучера сколяскою оставылъ тамо у приятеля, и получилъ себы въ каманду отъ оберъ-камендаята что приказано тѣхъ двухъ рейтаровъ, выехалъ изъ Киева за границу въ Цесарию.

Я будучи въ Киевѣ, услишилъ что скоро послѣ моего изъ Киева (какъ я того же лета съ людми изъ Цесаріи прибылъ) виезда приехалъ туда изъ Аренбурга по почтѣ тотъ поручикъ Ездимировичъ, о ко мъ више говорено, и что отправленъ въ Цесарию къ полковнику Пучкову въ городь Триестъ, а моихъ выведеныхъ людей ужо я тамъ въ Киевѣ не засталъ, и отъправлены въ Аренъбургъ на поселение, куда и первы пошли.

Дарога мнѣ была отъ Киева чрезъ Полскую Украину очень худая; зделаласъ въ осенѣе время превеликая грязъ, а почты регуларной нѣтъ, и надобно было нанымать фурманщиковъ отъ адного города до другаго, почему и не можно было никакъ поспешно ехать, и едва пятымъ днемъ до местечка Бердичева доехалъ, было то по вечеръ и надобно было уже тамъ ночеватъ и другова фурманщика сискатъ.

Я толко что въехалъ въ то местечко, вижу стоитъ карета предъ адною карчмою и человѣка два ходютъ и кое што изъ кареты берутъ

и носють туда въ карчму, люде сіи показалысъ мнѣ по одеже какие ныбудъ иностраные, проехалъ я мыма и сталъ квартерою на другомъ дворе напротывъ той где та карета стоитъ, посилаю справитца кто те тамъ приехалъ, мой посланой возвратившисъ сказалъ что Черногорски владика.

Вотъ таперъ подумалъ я и пришолъ случай чтобь мнѣ обо всѣмь узнать можно, на чемь ихъ камысия кончиласъ и онлы самъ адинъ едетъ илы еще въслѣдъ за нымъ кто будетъ, одѣлся я поскорѣе въ мундиръ, пашолъ къ владике, засталъ его сидяцаго и принемъ адинъ попь стаялъ нѣчто говорятъ, я вошедь поклонился владике, и хотѣлъ его яко архиерея поцеловатъ въ руку, но онъ того не далъ, въсталъ и благословылъ такъ какь обыкновено, гледитъ на меня и говоритъ что меня не знаетъ.

Я отвечаю что можетъ бытъ и такь, однако надѣюсъ говорю я что вы мнѣ знакомы и сказалъ свое имя, тогда ужь онъ признался изгаваривая себя что нечаяно я къ нему вашолъ и тѣмъ будто узнатъ не могъ, я приметылъ изъ его речей что сей старець несколко холоднымъ духомъ ко мнѣ отъзывался и несколко спесъ въ немъ естъ.

Спрашиваетъ меня куда еду, на что отъвечалъ я что въ Цесарию, онъ на то говоритъ что ежелы по прежднѣй командираціи, тобы я возвратылся назадь и туда ехатъ болѣе не надобно, (сие отвечатъ и сказыватъ ему по какой надобносты еду, я говоритъ оставылъ, а завелъ речъ другую), спрашиваю каково его преосвещенства здаровые, и думаю говорилъ я, что въ дароге утрудилысъ и езда по такъ худой дароге была вамъ безъпокойна.

На то отвечалъ не многимы словамы, ходыть погорнице и не что какбы ему не угодно, я постаялъ съ четвертъ часа отьклонылся ему, говорю, что не хачу васъ безпокоитъ, вы таперъ утрудилысъ съ дароги и надобно вамъ взять свой пакой, а завтре поутру не оставлю еще съ вамы видѣтца, сь тѣмъ пашолъ я на свою квартеру, и приказываю своимъ рейтарамъ сискатъ другова фурманщика коего и нашлы и сторговано до города Бродовъ, въ чемъ и задатокъ далъ.

Потомъ какъ уже вечеръ наступыла вижу я что много фуръ съ людмы пришло, и сталы на улыце предь коимы еще карета адна и вкрытые каляски, смотрю я чрезъ окошко узналъ что Черногорцы а въ каретѣ былъ маиоръ Петровичъ съ женою, и съслѣзшы изъ

кареты пашлю къ владике на дворъ, а протчие люде съ фурамы разошлысъ по карчмамъ жидовскимъ по квартерамъ.

Маиоръ Петровичъ видно тамъ отъ владики узналъ что я приехаль, идетъ чрезъ улыцу ко мнѣ самъ адинъ, я его вьстретылъ и принялъ по дружески (какь мнѣ и не было ни какой нужды предным̃ъ претворятца), просилъ его сестъ говорю къ нему также обдароге, что худа и что много можетъ бытъ безъпокойства имѣлы, онъ соответствовалъ моему приому также ласкавимы словамы обьявляя какъ онъ радь что меня видѣлъ, и между протчимъ видитъ онъ что я о ихъ камысіи нычего не спрашиваю, а завелъ разговоръ о другой кое какой матеріи, то не могши стерпѣтъ, хатѣлъ онъ также какь и владика знать о моей дароге, зачаль спрашивать куда я еду упомына ежелы по преждн̃ѣй командираціи для вывода людей, тобы вернулса я назадь, и ехалбы сь нимы въ местѣ въ Киевъ, отьвечаю ему что идите вы съ Богомъ, а я еду въ столичны городь Выену по другому дѣлу.

Видитъ онъ что при мнѣ два человѣка естъ Киевскихъ рейтаръ, спрашиваетъ обь ныхъ куда оны едутъ, я и на то ему сказалъ что даны мнѣ для моего препровожденыя и что оны при мнѣ находитца будутъ, долго онъ свомы спросамы около меня хадылъ и желалъ ведать куда и за чѣмъ я еду, покудова напослѣдокъ сказалъ я ему что я ужь ко двору възятъ и еду по важному дѣлу въ Виену и при томъ показалъ ему запечатаные депешы и пашпортъ свой отъ иностраной колъдегіи.

Сие мое обьявленые задалосъ ему думатъ и не много потомь бавился пашолъ туда къ владике.

Надобно и то сказатъ что сей человѣкъ маиоръ Петровичъ весма не былъ простъ, разумъ и понятие у него было харошое, да та беда что великое честолюбые напримѣрь пасолствомъ куда нибудъ съ чиномъ генерала, и ленты чрезъ плечи то было оживыло ему въ голове, и всѣ способы прожектамы своимы употреблялъ, и о томъ какбы достигнуть непрестано думалъ, военымже настоящимъ бытъ слугою вовсе склоносты не имѣлъ, даже что и на лошады седеть не умѣль, а что къ штатской службе прежде всего былбы годенъ кою онь безъ сумнѣния могбы имѣть, естли бы толко не было у него той замашки что вдругь желалъ бытъ великимъ человѣкомъ; языковъ иностраныхъ окроме своего природнаго Сербскаго, а ктому не мно-

го по италиянски и словъ несколко по турецки разумѣлъ, парускижъ говоритъ харошо умѣль.

Онъ видно какь отъ меня туда къ владике пашолъ, преговорилы между собою и надобно имъ было обьласкатъ меня, для чего и посилаетъ тотъ часъ за мною съ прозбою владика, обьявляя что желаетъ меня имѣтъ у себя на ужинъ, я отъговорился благодаря и что не могу бытъ по притчине имѣвшаго труда въ дароге, и вотъ ужь раздѣлся хачу взятъ свой пакой.

Однако на томъ не осталосъ, какъ тотъ посланой туда пришолъ и сказалъ что не буду, то самь маиоръ Петровичъ и съ нымъ еще два Черногорца пришлы ко мнѣ, просятъ не отъступно именемъ владики чтобь пайтытъ туда, и что владика желаетъ со мною вместѣ ужинатъ, почему не могъ иначе я отыговоритца здѣлалъ имъ то удоволствие одѣлся опятъ и пашолъ туда.

Владика меня увидѣвъ вошедшаго въ горницу падошолъ ко мнѣ на встречу ласковимы словамы, претворился со всимъ иначе своею учтивостыю и не тотъ что давича былъ повелъ меня за руку представляетъ тремъ тамо сидящимъ отъ своей свиты Черногорцамъ упомыная губернатора Стана сердара и воиводу, я имъ здѣлалъ не болшой уклонецъ вижу что люде простие, одѣты бедно по своему обычаю сидятъ и гледятъ на меня, а маиоръ Петровичъ представляетъ мнѣ жену свою (она то была Станова сестра о коей я прежде говорилъ), указывая онъ ей что по обычаю нашему въ Росіи надобно поцеловатца со мною, она то здѣлала и опятъ на свое место села.

Слишу я изъ речей въ разговоре маиора Петровича что онъ того названаго губернатора называетъ его превасходителство, а владику высокопреосвещенымъ митрополытомь, меня сие привело въ недоумение, не знаю кто имь таковы чины на давалъ, думаю въ себе вотъ еще беда къ какимъ болшимъ особамъ я вашоль, и не знаю во что такъ скоро словамы своимы воитытъ, такли и мнѣ ихъ називатъ илы иначе, однакъ остался я при своемъ, и когда приходило къ владики что говоритъ то упомыналъ я титулъ ваше преосвещенство, а того другаго какъ онъ молчалъ то и я на томъ оставилъ и съ нымъ разговора не зачиналъ.

Погодя потомъ набралы на столъ и подалы намъ кушатъ владика посодилъ меня возлѣ себя а сь другой стороны села маиорша; она столко была учтива что меня за столомъ на тарелки кушанѣмъ подчевала, и говоритъ со мною стала, барынка еще даволно молодая

и пригоженька, но воспитаныя простаго, она за Петровича вдавой вышла.

Ужинъ нашъ былъ всеобщи, потому что и владика светы изволылъ масо кушать, разговоры у насъ во время нашего за столом сидения происходилы о храбросты Черногорцовъ пресказывая мнѣ релацию о томъ сражению какъ Турки на границу ихъ учинилы нападение и что вто время много Турковъ побыто и прогнаны съ великимъ ихъ урономъ.

Тутъ зачалъ тотъ названы превасходителнымъ говоритъ со мною мы де слишилы указывая на меня что вы естѣ предкамы своимы от нашей страны изъ Паштроневичъ смежно къ нашей землѣ, и ваш кровние однофамылние что тамъ живутъ намъ знакомы и суть наш братья сусѣды, то надѣемся что и вы насъ любытъ будете какъ оны; (я думаю что всио то время его молчаныя онъ сие конпоновал что таперъ выговорилъ) я ему на то отьвечалъ что конечне съ моей стороны желателѣнь остаюсь, чтобы бытъ своею дружбою всякому угожденые а колмы паче своимъ людямъ.

Владика прекратилъ намъ речъ, говоритъ что оставте церемонию на сторону, а мы здѣсъ все свои люде такь надобно рядомъ з всякаго здаровые вино питъ, и велѣлъ принестъ стаканъ болшой и самъ въ него налылъ вина полной, коего величину какь я увидѣлъ и что таковыхъ не токмо болше, но и адного мнѣ випытъ не можно и смотрю что изъ того еще далѣ будетъ.

Преосвещены владика взявши стаканъ первое мое здаровые сталъ пытъ, упомыная свою желаностъ къ моему благополучию, и что я долженъ быть сообщникомъ ихъ общества и во всякихъ случаяхъ помагатъ имъ, яко одноземецъ сь нимы, и какь имъ то честъ дѣлаетъ и славу что мене въ такой степены видять, онъ то говоритъ а тѣ другие отъвѣчаютъ амынь, тако богме, стаканъ владика випылъ до капли, и налывають другой, подалы названому его превасходителству, что и онъ зделалъ и випылъ до чиста, а тому послѣдовалы и всѣ протчие, дошло дѣло до меня чтоб благодарить, я принялъ налитой полень стаканъ поблагодаря въсѣмь за ихъ так хорошой обо мнѣ отьзывъ, уверяя ихъ что на всякое время дружба моя къ нымъ будетъ, но целаго стакана випытъ не могъ, а едва толко до половины дашолъ, и отьдаю стаканъ назадь, какже всѣ вскочилы просятъ чтобь всио для такова общества и дружбы випыть, и конечне должно такь здѣлать, я сколко ныизвинялся предниmы мо-

ею невозможностью что питья великаго снесть не могу и что стакань великъ чрезъмеру, и что дружба не въ одномъ толко пытию состоитъ а отъ добраго сердца и любвы братской, толко нѣтъ а конечне надобно мнѣ випытъ.

Я възглянулъ на маиора Петровича, даю ему тѣмъ знать что я не доволѣнъ, и хотѣлъ было въстатъ, онъ видитъ что ужь нелзя меня ктому пригласитъ и догадался о моемъ примечаніи вьступылся, и сталъ унымать, и чтобы далы мнѣ волю, свидителствуя какъ онъ меня и давно знаетъ что я никакова лышняго питья снесть не могу.

Сию хитростъ какъ я приметилъ хотѣлы оны зделатъ для того, чтобь меня напоитъ пияного, и выведатъ отъ меня чего нибудь, а особливо что обыхъ говоритца въ Петерьбурге, какъ изъ словъ владики потомъ я приметытъ могъ, что онь на полковника Пучкова негодоваль, упоминая его нерадивымь къ ползе, и яко бы чрезъ него сия камысия оставлена и онь не дождавши еще выхода людей поехалъ вь Венецию.

Питые тѣмъ стаканомъ еще продолжалось въ округъ за всѣхъ здаровые, но безъ принужденыя, а оставилы на волю сколко кто хатѣлъ.

Владика потомъ сталъ словамы своимы гладыть, упомыная о той цесарской пограничносты, гдѣ я прежде былъ, что онъ потребовалъ въ присилку изъ Росіи Ездимировича для того, что не имѣлъ при себе никаво другова такова, каторой бы съ выходящимъ народомъ обойтытца умѣлъ, и потому де принужденъ онъ былъ онаго Ездимировича потребоватъ съ тѣмъ толко, чтобъ онъ тамо былъ, покудова вы обратно прибудете, дабы приходящій народъ, указывая на меня, коимъ вы къ выходу путь направилы было каму принятъ, и тотъ выходъ народа должно вашимъ трудомъ признать, а не его Ездимировича, и онъ таперъ продолжалъ владика остался еще тамо обще съ адютантомъ Марковымъ, кои уже какъ известно по видержаніи карантина людей на граныце принялы и перевелы въ городъ Новый Садъ, то де потому говоритъ владика, ежелы таперъ туда поспешите можете всѣхъ тѣхъ людей възятъ въ свое ведомство и вивестъ въ Россию, о чемъ ежелы изволите то я могу вамъ дать на имя того Ездимировича повелѣние, чтобь онъ во всѣмъ остался подъ вашимъ приказаныемъ и въ каманде, яко тоть вишедши народъ хотя и несуть настоящие Черногорцы, но какъ оны подь тѣмъ названыемъ (по вашему стараныю) вышли и въ карантынъ цесарской приняты,

... потому ...
... побудь ...

... лет ...

... надцатый ... из своей квартиры ... весель ... оставался ... покою ... около ... пору ... своя ...

... начал ... совету ... как ... ма... как ... тому ... провож...

... невозможно ... теперь ... того ... хоть ... на кр... я ... новые люде ... именем Чер... но ... пол... на ... весь ... присл... тысяч семьи челов... такую малую

команду, не по чину моему значущую, велѣлы ехатъ въ Россию, а между тѣмъ потребовалы вы въ присилку къ вамъ ажь изъ Аренъбурга вашего Ездимировича и поставилы на мое место, чѣмъ и доказателно говорилъ я какое ваше доброжелателство ко мнѣ было, и не явно лы изобличилы вы себя тѣмъ, что тотъ выходь ко мнѣ людей не было вамъ и владике угодно, дабы не приписано было на меня, какъ я неинаково о томъ думать долженъ, и для того оторвалы меня съ того места протчъ, а ежелы и такъ говорилъ я Петровичу, какъ вы и владика таперъ говорите, что будто хатѣлы чтобь я опятъ возвратился назадь къ своему на той границе месту, то для чего въ ордере, при отправленіи моемъ присланомъ отъ полковника Пучкова чрезъ вахтмейстера Фишера, не написано, чтобь я изъ Киева скоряе назадь вернулся, а велѣно толко чтобь мнѣ по здаче въ Киевѣ людей тамь остатся и ожидалбы сенатскаго указа ехатъ лы назадь въ Цесарию, илы какъ приказано будетъ, (каково повелѣные, что значитъ весма догадатца было можно).

При томъ же не оставылъ я Петровичу и то упомянутъ, что сколко труда было мнѣ, говорилъ я, покудова Балевича чрезъ ваши непозволытелние поступки освободылъ отъ смерты, възялъ отъвагу скрылъ его, и отослалъ чрезъ моихъ приятелѣй за границу, единствено для того говорю я ему, чтобь не вышли на публику ваши дѣла, и не было би поношения и стида въ чужемъ государстве россійскому штабь-афицеру, что могло бы въ честъ вашу тронутъ и било бы изъ того напослѣдокъ, когда бы Балевича было поймалы, (что за малимъ временемъ и въ несколыкихъ часовъ толко мынулосъ) и билъ бы онъ представлѣнъ къ тамошнѣму суду, то и отъкралобыся всио то, что онъ съ вамы дѣлалъ, и было бы явное на то доказателство, изъ чего бы могло бытъ много клопотъ и затрудненыя, а вамъ болше безъчестыя.

Послѣ сихъ моихъ словъ майоръ Петровичъ зачалъ было въ свое оправдание представлятъ, упомыная ордеръ отъ полковника Пучкова, якобы о томъ не знаютъ ны онъ ни владика, чтобь писано было мнѣ изъ Киева назадь въ Цесарию не возвращатца, и что Пучковъ много виноватъ въ томъ, что сия камысия остановлена, и какъ о томъ еще владика намеренъ по прибытіи въ Петеръбургъ на него жаловатца и еще далѣ кое чего хатѣлъ Петровичъ говоритъ; каковы слова мнѣ ужь слышкомъ наскучилы, а притомъ что и ночъ гаразда прошла и наступаетъ треты часъ сполночи, то я прекратылъ его речъ, всталъ и говорю оставте уже пажалуй о томъ болѣе говоритъ, вамъ,

а также и мнѣ надобно пакой вънять, а я съ моей стороны заключ тѣмъ, говорю я ему, что мнѣ по сей вашей камысіи ничего не і юбно, а предоставляю всио въ вашу полэу, съ тѣмъ онъ со мн гу ночъ разстался, потупывъ голову въ думкахъ пашолъ отъ м прочъ, а затѣмъ и я раздеіся и положился спать.

По утру рано въставши велѣлъ я своимъ рейтарамъ итытъ с рея за фурманщикомъ и чтобь готовитца къ отъезду, и было на ренъ уже болѣе и не итытъ туда къ владике, но онъ не оставь чтобь со мною при разлуке еще не повидатца, присилаетъ ко мнѣ томъ съ прозбою.

Чтожь дѣлать, надобно и то удоволствие еще ему здѣлать, одн ужь мундира я не надѣвалъ, а такъ въ подорожнѣмъ суртуке паш къ нему, а людямъ своимъ приказалъ между тѣмъ, чтобь всио б выкладено и готово.

Владика светы меня принялъ много ласкавее вчерашнѣго, вел поднесть мнѣ чашку кофи, посадылъ меня возлѣ себя, зачалъ го рить, какъ онъ сожалѣетъ о томъ много, что я не соглашаюсь его ко мнѣ доброе желание.

Я на то не хотѣлъ много заводитъ разговора, дабы не завесты съ нымъ въ слова и утратытъ время отъ своей дароги, а сказ коротко, что таперъ уже иначе быть нелзя и поправитъ того не мож что уже спорчено и должно на томъ остатца, между тѣмъ май Петровичъ съ женою и тѣ другие боаре, съ некоторимы еще Чер горцамы тудажь пришли. поздравилысь со мною, я поговоря съ ни несколко словъ, отъклонясь всѣмъ пашолъ къ своей квартеры, ужь у меня было всио вкладено и готово къ отъезду.

Съ хазяиномъ жидомъ за ночлегъ расплатылся, и толко что горницы выходить хачу, аль съ дверей вошелъ ко мнѣ человекъ з комой, каторой во время моей въ Цесаріи службы былъ у меня с. том и услишивъ обо мнѣ, прибежалъ чтобь меня видѣтъ, обьявля себе, что при слѣдованіи сей черногорской каманде, чрезъ верх Славонью приобщился къ нымъ и едетъ въ Россию, и проситъ к онъ человекъ бедной, чтобь ему сколко ныбудь подаритъ денегъ пропитание, я вынялъ два червонца по его доброй прежде у м службе подарилъ ему, сей случай былъ мнѣ чтобь наверно узн сколко съ владикою таперъ Черногорцовъ едетъ, ибо я вчераш день о томъ не хотѣлъ ны владику ни Петровича спрашивать, че некъ сой, на мой спросъ сказалъ, что всѣго на всио не болѣе и

мальчиками и съ разстрижеными попами состоитъ, какъ сто пятдесятъ три человѣка, (попы разстриженые были тѣ, коимъ владика благословылъ обритъ бороды и мечи припоясатъ и некоторымъ изь ныхъ и чины афицерские далъ), сей человѣкъ тамъ остался, а я селъ и поехалъ въ свою дарогу.

Путь моя продолжалась чрезъ Полшу, какъ я више говорилъ, по притчинѣ великой грязы и дождей весма медлително, а къ тому и то, что отъ адного города до другаго пременялъ фурманщиковъ, и вошедь въ горы Венгерские, то ужь и снѣгъ напалъ, и съ такою великою трудностью чрезъ тѣ каменые пропасты далѣ во внутрь земли, едва пробратца могъ, и доехалъ до города Егра (по немецки Erlau) отъ колъ уже ровниною, но однако худою снежною дарогою продолжалъ путъ до города Пешты.

Я тамъ ны мало не бавился, окроме толко что у воротъ караулны афицеръ потребовалъ отъ меня пашпортъ и отослалъ къ коменданту, съ коимъ тотъ посланой скоро вернулся и меня пропустилы, и съ тѣмъ поехалъ я просто на превозъ къ Дунаю (превозъ такой славной, какова на другомъ местѣ подобнаго тому въ Европе нѣтъ) и преправившись на ту сторону въ состоящій напротивъ городь Будимъ, въ коемъ принужденъ былъ простаятъ аднѣ сутки по притчине болшой ветреной буры и метелицы, отъ коей никакъ ехатъ было не можно, приторговавъ къ отъезду делижанъ, фурманщики отъ того города до Виены по болшой дароге учреждены, что такимъ названиемъ именуютъ, и естъ родь почты, съ такою толко разницею, что пременяютца далѣ на своихъ учрежденыхъ станциахъ, а не такъ какъ обыкновеная почта и имѣютъ критие кожею четвероместные болшие каляски запряжение въ пятъ лошадей, и остановливаютца кормытъ своихъ лошадей въ учрежденые имъ часы, а впротчемъ ездятъ даволно скоро и платытца денги отъ лошады въ половину цены противъ почты.

На другой денъ изъ Будима я выехалъ съ великою трудностью, что снегъ силно шолъ, и принуждены остановливатца по дороге въ заездныхъ домахъ, чтобы кучеру огрѣтца, а иначебы и ехатъ было не можно, и съ такимъ худимъ временемъ и болшимъ холодомъ напослѣдокъ доехалъ въ Виену благополучно.

Остановился я тамо въ городѣ въ адномъ изъдавна мнѣ знакомомъ трактире, и толко что часъ места поогрѣлся пашолъ немедлено къ нашему полномочному паслу графу Кейзерлингу, и депеши мною

привезеные ему представылъ, о чемъ уже онъ чрезъ почту изъ Петеръбурга, что я къ нему отъправленъ, былъ известенъ.

Меня господинъ пасолъ по тѣмъ обстоятелствамъ съ какимы я присланъ удержалъ у себя въ Виенѣ месеца два, покудова онъ еще ко двору пысалъ и другое повелѣние получилъ.

Тѣмъ временемъ было мнѣ въ Виенѣ проводить время весело, бывалъ часто во дворце цесарскомъ и на придворной опере, видѣлъ всегда цесаря и супругу его императрицу Марию Терезию со всею фамилиею, здѣлалъ себѣ на тѣ денги, что при отъездѣ изъ Петербурга ея величество государиня Елисаветъ Петровна мнѣ пожаловала, богатой гусарской мундиръ, а также и другимъ коно чѣмъ надобнымъ себе исправилъ.

Не оставилъ также я пысать по почтѣ къ моей супруге въ ныжъ въ Славонию, гдѣ она у матеры своей, послѣ моего отътелъ отъезда осталась, какъ я о томъ више говорилъ, уведомывъ ее о моемъ въ Виену приездѣ и что скоро къ ней буду, на что во отвѣтъ отъ нее также получилъ писмо, коимъ изъвѣщаетъ меня, что она здарова и отъ бремены своего освободиласъ и родила сина.

И какъ болѣе въ Виенѣ мнѣ бавитца не было надобносты, а надлежало ехать въ княжество Трансилванское; (сие княжество есть особливая часть Венгріи, гдѣ живутъ разныхъ нацей люде, въ томъ числѣ Валохи, кои обращены болшою частью римскимъ духовенствомъ къ уніи, а болѣе всѣхъ Венгровъ тамо есть и почти половина законъ реформатскій держуть, границы свои сия земля имѣетъ отъ полуденной стороны съ турецкою Валахиею и съ Молдавіею, а съ сѣверной съ Полшею.

И потому получивъ отъ господина посла свое отъправленые и на покупку ко двору лошацей преведеные изъ кабынета денги двѣ тысящи червоныхъ, а притомъ и о свободномъ проездѣ отъ двора цесарскаго пашпортъ отъправился въ свою путъ.

Изъ Виены выехалъ я въ 1758 годѣ, въ мартѣ месеце, причемъ долженъ я былъ господину послу обьявыть, что для възятыя съ собою супруги своей и екипажа, надобность имѣю первѣе заехать въ нижную Славонию въ городъ Митровицу, и что отътуда уже въ свою дарогу выеду, господинъ пасолъ въ томъ не прекословылъ а оставилъ на мою волю.

Продолжалъ я дарогу свою туда чрезъ Австрию и Венгрию, по самой великой распутыце, и проважаемъ былъ снѣгомъ и дождемъ

…жедено до самаго того места, гдѣ супруга моя оставалась и меня …ждала, я нашолъ ее съ новорожденымъ синомъ здаровыхъ.

У насъ проходилы дни въ забавахъ, собралосъ къ намъ своихъ …иволно, всѣ сожалѣлы о нашемъ такъ скоро отъездѣ, желалы чтобь …ъ нимы еще подалѣ бытъ въместѣ, но что уже тому иначе бытъ …е можетъ, а должно туда спешить и понестъ то, что судбына …пределыла.

Я будучи тамъ узналъ, что послѣ моего отътуда отъезда, люде …ъ прошлое лѣто и подъ осень изъ турецкой областы, какъ я прежде …говорилъ, что пригласилъ ихъ къ виходу перешлы на Цесарскую сто…рону, и въ томъ городѣ видержалы свой карантинъ, и что оныхъ приехавшій порутчикъ Ездимировичъ принялъ въ свое ведомство ка…ковыхъ состояло людей, жонъ и детей около тысящи душъ, и отъвелъ всѣхъ на Венгерскую сторону за реку Дунай, въ городъ Новый Садъ, и что нинѣ весною отъправляетца въ Россию,

Зачалъ я готовитца и исправлять себя всѣмъ потребнымъ, па…воски свои отъдалъ въ починку, и лошадей несколко для упряжки новыхъ харошихъ искупылъ, нанялъ еще въ прибавокъ къ моимъ прежднымъ, надеждныхъ слугъ человѣка три, и тѣмъ и время при…близилосъ къ отъезду.

Априль уже во исходе, а май месецъ показалъ намъ благораство…реный воздухъ, и трава землю стала своею приятностию покриватъ и тѣмъ подало намъ время веселое и приятное къ путы нашему, я и супруга моя, простившисъ съ своимы уже навѣки, отъправилысъ въ назначеную намъ путъ.

Продолжалы мы езду нашу чрезъ Венгрию, весма способнымъ временемъ, и приехалы въ Такай, въ семъ городѣ оставылъ я су…пругу свою и весъ еквипажь, а взялъ съ собою адного толко слугу да тѣхъ двухъ рейтаровъ, и коновала немца, коего я для тѣхъ ло…шадей, что покупатъ буду въ Виенѣ нанялъ, селъ со всѣмы на почту поехалъ къ Трансилваніи, и въехавши въ границы той земли, было мнѣ по дароге видѣтъ канюшню князя Шварценьбурга, лошады да…волно хароши но не такие, каковыхъ я ищу, отътуда приехалъ въ недалеко лежащій городъ Колошъ-варъ, (а по немецки die stadt Klausenburg), въ томъ городѣ имѣвъ надобностъ нѣкоторое дѣло исправитъ остановился и пробулъ дни два.

Для чего въ тотже денъ моего туда приезда, надобно мнѣ было явитца къ тамошнѣму коменданту, одѣлся я въ мундиръ и пашолъ

харошо и чисто, проситъ хазяйка меня сестъ, и спрашиваетъ чѣмъ съ дароги меня подчеватъ, я сказалъ что ничего не надобно, неизволите трудитца, однакъ она велѣла поднесть чашку кофи.

Сидѣлы мы тутъ и разгаваривалы сьчасъ места потомъ спросилъ я о лошадяхъ чтобь мнѣ оныхъ показатъ, на то сказала она, ви де таперь съ дароги и поутрудилысъ, оставте до послѣ обеда, почему ужь я и не хотѣлъ ее словъ пребыватъ оставылъ на томъ.

Въскоре за симъ и обедъ сказано что готовъ, пашлы мы въ другую горницу, где на столѣ ужь были и блюда поставлены, селы мы двое да старуха адна, кою она називала своею сродницею, насъ трое обедалы, столъ былъ порядочной и вино было отьмено харошое, а послѣ обеда въставши поседелы еще съ полъ часа, а потомъ говоритъ баронеса что таперъ ежелы изволыте паитытъ въ канюшню лошадей посмотрѣтъ, то де и я какъ давно тамь не бывала хачу вам здѣлатъ кампанию.

Я тотъ часъ въсталъ и она тоже, заклонилась она отъ солнца маленкимъ зонтикомъ пашли въ канюшню, вижу въ стойлахъ лошадей много ежалыхъ, на коихъ она приехала, также и другие молодые еще неуки но кладены, въ томъ числѣ стаяло деветъ жеребцовъ, и между коимы было два белыхъ на коихъ баронеса парою есдитъ, отъмено хароши и рослые, но влетахъ уже за десетъ лѣтъ, а какъ бы не то, тобы я снимы было конечне не растался; а другие что тамъ были то ужь не таковы, однакъ чтобь трудь не былъ по пустому, положылъ взятъ двухъ адынъ былъ рыжопегой, а другой соловой, попросилъ позволения чтобь коновалъ мой тѣмъ жеребцамъ о лѣтахъ посмотрѣлъ въ зубы, что тотъ часъ приказала баронеса своему штальмейстеру допустытъ; штальмейстеръ наложивши трензены поворнулъ жеребцовъ головамы къ намъ, коновалъ мой вь зубы посмотрѣлъ и сказалъ что пять лѣтъ.

Жеребцовъ обеихъ вивелы на дворъ и проводилы по двору показалысъ мнѣ хотя неотъмено, однакъ получше другихъ что я прежде коио у кого видѣлъ, и могли быть приняты, и какъ обьявылъ я баронесе что сихъ двухъ намеренъ купытъ, и спросиль о ценѣ, то она осмехнувшисъ говоритъ что не токмо сихъ двухъ, но и всѣхъ сколко вканюшнѣ естъ взятъ можете, и вы ужь мою канюшню видѣлы, говоритъ она, такъ таперъ пайдемъ далѣ и тамъ о ценѣ будемъ говоритъ.

По симъ словамъ не иное что я заключалъ, а толко то что такая дама конечне не будетъ тамъ въ канюшнѣ стаятъ и со мною предь

конюхамы торговатца, почему какъ она сказала что итытъ, то я оставилъ ее волю, нашли чрезъ дворъ просто къ крилцу, хатѣлъ я вѣрйдь съ нею въ верхъ лесницы итытъ, куда и шаги свои было направылъ, но она указала мнѣ въ право мымо лѣсницу коридоромъ итытъ, и говоритъ непозволытелъ въ садъ паитытъ, ядѐ думаю что тамъ будетъ лучше седетъ покудова жаръ мынетъ нежель вь горнице.

Я согласился и тому послѣдовать, мы вошли въ садь каторой былъ весма харошимы алеямы и фруктовимы деревамы высажень, и цветникы съ разнимы цветамы наполнены, мымо коихъ какъ мы шли то баронеса оторвала несколкихъ подаетъ мнѣ хваля ихъ приятный духъ, я поблагодаря приняль, и съ тѣмъ вошли въ средную покритую листвямы алею, пашли по оной до наконецъ сада гдѣ была беседка критая и съ рашеною решоткою, и въ оной стаялъ не болшой столъ и адно канапей, на которой проситъ хазяика чтобь сестъ, я то здѣлалъ и она возлѣ меня села, у насъ идучи былъ разговоръ о томъ садѣ какь я оной хвалылъ что харошъ и порядочно висаженъ, то на тѣхжс ренкъ и въ беседку вошли, мало погодя идутъ тѣмже алеемъ две служанки носятъ нечто накритое салфеткамы въ рукахъ, положилы на отъ преднамы столъ и вскривши салфетки показалысъ мнѣ на серебреныхъ блюдахъ прекрасние фрукты на одномъ черешны а на другомъ ранные груши, хазяйка тѣмы меня подьчевала, и потомъ завела другой разговоръ.

Баронеса говоритъ мнѣ что вамъ надѣюсъ не будетъ противно государь мой въ томъ что я васъ хачу спроситъ, какъ я васъ вижу достойную особу то и желаю знатъ каво я имѣю честъ у себя таперъ въ доме принятъ, я де васъ какь вы вчерасъ вь лавкахъ хадыли видѣла и за тѣмъ къ вамъ (какь слишно въ городѣ что за покупкою лошадей приехалы, но о вашемъ приездѣ отъ куда и что не умѣлы мнѣ сказатъ) послала съ обьявлениемъ что таковыхъ у себя имѣю, и просила чтобь пожаловалы сюда приехатъ и тѣхъ моихъ лошадей самы посмотрѣтъ, при какомъ случае таперъ и осмеливаюсъ говорила она васъ спроситъ отькудова вы родомъ, и какова закона, и подлинно ли вы природны Руской, какъ я въ томъ сумнѣваюсъ а конечне надобно вамъ бытъ какой другой націи рождену, и въ первое ли вы таперъ здесь въ сию землю приехалы, и еще говоритъ она каково мнѣ здесь показалось и нѣтли моего намерения здесь остатца.

Таково сей госпожи требование показалосъ мнѣ цѣлимъ судебнымъ допросомъ, не хотѣлъ я уже заводитъ далныхъ попустому раз-

омъ Уйваръ гдѣ также и другой заводь конски имѣетъ и на коошнѣ при себе лошадей содержитъ.

Мнѣ по сему изъвѣстию надобно было туда ехатъ и того графа икоша искатъ, но напериодь хотѣлосъ въ сию ближную его дерев о заехатъ и состоящихъ тамо лошадей осмотрѣть, и положылъ на омъ что туда ехатъ.

Торговался я съ почтмейстеромъ за шестъ почтовыхъ лошадей, тобь въ ту деревню где тотъ заводь лошадины есть меня съвестъ, говорю ему что съ тѣмъ ежелы мнѣ жеребцы и кобилыци понраттца, то чтобы и туда к графу на тѣхже лошадяхъ съездитъ.

Почтмейстеръ сказиваетъ мнѣ что отъ той первой деревны гдѣ аводь, и до графа ехатъ будетъ надобно еще мылъ восемъ, что адѣмы лошадмы такую дарогу нелзя будетъ зделатъ, а притомъ что амъ горы и леса, то лучше, говоритъ почтмейстеръ нанятъ тамь ь деревнѣ свежихъ лошадей и выехатъ опять на болшую почтовую арогу, и тою уже по почтѣ до графа ехатъ можете, на чемъ такъ и положилъ что до той первой деревны симы лошадмы ехатъ.

По утру какъ я въсталъ и готовился къ отъезду, прибылъ и вился ко мнѣ присланой отъ госпожи баронеси шталъмейстеръ съ звестиемъ, что его госпожа не намерена тѣхъ жеребцовъ продаватъ, оставляетъ ихъ для приплоду и съ тѣмъ поехалъ обратно.

Я расплатившисъ съ моимъ хазяиномъ за всио что подлежало оехалъ въ свою дарогу, и приехавъ въ ту деревню где тотъ заводь онски графа Микоша естъ, заехалъ на его тамошны дворъ, нашолъ правителя и спрашиваю о жеребцахъ и о кобылицахъ, на что сказалъ что естъ разныхъ породь и повелъ меня въ канюшню, гдѣ какъ увидѣлъ то и положылъ что тутъ конечне куповатъ надобно, и олѣ на другомъ местѣ не искатъ, ибо здесъ всѣ жеребцы и старие рипускные, и молодые были отъменой красоты и роста болшаго, я опросилъ чтобь всѣхъ молодыхъ по одиначки вывестъ и проводытъ о двору, было ихъ всѣхъ молодыхъ шестнатцатъ, при томъ смотре было несколко струдностию, ибо некоториее жеребци силылисъ и ригалы много что двухъ человѣкъ болно ногамы ушиблы, а другихъ едва и по два человѣка удержатъ моглы, я тутъ назначилъ четырехъ.

Потомъ послалы за табуномъ вь полѣ чтобь и кобилицы осмотрѣть, и покудова то здѣлалосъ то я не виходылъ изъ конюшны и

дѣлалъ съ моимъ коноваломъ о каждомъ жеребце свои примѣчаніи иние были оченъ зли а другие посмирнѣе, на то я не уважалъ присматривалъ ихъ другие достоинствы како каторой имѣлъ, межд тѣмъ сказано что и табунъ уже пригналы.

Мы всѣ пашли туда въ загороженую ливаду куда ихъ загнал и показалысъ издалы, какъ я увидѣлъ всякая кабыла самымъ лучшим жеребцомъ, етакой гордосты и пригожества отъ того рода скотины еще нигдѣ не видивалъ, и нелзя мнѣ болѣе ничего говоритъ окрс ме что толко назначиватъ, каторую кабылу нахожу за способную, вибыратъ почты нѣчего, разве которие старие тѣхъ толко миноват а впротчемъ всѣ адного выда и одной пригожесты, что редко гдѣ в другихъ заводчикахъ видѣтъ можно, такто сей графъ свой табун пречистылъ и содержитъ въ порядке, у него всѣ кабыли зимою конюшнѣ и всѣ ручние, при жеребцахъ надконюхамы досматривае старой его табунщикъ, каторой о всѣхъ породахъ знаетъ, а при т буне тутъ были два табунщика изъ его поданыхъ тамошныхъ п лоховъ.

Хадылъ я по табуну съ моимъ коноваломъ долго и присматр вался до каждой и къ жеребятамъ и назначилъ двадцатъ кобылъ жеребятами, а некоторие были яловые что викинулы, какъ то бе того въ заводахъ быть не можетъ, однако таковыхъ было толко ч тыре, тутъ хатѣлъ я чтобь словитъ каждую кабылу и привязатъ гриву значки, толко управителъ не дозволылъ, а говоритъ чтобь то ко я сказалъ каторую я назначаю, почему онъ уже будетъ самь д латъ записку къ своему господину, у коего де естъ о всякой кобыл и о жеребце книга, въ каторую записано имена какь жербионокь ро дитца и въ то время даютца имена всякому.

Я сталъ показиватъ вотъ ту и ту кабылу хачу купитъ, онъ в лѣлъ призвать того исконюшни старого табунщика, которой обы съ тѣмы двумя другимы хадилы по табуну со мною и съ управит лѣмъ, и которую кабылу я скажу то сіи и обьявляютъ ее имя и от которой матеры родыласъ, даже бабу и прабабу упоминалы, и от котораго жеребца, то всио что табунщики сказиваютъ записивае управителъ по регистру, и то совершивши пашли въ канюшню тоже о жеребцахъ здѣланы, и таковы списка сприметамы и шерсты здѣлалы два, адинъ взялъ я кь себе, а другой хатѣлъ управител отослатъ кь своему господину, я тамъ во дворе преночевалъ, и пр силъ управителя, чтобь мнѣ далъ за денги до первой почты лошаде сказавъ ему что самь я хочу ехатъ къ его господину, онъ обещал

лошадей мнѣ дать, и тую же вечеръ отъправилъ къ своему господину тотъ регистеръ чрезъ нарочнаго.

По утру рано подводчики пришли ко мнѣ на дворъ, а управителъ далъ до первой почты свою каляску на кою я селъ и поехалъ, дарога мнѣ была тѣми лесамы и горамы весма трудня, покудова могъ пробратца чревъ пропасты и каменыя до болшой почтовой дароги гдѣ и заночевалъ, отътуда было мнѣ еще до графа адна почтавая премена.

У почтъмейстера тамошнѣго сторговался за шесть лошадей и поутру рано селъ и поехалъ туда, гдѣ графъ живетъ и домъ свой имѣетъ въ село Марошъ Уйваръ, приехалъ я туда предь полденъ въ часу десятомъ и заехалъ просто на его дворъ, въ томъ разуме что о моемъ туда приездѣ графъ чрезъ своего управителя уже известенъ, и знаетъ, что я его лошадей смотрѣлъ и. съ тѣмъ еду, что купыть оные, почему бы кажетца и не могло быть никакой противносты, а паче тѣмъ еще болшъ надобно бы даволну бытъ, и гостя такова приносящаго прибылъ принятъ и оказатъ свою ласкавую въстречу. но нѣтъ, а напротивъ, и я такимъ мнениемъ тогда ошибся, и у насъ изъ того вышла маленкая комедия, и за малымъ чѣмъ осталосъ, что весъ мой трудъ и осмотръ лошадиный не пропалъ безъполѣзно, ибо графъ, увидя что я просто къ нему во дворъ въехалъ и подъ крилцомъ остановился, то не былъ тѣмъ даволѣнъ, сочелъ за пренебреженые своеей афиціи; и для того не велѣлъ ни кому меня въстречатъ, какъ мне о томъ, (что не остановился я каляскою съ лошадми на улыце за дворомъ, илы на селѣ въ заездномъ партикулярномъ дворе, и не далъ первѣе уведомленыемъ о себѣ знатъ и спроситъ, въ катороe бы время могъ его видѣтъ), былъ опосля случай узнатъ, какъ ныже будетъ видно, онъ же надобно знатъ, что и не такъ чрезъвычайно великъ господинъ, а значитъ толко той Вармеды Фейшпанъ, то естъ уездный главный судыя, то потому я яко штабь-афицеръ, и не имѣлъ нужды его величатъ болшъ, нежелы онъ естъ, заехалъ къ нему на дворъ не челобытнѣ подаватъ, а по своей надобносты, коя ему въ ползу служитъ, и чтобь поскоряе съ нымъ видѣтца и дѣло совершитъ, а что онъ богатъ и графъ въ томъ, протывъ моего чина, не можетъ ему ны какимъ преимуществомъ послужитъ.

Домъ его былъ огроменъ каменной о двухъ етажахъ, накрытъ черепыцею, съ надлежащимы службамы, всио каменное строеные и огорожа воокругъ двора крашеною решеткою съ болшимы варотамы, чрезъ кои я на дворъ въехалъ.

Я сълѣзъ предь крилцомъ его дома изъ каляски далой, и приказалъ, чтобь съ коляской и съ лошадмы отъступытъ въ сторону и тамъ обождатъ, покудова я съ графомъ увижусъ, и потомъ увидимъ, куда будетъ надобно еквипажь вънестъ, и тогда почтилиона отъпустытъ.

Выжу я, что никаво нѣтъ кто бы мнѣ показалъ, куда итытъ, повернулся туда и сюда, пашолъ самъ въверхъ по лѣснице, отворилъ первие предь собою двери вашолъ въ горницу, но и тамъ никаво нѣтъ, я и въ другую одь коей были двери отворены, увидѣлъ тамъ трехъ человѣкъ слугъ сидящихъ, оны увидѣвъ меня въсталы, и подошедь адынъ ко мнѣ, спрашиваетъ по венгерски, чего мнѣ надобно и кто я, тѣмъ венгерскимъ языкомъ, хотя и не могъ я достаточно говоритъ въ дискурсе, но разумѣлъ столко, что мнѣ по моей надобносты было потребно спроситъ, илы каму чего сказатъ.

На то отвечалъ я слуге, сказавъ о себѣ, и что имѣю надобностъ видѣтъ графа, слуга пашолъ чтобь доложитъ, а меня остановливаетъ, но я въ той переднѣй съ слугамы остатца не хотѣлъ, а пашолъ далѣ въ другой пакой, ждалъ я тамъ мынутъ несколко, покудова тотъ слуга вернулся и говоритъ, что онъ графу сказалъ и я чтобь пообождалъ.

Проходытъ времены съ четвертъ часа графъ не виходытъ, а мнѣ ужь и скучно стало, посилаю я опятъ того слугу спроситъ могу лы я графа видѣтъ, илы нѣтъ, слуга пашолъ и въ другой разъ съ докладомъ, и возвратясъ идетъ съ нымъ еще адынъ изъ придворныхъ его людей, показался мнѣ афициантъ, илы управителъ дома; говоритъ мнѣ, что де графъ несколко нездаровъ, и приказалъ спроситъ, какое дѣло вы до него имѣетѣ.

Я ему отъвѣчаю, что я о своемъ дѣле самъ съ графомъ хачу говоритъ, и ежелы не изволытъ сейчасъ со мною видѣтца, то я паеду въ свою дарогу далѣ, тотъ человѣкъ приметылъ, что я недоволѣнъ тѣмъ, что такъ долго дожидаюсъ, говоритъ мнѣ и проситъ, чтобъ я тамъ поседелъ, я де графу скажу и онъ конечне тотъчасъ къ вамъ выдетъ.

Мало погодя идетъ тотъ человекъ ко мнѣ съ обьявлениемъ, что графъ уже идетъ и повелъ меня далѣ, я войдя еще и въ другой не великий пакоикъ, тамъ въстретылся съ графомъ, мнѣжь сказивалъ на послѣдней станціи почтмейстеръ, что онъ естъ человѣкъ, несколко

ıва суроваго и въ обхожденіи грубъ, и что понемецки не много орить умѣетъ.

Предьставился онъ мнѣ стариннымъ венгерскимъ видомъ усы длинные, сѣдой мужикъ, волоси на голове распатлание, лѣтъ близъ шдесяти, росту болшаго, сухощавой и въ венгерскомъ платье, по ошнѣму штатскому обычаю, проговорилъ толстимъ изъ горла голо- ъ венгерскимъ языкомъ, я ему отъвѣчаю по немецки, свидѣтелствуя почтеные, онъ также по немецки мнѣ отвечалъ, но весма худо томъ видно учонъ былъ, и съ трудностью можно было слова азумѣтъ, а къ тому еще, что съ пронунциаціи своей венгерской роды, то всѣ речи почти на выворотъ говорилъ, однакъ я ему обялъ: между собою разумѣтца, Венгри всѣ свои права и судебние правленыи имѣютъ на латинскомъ языке, и потому хотя бы кто и умѣль по немецки говорить, то однако судебнимъ членомъ можетъ ть.

Спрашиваетъ онъ меня я лы тотъ, что въ ево селѣ Сасъфенеше, къ то село называлосъ), былъ и лошадей тамо смотрѣлъ, на то вечалъ я что я тотъ самой майоръ и что изъ Россіи посланъ отъ ра, для ея величества моей императрице по надобносты лошадей ребцовъ и кабилыцъ къ заводу покупатъ, и что нашолъ говорю я у въ томъ вашемъ селѣ некоторыхъ къ тому способныхъ, о чемъ оваю вамъ уже известно и дано вамъ отътуда знатъ; а притомъ ежелы и здесъ каковыхъ имѣетѣ, то бы позволилы мнѣ ихъ ихъ осмотрѣтъ, за тѣхъ, коихъ я уже видѣлъ и назначилъ, изволыте мнѣ обьявытъ ну.

Онъ на то мое ему обьявление отвѣчалъ коротко да грубимы овамы, и говоритъ, что де мой управителъ пишетъ и регистеръ іслалъ, о тѣхъ жеребцахъ и кобилыцахъ, коихъ вы назначилы и іхъ знаю, но вы заплатытъ за оныхъ не можете, и тѣмъ толко ии напрасно утруждаете, (на то въремя какъ онъ ко мнѣ вышелъ со мною говорилъ, то былъ еще ево придворной капеланъ ксонзь ранчишканъ, да еще двое изъ его придворныхъ чиновниковъ).

Такова въстреча и отвѣтъ сего господина было мнѣ досадно и къ онъ сказалъ, что я заплатытъ не въ состояніи, то я принужденъ лъ повторитъ мои первые слова, думалъ я что онъ по худому сво- у языку меня не виразумѣлъ, и говорю, что я посланъ отъ двора ссійскаго, и что сіи лошады единствено для ея величества собстве- й каношни покупаютца, а не для другой какой надобносты изъяс-

нывъ ему о томъ, и еще въ прибавокъ говорю, ежелы толко тѣ лошады ему состоятъ на продажь, то бы ны мало въ платеже денегъ не сумнѣвался.

Онъ и на то тѣмыжь самимы словамы отъвечалъ какъ и прежде и повторяетъ, что онъ меня разумѣетъ что я говорю, и какъ бы нѣчто съ пренебреженыемъ отъвернулся отъ меня, вотъ тутъ я весъ згорѣлъ и всего меня жаръ обнялъ, умолкъ предь нымъ стоя мынуты съ две, покудова опять въ себе пришолъ, и потомъ съ досадою сталъ ему говоритъ сіи слова безъ церемоніи: слушай графъ ты бы за честь еще себы ставилъ, что я такъ далную дарогу здѣлалъ, мынувъ всѣхъ протчихъ здешныхъ господь и приехалъ къ тебѣ, для такой велико[...] императрицы твоихъ лошадей покупатъ, а ты говоришъ такие не пристойние слова, не обьявляя мнѣ цены, а толко что я не въ со[...] стояніи заплатытъ, то знай напротиво того я тебы говорю, что т[...] императрица, которая меня послала и я тебы о томъ уже обьявылъ[...] но ты то худо разумѣешъ, можетъ она не токмо твоихъ лошадей, н[...] естли бы было потребно купытъ, и ты билъ бы на продажь, то как[...] за тебя самаго, такъ и за всио твое имущество есть въ состояні[...] заплатытъ и купытъ, и то я сказавъ отъворотясъ повторилъ говор[...] стидысъ своихъ словъ, и жаль толко что такое имя на себы носиш[...] и съ тѣмъ пашолъ протчъ.

Вышелъ я съ великою досадою на крилцо чтобь ехатъ, но межд[...] тѣмъ, покудова я тамъ у него бавился, то мой почтилионъ было в[...] прегъ лошадей, чтобь покормытъ, я видя сие крикнулъ къ людям[...] своимъ, чтобь скоряе запрегалы, а самъ прохаживаю тутъ предь кри[...]цомъ на дворе дожидаюсъ, покудова готово будетъ.

Вскоре потомъ вышолъ тотъ ксонзъ Франчишканъ и тѣ е[...] двое чиновныхъ, что тамъ стаялы, за мной на дворъ, и просятъ что[...] я назадь въ пакой вернулся, и не имѣлъ бы злой волы, изьвин[...] своего графа и что ему можно ту ошибку проститъ якѡ человѣ[...]у старому, я ни мало не хотѣлъ сихъ слушатъ осердясъ говорю им[...], какъ оны не умѣютъ съ людмы обходитца, устиживая предь ны[...] ихъ графа, и виговорилъ я къ тому прилычныхъ несколко еще реч[...] на венгерскомъ языке, не могши отъ досады болѣе себя въ то[...] языке скриватъ, говорю что ни адинъ бы простой пастухъ не мо[...] грубее бытъ, какъ что есть вашъ графъ, какъ толко я сие выговорилъ, то оны всѣ удивилысъ, что я ихъ языкъ венгерский разумѣю, тотъчасъ адинъ изъ тѣхъ двухъ отъ меня пашолъ туда на верхъ, затемъ спустя немного какъ Франчишканъ прозбою своею уверти-

вался, чтобь мнѣ вернутца назадь въ пакой и, говорилъ со мною по немецки, но я никакъ къ тому не соглашался, а дожидаюсь толко, покудова каляска подьедетъ, чтобь отъ ныхъ протчъ ехать, вотъ идетъ самъ графъ и вышедъ на крилцо сталъ просить, чтобь я къ нему въ пакой на верхъ возвратился, но я къ нему и лыца повернуть не хотѣлъ, и уже каляска моя совсѣмъ готова и почтилионы селы на лошадей и сталы подьежать, надобно же и то знать, что моя поездка шестимы почтовимы лошадми также въ глаза имъ показалось, ибо у ныхъ то велико почитаетца.

Графъ видитъ, что я ужь совсѣмъ ехать хачу и съ нымъ ничего не говорю, то онъ ускоривъ прежде нежелъ я въ каляску сяду поспешилъ съ крилца далой, подошедь ко мнѣ сънялъ уже и калпакъ свой съ головы, подьхватя меня подь руку и називая меня моимъ титуломъ и господиномъ, проситъ чтобь я простылъ его, и говоритъ я де вижу, что ошибся и тѣмъ васъ осердылъ, но не хачу на томъ оставитъ, чтобь вы съ гнѣвомъ изъ моего дома выехалы и для того прошу возвратытца ко мнѣ въ мой пакой.

Хотя сия сатисфакция и была мнѣ даволна, однако еще не могъ бы онъ меня тѣмъ пригласитъ, чтобь я къ нему вернулся, естли бы мнѣ не представилысъ въ мислы его жеребцы и кобилицы, каковыхъ наверно ни у каво другова не нашолъ бы я нигде, и осталасъ бы моя езда и трудь по пустому, что и принудило меня съклонитца, а къ тому вижу такова старика съ седимы волосамы съ чиномъ даволно великимъ, стоящаго на сонце держитъ въ адной руке свой калпакъ съ головы, а другою подь моею рукою, а съ другой стороны тотъ Франчишканъ, каторой ужь досадылъ мнѣ на ухо съ прозбою, то ужь и я премѣнылъ себя, сънялъ также свою шляпу съ головы, (яко и графъ калпака своего еще не надѣвалъ), оборотясъ къ нему и говорю, что вотъ видите господинъ графъ, какъ вы людей отъ себя отъбываете, и также не по честы вашей и со мною поступилы, и таперъ говорю я ему хотя бы мнѣ и пайтытъ съ вамы въ ваши пакои, о чемъ вы просите, но можетъ бытъ, что вы такимъ же манеромъ въстрените меня опятъ какъ и давича что было, то убегая того лучше хачу ехатъ отъ васъ съ покоемъ.

Онъ а также и Франчишканъ съ другой стороны просятъ непрестано, чтобь я вернулся и чтобы о давишнѣму не помынатъ, и бросить въ забвение.

По симъ прозбамъ, а болѣе что жеребцы и кобилицы мнѣ стоятъ въ голове, вернулся я съ графомъ и съ Франчишканомъ назадь, и

вошедь въ пакой, (онъ жылъ въ нижнѣмъ етаже по своей старост что въверхъ лѣсници въ другой етажъ хадитъ не можетъ, а особли что охотникъ великъ до лошадей и за то въ день раза два и болѣе бывае въ канюшнѣ), и войдя мы въ последнѣй пакой, что предь его спалнѣю та просилъ меня сесть, и ужь учтивъ сълышкомъ зделался, мало пого вошла къ намъ съ другихъ дверей графиня, я ей (какъ мнѣ гра сказалъ, что она его супруга), въставши поклонился, что и она м зделала и приветствуетъ меня приездомъ, сажаетъ меня, и сама так села, видно что она ужь известылась о нашемъ съ графомъ спо показывая видъ приятной и веселой, умѣла по немецки гаразда луч нежелъ графъ говорить, была лѣтамы помоложе графа, однакь у старушкою назвать можно, и видно что въ свое время была кра вицею, лице ее и талия въ томъ показывало.

Графиня оборотясь ко мнѣ говоритъ съ усмешкою, я де слиш нѣкоторые здесъ споры, то и пришла я чтобь оные успокоить обратыть въ приятство, я ей поблагодаря за то, и указываю на гра говорю, что вашъ господинъ графъ несколко былъ не знаю чѣмъ доволѣнъ отъ чего завелся маленкой споръ, такъ вы судариня гово я ей изволыте за то по вашему разсмотрению ево штрафовать.

Она поворотясь къ графу говоритъ стала по венгерски, ти севодни видно думалъ, что твой солга быровъ къ тебѣ приехал (что значитъ уездний камысаръ), а не примечаешъ лы что ето гос динъ, и разумѣешъ лы ты его слова говоритъ она.

Я сие, что она къ мужу своему сказала, выразумѣвши здѣла предъ нѣю еще болше въ моихъ съ нею разговорахъ учтивымъ и ей весма понравилось, потомъ сталъ я графа спрашиватъ о це тѣхъ назначеныхъ мною жеребцовъ и кобилыцъ, чтобь мнѣ обьявы и поворотясь къ графинѣ говорю, а васъ судариня прошу взять мо сторону и быть нашимъ медиаторомъ.

Графъ отъвѣчаетъ мнѣ, чтобь я самъ цену положилъ чего о стоютъ, на то говорю я ему, что никакъ того я здѣлать не мо ибо всякъ хазяинъ своему дабру долженъ самъ цену показать, а яко покупщихъ естлы напериодь стану цену класть, то можетъ бы покажетца не угодно и тѣмъ, чтобы не оказатъ вамъ неудоволстви

На тотъ часъ графиня, подьхватя мои слова, стала графу гов ритъ по венгерски, смотри таперъ какой ты отъвѣтъ получилъ приятно лы слушатъ словъ его, я и то виразумѣлъ, что она сказа графъ тотъчасъ въсталъ и пашолъ въ свой кабынетъ, и скоро нам

идетъ, носитъ въ руке бумагу и говоритъ, что вотъ регистеръ тѣхъ лошадеіі, коихъ вы назначилы какъ о томъ мой економъ ко мнѣ пишетъ,- посмотримъ таперъ еще разъ, и приказалъ принестъ протоколъ лошадыиихъ пародь.

Я винулъ также свой регистеръ, что тамъ будучи въ заводе записалъ, и сталы сводитъ такъ лы какъ что економъ писалъ. и нашедь ровное адынъ съ другимъ, п покудова мы съ графомъ то сводилы вижу я, что отецъ духовной нѣчто графинѣ на ухо шепчетъ, а она на меня гледитъ и видно, что онъ ей пресказалъ о томъ, что я по венгерски разумѣю, какъ онъ будучи на дворе предь крилцомъ несколко словъ отъ меня, что я виговорилъ, слишилъ.

Графиня въдругъ въставши подошла ко мнѣ говоритъ, какъ слишу я что вы по венгерски имѣете, и конечне вы Венгеръ, хотя и въ чужемъ государствѣ служите, но таите себя, я отъвѣчаю ей изъвиняясъ, что говоритъ не умѣю,,а толко мало что и гдѣ какое слово понимаю, и то говорю я профитовалъ таперъ какъ здесъ въ Венгріи нахожусъ, а родомъ я природный Руской, тутъ Франчишканъ въступылъ въ наши слова говоритъ, да вы не Венгеръ, а давича какъ были сердиты, виговорили по венгерски такъ харошо и чисто, что и мнѣ того бы на паметъ не пришло, мнѣ сие не было угодно, что онъ проболталъ, говорю оставте пожалуй таперъ о томъ говоритъ, не помешайте мнѣ съ графомъ въ нашемъ дѣле.

Патомъ пресмотрѣвши графъ свой протоколъ и нашедь имена тѣхъ жеребцовъ и кабилыцъ, когда оны родилъсъ показиваетъ мнѣ ихъ породу, исъ чего могъ я узнатъ, что двухъ жеребцовъ перваго светло-буланого съ чорною гривою и другова гнедого беру я у него изъ породы гишпанской, а вароныхъ двухъ отъ неаполытонской кабилицы же, и той и другой пародь также всѣ билы означены.

Таперъ говорю я графу изволите цену положитъ, какъ вы намерены ихъ продатъ, но съ тѣмъ говорю я чтобь у насъ въ двухъ словахъ торгъ могъ бытъ конченъ.

Онъ не хотѣлъ было жеребца буланого продаватъ, сказивая что для приплода намеренъ его оставитъ, да кобылу первую что въ регистре вимаралъ (називаласъ Фата, что значитъ на волоскомъ языке дѣвка), я то увидѣвъ говорю чтожь ето значитъ, онъ отъвѣчаетъ, что сию кабылу ни за что продаватъ не намеренъ, потому что подь нею естъ маленкой лошачокъ отъ такова породистаго жеребца, котораго взялъ синъ его съ собою въ паходь и не знаетъ, что еще съ тѣмъ

жеребцомъ здѣлатца можетъ и придетъ лы назадь илы нѣтъ, а отъ него болѣе приплоду не имѣетъ, окромѣ толко здного сего жеребенка то потому и кабилы той отъдать не можетъ.

Вотъ танеръ говорю я у насъ будутъ новые споры, и когда вы буланого жеребца оставляете, и кабилы сей продать не хотите такъ и торгу у насъ не будетъ и трудимся вотъ почти целоі денъ по пустому, и требую я чтобь конечне и жеребецъ и та кабыла обще съ другимы въ продажу пашлы, но нѣтъ графъ къ тому никакъ не соглашаетца, чрезъ что доходитъ у насъ, чтобь разойтытца, и я въсталъ отъ столика протчъ, надошолъ къ окошку стою и думаю, что дѣлатъ не хочетца мнѣ того оставитъ, ибо жеребецъ такой какова въ подобые ему на другомъ местѣ верно сискать не могу, а кабыла такъ во всѣмъ его табуне первая и я такоі никогда другой не видалъ и еще не старая.

Покудова я тамъ у окошка стаялъ и собырался съ мислямы, что дѣлатъ и на чемъ положитца, то между тѣмъ графиня нѣчто съ графомъ говорила, и потомъ въставши отътуда подьходытъ ко мнѣ, взяла меня за руку говоритъ, что де вы меня просилы, чтобы мнѣ между вамы въ торгу съ мужемъ моимъ бытъ медиаторкою, такъ танеръ я приступыла къ тому, чтобь вы могли бытъ даволны и сужу, чтобь споръ разделытъ по поламъ, изволите со мною вотъ мужъ мой вамъ скажетъ.

Я подошедъ опятъ туда къ тому столику, гдѣ графъ седелъ и полагалъ противъ каждой штуки свою цену въ томъ числѣ и буланаго жеребца тутъ же поставляетъ, а кобылу нѣтъ, подаетъ онъ мнѣ тотъ регистеръ съ тою назначеною отъ себя ценою, въ чемъ и графиня проситъ чтобь на томъ оставитъ, а о ценѣ говоритъ она, какъ сойтытца можете.

Регистеръ тотъ отъ графа я възявши пресмотрѣлъ и вижу, что съ моимъ мнѣниемъ сходно, и какъ бы я самъ сперва цену клалъ, то бы конечне еще съ прибавкою противъ того было положылъ, и взялъ оной регистеръ къ себе, спрашиваю нѣтъ лы у него еще и другихъ какихъ тутъ на дворе въ канюшнѣ лошадей, исъ коихъ бы я может бытъ въ прибавокъ къ симъ вибралъ, на что отъвечалъ, что нѣтъ окроме цуговыхъ и некоторыхъ припускныхъ жеребцовъ, а кобилицы въ неболшомъ числѣ имѣетъ въ другой по близосты деревны, за коимы я просилъ чтобь послатъ, что и велѣлъ онъ тотъчасъ

слуге ехать и пригнать табунъ на загородни дворъ, но не прежде то можетъ бытъ какъ на завтре.

Графиня намъ помешала и прекратыла, что совсѣмъ торгъ окончитъ не могли, она говоритъ намъ, что не изволытелъ оставитъ на сей часъ сие дѣло, вотъ уже три часа съ полдня какъ вы трудитесъ, а обедатъ и давно время прошло, такъ что не окончено можете и потомъ совершитъ.

Мы оба я и графъ въстали и говорю я, что вашъ регистеръ господинъ графъ у меня каторой остаетца на томъ, покудова я вашихъ другихъ лошадей увижу, и какие мнѣ покажутся угоднимы и назначу сколко таковыхъ будетъ, такъ тогда обо всѣмъ вообще настоящую цену я вамъ по моему мнѣнию обьявитъ буду, но притомъ прошу говорю я о квартере приказатъ мнѣ отвестъ, чтобъ люде мои туда еквипажъ вънестъ могли, онъ и графиня тотъчасъ велѣлы показатъ въ верхнѣмъ етаже въ покояхъ, куда и людямъ моимъ вънестыоъ сказано и почтилионовъ съ лошадмы отъпустытъ.

Графиня възяла меня за руку говоритъ изволите пайдемъ таперъ къ столу обедатъ, мы пришлы въ столовой пакой, гдѣ уже было на столъ поставлено, смотрю я что съ другихъ дверей идутъ три дамы изърядно по тамошнѣму обычаю одѣты и молодые, кои вошедь здѣлалы мнѣ по обыкновению комплиментъ и приступилы къ столу, графиня показиваетъ мнѣ обь ныхъ, что то две ее дочеры дѣвицы, а третая невестка за ее синомъ капитаномъ что въ паходь пашолъ.

Селы мы за столъ обедалы, а я какъ возлѣ графини седелъ, то наиболше съ нею разговоръ имѣлъ, а вставши и за стола пашли въ другой пакой, гдѣ намъ поднесли кофи, а потомъ что денъ оченъ жарокъ былъ, пашолъ я на верхъ въ отведеную мнѣ квартеру, пакоевъ тамъ было много, но мнѣ показано три, два для меня а третой на сторонѣ для людей, и мои два были харошо убраны во всѣмъ принадлежащемъ, и постелы моей ставытъ не далы, а была хазяйская тамъ готовая чисто и харошо подь павилономъ.

Я было немного на канапею заснулъ и потомъ въсталъ и седѣлъ, было то уже блиско вечера, пришолъ ко мнѣ тотъ Франчишканъ и графские люде принесли въ карафинчикахъ вина и воды и на талерки люду, говоритъ мнѣ Франчишканъ, что графу и графинѣ будетъ угодно естли я къ нымъ туда пріиду, я то здѣлалъ и пашолъ, и пришедь къ нымъ прашу графа, чтобь мнѣ канюшню свою показалъ.

Мы пашлы, осмотрѣлъ я всѣхъ его лошадей, кои были отъб ние цуговые лошады хароши и велики, а между протчимы ста деветъ жеребцовъ припускныхъ уже несколко въ лѣтахъ, като| такъ были хароши, что я заглѣделся въ нихъ и смотрѣлъ на всяк порознь долго, и ежели бы были помоложе, то бы никакъ съ дву (коихъ я за лучшихъ почиталъ) не растался, но графъ сказалъ, у него еще есть несколко молодыхъ жеребчиковъ и мереновъ не лече ходютъ въ ливаде пасутца, коихъ могу говоритъ онъ завт какъ и табунъ пригонютъ, видѣтъ.

Съ тѣмъ вернулысъ назадь въ пакой туда где графиня съ чермы седела, и тамо и я съ графомъ провелы время въ разго рахъ до самаго ужына, а после стола отъклонясъ я, пашолъ на ве] въ свой пакой и легъ спатъ.

На завтрешни денъ въсталъ я рано и одѣлся не много пол ше вчерашнѣго, тутъ принесли мнѣ кофи, а потомъ погодя приш(адинъ изъ служителѣй графскихъ обьявляетъ что графъ проситъ себѣ, и что изъ деревны уже и табунъ пригналы, и не угодно мнѣ онаго смотрѣтъ, я тотъ часъ пашолъ въныэъ, нашолъ графа всѣмъ одѣлся и меня дожидаетъ, мы оба пошлы на загородни дво| тѣхъ тамо лошадей смотрѣтъ, всѣ кабилицы были хароши, но не т ковы какъ тѣ другие что я прежде видѣлъ, а бракъ изъ того др гаго табуна что онъ пречищалъ и держитъ здесъ при себѣ на пр дажь, между коимы однако были две отъмено харошие, коихъ я то часъ въ свою покупку и назначилъ, да мереновъ трохъ выбра) каковыхъ мнѣ приказано для верховой езды покупыть, а жеребчи тролѣтки, коихъ графъ мнѣ тутъ на ливадѣ показоваль, тѣ не бы для меня.

Отътуда вернулысъ мы во дворъ и пашли въ пакой и зача) между собою торгъ, графиня тотъ часъ къ намъ пришла и села, сл шаетъ что между намы происходитъ будетъ, я винувъ тотъ рег стеръ, въ коемъ графъ вчерашни денъ цѣну назначилъ, подаю гра(чтобь онъ и симъ двумъ кобылицамъ и тремъ меренамъ что я т перь вибралъ цену также означилъ, онъ взявъ тотъ регистеръ пол гаетъ цену обеимъ кобилыцамъ на ровнѣ какъ и тѣмъ преждним а мереновъ тоже въ адну съ кобыламы цену что и выходыло, жер бецъ буланой во сто червоныхъ а тѣ другие три по восмидеся а кобылицы и мерены по сороку по пяты что и вышло подыту за четырехъ жеребцовъ, и за двадцатъ адну кабылу и за трехъ г реновъ всего на всио тысяща триста восемъдесять червоныхъ.

Я сталъ говоритъ графу что то дорого онъ поставляетъ, и чтобы спустылъ цену по ниже, а ктому жестоко приступылъ моимъ требованыемъ чтобь онъ уступылъ и ту кабылу, каторую онъ вчерасъ въ регистре вымаралъ, обещавъ за оную я въдвое противъ протчихъ заплатытъ денги, напоследокъ давалъ я за нее сто червоныхъ, но никакъ отъдатъ не хотѣлъ, отгавариваясъ непрестано тѣмъ что чрезъ того жеребенка что подъ нею естъ, коего онъ надѣетца для приплода выкормытъ, я водилъ графа сполъ часа о томъ прося непрестано той кобылы, а ктому нарочно говорю что и цену височу жеребцамъ и кобыламъ положылъ, къ чему какь я приметылъ что графиня стала ему упомынатъ чтобь онъ сошелся со мною, и графъ какбы уже къ тому склаияетци, и дожидаетъ толко отъ меня слово, ибо я еще своей цены не говориль, графъ спрашиваеть меня о томъ и говоритъ, чтоже вы мнѣ нычего не говорите какую вы цену полагаете, нечего бы я видетъ могъ сходствуетлы оно съ моимъ положениемъ.

Мнѣ ужь не хотѣлосъ его далѣ держатъ и тѣмъ не податъ имъ о себѣ мислей, что я какбы партикулярной какой купецъ пришолъ къ нымъ торговатца много, и хатѣлбы чтобь онъ червонецъ и другой отъ своей цены еще ныже спустылъ, видя и такъ въ томъ его ошибку, а болѣе всего доказатъ ему хатѣлъ о вчерашныхъ его словахъ какь онъ сказалъ, что я всѣхъ тѣхъ назначеныхъ его лошадей заплатытъ не всостояніи, и говорю ему когда вы господинъ графъ о вашихъ лошадяхъ цену мою спрашиваетѣ, то вотъ вамъ моя рука, и я плачу вашекъ лошадей такъ какь вы онымъ цену положилы, възявъ испредь него тотъ регистеръ лошадины къ себѣ, поклонясъ ему и графинѣ и говорю пообождите не много вотъ тотъ часъ я буду и денги вамъ привесу, но съ тѣмъ господинъ графъ говорю я ему чтобь ваши люде тѣхъ лошадей на своихъ лошадяхъ водилы, и при ныхъ былбы вашъ адинъ табунщикъ, покудова я изъ Трансилваніи выеду въ Венгрию до города Дебрецена, а я имъ за трудь заплачу денги и лошадей ихъ въ дароге кормить буду своимъ фуражемъ; графъ обещался то здѣлатъ, а я пашолъ на верхъ въ свою квартеру, вынялъ изъ сундука мешокъ съ червонцамы, принесъ туда къ нымъ и отщиталъ всю подлежащую суму и отьдалъ графу, онъ и графиня принявши денги поблагодарилы мнѣ и осталысъ тѣмъ много доволны, но чтобы о вчерашнѣмъ не оставыть не упоминутъ, говорю графу осмехнувшисъ: вотъ господинъ графъ какь моя императрица платить можетъ, а не такъ какь вы вчерась о томъ сумнѣвалысъ, а сверхъ того говорю я графу что еще вашему шталмейстеру и та-

бунчикамъ хачу на пропой подаритъ двадцатъ червоныхъ, тутъ стаялъ и тотъ Франчишканъ ксонзъ, какъ оны обыкновено при дворахъ господскихъ умѣютъ увертки свои дѣлатъ и пришучиваютъ къ своемъ интересамъ то онъ виговорилъ, ну етого я незналъ, а тоб я на сей день у графа хатѣлъ штальмейстеромъ быть, я услиша т говорю ему будте вы добри пастырь, и вотъ вамъ за то я дару пять червоныхъ, всѣ предстоящие тутъ взглянулысъ глазамы адин на другаго о томъ что я здѣлалъ, а я собравши въ мешокъ свои оталные червонцы, пашолъ опятъ на верхъ въ свою квартеру, положылъ оные въ сундукъ и возвратылся опять къ нымъ.

Засталъ я ихъ въ некоторыхъ между собою разъмишленыхъ, какбы нѣчто устидилысъ, мнѣ до того не было нужды спрашиватъ, подошолъ къ графинѣ и говорю, что у насъ въ Россіи судариня ес обычай, когда дѣло у людей по желанию въ чемъ совершитца, то бываютъ могаричи и веселятца, такъ и таперь здесъ въ вашемъ до таково здѣлалосъ и на обе стороны хорошо, то бы не худо когда б приказалы податъ намъ по чарки водки и тѣмъ напиемь за здаровые ваше и счастливаго нашего торга.

Она въстала и говоритъ мнѣ да ето таперь вы карошо говорите, но давича что вы намь въ укореные сказалы, можетемь повѣритъ говорила она что мы не изобретаемъ словъ столко, конми бь могли вамъ отвѣчатъ, и вы намъ задачу такую сказалы что поверте остаетца намъ оное великимъ прискорбыемъ, и вы де конечние какъ отъ насъ поедете будете вездѣ о томъ говоритъ, а то било бы намъ на всегда немалою укоризною, такъ пожалуйте продолжала она будте намь приятель и обещайте намъ что вы всио то бросите въ забвеные, и чтобы не имѣлы мы притчины на васъ въ томъ сожалѣтъ.

Графъ тоже приступылъ, оправдивая себя, что онъ нысчего другаго то вчерасъ мнѣ сказалъ, какъ единствено истого что бывало у него прежде такие покупщики, что обещаютъ платить, а потомъ выходило дѣло на векселъ, и втомъ труда много имѣлъ покудова свои денги доправитъ могъ, я ему на то отвѣчалъ что можетъ бытъ у васъ съ другимы людмы оно такъ и было, яко съ партикулярнимы покупщикамы, но моя монархиня, каторая меня по сей камысіи послала, не приказала мнѣ векселы даватъ, а платытъ велѣла готовимы денгамы, что я и здѣлалъ, и вы видѣлы говорю я ему сколко за уплатою вамъ осталосъ у меня еще вь излишестве, однакь говорю я ему поворотясь и къ графинѣ не изволите судариня ныже малѣйше об-

мнѣ вчемь лыбо сумнѣватца, а вѣрте что я оть нинѣ на всегда и на всякомъ местѣ буду истинъно вашь приятель, и не оставлю вездѣ вашею приязнью каторую я вь вашемъ домѣ отъ васъ имѣю хвалытца, зискать случаевъ естли бы толко могло быть таково время чтобь оказать вамъ мою благодарность.

Сей разговоръ мы кончивши, приказала графиня принесть водки, хлеба, и сиръ на тарелкахъ, пыли водкою възаимние здаровыи желая счастливо мнѣ препроводыть купеныхъ лошадей, а имъползоватца полученимы денгамы, и на томъ дѣло наше кончилось, но потомъ на другой день вышло у насъ не множко і новое затрудненние, как я о томъ скоро буду говорить.

Послѣ того просилъ я графа чтобы сихъ купленыхъ мною здесъ двухъ кабылицъ и трехъ мереновъ приказалъ изъ табуна възять на конюшню, онъ тотъ часъ велѣлъ то здѣлать и лошады поставлены въ особливо мѣсто и для присмотру приставлены ево люде.

Время пришло къ обѣду и сказано что на столъ поставлено, графиня проситъ итыть кушать, мы собралысъ всѣ туда вь сталовую, гдѣ уже обе графские дочеры и невестка нась дожыдалысъ, одѣты были весма харошо, компլиментовалысъ со мною, и графиня распоряжала места гдѣ кому сесть, меня посадила возлѣ себя, а сь другой стороны въ правой у меня руке велѣла болшой дочеры своей сесть, и между протчимь: съ графинѣю разговорамы сказиваеть она мнѣ что то возлѣ меня есть старшая ее дочь, а засватана за полковника графа Форгача и что скоро веселѣ будетъ, я повернулся лыцомъ къ новозаручено́й, поздравляю ее тѣмь счастиемь и говорилъ съ ней по немецки, она на то тѣмже языкомъ отьвечала свидѣтельствуя свою благодарность, и потомъ изъ сего была оказия тутъ за столомъ и болшъ съ нею завесть разговоры и познакомытца, и подлинно девица достойная и разумна.

После стола не много въ местѣ моглы бавитца, потому что денъ былъ оченъ жарокъ, для чего и кофи не подавалы а оставилы до опосля, я отьклонился всѣмъ пашолъ на верхъ въ свой пакой раздѣлся и лежаль наканапею гдѣ и заснулъ не много, потомъ какъ уже жаръ минулъ и я въсталъ, то велѣлъ прислатъ моего кановала онже былъ и кузнець, приказиваю ему чтобь сихъ новокупленыхъ лошадей подковатъ хотя на передние ноги, по притчине каменистой дароге чтобы которая естлы такъ некованыхъ водитъ не захрамала, а желѣ-

зо на зделку патковъ говорю я кановаλу, чтобь онъ отъ графска‑го во дворе управителя потребовалъ.

Тоже было надобно здѣлатъ на каждую лошадь и попоны из холста летние, о чемъ къ исправлению положилъ я на своихъ ре‑тарь чтобь оны старалысъ, и нашли бы на селѣ за денги потре‑ное число аршинъ простаго холста, а какова нибудъ партнова чт‑ пошитъ, а покраятъ оные какъ надобно то я самъ покажу, и на‑давъ рейтарамъ денги, велѣлъ изныхъ адному итытъ холстъ иск‑ а другой бы остался, ежелы за чемъ пазову.

Толко что я то кончилъ смотрю идетъ съ дверей ко мнѣ па‑теръ Франчишканъ съ превеликою благодарностыю, кланяетца мнѣ з‑ учинѣное ему отъ меня сево дни по утру петыю червоными пода‑рокь, за что обещаетца о здаровьи моемъ на олтаре молитца, я его посадылъ возлѣ себя на канапею, и сталы коио што говоритъ, а ме‑жду протчимъ зачаль онь сказиватъ о графе и графинѣ, о ихъ нра‑вехъ и натуре хваля графиню, какая добрая и разумная бариня и какова она таковы и ее дочери, а что графъ, то ужь сказиватъ не надобно, я чаю говоритъ онъ что вы самы его узналы, какъ и въ тотъ денъ вашего приезда каковъ онъ предъ вамы неучтывъ былъ и тѣмъ васъ грубо въстретылъ, на его де не иначе а время такое находитъ, ему де противно говорить Франчишканъ показалосъ что вы съ каляскою и съ лошадмы просто на дворъ заехалы, а не оста‑новилысъ за воротамы илы въ заездномъ доме на селѣ, и не посла‑лы съ докладомъ первее спроситъ въ какое время съ нымъ видѣтца можете, и за то де не велѣлъ никому васъ на крилце въстретыть, а знавъ что вы едете, будучи уже отъ управителя изъ той деревны гдѣ вы были уведомленъ, однако пакорно прашу говоритъ Франчиш‑канъ пожалуйте не говорите ему о томъ ничево, и бросите не тру‑дите себя, я ему на то отьвечалъ что ужо о томъ позабулъ (но ду‑маю я вь себе что вотъ пять червоныхъ какь глаголютъ, и что есть денги).

Мы еще будучи въ разговорахъ, присилаетъ графиня просить меня на кофи, я тотъ часъ одѣлся и пашолъ съ Франчишканомъ въ местѣ туда къ графинѣ въ ее пакой, гдѣ всѣ собралысъ и меня ожи‑далы, поднесена была кофи, а на другомъ столыке поставлены раз‑ные фрукты, коимы подчевала меня графинина старша дочь, и я ужь при семъ случае познакомылся сь нею еще болше и разговоры имѣлъ.

Потомъ уже подь заходь солнца по холоду пашли всѣ въ садъ, каторой положение имѣлъ подь дворомъ на берегу рѣки Мароша, на

весма веселомъ местѣ, и былъ устроенъ регулярно алеямы и бесѣдкамы, и съ разнимы цветамы и овощнимы деревямы усаженъ, въ числѣ коихъ тогда были тѣ прекрасные черешны съ спѣлимы своимы ягодамы, графинины дочеры и невестка яко молодие резвилысъ по саду, черешны рвалы что и я имъ, уже познакомывшисъ съ нимы, помагалъ и ветви съ ягодамы рукою доставалъ, и менялысъ кто что прежде достать успѣлъ, а за тѣмъ пашлы къ столу ужинатъ, и на томь тотъ денъ прошолъ, а послѣ стола разошлысъ по своимъ покоямъ.

Я тотже денъ еще поутру просилъ графа, чтобь онъ послалъ нарочнаго съ повелѣниемъ къ своему управителю вь ту далную деревню, чтобы тамо всѣхъ тѣхъ мною купленыхъ кобилыцъ въззять изъ табуна на конюшню и содержатъ до моего туда приезда, и били бы люде кои водитъ будутъ готовы, графъ то здѣлалъ, и таково повелѣние туда послалъ.

Поутру рано я въсталъ и зачалъ дѣлатъ свое къ отъезду приуготовление и намеренъ былъ завтре совсѣмъ выехатъ, тотже денъ были мы до обѣда по преждиѣму всѣ въ местѣ, хадылъ я съ графомъ на конюшню гледелы ево лошадей также и моихъ купленыхъ, коихъ чтобь водитъ состоялы уже и люде въ готовносты, и съ тѣмъ прошло время до полъденъ, обедалы всѣ въ местѣ и потомъ что въ денъ очень было жарко, то разошлысъ по своимъ покоямъ отъдихатъ.

Я пришедь въ свою квартеру раздѣлся и сидѣлъ въ адномъ толко летнѣмъ халатѣ у окошка на приятномъ томъ исъ тѣни отъ сада и отъ реки воздухе, никово болѣе при мнѣ не случилосъ о кроме что я адинъ остался, слишу я что чрезъ первой прихожей мой пакой нѣкто идетъ и по походке примечаю какбы женской ходь, и оглянувшисъ туда къ дверямъ алъ идетъ графиня старша дочь сама одна ко мнѣ, я какъ ее увидѣлъ въскочилъ отъ окошка къ ней на встречу вьзялъ ее за руку, ексвузуюсъ предь нею что меня такь раздѣтога застала, она на то отвѣчаетъ что нѣтъ ничего ви де яко хазяинъ вь своей квартере можете бытъ на своей волѣ, просилъ я ее, чтобь пожаловала сестъ, она на канапеи и я возле ее, смотрю что то еще далѣ будетъ, а не знаю что приходь такой госты значитъ.

Она какъ дѣвыца разумная и ужь несколко со мною тѣмы днямы обзнакомылась, то и говоритъ духомъ веселимъ, упомыная какь хорошо здесъ въ верхнѣмъ етаже лѣтнымъ временемъ жить на откритомъ воздухе, и лучше нежелъ въ нижнѣмъ, и еще далѣ кое о

чемъ зашлы въ разговоръ, не много погодя слишу я что опятъ нѣ кто идетъ и также по походке примечаю надобно быть женщина н не адна а две, такъ оно и было что две дѣвки вошли къ намъ і носятъ на подносахъ кафейныкъ и чашки, а на другомъ фрукты поставилы оны то на столикъ и придвинули къ намъ поближе.

Молодая графиня стала сама налыватъ кофи, подаетъ адну чаш ку мнѣ а другую себе възяла, после того тѣ дѣвки собравши кафей никъ и чашки отънеслы протчь, а мы двое опять самы осталысь нашъ разговоръ продолжался съ четвертъ часа, такъ о кое о чемъ ма ло важномъ, я ужь и думалъ что то толко и значило что кофи к мнѣ пыть принеслы, однакъ что сия молодая гостя пришла и сам еще адна о томъ понять я не могъ, напослѣдокъ зачала она говорит изъпрашивая первее чтобь я не погнѣвался о томъ, что она сказат хочетъ і пришла меня проситъ, и требуетъ моего на то согласия я ей отвѣчаю что сохотою моею всио готовъ для васъ судариня здѣ латъ, что толко въ моей возможносты состоятъ будетъ, она опятъ го ворить что нѣтъ, а обещайте напериодь что неоткажете, и тогда я вамъ обьявлю мое прошение,

Я сталъ смѣятца держу ее руку и говорю вы конечне сударыня изволите нѣчто шутѣть, а ежелы естъ какое дѣло то скажите лучше и чтобы оно могло быть такое о чемъ вы сумнѣваетесъ, чтобы я для вась не здѣлалъ, и повторяю ей мои слова что сь великимъ моим удоволствиемъ готовъ исполнитъ приказаніи ваши, тутъ она не мно го покраснѣла и зачала мнѣ говоритъ, что де вы уже слишилы что я заручена за полковника графа Форгача, и положено условые что сего лѣта и веселѣ будетъ, и на то уже родителы мои приуготови лы и весъ подлежацій екипажь, я же уведомылась сего дня оть нашего штальмейстера, что изъ числа тѣхъ назначеныхъ къ моему веселью цуговыхъ лошадей, адну самую лучшую наручную молодую лошадь съ протчимы купленнымы оть батюшки моего купилы називають е Муро, такъ о томъ прошу я васъ говорила она, чтобь ту лошадь уступытъ мнѣ, яко женихъ мой, будучи здесь говоритъ молодая гра финя, ту лошадь видѣлъ и сказаль мнѣ что онъ ее хочетъ себы подъ верховую езду обратытъ и дать выучитъ, а вы повторяетъ она мо жете въ место оной оть батюшки моего другую какая вамъ будетъ угодно себе взятъ, и то сказавъ повторяла еще свою прозбу, чтобь я зделалъ на то свое согласие.

Сия нѣжная просба тронула меня некоторою чувствителностью и какбы было не можно здѣлатъ ей въ томъ удоволствие, говорю я

ей что единствено судариня изъ моего къ вамь почтения соглашаюсъ исполнытъ ваше требование и ту лошадь я вамь оставляю, обьвиняя при томъ графа отца ее, что онъ мнѣ о томъ ничего при нашемъ торгу не сказалъ, она на то отъвѣчаетъ что де онъ яко человѣкъ старой можетъ быть что не вспомнылъ, (и сказиваетъ что отецъ ее о томъ не знаетъ что она пришла меня проситъ, упоминая чтобь я самъ оть себя стороною ему о томъ сказалъ и требовалбы на место оной другую лошадь, я всио то обещалъ въ угодностъ ее такъ здѣлатъ).

Моя молодая гостя по такову отъ меня обещаныю была много довольна, винувъ исъ кармана вязаной съ шелкомъ и золотомъ на денги кошелекъ подаетъ мнѣ, и говоритъ примите отъ меня сей маленкой подарочекъ, отъ моего собственаго рукодѣлиа, въ знакъ моей къ вамъ великой благодарносты, съ тѣмъ желаныемъ чтобы вы нося его при себе меня въспомнилы, и принесбы оной вамь на всякомъ местѣ желаемое благополучие и доброе здаровые, съ тѣмъ она въстала и пошла, при моемъ препровожденіи до лѣстницы, въныизъ въ свой покой.

Я вернувшисъ сталъ одѣватца и приказиваю слуге своему чтобь шелъ вьнизъ позватъ коновала, коновалъ пришолъ и стоитъ дожидаетца моего приказания, а я думаю что съ графомъ дѣлатъ, и какую лошадь отъ него на место той требоватъ, показалосъ мнѣ что у него нѣтъ другой такой лошады, которая бы стоила той что я на прозбу молодой графинѣ оставляю, и спрашиваю коновала что не знаетлы онь въ графской канюшнѣ илы между молодимы на лываде еще какую харошую лошадь, чтобь былъ меринъ молодой и не учеmой способны въ верховой ездѣ, и что я такову хатѣлбы въ прибавокъ къ протчимъ еще адну купытъ.

Коновалъ отьвечаетъ что де я вчерасъ къ вечеру прохаживалъ дорогою туда мымо лываду, гдѣ графские молодые лошады ходятъ, и видѣлъ чрезъ заборъ адну новую тамо лошадь шерстыю голубая, каторой тогда какъ мы вибырали ее не было, а лошадь прекрасная, и видно говоритъ коновалъ что та лошадь на то время была спрятана илы вновъ отькуда приведена и туда випущена, а лошадь отьменьная и чутлы не лучше тѣхъ мереновъ что вы купилы.

Сие я услышавъ велѣлъ спроситъ что графъ дѣлаетъ и у себя ли въ своей половинѣ, слуга мой пашолъ справитца и идетъ скоро назадъ сказываетъ что графъ спитъ, таковъ случай бымъ мнѣ удо-

бенъ, чтобь найтытъ самому сь коноваломъ тихонка чтобь насъ ни кто невидѣлъ туда на ливаду какъ то тутже за дворомъ не далече было и ту лошадь посмотрѣтъ, куда пришедь вижу что такъ какъ конов алъ говоритъ, что лошадь хароша молодая во всѣхъ статьяхъ и не хуже той что я оставляю, и подлино тогда какъ я другихъ выбираль тамъ ее не было, и положилъ на томъ что сию взятъ.

Я вернулся и зашолъ на конюшню посмотрѣлъ своихъ лошадей, а оть туда хатѣлъ къ себе наверхъ итытъ, между тѣмъ сказалы мнѣ что графъ уже въсталъ, и что у графинѣ на ее половине всѣ собралысъ и седятъ, было то уже подь вечеръ, я пашолъ туда нашолъ ихъ всѣхъ въ местѣ, тутже и патерь Франчишканъ седятъ и забавляются въ карты.

Меня графъ спрашиваетъ гдѣ былъ и спаль ли я, на то отвечаль я что не спалъ а былъ въ канюшнѣ, и вотъ говорю я что нѣчто чудное, у меня адна лошадь говоритъ, на то сталы всѣ смѣятца спрашиваютъ какбы лошадь говорить умѣла, я повторяю имъ также смѣючисъ и говорю лошадь отьказиваетцá что со мною вь дарогу итытъ не хочетъ, графъ было спужался подумалъ не заболѣлаль какая, я сказалъ что нѣтъ, оны всѣ здаровы, потомъ сие я оставиль и завелъ разговоръ о ихъ игрѣ и вижу что вь панфилъ играютъ, спрашиваю я старую графиню многолы выиграла илы проиграла, и что я ей пособлятъ буду въигрише.

Я селъ тамо къ нымъ и смотрю у графинѣ въ карты и вмѣшался въ ихъ игришние разговоры, а о томъ что лошадь будто говорила болѣе не упоминалъ чтобы имъ не податъ въ игрѣ помешки.

Молодая графиня седела также тамо у столыка, поглядиваетъ часто на меня, она догадаласъ что мнѣ о лошады еще говоритъ надобно, и хотѣла было оть столыка вьстать и прекратытъ игру, говоритъ что скушно такъ долго седетъ, не лучше лы вьстатъ и пойтытъ въ садь, но я подалъ ей знакъ чтобь поседела и говорю на что вьставатъ не окончивши игру, подождите судариня время еще естъ до вечера успѣете и вь саду бытъ.

Оны окончивши игру оставилы карты и поседалы кто на канапей кто на другое стула, а я стаялъ у окошка возлѣ графа и старой графинѣ и зачалъ говоритъ, первѣе такь надогадь какбы въ шутке, чтожбы стакимъ человекомъ надобно здѣлатъ говорю я каторой чужое что ныбудъ возметъ и продастъ, графиня старая отьвѣчаетъ что то весма не хорошо и предьосудително честы, я потомъ говорю къ

ру, а вы что скажете, онъ задумался молчитъ, а молодая графиня идаласъ что тоть мой запросъ о ее лошады идетъ, стала осмехица и шептетъ невестки своей на ухо, графъ приметыль и гово ь къ ней ти де что ныбудъ да смудрила и нейначе а такъ естъ.

Она отьгавариваетця что нѣтъ и не знаетъ, потомъ графь справаеть меня чтобы то таково было, я ему отьвечаю чтобь онъ самъ адивался ибо его вина вь томъ естъ, онъ опятъ промолчалъ, (а кдая графиня видно никому о томъ не сказывала что.сь прозбою ю у меня была, для того что и мать ее молчить илы такь притилась будто не знаетъ о чемъ я речь веду).

Потомъ говорю я графу смотрите, вы чтобь вашъ новой зятъ фъ Форгачъ съ вамы въ какой процесъ не вашолъ, ибо вы нѣчто принадлежащее продалы и я у васъ купылъ, и то оное естъ ъ я давича вамъ сказалъ, что изъ тѣхъ мною у васъ купленыхъ лдей адна говоритъ и не хочетъ итытъ со мною въ дарогу, тутъ онъ въспомнилъ о лошады проданой называемой Муро, и гово, витъ я угадалъ, смотря на дочь свою, что ты то смудрила, я де вую отьдамъ въ цугъ тебе другую, она на то отьвечаетъ нѣтъ ошка, мнѣ де господинъ маиоръ сию лошадь обещалъ оставитъ она таперъ моя, а вы какь хатите раздѣлаитесъ между собою.

Графъ проситъ меня чтобь оставитъ до утра, обещаетъ мнѣ на о той датъ другую молодую на виборъ лошадь, на томъ я и тавылъ въ томъ разуме что конечне ту голубую я достану, и веръ какъ настигла пашлы къ столу ужинатъ, и потомъ разошлысъ своимъ пакоямъ, и я легъ спатъ, но того я не догадался чтобь старой графь хатѣлъ хитрость сьиграть, онь могъ знатъ, что у протчимы его молодимы лошадмы нѣтъ другой такой каторую я вьзялъ, а конечне какъ увижу ту голубую, то захочу оную тъ, и считая какъ ее прежде тамъ на ливаде не было, что я н аю обь ней, для чего и велѣлъ чтобь ночию ту лошадь изь ливы възятъ и отьвестъ въ сторону.

Поутру рано я въсталъ и будучи со всѣмъ съготовылся къ езду, а толко о сей лошады была адна остановка, и думаю скоее възятъ и подковатъ и потомъ выехать хотя до первой почты почъ.

Мнѣ сказано что графъ и графиня уже повставалы и одѣлысъ, зашолъ къ нымъ гдѣ и кофи намъ подалы, сказиваю я графу о

томъ что ехатъ хочу, и чтобы поскоряе мнѣ отнего лошадь получить, онъ на то согласился пашолъ со мною на ливаду.

Смотрю я нѣть голубой лошады, а графъ говоритъ чтобь я выбралъ какая мнѣ покажетца и что онъ велитъ ее словытъ и привест. на конюшню.

Я ему отьвѣчаю что здѣсъ нѣтъ всѣхъ его лошадей и что изъ между сихъ не могу я ни адной себѣ вибратъ, онъ началъ меня уверятъ что точно всѣ тѣ здьсъ каторыхъ я прежде видѣлъ, однакъ говорю я ему хотя вы въ томъ правду и говорите господинъ графъ, что всѣ тѣ лошады здесь коихь я прежде видѣлъ, но той адной голубой здѣсъ нѣтъ, каторую я вчерасъ видѣлъ, и ту самую прошу я у васъ чтобь мнѣ ее отьдатъ.

Онъ началъ меня опять уверятъ о томъ будто у него такой голубой лошады пѣтъ, и что тутъ ее не было и онь не знаетъ, мнѣ сіи слова досадни стали почитая за обманъ, говорю ему ви бы лучше ее еще сперва не пряталы а сказали толко что не на продажь, почему бы конечне силою не могла бытъ взята и осталабысъ вамъ, а какъ вы того не здѣлалы, а потомь я ее здѣсъ видѣлъ, то и нахожу право у васъ оную требоватъ, а ежелы не хочете ее показатъ говорю я ему, то чтожь по пустому здесъ на жару стаятъ не лучше лы пайдемъ назадь въ пакой и тамъ будемъ говорить, а изъ сихъ лошадей что здесь не возму я ни адной, а вы какъ изволыте, и стѣмь вернулысъ назадь.

Пришлы мы въ пакой къ графинѣ жалуюсъ я ей, что зделано и лошадь съпрятана и полагаюсъ на ее правосудие, она сь графом говорить стала, а я хажу по горнице, досадно еще и то что въ отъездѣ здѣлаласъ мнѣ остановка.

Графъ оборотясь ко мнѣ и говоритъ, что де въ удоволствие ваше отъдаю вамъ одного изъ канюшны молодого трехъ летъ жеребчика, и чтобь я тѣмъ остался спокоенъ, однакъ и на то я согласитца не хотѣлъ, а требую ту голубую лошадь кою я вчерась на лыва дѣ видѣлъ.

Изъ сего шутки на сторону а доходыть у насъ до преговорокъ, онь уже возвращаетъ мнѣ денги възятые за ту лошадь что я оставляю, я и то взятъ не хотѣлъ и говорю что прежде соглашусъ выехатъ и безъ лошады нежелъ чтобь денги назадь взять.

Доходитъ время часъ первой сь польдня и пора ужь обедатъ, а у нась дело еще не кончено и вижу что тотъ день и выехатъ будетъ поздо, и жаръ болшой настигаетъ.

Мена просятъ къ столу обедатъ, я и на то не согласился прежде покудова лошадь не достану или отъказъ что нѣтъ, и стѣмь поѣду.

Напослѣдокъ уже графиня вошла въ нашъ процесъ и стала явно графа мужа своего тѣмь устиживатъ и требуетъ уже она чтобь конечне лошадь отъдалъ, на что признался графъ что спрятана та лошадь была и прежде и таперъ единствено для того, что къ сину своему подь верховую езду въ армию хатѣль отьправитъ.

И ужь какь нелзя ему было иначе превернутъ, то и велѣлъ привестъ лошадь туть подь окошка и приказалъ отьдать моимъ людямъ (звалы ее Понграцъ), а ту обещанъную мною молодой графинѣ възятъ обратно, и съ тѣмъ нашъ процесъ кончился, я приказаль ту лошадь подковатъ и бытъ совсѣмъ кь отъезду готовымь, а графа просилъ чтобь далъ мнѣ о всѣхъ покупныхъ лошадяхъ атестатъ.

Селы потомь обедатъ и въставши отъ стола проситъ старая графиня тутже и молодые пособлялы, чтобь еще тотъ денъ у ныхъ остатца, а по утру оставляютъ на мою волю я на то не хотѣлъ имь отьказатъ остался, а болѣе для того что денъ оченъ жарокъ былъ и первой маршъ былбы лошадямъ труденъ, и положылъ чтобь по утру прежде выхода солнечнога выехатъ.

Мы тотъ уже последни денъ провелы время въ разговорахъ ходилы подь вечеръ по саду, и пришло время къ ужину, были за столомъ всѣ вьместѣ, и въставши отъ стола отьклонился всѣмъ, сказываю что рано хачу выехатъ и чтобь ихъ не трудытъ намеренъ говорю я таперъ съ вамы проститца, однакь того не дозволилы, а хотятъ и по утру еще со мною видѣтца, съ тѣмь пашолъ я на верхъ, приказываю своимъ людямъ чтобь рано въстать и били бы и почтовые лошады на дворе готовы, и потомъ я легъ спать.

Поутру рано на зорѣ я въсталъ и велѣлъ въкладатца, и лошадей изъ конюшны выводитъ, а графъ и графиня съ дочермы и съ невесткою выдно что еще сь вечера приказалы разбудить себя также рано, дабы со мною при выездѣ видѣтца моглы, для чего и пришлы всѣ ко мнѣ на верхъ въ мой пакой и велѣлы за собою и кофи принестъ, потомъ простилысъ всѣ со мною по приятелски, отьклоняясь

я имь съ моею благодарностыю, за ихъ угощенье, сѣль на почту и выехалъ со всѣмы своимы въ дарогу.

Тотъ первой денъ не далѣе я маршъ свой здѣлалъ какъ только до первой почты, чтобы на жару лошадей моихъ не утрудытъ и тамъ предневалъ; нанялъ тамъ нарочную подводу на коей отъправылъ адного моего рейтара съ коноваломъ въ периодь въ ту далную графскую деревню, давъ имъ и посланой отъ графа къ своему управителю приказъ, коимъ повелѣваетъ чтобы меня оттелъ порядочно въ дарогу випроводытъ, и людей для вожденыя лошадей даль, при чемъ приказаль я рейтару и даю ему денги, чтобь онъ поспешилъ до моего туда приезда искупытъ на деревны холстъ и подѣлатъ на всѣ тамо купление мною кобылици лѣтние попоны такие каковы и здесъ зделаны, а коноваль также поспешилбы тамо своею тѣхъ кобылицъ подковкою.

Отъ сего ночлега до той графской деревны, яко оная лежитъ съ почтовой болшой дароге вь сторонѣ, то для того чтобы мнѣ не могло быть въ изысканіи подь себя подводь остановки, нанялъ я у здешняго почтьмейстера лошадей съ каляскою до самой той деревни, а по утру рано въставши поехалъ, и тотъ денъ также не великъ маршъ здѣлаль; и такимъ образомь еще и другие преходы дѣлаль, и прибыль въ ту графскую деревню гдѣ засталъ всио исправлено что я приказалъ, и люде оть управителя къ вожденыю лошадей уже были готовы, а также и подводы подь меня до болшой почтовой дароги управитель заготовиль, почему и не было уже более надобносты мнѣ тамъ бавитца, приказалъ тотже денъ чтобь всио къ моему отьтель выезду было готово, а по утру рано выступыль въ дарогу и отошедь две мыли остановился въ адной деревнѣ и тамъ предневаль, и такимы не болшимы преходамы ехалъ я весма трудную дарогою каменистимы горамы и лѣсамы, покудова выбрался на болшую почтовую дарогу и по оной уже было получше ехать чрезъ Трансилванию до выезда той земли на границу, и далѣ въ Венгрию до города Дебрецена, тамо отьпустыль я графскихъ людей что лошадей водилы, а другихъ нанялъ даже до Токая.

Въ сей городь я приехавши нашолъ свою супругу и нашего маленкова сина здаровыхъ, и зачалъ готовитца къ виступленыю въ свою дарогу, получилъ здесъ превеление мнѣ изъ Виены, на продовольствие въ путы лошадей и на наемъ людей въ прибавокъ къ прежде полученымъ мною денгамъ, еще пятъсотъ червоныхъ и пи-

аль рапортъ въ Выену къ нашему полномочному послу какь о получени тѣхъ денегъ, такь и о томь что я въ скорости съ купленимы ошадмы изъ Токая отправитца имѣю.

То что зачалы непрестаные дожды падатъ, то было мнѣ великое затруднение покудова нашолъ для препровождения моихъ купеныхъ лошадей надеждныхъ людей, кои согласилысъ и уговорилы о мною ехатъ въ Россию, чрезъ что а также покудова вънову всѣхъ эшадей прековалы и исправилъся всѣмъ потребнымъ, то потому и абавылся я въ Такае дней. десетъ.

Дарота моя изъ Такая продолжаласъ чрезъ Венгрию къ Полской раныце весма великою трудностыю, и не было ни адного дня чтобь ождъ и ночъ и денъ не шолъ, и тѣмъ здѣлаласъ превеликая грязъ наводнение по всѣмъ мѣстамъ и на малыхъ переправахъ и на остахъ что на всякъ часъ остановки были, и такъ доехалъ до метечка Ухеля, тамъ предневалъ чтобь людямъ и на себе просушитъ дежу, а также и лошадямъ немного отьпочинутъ.

Изъ местечка Ухеля подьнялся я въ свою путъ и показалосъ несколко нибы воздухъ сталъ чиститца и сонце пригрѣло, что и полало надежду къ лучшей нашей дароге, для чего положылся я ехатъ абы ускорить чрезъ горы пребратца и доехатъ къ Полской границѣ, но сие время послужило толко дни на два, а тамъ опять чалы дожды падатъ и зьдѣлаласъ дарога гаразда хуже прежднего, бо отьтуда зачинаютца уже самые трудносты, что подниматца на высоти, и опятъ сьпускатца въ ныэъ въ тѣ пропасты, лѣсамы и скимы местамы, чрезъ кои конечне ехатъ надобно, и тако вошелъ уже въ горы и стены каменые, по коимъ хотя жилыщи и естъ и селения не далече одно отъ другаго, но всѣ въ превеликой бедносты, акой что ни хлеба людямь ни фуража лошадямъ достать не можно на иныхъ ночлегахь и вовсь ничего не досталы, а притчина болще была то, что оть великихъ дождей посмывала вода съ горъ у жителей не токмо кошеное новое сено гдѣ что было и травы, но и хлебь весь съ нывъ посносило и съ гразыю смешало, что ниже чего целаго не осталосъ, люде тамошние и въ добрие года живутъ бедно и хлебомъ едва съ нуждою продоволствоватъ себя могутъ, а тогда и вовсѣ ничего не имѣлы, и жилы толко аднимь отъ скота малокомъ и сыромъ и то ежелы кто имѣлъ.

Въ тѣхъ горахъ рѣкъ никакихъ нѣтъ окроме толко частые ручеи отъ самородныхъ въ горахъ источниковъ кои сьлываютца адынь

иначе какъ бы рѣка съверху на насъ льетца и облака густые и ные прикрилы всѣ горы такъ, что почты какъ ночъ темно стало, ьехавши помежду горъ и лѣсовъ на одну продолговатую поляну, имѣла некоторие въ сторону завороты, по коимъ и настоящіи ій тоі воды состоялъ, однако вся та поляна покрита водою была ичево сухова не видно, проводники обьнадеживаютъ, что то место кое и ровное и что опасносты нѣтъ, и скоро уже поспѣемъ къ ускому месту, что на гору подьниматца будемъ.

Хотя вода у нашихъ лошадей, индѣ по брюхо, андѣ и по глибе а, однако всио еще ехалы, но толко то адно, что вода велыкимъ млeныемъ текла и такимъ съ горъ шумомъ, что почты не сли- гъ адынъ другаго, что говоримъ. а къ тому еще и дождъ болще токосты своей прибавляетъ, проводники говорятъ, что на той да- е былъ овесъ посѣянъ, что таперъ рѣка течетъ, оны угадивалы гу по той водѣ по приметамъ каменыя и деревъ стоящихъ, куда асъ водилы, и сказываютъ, что преехавъ ту поляну, надобно бу- ь поднышатца ускимъ местомъ на гору и тамъ уже всѣ опасносты утца и дарога пойдетъ висотамы, гдѣ болѣе воды нѣтъ.

Такою нуждою и съ страхомъ отъехалы мы еще несколко въпе- дъ и ужь чрезъ густоту дождя видно было тотъ ускои между ами проходь, о коемъ проводники говорилы, что тамо дарога на лежитъ, гдѣ уже и та далина въ горы концемъ своимь дохо- ъ, и осталосъ было всего разстояныемъ отъ того, что на гору та саженѣй на дватцать, проводники на своихъ лошадяхъ попереды гъ, а я на лошады же за нимы, а за мною моя карета, а тамъ ады оной ехалы повоски две, и купленые мои лошады шлы, какъ въдругъ слишимъ мы преужасной и страшной шумъ и стукъ, ова еще векъ свой ни гдѣ я не слишилъ и представилосъ мнѣ, иначе, а какъ бы гора и каменыя съверху къ намъ валытца, и къ намъ навстречу съ горъ прибавленые воды жесточайшимъ емленыемъ вътолнки человѣка, какъ стена чорная съ грязью съме- на ударила на насъ.

Проводники мои куда подѣлысъ я ужь не знаю, ибо меня какъ сильная вода поверхъ головы придавила и съшибла съ лошады, чего порнулъ вънизъ и заглушило меня такъ, что я о себѣ ни- о не зналъ, съчастые толко для моего спасения жизны осталосъ ю то, что удержалъ я (и самъ не знаю какъ) повода въ руке отъ лады, и тѣмъ посообыло, какъ лошадь поплила, что и меня наверхъ ы вынесло, и тѣмъ немного духъ въ себѣ прибавылъ и усьѣлъ

въаять другою рукою лошадъ за гриву, на тотъ же несчастн часъ потопыло и карету мою совсѣмъ и съ лошадмы.

Я далѣе ничево не знаю, что съ проводникамы здѣлалос толко немного еще видѣтъ могъ, что любезная моя супруга обр ласъ была чрезъ дверы изъ кареты ко мнѣ простертимы руками, то еще тутъ же блиско было и ни бы прощаетца со мною и о жаетъ въ такую горкую дарогу, каторая насъ уже на вѣки разл етъ, лошады съ каретою по водѣ поплилы опрометомъ и стало ла и такъ скоро унесло тѣмы заворотамы вънызь, что я болѣе ни не знаю.

Таковъ великий и смертоносный страхъ меня обьнялъ и зал водою, что едва толко себя чувствую, и пустылъ лошады своей в чтобь плыла куда она хочетъ, и такъ понесла вода и меня и ло самъ не знаю куда и въ какую сторону, платѣжъ на мены нал воды и тѣмъ болѣе тянетъ на дно, едва толко, что душа во естъ, и естли бы плащъ съ меня вода не сорвала, каторимъ я обвернулся и счастиемъ не былъ около шеи застегнутъ, то бы налывшисъ води, конечне меня задавылъ, и такъ съ лошадыю вучи нанесло меня къ адному маленкому отъ вербь стоящему куст отъ коего толко что верхи видни были, я прихватился адною р за стремящие въверхъ отъ онаго розги, а въ другой руке дер отъ лошады повода и досталъ своимы ногами немного до зе однакъ такъ еще глибоко, что толко голова у меня изъ воды ви тутъ несколко пришолъ въ чувство и духь въ себе прибавилъ, шадъ же моя, что не можетъ ногамы земли достатъ, то она бе вертитца и пливетъ около меня, каторую я крепко за повода держ и вижу чрезъ густоту дожда, въ правой отъ себя руке неда что гора и лѣсъ по ней чернѣетъ, я сталъ еще въокругъ себя о диватца не увижулы еще каво изъ своихъ такъ несчастнаго, что и я на конце жизны стаю, однакъ ничево болѣе, какъ толко моему ужасному предмету увидѣлъ въ сторонѣ недалече моихъ карети цуговыхъ лошадей всѣ шестъ уже безъ карети, на той нятой водою поляне обьмотолалысъ отъ шоръ посторонкамы о адного стоящаго тамо дерева, и такъ упутаные на водѣ бьютц на томъ дереве показалосъ мнѣ ни бы между ветвамы и чело естъ, таковь ударъ я видѣвши, вострепетала отъ жалосты душа мнѣ и сердце мое окаменѣло, что ниже, какова помишленія уже паметъ мнѣ не приходило, и толко что еще живъ.

На томъ местѣ я держасъ за тотъ кустикъ не могъ долго

ятъ, а всего то было разве минутъ несколко, потому что вода прибавиласъ и доходитъ уже, что въ уста залываетъ и ноги подо мною подышибатъ стало, а лошадь моя, на кою вся моя къ спасенью и надежда, я ее держалъ крепко адною рукою за повода, которая также, что ее вода много залыла, стала ослабеватъ и вывалыласъ бокомъ на водѣ, тутъ я весъ со страху уже оцепенѣлъ, хватылся скоряе обеима рукамы лошады за хвостъ, а повода пустылъ, она бедная еще сылу свою понудыла и поплила и меня за собою потаскала; вода и лошадь и меня пришибла къ горѣ къ стенѣ каменой, съ коей нагнулысъ ветвы отъ деревъ на воду, тамъ достала моя лошадь и я землю ногамы, я поскоряе ухватылся рукамы за тѣ отъ деревъ висящие ветвы, а лошадь пустылъ, но что всио сънызу отъ воды камень гладкой и еще въверхъ вылѣзиватъ повисоко, то мучился я тамъ съ четвертъ часа, покудова помочию тѣхъ ветвь наверхъ камня выползатъ могъ, а лошадь моя хатѣла сама туда жь за мною, и скочила переднимы ногамы о каменъ, но что не могла ни мало прихватытца и сколзнула назадъ и обьвалывшисъ въ воду, то и понесло ее далѣ.

Лежалъ я на томъ камнѣ съ часъ места, мнѣ стало худо, надуло у меня грудь, и въ желудке чежело, одрыгатъ стало пополенъ ротъ, то и съ грязыю смешеною водою, я обезьсилѣлъ до крайносты, меня голова заболѣла и дрожь взяла, въздумалъ я лѣчъ на камнѣ по за деревомъ на брюхе сторчъ головою, да бы тѣмъ податъ помочъ натуре, (и то пособыло много, что вода вытекатъ стала), и доходитъ до того, что уже дихатъ не могу, и какъ сие я здѣлалъ и приметылъ, что вода по немного изъ меня выходытъ стала, то еще пособылъ я самъ къ тому, что палецъ въ горло себы воткнулъ и тѣмъ побудылъ натуру отчего стало меня рватъ, и выкинулъ бутылки съ две вады изъ себя, и тѣмъ немного грудь у меня поопустыласъ и дихание мнѣ отворилосъ.

Пришло тутъ ужь мнѣ на паметъ та пребезъмерная жалостъ о супруге моей и о детяхъ, ибо у меня тогда еще и дочъ маленкая трехъ лѣтъ тамъ въ каретѣ съ синомъ была, помыслилъ какую горкую чашу оны всѣ понеслы, и могъ лехко разъсудитъ, что ихъ на светѣ уже живыхъ нѣтъ, когда доказываетъ то, что уже я видѣлъ топящихся безъ кареты лошадей въ водѣ, и то думкамы представылъ себѣ залывшисъ слезамы лежалъ ныцъ на томъ камнѣ, воображая толко о той несчастной ихъ кончине.

На мнѣ всио мое платье адна вода, а къ тому прибавляетца еще болшъ отъ дождя мокроты, и на голове, что опущеную круглую

шляпу имѣлъ, та еще съ зачала пропала, и тако будучи такою мокротою обнятъ дрожала душа во мнѣ и не зналъ, что дѣлатъ и куда повернутца, никово не выжу и никакова крику отъ великова шуму водяного не слишу, напослѣдокъ въздумалъ поднызматца повыше въ гору, не увижулы отътудова каво нибудъ, и тако прихвативая рукамы за деревы койо какъ вигребся на несколко саженей въ гору, и попалъ на одну стезю оброслою травою.

Пашолъ я тою стезою, но она мнѣ помочи не могла дать, ибо она шла такимъ косогоромъ, что на многихъ местахъ, гдѣ естъ помеждy каменыями земля, то та отъ дождевой воды отъмокла и подь ногами моимы отъвалыватца стала, отъ чего я раза два было осунулся вънызъ и мало стремъголовъ въ воду опятъ не полетѣлъ.

Въ такой моей тогда горесты крайнѣ истощалъ и обезьсилѣлъ, а тѣмъ еще болше, какъ на мысли станетъ мнѣ предьставлятца любезная моя супруга и дѣты, какую несчастною смертыю жизнъ свою кончилы, и что оны таперъ, гдѣ нибудъ подь тою мутною водою гробь свой имѣютъ, то помисливши о томъ, не дозволяла мнѣ жалостъ моя ни шага далѣ вступытъ, и не иначе животъ и сердце во мнѣ замертвеетъ и съвернетъ меня дугою, повалылся на землю по за деревомъ лежалъ безъ чувства мынутъ несколко.

Мучился я въ такомъ пребеднѣйшемъ и горестномъ состояніи часовъ болѣе трохъ и зачалъ еще несколко далѣ въ гору ползатъ и дошолъ съ великою трудностыю еще несколко въверхъ, тамъ уже такъ ослабѣлъ, что у меня сталы глаза мутытца и потемнѣло, что я не могъ ничего видѣтъ, а всио жолтое и красное представляетца предь глазамы, а на сердце и на животѣ чувствую болъ чрезъвычайную, и я сталъ думатъ, что ужь и смертъ моя тутъ будетъ, но о бедная тваръ! человѣкъ чего онъ снестъ не можетъ и чему лы неподьверженъ, я повалылся за кореныемъ адного дуба лежалъ тамо несколко мынутъ, покудова мнѣ немного глаза отъворилысъ и видѣтъ могъ.

Пошолъ я опятъ далѣ въ гору ползатъ и весъ обьмазался грязию, что ничего чистаго на мнѣ не осталосъ, нашолъ тамо другую стезю, коею люде пешие ходятъ и была получша первой, однако всио косогоромъ и съ опасностыю ходить было можно, я тою стезою по за каменыямы и по за деревьямы пошолъ нибы то назадь въ ту сторону отъколъ мы приехалы, и подьнялся такъ височо вь гору что ужь та несчастливая вода показаласъ мнѣ гаразда ниско, а та стеза повела меня какбы воокругъ того несчастнаго места и той поля-

ны далѣ назадъ, коею уже положился я слѣдоватъ куда бы то она нывишла, лышбы въ какое нибудь селение попалъ еще до вечера.

И тако идучи по маленку слишу весма мало въныжу голосъ адного человѣка, я оставовился и дослушался еще разъ и другой что кричитъ, то ужь мнѣ и былъ знакъ что надобно бытъ каму нибудъ изъ моихъ людей, я повернулъ съ той стезы въ сторону и сталъ съ камня на каменъ спускатца вънызъ и по ближе къ тому что слишу голосу, и какъ болшь половины въниэъ уже спустылся и водяной шумъ опятъ мнѣ уши наполнылъ, то того человѣка голосъ не могъ болѣе слишитъ, однакъ я то не оставылъ чтобь туда не доитытъ и зачалъ далѣ съпускатца уже наприметъ къ тому месту отъкуда тотъ голосъ мнѣ слышенъ былъ, и пришедь вънызъ къ водѣ гдѣ не много плоское по край водѣ место было, пробравшисъ чрезъ лѣсъ туда, вижу прегоркую свою жалость карета моя лежитъ бокомъ между камениямы вся изламана въ дребески и кучеръ мой возлѣ оной седитъ на камню.

Человѣкъ сей былъ Малоросиянынъ и служилъ у меня еще прежде годъ адынъ, и я его тогда съ собою възялъ какъ съ поселеныя по Черногорской камысіи въ Цесарию поехалъ.

Онъ какъ меня увидѣлъ въсталъ и нѣчто кричитъ, быетца рукою въ груды указывая въниэъ по водѣ рукою, я тоже къ нему кричу и спрашиваю, хотъ между намы не болѣе трехъ илы четырехъ саженѣй разъстояние было, но ны онъ меня ны я его отъ великаго шуму водяного чрезъ каменыя текущаго что говоримъ слишитъ не можемъ, а примечаю что плачетъ и показиваетъ опятъ въныэъ по водѣ рукою, изъ чего я разумѣлъ что мою супругу съ детмы и совсѣмы вода затопыла и съ собою понесла.

Я тутъ повалылся на землю оплакивалъ свою несчастливую судбыну, залылся слезамы лежалъ несколко ницъ на томъ местѣ и потомъ повернувъ голову къ той несчастной каретѣ, вижу кучера моего что онъ по прежнему всио нѣчто ко мнѣ кричитъ и указиваетъ непрестано рукамы въныэъ за водою и на карету повторяя разовъ несколко, я то сочелъ за всио адно что и прежде я разумѣлъ что потонулы и пошлы за водою, но какъ онъ опятъ въ карету указивалъ и машетъ на меня рукою показивая знакъ чтобь я туда поглядѣлъ, тогда я въсталъ съ земли падошолъ туда поближе и не много въ воду въступылъ посмотрѣлъ насколсъ въ карету, о чудо вижу мою маленкую дочь жива и держитъ ее дѣвка на рукахъ въ водѣ обое

Мы оба тутъ между собою мынамы надогадь говорилы а слышитъ адынь отъ другаго голосъ отъ того шуму водяного ни мало не можемъ, я ему показываю знакъ чтобь онъ отъпуталъ веровку коею былъ напередѣ съ серѣбряною посудою сундукъ привязанъ (каторой уже разбытъ и осталысъ толко аднѣ боковые съ колцамы жеѣзнимы на той веревке доски а болѣе уже ничего нѣтъ), и чтобы ту веревку аднымъ концемъ прекинутъ ко мнѣ и указываю ему что привяжу за дерево, а другой бы конецъ привязаль онъ къ дронге отъ кареты и по оной шолбы чрезъ воду ко мнѣ, на сей мой нѣмой языкъ кучеръ помахиваетъ головою и рукамы даетъ знакъ что не разумѣетъ, но какъ я ему повторятъ о томъ сталъ и указываю о моей для него думке то ужь догадался и отъпуталъ веревку, которая была новая потолста и длина доволно, здѣлалъ такъ кинулъ разъ ко мнѣ но недокинулъ до рукъ моихъ, патомъ согнулся въ воду и досталъ рукою исподьногъ своихъ не болшой каменъ завязалъ около онаго адинъ конецъ веровки а другой за дронгу отъ карети, прекинулъ каменъ съ веревкою ко мнѣ.

Я взявши тотъ часъ потянулъ веревку сколко моей тогда силы доставало обьмоталъ около дерева и завязалъ, и указываю чтобь шолъ по веровке ко мнѣ чрезъ воду, онъ прекрестясъ вѣступылъ въ воду, и счастие еще что тутъ место плоскодоное случилосъ и не весма глыбоко мало что по выше пояса пребрелъ ко мнѣ.

Вижу я что нѣтъ другова средства какбы дитя и дѣвку отьтуда вынестъ окроме толко что кучеру опятъ туда по той веровке итытъ и дитя винестъ, я ужь тутъ приказание яко слуге оставылъ въ сторону, а прошу кучера и говорю ему пайди пажалуй мой Феодоръ вынеси дитя изъ той опасносты, видишъ мою беду и что таперъ на тебя надежда осталасъ.

Онъ тотъ часъ согласился то здѣлатъ, но говоритъ что де мнѣ отьтуда адною рукою держатъ дитя, а другою хвататца за веровку надобно, такъ ежелы быстрота воды подьшибетъ у меня ноги, то я неровно адною рукою заверовку не удержусъ и упущу дитя въ воду и пропадетъ, сей оть кучера отъвѣтъ замѣшалъ мысли мои и не зналъ такъ скоро что ему сказатъ, и думаю что можетъ оно такъ и бытъ какъ онъ говоритъ, однакь онъ скоро мнѣ другой советъ подалъ и говоритъ не изволытелъ приказатъ чтобь я дитя привязалъ по подьрукамы веровкою, коя тамъ въ переды лежитъ въ кожаномъ ящике подо мною, гдѣ я на козле сижу, я де оную держалъ для увязывания въ дароге мешковъ съ овсомъ, и ежели бы я сохраны

воды, да васъ приметытъ не могъ и въ томъ страхе подумалъ что вы потонулы, а болѣе ничего не знаю что съ вамы здѣлалосъ, для того что гледѣлъ какбы карету спастъ, но тажь вода какь и на насъ ударила, то въдругъ понесло насъ вънызъ за водою, а лошады поплилы и тотъ часъ зачало карету качатъ и бытъ о каменья и бокомъ опрекинуло.

Я де хватылся говоритъ кучеръ кое какъ за козлы а лошадей со всѣмъ передкомъ какъ шворенъ изъ переднѣй осы вышатало и выпалъ, понесло въ сторону и толко что видѣлъ какъ ихъ обьматало вокругъ одного тамъ стоячего дерева и форейтаръ заветвы отъ дерева хвататца сталъ, а насъ отъделыло съ каретою и понесло ламатъ и опрекидиватъ чрезъ каменья, и я де бариню говоритъ кучеръ еще долго живую видѣлъ въ каретѣ кричала, но спасеныя никакова ни кто датъ не могъ, а толко что я придержалъ ее за руку, а синокъ де вашь сперва еще былъ живой и держала его служанка, но вскоре уже ни служанки ни его видѣтъ я не могъ, потому какъ ударило насъ обь каменыя и опрометомъ прекинуло, то де я тогда самъ погрузился въ воду и со страху не знаю и самъ какъ оторвало бариню изъ руки моей, и осталасъ у меня толко адна ея перчатка, и что далѣ съ баринѣю здѣлалосъ я ужь ничего не знаю и не видалъ, и потомъ такъ какъ таперъ вы видите что карету на сіи каменыя занесло и остановиласъ, и здесъ уже я увидѣлъ дитя съ дѣвкою что еще оны живы, а за тѣмъ зачалъ непрестанно кричатъ искалъ тѣмь своего спасения, покудова уже вы то услишилы и кь намъ самы пришлы.

Всякъ можетъ вообразытъ себы, какова тогда моя печалъ и жалостъ была, что лышился всего имущества ето бы еще нѣтъ ничего и малостъ противъ жизны человѣческой, а то потѣрялъ въдругъ свою любезную супругу и единаго сина въ адну мынуту, и самъ тутже смертную чашу пылъ.

Я бился и плакалъ на томъ местѣ смотря на ту изъламану карету, претвориласъ она мнѣ жалостнымъ зрелыщемъ и гробь дражайшей моей супруге и сина единаго, о горкое мое несчастые говорю самъ въ себѣ, пролежалъ я на томъ местѣ за место мертваго и какъ внѣ ума человѣкь ни мало не зналъ что предьпринятъ, а смотрю толко на ту злосчастную карету и ожидаю ни бы то изъ неѝ еще супруга моя ко мнѣ выдетъ но однако всуе.

Кучеръ мой на то время былъ мнѣ наилучшимъ товарищемъ, онъ сталъ меня уныматъ и советоватъ чтобь стого места итытъ

протчь, и лучше де пайдемъ говорить онъ пешкомъ по маленку въ то село где мы ночевалы, както надобно бытъ не далеко, и еще до вечера заранѣе туда притытъ можемъ и пошлѣмъ мужиковъ искать своихъ людей и узнаемъ остался лы изъ ныхъ кто жывъ илы нѣтъ.

Такаву совѣту моего кучера я послѣдовалъ брося то злосчастное место, пашлы съ великою трудностыю чрезъ лѣсъ и на гору, кучеръ възялъ дитя на руки и дѣвка за нымъ а я попередь напримеръ туда где та стезя лежитъ каторою я шолъ, нашлы мы ее и пошлы по оной, каторая насъ и повела по край той поляны и текучей воды просто въ то село гдѣ мы ночевалы, однако я ежели бы еще не много далѣ было то бы не дошолъ, такъ силы мои изътощилысъ и ногамы хадытъ не могъ.

Мы вошлы къ нашему бывшему хазяину на дворъ онъ былъ уныятской попъ (о коемъ я выше говорилъ что въчерасъ салому у него для лошадей купылъ), сей доброй человѣкъ какъ меня увидѣлъ въ какомъ состояніи преднего я представылся, то подьнялъ руки ужаснулся и говоритъ, ахь Боже мой вы конечне какое ныбудь въ дароге несчастые понеслы, я ему на то отъвечаю что такъ, но между тѣмъ зделай мылостъ говорю я ему, раскладите поскоряе огонь и отъгрѣйте душу во мнѣ и у сего беднаго дитяты и сироты уже безъ матеры своей, и прикажи пожалуй прошу я его и въ трубу затопыть, чтобь въ горницы чрезъ ночь тепло было.

Тотъ часъ часъ онъ съ своею попадыею хватилысъ и огонъ тутъ въ сенахъ гдѣ и очакъ для вареныя у ныхъ былъ разъклалы огонь и мнѣ простерлы на чемъ лѣчъ, попадыя заплакала смотря на то бедное мое дитя, каторое чуть толко что дыхание въ себе имеетъ, възяла оное къ себѣ на руки и тутъ около огня отъгрѣватъ ее стала, а я прошу попа чтобь нанять поскоряе мужиковъ на лошадяхъ верхи сколко можно будетъ сыскать таковыхъ болше и послать туда на ту поляну сказавъ ему и тѣ урочищи того несчастливаго места, онъ тотъ часъ догадался гдѣ оно естъ, и говорю ему чтобь мужики туда ехалы, какъ имъ всѣ тѣ места сведомы, и искали бы моихъ людей съ заводнимы лошадмы и двухъ повозокъ.

Попъ немедлѣно побежалъ на село съкликалъ людей ково онъ зналъ и отбиралъ, и съ тѣмъ чтобь мнѣ сказатъ, вернулся ко мнѣ назадъ, уверяя что мужики надеждные и поскакало де ихъ туда верхами человѣкъ до десяты, и что конечне вездѣ искатъ будутъ.

Я сталъ разъсуждатъ какбы сискатъ и мертвые тѣла и тутъ похороныть, о томъ я также сказалъ попу и прошу его чтобь онъ на свое попеченые то възялъ, на что сказалъ что съ охотою онъ во всѣмъ въ помочъ мнѣ быть готовъ и не отказываетца, но де севодня ничево изъ того бытъ не можетъ, адно что уже и до вечера не далече и мало дня остаетца,а друго и то говоритъ онъ что вода обще велика и надобно пообождатъ не протечетлы чрезъ ночъ, и останутца многие места отъкриты, и завтра то можемъ дѣлатъ, а я де еще сею дня скажу людямъ чтобь по утру рано поехатъ и тѣла отъискатъ, обънадеживъ при томъ меня что конечне тѣла найдутца и что о похоронѣ и о протчемъ что ктому принадлежитъ беретъ онъ во всѣмъ на свое стараные, и спрашиваетъ угодноль мнѣ будетъ чтобь онъ о семъ моемъ несчастыи далъ знатъ вышедшему отъ ихъ уныятскаго изъ Мончача мытрополыта архидиакону, при коемъ еще и адинъ протопопъ естъ и не далече вь другомъ селѣ находятца и ходятъ вь зъборе съ церквей и отъ мужиковъ уреченую роковую мытостину, такъ ежелы прикажете говеритъ онъ я кь нымъ напышу и попрошу чтобь при похоронахъ были.

Сему не хотѣлъ я противытца, а разъсудылъ что християнство всво адно, а паче уныяти что съ восточною церквою почты разьницы нѣтъ, и что естъ пристойнѣе предать тѣла кь землѣ по християнскому обычаю нежелъ безо всего и просто закопатъ въ землю, для чего и говорю я сему священыку чтобь онъ то здѣлалъ и просилъбы ихъ моимъ именемъ, и привели бы оны. съ собою еще несколкихъ духовныхъ для отъправленыя по закону християнскому похоронъ, и еще къ тому працу я моего хазяина о свечахъ восковыхъ, и о плотникахъ кои гробь дѣлатъ будутъ и адну ялювицу на мясо къ обеду, и живносты изъ птыцъ дворовыхъ, и другое что потребно къ похоронамъ будетъ, чтобь онъ сискатъ постарался, обещавъ ему за всио то заплатытъ съ великою моею благодарностыю, онъ о всѣмъ томъ къ исполненыю принялъ на себя, и тотъ часъ отъправылъ пьсмо къ тому архидиякону и къ протопопе чрезъ нарочнаго.

На томъ уже и поздия вечеръ настигла и тѣ посланые мужики вернулысь и ведутъ съ собою всѣхъ моихъ людей и заводныхъ лошадей, кои какимъ образомъ спаслысь ежелы всио опысиватъ то было бы изъяыснимъ читателю затрудненыемъ, а доволно будетъ и того какъ оны сказывали что видя таковъ страхъ и что со мною и съ каретою моею здѣлалось, тотъ часъ повипускалы изъ рукъ заводныхъ лошадей, спешилы назадь какъ можно скоряе, а за ними уже

самы лошады по водѣ бречы покудова та болшая вода ихъ нагнала и поплилы, и такимъ стремленыемъ пришибло ихъ къ горѣ въ разные места, и тѣмъ отъ смерты спаслысъ и повиходилы на землю и тамъ уже коио гдѣ лошадей по краямъ понаходилы и преловилы, при чемъ однако шестеро жеребятъ пропало, и будучи въ такой опасносты не смѣлы никуда съ тѣхъ местъ тронутца покудова сихъ посланыхъ мужиковъ не увидѣлы и приклыкалы къ себѣ, и оны ихъ уже изъвестнимы имъ местамы опятъ чрезъ воду провелы.

Но повозокъ обеихъ нѣтъ, хотя ихъ тѣмы мужикамы и найдено изъламаныхъ по между каменыями, да что во оныхъ лошады упуталысъ и вода ихъ задавила, то потому тѣхъ повозокъ тамъ до завтре і бросилы, а людей что на оныхъ были, коновалъ и два погонщика нашлы живыхъ, и форейтара тоже найдено на томъ дереве около коего цуговые лошады въ шорахъ обмоталысъ и всѣ шестъ тамо подавилысъ.

Всѣ послание мужики собралысъ ко мнѣ требуютъ за свой трудъ что ездилы заплаты, то я тутъ въспомнылъ какъ еще Богъ [illegible]ка при всемъ несчастіи своею милостыю не оставляетъ, и остает[illegible] ему еще что ныбудь на пропитание, а какъ имѣлъ казеные денги [illegible]олотѣ всѣ что осталосъ отъ покупки лошадей, и въ Такае еще получилъ, каковыхъ всего было до тысящи червоныхъ и содержалъ ихъ [illegible] въ череве, искоихъ надлежало всякой денъ издерживатъ какъ за фураж, такъ и людямъ наемнымъ кои лошадей ведутъ даватъ денги [illegible]и поденно, для ихъ пыщею продоволствия, то чтобы не ходытъ въсякой часъ въ сундукъ и мыноватъ тотъ трудъ что на дожде отворятъ [illegible] и отъвязыватъ, и тѣмъ время терятъ, для чего я тотъ черезъ со вс[illegible]мы червонцамы привязалъ около себя въ место пояса подъ камзо[illegible]ломъ, и тако ево носилъ и денги для изъдержки всякой денъ вин[illegible]малъ, то и осталысь тѣ казеные денги всѣ въ целосты, и то пр[illegible] семъ несчастіи послужило мнѣ въ помочь что еще было чѣмъ въ д[illegible]роге пропытать себя, а иначе бы пришло умеретъ съ голода ил[illegible]ы распустыть людей, а покупныхъ лошадей по чему ныбудь статъ пр[illegible]даватъ и тѣмъ уже до Россіи доехатъ, ибо мое собственное что въ сундуке имѣлъ болѣе двухъ тысяцъ червоныхъ то всио до [illegible] следнѣй копейки пропало, а ктому и весъ еквипажъ на веки потѣр[illegible] адной сребряной посуды что я въ Виенѣ искупылъ было до сорок[illegible] фунтовъ, а гдѣ еще другие коио какие харошие вещи что я имѣл[illegible] и всего того уже болѣе мои глаза не видѣлы, а тѣмъ болѣе что [illegible] токмо изъ того села мужики но и изъ другихъ околышнихъ дереве[illegible]

[illegible] усилилы, то сътекалысъ туда на то место сискиватъ где что [illegible] могуть и съ тъмъ какъ съ добычию отъхадилы, а я остался [illegible] толко одеже коя притомъ несчастии на мнѣ была и съ адною [illegible] рубашкою и въ томъ тогда веио моѣ имущество состояло, [illegible] голове ещѣ ни шапки и шляпы нѣтъ.

Я ту первую тутъ у попа ночъ хотя и лѣто было, но какъ же [illegible] отъ воды презябъ и весъ мокръ былъ, то затопленая въ гробу [illegible] была мнѣ великою къ моему оживотвореныю помочию, что [illegible] едва душу свою согрѣть могъ, ны я чего елъ ни пылъ такъ [illegible] горестно было, уснулъ правда не много но и то въ великой [illegible] и безъ ума лежалъ, а какъ уже денъ сталъ вышелъ я на [illegible] выжу что на воздухе еще облака велики и мутятца но дождь [illegible] сталъ и ветръ не много дутъ сталъ.

[illegible] Хазяинъ мой попъ пришелъ ко мнѣ сказываетъ что мужиковъ [illegible] уже отъправилъ тѣла мертвие искатъ, и той болшой водѣ на[illegible] бытъ что ужь протекла, по приметамъ что тѣхъ съ горъ дож[illegible] ручеекъ коя вчерасъ текли уже таперъ нѣтъ и потому тѣла [illegible] сыскатъ будетъ можно.

Съпустя потомъ часа съ два приехалъ тотъ мытрополытскы ар[illegible]конъ съ протопопою и съ двумя еще священыкамы и аднимъ [illegible] диякономъ, сей архидияконъ былъ человекъ весма ученъ и [illegible] его разговоры слушатъ, онъ здѣлалъ мнѣ къ моему утеще[illegible] маленкую проповѣдъ упомыная Иева праведнаго, и что боже [illegible] определеные есть неиспытаемо и судбиною своею всякъ чело[illegible] доляженъ бытъ доволѣнъ и Богу благодаренъ.

За симъ прошло время еще несколко и по часамъ архидиякона [illegible] налывшисъ вчерашны денъ воды стали) было уже ади[illegible] часовъ предъ полденъ, едутъ верхи тѣ посланые мужики и [illegible] найденые мертвые тѣла на двухъ телѣгахъ, на одной была [illegible] супруга съ синомъ, а на другой лежала служанка, а болѣе ны[illegible] ныже малѣйшей вещи, и водятъ мою верковую лошадь найде[illegible] въ край берега въ лѣсе запутаную въ повода ногамы, съ сед[illegible] но пыстолетъ въ олстрахъ нѣтъ, о коняхъ я ужь и не опра[illegible]валъ.

Въстретылъ я на дворе везомыхъ ко мнѣ жалостныхъ гостѣй, [illegible] рукамы своимы мою любезную супругу и сина, лежащихъ [illegible] чувства и безъ дихания погруженыхъ жестокою смертью, обь[illegible]валъ слѣзамы моимы лица ихъ, плакалъ и былся надъ нимы, но

всно то помочи никакой мнѣ не дало, я сумнѣвался долго не живилы оны, ибо лица ихъ ни мало на мертвыхъ не походилы и показалысь мнѣ за место съпящихъ, тутъ я увидѣлъ что у супруге моей на одно руке толко естъ перчатка, и въспомнылъ какъ кучеръ мнѣ говорилъ что ему изъ рукъ супругу мою вода оторвала осталасъ другая перчатка у него, и въ томъ я поверилъ.

Тѣла вънесены въ другую напротивъ горницу, около коихъ первѣе приступыла попадыя съ другимы собравшимся изъ села женщинамы дѣлатъ и приуготовлятъ должное къ погребенью, а потомъ священыки зажглы свечи и зачалы евангелій читатъ.

А хазяинъ мой съ архидиякономъ въвелы меня подь руки въ другой пакой, время тотъ денъ покудова всно къ потребенью приуготовлено было, продолжалосъ до вечера, а въвечеру уже поздо понеслы тѣла въ церковъ, и дочитывалы священыки евангелія чрезъ [illegible] всю ночь и почты до света.

На другой день была обедня на славенскомъ языке, такъ [illegible] обыкновено унияты сходно съ восточною церквою служутъ, кою отъ[illegible]правлялъ протопопъ съ другимы свещеныкамы и съ дыякономъ, а по окончаныи оной зачалы пѣтъ и читатъ на похороны, при чем [illegible] уже начальствовалъ тотъ архидияконъ и по окончанія пѣния и про[illegible]повѣдь онже говориль, и съ тѣмъ по закону християнскому тѣла су[illegible]пруги моей съ синомъ въ адномь гробе и подь адною кришкою пр[illegible] той же церкве за олтаремъ въ землю положены.

По окончаніи похоронъ былъ обедъ готовъ, велѣлъ я перв[illegible] всѣхъ нищихъ собратъ, далъ имъ за душу усопшихъ по моему то[illegible]дашнѣму состояныю милостиню, и приказалъ накормитъ ихъ.

Всѣ трудящіися обедалы, но я отъ великой моеи жалосты [illegible] могъ обще съ протчимы за столомъ бытъ, а лежалъ и оплакива[illegible] свою горкую судбыну, мнѣ изъ паметы сей злосчастной случай [illegible] выходылъ, и мое тогдашнѣе состояние всякаго человѣка кто то[illegible] меня видѣлъ приводыло въ сожалѣные, а особливо сей многочести[illegible] человѣкъ архидияконъ не оставлялъ меня въ то время, что толко о[illegible] своимы разговорамы изобрестъ могъ къ моему утешенью.

Я всѣмъ священыкамъ за труды заплатылъ чѣмъ оны были [illegible]волны, но архидияконъ ныже чего вьзятъ отъ меня не хотѣлъ, [illegible] сколко я о томь его ни просилъ, но онъ остался на томь и ничего не взялъ, а толко сказалъ что знакомъ благодарносты его будетъ то,

стды я ему изъ Кеева чрезъ оказыю до сего села пришлю некоторыхъ нашего славенскаго языка книгъ, какову малостъ тогда что обѣщалъ то потомъ я и исполныль, мнѣжь при томъ надобно было по долгу учинить и церквы сей какое подаяние, почему тогда изъ тѣхъ состоящихъ у меня казеныхъ денегъ несколко я и далъ, а о вещахъ и денгахъ что моего собственаго пропало, то о томъ сдѣлалъ всему лысъ и вѣручилъ оной къ сведению моему хазяину а той церкве священыку, съ прошеныемъ чтобы какъ что за моимъ отъездомъ найдетца содержатъ въ целосты, и датъ о томъ находящемуся въ городѣ Такае нашему Россійскоме майору Жолобову знатъ, къ коему я также о случившемся надо мною несчастыи пысалъ, и означилъ сколко чего еще въ прибавокъ той церквы датъ, на помыновение усопшихъ.

Однако потомъ какъ ко мнѣ писано, что толко некоторая частъ изъ сребреной посуды у мужиковъ найдено и отыскано, а протчего ничего нѣтъ, то потому уже я яко всио и такъ пропащее приныслъ и то найденое къ оной церкве, и на томъ осталось и подмесъ.

Мнѣ тутъ при разговорахъ тотъ архидияконъ съ протопопою и съ моимъ хазяиномъ сказывалы, какъ въ тѣхъ горахъ когда лѣто дождливое, что отъ великой чежелосты и густоты на воздухе облака розвалываетца и выиетца дождевая вода разомъ на землю, и зделаетца потопъ нечаяно такъ великъ, что у людей не токмо пашню и сена съ поля посносить, но много скота пропадаетъ и людей захватитъ и потопляетъ, такде то самое говорилы оны и тапѣрь надъ вамы таково несчастые было, что вы на тотъ часъ въ такомъ мѣстѣ на дарогѣ случилысь, мнѣ сие и пришло на паметь что оное то и было, какъ я предсобою на томъ мѣстѣ услышилъ на горѣ великой шумъ и треокъ, и конечно тогда изъ облака такова вода разомъ вылилась и ко мнѣ стеною навстречу пришла, и насъ потопыла.

О такомже изълыяніи изъ облака дождевой воды и что облакъ отъ чежелосты на воздухе прорватца можетъ, свидетелствуетъ Вулфіусъ въ своей Физике въ опысаніи облаковъ (что называетца по немецки ein Wolken Bruch) стран. 89 парагр. 125 и таково несчастые случилосъ со мною 1758 года, Іюля 18 дня.

Тотже денъ после полъденъ, простилысь со мною архидиаконъ съ протчимы своимы и поехалы, а я остался адинъ съ моимъ хазяиномъ и здѣлалъ съ нымъ щчеть сколко мнѣ должно за данное отъ него къ похоронамъ коно чего заплатытъ, а также и за его трудъ датъ

сколко нибудь надобно; то всио вьместѣ сочовши я ему заплатылъ и поблагодарилъ, а при томъ что у меня на голове ничего нѣтъ купылъ я у него чорную поповскую шляпу.

Надобно знать что въ сихъ Карпатскихъ горахъ въ Венгріи надъ границею Полскою не иной какой народь живеть а всио Славяне, и языкъ свой природны Славенски имѣютъ, и вѣры Греческаго исповѣданія состоятъ, но что издавныхъ вѣковь превернуты къ Уныи, и своихъ священыковъ имѣютъ кои всю церковную службу по закону Греческаго исповеданыя на Славенскомъ языке отъправляютъ съ тою толко разныцею что главу церквы, Рымскаго папу, признаютъ.

Я при всей моей тогда горесты долженъ былъ еще подумать о томъ, что съ моимы покупнимы лошадмы на дворе дѣлаетца и имѣютли оны какой ныбудь кормъ, а также и о томъ что на чемъ еще будетъ ехатъ, и оставшуюсь мою послѣ матеры сироту, маленькую дочь вестъ, коя заболѣла и толко что жыва, и дѣвка ее тоже болна лежитъ, для чего призвалъ своихъ рейтаровъ и говорю съ нимы всѣмъ томъ, на что говорятъ оны что вьчерасъ нашлы у мужика вазокъ адинъ травы и купилы да еще здесь у хазяина взялы остаиную саломy что у него было и тѣмде немного закормилы лошадей, а на сию идущую ночь ничего болѣе и нѣтъ, а о повозкахъ что тамъ въ водѣ съ мертвимы лошадмы найдены сказываютъ оны что мужики привезлы, то тѣ несколко починѣны хотя уже безъ былтецъ но итытъ въ дарогу могутъ, въ коихъ что поклажы было всио пропало окроме толко адинъ разбитой и поламаной ящикъ съ конескимы медикаментамы что привезено, но и то толко въ некоторыхъ жестяныхъ банкахъ, а протчее что въ штофахъ микстури было ли то побыто и пропало, и коновалде тѣ банки поотворялъ и всѣ тѣ медикамента повынималъ и сушитъ и на то чтобъ вькладатъ уже другой ящикъ здѣланъ.

Мнѣ уже тутъ въ томъ селѣ бавитца и отыскиватъ свое потерянное имущество ни какъ было не можно, по притчинѣ что лошади померли бы конечне съ голоду, то и принужденъ былъ положит на томъ что всио бросить и завтре ехатъ въ дарогу, дабы ускорит какъ можно выехатъ изъ Венгріи за границу въ Полшу и там дѣ удобно будетъ остановитца и лошадей старатца отъкормыть, иначе могутъ всѣ пропасть, для чего велѣлъ я своимъ рейтарам чтобь оны тутъ на селѣ пашлы и наняли мужичихъ лошадей и упряжке въ тѣ свой изъламаные павоски у коихъ колеса целы былы

и быть готовымъ къ отьезду, да проводниковъ двухъ до перваго ночлега также чтобь нашлы и нанялы.

По утру рано я всталъ чрезъ силу, ибо здаровые мое тогда весма слабое было, да что жь дѣлатъ нѣчимъ пременытъ и надобно ехать мнѣ, сказано что ужъ вси приуготовлено, а денъ показался не много светлой и воздухъ сталъ чиститца, а вода поуменшиласъ и протекла столко что безъ опасносты ехатъ будетъ можно, я вышелъ на дворъ и приказалъ подьвестъ адну повоску къ дверямъ поближе, въ кою чтобъ въложытъ болную мою маленкую дочь съ ее дѣвкою, а что по тогдашнѣй уже моей бедносты не было чего подь ныхъ ни подослать ни прикритъ ихъ чѣмъ, окроме толко что велѣлъ несколко полотяныхъ попонъ са лошадей заводныхъ сънять и въ оные дити свое обьвернулъ и въ повоску положылъ, да попадыя изъ сожалѣныя подарила ей адну небоашую падушку, и въ томъ весъ еквипажь состоялъ, и посадя для присмотру тутъ на ту повоску своего кучера велѣлъ виехатъ на улыцу, а за нимы и другой павоске на коей коновалъ съ другимы моимы людмы велѣлъ тоже виехатъ и тамъ на улыце пообождатъ, и съ тѣмъ простясъ съ моимъ хазяиномъ попомъ поблагодаря его и попадыю за ихъ оказаную мнѣ милостъ со двора ихъ выехалъ.

Яжь надобно знатъ что более ничего не имѣю, окроме толко своей адной одежи что на мнѣ еще естъ, и на тѣле адной рубашки, и купленая у попа шляпа коя мнѣ голову прикрила и въ томъ толко всио мое имущество состояло, и съ тѣмъ селъ на свою верховую утомленую і изнуреную лошадв поехалъ съ надеждою на Бога въ свою путъ.

Проводники мои поперидъ меня ехалы а замною павоски и заводные лошады, но что мнѣ въновъ горестъ мою возбудыло, ибо мнѣ надобно было самою тою прежднѣю дарогою ехатъ и видѣтъ опятъ до несчастное место, каторое погрузыло горкою смертью мою любезную супругу и сина единаго, я сколко ны спрашовалъ проводниковъ и просилъ чтобъ меня оны какою другою дарогою объвелы, однакъ того было мыновать нелзя, а конечне туда слѣдоватъ гдѣ дарога лежитъ.

Мы тотъ часъ за селомъ наехалы на ту воду, коя уже поопала однако была лошадямъ еще по брюхо глибока, и по тѣмъ кривынамъ ее течения преежалы още разъ несколко, и на то самое несчастливое место заранѣе поспѣлы, кое столко много мою жалостъ

усугубило какъ я къ оному месту приближатца сталъ, что я таперь ничего сказать не умѣю опасноль оно намъ было переежать или нѣтъ, ибо я будучи обьнятъ вьновъ моею жалостыю и глаза мои залилысъ слезамы, то и не видѣлъ ничего окроме толко шумъ водяны подь ногама конскима что слишилъ, и лошадь моя за проводникамы шла, и преехавъ ту поляну сталы подьныматца тѣмъ между горамы ускимь местомъ о коемъ я прежде говорилъ, и потомъ слѣдовалы далѣ висотамы и воды болѣе не было, а доехавъ до первой деревны, въ коей осталное уже до вечера время проволъ, было то мало что после полъденъ минуло, однакъ тамъ остался и въ карчме заночевалъ гдѣ немного травы у мужиковъ для лошадей хотя и нашолъ купытъ, но овса ни зерна, отъгаваривалысъ мужики что кто еще онаго не много имѣлъ то и тотъ последни помолоды сами себѣ на хлебъ.

Тутъ ночь провелъ я весма въ бедномъ состояніи, а особливо что у себя ничего не имѣю на чембы лечь и прикритца, то ужь и для себя такъ какъ что и для дочеры зделалъ, приказалъ принести три полотяние съ лошадей попоны, исконхъ две подь себя подослалъ а одною прикрылся, подголову жь болѣе положыть было нычего кроме что пучекъ травы свернутой положылъ и на томъ ночь провелъ, я тутъ въ той деревнѣ нанялъ опятъ двухъ проводниковъ верхамы и шестерыхъ лошадей въ повоски и остаетца намъ отътуда ехать всего до границы и до Полскаго местечка Дуклы три мили что утрешнымъ днемъ мы и зделалы но дорогу весма худую и грязи великую имѣды, чрезъ что лошады такь утомылисъ что една до местечка Дуклы дойдытъ моглы.

Вь Дукле жь какъ я намеренъ былъ несколко дней простоять и лошадей покормытъ, то изо всѣхъ заѣздныхъ жидовскихъ домовъ выбралъ адинъ, каторой былъ наилучшие и просторнѣе для лошадей нанялъ поденно, и у хазяина сено и овесъ сторговалъ и туда къ нему на дворъ заехалъ, гдѣ простаялъ три дня, между тѣмъ что у мена плаща нѣть, то купылъ сукна и далъ пошитъ себѣ плащъ, а у жидовки купылъ новые две падушки, и въ лавкахъ нашолъ войлочняные валеные войлока, кои для подьстилки себе адинъ, а для дочеры другой купылъ, и то составляло тогда всио великолѣпие моей постелы, кою купылъ и тѣмъ зачинаю нужднымъ исправлять, себя кормытъ уже изъ казеныхъ денегъ, для того что у меня собственыхъ ни единой копейки не осталосъ.

Изъ местечка Дукли подьнялся я въ дарогу и продолжалъ путъ свою далѣ, время было еще непрестано худое, пасмурное а иногда дождь шолъ, хотя уже горъ великихъ и не было однако грязь велика была и тѣмъ съ нуждою ехатъ могъ и прибылъ въ городьЯрославлъ.

Сей городь естъ великъ даволно, и торги въ немъ бываютъ болшие, то вознамерился я здесъ также несколко дней простаятъ, адно для того чтобь лошадей покормытъ и людямъ спочинутъ, а друго и то нужда была чтобь повоски исправитъ и покупытъ нуждное что къ дароге надобно, а особливо несколко лошадей къ упряжке въ повоски необходимо потребно было, дабы миновать болѣе затрудненіи и лышную издержку денегъ въ наймахъ отъ места до места мужичихъ подьводь, для чего приехавши въ сие место, тотъ часъ первое дѣло то было что выбралъ такой болшой заездной дворъ и тамъ сталъ.

Хазяинъ того двора былъ прекрестъ изъ жидовъ, у него всио достатъ было можно, онже и седелниковъ и плотниковъ своихъ имѣлъ, что и подало мнѣ способь свой повоски у него починитъ, и кришки на оные кожаные подѣлалъ, а для себя тъкже полской полукритой новой возокъ купылъ, на коемъ уже я съ дочерью моею и далѣ ехалъ и лошадей въ упряжь къ оной трое, а въ повоски также по трое а всего деветъ у тамошныхъ жителѣй нашолъ и купылъ, хотя то и не были лошады отьменые и паристые шерстмы, но были средние и въ такую же цену, кои однако послужилы во всю дарогу харошо и тѣмъ былъ я даволѣнъ, что избавылся еже часныхъ бывшихъ въ наіме мужичихъ лошадей клопотъ, а я и такъ отъ жалосты великой слабь и едва толко что ходытъ могу.

Читателю мой! тебѣ то небудъ противно что я часто о себе упомынаю, что у меня уже своего собственаго имущества ничего нѣтъ, ты видишъ даволно какое несчастые я понесъ и потерялъ всио что имѣлъ, исчего и можешъ лехко веритъ каково мнѣ тогда было, меня крайностъ и пужда приводыть до того чтобъ повторятъ о томъ, о чемъ я прежде говориль, а сказать опятъ то, что у меня осталасъ толко адна рубашка на телѣ коя, отъ того что давно непременѣна и была мокра какъ я тонулъ въ водѣ и обьмарана грязью, то ужь таперъ ни какъ болѣе терпѣтъ ее на себѣ не могу, для чего принужденъ здесъ в городѣ изъ казеныхъ денегъ купытъ полотна и датъ въ разные руки знающимъ женщинамъ чтобь пошилы мнѣ четыре рубахы, а дочеры моей маленкой тоже четыре, ибо и она белная вь томже наровнѣ со мною состоить положеніи, и ничего болѣе не имѣетъ

окромѣ что на тѣле у нее естъ, а ктому принужденъ я былъ себ здѣлать изъ посредственаго сукна бездалныхъ приборовъ афицерско мундиръ, понеже кафтанъ мой утопающій со мною недозволялъ ми уже въ себе людямъ показатца, а также и для дочери моей платьц заказалъ здѣлатъ новое, и тако сие наше одѣяние поспѣло скор и покудова то и другое потребное исправилъ а тѣмъ временемъ лю де и лошады не много спочинулы, то и прошло у насъ въ семъ го родѣ времены шестъ дней.

Отъсюдова изъ города Ярославля какъ я выехалъ время здела лосъ харошое и воздухъ очистился, сонце насъ грѣтъ стало и до рогу осушило и тѣмъ здѣлаласъ путъ наша поспешна, а лошади мои ожилы и стали въ дароге попригиватъ и выжу что и тѣло за чалы на себя прибавлятъ и выровнилисъ харошо и что далѣ то луч ше, для чего и положылъ, я чтобь ни гдѣ раздоховъ болѣе не дѣлат а преходамы умереными путъ продолжатъ, въставатъ рано и ехатъ и гдѣ въ польденъ остановлюсъ тамъ и почеватъ.

Чрезъ Полшу таковы разпоряженіи проежающимъ лехко дѣлат ибо частые города, местечки, и па дороге заездные болшие карчмы тому способь подаютъ, почему и можно вездѣ остановитца гдѣ толк кому угодно, и такимы преходамы проехалъ я всю Полскую по то дароге Украину и приближился къ Россійской границе, и въ послед нѣмъ еще селѣ отъ нашихъ форпостовъ въ полтори мыли разсто ныемъ заночевалъ, и зная что по вступленіи на форпостъ конечн меня остановлютъ и можетъ бытъ еще несколко дней доведетца там и карантынъ держатъ, а въ фураже тамъ нужда бытъ можетъ, на таковъ случай купыль десетъ фуръ харошаго сена и пятнатца четвертей овса, въставши по утру рано изъ того Полскаго села в ехалъ и прибылъ на главной россійской форпостъ называемы Вас ковъ, тамъ меня остановилы и показалы место въступытъ въ кар тины домъ и тамъ бытъ покудова отъ оберъ-коменданта Киевск пришлѣтца повелѣние илы безъ карантина меня пропустытъ илы ск ко дней тамо простоятъ.

На то время бывшаго прежде въ Киевѣ оберкомендантомъ Ли на Івановича Костюрина уже не было, а определѣнъ туда генерал губернаторъ Петръ Ивановичъ Стрешнѣвъ, отъ коего и повелѣни обо мнѣ прислано что инаково бытъ нелзя, а долженъ я выдержатъ карантынъ дней десетъ, и потому уже я тамо расположился и лошадей поместылъ въ конюшнѣ і въ сараяхъ въ томь карантиномъ доме

состоящей, и послалъ завтрешни денъ назадъ въ то Полское село чтобы еще болшъ сена и овса купытъ и привестъ.

Домъ сей карантины построенъ былъ по нужде, чтобь толко было гдѣ подклонитца въ несколкихъ нискихъ просто дѣланыхъ покояхъ, и на дворе состояло конюшня и сарай также что называетца какь ныбудь дѣлано, а впрочемъ ничево нѣтъ окроме чистое поле (не знаю таперъ каково тамъ видѣтъ, ибо я съ того времены болѣе тою дарогою не проежалъ), а настоящее селеные Василковъ называемы, съ церковью, домомъ монастиря Печерскаго, и протчимъ строеныемъ до таможны надлежащее, съ неболшимъ ктому укрепленыемъ, то всио состоитъ еще въ отьдалы отъ сего дома вънутрѣ, и туда никаво прежде видержаныя своего назначеного времены не вътпущаютъ, для чего здесъ въ карантинѣ во всемъ великая нужда бываетъ, а особливо на то время какь я тамъ былъ недоволно чего иного достатъ нѣгдѣ, но и воды нѣтъ, хотя тогда и состоялъ адинъ ново выритой колодѣзь, но и тотъ ни чѣмъ не былъ исправлѣнъ, а толко что состояла адна обьрубленая яма съ весма дурною вадою, кою всякь для себя чтобь доставатъ долженъ былъ носитъ ведро илы что другое а иначе и воды имѣтъ не можетъ, почему люде тамо въ карантине сидящие хадилы за водою съ чѣмъ кто могъ, въ томъ числѣ съ котламы такъ какь и салдаты караулние что дѣлалы, и тѣмы мастными котламы замутили ту воду столко что ее пытъ никакъ было не можно, мои же люде не имѣвъ другой воды здѣлалы такую ошибку что тою негодную изъ колодѣза вадою напоилы лошадей отъ чего тую же первую ночъ всѣ почты лошады заболѣлы, а особливо жеребцы повалилысъ на землю, о коихъ къ ихъ востанию худой знакъ предвещало.

Коновалъ мой сколко искусенъ ни былъ, однако и онъ, такъ какъ и я утрешный денъ отъ печалы ни елы ни пыли, онъ взялся всѣмы своимы искуствамы, какъ бы лошадямъ помочь податъ, а медикаментовъ, коимы я было въ Цесаріи на дорогу запасся, тѣ почти тогда при случившемся надо мною несчастіи всѣ пропалы, осталосъ толко въ некоторыхъ жестяныхъ банкахъ составы сухие, а что въ штофахъ микстури были, тѣ пobылисъ и пропало, коновалъ мой спрашиваетъ, естлы въ Киевѣ аптека, и что онъ рецептъ напишетъ и посылатъ бы въ аптеку купытъ поскоряе.

Я тотъчасъ взялъ оной рецептъ посилаю адного своего рейтара къ форпостному афицеру въ село Василковъ съ требованыемъ о пропуске его въ Киевъ, афицеръ того здѣлатъ не могъ, а далъ своего

ундеръ-афицера и отъправылъ по почтѣ въ аптеку отъкуда, въ в ступывшую ночъ предъ светомъ возвратылся и привезъ, хотя не все что было напысано, однако некоторые нуждние микстуры достави съ коимы уже мой коновалъ здѣлалъ, какъ онъ зналъ приправы давалъ залыванья и пылюли и пускалъ немного жеребцамъ кровъ, томъ тотъ денъ прошолъ, а ползы еще нимало не вижу, зашла у вечеръ, а жеребци мои лежать болние, коновалъ говоритъ, что о еще въ ночи будетъ имъ и въ другой разъ залыванья и пылю даватъ.

Меня сия въстреча новой горесты привела до великой печаль прибавило въ голову мислей, такимъ приключениемъ болшъ все моего страдания, и думаю въ себѣ, какъ еще съ моимы лошадмы за лаетца такое несчастые, что помрутъ, то и комысия моя будетъ в что, на кою я и всю мою надежду полагалъ въ разсужденіи, ест оную благополучно исполню и приведу до своего места лошадей всѣ здаровыхъ и съдамъ съ рукъ оныхъ, чрезъ что надѣялся получи благодарностъ, а при томъ и за мое страдание награжденыя, а т перъ воображаю въ себѣ и всего того лышитца могу, и будучи таких размышленыяхъ не дало мнѣ всю ту ночъ ни мынути адн заснутъ.

По утру рано чутъ толко светъ призвалъ я своего конова спрашиваю его о лошадяхъ, каково имъ, на что отъвечалъ, что ес немного надежда, однако оставляетъ еще до полъденъ и тогда ск жетъ, чего онъ узнатъ ожидаетъ, но при томъ говоритъ онъ, ч конечне воду пременытъ должно, а иначе никакой ползы не будет

Я тотъчасъ послалъ отъ форпостнаго афицера требоватъ, что пропустытъ съ лошадмы въ село Василковъ къ водопою и тамъ, что харошая колодѣзная вода отъведена была сказатъ при томъ ему в лѣлъ, естлы того не здѣлаетъ, убудетъ лошадямъ чрезъ его недозв лѣніе какой упадокъ, то остаетца ужо всио то на его отъвѣте.

Онъ по тому моему требованию не хатѣлъ было дозволытъ, из виняясъ, что безъ повелѣния каманды самъ собою такова пропус ныкакъ яко не выдержалы положенаго времены въ карантинѣ учини не можетъ, однакъ сего нелзя было мнѣ терпѣтъ, какъ коновалъ ск залъ, что послѣ утрешняго залыванья и пылюлъ мынуло уже три ча то де конечне воды харошой дать лошадямъ надобно, и тѣмъ он даетъ решеныя ихъ болезны.

Сие я услышивши (посилатъ и преговариватца съ тѣмъ афи ромъ время не терпѣло) поехалъ я верхомъ самъ туда, не смот

на карaулныхъ удержку, велѣлъ по маленку лошадей за собою вестъ и взявъ съ собою и свои купленые за рогаткамы въ Полскомъ селѣ четыре ведра и два неболшие корита на случай надобносты, приехавъ въ село Василковъ, каторое всего отъ карантинного дома съ неболшимъ адной версты разстояниемъ состояло, остановился у адного съ приезда колодѣзя (тамъ былъ еще и ставъ илы озеро съ водою, но и та не годна) и потомъ налывши въ карита воды, какъ коновалъ сказалъ, чтобь несколко такъ налытую воду на сонце подержать, чтобь холодь немного изъ оной отошолъ, а затѣмъ подалы лошадямъ пытъ, но и то весма мало, и съ тѣмъ опятъ повелы по маленку лошадей назадь, (что я здѣлалъ уже самъ собою безъ дозволения и всякой денъ, покудова тамъ стаялъ).

После сего какъ лошадей напоилы, спустя часа два пронесло всѣхъ лошадей жестокимъ поносомъ и потъ на ныхъ показался, тогда уже коновалъ обрадовался и сказалъ, что даваемы имъ медикаменты харошо подействовалы, и видя и онъ бедни, что я жестоко печалюсъ, то снявъ съ головы свою шляпу приступылъ ко мнѣ и говоритъ (Sorgen sie nicht mehr, ich gebe mein Leben dahin, wen die Pferde bis Morgen nicht alle gesundt werden sein) то естъ не тужите болѣе я де жизныю своею ручаюсъ, ежелы до завтре всѣ лошады здаровы не будутъ; но притомъ еще сказалъ, чтобь постаратца достатъ харошой свежой травы и кормытъ оною, покудова здесъ стаятъ будемъ и то де будетъ гаразда лучше лошадямъ къ очищеныю желудка, нежелы сухое сено.

Такова надежда отъ коновала, что пообождатъ до завтре и что лошады всѣ здаровы будутъ, подало мнѣ несколко облехчение въ моей печалы, я тотъчасъ послалъ записочку, чрезъ адного караулнаго солдата къ тому черноцу, что началникомъ въ томъ манастирскомъ доме естъ, понеже вся та обьширностъ лежащихъ воокругъ грунтовъ и самое село Василковъ къ Печерскому манастирю принадлежитъ.

Прашу я того чернца, чтобь онъ гдѣ ныбудъ показалъ мнѣ кутокъ оставшей отъ косовицы травы для государевыхъ лошадей покосить, однако прозба моя не могла его уши проткнутъ и въ томъ чисто мнѣ отъказалъ, я опятъ тотъ же часъ пышу къ нему и називаю его титуломъ честнѣйшимъ отцемъ и богомолцемъ, и прошу его со всею моею учтивостыю упоминая, что вотъ близъ карантиного дома за кустарникамы по надь лежащимъ балотомъ найдено людмы моимы такое место, что после косовицы осталосъ на ономъ неболшой кутокъ и той тамъ травы вазовъ несколко могло бы бытъ мнѣ даволно, кою

чтобы позволылъ выкоситъ хотя за денги, ежелы неиначе отъда
хочетъ, упомыная ему притомъ, что я лошадей веду государевы
покупныхъ изъ далнѣй страны и что нужда меня въ томъ позва
его трудитъ, однако и та моя прозба отъ него не принята (такой-
гордой калугеръ былъ), даже и отъписатъ ко мнѣ не хотѣлъ, а то
въ отвѣтъ посланому моему сказалъ, что того онъ здѣлатъ не м
жетъ, ибо та трава оставлѣна по надобносты на манастирские до
ние каровы, коихъ тутъ держутъ и собыраютъ масло и малоко д
манастиря, о чемъ мнѣ даетъ знатъ и запрещаетъ траву коситъ.

Мнѣ ужь съ чернцемъ препысиватца болѣе и проситъ его
оставалосъ резона, а травы для болныхъ лошадей конечно было н
добно, то и приступылъ я дерзнутъ и ту святую траву викосит
пущай думаю я въ себе тѣ манастирские каровы, хотя бы масла
малока на продоволство тѣхъ лежащихъ упытаниxъ телцовъ на н
сколко дней и не далы, и была би чрезъ то занесена къ каман
жалоба, то еще несутъ въ томъ великие притчины, и процеса да
нѣго бытъ не можетъ, а велятъ можетъ бытъ мнѣ заплатытъ, что
и таперъ готовъ здѣлатъ, а къ тому помыслилъ я и сие, что и
какой нужде ту траву викосилъ, не оставлю я по приездѣ въ Киев
самъ предь Печерскимъ отцемъ архимандритомъ Лукою (тогдашн
архимандритъ тѣмъ именемъ назывался) принестъ мое изьвиненые.

И тако тотъ же денъ купылъ я у салдатъ караулныхъ две кос
и послалъ людей ту траву коситъ, и нанялъ салдатъ съ своимы т
лѣгамы, чтобь оную по маленку превозытъ, салдаты тѣ были кие
ские гарнизоные и жилы въ Василкове безъпремено, почему и лош
дей для заработку у себя держалы.

Чернецъ услишивши, что я траву зачалъ коситъ, тотъчасъ въск
чилъ самъ, взявъ еще съ собою и мужиковъ съ дрекольямы, хатѣ
моихъ людей отътудова согнатъ и траву кошеную отънятъ, на к
часъ дано мнѣ знатъ, я селъ на лошадь поспешилъ туда, заста
постника туда приехавшаго на колеснице съ расчосаною бородою
лыце угроватой, подьвернулъ волоси подь распущеную шляпу, (ден
тогда оченъ жарокъ былъ), говоритъ ко мнѣ, какъ изъ трубы стра
нымь голосомъ, запотѣлъ отъ жыру едва двигаетца, запрещая тра
коситъ, показывая угрозамы на свою предстоящую асъсистенцию, то
пу мужиковъ съ дрекольями приведеныхъ, и что онъ велитъ мои
людей бытъ, упомыная себя економомъ и что онъ долженъ манаст
ские грунта защищатъ.

Я далъ ему волю поговоритъ сколко ему было угодно, а потомъ сталъ я приноситъ предь нымъ свое оправдание и говорю, оставте батюшка честной отецъ економъ гнѣватца, возмите во уважение о томъ, что я къ вамъ севодня два раза съ прозбою моею писалъ и далъ вамъ знатъ, по какой нужде мнѣ трава сия надобна, и сихъ лошадей, говорю я ему, не веду я на ярмарку продаватъ, илы оны по какому другому случаю сюда зашлы, а веду я ихъ изъ далнѣй землѣ точно для государевой конюшны, такъ разьсудите вы таперь можете лъ вы въ томъ мнѣ забороныть, и могутъ лы ваши коровы съ вашимъ масломъ и молокамы имѣтъ предь симы лошадмы преимущество, и вы говорю я ему постидитесъ самы себя, какимъ образомъ вы сюда вышлы и пристойно лы вашему ангелскому чину съ дреколямы себя въ цублику на забойство здесъ представытъ (разве не знаете вы, что апостолы того не дѣлалы, адинъ толко было съ ножемъ вооружился, но и тому Христосъ запретилъ) войдите въ самы себя, что вы дѣлаетѣ отецъ економъ говорю ему, и естлы хатите за сию траву взятъ у меня денги, то скажите сколко вамъ надобно, илы поставлю я вамъ сколко вазовъ на сие место сена, а буде и того не хатыте, а признаетѣ сᵒбы за обыду, то жалуйтесъ камандѣ и въ томъ отъвѣчатъ я буду повиненъ, а въ драку съ вамы въходытъ я никакъ не хачу, и такъ таперъ, говорю я ему, какъ изволыте, а траву сию я буду коситъ и возытъ.

Онъ покричалъ тутъ на полю еще несколко упомыная, мою поступку насилствомъ и разорениемъ святой обытелы, и что онъ тотъчасъ отъправытъ къ отцу архимандриту свою на меня жалобу, помахавъ тамъ несколко рукамы селъ на свою колесницу и поехалъ.

Примечаю я, что онъ съ великимъ сердцемъ и съ угрозамы поехалъ, думаю самъ въ себе, что вотъ еще новые клопоты мнѣ будутъ, и покудова я въ Киевъ прибуду, то ужь тамъ обо мнѣ будетъ конечне генералу губернатору, (коего еще какой óнъ и не знаю), пресказано много и всио дурное и на выворотъ, и будутъ люде заключатъ сие поступкою непорядка и самоволства, пришло мнѣ притомъ на мыслы немецкая пословица, что говоритца: wen man nichts sonst zu thun hatt, so fange nur mit die Pfaffen wasz an so wirdt genug zu thun da sein, то естъ, ежелы не имѣешъ дѣла другова, то зачны толко что ныбудъ съ попамы, такъ будетъ дѣла даволно, такъ въ самомъ дѣле и сие было.

Тотъ денъ и въ наступывшую ночъ лошады мои при употребленіи имъ потребныхъ медикаментовъ, а также кормя ихъ тою ха-

рошою свежею травою, пришлы несколко въ чувство, и сталы показыватъ видъ повеселяе, а на завтрешны денъ и гаразда было имъ лучше, что и предьвозвещало знакомъ къ совершеному ихъ вздоровленыю, а то наиболше стараныемъ искуснаго моего коновала, коего я за то не токмо что болшъ любытъ сталъ, но и отьменьно содержалъ его, я ему по контракту въ Виенѣ обѣщалъ датъ за толко время что до Петербурга при лошадяхъ служитъ будетъ двесты пятьдесятъ рублевъ, а тогда на Василѣвскомъ карантинѣ что онъ моимъ лошадямъ по своему искуству пособылъ и ожывотворилъ ихъ, то обещалъ я ему еще въ прибавокъ пятъдесятъ рублевъ, и въ Киевѣ пару платья здѣлать, что я исполнылъ, и ужь поилъ и кормылъ его въ дароге на своемъ содержаныи.

Въ последны денъ выдержаного моего карантина, пышу я Киевскому генералъ губернатору Петру Ивановичу Стрешнѣву рапортъ, коимъ ему даю знатъ, какъ я въ прошломъ годѣ изъ кабынета по имяному ея Императорскаго Величества Государины Елисаветъ Петровнѣ отъправлѣнъ былъ въ Венгрию въ княжество Трансилванское, для покупкы ко двору потребныхъ къ заводу лошадей, и что я съ онимы на Василковски форпостъ таковата числа прибылъ и выдержалъ тамо десетыдневны карантинъ, и что нинѣ намеренъ бытъ въ Киевь и задержатца тамо несколко дней, покудова къ осенъней дароге потребнымъ для тѣхъ лошадей себя исправлю, и на таково время для тѣхъ лошадей потребно мнѣ имѣтъ на Подолу конюшню, а также и для людей квартеры, и прошу тѣмъ рапортомъ на ту мою надобностъ отьвода, упомянувъ притомъ сколко числомъ лошадей и людей я при себѣ имѣю, и съ тѣмъ рапортомъ тотже денъ предъ моимъ выступленыемъ отьправылъ одного своего рейтара по почтѣ туда въ Киевъ, съ приказаныемъ чтобь онъ завтрешны денъ или послѣ завтре выехалъ ко мнѣ на встречу и зналбы куда меня съ лошадмы вестъ.

Въ утрешны денъ я Василковъ оставилъ и поехалъ въ свою путъ, и възялъ ночлѣгъ въ половину къ Киеву дароге въ адномъ манастырскомъ селѣ, гдѣ также чернецъ управителѣмъ былъ, адnако дозволылъ въ карчме ночеватъ и у мужиковъ сена и овса купытъ и обошлось дѣло безъ клопотъ, и съ тѣмъ поутру рано выступылъ и поехалъ далѣ.

Рейтаръ мой въстретылъ меня и сказиваетъ, что канюшня для нашихъ лошадей на Подолѣ давно зделана нарочито новая изъ досокъ, также и сарай на сено и на другую поклажу готово естъ, яко

въ Киевскую Губерцскую Канцелярию изъ кабынета пысано и дано знать что мы съ лошадмы говоритъ рейтаръ едемъ, и что ему та капюция и квартеры какь для меня такъ и для людей показаны, при чемъ еще обьявляетъ рейтаръ что де господинъ генералъ губернаторъ приказалъ васъ просить, чтобь мымоездомъ заехатъ съ лошадмы вь крепость, коихъ онъ желаетъ видѣтъ.

Таково господина генерала губернатора прошение почелъ я за повелѣные, а мнѣ жестоко не хотѣлось забыватца въ крепость съ лошадмы и показыватъ ему оныхъ, яко лошады оть болезны несколко поопустилысъ и гаразда противъ своей прежднѣй гордоеты поусмирѣлы, и думаю въ себѣ какь ему покажу то сіи господа обыкновено что видятъ въ томъ и судютъ и скажетъ то илы другое такъ и не такъ и пойдетъ слово въ чемъ лыбо къ моему не удоволствию, и тѣмъ толко по пустому будетъ мой туда къ нему трудь.

Съ другой же стороны разъсудылъ что можетъ быть и хароwо яко я сего господина еще не знаю, то и будетъ при семъ случае оказия его узнатъ, и доведетца съ нымъ о чемь ныбудъ говорить, а паче ежелы Василковски отецъ економъ на меня учинылъ свою жалобу, а къ тому еще понадѣялся я на своихъ лошадей что прятатца мнѣ съ нимы ни для чего, ибо наверно онъ лучшихъ не видалъ, дарма что въ Россіи за випысныхъ лошадей ужасную суму денегъ плотютъ и припысиваютъ выводчики въ трое цены болше нежелъ въ самомъ дѣле оны покупаютъ а гдѣ еще на путевое продоволствие что стоитъ, и таковыхъ выводныхъ лошадей случалось мнѣ часто видѣть коихъ добротою противъ своихъ нымало не сравнываю, для чего я положылъ чтобѣ заехать въ крепость и генералу лошадей показатъ.

Остановился я блызъ города на Лебедѣ, гдѣ хутора Чернечій иды загородние ихъ гулбыща па дороге, тамъ не много лошадей велѣлъ оть пыли поочистытъ, а рейтару своему приказалъ чтобь онъ ехалъ въпериодь доложитъ о томъ что я еду и буду съ лошадмы въ крепостъ.

Я приехалъ туда и остановился на площады предь генералскою квартерою, а самъ верхомъ подьехалъ къ крылцу, генералъ какъ ему о моемъ съ лошадмы приездѣ сказано въстретылъ меня въ первомъ прихожемъ своемъ пакое, отозвался словамы харошо и что желаетъ моихъ лошадей видѣтъ, вышолъ онъ туда и провелы преднымъ по одиначки первѣе жеребцовъ въздаь и въпериодъ разъ и другой, оны былы на тотъ часъ представлены безъ попонъ голые, генералъ еще

ничего не говоритъ ходытъ кругомъ около каждаго жеребца разъ по несколко, а потомъ желалъ и кабылицъ видѣтъ, я и тѣхъ также по одиначки и безъ папонъ велѣлъ провестъ и тѣ онъ прилѣжно смотрѣлъ и тогда спросилъ у каво куплены и по какой ценѣ.

О семъ какъ я ему сказалъ, то онъ посумнѣвался не нарочно лы цену лошадямъ я утаилъ, а какъ я о томъ его уверилъ что точно по такой ценѣ куплены, то говоритъ онъ что де сему нелзя статца, а разве сіи лошады по какой ныбудъ случившейся продавцу нужде такъ дешево проданы, какъ я вижу ихъ доброту пригожество, то бы думатъ надобно и въ двое того еще бы не дорого не было.

При семъ обьявылъ мнѣ генералъ что изъ кабынета къ нему пысано, какъ о заготовленіи для сихъ лошадей здѣсъ въ Киевѣ на случай надобносты канюшны такъ и денегъ, ежелы я на продоволство лошадей и людей потребую, чтобы изъ губернской канцеляріи на щетъ кабынета триста рублевъ отьпустытъ, о коихъ я могу говоритъ генералъ податъ въ оную канцелярию отъ себя требованые, почему и [illegible] выданы будутъ.

Потомъ при провожденіи мною генерала въ ево квартеру, идучи [illegible] чрез площадь обьявляетъ мнѣ генералъ, что занесена къ нему отъ [illegible] архимандрита Печерскаго на меня жалоба въ покошеніи мною пр[illegible] Василковскомъ форпостѣ манастирской сенокосной луке, и чтобы [illegible] о семъ я старался безъ далныхъ въ томъ слѣдствіи сие дѣло успокоитъ [illegible].

Я сталъ генералу докладиватъ и говорю, что правда, и я [illegible] по необходимосты здѣлалъ, а не по своеволству, ибо какъ лошады [illegible] у меня въ карантинѣ заболѣлы, то конечне было надобно [illegible] жой травы датъ, а на другомъ местѣ нигде достатъ было не можно [illegible], окроме той, что близъ карантиннога дома случиласъ манастирская [illegible], за кою я тамошнѣму економу денги давалъ, илы столко же возов [illegible] сена на обьменъ, то онъ какъ не хотѣлъ ны адно ны другое от [illegible] меня взятъ, такъ по такой нужде принужденъ уже я самъ собою [illegible] ту траву выкоситъ, о чемъ уповаю сие дѣло безъ никакихъ затрудненій [illegible] успокоено бытъ можетъ, естлы толко отецъ архимандритъ согласит [illegible] у меня за ту траву денги взятъ.

Мы вошедъ въ пакой къ генералу, выжу что онъ человѣк [illegible] ласкавой и въ разговорахъ обходителенъ, спрашиваетъ кой о чемъ, что и какъ въ Венгріи и въ Трансилваніи, при коихъ разговорахъ былъ мнѣ случай пресказатъ ему обо всѣмъ понесеномъ мною несчастіи, и что лышился я своей супруги, сина, и всего еквипажа иму-

щества, и остался говорю я въ совершенной таперъ бедносты такъ, что ни единой свой копейки не имѣю, да и мундиръ сей, коего на себе имѣю, принужденъ въ Полше здѣлатъ уже на казеные денги, каторыхъ въ то время, какъ и я утопалъ припоясаныхъ въ черезе въ золотѣ на себѣ имѣлъ и тѣ толко целы осталысъ, что еще пособыло мнѣ въ дароге и могъ до сего места доехатъ, а протчее всио, что было мое собственое пропало безъ остатка.

Генералъ, какъ я сталъ о томъ своемъ несчастіи пресказыватъ, также и протчие случившиесъ тамо окружилы меня и слушаютъ мои слова, оны не моглы начудитца какое то несчастие было и удивлялысъ чудесному случаю, какъ я еще свою жызнъ спасты могъ, а къ тому и то было генералу и всѣмъ протчимъ удивително, что я объ оставшихъ казеныхъ денгахъ упомынаю, что оные целы осталысъ.

При моемъ же отъ генерала отъходѣ проситъ онъ меня на завтрешный денъ къ себѣ отъобедатъ, и съ тѣмъ выехалъ я съ моимы лошадмы изъ крепосты на Подолѣ и тамо къ приуготовленой канюшнѣ поставылъ лошадей и отъведение для меня и для людей квартеры принялъ.

По утру поехалъ я въ часу десятомъ въ крепостъ и заехалъ напериодъ въ манастыръ Печерский къ отцу архимандриту Луке, принесъ предь нымъ свое изъвынение и обьявылъ о себѣ, съ какою камысиею я проежаю и по какой необходымосты я при форпостѣ Василковскомъ манастирскую траву для государевыхъ лошадей выкосилъ, и что я готовъ за оную заплатытъ денги сколко онъ потребуетъ, однако онъ столко былъ снисходителенъ, что удоволствовался тѣмъ моимъ извынениемъ и заплаты никакой не требовалъ, причемъ принялъ меня по ихъ обыкновению даволно ласкаво и подчевалъ водкою, и на томъ нашъ процесъ кончился; я, отъклонясъ у него, пашолъ къ генералу на дворъ.

Генералъ былъ уже одѣтъ, вышелъ къ разводу и потомъ позвалъ меня съ собою въ квартеру, мнѣ былъ тутъ случай, идучи съ генераломъ чрезъ площадь доложитъ ему, что я былъ у Печерскаго архимандрита и что дело по его жалобе о выкошеной мною травы уже успокоено, онъ тѣмъ былъ даволѣнъ, что безъ клопотъ обошлосъ, потомъ время до обеда у насъ проходыло въ разговорахъ, а болѣе о моемъ несчастіи, о чемъ онъ всякому приходящему изъ господь съ великимъ о томъ сожалѣниемъ пресказывалъ и указивалъ на меня говоритъ: вотъ господа видите его лышившагося фамылии и всего

своего имущества и при всемъ своемъ несчастіи, еще денги казенные, кои у него были, целимы показиваетъ, не первой лы то образецъ намъ можетъ быть.

Послѣ обеда немного я тамъ бавылся, отъклонившисъ у генерала паехалъ на Подолѣ въ свою квартеру.

А на завтрешний денъ написалъ въ губернскую канцелярію требование обь отпуске асигнованыхъ мнѣ триста рублевъ денегъ, и получивъ оные началъ исправлятъ всио потребное къ дароге, какъ уже осенъ настигла и ветри холодние показалысъ и нужно было къ зимнѣй пути себя приуготовитъ, то искупылъ валеные войлока и нанялъ несколко человекъ портныхъ, подѣлалъ на всѣхъ лошадей теплие попоны и на головы каптери, дабы въ дароге лошадямъ было выгодно.

А тѣмъ временемъ, покудова то заготовлялосъ, бывалъ я еще несколко разъ въ крепосты у генерала, гдѣ быль мнѣ случай въ разговорахъ слишитъ и узнатъ, что всѣ тѣ люде, кои по черногорской камысіи повыходыли въ Россию и были въ Киевѣ, отосланы въ Аренбургъ на поселение, и что анѣ туда собравшисъ възбунтовалысъ и не хотятъ тамъ бытъ, почему и велѣно перевестъ ихъ изъ Ареньбурга въ Москву, куда также и выехавшей Черногорский владика и майоръ Петровичъ съ ихъ выведеними людми отъправлены, и что тамо въ Москве будетъ всѣмъ тѣмъ выходцамъ учинѣнъ пребορъ для определеныя ихъ въ другие полки въ службу.

Въ Киевѣ простаялъ я дней десетъ, а потомъ 30 сентября выехалъ въ свою путъ, и продолжалъ дарогу чрезъ Малую Россию еще несколко харошою дорогою, а тамъ далѣ въступывши въ великороссійские места началы холодние ветри и съ снегомъ насъ встречатъ и проважатъ и стало уже холодно.

Я приехавши въ Тулу остановился въ томъ городѣ для спочинку лошадямъ и простаялъ четыре дня, отъсюдова послалъ я съ рапортомъ адного своего рейтара по почтѣ въ состоящую въ Москве дворцовой конюшеной канцеляріи кантору, изъвестивъ о себѣ, что съ покупнимы лошадмы еду, и просилъ показания для оныхъ канюшню, а также и для людей квартеръ.

Изъ Тулы я выехавши дѣлалъ не великие преходы нарочно тѣмъ рады, чтобы лошады мои не моглы нымало въ дароге бытъ утруждены, коихъ сподѣвался я какъ въ Москву приеду, что тамошние господа

нюшнѣ и при заводе состоящие, конечне захотятъ ихъ видѣтъ, сіи лошады не до дворцовой, а для называемой тогда малой ѣной ея величества канюшнѣ принадлежатъ, то ужъ и естъ симы двумя канюшнямы некоторая критика, такъ чтобы на случай могъ я съ моимы лошадмы показатца и узнатъ сихъ примечаніи.

отя всио то въ запасъ толко я у себя на умѣ имѣлъ, однако омъ дѣле желанностъ моя была, чтобь оны моихъ лошадей ви- ібо оные совершено поправилысъ и въ самое лучшее состоя- ишлы, а особливо жеребцы такь разгордилысъ, что ужь каждаго изъ канюшны выводитъ, то надобно двумъ человекамъ крепко ъ, какъ и въ дароге уже съ великою нуждою возлѣ лошады дитъ было можно, и ежели бы еще не тѣ самые люде, что въ і наняты, кои около ихъ завсегда ходютъ и къ нымъ уже при- то бы инаково было мнѣ великое въ дароге затруднение.

осланой мой рейтаръ изъ Масквы возвратился ко мнѣ на встре- казываетъ, что въ кантору уже давно изъ кабынета дано знатъ, но какъ мы съ лошадмы туда прибудемъ, чтобы отъвестъ ка- почему де и показано при дворце за городомъ у Салтыкова какъ для лошадей канюшня такъ и для людей квартера, а и для меня въ дворцовыхъ флигеляхъ недалече отъ канюшны ю два покоя.

ь Маскву я приехалъ, было то уже съ полъдня въ часу во ь и расположился въ показаномъ намъ местѣ, принятъ я былъ о яко гостъ харошо, но фуража для лошадей не дано, коего требовалъ, а послалъ тотъчасъ на сенную площадь купитъ овса, а на подстилку саломы и привестъ, что и зделано, и на отъ денъ прошолъ.

о утру же въ часу девятомъ приехалъ отъ дворцовой канюшни аръ звался Кишкелъ, онъ первой здѣлалъ мнѣ свой визитъ, ь чтобы ему дозволитъ моихъ лошадей видѣтъ, я ему зделалъ волствие, послалъ съ нымъ одного своего рейтара въ канюшнѣ ъ, онъ видѣлъ всѣхъ лошадей и возвратился ко мнѣ, поседѣлъ съ полъчаса похвалылъ моихъ лошадей и былъ даволѣнъ, что дѣлъ.

ри канторе же дворцовой канюшнѣ и при тамошнѣмъ кон- заводѣ былъ тогда старшимъ бригадеръ Поздѣевъ, мнѣ было о съ нымъ выдѣтца, для чего поехалъ я съ симъ перейтаромъ

туда къ нему, здѣлалъ ему моимъ приездомъ визитъ и обьявылъ, что намеренъ съ моимы лошадмы несколко дней спочинуть въ Москве.

Человѣкъ сей былъ даволно въ словахъ своихъ объходителенъ принялъ меня ласкаво, я у него остался въ тотъ день обедать, а на завтрешный день приехалъ онъ и еще съ нымъ двое отъ придворной канюшны ундеръ-штальмейстеровъ ко мнѣ, оны хатѣлы моихъ лошадей видѣть, коимъ уже показалъ я на дворе, для чего и велѣлъ выводить изъ канюшны по одиначки первее жеребцовъ, а потомъ кобылицъ, чѣмъ сіи господа были много даволны, и признались, что у ныхъ какъ въ канюшнѣ такъ и въ заводѣ лучшихъ нѣтъ, и желалы естли бы то могло быть, чтобы имъ оные къ заводу были поручены были, оны у меня побавилысъ съ часъ места и потомъ поехалы.

Вчерашний же денъ, какъ я чрезъ городъ къ бригадиру ехалъ и назадъ возвратившисъ увидѣлъ въ улыцахъ проходящихъ несколко человекъ Черногорцовъ, между коимы попалысъ мнѣ въ стречу двое изъ виведеныхъ мною людей, оны бедные какъ скоро меня увыдѣли, тотъчасъ узналы и бросилысъ ко мнѣ къ руке, даже что прослезилысь отъ радосты, мнѣ же нелзя было на улыце съ нимы стаять и спришиватъ о ихъ состояныю, а толко что сказалъ имъ, гдѣ моя квартира и чтобы туда ко мнѣ пришли, оны обещалысъ быть, и пришли того же дня еще съ двумя своихъ товарищей моего жь вывода и прессказывалы ужо всю свою историю, что съ нимы происходыло и что въ Аренбурге тамошнѣй степѣ селытца никто изъ выходцовъ не пожелалъ и просилы определеныя въ службу къ армыи въ полевые гусарские полки, почему сюда въ Москву приведены и соединены съ вышедшимы съ владикою Черногорскимъ и съ Майоромъ Петровичемъ Черногорцамы, и ужь было повелѣние, чтобы учинитъ о всѣхъ вообще перепысъ по именамъ и отослатъ къ армыи, съ названиемъ Черногорский гусарский полкъ; но какъ еще говорилы оны учинилось въ осены съ владикою, и Майоромъ Петровичемъ и съ другимы Черногорскимы старшинамы несогласие и посорилысъ въ Петеръбурге между собою, а къ тому еще и здѣсъ въ Москве надѣлалы Черногорцы даволно стида, что надъ нимы никаво камандиромъ нѣтъ кто бы ихъ воздержалъ, и тѣмъ сталы своеволытъ, и часто на площади, гдѣ продаетца съестные припасы мясо и хлебъ сталы грабытъ и бросая продавцамъ за то малую цену денегъ, а также еще болше, что здѣлалы съ людмы господскимы на улыце сору, и напалы на домъ генералши вдовы Строгоновой, гдѣ произошло великое забойство и драка,

резъ что учинилосъ выдно и въ Петербурге изъвестно, для чего де тъ недавно приехалъ сюда самъ владика, а за нымъ въ слѣдъ и угие старшины поприежалы, а майоръ Петровичъ остался въ Перъбурхе, коего де уже какъ слышно владика отъ своей камысіи ърешилъ, и таперъ что настоящаго камандира надъ собою не имѣтъ, то какъ владика такъ и всѣ протчие положилы ожидатъ вашего иезда и хотятъ проситъ, чтобы определытъ въ камандиры къ нымъ съ, о чемъ де уже владика отъ себя въ здешную военной коллегіи нтору и прозбу подалъ, дабы разъпределеныемъ людей до вашего иезда поостановитъ, какъ уже намъ и слишно было, что вы скоро дете и что въ недавнѣ въ Киевѣ прибыли, а таперъ слава Богу ворилы сіи четверо моихъ выводцовъ, что васъ выдимъ и вы уже есъ, то и надѣемся тѣмъ быть счастливы и что вы нашимъ камандромъ будете.

Мнѣ сіи весты нымало не были приятны, а тѣмъ еще болше, о таково ихъ намерение слышу, и что хотятъ проситъ обь опреленыи меня къ нымъ въ камандири, чего я вовсѣ не сподѣвался и его желаныя не было, зная даволно каково затруднение и тягостъ жду такимы своеволнимы людмы можетъ бытъ, что и привело меня сколко въ смущение.

Я отъвѣчаю симъ четыремъ пришедшимъ ко мнѣ человѣкамъ о тому не можно статца, чтобь я къ нымъ въ камандиры могъ пределѣнъ бытъ, первое, потому что моего желаныя нѣтъ, а друго то, что я не Черногорецъ и въ дѣла ихъ въхадытъ не намеренъ.

Однако сіи люде на тѣ мои слова, что я имъ говорилъ, мало взиралы, а отъвѣчалы мнѣ коротко и духомъ веселимъ, говорятъ воля ша, какъ вы хатите; а вамъ предь намы камандиромъ должно бытъ вы де увидите, какъ всѣ вообще о томъ будутъ проситъ, ибо всѣ аше дѣло остановлено толко до вашего приезда, и съ тѣмъ оны оклонившисъ пашлы протчъ.

Было то въ третый денъ моего въ Маскву приезда уже подь черъ и на томъ поспѣла ночъ, а тѣ четыре человѣка отъ меня выедь пошли просто къ Черногорскому владике и обьявылы ему, что приехалъ въ Маскву и что у меня оны были и со мною говорилы.

Я чрезъ всю ту вечеръ и въ глубокую уже ночъ просидѣлъ въ великихъ думкахъ, разъсуждалъ какъ и что предпринятъ, естлы и задлинно Черногорской владика здѣлаетъ таково отъ себя представлеие и меня потребуетъ, то чѣмъ бы отъговоритца, ибо ныже малей-

шей воли я къ тому не имѣлъ для чего и положылъ было, чтобь изъ Масквы такъ выехатъ и не выдавшисъ съ владикою, и тѣмъ податъ знакъ моего при той его камысіи бытъ нежелания; толко когда человѣку чего понестъ и претерпѣтъ назначено, то ужъ всеконечне инаково изъбегнутъ нелзя, а должно тому събытца и повыноватца оному, такъ то и со мною было, я толко что отъ послѣдовавшаго со мною послѣдняго ужаснаго несчастыя едва ожылъ и сталъ немного съ здаровыемъ собыратца, и казалось бы бытъ всего уже и слышкомъ много претерпѣлъ, но нѣтъ моя жестокая судбына еще тѣмъ не была даволна, а устремлялась еще далѣ меня гнатъ, она неиначе, а какъ бы боролась съ моимъ счастиемъ и преодѣвала и пресекала путъ моего благополучия, и доводыла разънимы оборотамы, какъ бы толко въновь подвергнутъ меня къ страданиямъ и привестъ къ далшей скорбы и печалы, какъ о всѣмъ томъ въпереды читателъ мой увыдѣтъ можетъ.

Выше сего я говорилъ, что изъ черногорской каманды моихъ выводцовъ четыре человѣка въ вечеру у меня были, и что я положылъ на томъ, что изъ Москвы выехатъ не выдѣвшисъ съ владикою Черногорскимъ, на чемъ и хатѣлъ остатца, толко мое таково положение обратылосъ въ другую сторону и предприняло съперва къ новому моему прискорбыю достигатъ стезою ускою покудова, потомъ то зачало распространитца и станетъ раждатца адно изъ другаго разнимы образы болше.

По утру рано толко что я одѣлся и былъ на конюшнѣ, осмотрѣлъ лошадей и выжу, что купленаго сена и овса бытъ можетъ еще и на завтрешный денъ сълышкомъ даволно, то и думалъ я искормытъ толко тотъ фуражъ чрезъ тотъ денъ и въ наступывшую ночь, а завтре конечне ехатъ, о чемъ и людямъ своимъ приказалъ, чтобь къ дарогѣ были готовы, и съ тѣмъ вернулся изъ канюшны въ свою квартеру.

Немного затѣмъ погодя, смотрю я идутъ ко мнѣ Черногорцовъ человѣкъ болѣе десеты, одѣты по своей форме даволно харошо и все при своихъ припоясаныхъ мечахъ и за поясомъ пистолеты, приготовлены какъ бы на бой илы на драку, всѣ были мнѣ незнакомы, окроме адиого изъ выведеныхъ мною людей имя его было Антонъ Орловичъ, что и въчерасъ у меня былъ, онъ имъ показалъ и дарогу къ моей квартеры, оны вошлы ко мнѣ въ горницу поклонилысь и поздравилы меня приездомъ, потомъ адынъ изъ ныхъ сталъ говорытъ, объявляя себя порутчикомъ (звался Сава Барямовичъ), что онъ посланъ отъ владики ко мнѣ съ прозбою, чтобы я здѣлалъ любовъ поехатъ къ нему и бытъ севодня у него на обедѣ.

Я за таковъ визитъ поблагодарилъ и говорю, что радъ бы пре-ещенному владике здѣлатъ въ его прозбе удоволствые, но не могу о что съ дароге утрудился и не здаровъ, а друго имѣю нуждное равитъ дѣло и отъправлятъ хачу почту въ Петеръбургъ и прошу ія въ томъ изъвынитъ.

Однако моя изъговорка на томъ не осталасъ, оны приступилы съ своею прозбою и желалы, чтобь конечне я туда поехалъ, ска-зая что преосвещеный владика и цѣлое ихъ общество сердечно лаютъ меня видѣтъ и моего приезда къ себѣ ожидаютъ, а буде соглашусъ, то де всѣ оны сюда къ вамъ будутъ, и тако по мно-і ихъ прозбе, напослѣдокъ довелы меня до того, что принужденъ ласитца желаные ихъ исполнытъ поехалъ къ владике, а болѣе для о чтобъ узнатъ, какая ему въ моемъ приездѣ состоитъ нужда.

Онъ меня даже у лѣсници възстретылъ, такъ приятенъ ему приездъ й былъ, засталъ я тамо еще несколко человѣкъ ихъ одноземцовъ, имъ также приездъ мой былъ угоденъ, а владика възявъ мена за ку повелъ въ свой пакой посадылъ меня, оказывалъ велыкое свое жалѣние о понесеномъ мною въ дароге несчастью, какъ онъ вче-шный денъ въ первое о томъ слышилъ, потомъ завелъ другие кой чемъ разговоры, свидителствуя при томъ свою ко мнѣ искренную иязнъ съ такимъ увереныемъ, что никому столко добра не желаетъ олко мнѣ, и какъ радъ, что моего приезда дождался.

Ево можетъ быть на тотъ часъ было и подлино таково ко мнѣ брожелателство, выдя свое дѣло что уже оное къ порче клонытца, также и то пришло ему совестью на паметъ, какъ онъ со мною съ чала и во время моего бытиа на граныце Цесарской поступылъ, къ таперъ чтобы такою своею ласкою всио то загладытъ, а къ то-у еще болше его нужда во мнѣ была, по притчинѣ учинившейся ежду имъ и сь названымъ своимъ губернаторомъ Становимъ и маи-ромъ Петровичемъ ссоре, чрезъ что осталысъ его люде безъ коман-ира и тѣмъ въ столычномъ городѣ Москве сталы своеволитъ, и на-если своею поступкою правителству много затрудненыя, чрезъ что камысия его обращаетца уже болшь къ стиду нежель къ ихъ сла-е, для чего и повернулъ онъ владика мысли свои, чтобы какъ коман-ование надь людмы своимы такъ и все свое дѣло по той камысіи озложитъ на меня и тѣмъ приобрѣстъ себѣ подькрепление, какъ я томъ опосля узналъ, толко ужь таково его предьприятие пришло оздо и не во время.

У насъ съ владикою до обеда не было еще о томъ за чѣмъ онъ меня къ себѣ просилъ ни какова слова, а прошло время такъ въ другихъ каио какихъ разговорахъ, между тѣмъ селы за столъ и обедъ нашь не долго заставлялъ насъ за столомъ седѣть, было тутъ несколко человѣкъ изъ его назначенныхъ въ афицеры Черно-горцовъ, а къ тѣмъ послѣ обеда еще несколко ихъ пришло, предъ [illegible] коими зачалъ владика ко мнѣ свои слова говорить, первое, какъ [illegible] ваши прапредки отъ страны нашей изъ провинціи Паштровичи [illegible] зачало свое имѣютъ, хотя въ областы Венецианской, но однако [illegible] нашимъ отечествомъ естъ первое сосѣдство и намъ фамылия ваша [illegible] изьвестна, почему и вы господинъ маиоръ яко нашъ аднонационал[illegible]ны при зачале предпринятой Церногорской камысіи были отъ мей [illegible] говорылъ владика потребованы, болѣе для того чтобы участвоват[illegible] обще съ намы въ томъ усердіи, каторое мы престолу Россійско[illegible]му оказатъ вознамерилысъ и выводъ людей изъ отечества нашего [illegible] въ службу, чтобь чрезь ваше препровожденые действые возымѣло и тѣм[illegible] славу имены вашему еще болшъ приобрестъ, какъ что въ бытнос[illegible]ть вашу въ прошломъ годѣ на цесарской границе противъ областы Т[illegible]Турецкой въ выходѣ людей было, стараниемъ вашимъ благополучно[illegible]ой успѣхъ оказало и къ болшему еще выходу народа дорогу отъкрыл[illegible]о, какъ оны въ самой точносты изъ Турецкой областы изъ настояще[illegible]его своего отечества изъ Сербыи тайно разнимы случаи на Цесарск[illegible]ую сторону чресъ реку Саву прешлы и уже известно, что порутчико[illegible]мъ Ездымировичемъ и адютантомъ Марковымъ тамо въ свое ведомст[illegible]во приняты и въ Россию скоро будутъ, кои однако должны къ сей мо[illegible]ей камысіи причтены бытъ, яко оны подь выдомъ Черногорцовъ се[illegible]бя обьявилы и тѣмъ на Цесарской странѣ въ карантынъ приняты, а по справедливосты выходь сихъ людей припысатъ надлежитъ къ ваш[illegible]у выводу, кои и не моглы бы ныкѣмъ другимъ бытъ выведены [illegible] вамы, естлы бы не зделалосъ той уже отъ меня говоритъ владика [illegible]ке, что васъ съ того места отълучилъ и сь первымъ транспорт[illegible] людей въ Россию отъправылъ, почему уже вы къ намъ болѣе въ [illegible]Це-сарию и не возьвратилысъ и самы собою отъ сей камысіи отъста[illegible], можетъ бытъ по какому ныбудъ вашемъ неудоволствіи и съ досады чрезъ бывшаго тогда при мнѣ клеветника маіора (называнаго самъ собою именемъ фамыліи моей) Петровича, каторой признатца мнѣ надобно, продолжалъ владика свои слова, много протывъ васъ, видно изъ зависты, мнѣ клеветалъ, и тѣмъ было довелъ меня на свою руку, покудова напослѣдокъ обо всѣхъ его неприличныхъ и фалшивыхъ дѣлахъ я узналъ, и нинѣ его отъ себя и отъ камысіи моей

[illegible]решилъ; для чего таперъ какъ я такъ и предьстоящие здѣсъ отъ страны всего обьщества говорятъ владика просимъ васъ, чтобы вы приняли на себя трудъ бытъ надь аднонационалнимы своими камандиромъ, яко оное къ вамъ и принадлежитъ, и вы зачало сей моей камысіи трудамы вашимы оказалы, въ чемъ доказываетъ выводъ нашъ людей въ Россию, и не инаково де таперъ я намеренъ, а желаю всю ту ползу, кою камысия моя заслуживаетъ, предатъ и приписатъ на васъ, для чего не оставте своихъ одноземцовъ, подайте имъ надежду чтобы оны моглы бытъ навсегда вънѣстѣ, и аднымъ своимъ полкомъ, а не по разнымъ частямъ разпределены, что единственно завысить таперъ отъ адного вашего соизволенья, и когда вы приймыте ихъ подь предъводителство свое то, тѣмъ обовяжоте сугубою себѣ отъ всего нашего общества любовью и благодарностью.

Такову отъ владики проповѣдъ я выслушалъ, а также и предъстоящие тутъ Черногорцы что говорилы и представлялы, я и то выразумѣлъ, но какъ моего желаныя чтобь въ такое затрудненые въхо[д]итъ не было, и прынымать чужую тягость и дѣло уже испорченое на себя не предьвыдѣлъ ползы нымало, то чтобы мнѣ отъ ныхъ вызбавитца и отъехатъ спокоемъ въ свою дарогу, то и зачалъ я къ владике говоритъ, что много благодаренъ остаюсъ вашему преосвещенству и всѣй здѣсъ предъстоящей дружине, за ваши обо мнѣ хорошие мысли, и конечне по вашему желаныю далжно бы мнѣ приступытъ къ исполненыю вашей воли, но вы выдите говорю я имъ, что я служу при дворе императорскомъ и еду таперъ съ наложеною на меня камысиею въ Петерьбургъ, къ тому же еще можетъ бытъ что повелѣно будетъ и на далѣ илы и вовсѣ при дворе мнѣ остатся, чего я не могу иначе здѣлатъ, а долженъ буду тому повыноватся, для чего извыните вы меня говорю я имь, что я таперъ самъ въ своей волѣ не состою, и не могу вамь моего слова датъ, и сие сказавши я въсталъ, хотѣлъ было отъ ныхъ ехатъ, какъ уже и вечеръ наступаетъ, чтобы завтре поранѣе отъправытца въ дарогу, толко моя изъговорка не могла меня защитытъ, ибо владика обще съ другимы приступилы своимы словамы и конечне хотѣлы, чтобы я ихъ какъ обънадежылъ, что соглашаюсъ при ныхъ бытъ, но какъ напослѣдокъ я на своемъ утвердился, что при дворе служу и потому не могу имъ слова датъ, тогда владика зачалъ говоритъ, вы какъ хотите, а не буду отъ себя и отъ страны всего общества учинытъ представленые прямо въ Сенатъ и требоватъ обопределеніи васъ къ моей камысіи и командиромъ надь симы вышедшимы людмы чтобь были вы,

а потому правытелство будетъ знатъ можно лы будетъ васъ отъ двора истребоватъ илы нѣтъ.

Мнѣ ужь не осталосъ времены проводытъ еще далѣ таковы разговоры, отъклонылся владике и всѣмъ тамо бывшимъ, поехалъ на свою квартеру, а поутру рано до свѣта убравшисъ совсѣмъ выехалъ изъ Москвы въ свою путъ.

Время хотя было халодное, снегъ и марозы болшие, однако дарога вътертая, что и не могло мнѣ ничего въ моихъ преходахъ препятствоватъ и не делалъ уже нигдѣ раздиховъ, приехалъ въ городъ Тверь, тамъ по случившейся снежной болшой метелице простоялъ аднѣ сутки, а потомъ продолжалъ далѣ и приехалъ въ Велики Новъгородь, гдѣ отъведена мнѣ квартера и для лошадей канюшня въ [illegible]тамошнѣмъ государскомъ дворце, я тамъ простоялъ три дня, отъкуда отъправылъ одного своего рейтара съ рапортомъ по почтѣ въ Петерьбургъ въ кабынетъ министру Адаму Васильевичу Алсуфиеву, ибо прежды мой камандиръ баронъ Черкасовъ послѣ моего изъ Петеръбурга отъезда скончался.

Изъ Новагорода я выехалъ и слѣдовалъ малимы преходами къ Петерьбургу, а на последнѣй почтѣ въ Ижоре въстретилъ меня мной посланой въ кабынетъ рейтаръ, съ повелѣныемъ чтобы ехатъ въ городъ и завестъ лошадей на собственную ея величества канюшню.

Тотъ денъ я въ Ижоре остался и заночевалъ, а на завтре, то естъ 1758 года декабря 16 дня, прибылъ въ Петеръбургъ.

Лошадей поставывши какь приказано на конюшню, отъдалъ людямъ своимъ, приказъ что имъ ище дѣлатъ надобно, а самъ носпешиль скоряе по долгу, чтобь явытца своему новому камандыру господину кабынетъ министру Адаму Васильевичу Алсуфиеву, коему я прежде сего вовсѣ не былъ знакомъ, и было мнѣ и о томъ подуматъ надобно, какая мнѣ оть него еще въстреча будетъ

Обь нѣмъ я будучи въ Киевѣ узналъ, что онъ при кабынетѣ остоитъ и хвалилы мнѣ его, толко всио лучше узнатъ темпераменты человѣка можно въ персонѣ нежель по наслышке, правда же и то что придворные господа, когда еще въ первозачалныхъ и малыхъ чинахъ состоятъ, то и остаютца оны на время прикриты подь шлемомъ кротосты, а потомъ какъ далѣ пойдутъ, то предпринимаютъ по пословыце (Honores mutant mores) другой образъ своего обхождения и бываютъ обыкновено въ словахъ съкриты, однако когда далная по-

атика того не требуетъ то въ словахъ оказываютъ приятность, и время въ обхожденыи съ нимы свойства ихъ откриваетъ, и бываютъ иные ядовиты а другие справедливы, каковы испитаныи великой осторожности требуютъ.

Сей господинъ Адамъ Васильевичъ былъ сперва при иностранной колъегіи въ невеликомъ еще чинѣ, но чрезъ предьстоящие съ нимъ особливые достоинствы достигнулъ до сей степены, онъ былъ учонъ в разныхъ языкахъ, а особливо по французски и по немецки было ему такъ свойствено какъ природное, хотя жь и не имѣлъ я ни какова резона обь нѣмъ сумнѣватца, или бы ожидатъ себѣ отъ него какова неудоволствыя, однако какъ мое дѣло по случившемуся надо мною несчастыи необьходымо должно мнѣ было къ нему, яко къ своему камандиру адресоватца и проситъ отъ него наставленыя, какимъ образомъ предьпринятъ дѣло къ достиженыю отъ Ея Величества за толико мое страданые мылосты, то и надлежало мнѣ некоторымъ образомъ възятъ свою предосторожностъ и первѣе узнатъ его нравъ и обьхожденые и тогда приступытъ къ нему съ прозбою.

Для чего я поставывши лошадей какъ приказано на конюшню поспешилъ скоряе чтобь у него явытца, яко своему новому командиру, онъ принялъ меня своею милостыю отьмено ласково и приятно, пожелалъ лошадѣй моихъ видѣтъ, коихъ я по утру къ нему на дворъ привелъ и показалъ, чѣмъ былъ много даволѣнъ, и приказалъ мнѣ явытца отъ собственной Ея Величества канюшны оберь шталмейстеру господину генералу аншефу Александру Івановичу графу Шувалову, что я и здѣлалъ, коимъ также принятъ приятно и ласково и на томъ тотъ денъ прошолъ.

У меня жь былъ списокъ о всѣхъ лошадяхъ уже готовъ скоего написалъ я еще и другой, и поутру понесъ адынъ къ кабынетъ министру при рапортѣ подалъ, а другой тоже и къ господину оберь штальмейстеру графу Александре Івановичу Шувалову, каковы отъ нихъ и приняты, и обьявлено что потому будетъ доложено Ея Величеству Государинѣ, однако сие продолжилосъ дня четыре покудова к докладу время изъобретено, между тѣмъ я господину кабынетъ министру Адаму Василиевичу пресказалъ на словахъ обо всѣмъ томъ случившемся въ дароге на домною несчастыи, и что лышился своей супруги, сына и всего своего имущества и что казеные денги, в то время какъ и я въ водѣ утопалъ на мены были припоясаны, и тѣмъ целы осталысъ, кои мнѣ потомъ помоглы что я до Киева до-

ехатъ могъ, также и о томъ доложылъ что по приездѣ моемъ въ Кі[illegible]евъ изъ губернской канцеляріи получилъ триста рублевъ.

Адамъ Василиевичъ какъ толко я о своемъ несчастіи началъ ем[illegible] докладиватъ и пресказалъ отъ зачала до конца что со мною послѣд[illegible]вало, то онъ ужаснулся и говоритъ прескажите мнѣ пажалуй еш[illegible] разъ, чтобы я произшедствие сего странаго приключенья получ[illegible] могъ понятъ и повторялъ свое удивление, спрашивая гдѣ и на ка[illegible] комъ местѣ то несчастие случилосъ и въ каторое время и обо всѣ[illegible] въ подробностъ.

Потомъ приказалъ мнѣ сочинытъ челобытную и обещалъ въ мо[illegible]ю ползу учинытъ Ея Величеству докладъ.

Тотже денъ дано мнѣ знатъ отъ господина оберъ-шталмейсте[illegible]ра графа Александре Івановича Шувалова, чтобы къ завтрему п[illegible]уготовытъ лошадей къ смотру коихъ онъ смотрѣть будетъ, я то [illegible]лалъ, и поутру рано поспешилъ къ Адаму Василиевичу о томъ [illegible]портоватъ, на что сказалъ что уже онъ о томъ знаетъ и что и [illegible] при томь будетъ.

Въ часу десятомъ по утру приехалы сіи господа на конюшенны дворъ, при чемъ были еще и другие отъ конюшны чины, и велѣлы мнѣ лошадей показатъ, я зачалъ по списку выводытъ жеребцовъ, перваго буланой коего водилы два человека, и что въ тотъ денъ было оченъ холодно а жеребецъ безъ попоны выведенъ изъ конюшны и поозябь, то и было даволно труда покудова моглы его удержатъ и провестъ разъ и другой по двору.

Сему первому весма господа удивилысъ и что съ такой далнѣй дароге нымало не похудѣлъ, и какая въ немъ бодрость и сыла; онѣ въ тотъ часъ положилы противъ его въ списке имены отьметку, что къ заводу годенъ, а за тѣмъ и другихъ жеребцовъ выведено, коихъ также удостоилы, и тѣмъ были господа много даволны.

А какъ и кобилыцъ введено и всѣмъ смотрь мынулъ то поворотясъ графъ Александръ Ивановичъ ко мнѣ обьявляетъ свою благодарностъ и говоритъ, я де вашею покупкою сихъ лошадей весма даволѣнъ, и оны стоютъ того чтобы ихъ сама Ея Величество Государиня видѣла, о чемъ сказалъ и не оставлю я доложитъ, а вы господинъ маіоръ, осмехнувшисъ графъ говоритъ, въ ту обьявленную вамы за тѣ лошады цену можете намъ оставитъ первыхъ толко двухъ жеребцовъ буланова да воронова, и къ нымъ первыхже шестъ кобы-

идъ а осталныхъ, хотя у себя удержите, для того что не вероятно очти чтобы сіи лошады такъ дешевою ценою куплены были какъ ы показалы.

Таковъ отъ графа отъзывъ былъ мнѣ доволнымъ, атестатомъ за то поклонившисъ я благодарю его, причемъ вынувъ имѣющеесъ у еня свидителство данное отъ продавца въ Трансилваніи графа Мыюша, поднесъ оное и говорю, что сие доказываетъ ту самую справедливость о моей покупке такъ какъ я показалъ, и я тѣмъ ставлю ебѣ за честь что ваше сиятелство еихъ мною приведеныхъ лошадей видѣлы и оныхъ удостоилы, коихъ я всѣхъ при желаныи имъ добраго здаровыя въ ползу при умножения отъ ныхъ плода здѣсъ ставлю.

Адаму Василиевичу была та моя покупка также угодна и говоритъ онъ къ графу, что де недоволно ваше сиятелство онъ харошо мою камысию исполнылъ, но еще и денги въ остатке показываетъ, при всемъ томъ какое онъ при сихъ лошадяхъ странное въ дароге несчастие понесъ, и зачалъ Адамъ Василиевичъ всю то что отъ меня слышилъ графу пресказыватъ, и заставилы мнѣ самому о томже еще повторятъ.

Графъ удивился выслушавъ о моемъ страданіи, говоритъ Адаму Василиевичу, что де намъ надобно таперъ о семъ бедномъ человѣке постаратца и доложитъ Государинѣ чѣмъ меня обнадежывъ поехалы оба во дворецъ.

Тотже денъ приказано мнѣ чтобы лошады были приуготовлены дано будетъ знатъ въ которомъ часу ихъ водытъ ко дворцу для представления Государинѣ.

Но что денъ уже прошолъ и наступыла вечеръ, то и остался отъ смотръ до завтрешнѣго дня, а поутру въ часу третѣмъ после полудня сказано, чтобь лошады были приведены ко дворцу, хотя то было отъ малой конюшны до зимняго тогда бывшаго надь Мойкою деревянного дворца водытъ и не далеко, одьнако съ великою нуждою по два человека моглы жеребцовъ удержатъ, кои были голые безъ попонъ а морозъ жестокъ, и какъ озябли то зачалы пригатъ и въ дыбки подьниматца, что людямъ ведущимъ едва было можно на ногахъ удержатца.

Государиня изъволела чрезъ окошко на среднѣмъ крилце смотрѣтъ, приказала потомъ меня позватъ, обьявыла мнѣ свое монаршее благоволение и пожаловала ручку.

Я потомъ повелъ лошадей опять на конюшню и уже совсѣмъ оныхъ ундеръ штальмейстеру сь рукъ своихъ сдалъ.

Мнѣ жь такъ какъ и прежде что было даны квартирние денги и остался при кабынетѣ, а отъ конюшны государевой данъ еквипажь карета и лошады и двое слугъ кь услуженыю.

Челобитную что приказано я подалъ, кою Адамъ Василиевичъ принялъ и обьнадежылъ изъискать случай доложить Государинѣ, что онъ и сдѣлалъ и первѣе на словахъ учиныль свой докладь, почему Ея Величество такъ какъ и всѣ протчие тамо случившиесь господа о такомъ понесеномъ мною несчастіи удивилысъ и сожалѣлы, а Государиня приказала предьставить мене къ себѣ.

Утрешни денъ, было то въ треты денъ Рождества Христов декабря 27 число, былъ при дворе въ вечеру баль и болшое собрание, о чемъ обьявилъ мнѣ еще поутру Адамъ Василиевичъ а также и о томъ сказалъ, что есть отъ Государини приказание меня къ ней представить, для чего назначилъ место гдѣ мнѣ во дворце въ вечеръ въ томь собраніи стаять, дабы скоро было можно меня видѣть, когда Государиня выдетъ и обо мнѣ спроситъ.

Весты сіи принеслы мнѣ радостъ и надежду къ достижению моего счастыя, и казалосбы быть что уже есть и дарога къ тому отворена, однако повидимъ что еще далѣ будетъ.

Я на тотъ часъ не зналъ что болѣе говоритъ, окроме поблагодаря моему милостивцу Адаму Василиевичу поехаль на свою квартеру и ожидалъ вечерняго времены чтобь во дворце бытъ.

Часъ шестой съ польдня въ началѣ, пеехалъ я во дворецъ гдѣ еще мало кто былъ и толко что съежатца сталы, а за тѣмъ спустя немного времены уже наполнилась галдерея господамы и ожидаемь скоро выходь Государины.

Назначеное жь мнѣ место поблизу первыхъ у дверей часовыхъ (гвардіи сержанты съ ружьямы два человека тамъ стаялы), я позади ныхъ у окошка еще заранѣе себы место заняль и тамь сталь.

Адамъ Василиевичъ также приехалъ и меня видѣлъ и прошолъ далѣ въ пакой туда къ Государинѣ, но не болѣе четверть часа спустя идетъ онъ и снымъ адынъ придворной камеръ-лакей, нашлы меня стоящаго у окошка, приказываетъ мнѣ Адамъ Василиевичъ за тѣмъ лакеемъ итытъ.

Меня сей провожатой вывелъ со всѣмъ изъ дворца вонъ на болшое подьездное крыльцо, и обьвелъ вокругъ въ левую сторону возлѣ дворца на другое вънутреное неболшое крилцо, при коемъ были заперты дверы, онъ немного постучалъ въ оные, по какому знаку дверы отворилысъ, выжу что стоятъ два часовыхъ и при ныхъ въстречаетъ насъ приставлены тамо гвардіи афицеръ, каторой спро-[...]лъ о пропуске знакъ.

Ведущи же меня въ такомъ дѣле уже былъ снабженъ, онъ вы-[...]улъ маленкой на картѣ былетецъ подалъ, почему насъ пропустилы, [...] повелы меня далѣ ускимъ весма проходомъ мымо стоящихъ на не-[...]колкихъ местахъ часовыхъ, при коихъ были фанары съ свечамы.

Признатца надобно что сие хожденые привело меня несколко [...]ъ страхъ, а тѣмъ болѣе что проходь весма былъ уской и темно, [...] нькаво другаго не вижу о кроме тѣхъ толко стоящихъ одинъ отъ [д]ругаго въ отьдалы при свечахъ часовыхъ, и во всякой тихосты.

Прошли мы въ периодь саженѣй несколко и дошлы до адныхъ [ма]ленкихъ затвореныхъ дверецъ, при коихъ стаяло два часовыхъ и [о]динъ гвардіи сержантъ, онъ ужь нычего не спрашивалъ, а отво-[ри]лъ дверцы и меня въ оные въпустилы, а проважатой мой тамъ [п]ри часовыхъ за дверцами остался.

Я вошедь въ пакой коего узналъ, что естъ аудиенцъ камара и [п]естолъ стоитъ, дверци же сіи въ кои я вошелъ были за печью при-[к]рыты занавесию, тамъ меня Адамъ Васылиевичъ дождался, и при-[к]азалъ мнѣ стаятъ на томъ местѣ возлѣ печы, и что Государиня [к]акь выдетъ хочетъ со мною говоритъ, то обьявывъ онъ мнѣ пашолъ [п]оспешно далѣ въ другой пакой къ Государинѣ, въ томже пакое гдѣ [я] остался никаво болѣе не было, окроме что въ отъдалы у другихъ [дв]ерей стаялы два часовыхъ отъ лейбь компаніи (тогда бывшей).

Не много погодя приметылъ я по тѣмъ часовымъ, что Госуда-[ри]ня изъволить итытъ, она какъ толко вошла мымо часовыхъ и ме-[ня] увидѣла, то и пошла прямо ко мнѣ, а за нѣю адынъ толко Адамь [Вас]илиевичъ былъ въ препровожденіи.

Мнѣ жь какь прежде сказано, чтобь упастъ къ ногамъ Ея Вели-[чест]ва и потомъ вставши ожидатъ чего меня спрашиватъ изволытъ, [т]акь я и здѣлалъ.

Государиня тотъ часъ стала меня спрашиватъ о понесеномъ мною [нещ]астіи что и какь оное случилосъ, между протчимъ спросила и то словамы, а ты бедной какь спасъся и живъ могъ остатца.

Я на все сие отьвечалъ и пресказалъ сколко можно было изъяснитъ коротче, дабы многимы словамы не трудитъ Государиню; однако Адамъ Василиевичъ будучи оть меня прежде обо всѣмъ сведемъ, то онъ тутъ въ некоторыхъ моихь словахъ дѣлалъ пополненія, Государиня жъ всѣ мои слова и то что Адамъ Василиевичъ говорилъ изволела выслушатъ и пожалова мнѣ ручку, причемъ сказала что моею мылостию оставленъ не будешъ.

Я вторително упадь къ ногамъ Ея Величества и вставши поклонился, какь Государиня обратылась итытъ въ собрание въ галдерию, а за тѣмъ далъ мнѣ Адамъ Василиевичъ знакь итытъ назадъ почему я отворилъ дверцы вышелъ, гдѣ мой провожатой меня дожидалъ и повелъ тою же дарогою по преждиѣму въ галдерию.

Баль уже отькрылся и продолжалосъ танцование до втораго часа послѣ полъночъ, а потомъ какь Государиня пошла въ свои покои, то и протчие господа разъехалысъ по своимъ домамъ.

Я же будучи поленъ радосты, оть коей всю ту ночъ почты безъ сна провелъ, почитая себя уже на верхнѣй степены моего счастия и ожидалъ дня съ великою желанностыю, чтобь еще болше отъ моего милостивца услышитъ.

Поутру въ часу въ девятомъ поехалъ я къ Адаму Василиевичу, благодарилъ его за оказанную мнѣ мылостъ что его предстателствомъ удостоился я съ моею монархинѣю говоритъ и получилъ отъ нея всѣмилостивѣйшее слово слѣдуемое къ приобретению моего благополучия.

Сей господинъ истинъно былъ моимъ добримъ ходатаемъ и желалъ счастие мнѣ здѣлатъ, какъ изо всѣхъ его словъ я доволно разумѣтъ могъ, онъ прямо мнѣ сказалъ что могу я надеженъ быть въ полученыю монаршей мылосты и что награжденые мнѣ харошое будетъ, а остаетца толко пообождатъ, покудова изъищетъ онъ удобной случай вторително обо мнѣ доложитъ и по поданной отъ меня челобытной учинитъ докладъ.

Такова надежда была мнѣ даволною отърадою и не оставалосъ болѣе ничего предьпринимать, окроме что ожыдатъ совершеной отъ Ея Величества Высочайшей мылосты.

Однако жь сие хотя и было такимъ предьметомъ и можетъ бы и здѣлалося бы въ самой точносты мое благополучие, но сколко

мѣкъ мнитъ что уже достигъ до желаемаго, столко же долженъ ждатъ еще себѣ великихъ пременъ и препятствиевъ.

Я не говорю о такихъ людяхъ, кои почитаютца редкостыю и кабы дѣло ны предьпринялы то оное всио съ великою еще прибавкою въ ихъ ползу имъ павалываетца, и редко въ томъ препятствие имѣютъ; некоторые сутъ правда люде по достоинствамъ и полезны, другие толко рождены съ такимъ счастиемъ, что ни разумомъ ни достоинствомъ (и что говоритца ни словомъ ни дѣломъ одарены), а судбына ихъ слѣпа и течению ихъ счастия препонъ нѣтъ никакихъ, тѣмъ приобретаютъ сторицею всякое себы награждение и обогащаютца во всѣмъ болшъ нежелъ самы снестъ могутъ.

О таковыхъ намъ разъсуждатъ нѣчего, ибо оны съ тѣмь рожденны, и судбына ихъ такова, что стезю счастия ихъ не пресекаетъ, водитъ слѣпо на то, чего оны и самы бытъ не думаютъ.

Естли же каму судбына послужитъ не хочетъ, какъ таковыхъ болшая частъ естъ, тутъ ужь счастие остаетца побеждено и безъсилно и помочъ нымало не можетъ, хотя бы какъ намерение человѣка было добро и твердо устроено, и при всѣмъ томъ что еще служба и усердие его велико не точию въ ползу собственъную, но на службу къ отечеству, то однако всио идетъ на выворотъ, и къ найдутца на тотъ часъ разные препоны и остановки чѣмъ преградитца путъ его благополучия.

Правда же и то бываетъ что иногда человѣкъ самъ собою свое дѣло испортытъ можетъ, толко я и то почитаю отъ навеяния жестокой судбыне коя помрачаетъ первѣе умъ (по пословице немецкой: Wän unser Herr Gott jemanden will strafen, so hat er sie erstlich sein Sinn und den Uerstand weg и вкоренитъ въ человѣка мысли такие кои и водютъ его къ несчастию, чего судбына сама собою преодолѣтъ не можетъ (ежелы съ худымъ намереныемъ яко она естъ двояка, однако болшъ къ худому склонна нежель къ доброму), то и найдетъ она въ помочъ себы съ стороны совѣтниковъ такихъ, кои пополняютъ хитрыми и вреднимы совѣтамы ее волю и тѣмъ приводытъ человѣка къ разному страданию а иногда и къ погибелы, для чего и долженъ человекъ таковыхъ советовъ остерегатца какбы оны хароши съ перва ны показались, и не вдругъ на то полагатца а имѣтъ свою предосторожностъ, какъ я на то время самъ не остерегся и здѣлалосъ въ мою перчъ дѣма хитримъ и злодѣйскимъ образомъ, какъ о томъ далѣ видно будетъ.

Мнѣ жъ къ достижению предстоящаго моего счастия что оное исполнениемъ продолжилось первая препона была та, что случился тогда при дворе на некоторое время трауръ по княжнѣ Анне Петровнѣ коя скончалась на второмъ годѣ своего рождения, дочеры тогда бывшаго великимъ крязѣмъ что потомъ Императоръ Петра третяго, отъ чего было Государинѣ Елисаветъ Петровнѣ скорбь и въ здаровыи несколко премена, для чего и не могъ Адамъ Василиевичъ учинитъ обо мнѣ доклада, и тѣмъ осталось мое дѣло въ ожидании въпредъ удобнаго времены.

На тѣхже дняхъ какъ обыкновено всякой день бываю я у моего командира и великаго милостивца Адама Василиевича, то онъ самъ спросилъ о моемъ жалованіи за сколко времены я оное не получалъ и чтобы о томъ податъ въ кабынетъ доношение, что я здѣлалъ съ опысаниемъ за доводенцеесъ время къ получению онаго, почему онъ тотъ часъ велѣлъ напысатъ въ штатсъ кантору, чтобы выдатъ по штату гусарскихъ полковъ по чину моему окладное жалованые, а за раціи и за порціи съ денчичимъ по ценамъ Петеръбургскимъ выдатъ тъже денги, почему я вскоросты и получилъ всего тысящу триста девятнатцатъ рублевъ съ копекамы, сверхже того Адамъ Василиевичъ самъ отъ себя къ моему вспоможению учинилъ определение чтобы выдатъ мнѣ изъ сумы кабынетской на щетъ тѣхъ денегъ, кои мнѣ отъ Ея Величества будутъ пожалованы за понесеное мною въ путы несчастые пятъ сотъ рублевъ, и тако я въдругъ получилъ суму денегъ, на тотъ первой случай къ моему подькреплению даволно, и ужъ не было мнѣ нужди ни вчемъ.

Я исправилъ себя въновъ какъ мундиромъ такъ такъ и другимъ потребнымъ еквипажемъ и проводылъ время съ харошою надеждою весело, ездилъ часто во дворецъ и по господахъ, коимы всегда принимаемъ былъ ласково и приятно, а особливо Іванъ Івановичъ Шуваловъ, бывши тогда своимъ приступомъ наиближши къ Государинѣ, онъ какъ и прежде меня зналъ такъ и тогда будучи о моемъ несчастіи сведомъ, то потому и обьнадежилъ меня своимы словамы столъ даволно къ моему благополучию, что я самъ болше и никакъ желатбы на могъ (мнѣ Адамъ Василиевичъ самъ приказывалъ чтобь до сего господина по часту хадытъ).

Въ адинже день поутру посилаетъ за мною Адамъ Василиевичъ, и обьявляетъ мнѣ какъ я къ нему приехалъ, что изъ Сената писано въ Кабынетъ и что требуютъ меня на предьставление изъ Москвы отъ Черногорскаго митрополита для отьправления въ Москву

черногорской команде, и спрашиваетъ меня Адамъ Василиевичъ ...олы я о томъ и что оно такое значитъ, я ему отъвечалъ что ...ю и что проездомъ моимъ чрезъ Москву Черногорцы меня про...ы къ себѣ въ камандиры, но говорю я къ тому не приступылъ ...тъказался, а таперъ можетъ бытъ оны самы собою таково пред...вление учинилы безъ моего на то согласия.

Адамъ Василиевичъ, выслушавъ мои слова и говоритъ, когда ...шего на то нѣтъ согласія, то и требование сие останетца недѣй...вително, и велѣлъ написатъ въ Сенатъ, что безъ особливаго отъ Ея ...личества повелѣния меня отъ Кабынета отъпустытъ не можно.

Толко на томъ не осталосъ, а вторителное требование изъ Се...та объ отпуске меня въ Кабынетъ прислано, съ тѣмъ обьясненіемъ, ...о Сенатъ уже учинылъ свое определение бытъ мнѣ при Черногор...хъ командиромъ, яко оны самы о томъ просятъ, однако и на то ...талосъ безъ действа и я отъ Кабынета не отъпущенъ, а между ...мъ приехалъ самъ Черногорский владика въ Петерьбургъ, и сталъ ...агатца о скорейшемъ меня въ Москву отъправленыи, и какъ о ...мъ я узналъ, то поехалъ къ нему съ тѣмъ обьявлениемъ, что моего ...ланыя нѣтъ, и что я на себя ихъ тягосты къ исправлению не ...нимаю, и просилъ его, чтобы оны меня оставилы съ покоемъ, ...ако владика отъвечалъ несколко съ неудоволствиемъ, показивая ...ѣ определение сенатское, въ коемъ написано, что я определенъ Черногорской каманде камандиромъ, и говоритъ владика, что де ...перъ вы изволите Правителствующему Сенату обьявитъ свое мнение ...ите лъ тамо бытъ илы нѣтъ.

Владика свое дѣло по той его камысіи могъ бы еще на хоро...ю степенъ было вывестъ, естли бы имѣлъ у себе постоянство, а онъ какъ скоро приехалъ зачалъ тотъчасъ возобновлятъ сору съ ...оромъ Петровичемъ, възвалывая на его вынъну, что камысию свою ...могъ въ точносты исполнытъ какъ обещалъ, а къ тому занесъ ...е прозбу, чтобы майору Петровичу запретытъ називатцаименемъ ...о фамыліи, не уважая на то, что онъ его съ зачала вездѣ називалъ ...оимъ племяникомъ и по господахъ съ собою возилъ и рекомендо...лъ, а напослѣдокъ сталъ опорочатъ его и доказиватъ, что онъ не ...тъ Черногорецъ и не Петровичъ по фамиліи, а Шаровичъ.

Таковъ отъ владики поступокъ нанесъ господамъ даволно затруд...ния, а къ тому еще и дѣла Черногорские по Москве, что оны ...лалы было великою досадою для чего чтобы все сие прекратитъ

не допущено владике далѣ въ Петерьбурге проживатъ, чего онъ не сподѣвался, принесено ему на квартеру денегъ пятъсотъ рублевъ на дорогу и приведены почтовие лошады, съ приставленымъ провожатымъ отъправленъ тую же вечеръ въ Киевъ, а отътуда за граныцу высланъ онъ, потомъ спустя сколко лѣтъ опятъ. было въ Петерьбургъ приехалъ, не знаю чего онъ хатѣлъ, однако вскоре заболѣлъ и скончался тамъ.

Майору же Петровичу тогда при военной колълегіи учинѣнъ допросъ, почему онъ пишется фалшиво Петровичемъ, какъ о томъ на него владика показалъ, сей афицеръ не былъ простъ въ своемъ дѣле и умѣлъ себя очиститъ, и показалъ, что онъ и подлино не естъ племяникъ владики и не той фамиліи, а пишется Петровичемъ по своему прозваныю отъ имены прадѣда своего, коему было имя Петрѣ, что же владика на него обьявылъ, что онъ естъ Шаровичъ, то и о томъ въ отчиску себя показалъ, что таково название прилепылось отцу его отъ простихъ людей по наречию сербскаго языка по притчине его лыца отъ воспы спорченаго, а впротчемъ по доносу на него отъ владики, что по комысіи происходыло о томъ также показалъ свои справедливые обьясненыи, почему освобожденъ, и по его прозбе уволненъ на годъ въ Цесарию въ городъ Триестъ для исправленія имѣющагося тамо своего дѣла. Черногорци же находящиесъ въ Москве препорученны въ ведомство состоящей въ Москве военной коллегіи канторе, и надъ нимы командование находящемуся въ Москве жъ прежде бывшему въ Венгерскомъ гусарскомъ полку полковникомъ, а тогда въ отставке генералу майору Фелкеру, съ тѣмъ, покудова на требование Сената мнѣ отъ Кабынета отъпускъ воспослѣдуетъ, и потомъ формироватъ ескадроны и строитъ мундиры и другую подлежащую амуницию *.

Дѣло же мое докладомъ залежалосъ у Адама Василиевича слишкомъ уже долго, и хотя о ползѣ моей въ словахъ и естъ надежда, но однако мислы мои приводилы меня несколко въ сумнителство, для того что изговорки сталы выходитъ, что не досугъ за другимы важными дѣламы, а къ тому еще и удобнаго къ докладу времены изобрестъ не можно, и тѣмъ пошло денъ отъ дня въ отлагателство.

Правда что не было въ Адаме Василиевиче въ наружносты никакой премены и онъ всегда былъ ко мнѣ ласкавъ, да придворные обряды были мнѣ несколко уже сведомы, то и опасался я нѣтъ ли у

---

* Объ этомъ выселеніи Черногорцевъ въ Россію см. *С. М. Соловьева*, Исторію Россіи, т. XXIII, стр. 264—266, т. XXIV, стр. 234—236.

него на уме чего скритого, ибо обхождение его со мною, было какъ бы некоторимъ образомъ на пробе я у него состою, ласкавъ въ разговорахъ слишкомъ да дѣло идетъ въ проволочку, и тѣмъ надежда моя стала ослабевать.

У него были дѣти отъ первой и отъ второй супругъ, дочеры и сины, я съ нимы часто видѣлся и былъ знакомъ, обхождение жъ было мое съ нимы въ компліментахъ и въ разговорахъ, а далѣ сказать ничего не умѣю, и живу толко праздно безъ никакова дѣла и должносты; ужь и езда по городу мнѣ по пустому также наскучила.

Петербургъ тогда былъ еще нимало не устроенъ и походылъ толко на обширное селение нежелъ на столицу; въ нѣмъ было двѣ или три улыци несколко исправлены, по коимъ еще ездыть было можно, а на другихъ завалено нечистотою и грязь по уши, и преглядѣлосъ всио разъ по несколко что ужь въ забаву ничто не было диковеною, а развѣ фейеръверки кои часто бывали, то тѣ глядѣть было достопамятно, тѣмъ толко что по несколко десятковъ тысящъ рублевъ зъгорить въ полтора часа, и исчезнетъ димомъ, и тако болѣе скучно было празно жить нежель весело, напослѣдокъ утѣха моя была препровожденіемъ времены зимнимъ, тогда временемъ въ чтеніи книгъ коихъ я тамо искупылъ и стѣмы забавлялся.

Война же съ Прусакомъ продолжаласъ еще непрѣстано и была жестока, почему съ зачала учреждена была при дворе конференция, и приходящие дѣла изъ арміи туда въходилы, отъ коей по релацияма по рекомандаціи командующаго армиею дѣлалосъ штапь-афицерамъ въ чинахъ повишеніи, въ томъ числѣ вижу и слишу я что состоящие при гусарскихъ полкахъ мои сверстники некоторие получилы чины болшъ, между коимы моложе меня секундъ маиорскимъ чиномъ Сербскаго гусарскаго полка Петръ Тукелия уже подполковникомъ, коего имя въ релаціи было написано просто маиоръ, почему уже въ конференціи не разбырали секундли онъ или примеръ маіоръ, а какъ было написано то на томъ и оставилы и прескочивъ чинъ премиеръ маіорски произведенъ подполковникомъ, мнѣ сие что остался тронуло жестоко, и было знакомъ яснымъ что люде служащие при армыи на войнѣ получаютъ чины, а я живучи въ сторонѣ остаюсъ обойденымъ, для чего въселылосъ мнѣ въ голову что итытъ къ армы и службу доказать, что и я таковъ могу бытъ какъ и протчие.

О такомъ моемъ намереніи что въ армию итытъ и служитъ на войнѣ, и что моложе меня получилы чины а я остался, въ одинъ денъ будучи у Адама Василиевича, въ разговорахъ обьявылъ я ему,

а о своемъ дѣле кое отъ его старания себы ожидаю просилъ чтобы не оставылъ своею милостыю привестъ ко окончанию, однако примѣтылъ я изъ его словъ что онъ тѣмъ не былъ. даволѣнъ, и говоритъ мнѣ, что де вы по такому намерению ползы мало получитъ можете а разве толко убытокъ, ибо война можетъ бытъ прекратитца то и производства чиновъ въпредь безъ старшинства бытъ не могутъ, и вы толко напрасно въ ездѣ трудъ имѣтъ будете, а я де думаю говориль онъ чтобы вы на томъ положенiи осталысъ и надалѣ какъ таперь естъ, и ожидалыбь своего счастия здѣсъ.

Мнѣ сiи слова хотя я были несколко въ подькрепленне моей надежды, но что денъ за денъ время проходытъ безъплодно то и навалыла на меня такая скука что ужь мнѣ ничто немыло, и я почты сделался боленъ, — а тѣмъ болѣе что голову мне отяготилы великие мысли и ожыло въ уме что армия, и при оной служба и произъвождение чиновъ и тому подобное.

И тако после понесеного мною отъ потопления водяного несчастия, остался я не много времены свободенъ, а было надобно опять новые несчастiи и разные досады въстречатъ, ибо моя судбына столь много была жестока что своимъ за мною гонениемъ не умягчилась нымало, и взявши верхъ надь счастиемъ отъвела меня со всѣмъ в сторону и сѣты свои къ уловлению сплетатъ зачала, первѣе тѣмъ что вселыла мнѣ вголову мысли такие кои и были началомъ ее дѣйствия; а то бы однако еще можетъ бытъ у меня изъ головы истребылосъ и не дошло бы въдалъ такое намерение, естли бы не предьупреждено было съ стороны людмы такимы, кои успѣлы обратытъ своею хитростию всю ту надежду слѣдуемую къ моему благополучию на такую путъ, каторая къ достижению счастия была противна (какь ниже я говоритъ буду), и осталосъ въпредь уже навсегда мое произхожденне съ великимы препонамы и пребывкамы такъ далеко, что то бедное мое счастие сколко оно ни защищало себѣ и боролосъ предо мною и какбы сказатъ достигало иногда до своей силы, однако не могло остатца надолго свободнымъ безъ поврежденiя, и тѣмъ было мнѣ частие пременны и неудачи въ моихъ обьстоятельствахъ.

Выше сего на многихъ местахъ въ сей части моего пысания даволно я говорилъ какь о Черногорской камысiи такъ и о выходе народа въ Россию, и что еще осталысъ чрезъ ту зыму въ Цесарiи выходци изъ Турецкой областы Сербы подь названиемъ Черногорцовъ, коихъ для препровождения находитца тамо порутчикъ Ездими-

ровичъ и адютантъ Марковъ, о коихъ уже генералъ поручикъ Хорватъ въ Новой Сербыи чрезъ посланыхъ въ Цесарию за амуничними вещмы афицеровъ по возврате оныхъ былъ уведомленъ, что тѣ люде въ наступывшую весну препроводимы будутъ въ Киевъ.

Онъ же Хорватъ былъ и о томъ еще сведомъ, что въ Москвѣ находящиесъ Черногорцы остаютца безъ разпределения, а также и то онъ зналъ, что владика Черногорский высланъ за границу, то и поспешилъ Хорватъ какъ говоритца, чтобь въ мутной водѣ рыбу ловитъ.

Онъ въ началѣ 1759 года въ февралѣ месеце паехалъ изъ Новой Сербыи въ Петерьбургъ, и приехавъ первѣе въ Маскву сталъ квартерою въ сторонѣ на Кожевникахъ у своего подьрядчика купца Шекулютина, имѣлъ съ собою несколикихъ своихъ наперстниковъ, кои къ уловлению людей великую хитростъ въ себѣ имѣлы, и достигалы во всѣмъ томъ, что толко Хорвату было угодно, какъ и тогда будучи въ Москве послалъ Хорватъ тѣхъ своихъ, первѣе такъ по городу проездитъ и туда также велѣлъ имъ побыватъ, гдѣ Черногорцы на Емской улыце квартеры свои имѣлы, и съ нимы чтобь видѣтца и говоритъ, и узнатъ кто изъ афицеровъ между имы естъ, а къ тому и съ простимы чтобъ познакомытца и разпроситъ обо всѣмъ, что и какъ между имы происходитъ.

Сіи послание приехавъ въ наряде своихъ мундировъ, туда въ Емскую къ Черногорцамъ и вошедь въ состоящій тамо трактыръ, потребовалы того и другого изъ напытковъ, подчевалы тѣмъ нашедшихъ тамо несколкихъ человекъ изъ простихъ, а потомъ послалы и за другимы, кои собравшисъ яко еще незнакомые въ томъ числѣ были и тѣ, что назначены въ чины афицерские, тутъ ужъ завелосъ маленкое пырование и знакомство и сталы букалы за здоровые общества действоватъ и препылисъ до пыяна, причемъ тѣ посланые о Хорвате болшъ разговоры имѣлы выхваляя его дѣла, и какъ онъ великъ и силенъ въ своемъ предприятіи, и что приехалъ въ Маскву и едетъ въ Петерьбургъ, и на томъ у ныхъ тотъ первой денъ прошолъ.

А на завтре тѣ Хорватовы посланые опятъ туда жъ въ Емскую приехалы, къ коимъ ужо яко половину знакомые собралосъ поболшъ Черногорцовъ, и между разговорамы при стаканахъ скланялы, чтобы Черногорцы самы пашли къ Хорвату на квартеру, адно за то, чтобь его видѣтъ, а друго и то, что рекомендоватца въ его милостъ и просилы бь его, какъ онъ едетъ въ Петерьбургъ о неоставленыи ихъ

своимъ старaниемъ, яко оны люде иностраные и что никто такъ не можетъ имъ бытъ въ помочъ, какъ Хорватъ выхваляя при томъ его могущество до небесъ.

На тѣ совѣты некоторие изъ Черногорцовъ повернулы себя и пашлы къ Хорвату, коихъ онъ ласкавимы своимы словамы принялъ, сожалѣя обь ныхъ, что оны такъ долгое время претерпѣваютъ нужду, и не имѣютъ еще своего основания, и что далѣ ежелы на томъ остaнутца могутъ и совсѣмъ пропастъ, и тому подобное онъ Хорватъ дѣлалъ имъ свою проповѣдъ.

Причемъ поднесено было букалы и стаканы съ виномъ и съ другимъ напыткомъ, подьчевалъ, и столко часовъ ихъ у себя держалъ, покудова напослѣдокъ довелъ помочыю своихъ приставовъ, что тѣ Черногорцы, сколко ихъ тамъ на то время къ нему пришло, согласилысъ бытъ у Хорвата въ камандѣ и о томъ проситъ сталы.

Хорватъ яко поленъ лукавства (какъ я о томъ опосля узналъ), видя ихъ склоностъ и что оны уже уловлены здѣлался предъ нимы, будто оны ему не надобны и говорилъ, что де я сожалѣю обь васъ толко для того, что вы люде иностраные и терпыте такъ долгое время нужду, и не знаете еще своего настоящего определения, а впротчемъ нужди никакой въ васъ не имѣю, чѣмъ и довелъ онъ ихъ еще болше въ свою понызеностъ и прилѣжнѣе его проситъ сталы, на что напослѣдокъ Хорватъ согласился и сказалъ, дабро вы что таперъ просите, то я приемлю, но на то надобно, чтобь на пысме на имя мое отъ васъ была прозба, почему бь какъ приеду я въ Петерьбургъ могъ обь васъ предьпринятъ свои меры.

Таковыхъ Черногорцовъ просителѣй не было болѣе тогда у Хорвата какъ человѣкъ съ дватцатъ, оны согласилысъ датъ отъ себя таково прошение на писме, каково сочинылъ онъ Хорватъ самъ и далъ преписатъ, на коемъ тѣ просителы кто былъ граматенъ самъ за себя и за другаго неграматнаго своего товарища подьписалысъ всѣ, и при именахъ поставилы кресты, съ прописаниемъ, что оны всѣ вообще желаютъ бытъ у него Хорвата въ камандѣ и признаютъ его своимъ главнымъ командиромъ; причемъ однако сказывали оны Хорвату на словахъ и обо мнѣ, что оны предь тѣмъ подалы прозбу и ожидаютъ меня къ себѣ, какъ о семъ више я упомыналъ, но Хорватъ на то имъ отъвечалъ, что онъ ужь обо всѣмъ по приездѣ своемъ въ Петеръбургъ будетъ имѣтъ свое разсмотрение.

И тако Хорватъ приобретши на первой случай уже къ своему намерению слѣды отъкритые, вознамерился производитъ сие дѣло далѣ, онъ наградылъ тѣхъ просителѣй иного, что простие были денгамы, а другимъ кои почотнѣе были далъ сукна на мундиры, а некоторимъ пряма изъ ничево чины афицерские обьявылъ, и велѣлъ всѣмъ имъ ожидатъ скорейшаго своего къ нымъ приезда, и съ тѣмъ онъ въ завтрешный денъ изъ Москвы выехалъ и потомъ вскоре прибылъ въ Петеръбургъ.

Онъ первѣе устроилъ свои хожденіи, побывалъ у господь и вскоре потомъ подаетъ въ Сенатъ представление съ приложениемъ и того пысма, что Черногорцы въ Москве ему далы, и проситъ чтобь всѣхъ Черногорцовъ определытъ ему въ каманду, но таково представление въ Сенатѣ не апробовано, и сказано, что въ дѣло принятъ не можно для того, что надлежало первѣе то писмо обьявытъ въ Москве въ состоящей тамо военной коллегіи въ канторе, отъ коей при своемъ представленіи въ Сенатъ възнестъ, и тогда бы потому Сенатъ имѣлъ свои разьсужденіи, причемъ и то Хорвату сказано, что ужо определеныемъ Сенатскимъ положено на томъ, для успокоения Черногорцовъ, что состоящему при Кабынетѣ майору Пишчевичу по ихъ Черногорцовъ прошению быть надь нимы командиромъ, коего Сенатъ по требованию объ отпуске отъ Кабынета и ожидаетъ, почему иначе и пределатъ не можно, а разве что онъ майоръ самь согласитца и отъ себя подастъ прозбу, то тогда и зделаетца по вашему прошению.

Хорватъ того не сподѣвался, чтобъ ему въ томъ могло бытъ какое препятствие, а также и того не зналъ, что я къ Черногорцамъ самъ бытъ не желаю, а почиталъ болшъ, что я того искалъ, и потому въ его предприятіи здѣлаласъ ему маленкая разъстройка, не знавъ еще слѣда какъ бы меня склонытъ на свою сторону, ибо я на тѣхъ днахъ его приезда еще у него не бывалъ и съ нымъ не видался.

Я же о семъ, что Хорватъ по Сенату ищетъ еще не зналъ ны слова, и не было мнѣ нымало надобносты о томъ мыслитъ и было бросилъ и Черногорцовъ и всю ихъ безъпутную камысию въ забвение, а болѣе отяготены мысли мои были тѣмъ, какъ бы получитъ ожидаемое мною чрезъ Адама Василиевича счастие и потомъ итытъ въ армыю.

Но все сие было толко адно мое воображение, а въ самомъ дѣле чему быть, то ужъ судбына моя свое действие приуготовила, и Хорватъ на то приведенъ, онъ какъ не зналъ моего намереныя и почи-

талъ моимъ желаниемъ, что бытъ при Черногорцахъ, коихъ онъ какъ ему въ Сенатѣ сказано, что безъ моего на то согласия въ каманду себѣ получитъ не можетъ, то и надобно ему было меня видѣтъ и со мною говоритъ, для чего въ адинъ денъ по утру прислалъ Хорватъ ко мнѣ своего порутчика Вайду, каторой прежде былъ мнѣ немного знакомъ и проситъ къ себе, желая меня видѣтъ, я на сей визитъ и на комплиментъ поблагодарилъ и сказалъ что буду.

Надобно же знатъ, что Хорватъ меня еще въ моихъ молодыхъ лѣтахъ (толко что я афицеромъ произведенъ), будучи въ Цесарской службе хотя немного и знавалъ, но до отъезда его въ Россию за несколко лѣтъ прежде и послѣ касированьця той Помориской ландьмылиціи, въ коей онъ служылъ, я ужь его не видалъ, и тѣмъ между намы почты твердаго знакомства не было, то сей въ Петерьбурге тогда случай почелъ я приятною сьперва оказыею, что съ такимъ болшимъ господиномъ познакомытца, а паче что онъ самъ ко мнѣ такъ ласкаво чрезъ присланного своего отозвался, для чего и спешилъ я скоряе (слѣпо не ведущи какъ въ петлю) къ нему на дворъ.

Онъ меня приехавшаго на дворцовой каретѣ чрезъ окошко вы- дѣлъ, и выслалъ къ лѣсница своихъ апостоловъ меня въстретытъ, а самъ у дверей своего пакоя также меня въстречаетъ и принимаетъ лукавымъ лобзаниемъ со всякою притворною приятностью, чего я на то время ныже малѣйше не примечалъ, а болѣе былъ тѣмъ даволѣнъ, что время принесло его видѣтъ и зделатца ему знакомымъ.

Мы до обеда провелы время въ разговорахъ и не доходыло ны важносты ны дѣла, а такъ какъ обыкновено въ первое свидание между немного знакомыми людмы бываетъ, а послѣ обеда поседѣлъ я у него еще съ часъ места и хатѣлъ было отъклонытца и ехатъ, но Хорватъ удержалъ меня еще несколко и просилъ, чтобь и завтре у него бытъ на обедѣ и съ тѣмъ ужь подь вечеръ поехалъ я на свою квартеру.

Въ завтрешный денъ по утру былъ я какъ обыкновено у моего камандира Адама Василиевича, а отътуда возвратившись, какъ въ тотъ денъ былъ altдождъ съ снегомъ, то чтобы въ адну поездку заехатъ уже и къ Хорвату, было то еще заранѣе до обеда и Хорватъ также со двора выехалъ, меня въстретилы его причетники и принялы ласкаво сказывая, что генералъ поехалъ къ генералу-прокурору и что скоро будетъ.

То время, покудова Хорватъ приехалъ не болѣе часа полтора провелъ я съ симы его наперстникамы въ разговорахъ, кои имѣлы удобноі случай разпостеретца своимъ предо мною лукавствомъ, ны-

чѣмъ болѣе какъ толко о томъ, что Хорватъ обо мнѣ много имъ похвалы пресказывалъ, и какъ де оны и самы за великое удоволствие себы ставятъ, что случай имѣютъ со мною познакомытца, даже что и рекомандоватца сталы, выражая словамы своимы сколь много счастливимы почиталы бь оны себя, естли бы я между имы былъ, и тому подобные слова не преставалы говоритъ, но притомъ такъ искустно сѣты плелы, что ниже малѣйше подозрения приметытъ было не можно (чего я и не думалъ бытъ), а о Черногорцахъ, что въ бытностъ ихъ въ Москве дѣлалосъ ниже слова не упомынали, между тѣмъ и Хорватъ на дворъ приехалъ и увидѣвъ меня чрезъвычайно радъ былъ.

Онъ до обеда сидѣлъ со мною самъ адынъ въ разговорахъ наиболѣе спрашивалъ, какъ и что и на какомъ положеніи я въ Петерьбурге живу, и съ какимъ намереныемъ еще далѣ здесъ время провестъ хачу, а также и то спросилъ, чтобь то значило, что на дворцовомъ еквипаже и съ слугамы я ежу, то ужъ и было его предметъ первой, чтобь узнатъ стороною отъ меня самаго обо всѣмъ томъ и на чемъ я полагаюсъ и къ чему моя склоностъ естъ, дабы не здѣлатъ иногда въ своемъ предьприятіи ошибки, и не откритъ бы въдругъ предо мною о Черногорцахъ своего намерения, яко онъ также не зналъ и обо мнѣ, какие мысли я о томъ имѣю, а заключалъ болшъ, что я самъ того ищу, для чего и устроилъ онъ себя своимы запросамы такъ скрито, что нимало не подавалъ выдъ въ чемъ лыбо сумнѣватца, и ожидалъ первѣе, чтобь изъ словъ моихъ надобное ему узнатъ; не зналъ же онъ и того, что когда бы о Черногорцахъ на периодь пряма безъ закритыя мнѣ сказалъ, что онъ ихъ имѣтъ желаетъ, какъ бы я отъказался отъ ныхъ съ охотою, и уступилъ бы ему оныхъ такъ дешево, что ни адного шага труда его не стоило бь и тѣмъ можетъ бытъ остался бы я въ своемъ положеніи при Кабынетѣ съ покоемъ, и не уронилъ бы своего счастыя, каторое уже было мнѣ приуготовлено, а то онъ Хорватъ шолъ около меня съкрито и лестыю такою какъ бы толко меня уловытъ и достигнутъ до своего предьприятия, ибо ему хотѣлосъ приобрестъ баришъ двойной адно, что людей получитъ, а друго и меня въ каманду свою привестъ, чѣмъ и отъшыбь всю мою надежду къ моей уже всегдашнѣй порче и къ несчастию, что и говорю я какъ моя жестокая судбына раждала адно изъ другаго и въстречала меня разнимы препонамы и пребывкамы, и тѣмъ осталосъ то бедное мое счастие побеждено.

У насъ съ Хорватомъ тое жъ утро, какъ оставалосъ въ нашихъ разговорахъ еще несколко свободнаго времены до обеда, то на его

запроси о коихъ выше я говорилъ въ удоволствие пояснылъ ему, что камысию имѣлъ я въ покупке въ Трансилваніи ко двору потребныхъ лошадей, и какое было въ дароге мое у обратномъ путы несчастие, и что по приездѣ моемъ въ Петеръбургъ камысия моя ея величеству была угодна, и за то обьявлено мнѣ монаршее благоволение, и данъ для поездки моеі въ городѣ отъ собственоі ея величества канюшни карета, слуги и лошады, причемъ и о несчастіи понесеномъ мною пресказалъ я Хорвату, что по докладѣ отъ кабынетъ министра Адама Василиевича Алсуфыева ея величество ізволела много сожалѣтъ, и велѣла меня къ себѣ представитъ, а какъ обо всѣмъ спрашивала и что всѣмилостивѣйше ея величество обнадежила меня награждениемъ не оставить, почему таперъ и остаюсъ въ ожыданіи той отъ ея величества милосты, а потомъ какъ разсмотрю сказивалъ я Хорвату илы остатца уже навсегда при Кабынетѣ илы можетъ бытъ проситца буду къ арміи, какъ война еще съ Прусакомъ продолжаетца, то чтобы еще въ сихъ моихъ молодыхъ лѣтахъ и на войнѣ службу свою показатъ.

Изъ сего отъ меня сказанаго обьяснения уже Хорвату узнатъ было даволно, и онъ болѣе меня ны о чемъ не спрашивалъ, а приказалъ на столъ кушатъ подаватъ, что тотъчасъ и зделано и мы сѣлы обедатъ, за коимъ немного времены въ разговорахъ у насъ прошло и въсталы.

Послѣ жъ обеда спустя съ полъчаса, какъ уже намъ поднесен[о] было кофи разошлысъ его сопричетникы на свою половину, а Хорватъ взявши меня за руку павелъ въ свою спалню и тамъ посадылъ возлѣ себя, и зачалъ мнѣ пресказыватъ, называя свои дѣла секретнимы, и о доверсносты на томъ его въ Новой Сербыи поселеніи даной ему, и какъ по его прожекту учинѣнъ въ ползу выходящаго къ нему иностранаго народа планъ великъ, и что у него зачинаютца формированыемъ вновъ два полевыхъ гусарские полка, адинъ Македонский, а другой Болгарскимъ названы, въ кои набыраютца люде такие, кои по выходе изъ своего отечества какъ Сербы, такъ Валохи, Греки и Молдоване, молодие холостие люде, отъ коихъ случаетца, что болшъ желанносты имѣютъ продолжатъ службу въ полевыхъ полкахъ нежелъ заводитца економыею и бытъ на поселеныю, то де я говорилъ Хорватъ нашелъ за полезное сіи полевые два гусарские полка учредытъ и такимы людмы наполнитъ оные, и что онъ Хорватъ о сихъ полкахъ самъ собою сочинылъ особливоі штатъ (и показиваетъ мнѣ оной), почему какъ много Правителствующій Сенатъ даволѣнъ, и что уже все сие къ установленыю препоручено въ главную дирекцию на

его, даже что и въ чины-штабъ и оберъ афицерские въ сихъ двухъ полкахъ равно и въ Новой Сербыи кого онъ въ какой чинъ бытъ назначитъ, то ужъ на томъ оной и остаетца.

Къ тому жь продолжалъ Хорватъ далѣ свои пресказы, что онъ вездѣ и въ разные страны чрезъ своихъ повереныхъ учинылъ какъ о распространеныи Новой Сербыи такъ и о сихъ двухъ новыхъ полевыхъ полкахъ изъвестыя и народъ возбудылъ къ выходу, почему де въ недавнѣ уже имѣетъ изъ Греціи, Молдавыи, и Валахіи увѣдомленіи, что народъ велыкую желаностъ къ выходу имѣетъ, и будутъ въ скоросты изыскиватъ случай къ нему въ новую Сербыю выходитъ, и такимы его трудамы какую ползу онъ отечеству Россіи уже показалъ, и могъ бы еще и болшъ здѣлатъ, толко де ему адно не достаетъ и сталъ о томъ жаловатца.

Вы де другъ мой говорилъ Хорватъ даволно уже слишилы сколко я людей счастливимы здѣлалъ, доставлялъ имъ чины и выводилъ на степены изъ людей такихъ, кои были самые простие по нужде такой, что неимѣлъ достаточнаге числа изъ вышедшихъ со мною изъ Цесаріи афицеровъ, а хотя таковы вишедшие и состоятъ въ полкахъ въ камандѣ моей, что знаютъ службу и показываютъ отъ себя примеръ другимъ, коихъ однако по таперишнѣй войнѣ принужденъ былъ съ моимъ полкомъ (называемымъ Хорватомъ) отъправитъ въ армыю, а за тѣмъ по обширносты и умноженыю народа на поселеныю въ Новой Сербыи и въ сихъ двухъ новыхъ мною формирующихъ полевыхъ гусарскихъ полкахъ остаюсъ почты безъ добрихъ и знающихъ афицеровъ, и тѣмъ принужденъ уже пополнятъ места вънововъ произведенимы, а также стараюсъ въ ползу общества изъ иностраныхъ посторонно, гдѣ како достойнаго человѣка достатъ могу приглашатъ къ себѣ, но всио еще и по нинѣ въ томъ недостатокъ несу, а болѣе всего что помощника у меня нѣтъ на ково бы положытца могъ, хотя де и былъ у меня адынъ изъ нашихъ со мною вышедши коего и вы знаетѣ (указывая на тогда бывшаго подполковникомъ Николая Івановича Чорбу), но и онъ Богъ его знаетъ говорилъ Хорватъ что по его нраву не хотѣлъ тамъ у меня на поселеныю остатца, а болѣе чрезъ негодныхъ людей, коихъ онъ слушался покинулъ свой фундаментъ и пашоль во вновъ формирующійся Белой Слободской гусарской полкъ, и таперъ при етакомъ важномъ дѣле адно что я полевые два полка формырую и ужь почти со всьмъ на ногахъ поставлены, а друго и то какъ вскоре ожидаю къ себе выходъ народа то и не имѣю никаво себѣ въ помочъ, а правду ска-

затъ что и не нахожу никаво такова другаго, кто бы могъ вом по внутреносты управлятъ и былбы мнѣ помощныкомъ, какъ что васъ на то достойнымъ изъбыраю, то для того и открываю говорилъ Хорватъ мое намереные, и желаю чтобь всю ту честь, ву, и похвалу вы со мною по поламъ дѣлилы, что и зависитъ перъ отъ адного вашего толко согласия, а вамде сумнѣватца н ло ни очемъ не надобно, и вѣртѣ что всѣ чины и достоинствы вс за мною достигатъ болшъ нѣкому какь толко вамъ, чѣмъ на сей вой случай и доказатъ хочу, что вы на сихъ днахъ изъ понѣш вашего секундь въ примеръ-маиорки чинъ произведены будете, симъ въскоре и не далѣе трехъ месецовъ доставлю вамъ и под ковничи чинъ, и потомъ безъ сумнѣния положитесъ что еще а года прежде, будете полковникомъ въ чемъ даю вамъ мое слово.

Я выслушавъ всѣ сіи сладкие Хорватовы слова и обьнадея ніи, не подалъ ему ни мало склоносты и говорю ему что благо васъ много за ваши обо мнѣ харошие мысли, но какъ я имѣю место и состою при дворе и на содержанін дворцовомъ какъ пажемъ такъ квартерою и протчимъ, и ожидаю далѣ все свое гополучие отъ милости Ея Величества, то и не могу я сего оставитъ и безъ никакова резона отойтытъ, а по полученіи ожидаемаго счастия говорилъ я Хорвату, ежели бы и д до того что отъ двора отойтытъ, то однако неиначе полагаюсъ, чу служитъ по моимъ еще молодымъ лѣтамъ въ армыи въ поле полкахъ, а на поселению бытъ не имѣю воли нымало.

Хорватъ получивъ таковъ отъ меня отьвѣтъ, продолжалъ еще свои слова и разговоръ о той же матеріи и провелы мы почти целый депъ, и ужь подьвечеръ какъ я хатѣлъ итытъ то но просилъ чтобь остатца у него ужинатъ на что я и соглас а послѣ ужина поехалъ я на свою квартеру.

На завтрешны денъ въ часу девятомъ поутру пришла вся ватова свита ко мнѣ съ визитомъ, тутъ былъ первой протопопъ личъ, да капитанъ Григорій Булацелъ, порутчикъ Вайда и его вата адютантъ Черныковъ, всѣ съ великою учтивостыю и прият словамы, сидѣлы оны у меня съ часъ целой, продолжалы разго о своихъ местахъ выхвалая доброе своего камандира распсрия и какъ онѣ тамъ благоденствуютъ и живутъ во всякомъ удово но еще адного бы желалы чтобы и я между имы былъ; упо какъ ево превосходителство господинъ генералъ Хорватъ гарячо возлюбылъ и намеренъ старатца о моемъ въпредь на всегда

капитанъ Булацелъ, онъ заходылъ на мою квартеру и не нашедъ ме
ня, опрашивалъ слугу моего обо мнѣ и гдѣ я, а тотъ ему сказав
то потому и нашолъ онъ меня.

Я какъ скоро его увидѣлъ, было то мнѣ несколко противно чт
онъ яко незнакомей моему приятелю, а также и я самъ не много
еще дней какъ его сталъ знать, и что и за чѣмъ къ намъ туда при
шолъ не знаю, для чего чтобь узнать подошолъ я къ нему спраши
вая нѣтлы какой до мнѣ надобносты, онъ извинялся о своемъ при
ходѣ и говорить что повелѣнъ искать меня и подаетъ мнѣ билетец
писаной Хорватомъ своею рукою, проситъ чтобы я какъ можнб по
скорие къ нему приехалъ, ибо де имѣетъ нужное дѣло мнѣ сказати
при чемъ и сей посланой также сталъ просить, чтобъ я не отъказы
вался а поехалбы туда, обьявляя притомъ что его генералъ сей час
приехалъ дамой, а быдде коно у каво у господь и надобность бол
шую имѣетъ меня видѣть.

Мнѣ жестоко не хотѣлось приятной своей компаніи покидати
и зачалъ было изъгавариватца что таперъ уже поздо въ ночь,
что завтре по утру туда буду, однако сей посланой апостолъ столь
былъ нашколѣнъ творить волю пославшаго его, что около меня увер
тивался своею прозбою столь прилѣжно, что ужъ принужденъ я был
покинутъ своихъ приятелѣй, пашолъ сьнымъ первѣе на свою квар
теру и велѣлъ заложить въ карету лошадей поехалъ къ Хорвату.

Онъ узнавъ что я приехалъ, встречаетъ самъ меня у дверей
своихъ обьнялъ меня рукамы, целуетъ и называетъ своимъ другом
показывая всѣ ласки что толко выдумать можетъ, совсѣмъ отьменн
и болшѣ прежднято, и говорить какъ онъ мною пленился и что не
можетъ безъ меня быть, въвелъ меня за руку далѣ въ свой покой
посодылъ возлѣ себя и сталъ разсказыватъ, куда онъ въ тотъ ден
по городу ездилъ и у каво изъ господь былъ, и хвалытца отьменъ
ною отъ всѣхъ оказываемою къ нему мылостыю и что онъ вездѣ гд
бывалъ обо мнѣ разсказывалъ и похвалялъ, и какъ онъ тому такж
радь что всѣ господа меня знаютъ и слышитъ вездѣ обо мнѣ по
хвалние слова, указывая на меня своимъ тутъ предстоящимъ апосто
ламъ, говоритъ что вотъ знайте вы сей можетъ быть надь вамы в
повелѣнияхъ и въ управленіи моимъ наслѣдникомъ естлы толко со
гласитца туда итыть и васъ усчастливытъ; а тѣ всѣ приступилы к
мнѣ уклоняются и просятъ, чтобы я для всего общества толь ве
ликую ползу учинытъ не отъказался и былбы между ными.

Я все сіе слишу и думаю что истого напослѣдокъ будетъ, а ни мало не могу еще приметытъ лукавоі̆ ихъ хитросты и почитаю, что можетъ бытъ и подлино сіи люде изъ доброй своей души меня имѣтъ желаютъ, изъ чего и сталы у меня размышленый мои колебатца.

Таковы разговоры продолжалъ Хорватъ даже въ поздую ночь и ужинъ поставленъ на столъ, а по окончаніи онаго всѣ скоро изъ той столовой горницы вышли и осталысъ толко насъ два я да Хорватъ, онъ повелъ меня въ свою спалню и зачалъ говоритъ что онъ въ тотъ день какь былъ у господь сенаторовъ, сказано ему обо мнѣ что въ сенате определение зделано по прозбе Черногорцовъ въ Москве находящихся, что мнѣ надь онимы бытъ камандиромъ и отъправлены будутъ въ армыю, и что оботьпуске меня отъ двора будетъ отъ сената послано въ кабынетъ требование, а какде Черногорци говорилъ Хорватъ во время его проезда чрезъ Москву, также обьявилы свое желание и подалы на пысме что желаютъ быть у него въ камандѣ, то и находытъ онъ тѣмъ самымъ способомъ доставить мнѣ благополучие, а зачало де того состоить въ томъ, чтобь толко подалъ я отъ себя въ сенатъ доношение спропысаниемъ моей обще съ тѣмы Черногорцамы желаносты быть въ каманде его Хорвата, а я де говоритъ онъ всѣхъ и определю въ новоформирующейся Болгарской гусарской полкъ и вы де будете надь нимы командиръ, и какъ скоро вы таково доношение подадыте, то де я тотъ часъ представлю объ васъ въ сенатъ и доставлю вамь на первоі̆ случай примеръ маиорской чинъ, въ тотже полевоі̆ Болгарской гусарскоі̆ полкъ, и тако таперъ предстоить предь вамы ваше благополучие, продолжалъ Хорватъ свои слова, и остаетца приобретениемъ онаго единствено отъ собственой вашей воли.

Къ тому жь еще говорилъ Хорватъ, что онъ по повелению Сената въ скоросты имѣетъ отъправитъ Македонский гусарский полкъ къ армыи, то и въ томъ даетъ мнѣ на волю, естлы имѣю желаностъ бытъ въ армыи, то могу со онымъ полкомъ итытъ и бытъ надъ онымъ командиромъ, а преводь изъ адного полка въ другой состоитъ отъ его власты и распоряжения.

На таково отъ Хорвата обьявление отъвечалъ я ему, что никакъ прежде согласитца не могу, покудова о томъ не доложу моему командиру господину кабынетъ министру Адаму Василиевичу Алсуфиеву и услишу отъ него, что онъ мнѣ скажетъ, и укажетъ ли государиня

отъ двора меня отъпустытъ, а о Черногорцахъ говорилъ я Хорвату, что можете оныхъ и безъ меня къ себе въ каманду требовать, когда оны самы къ тому согласны.

Однако Хорватъ о сихъ последныхъ моихъ о Черногорцахъ словахъ оставилъ на тотъчасъ далѣ говоритъ, а услиша мой отъвѣтъ, что отъ двора отойтытъ самъ собою не могу, то и зачалъ о томъ говоритъ, что де вамъ при дворе еще на далѣ оставатца, можетъ быть иногда безъполезно и то де всио дело временое, и вы можете прорыныть свое благополучие и остатца безъ авантажа, а таперъ де есть время получить вамъ свое счастие, и на томъ такъ и осталысъ наши разговоры и по глыбокой уже ночи не хотѣлъ я болѣе ничего говорить, отъклонясъ Хорвату поехалъ на свою квартеру.

На утрешный денъ поехалъ я къ моему командиру Адаму Васылиевичу Алсуфиеву, пресказалъ ему всио что и какъ Хорватъ говоритъ также и о Черногорцахъ упомянулъ, на что Адамъ Василиевичъ говоритъ мнѣ, что берегите вы свое место, гдѣ вы таперъ состоите и вамъ болѣе ничего не надобно и смотрите, чтобъ вы не потѣрялы своего счастия; витъ даволно сего было сказано и можно было разумѣтъ, чтобъ на томъ утвердитца, но нѣтъ, а судбына моя преодолѣвши всио то производила свое предьприятие.

Я положился было на томъ, чтобъ словъ Хорватовыхъ не слушатъ и отъстатъ отъ того, даже и ходитъ не сталъ болѣе къ Хорвату, что видя онъ непрестано посилаетъ ко мнѣ, однакъ я не ходылъ, напослѣдокъ въздумалъ онъ болшихъ господъ просить, чтобъ меня уговорить какъ то тѣмъ и дашолъ онъ до своего успѣха, адынъ днемъ по утру рано пришолъ ко мнѣ афицеръ, посланой отъ Сенатского господина генералъ-прокурора князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, обьявляетъ мнѣ, что его сиятелство зоветъ меня къ себѣ, я одѣлся и поехалъ туда, князъ какъ меня даволно и прежде зналъ, принялъ меня ласкаво и говоритъ мнѣ, упомыная о томъ определеніи Сенатскомъ, что о Черногорцахъ какъ я выше часто говорилъ, а притомъ советуетъ, чтобъ я согласился обще съ оными Черногорцамы итытъ въ команду Хорвата, и что я буду награжденъ чиномъ и также и впредь по представлению ево Хорвата буду производимъ чинамы и что конечне мое счастие тамъ найду.

Я князю отъвечалъ, что состою при дворе и что безъ воли Ея Величества самъ собою ни на что другое согласитца не могу, князъ отъвѣчаетъ мнѣ тѣ самые Хорватовы слова, что мнѣ при дворе не

такъ можетъ бытъ авантажно и пророню свое счастие, и советуетъ чтобъ я на то какъ мнѣ Хорватъ говорилъ согласился.

Сего господина советъ подалъ мнѣ думать, я не бавылся у него далѣ, а отъклонясь поехалъ на свою квартеру, и не прошло потомъ какъ часъ места, было то еще порано въ часу адинатцатомъ по утру приехалъ ко мнѣ на одноколке артилериской сержантъ, говоритъ мнѣ что прислалъ его графа Петра Івановича Шувалова генералсъ-адютантъ Макаровъ проситъ къ себе, имѣетъ де нѣчто мнѣ сказатъ.

Я зная что Макаровъ тогда весма великъ человѣкъ былъ, и что то нѣчто отъменное должно бытъ, что онъ со мною говоритъ хочетъ, не имѣя со мною предь тѣмъ никакова знакомства, поехалъ я туда на дворъ графа Петра Івановича, гдѣ и Макаровъ въ нижнѣмъ флигеле свою квартеру имѣлъ, и войдя въ передней пакой, вижу что тутъ стоятъ человекъ болшъ десятка изърядныхъ людей, между коимы были некоторие и подъ лентамы, дожидаясь видѣть господина Макарова (для того, что когда кто по своей нуждѣ первѣе чрезъ Макарова стезю не направитъ, то иначе графа видѣтъ не можетъ).

Тотъ сержантъ, каторой за мною посиланъ шолъ поперѣдь меня, указывая мнѣ дарогу куда къ Макарову итытъ, пашолъ пряма въ спалню съ докладомъ, что я ужь приехалъ, а я было остановился въ передней, гдѣ и всѣ протчие стаялы, потомъ мало спустя идетъ тотъ сержантъ ко мнѣ и говоритъ, что изволите туда въ спалню итытъ, я и пашолъ, застаъ господина Макарова что одѣвался, онъ посадылъ, меня показался ласкавъ, обьявляетъ мнѣ что въчерасъ приказалъ ему графъ за мною послатъ, и для того де я васъ къ себѣ звалъ, хачу васъ къ графу представитъ, а притомъ зделалъ ту церемонию о самъ себѣ говоритъ, что онъ не бывъ прежде со мною знакомымъ такъ, таперъ при семъ случае почитаетъ себѣ много за удоволетвие, что впредь знакомство со мною имѣтъ будетъ, я ему благодаря за такое его приятство и также рекомандовалъ себя ему въ приязнь, спрашиваю притомъ его не знаетъ лы чего мнѣ оказатъ, о чемъ бы то было, что графъ приказалъ меня призватъ, на то отвечалъ что далѣ не знаетъ, а думаетъ не по прозбе ль генерала порутчика Хорвата, какъ де онъ въчерасъ былъ у графа, и я слишилъ что нѣчто онъ объ васъ говорилъ и упомыналъ ваше имя, изъ сего я и догадался что и здесъ будетъ то самое, что и у князя Трубецкаго было.

Потомъ какъ уже Макаровъ совсѣмъ одѣлся, то пашолъ поперѣдь, а я за нымъ, мы шли чрезъ ту горницу гдѣ многие дожида-

лыесъ целое утро какбы его выдѣгъ, но онъ такъ скоро шагалъ, что никто не успѣлъ съ нымъ слова переговоритъ и пришедъ я съ нымъ на верхъ къ графу, остановилъ меня предь спалнѣю въ прихожемъ накое, а самъ пашолъ во внутрь далѣ, и погодя не много вышелъ Макаровъ отьтуда и позваль меня, я вошедь въ спалню къ графу засталъ его сидящаго нѣчто писалъ, и какъ я къ нему приступылъ поближе и поклонился, то и сталъ онъ мнѣ говоритъ советуя чтобь я не отьгаваривался бытъ у Хорвата въ камандѣ, и что сие къ моему благополучию послужитъ можетъ, и чѣмъ бытъ гдѣ индѣ въ камандѣ говоритъ графъ, то не лучше лъ между своины аднонационалнимы, а ктому и честь вамъ дѣлаетъ, что оны всѣ желаютъ васъ у себя иметъ, а особливо господинъ генералъ-порутчикъ Хорватъ яко главной командиръ можетъ всегда здѣлатъ вамъ счастие.

Я графа поблагодарилъ за его милостивой совѣтъ и говорю что я состою при дворе и что не могу я самъ собою ничево предпринимать безъ воли Ея Величества.

Графъ на то отьвечаетъ, что же вы при дворе состоите о томде я знаю, но вы о самомъ себѣ старатца должны, чтобь не упустытъ удобнаго случаю и восползоватца оньмь во время, а то что при дворе бытъ правда кажетца вамъ весело, но произвожденіемъ укоснитъ можете, и болѣе графъ со мною не говорилъ и я откланясъ вишелъ вонъ и поехалъ на свою квартеру и обедалъ дома.

Сіи советы такихъ болшихъ людей а особливо графъ Петръ Івановичъ Шуваловъ, кроме того что онъ есть первы сенаторъ и генералъ фелтъцейгьмейстеръ, но по внутреносты государства былъ весча въ великой силѣ человѣкъ, и зависилы всякие дѣла болшъ отъ него нежелъ отъ другихъ, зналже я и то что редкостыю тогда почиталосъ, естлы онъ съ кѣмъ ниже себя въ разговоры войдетъ, а мнѣ о такомъ партикулярстве довелосъ съ нымъ столко словъ говоритъ и его совѣтовъ слишитъ, то и привело меня въ моихъ разьмишлѣнияхъ такъ въ разьстройку что я не зналъ что дѣлатъ и разсуждалъ сидя самъ адинъ на чѣмъ положитца, думаю самъ въ себѣ ежелы отъстатъ отъ двора своего волѣю, то не будетлы мнѣ за то немилосты, и потеряю всѣ то содержание каторое таперъ имѣю, а опять естли оставатца при дворе надалѣ думаю въ себѣ и упущу сей случай, какъ генералъ Хорватъ меня обнадеживаетъ что дастъ полкъ и отъправитъ въ армыю въ чемъ и господа такъ болшие меня

советуютъ, и ежелы все сие оставлю я въ пренебреженіи, то могу потѣрять свое по службе счастие и старшинство, какъ уже въ армыи моложе меня маиорскимъ чиномъ, Текелий произведенъ въ подьполковники, то и другие также мымо меня происходытъ будутъ, а я останусь и ужь и неможно мнѣ будетъ предь ними своего старшинства достигнутъ, и дождулысь, еще чего лучшаго то неизвестно.

И тако въ сихъ разьмышленияхъ провелъ я время въ своей квартеры самъ аднинъ, не могши еще твердой своей резолуціи положитъ ни къ адной, ни къ другой стороны, а пустился ожидатъ чрезъ наступывшую ночъ не придетли чего къ лучшему на паметъ, и на томъ сполъдня гараздо уже денъ прошолъ и наступаетъ вечеръ, однако сіи мои разъмишленіи прекратилысъ вдругъ, ибо часъ и мынута уже та пришла, въ каторую вся моя свобода и надежда толъ долго ожидаемая изъчезнутъ должна, и пуститца въ руку ожидаемому меня разнымъ впредь моего счастия пребывкамъ, и встречатъ великие скорбы и печалы, понеже самъ тотъ всего сего устроителъ генералъ порутчикъ Хорватъ приехалъ ко мнѣ на дворъ.

Я узнавь о его приездѣ отъ слуги моего, вскочилъ скорея, вышелъ на крилцо встречаю его, онъ вошедь ко мнѣ въ горницу веселимъ видомъ говоритъ что дѣлаешъ брате, и для чего ко мнѣ не бываешъ, я де вотъ самъ за тобою приехалъ ступай со мною.

Мнѣ его визитъ не слышкомъ былъ прiятенъ, а еще менше и ехатъ съ нымъ желалъ, для чего и было сталъ отъгавариватца нездоровыемъ, и что положылъ тотъ денъ дома бытъ, но онъ говоритъ что нѣтъ ступай со мною, я де хачу конечне чтобъ ты у меня былъ и со мною вечеръ провестъ, причемъ говоритъ что вотъ толко еду на квартеру, а былъ по господахъ и обедалъ у генерала прокурора князя Трубецкаго, и сказываетъ еще что видѣлся гдѣ то съ моимъ командиромъ Адамомъ Василиевичемъ Алсуфиевымъ и говорилъ съ нымъ, а что говорилъ того не сказалъ, и тако не далъ мнѣ Хорватъ пакою, принужденъ я сестъ съ нымъ въ карету и ехатъ къ нему.

Нашъ разговоръ происходылъ во всю вечеръ до ужина по ево обычаю въ адиѣхъ толко отъ него разъсказахъ, гдѣ былъ, что выдѣлъ и тому подобное, при чемъ хвалытца какъ вездѣ у господь онъ харошо принятъ, и что всѣ его дѣла въ великомъ успехе происходитъ, между тѣмъ и ужинъ былъ готовъ и на столъ поставлено.

Ужиналы мы всѣ въ [illegible] то естъ и вся его Хорвата свита, кои послѣ ужина тотъ часъ пошлы протчъ на свою половину, а оста-

лыесъ толко насъ два, я да Хорватъ самы, тутъ зачалъ онъ мнѣ опять говоритъ и всио о томже и въ тѣхъ розговорахъ, прошла ночь ужь двенадцатой часъ, а я еще держался и ни какова слова и склоносты на ево требование не даю, и хатѣлъ ехатъ на свою квартеру, но онъ какъ взялъ меня за руку такъ и водитца со мною по горнице и не отьпускаетъ, напослѣдокъ остановился и говоритъ мнѣ: слушай братъ вижу я, что ты упрямышся и не хочешъ своего счастия, ты де еще адного наиважнѣйшаго дѣла не знаешь сколъ много я о тебѣ думаю, и какъ я хачу оное произвесть, и то выговоря замолкъ, а потомъ поворотясъ ко мнѣ гледитъ и повторяетъ слова свои, какъ велико онъ еще обо мнѣ думаетъ.

Я ему благодарю за то и говорю, что неизвестно мнѣ какие такие ваши еще обо мнѣ великие думки и потому не умѣю ничѣво наотъвечатъ, я опятъ хатѣлъ проститца съ нымъ и ехатъ на квартеру, мнѣ ужь наскучило было такъ долго съ нымъ возитца, вижу что ужь и полъночъ прошла, говорю ему, что пара вамъ свой пакой взятъ, а завтре еще денъ естъ увидимся и говоритъ можемъ, онъ на то отвечаетъ какбы съ некоторимъ восторгомъ, держа меня безъ выпуску за руку говоритъ, что нѣтъ, а сегодня должно решитца о всѣмъ [illegible] и таперде тебы скажу какое еще мое намерение, и зачалъ меня выхвалятъ, какъ онъ меня еще въ Цесаріи и всю мою фамилию знаетъ и что желаетъ меня вмешатъ въ свою фамылную кровъ, я де имѣю [illegible]о, продолжалъ Хорватъ свои слова, отъ брата роднаго племяницу дѣв[illegible]ица еще въ молодыхъ лѣтахъ именемъ Катерина, а ти де въ молодихъ [illegible]же лѣтахъ овьдовѣлъ, то вотъ что я о тебѣ думаю и я мою племянницу тебѣ дарую и хачу, чтобь ты въ мою кровъ вмешался и будешъ [illegible] во всѣхъ моихъ предьприятияхъ моимъ помощникомъ, какъ я тебя [illegible] на то годнымъ и дастойнымъ нахожу, для того и хачу говорилъ Хорватъ чтобь ты по мнѣ первымъ былъ, и сие виговоривъ сталь предо мною держитъ меня за руку.

Я выслушавъ таковы отъ Хорвата слова о женидбѣ, хотя у же моего несчастливаго вдовства время блызъ года минуло, однако смутилысъ у меня глаза и какъ положылъ я уже было, чтобь болѣе не женитца и о томъ не думатъ, то и тогда говорю я Хорвату, что пожалуйте отъ того уволныте меня и пролилысъ у меня слезы изъ глазъ, въспомня злосчастной бывши тогда со мною случай, что в[illegible] Хорватъ сталъ меня увещеватъ и говоритъ, что ни я первой ни последнѣй въ светѣ, и что многие тому подобние случай бываютъ и

люде опять женютца и наслѣдниковъ приобретаютъ, и по себѣ оныхъ оставляютъ и что то всио по судбамъ у человѣка происходытъ.

Сию проповедъ онъ мнѣ толковалъ еще съ полъчаса и покудова онъ о томъ непрестано говорилъ, то между тѣмъ сталъ я думать какая у него племяница и брата его дочь, я то прежде слишилъ, что онъ имѣлъ брата старшаго и былъ у него на поселению въ Новой Сербыи подъполковникомъ и тамъ умеръ, коего я никогда не знавалъ и всию его фамылию также прежде не видалъ, и знакомства съ нимы никакова не имѣлъ, окроме что толко его Хорвата одного зналъ, ибо будучи еще мы въ нашемъ въ Цесаріи отечестве и покудова онъ Хорватъ отътелъ въ Россию не выехалъ по случаю толко разовъ несколко его видѣлъ, а другие всѣ были мнѣ совсѣмъ незнакомы, а слишилъ, что онъ Хорватъ имѣетъ замужную сестру и племяницу отъ брата также замужемъ уже въ Россіи, а о сей племянице о коей онъ мнѣ говоритъ я во всѣ не зналъ, и тако покулъ Хорватъ проповедъ свою говорилъ, то я о томъ тогда размышлялъ.

По окончаніи словъ своихъ говоритъ Хорватъ скажи мнѣ свою резолуцию, на что отъвечалъ я и прошу его чтобь до завтре датъ мнѣ время подуматъ, какъ сие дѣло говорю я ему естъ важное, то и требуетъ зрелаго разъсуждения, онъ на то отъвечаетъ что чему бытъ завтре можно и сей ночи кончитъ, и о чемъ много думатъ и разъсуждать, сей часъ естъ на то сотворенъ что обо всѣмь решитца надобно, и держитъ меня безъ выпуска за руку.

Я ужь тутъ весъ вострепеталъ и языкъ у меня одревенѣлъ и говоритъ не могъ и такь мнѣ здѣлалосъ будто меня нѣчто тронуло предвозвѣщая нѣкакой страхъ и что иду въ гибелъ и на страданіи, напослѣдокъ положась на власть всѣвышняго говоритъ зачалъ симы словамы, я вижу что ваше превосходителство столь много трудитесъ и приглашаете меня, не ужлы то такь что толко я одинъ человекь на светѣ и что кроме меня нѣтъ другаго, которой бы у васъ къ вашему дѣлу могъ бытъ годнымь, онъ подъхватя мои слова и говоритъ что такъ ти де угадалъ у мена нѣтъ достатка въ людяхъ, яде тебѣ и давно о томъ сказалъ; а потомъ продолжалъ я еще речь свою къ нему и говорю что примечаю я вашу склонность къ себѣ и о кроме того что по службе принадлежитъ, и хотите еще меня союзомъ родства въ кровъ фамылій вашей смешатъ, то и приемлю я сие съ особливымь уваженіемъ и обѣщаюсь бытъ вашимъ, но не знаю говорилъ я Хорвату, сей часъ по моему таперъ новому зачалу дѣла и предприятия каково обратитца напредь будущее время, илы оно послу-

житъ къ великому моему благополучию илы къ несчастию, дл что я покидаю и бросаю здѣсъ свое место безъ малейшаго реа оставляю своеволно то удоволствие, какое я по нинѣ имѣлъ, лѣе всего можетъ бытъ лышусъ и того ожидаемаго мною сч коимъ меня сама Ея Величество Государиня словамы своимы дежитъ изволела и таперь послѣдую вашему позыву на что и гаюсъ, но съ тѣмъ условыемъ говорилъ я Хорвату что первое поселению не хачу бытъ, какь я человѣкъ еще въ настоящихъ ихъ молодыхъ лѣтахь, то и хачу служитъ въ армыи, и чтоб здѣлалы такь какь обещалы произвестъ меня таперъ здѣсь пс ковникомъ и отьправитъ съ Македонскимъ гусарскимъ полко армыю, какь еще говорилъ я ему война съ Прусакомъ продолжа то и хачу себя службою показатъ и заслужитъ честъ какь и чие и чтобь меня и по службе военой господа командующие лы, а о женидбе говорилъ я ему что то можно будетъ по пр моемъ въ Новую Сербыю совершитъ, а потомъ илы взятъ сво весту съ собою въ походь, чтоби и она яко человѣкь молодой и чужие края повидѣла, илы оставить въ доме у матеры въ какь вы заблагоразъсудите.

Хорватъ на сіи мои слова отьвечаетъ, что всио то на том детъ зделано какь я требую и подьтверждаетъ своею честыю и мнѣ въ томъ свою руку, и обнявши меня сталь целоватъ, и п шивъ въ другие пакои ведетъ меня съ собою за руку, кричит своимъ апостоламъ, кой ужо были всѣ заснулы и такъ одѣти муидирахъ лежалы, будитъ Хорватъ ихъ, а тѣ вскоча сталы н ги и протираютъ изъ просоня свои глаза, а онъ говорить им вотъ мой новой зять, я де ужь за него засваталь мою племяницу терину, и онъ таперъ естъ совсѣмъ мой, наперстники же его ша таково обьвещание тотъ часъ сталы мнѣ кланятца и себя мандоватъ яко рабы лукавые.

Изъ сихъ виключаю я толко адного протопопа Булича, ка при всѣмъ томъ въ молчаніи оставался, да адютантъ Черниковъ, же былъ несколко постояненъ, а что тѣ другие двое Булацел порутчикъ Вайда осталысъ уже навсегда неиростително иредо мно новаты, ибо оны двое были великимъ Хорвату инструментомъ.

Хорватъ потомъ приказываетъ своему адютанту чтобь п черниллицу и бумагу, заставляетъ его писать а самъ диктуетъ, я стою и смотрю что то будетъ, онъ и зачалъ говоритъ чтобь въ натъ отъ имепы моего писать доношение, слѣдующимъ обра

какъ Правителсвующимъ Сенатомъ опредѣлено что по желанию находящихся въ Москве Черногорцовъ быть мнѣ надь нимы командиромъ, но что сіи люде еще новые и никакова устройства между собою не ымѣютъ, и хотя и требуютъ чтобь изъ ныхъ особой полкъ здѣлатъ, однако то по ихъ малолюдству а также ненадежно, чтобь болѣе изъ ныхъ кто вънредь выходылъ яко уже и та Черногорская камысия оставлѣна, то тѣмъ и не можно такому полку скоро возстановлену бытъ а коштъ казеной со излишествомъ безъполезно употреблятца будетъ, для чего чтобы миновать казнѣ лышняго убытка въ содержаніи ихъ, то не апробуетлы Правителствующій Сенатъ, за лучше чтобь меня обще со всѣмы тѣмы Черногорцамы и пришедшимы изъ Аренбурга въ Москву того жь рода людмы определытъ въ каманду господина генерала порутчика Хорвата, яко у него формируютца новые полевые два гусарские полка, то и сіы люде по причисленіи туда могутъ скоряе по службе ползу принестъ, и о томъ и рашу отъ Правителствуыщаго Сената указа.

Таково отъ имены моего доношение совершивши подаетъ мнѣ Хорватъ чтобь подьписать, и при томъ говоритъ что онъ завтре здѣлаетъ отъ себя при подаче того моего доношения въ Сенатъ особливое представление о произведеніи меня чиномъ подполковника, и чтобь я о томь ни мало не сумнѣвался.

Я то доношение подьписаль и Хорватъ оное къ себѣ взялъ, было уже во исходе четыре часа съ полночи, хотя и зымная ночъ, однако жестоко мнѣ наскучило что такь много и всю ночь возился съ нымь, то я отьклонясь у Хорвата поехаль на квартеру.

По утру же въ часу десятомъ присилаетъ за мною мой камандиръ Адамъ Василиевичъ Алсуфиевъ своего ординарца, требуетъ меня къ себѣ, я одѣлся скоряе паехалъ къ нему на дворъ, онъ какъ скоро меня увидѣлъ сталь спрашиватъ, что его такое въчерась Хорватъ со мною видѣлся и атаковалъ меня словамы чтобы васъ отьпустытъ оть двора, и что вы ужо согласилысъ быть у него въ каманде, я тутъ потупывъ несколко глаза говорю мягкимы словамы, что Хорватъ былъ вчерасъ у меня на моей квартеры, говорилъ мнѣ и звалъ къ себе въ каманду, какъ онъ таперъ отьправляетъкь армыи новоформированой Македонской гусарской полкъ, то и отъдаеть мнѣ оной въ командование съ награждениемъ чиномъ подьполковника, но на то я ему отъвечаль что вь армыи служитъ желаю, ежелы обопуске меня оть двора приказано будетъ, тогда и соглашусъ тотъ полкъ вь армию препроводытъ и онымъ командоватъ.

Адамъ Василиевичь яко человѣкъ разумны приметылъ тотъ часъ изъ словъ моихъ, что ужь дѣло зделано и говоритъ, я де примечаю что вы между собою наладилы, но сподѣвальлися я чтобь вы такъ здѣлалы и бросаетѣ свое место, что разве вамь наскучило то добро каторымь вы ползуетесъ, иной бы и за денги того купыть хатѣлъ что вы дарма имѣлы, и для чего вы мнѣ: говоритъ онъ, ничего о томъ прежде не сказалы, а пустилысъ самы собою въ такое дѣло, и потоиъ еще сказалъ харошо яде доложу о томь Государинѣ, я опятъ повторятъ сталь мои слова что желаностъ имѣю служитъ въ армыи, онъ на то отъвечаетъ коротко что доложитъ Государинѣ и на томъ замолчалъ, а потомъ спустя съ четверть часа как хотѣлъ со двора выехатъ, а я еще тамь стою то поворотясь онъ ко мнѣ говоритъ, знакомлы вамъ коротко Хорватъ, я отъвѣчаю что знакомь еще изъ Цесаріи, онъ на то сказаль, харошо, но яде скоро услышу между вамы великие комедіи и стѣмъ пашолъ изъ горницы, селъ въ карету и поехаль со двора.

Таперъ приметылъ я даволно, что Адамъ Василиевичъ весма тѣмъ что я здѣлалъ остался недоволѣнъ, да еще думаю я въ себѣ что онъ о томь какъ доложитъ Государинѣ, и можетъ быть еще и невползу мою доклаль его будетъ, и потому что и какь отьтудова будетъ сказано, а болѣе ожидатъ уже порчъ нежелъ къ счастию, таковы мисли погрузилы меня вѣдругь и я было раскаялся но не во время, и стѣмъ приехалъ на свою квартеру.

Хорватъ тотже денъ здѣлалъ въ самомъ дѣле представление въ Сенатъ о произведеніи меня въ подьполковники, но не вь Македонской а въ Болгарской гусарской полкъ, при чемъ какь то мое доношение такь и то данное ему вь проездь его чрезъ Москву отъ Черногорцовъ писмо, о коемь я выше говорилъ, приложылъ, а равно и о тѣхъ людяхь, коихь изъ Цесаріи порутчикъ Ездимировичъ и адютантъ Марковь ведутъ, не оставилъ Хорватъ упомянутъ, яко и оны по Черногорской камысіи принадлежателны, то чтобы и іхъ къ нему съ протчимы Черногорцамы причислытъ, и проситъ потому определены и указа.

Однако ему на то представление въ Сенатѣ сказано первое что меня чрезъ чинъ въ подьполковники безъ именнаго отъ Ея Величества указа, Сенатъ самъ собою произвесть не можетъ, а примерт маиорской чинъ яко порядкомъ производства Сенатъ мнѣ дать можетъ, также чтобь меня отъ двора отъпуститъ изъ Сената въ Кабынетъ будетъ писано, и тако посему обьявленью тотъ же денъ тутъ в

Сенатѣ пременылъ и препысалъ свое представление и вцысалъ о пожалованіи меня примеръ маиоромъ въ Болгарской гусарской полкъ какъ и въ первомъ его представленіи что было, а въ Македонекой того жь полка секундь маиора Алексѣя Кастюрина примерже маиоромъ, и о сей пременѣ приехавши Хорватъ изъ Сената дамой обьявляетъ мнѣ.

Я тутъ вижу первую уже встречу моего мнимаго счастия, что это зачало пошло неудачно, и говорю Хорвату что я тѣмъ не доволенъ, на что отьвечаетъ чтобь я сие считалъ милостыю и за ни что, а я де какъ скоро приеду вь Новую Сербыю тоть часъ представлю обь тебѣ и то верно здѣлаетца и ты произведенъ будешъ, указивая на Костюрина, говоритъ видишлы образець что я дѣлаю, Костюринъ толко четвертои месецъ какъ секундь маиоромъ произведенъ, а таперь уже естъ примерь маиоръ, такде и ты о себе не инакова думай а такь, что я представлю, то в Сенатѣ здѣлано будетъ, а что ты въ Болгарской полкъ напысанъ тоде всио въ моей волѣ состоитъ и преводытъ исполка въ полкъ куда я како хачу, и еще далѣ говорилъ Хорватъ что предь виступлениемъ Македонскаго полка доставитъ мнѣ чинъ подьполковничей и преведетъ меня во оной полкъ, а Костюринъ останетца на моемъ местѣ въ Болгарскомъ, сия пустая надежда и слова Хорватовы такь меня тогда были заслепыли, что я всему тому поверилъ и остался на томъ.

Вскорѣ потомъ сказано мнѣ, что потребованию Сената оботпуске меня отъ двора, приказано уже дѣлатъ въ Кабинетѣ мое отьправление, ибо Адамъ Василиевичъ докладивалъ о томъ Государинѣ и потому приказано меня отъпустытъ.

О семъ я преже слишилъ нежель мнѣ Адамъ Василиевичъ сказалъ, а на другой денъ призиваетъ и онъ уже меня и обьявляетъ что я по желанию моему и потребованию Сената, а по докладу его Ея Величеству оть двора уволненъ, и желаетъ мнѣ счасливой путъ, и въ моемъ новомъ предьприятіи успеха, и притомъ подаетъ мнѣ запечатанной въ Военую Коллегию конвертъ, въ коемь и мое оть Кабынета отьправленые запечатано было и говоритъ, что ужь Коллегия меня въ Сенатъ отьправитъ будетъ.

Я было зачалъ проситъ о моей челобитной, по коей столь долгое время резолюціи я дожидалъ, и полагаль надежду, говорю я ему по вашему старанию получитъ за мое старание отъ Ея Величества милость и награждение, на что Адамъ Василиевичъ отьвечалъ, что де

танерь уже не время о томъ говорптъ, а впредь ежелы Государиня поизволытъ васъ чѣмъ наградитъ, то тогда сискатъ васъ можно будетъ, и вы не останетесъ безъ уведомления, а челобытную вашу какь случаїі будетъ говорилъ онъ не оставлю я доложитъ, и далѣ ужь словъ ни какихъ говоритъ не хотѣлъ, съ тѣмъ я у него отъклонясъ поехалъ просто къ Хорвату и сказиваю ему о моемъ отъ Кабынета отъправленіи и что въ Колегию конвертъ мнѣ данъ.

Потомь какь еше порано было то съездылъ я въ Коллегию и въ присудствие подалъ тотъ конвертъ, каторої распечаталы и прочлы, и правда что о службе моей и наложеной бывшеї на меня камысіи съ похвалбою было напысано, съ изъясненыемъ притомъ что по требованыю Сената надлежитъ меня туда отъправитъ, и то всио еше было бы харошо, но какь другую приложеную притомь бумашку прочлы, то та привела меня въ великое удивление и печалъ, понеже напысано что на щетъ Кабынета предь тѣмъ дано мнѣ изъ Штатсъ конторы денегъ пять сотъ рублевъ, каково число чтобы изъ моего жалованыя вичестъ и въ Штатсъ кантору возвратытъ, а вкабынетъ по исполненіи не оставить изьвестытъ.

Меня господа присудствующие въ Коллегіи спрашиваютъ, каки то денги и когда оны мнѣ даны, на что я ужь моимъ ответомъ сти дился правду сказатъ что то денги мнѣ были виданы нащетъ тѣх денегъ, кои пожалованы мнѣ будутъ отъ Ея Величества Государин за мое страданне, а сказалъ будто мнѣ выданы на мою потребу, съ тѣмъ я изъ присудствия вышоль, а дѣло мое отьдано секрета съ приказаниемъ дѣлатъ въ Сенатъ отьправление, также и въ Штат контору писатъ чтобь доводящеесъ по расчету мнѣ жалованые рацій и порцій и денчичимъ по ценамъ Петерьбургскимъ по денъ и его въ Сенатъ отьправления выдатъ, а тѣ пять сотъ рублевъ удержа и въ Кабынетъ датъ знатъ.

Я изъ коллегіи приехаль къ Хорвату и пресказываю ему о п слѣдовавшемъ со мною, и что я тѣраю пятъсотъ рублевъ денегъ, что онъ смѣючисъ говоритъ чтобы я о такой малосты не тужыль что сие еще далнѣго урона и не достатка мнѣ принестъ не може въ разсужденіи того фундамента, на которой онъ меня возъстанови хочетъ, и спрашиваетъ скороль я изъ колълегіи буду въ Сена присланъ.

Еще жь въ тотъ денъ и другая встреча мнѣ здѣлана, что придворная карета съ лошадмы и слуги отъ меня възяты, а также я

протчее содержание и кквартерние денги отъказаны, и такъ принужденъ я нанять волную карету и лошадей чтобъ пешкомъ не ходитъ, и на то употребытъ уже свои собствение денги.

Денъ тотъ былъ мнѣ весма прискорбенъ и вижу свою уже ошибку, которая мнѣ и показываетъ явно, что надежда худая мнѣ естъ къ получению чрезъ Адама Василиевича какова награждения, для чечтобы съ нымъ о тѣхъ денгахъ поговоритъ и проситъ о премене въ вичете определения, поехалъ я въ утрешны денъ къ нему дворъ, однако встретылъ меня у крилца слуга его и говоритъ что подина дома нѣтъ, а поехалъ не знаетъ куда.

То также было мнѣ разумѣтъ, что Адамъ Василиевичъ по обыу господь, когда съ кѣмъ изъ приежихъ къ нымъ говоритъ не ятъ, то приставленой къ тому слуга встречаетъ приежаго проси и сказиваетъ что илы баринъ боленъ, лекаретво принималъ илы дома нѣтъ, съ тѣмъ я тогда воротился, а чтобы и вдругой разъ ездъ мой не былъ такоюжъ встречою принятъ, то вздумалъ я хатъ во дворецъ и ожидатъ не приедетлы онъ туда, чтобъ его ситъ, сие то и зделалосъ такъ что Адамъ Василиевичъ во двоъ приехалъ и я его при входѣ въ галдерею встретилъ и проъ позволения къ себѣ на домъ приехатъ и что имѣю некоторую обностъ съ нымъ поговоритъ, онъ ужъ на ту мою прозбу склося, и сказалъ что въ три часа послѣ полъденъ могу съ нымъ вица и говоритъ.

Я будучи весма смутенъ то ужъ къ Хорвату обедатъ и не хоылъ, хотя и посилалъ онъ за мною но я не пашолъ, а сказался доровымъ и обедалъ у себя дома.

А въ часу во исходѣ третѣмъ поехалъ я къ Адаму Василиевичу, еще столко билъ склонъ что принялъ меня и вислушалъ мою ѣхъ денгахъ прозбу, на что отъвечалъ что инаково бытъ нела должно оные вичестъ, потому что я настоящей резолюціи по ей челобитной не дождался а отошолъ отъ Кабынета протчъ, и потому еще говорилъ онъ и Государиня не оченъ даволна, и ая еще по вашей прозбе послѣдоватъ можетъ резолюция того не естно, для чего тѣ денги уже и возвратытъ должно, и что онъ лѣе мнѣ ничего сказатъ не можетъ.

Резолюция такова сколко была коротка, столко же и безъполезна изъ чего болѣе нѣчего разсуждатъ о томъ какъ что ожидаемаго мною столь долгое время награждения видѣтъ я не буду, и съ

тѣмъ оставилъ я Адама Васильевича, съ моимъ на то время ему отьклономъ, поехалъ отъ него просто къ Хорвату, сь обьявленіемъ какову резолуцию я получилъ, и что всю надежду уже потѣрялъ, однако онъ тѣмъ не былъ приведенъ въ сожалѣние, а болшъ не угодно ему было что я туда ездылъ и о томъ говорилъ, повторяя свои прежднія слова, что то еще малостъ и неболшая прибылъ противъ той великосты какову онъ мнѣ приуготовляетъ и приказиваетъ, чтобь я болѣе о томъ не ездылъ и не говорилъ.

Послѣ сего прошло еще дней шесть, покудова я изъ колъегіи свое отьправление получилъ, и въ Штатсъ конторе расчетъ здѣлалъ и тѣ пять сотъ рублевъ тамь оставилъ, и прешолъ уже при представленіи отъ колъегіи въ Сенатъ, а потомъ впредь ко окончанию всего дѣла хождениемъ по Сенату принялъ Хорватъ на себя.

Онъ по своему представлению на тѣхже дняхъ доставылъ мнѣ чинъ примеръ маиорски въ Болгарской гусарской полкъ, а Косторинъ тѣмже чиномъ въ Македонской произведенъ, Черногорци же какъ тѣ что в Москве такъ и тѣ люде, коихъ приведетъ порутчикъ Ездимировичъ и адютантъ Марковъ, определены всѣ Хорвату въ каманду, и посланъ военъной коллегіи въ кантору въ Москве состоящей о томъ указъ, съ прописанымъ однако, чтобы распределены были по ихъ желаниямъ къ Хорвату въ каманду и въ армыю къ другимъ гусарскимъ полкамъ, а кои бы во всѣ в Россіи оставатца не захотѣлы, таковымъ датъ пашпорты и отьправить за границу, дабы уже тѣмъ кончить и мыноватъ могущихъ еще быть какихъ либо безъпокойствъ, и тѣмъ не нанестбы болѣе Сенату затрудненыя, только Хорватъ таковымъ определениемъ жестоко былъ недоволѣнъ и роптатъ на своего приятеля оберъ секретаря Савича, что не такъ зделано какъ онъ хотѣлъ чтобь единствено было написано безъ разбору отьдать всѣхъ Черногорцовъ ему въ каманду, и потому неудоволствию всѣ тѣ дни былъ сердитъ и смутенъ, почему и переменилъ свой планъ, какь онъ хатѣлъ и меня при своемъ отъездѣ взять съ собою въ Москву, и въ Новую Сербыю, то тогда положылъ чтобь оставатца мнѣ въ Петербурге и ожидать резолюціи по некоторымъ еще нерешеннымъ его въ Сенатъ представленымъ дѣламъ, обещавъ прислатъ скоро нарочного своего за мною.

Сие то и было его умыселъ неверны, какъ я о томъ по приездѣ въ Новую Сербыю узналъ, что онъ меня съ собою изъ Петербурга не взялъ, для того какъ въ томъ сенатскомъ указе прописано чтобь Черногорцамъ по ихъ желаниямъ разборъ делатъ, какь выше я

о томъ говоритъ, то на таковъ случай Хорватъ посумнѣвался, чтобы иногда я по прибытіи съ нымъ въ Москву непременылъ своихъ мыслей и не приглаcилъбы при томъ разборе къ себе людей, и не пашолбы съ нимы въ армыи, и тѣмъ могбы онъ остатца безъполѣзно; таковъ замыселъ у него тогда въ голове былъ, почему и оставилъ меня въ Петеръбурге.

Онъ сталъ готовитца къ отъезду, водилъ меня по господахъ обьявляя онымъ что я для такова дѣла остаюсъ въ Петербурге, а потомъ Хорватъ отъклонясъ у всѣхъ господъ сенаторовъ спешитъ ехатъ; однако онъ и тутъ при выездѣ не оставилъ со мною еще и другой свой замыселъ здѣлатъ, онъ притворился будто такъ издержался что въ дароге будетъ имѣтъ недостатокъ въ денгахъ, а зналъ онъ, что у меня денги естъ, (кои пособралысъ было что получалъ жалованые также и на содержаные мое что мнѣ давано, каковыхъ всего на то время съ неболшимъ тисяци две я имѣлъ), то и проситъ Хорватъ у меня денегъ на дорогу четыреста рублевъ, обещавъ по приездѣ своемъ въ Новую Сербыю мнѣ возвратыть, я изъ доброй моей души и почиталъ тѣмъ ему услужитъ, толикое число денегъ ему отъдалъ, а его причетники его также ласкаясъ около меня просили на нужные себѣ покупки и на дорогу каждой по несколко денегъ, коимъ на ихъ удовлетвореные отказать не хотѣлъ, я далъ имъ триста рублевъ, всѣмъ семъ сотъ, и съ тѣмъ оны поехалы, а я въ Петеръбурге остался.

Хождение мое по его Хорвата дѣламъ въ сенатѣ, съ первыхъ еще дней могъ я приметытъ что не въ великомъ успехе оное будетъ, ибо тѣ у коихъ оно въ отъправленіи лежало объявляли мнѣ свои изговорки то завтриками, то недосугами за другимы дѣламы и на томъ жыву я месеца полътора по пустому, и пишу я по почтѣ къ Хорвату рапорты адно за другимъ два раза обьявывъ, что резолюціи не скоре будутъ и не прикажетли мнѣ оставитъ и ехатъ къ нему въ Новую Сербыю.

Между тѣмъ приехалъ изъ Цесарской службы маиоръ Іванъ Подгоричанинъ, о коемъ я еще съ зачала черногорской камысіи упоминалъ что владика Черногорски Василій Петровичъ съ согласиемъ маиора Петровича жь, яко Подгоричанинъ съ нымъ маиоромъ Петровичемъ состоятъ несколко въ свойстве, а притомъ рождены въ адномъ городѣ въ турецкой областы въ Подьгорице, а дабы при семъ случае по той камысіи моглы ему Подгоричанину учинитъ счастиeю и было владике потребно старатца о приобрѣтеніи и его Подго-

...инна къ своей камысіи, для чего и здѣлалъ въ Сенатъ такое пред-
...вленіе, что ему сей Подгорычанынъ необходимо надобенъ и про-
...ъ о исходатайствованіи сему Подьгоричанину (которой вто время
...е капитаномъ былъ) изъ цесарской службы въ Россию увольненія,
...чему тогда было отъ двора писано состоящему въ Выенѣ россій-
...кому министру графу Кейзеръдингу, чтобы онъ втомъ свое стара-
...ние употребылъ что и зделано, и Подьгоричнина потребовалы изъ
...армыи въ Выену, коему предь тѣмь довелосъ по старшинству бытъ
въ томже полку произведену секундь маноромъ, и тако онъ получа
изъ службы цесарской уволнение и пашпортъ прибылъ въ Петер-
бургь, о коемъ я на другой денъ узналъ что онъ приехалъ, и по-
спешилъ къ нему яко къ знакомому чтобь съ нымъ видѣтца, онъ так[illegible]
же радь былъ что меня видѣлъ и проситъ, чтобь ему показатъ дарог[illegible]
къ кому явитца, объявляетъ притомъ что имѣетъ о себѣ рекоменда[illegible]
цию отъ Россійскаго министра въ Виенѣ находящагося на виць-канц[illegible]
лера графа Воронцова.

Я во удоволствие такова приятеля тотъ часъ повелъ его к [illegible]
виць-канцлеру, и былъ на то время Подъгоричанину я преводч[illegible]
чикомъ яко онъ по руски ни слова говорить не умѣлъ, а по немец[illegible]
не много того лучше, графъ принялъ писмо и обещалъ объ нѣмъ дол[illegible]
житъ Ея Величеству Государинѣ.

Однако при семъ случае Подьгоричанинъ въздумалъ хоро[illegible]
графу свои слова чрезъ меня говорить, что онъ человѣкь военой и
служылъ въ цесарской армыи противъ Прусака, отъкуда позванъ въ
Виену, и обьявлено ему отъ устъ самой Ея Величества, Императри-
це Австриской Маріи Терезіи, что по требованию двора россійского
уволненъ въ Россию, ежелы на то согласенъ, для чего де таперъ
говорилъ Подгоричанинъ и прощу я о не оставленіи меня здесь, и
уважитъ что я оставылъ тамошнюю службу согласился вытить изъ
службы цесарской, гдѣ я былъ познанъ и служба моя изъвѣстна,
ставя таперъ себѣ за честъ что могу бытъ годенъ на службе и здѣсь,
и оказатъ мое усердие и вѣрность престолу россійскому, при зача-
лѣ жъ нинѣ моего сюда приезда надѣюсъ на милостъ вашего Сия-
телства, что не оставите обо мнѣ постаратца и усчастливить меня
вашимъ препровожденыемъ что бытъ представлену Ея Величеству
Государинѣ, съ вашею при томь рекомендациею и что я первѣе вс[illegible]
го желанностъ имѣю служитъ въ армыи.

Графъ и прежде меня зналъ; то притомъ моемъ кь нему п[illegible]
водѣ спрашиваетъ, какь Подгоричанину не въ родствелы состою[illegible]

почему-лыбо знакомъ что дѣлаю ему въ преводѣ удоволствие, на что отъвечалъ я что родства между намы нѣтъ, а есть онъ мнѣ давнѣй другь, и служилы мы оба въместѣ будучи въ Цесаріи въ адномъ полку, Подьгоричанинъ сие выразумѣвши подьхватя мои слова говоритъ графу что мой братъ и приятелъ.

Графъ на то изволелъ говоритъ что онъ конечне не оставытъ при своемъ докладѣ донестъ Государинѣ, всио то что толко можетъ послужитъ къ его Подгоричанина ползѣ, и чтобы онъ нимало не сумнѣвался о получеіи милосты отъ Ея Величества, съ тѣмъ мы отъклонясъ поѣхалы, и были у другихъ господъ присудствующихъ отъ Военной Коллегіи.

Потомъ спустя дней шестъ, Подгоричанинъ былъ представлѣнъ графомь Воронцовимъ Ея Величеству Государинѣ Елисаветъ Петровнѣ къ ручке, причемъ столь былъ онъ счастливъ что Ея Величество тутъ же въ залѣ, было то въ Петерьгофе, поздравила его полковникомъ, и немедля отъправился къ заграничной армыи въ Прусию, и даны ему на проездѣ денги, и принялъ въ командование тогда бывшои Молдавской гусарской полкъ.

Сей афицерь былъ мнѣ весма и коротко знакомъ, мы, какъ я више говорилъ, были въ цесарской службе въ Славонскомъ гусарскомъ полку оба въместѣ, онъ капитаномъ, а я вто время порутчикомъ, а потомъ какъ я въ Россию выехалъ и ужь секундь-маиоромъ произведенъ, и приежалъ на третѣмъ годѣ моего отъ туда отъезда по черногорской камысіи опять въ Цесарию, то я его Подгоричанинаа еще капитаномъ засталъ, и онъ приходылъ ко мнѣ съ такою великою желаностыю какбы поскорея о томъ здѣлалось, что владика съ маиоромъ Петровичемъ учинилы обь нѣмъ въ Сенатъ представление сь прозбою о исходатайствованіи ему изъ цесарской службы уволнения, и что причислѣнъ будетъ къ Черногорской Камысіи, какь уже онъ о томъ чрезъ маиора Петровича былъ сведомъ и содержаль у себя то дѣло въ великомъ секретѣ, но по полученіи своего уволнения и по приездѣ въ Россию какь уже онъ засталь, что та Черногорская Камысия уничтожена, и дѣло владики черногорскаго обратилось къ стиду, то ужь Подгоричанинъ приездомъ своимъ въ Петерьбургъ болѣе о томъ не токмо что упоминатъ но и знать не хотѣль, а увеличилъ въ словахъ свой выездь такъ високо, что онъ визванъ и випысанъ въ Россию, и что потому ожидаетъ онъ особливаго о себѣ определеныя, какь и здѣлалось ему такое счастые что пряма полковникомъ произведенъ; а о томъ ничто болѣе предь нымъ не светило какь тол-

ко его одна огромная позитура, и выдъ такой имѣлъ что неинаково обь нѣмъ и судытъ было можно, мужикь былъ безь никакихъ наукъ и но нуждѣ толко грамотенъ, но притомъ столь много былъ уже въ въ Россіи счастливъ что ему воно везло и шло въ его ползу даже до конца службы и высокой своей старосты, и приобрѣлъ и достоинствы и богатство и служилъ харошо, однако при всѣмъ томъ ни шага ни вчемъ недѣлаль гдѣ не было его прибыли, денги наживатъ умѣлъ а скупь не былъ и жилъ харошо, добродетелже его съ адноіі стороны била бы похвална, естли бы толко интересъ оную не повреждалъ, и кто бы могъ вѣрить что при всѣмъ томъ денги великие въ карты проигрывалъ; обь нѣмь еще въ переды, какъ въ сей второй, такъ и вь третей частяхъ сей моей повесты упомынатъ буду много, яко по службѣ и чрезъ него происходыло въ моемъ счастіи несколко повреждения.

Таперъ приступлю я опятъ продолжатъ дѣла Хорватовы и сказатъ хачу что неотьставалъ я моимъ въ Сенатъ хождениемъ, тоже и по дворамъ къ господамъ, а болѣе къ оберъ секретарю Савину, онже и Ермолаевъ звался, хадылъ и прасилъ, кои напослѣдокъ сказалы мнѣ что таперъ зашлы важносты при дворе въ конференціи войнѣ разъсуждатъ и господа сенаторы всякой день тамо бываютъ, почему и нѣтъ времены партикулярние дѣла разбыратъ, а какъ уже такову резолюцию получилъ, то и оставылъ болѣе имъ наскучатъ, ожидалъ что отъ Хорвата на мои рапорты получу и живу я уже въ Петербурге послѣ отъезда Хорватова месеца два празно и безполѣзно, а вначалѣ третяго месеца едва дождался что Хорватъ при новыхъ своихъ въ Сенатъ представленияхъ присылаль нарочно одного своего ко мнѣ вахтъ-мейстра и повелѣваетъ мнѣ съ тѣмже нарочнымъ ехатъ къ нему въ Новую Сербыю; дѣла тѣ кои сей нарочный съ собою привезъ велѣлъ я ему самому въ Сенатъ отънестъ и податъ, а я сталъ готовитца въ дарогу.

И тако я съ симъ присланнымъ отъ Хорвата вахтмейстромъ изъ Петербурга выехалъ и продолжалъ путъ свою къ Москве, а сей мой попутчикъ, коего я прежде никогда не знавалъ, а онъ по ево скаскамъ былъ оченъ близокъ въ доме у Хорвата, какъ я потомъ и самъ то узналъ, и видѣлъ его часто у стола стаялъ съ тарелкою, сьпознавшись со мною въ дароге сталъ стороною, да весма съкритимъ голосомъ мнѣ говоритъ, какие онъ обо мнѣ сожалѣетъ, что я въ Петербурге свое место покинулъ и туда иду; я приметылъ изъ его словъ что тутъ нѣчто естъ, зачалъ я его словамы ласкатъ и съ со-

бою кушатъ сажать, и потомъ чтобь мнѣ въ дароге адному сидѣтъ не было скучно посадылъ его съ собою въ каляску, и сталъ спрашивать о тамошнѣмъ въ Новой Сербыи поведеніи, о полкахъ тѣхъ новыхъ и обо всѣмъ.

Онъ мало по малу сталъ въ словахъ посвободнѣе и опять повторяетъ обо мнѣ свое сожалѣние, сей человѣкъ даволно понятые имѣль хоть былъ простой, да судылъ хорошо и былъ честной человѣкъ звалея Іванъ Маргажичъ, и между протчимъ какь я приступылъ его спрашиватъ, въ чомбы то состояло ево обо мнѣ сожалѣние, то и зачалъ говоритъ: здѣлайтѣ милостъ не выдайтѣ вы меня иногда въ [illegible]овахъ какь вы туда приедете чтобь я не пропалъ, я хотѣлъ жестоко знать что изъ него выдетъ, говорю ему чтобь онъ не опасался и бажусъ предь нымъ что никогда я обь нѣмъ ничего говоритъ не буду, онъ и зачалъ мнѣ изъявлятъ, ви де сударъ отъ Хорвата обьмануты, ибо онъ какъ приехалъ вь Новую Сербыю смѣялся, и я слышалъ часто гдѣ онъ за столомъ обь васъ говоритъ, какъ онъ васъ [illegible]ѣль словамы своимы привестъ на свою руку, и какъ еще завидовалъ тему, что вы на придворной каретѣ съ людмы къ нему приежали и что вскоре вы того еквипажа лышилысъ, и принуждены были на свои денги карету волную себѣ нанымать, и денги издерживать да и о денгахъ упомыналъ и говорилъ часто съ капитаномъ Булацеломъ и порутчикомъ Ваидою, какъ хитро оны умѣлы выманитъ взаймы у васъ денги на дорогу, какие имъ ни мало не надобни были, а только де для того здѣлалы чтобь васъ лышитъ оныхъ.

Упомыналде Хорватъ еще и о Черногорцахъ, что онъ ихъ не могъ никакь въ каманду себѣ достатъ, покудова первѣе васъ не пригласиль, а потомъ умышлѣно онъ васъ въ Петеръбурге оставыль чтобь толко свое сдѣлатъ.

Я его сталъ спрашиватъ гдѣ жь таперъ тѣ Черногорцы, онъ отъвѣчаеть что Хорватъ какь приехалъ изъ Петерьбурга въ Москву, то онъ тогда привезъ съ собою указь, чтобь имъ быть у него въ каман дѣ, и что и вы съ нимыжь къ нему определены, но Черногорцы некоторие безъ васъ ехатъ въ Новую Сербыю не хотѣлы и спрашивалы гдѣ вы, такъ Хорватъ некоторыхь словамы успокоилъ а иныхъ штрафовалъ палкамы, и въ калодки забывъ привезъ въ Новую Сербыю, а кои пожелалы вь армыю въ другие полки, то таковыхъ туда отъправлено, а иные во всѣ въ Россіи остатца не хотѣлы, и про[illegible]лы пашпортовъ, коимъ отъ канторы Военной Коллегіи и дано и отправлены заграницу, а сихъ что Хорватъ привелъ тотъ часъ

определылъ въ Македонски гусарски полкъ, а другихь что приведены недавно изъ Цесаріи порутчикомъ Ездимировичемъ и адютантомъ Марковимъ, то тѣмъ учинилъ Хорватъ пресмотръ, и яко оны болшая часть состоялы женатые и съ фамылиямы, учредылъ изъ ныхъ новое войско наименовавъ Миргородскимъ гарнизономъ, определылъ ихъ тутже въ Миргородѣ на поселение, а припысавъ яко бы вънов выходци выведение дворяниномъ изъ Венгріи Иваномъ Хорватомъ, написавъ ихъ трисга человекъ годныхъ въ службу, о чемъ представылъ въ Сенатъ, и проситъ тому дворянину за тотъ виводъ подьполковничего чина, и яде съ тѣмъ представлениемъ таперъ въ Петербургъ присланъ.

Я сталъ спрашиватъ какой бы то былъ дворянинъ, и какой то естъ Хорватъ, онъ и сталъ мнѣ сказиватъ: ето де судиръ генералской синъ мальчикъ шести лѣтъ отъ роду, не имѣлъ еще ни как ова чина и не вслужбе, а такъ хочетъ ему отецъ тотъ чинъ доставитъ какъ и старшимъ двумъ, о коихъ также представлялъ что анѣ будто вивелы людей, написивалъ за каждимъ по сколко соть человѣкъ, такихъ кои разно времено самы собою повиходилы и за то оба получилы такие жь подьполковничіи чины, а старшему таперъ разве толко что лѣтъ двенадцатъ естъ отъ роду.

Все сие, что сей моіі попутчикъ пресказивалъ, я выслушалъ съ великимъ примечаниемъ, надобно же притомь сказатъ правду, что мнѣ ни мало такие весты не были приятны, спрашиваю я его какже онъ могъ такие дѣла что Хорватъ представляетъ всио узнатъ, онъ отвечаетъ, что де о многихъ своихъ дѣлахъ Хорватъ самъ за столомъ говоритъ, а иногда слишимъ мы адинъ отъ другаго, а наиболшъ отъ его канцеляриста, каторой непрестано при нѣмъ естъ, коего онъ ню нинѣ раза два въ аудитори производылъ, и опятъ разъжалывалъ, какь скоро на него разъсердитца, то и разъжалуетъ его и батожьемъ висечетъ, а потомъ опятъ въ аудитори пожалуетъ.

Сие также я слишу и разъсуждаю что отьвага и своевольство тамь царствуетъ, говорю я сему человѣку: скажи пажалуй не говориль ли Хорватъ чего нибудь о моей женидбе, то сей осмехнувшисъ зачалъ сказиватъ я де хатѣлъ было еще вьчерась вамъ о томь сказать, но поудержался чтобь о томъ не говоритъ, а какъ таперъ вы самы напомынаете то изволыте выслушать, Хорватъ какъ скоро приехалъ правда что отьчасты васъ хвалылъ, однако между протчимъ и то говорилъ, что онъ не могъ васъ никакъ иначе къ себѣ пригласитъ, покудова напослѣдокъ то не выдумалъ, а таперде какъ

четъ я Черногорцевъ уже досталъ, Я еще сего моего попутчика рашиваль о племянице Хорватовой что отъ брата дочъ и девыца и ѣ оны живутъ, сей отвѣчаетъ что естъ у Хорвата племяница отъ бра- и девица еще молодая имѣетъ мать вдову, и живутъ обще съ дру- мы еще детми тамъ на поселению въ своемъ доме въ Шанце Кри- вскомъ въ Пандурскомъ полку, коимъ покойникъ мужь госпоже дьполковнице командовалъ, и таперъ въ проездъ нашъ будутъ оны мъ по дороге и вы ихъ всѣхъ видѣтъ можете, а далѣ современемъ самы говоритъ мой попутчикъ обо всѣмъ лучше узнаетѣ, нежелъ о я вамъ таперъ пресказалъ.

Въ такихъ разговорахъ продолжалъ я дорогу съ моимъ попут- комъ даже до Москвы, а въ Москву въехавши говоритъ онъ мнѣ у заедемъ къ адному купцу гдѣ всегда Хорватъ заежаетъ, а онъ гъ Хорватовой главной подьрядчикъ називаетца Шекулотынъ, и цветъ за Москвою рекою на Кожевникахъ и мнѣ знакомъ, я со- асился туда заехатъ, хазяинъ принялъ меня приятно отъвелъ особ- ую горницу, показовалъ приятной видъ рекомендовался по под- дамъ когда бы что надобно было чтобъ его немыновать, я съ мъ купцомъ познакомылся, были ихъ два брата и люде почтение, в пресказывали мнѣ много сходное, что и попутчикъ мой мнѣ ска- валъ, о Черногорцахъ какъ съ нимы Хорватъ тутже въ ихъ доме проездъ свой изъ Петербурга поступалъ строго, и что випросилъ канторы Военъной Колълегии себы караулъ пехотныхъ салдатъ- некоторыхъ Черногорцовъ, кои по разборе отъданы ему по списку команду сталы было отъказоватца что не хотятъ итытъ въ Новую рбыю, то онъ ихъ арестовалъ, былъ палочѣмъ, и забывъ въ калод- повезъ съ протчимы съ собою.

Пробулъ я тамъ въ Москве сутки аднѣ и потомъ поехалъ далѣ, шестымъ днемъ паспѣлъ въ городъ Кременчукъ, гдѣ препрaвившись зъ Днѣпръ на сторону Новой Сербыи, я далѣ по дороге заехалъ Шанецъ Криловской, гдѣ живетъ вдова госпожа подьполковница рватова, принятъ я былъ въ доме ласково, но какъ оны меня пре- е ни когда а также и я ихъ невидалы, то и былы у насъ на тое мое время яко еще не знакомые разговоры кое о чемъ другомъ, а женидбе и о союзе родства не говорилы ни слова, но я жестоко и семъ случае желалъ чтобъ мою назначеную невѣсту видѣтъ и пер- э вышелъ и поздравился со мною синъ госпожи подьполковнице, торой былъ еще юношъ молодой лѣтъ шестьнатцаты, и подьполков- комъ на местѣ отца своего, въ томже Пандурскомъ полку, а по-

томъ уже вышла къ намь и дѣвыца, кляналысъ мы адно другому; н [illegible] спрашиваю я ничево дочли она госпожи подьполковнице илы нѣтъ [illegible] а примечаю что конечне той надобно бытъ что назначена моею не[illegible] вестою, она была старее своего брата, правду надобно сказатъ чт[illegible] меня нѣчто тронуло какь я ее увидѣлъ и показалась мнѣ достойною [illegible] того бытъ какою она назначена, мы въстречалысъ толко глазамы, разговоровъ по короткосты времены и при первомъ тамъ случае насъ не было, ибо я не долго у ныхъ бавылся а толко что прем[illegible] нылъ почтовыхъ лошадей, и съ тѣмъ отъклонясъ поехалъ далѣ, а [illegible] другой денъ прибылъ въ Миргородь гдѣ і Хорватова столыца ест[illegible] онъ меня принялъ на первой случай даволно съ ласкою, толко упо[illegible]реблялъ при томъ несколко важность своего чина, титуловалъ ме[illegible] господинъ маиоръ, потомъ какь вышла къ намь его супруга, то о[illegible] и пресказываетъ ей обо мнѣ, я ей поклонился и она села.

Всѣ кои тамъ случилысъ не было мнѣ ни каво знакомаго, [illegible]о-томь определена мнѣ была квартера тутже въ городѣ по близо[illegible]ти Хорватова дома, тоть денъ прошелъ на томъ, и покудова я раск[illegible]о-ложился не хадилъ со двора никуда, а по утру пашолъ я къ Хорв[illegible]а-ту, и засталъ тамь у него некоторихь афицеровъ, между коимы бы[illegible]и и тѣ Петерьбургъские уже знакомые, кои однако противъ той пре[illegible]-нѣй знакомосты показалысъ отьмено и съ некоторою спесию и не-много со мною говорилы.

Я тотъ денъ былъ приглашень остатца у Хорвата обедать, и были разговоры за столомь разные, спрашиваетъ меня Хорватъ о Петерьбурге что и какь и для чего на представленіи не прислано ему резолюціи, на что докладивалъ я ему какь мнѣ сказано что по военымъ обстоятелствамъ зашлы важние дѣла въ конференціи и потому говорилъ я не было времены господамъ сенаторамъ присудствовать въ Сенатѣ, Хорватъ на мой отъвѣтъ жестоко разьсердился і зачаль всѣхъ господъ бранить, а наиболшь своего главнога приятеля оберъ-секретаря Савича, поворачиваетъ изъ сердцовъ калпакъ на голове рукою, угрaживая что и какь онъ о томъ ему писать будетъ.

Я слишу сию яростъ и смотрю что еще далѣ видѣть, всѣ за столомъ, сидящие ни кто ни слова не говоритъ а молчать, а разве каво о чемъ онъ Хорвать спросить, то тотъ отъвѣчаетъ и въстаетъ сь стула на ноги покулъ говоритъ, напослѣдокъ, напалъ Хорватъ на жену свою, бранитъ что ему блюдо подьнесено каторое не по ево вкусу приправлено было, бранылъ всякими непристойнимы словамы, даже такь грубо что я думаю ни адинбы деревенской мужикь такихъ

скверныхъ словъ не выговорилъ, замахивая на нее съ вилкою укоротъ, она съперва хатѣла то шуткою и смехомъ отъвесть отъ себя, о напослѣдокъ смѣхъ ее на плачь претворился и говорить стала къ ему по Венгерски, упомыная чтобь онъ хотя меня яко новаго человѣка постидилоя, и престалбы такие слова говорить, я сие выразумѣлъ и молчу, а Хорватъ послѣ того поворотясь ко мнѣ спрашиваетъ умѣюлъ я по Венгерски говорить, на что я отьвечаль что нѣтъ не умѣю, онъ на то сказалъ отьносищеесъ на мою сторону по Венгерски жь хоть шуточное, но одьнако грубое даволно въ томъ разумѣ, что я того языка не училъ, и на томъ и обедъ кончился.

А въставщи отъ стола не много погодя позвалъ меня Хорватъ съ собою въ канюшню, зачаяъ мнѣ показывать своихъ лошадей, хваля ихъ доброту и пароды, я тоже въ его удоволствие хвалю да и самомъ дѣле имѣлъ онъ харошихъ лошадѣй и все своего завода, это самаго коего онъ съ собою изъ Цесаріи пригналъ, и держалъ весь целой годъ въ канюшнѣ, всегда не менѣе какь по петидесеть кроме что въ табуне на полю ходять, и былъ онъ до лошадей охотникъ великъ, на томъ такъ и тотъ денъ мынулъ, и далѣ всио въ такомъ положеніи, хажу иногда къ нему къ столу обѣдать и ужинать и проходыть уже время неделы две, живу я въ Миргородѣ, держу при себѣ своихъ людей, издерживаю на содержание свое по тамошнѣй дароговизнѣ деньги со излишествомъ, а Хорватъ мнѣ ни чемъ ни слова не говоритъ.

Я сталъ у тѣхъ его апостоловъ, бывшихъ въ Петербурге, свои деньги требовать что възаймы я имъ даль, анѣ на то отьвечалы мнѣ одинимъ видомъ, что правда оны виноваты но денегь таперъ не имѣютъ, а какь пособерутца по своей економыи то тогда заплотють.

Таковы отвѣты мнѣ не понравилысъ, и думаю въ себѣ что я съ ними еще дурное дѣло буду имѣть, покудова свои деньги доста... и такъ денъ по денъ проходытъ безъ никакова дѣла и мынуеть ... месецъ, а я ничего не знаю что со мною будетъ, а слишу так... что и того новаго Болгарскаго полка въ каторой я определѣнъ ... одного человѣка не назначено и онаго во все еще нѣтъ, между ...мъ сталь мнѣ Хорватъ говорить чтобь я себѣ парадной мундиръ ...чалъ дѣлать, я и радь былъ тому слову, не видетлы пстого чего ...будь и спрашиваю, по какой формѣ полка прикажетъ мнѣ строить, ...ъ отъвѣчаеть что у его адна форма на двухъ полкахъ, то есть ...первой ево поселеной что називаетца Хорватовъ, а другой Македонской полевой по той же форме и цвету какь и первой, сукна го-

лубаго съ золотомъ, и оченъ богато, то чтобы и я такой себѣ зде-лалъ какъ Македонски естъ, я и подумалъ что потому будетъ мнѣ въ оной полкъ скоро определение какъ онъ и обещалъ, и въ ту на-дежду я таковъ мундиръ здѣлалъ і издержалъ болѣе трохъ сотъ рублевъ съ поясомъ, чтобы поскоряе решитца, и получитъ полкъ, и тако какъ совсѣмъ мой мундиръ уже былъ готовъ, то я въ одинъ воскресны денъ, надѣвъ оно на себя, показался Хорвату, однако онъ болѣе ничего не сказалъ а толко что похвалылъ.

Тѣмъ временемъ въ Миргородѣ спознался я кое съ кѣмъ изъ штабъ афицеровъ, но притомъ съ примечаниемъ чтобъ первѣе узнатъ кто каковъ естъ, и не попастибысь во искушение, ибо у Хорвата были некоторие двуличние люде то естъ по наружности ласкавы и обьходителны, а въ самомъ дѣле ихъ состояние было дурное, коихъ Хорватъ попроизводылъ въ чины и держалъ при себе единственно для того, чтобь чрезъ ныхъ могъ узнатъ обо всѣмъ, кто што говоритъ и дѣлаетъ і гдѣ и у каво въ вечеру была кампания и собрание, и кто каму ходитъ и съ кѣмъ кто друженъ; ибо Хорватъ двухъ друговъ терпѣтъ не могь, а коихъ въ дружбе видитъ то старался всячески посорить ихъ и привестъ адного на другаго въ ненавистъ, почему и сіи его любымие, ко исполнению его воли, въ томъ ежедено упражнялысъ и за другимы людми слѣды считалы и ябеднические рапорты приносилы.

Были жь однако у него и добрие и честние люде, кои постоянство свое великимъ трудомъ должны были защищатъ и охранятъ себя отъ навѣтовъ часто на ныхъ находящихъ, въ числѣ коихъ былъ нѣкто маиоръ Шмитъ, его Хорватъ требовалъ и преведенъ къ нему въ Новую Сербыю, изъ бывшаго тогда старога полеваго Венгерскаго полка, я сего афицера примечалъ что весма редко къ Хорвату хадылъ, а за всегда въ канцеляріи обращался при писменыхъ делахъ, и сколко ево ни вижу то всегда не весель былъ, я сталъ съ нымъ знакомитца какь онъ родомъ изъ Венгріи, но Немецъ былъ природны и я съ нымъ на томъ языке говоритъ умѣлъ, каковыхъ чтобь тѣмъ языкомъ говорилы было тогда въ Новой Сербыи весма мало, а кои и говорилы то однако ихъ наречие было накриво и не правилно, и съ познавшись я съ Шмитомъ и утвердясъ на его постоянство пустился съ нымъ уже въ дружбу.

Онъ много кое чего потомъ тихонка мнѣ пресказывалъ и сердечно обо мнѣ сожалѣлъ, и говоритъ что де вы пропащи человекъ можете быть, естлы не возмете свои мѣры заблаговремено, ибо Хор-

ѣ на своемъ слове никогда не устоитъ, что кому обѣщаетъ, таки съ вамы онъ наверно здѣлаетъ и вы ему ни вчемъ невертѣ говоритъ, онъ васъ тутъ мучить будетъ, и всякимы хитростямы урятъ, какь онъ еще знаетъ и то что у васъ достатокъ естъ въ гахъ, то онъ на таковыхъ кто хотъ мало достаточенъ весма хитсмотритъ и стараетца всячески уловытъ, чтобь обьнищитъ челоа и въвестъ въ долги, ево де предьмѣтъ состоитъ въ томъ какь эвѣкъ обьнищаетъ, то ужь и не можетъ по недостатку никуди въ гую сторону дѣтца и чего далѣ искатъ, а долженъ тутъ остатца итъ по неволѣ ему подьноженъ, такто и вы, говорилъ мнѣ Шмитъ, егитесъ того и храните свои денги что имѣете и ни кому не скаайте, я ему поблагодарилъ за его дружеское наставлѣние и взялъ томъ свою предосторожность.

Съпустя потомъ несколко дней приходютъ ко мнѣ тамошные купца Греки, просятъ у меня въ процентъ двухъ тысящъ руба годъ, обещаютъ датъ двенатцать процентовъ, и говорятъ что і надеждние люде и что свой капиталъ имѣютъ, но таперъ нелко имъ нужда пришла, что надобно скоро въ Цесарию, по ихъ цирнымъ подьрядамъ завещи отътелъ веземые денги переслатъ.

Я какъ сихъ людей еще не зналъ, а также и то пришло мнѣ мысли что мнѣ маиоръ Шмитъ говорилъ, то отъказалъ симъ проелямъ, говорю что у меня денегъ нѣтъ, и что я самъ хачу гдѣ ўдъ на свое содержание искатъ денги въ займы, и съ тѣмъ ихъ проводылъ отъ себя.

У меня хотя и было тогда и несколко еще востатке денги, но по совѣту Шмита держалъ я ихъ весма тайно и не показывалъ акова вида, что еще несколко въ запасе у меня того естъ, я поь о семъ что купци ко мнѣ приходилы и прасилы денегъ сказалъ иту, онъ на то отъвечалъ что видите таперъ какь оно и выхоь сходно тому, о чемъ я вамъ прежде сказоваль и то не естъ в что а подослано къ вамъ нарочно, и вы берегитесъ не верымъ людямъ, анѣ своего собственаго мало чего имѣютъ, а толко сиделци въ тѣхъ лавкахъ и товари всѣ принадлежатъ Хорвату, всѣ вещи подьряжаетъ въ Цесаріи нарочно будто такихъ ве въ Москве добротою имѣтъ не можно, а толко для того чтобь идиватъ афицерамъ вещи на строение мундировъ въ три цены ого, а потомъ вичитаетъ изъ жалованья, и на тѣ должние денги в и процентъ беретъ, отъ чего никогда афицеры ни адной копейжалованья не получаютъ и остаютца всегда въ долгахъ.

Потомъ спустя дней несколко сталъ я требоватъ у Хорвата своихъ даныхъ ему въ Петеръбурге четырехъ сотъ рублевъ денегъ докладивая ему что я самъ нужду имѣю въ денгахъ, и прошу что приказалъ оные мнѣ выдатъ. онъ тутъ зделался будто и не помнитъ говоритъ какие то денги, я ему повторяю что онъ ихъ у меня въ Петербурге взялъ, и что въ томъ я и росписку имѣю, тутъ онъ какъ я о росписке упомянулъ, повернулъ свои слова и говоритъ да я было о томъ запомнилъ, потомъ сказалъ что онъ прикажетъ казначею мнѣ видатъ, а за тѣмъ докладиваю я ему и подьношу регистеръ, что я будучи въ Петеръбурге въ хожденіи по его деламъ изъдержалъ какъ за квартеру, дрова. извощика, и на другие надобносты, и мнѣ приказано было въ угощеній сенатскихъ канцеляриста и. прч. у коихъ въ повитіи его Хорвата дѣла имѣютца изьдерживатъ деньги онъ вислушавши то мое представление и видитъ изъ регистра что таковыхъ денегъ требую я до двухъ сотъ рублей, оказался тѣмъ недоволѣнъ, и даетъ мнѣ тотъ регистеръ назадъ, при чемъ говоритъ какбы вамъ таковые деньги можно требоватъ, вамде всио адно житъ гдебь вы ни были, а о издержкахъ я вамъ ордера не давалъ; однако я регистра отъ него не принимаю, а повторяю прозбу чтобь мнѣ виданы были денги, какь тѣ что взаймы я ему далъ, такъ и сіи что по регистру значитъ.

Онъ на то отъвечалъ чтобь я подалъ въ главную Ново Сербскую канцелярию доношение, почему де въ удоволствіи васъ разъсмотрение будетъ, я то здѣлалъ, и при доношеніи въ канцелярию тотъ регистеръ подалъ, однако та моя прозба за отлагателствамы осталасъ еще на далѣ.

О сей канцеляріи надобно знатъ, что она значила и въ какой силѣ была, Хорватъ выдумалъ ее учредитъ, на подобые рода колъегіи, илы тому подобнаго правителства назвавъ ее главная канцелярия Новосербскаго корпуса, изъходатайствовалъ отъ Сената на то конфирмацию такь даволно велику, что всѣмъ протчимъ колълегиямъ и присудственымъ местамъ сношениямы писатца съ нею велѣно, и бытъ зависящею единствено отъ Сената; Хорватъ разделылъ въ ней правящихъ писменимы дѣламы на разные департаменты, а надь ними положенъ главнымъ адинъ секретаръ и отъправлялысъ дѣла первое по службе военьной принадлежащие, а также пограничные, и по внутреносты поселеныя економыческие; къ управлению жь дѣлъ шесть человѣкъ изъ штабь и оберь афицеровъ присудствующихъ и всю бы то было такимъ установлениемъ полезно и хорошо, естли бы

Хорватъ самъ собою не згадылъ, и что онъ того присудствия именовалъ себя яко глава первоначалнымъ, и оть него должно бытъ всио зависими и не вчислѣ протчихъ присудствующихъ онъ почитался, тобы еще такь и должно тому быть, но что по себѣ первимы поставылъ двухъ синовъ своихъ малчики, первой лѣтъ четырнатцатъ отъ роду, а другому тринатцатъ, кои еще состоялы подь началомъ учителя своего въ науке граматы, и дѣла къ нымъ приносилы въ школу для подьписки, то тѣмъ и остался порядокъ того правления уже поврежденъ, а за тѣмы другие чины како онъ Хорватъ и на какое время къ тому присудствию поставитъ, почиталысъ подь синамы его младшимы; присудственое жь той канцеляріи место было особно и за болшимъ столомъ надькрито краснымъ сукномъ и при зерцалѣ, какь форма велитъ протчихъ присудственыхъ местъ, Хорватъ самъ часто туда хадылъ слушаль дѣла и решилъ, а иногда осердившисъ какь не по его мыслямъ написано и подьнесено, определеніи предиралъ бранилъ секретаря и пишетъ самъ.

Но что чуднѣе всего бывало и къ поношению того места, Хорватъ приходылъ много кратъ въ присудствие сидѣлъ за столомъ слушалъ дѣла, какбы въ своей спалнѣ подь калпакомъ и курилъ трубку, и кто бы могъ отъважитца ему сказатъ что то естъ не пристойно.

Хорватъ какь тому назадъ дня два сказалъ, что прикажетъ казначею выдатъ мнѣ даные ему отъ мена възаимы денги, то я казначея нашолъ, требуя отъ него тѣхъ денегъ, онъ отъвѣчаетъ что приказаныя никакова не имѣетъ, я опятъ пашолъ къ Хорвату и сталъ о томъ говоритъ, на то отвечалъ развe де ти такъ пришелъ что и денегъ не имѣешь, и какъ онъ считаетъ меня богатимъ, и что я будучи при дворе нажылъ великое себы денги, и имѣю конечне оные а толко де притворяешъ себя яко бы недостатокъ терплю, и требую такої безъделицы, и чтобы дожидался я резолюціи по поданому отъ меня доношению отъ Новосербской Главной Канцеляріи

Я отъвечаю ему что хотя бы у меня и были денги, но я и сихъ имѣтъ хочу и прошу повелите мнѣ ихъ выдатъ, онъ и велѣлъ казначея призватъ и приказиваетъ ему чтобь мнѣ ихъ выдалъ, казначей отъвечаетъ, что у него денегъ въ приходе нѣтъ, на то поворотясь Хорватъ ко мнѣ говоритъ: вотъ слишишы что казначей сказалъ, я отъвечалъ что денегъ казначею я не давалъ възаймы, а далъ вашему превосходителству такь и пожалуйте, говорилъ я ему, вы мнѣ мои денги.

Сие водилосъ у насъ долго и прошло несколко дней, напослѣдокъ сталы мнѣ платытъ когда пятьдесятъ, когда сто, когда двадцать пятъ рублей, и едва съ великою нуждою я ихъ досталъ, а издержаные по регистру пропалы.

Жыву я въ Миргородѣ ужо три месеца безъ никакова определеныя и причислѣния къ полку, а о женидбе моей ни слова никто не говоритъ, зачалъ я думать чтобь решитца на чомъ нибудь [illegible] чтобь истребоватъ отъ Хорвата полную себе резолуцию обо всѣмъ, [illegible] примечаю также изо всѣхъ обьстоятелствъ что концу харошому [illegible] бытъ, видя его гордостъ и фалшивостъ, и что всио въ превеличай[illegible] шемъ предь нымъ раболепствіи и не иначе а какъ полубога е[illegible] тамъ считаютъ, чего я дѣлатъ привикнутъ не могъ.

Однако Хорватъ упредылъ мысли мои своимъ ко мнѣ отъз[illegible] вомъ, онъ какъ хотѣлъ вь одинъ денъ ехать на свои хуторъ ра[illegible] стояниемъ оть Миргорода верстъ за петнадцатъ, то взялъ и меня [illegible]ъ собою въ карету, и дорогою зачялъ говоритъ по той форме какъ [illegible]то и въ Петерьбурге ласкаво претворилъ себя, представляя мнѣ жы[illegible]нъ того поселеныя, въ каковомъ анѣ благоденствіи состоятъ и какъ домамы на одномъ местѣ житъ и заводитъ свою економыю спокойн[illegible] и харошо, и требуетъ оть меня о томъ объяснения, каково всио то [illegible]мнѣ показалосъ и не хачулъ я пременытъ свое намерение отъ полевой слу[illegible]бы и остатца на поселению въ ево Гусарскомъ полку, упомыная что де вотъ скоро въ моемъ полку будетъ ваканция подъполковничья, [illegible]де о Цветиновиче, какъ онъ съ моимъ полкомъ состоитъ въ армыи, уже представылъ о произведеніи ево въ полковники и онъ точно будетъ, а ти на его место станешъ подъполковникомъ, а между тѣмъ какъ ужъ я и прежде сказалъ продолжалъ Хорватъ свои слова что на племянице моеи тебѣ женитца, то и останешся здесъ въ Миргородѣ и вь походъ съ женою таскатца ни для чего, а определю тебя въ ту должностъ при канцеляріи въ коеи по нинѣ маиоръ Шмитъ состоялъ, а ево негодного вигоню вонъ съ поселения и не хачу его здесъ имѣтъ, и зачалъ Шмита ругатъ и бранитъ на чемъ светъ стоитъ, такъ скажи мнѣ повтаряетъ Хорватъ что думаешъ и подаи о преводѣ тебя на поселение челобытную, па которой я тотъ часъ тебя къ той должносты и определю и станешъ ужъ здесъ домомъ заводитца, а челобытную отъправлю въ Сенатъ и предъставлю о пожалованыи тебя въ подъполковники.

Я ему отъвечаю что всио то какъ вы изволыте говоритъ ес дѣло хорошое, но какъ я съ вамы будучи въ Петеръбурге уговори

и начто вы меня позвалы и обънадежилы, на то я и приехалъ и дожидаюсъ вашеи рещимосты, а также говорилъ я ему что по моимъ еще молодимъ летамъ надобно мнѣ конечне въ армыи на нѣкоторое время послужитъ, и чтобъ моя служба извѣстна здѣлаласъ, а по окончаній воины могу тогда исполнытъ ваше желание и бытъ на поселению, онъ на мои слова сказалъ, такъ я вижу что ти на поселению бытъ нежелаешъ а намеренъ таскатца по свету то какъ хочешъ, а опосля будешъ сожалѣтъ, и выговоря сіи слова замолкъ и сталъ дрематъ въ каретѣ не говоря болѣе ни слова во всю дарогу туда и обратно.

А приехавши назадъ въ Миргородъ сталъ я проведиватъ при какой должносты имено маиоръ Шмитъ состоитъ да и самаго его Шмита спрашивалъ, не сказивая ему о Хорватовыхъ словахъ ни чего, онъ и сталъ мнѣ сказыватъ о своеи должносты, какова на его наложена и что названа расчетною камысиею, каторую какъ Хорватъ хочетъ, говоритъ Шмитъ никто на свете кончитъ не можетъ, она де то естъ самая преисподняя глубына Хорватова воровства, въ ней состоятъ всѣ сумы, каторие съ зачала сего поселения отъпускалыесъ какъ на вербунки такъ на разные строеніи мундировъ и амуницій, на жалованые и на провиантъ, и въходилы и подесетъ разъ адна въ другую безъ никакихъ документовъ и безъ ордеровъ и оставалыесъ многие безъгласнимы и упутаны нарочно чтобъ концы съкритъ, какихъ Хорватъ самъ къ себѣ бралъ, и то всио возвалѣно говоритъ Шмитъ таперь на меня чтобъ я разьвелъ и очистилъ, а какъ сего здѣлатъ неможно то и сталъ за то на меня гнатъ, и вы де скоро увидите говоритъ Шмитъ, что изъ сего дѣла выдетъ много затрудвения; и не обоищетца никакъ безъ великаго слѣдствия и камысій.

Я вь то время моей въ Миргородѣ бытносты съпознался еще съ аднимъ добримъ человѣкомъ, Хорватова гусарскаго полка съ маиоромъ Бошковичемъ, онъ былъ природы изъ Цесарій Сербынъ и нашолъ въ немъ пряма честную совѣсть и постоянство, я съ нимъ зачалъ обьходитца подружески и могъ говоритъ о своемъ дѣле съ нымъ пространо, и между разговорамы на другои день послѣ, какъ я съ Шмитомъ видѣлся, говоритъ мнѣ Бошковичъ что примечаетелъ вы каковъ Хорватъ и что въ нѣмъ ни мало ни правди ни совесты нѣтъ, берегитесъ вы говоритъ мнѣ Бошковичъ, Хорватъ де сплетаетъ великие сѣты около васъ, у ево предьметъ лукавои естъ на васъ, мы де многие сожалѣемъ объ васъ и видимъ какъ онъ васъ обьманулъ и лишилъ вашего места и оторвалъ хитростыю своею отъ двора, а та-

перь состоитъ вся его цилъ о томъ толко, какъ онъ примечаетъ что вы съ денгамы сюда пришли, то что бы оныхъ васъ какъ нибудъ на первои случаи лишитъ и привестъ въ недостатокъ и въ долги въвалыть, [illegible] чтобы тѣмъ изьнуритъ васъ, а потомъ принуждены вы будете остатц[illegible] ему подьножны, а болѣе еще тѣмъ ежелы согласитесъ быть у его н[illegible] поселенью что и видетъ такъ какъ и съ намы терпѣть его поданство[illegible] онде по зависты своей васъ и отъ двора отъвелъ, чтобъ толко достат[illegible] Черногорцовъ въ свою каманду, а таперъ какъ онъ ихъ уже получил[illegible] и васъ сюда привелъ, то и дѣлаетъ свои обороты и держитъ вас[illegible] здесъ чтобъ толко пришли вы вь убытокъ, при чемъ говорилъ еще м[illegible] Бошковичъ что де я и о женидбе вашей знаю какъ оно дѣлаетц[illegible] хотяб бы вы и на то согласилысъ какъ онъ хочетъ чтобъ на посел[illegible] нию остатца, то вы не думайте что Хорватъ свою племянницу за ва[illegible] отьдалъ, я не знаю продолжалъ Бошковичъ знаетелъ вы илы нѣтъ [illegible] госпожа подьполковница Хорватова есть мнѣ двоюродная сестра, [illegible] и съ нею о женидбе вашеи много кратъ говорилъ и знаю что она ве[illegible] рада дочъ свою за васъ отъдатъ, также и девица къ тому есть [illegible] съ клона да ни, ни подъкакимъ видомъ не смѣютъ оны ни маленшаго зн[illegible] ака отъ себя додатъ, вотъ другои денъ я знаю что Хорватъ за нимы послалъ чтобъ оны сюда приехалы, и вы де увидете какие онъ шт[illegible]уки и выдумки будетъ дѣлатъ, онъ ихъ разорилъ въ конецъ, какъ пок[illegible] ой-никъ подъполковникъ мужъ сестри моеи скончался каторои былъ стар[illegible] шии братъ Хорвату, и былъ человѣкъ совсѣмъ другова сложения и со[illegible] вести, и онъ еще при жизны претерпѣлъ много, и наровнѣ съ н[illegible] мы носилъ всякие гонениі и обыди отъ него, а по смерты осталасъ жена его съ детмы въ сиротстве, то сдѣлалоя Хорватъ надъ чимы опекуномъ, заграбылъ къ себе денги за проданые ихъ въ Цесаріи деревны и таперъ оные у него остаютца и неотьдаетъ, а бедная сестра моя говорилъ Бошковичъ сь детмы претерпѣваетъ нужду въ своемъ содержаніи и недостатокъ во всѣмъ, такъ когда онъ Хорватъ своихъ кровныхъ изнуряетъ и утесняетъ а колмы васъ не будетъ, онде и подъ-полковника Николая Івановича Чорбу мучилъ и гналъ покудова его лишилъ всего, и хотѣлъ его упутатъ и упропастыть совсѣмъ и человѣкъ принужденъ былъ оставитъ всио и бежатъ отъселъ въ Петербургъ и проситъ и тѣмъ едва избавился, онъ естъ сестре моеи родной дядя, а Феодоръ Чорба, что таперъ въ арміи за границею маиоромъ, сестре жъ моеи братъ родной, каторои также претерпѣваетъ отъ Хорвата великие гоненіи, а сіи люде были первые при зачале выхода Хорватова изъ Цесаріи въ Россию, а какбы тогда не оны по-

къ выходу не подалы, то бы изъ того ничего не было, а разве бы вать самъ съ женою и съ детмы сюда вышолъ.

Я всѣ сіи слова что мнѣ Бошковичъ пресказалъ выслушалъ и одарю ему, сталъ думать какъ и на чомъ положитца и заключилъ омъ, чтобъ Хорвату говоритъ и требоватъ последнѣво ево решеи чтобъ меня причислитъ въ Македонски гусарски полкъ, а буде его того не здѣлаетъ какъ онъ обещалъ, то чтобы отъпустылъ въ Петерьбургъ.

Я на томъ положившисъ пашолъ на другой денъ къ Хорвату, лъ его что ходытъ самъ адинъ задумавшисъ по саду курить трубку. случай на одинѣ чтобъ съ нымъ говоритъ было мнѣ удобно, я шедъ къ нему вижу что онъ не такъ чтобъ былъ сердитъ, то иъ я ему говоритъ сіи слова, что изъпрашиваю напериодъ поѣниа и чтобъ не было ему въ досаду о моемъ къ нему представ, онъ остановился и отвечаетъ дабро изволь говори о чемъ хоъ, потомъ сталъ я представлятъ что живу здесъ въ Миргородѣ уже месеца, а не знаю никакова о себѣ определения, и что также оидбе моей не изволите здѣлатъ решимосты и мнѣ о томъ ничего говорите, такь ежелы я вамь неугоденъ и то быть не можеть, как со мною уговорилы и на что я сюда призвань, то прошу отьпуъ меня и датъ пашпортъ, съ коимъ намеренъ я ехатъ въ Петеръгъ для узыскания себѣ другова места, ибо далѣ на такомъ осноій на какомъ я таперъ есмъ, говорилъ я Хорвату, болѣе оставатца могу, а хочу свой настоящи фундаментъ имѣтъ.

Хорватъ виcлушавъ мои слова не показиваетъ ни мало против вида, говоритъ мнѣ что вы напрасно тѣмъ тревожитесъ ви дете какъ я сказалъ, что определены будете въ Македонской гуской полкъ вскоре къ вамъ и ордеръ будетъ, когда не хотите вы послушатъ чтобъ бытъ здесъ на поселению, гдебъ вы и фундагъ свои имѣтъ моглы, а о женидбе вашей, продолжаетъ Хорватъ нѣ свои слова, ежелы девыца и мать ее согласятца то де я въ не препятствую.

Мнѣ казалосъ сия резолюция хороша доволно, и для меня бобы ни чего и не надобно, но Хорватовы мысли совсѣмъ шли не и въ другую сторону, и какбы толко меня въ свои сѣты уловитъ.

Онъ на завтрешны денъ сталъ самъ публично говоритъ, что я Македонски полкъ буду скоро отъправленъ и что предъставитъ о

пожалованіи меня въ подъполковники, даже и мнѣ самому о томъ весма съ приятнымъ видомъ объявылъ, разьсказывая какъ хочетъ онъ тотъ полкъ снабдетъ великолѣпно и что уже и обозъ готовъ, упомы-ная при томъ и о людяхъ того полка, что всѣ иностраные и видные люде, тамде говоритъ мнѣ Хорватъ много и твоихъ Черногорцовъ естъ, коимде я уже сказалъ что надъ нимы командиромъ ты будешъ, и та-перъ толко остаетца, чтобъ ты себя всѣмъ потребнымъ къ походу исправылъ и снабдѣлъ хорошимы лошадмы подъ верховую ѣзду, что бы не постидно было съ такимъ славнымъ полкомъ оказатца при армый.

Я ему благодарю за такую его ко мнѣ милость и говорю, что лошадей подъ верховую езду лехко мнѣ будетъ достатъ и тогда какъ съ полкомъ чрезъ Полшу помарширую, онъ на то отъвечалъ, что вотъ видишъ какъ я о тебе думаю и хочу тебя отъправитъ и на что тебы денги тратитъ и лошадей по Полше покупатъ, когда я даю въ каманду твою такой славнои полкъ, то ужъ и лошадмы хорошимы хачу тебя снабдѣтъ, и денегъ за оные здесъ не требую а оставлю, что и оп[illegible]сли изъ армый ко мнѣ денги пришлѣшъ, и хватя меня за руку говоритъ пойдемъ въ канюшню, я тебѣ тѣхъ лошадеи покажу, каторыхъ я тебы датъ хочу.

Читателю мои разъсуждаи таперъ самъ, не доволнолъ сей милосты отъ него сказано было, что отъправитъ меня къ армыи, а также и лошадмы верховимы снабдѣтъ почти безъ денегъ, къ томужъ и чинъ подьполковничій приобрестъ, то какбы было можно въ чемъ лыбо посумнѣватца и не поверитъ его словамъ, когда онъ о томъ публично гоовритъ и мнѣ готовитца къ выступленыю приказиваетъ, по чему и подумалъ я, что и нѣтъ мнѣ резона быть имъ недоволнымъ, а о женидбе думалъ я ежелы и то сужено то конечне мынутъ не можетъ, но лукавство Хорватово и хитрость совсѣмъ принесло другое.

Повелъ Хорватъ меня въ канюшню, показываетъ мнѣ первую свою вароную верховую лошадъ да еще двухъ гнедихъ, всѣ молодые и харошие лошады и не осталосъ лучшихъ во всеи его канюшнѣ, я зная доволно тѣхъ лошадеи и что мнѣ о ныхъ Хорватъ отъдаетъ былъ тѣмы я доволѣнъ, но толко о ценѣ въ какую оны будутъ поставлены спросилъ я Хорвата, на что отвѣчалъ что ужъ я въ какомъ разуме ихъ тебы отъдаю, то и о ценѣ сумнѣватца ненадобно тебѣ лехко будетъ мнѣ уплатытъ, однакъ говорилъ я ему что лучше и для васъ и для меня будетъ, когда цену таперъ положите по кое старатца я буду къ вамъ денги доставитъ, онъ на таковъ запросъ сталъ говоритъ оценывая по доброте каждую поровнъ, а за всѣхъ

шло двесты дватцатъ пятъ галандскихъ червоныхъ. Сія цена по-
валесъ мнѣ несколко висока, но въ разъсужденіи обьявленой мнѣ
ь него милосты, а также что не платытъ за разъ денегъ а совре-
немъ прислатъ оные изъ армыи, то и согласылся я на ту цену и
азалъ что даволѣнъ.

Онъ тотъ часъ велѣлъ отъвестъ лошадеи на мою квартеру, при-
залъ чтобь получше тамъ конюшню исправитъ и далъ овса шестъ
твертеи и сѣна возовъ шестъ, и съ тѣмъ пошли мы въ его покои,
ь пришло въ голову чтобь изъ того не вышло опосля чего другова
что лучше будетъ съ нымъ на писме о томъ уговоръ здѣлатъ, для
о доложилъ я ему, чтобь о денгахъ принялъ отъ меня росписку,
ь на то мое объявление долго отъговаривался что нѣтъ и не надобно
кая расписка, мы что здѣлалы на томде такъ и бытъ, однако я
авитъ не хотѣлъ и просилъ чтобь росписку отъ меня принялъ, на
лѣдокъ согласился онъ и велѣлъ принестъ бумагу и черницу го-
ритъ, что вотъ пиши какъ тебы угодно, я взялъ перо и началъ пи-
ъ слѣдующее:

Что отъправляюсъ я отъ господина генерала поручтика Івана
оилловича Хорвата для командования въ походъ Македонскимъ гу-
скимъ полкомъ къ заграничнои армыи въ Прусию, и по тому взялъ
тъ него господина генерала трехъ собственыхъ его верховыхъ
адеи, ценою за всѣ двести дватцатъ пятъ червоныхъ, кое число
егъ здесъ не платытъ, а чрезъ годъ илы какъ время дозволытъ
слатъ изъ армыи вчемъ и подьписался.

Сию росписку подаю я Хорвату, онъ принялъ и прочелъ оную,
отомъ повернулся къ предстоящимъ съ усмѣшкою говоритъ, вотъ
трите какои онъ писецъ и какъ онъ выдумиватъ умѣетъ, добро
ъ ни чего ти взялъ лошади а я бумашку, мы разочтемся попре-
ски и тебы убытка небудетъ.

Казалось мнѣ что и сия встреча даволно хароша и не остава-
ь и тутъ о чемъ лыбо имѣтъ какое сумнителство, однако время о
ъ докажетъ какъ я буду далѣ еще говоритъ.

Я тѣхъ лошадѣй хотя и не стоилы такои сумы денегъ, принялъ
залъ на ныхъ ездитъ и были подлино добри, но въ армыи чтобь
ыхъ служитъ къ чему и годилисбы, а не на полѣ съ сабакамы
тъ какъ оны на послѣдокъ у меня осталысъ.

Послѣ сеи нашеи учинѣнои торговлы сталъ я воображатъ въ
ь какъ въ паходъ итытъ и радуюсъ о томъ, что скоро отъправ-

люсъ и приеду съ полкомъ къ армыи и что служить на войнѣ, и за — службу честь и буду имѣть еслы живъ останусь, впредь навсегда отъ каманлировъ своихъ похвалу и тѣмъ дойду до знатья, то и другое и тому подобное были тогда мои разъмышлѣніи.

На тѣхже дняхъ приехала въ Миргородъ вдова госпожа подполковница Хорватова съ детмы, какъ я више говорилъ что за нее было послано, она квартерою стала у Хорвата во дворе что въ саду особливые покоики были, я съ нимы со всѣмы видѣлся показалыся мнѣ приятны, дѣвицу назначеную мою невѣсту я полюбылъ, но на... дылъ въ союзе нашемъ никакой противносты и заключилъ что она естъ достоина, какъ и въ самомѣ дѣле такова она была, примѣчалъ также что и я имъ понравился и казалосбы что съ обеихъ нашихъ сторонъ препонъ никакихъ нѣтъ, а толко стоило условитца и дѣло союза кончить, думаю я самъ въ себѣ что таперъ какъ женюсь, то поведу ее съ собою исправлю еквипажъ харошъ и чтобь она какъ еще человѣкъ молодой могла чужие края и светъ видѣтъ и приобрететъ еше болшъ просвѣщения и узнаетъ, какие между людмы обхождении, и тако мои тогда мысли ни о чемъ болшъ не ходилы какъ только о томъ.

На треты денъ приезда сихъ приятныхъ мнѣ гостѣй поутру рано идетъ ко мнѣ приятелъ мои маиоръ Бошковичъ на мою квартеру и говоритъ, что де я пришолъ къ тебѣ обьявитъ мое посолство, Хорватъ меня прислалъ тебя увещаватъ, чтобь ти какъ онъ тебѣ и самъ говорилъ подалъ челобытную о причислѣніи тебя на поселение и вотъ и челобытная готова, стоитъ толко оную тебы подьписатъ, и показываетъ мнѣ ее и ежелы подьпишешъ говорилъ Бошковичъ, то обещаетъ Хорватъ и свадбу твою таперъ совершитъ, вотъ что я тебы обьявытъ имѣю повторяетъ Бошковичъ стой стороны сь каторов я прислань, а съ другои стороны по совѣсты и по приязны говорю тебѣ что то есть ничто іное какъ только Хорватова хитростъ и обьманство, чтобь тѣмъ только тебя уловитъ, а изъ женидбы твоеи ничего не будетъ, я де знаю и то что и сестра моя госпожа подьполковница не желаетъ того чтобь вы осталысь на посыленню, а дочъ свою за васъ отдатъ весма рада и девица склона, но не смѣютъ въ томъ никакова знака вамъ податъ, какъ и вы самы приметытъ можете, еще жъ продолжаетъ Бошковичъ, что Хорватъ намеренъ естлы вы сию челобитную подьпишете тотъ часъ опредилитъ васъ на место маиора Шмита къ тои расчетнои камысім, гдѣ вы никакова конца не наидете и дете мучитца такъ какъ и Шмитъ и на опосля упутаетъ васъ

[illegible] и вовсѣ пропастъ можете, тамде въ той комысіи такие непостижимые дѣла коихъ Хорватъ не можетъ вивестъ и очиститъ никогда и должно быть великому еще слѣдствию, такъ вотъ говорилъ Бошковичъ что я вамъ по моему къ вамъ доброжелателству сказалъ, а вы какъ изъ того изволите самы положитъ такъ и дѣлайте.

Я поблагодаря Бошковичу за его приязнъ, а о томъ съ чѣмъ его Хорватъ прислалъ говорю я ему, что такой челобытной подьписиватъ не могу, а хочу самъ съ его превосходителствомъ говоритъ.

Бошковичъ пошолъ и обьявилъ мои слова Хорвату, а потомъ отже день подъ вечеръ и я самъ туда пашолъ, Хорватъ говорилъ о чиномъ дѣла. посторонние како што другое, а объ томъ что Бошковича ко мнѣ присилалъ не упоминаетъ ничего, однакъ я улучилъ время свободное самъ началъ ему говоритъ, что ваше превосходителство изволили присилатъ ко мнѣ Бошковича съ челобытною, чтобы я оную подьписалъ, на что хачу вашему превосходителству обьяснитъ, какъ прежде я вамъ сказалъ такъ и таперъ на томъ остаюсъ и на поселению бытъ на сие время не могу, а желанъность моя естъ итытъ въ армыи съ полкомъ Македонскимъ на томъ основаніи какъ уже вы проделылы, а что о женидбе моеи принадлежитъ говорилъ я ему, то ожидаю и въ томъ отъ васъ решимостьі, ибо вы были сему дѣлу зачало и меня съ тѣмъ сюда привелы.

Хорватъ отвѣчаетъ мнѣ, что де я племянницу мою и матеръ ее спрашивалъ и оны сказалы когда ты не хочещъ остатца на поселению, такъ и дѣвица итытъ за тебя не желаетъ и таскатца по свету съ места на место и по походахъ не хочетъ, а о походе твоемъ къ армии то я какъ сказалъ на томъ такъ и будетъ.

На другой денъ госпожа подьполковница съ детми поехала домой несовершивши никакова дѣла, и мнѣ болѣе Хорватъ и я ему о женидбе не говорилъ ничего, и я почиталъ болше что оное уже на семъ и кончилось.

Я тогоже дня послѣ отъезда госпоже подьполковнице видѣлся съ Бошковичемъ и пресказалъ ему о моемъ съ Хорватомъ разговоре, на то Бошковичъ уверялъ меня что ни дѣвица ни матъ ее съ Хорватомъ штобъ женидбу твою не совершитъ не говорилы ни слова, а Хорватъ самъ видумалъ то о чемъ тебы говорилъ по своему обыкновению какъ толко людей обьманиватъ.

И проходитъ уже четвертои месецъ моего въ Миргородѣ пребыванию и наступаетъ осенъ, а я не знаю своего точнаго основанию, а

также и о полку Македонскомъ, чтобь оной готовился къ виступленію ничего не слишу, и было каво о чемъ изъ правителѣй ево канцеляріи ни спрошу то всякъ говоритъ что не знаю, мнѣ ужъ чрезъвичанно скучно стало и положилъ чтобы опять Хорвату говоритъ, однако упредылъ Хорватъ своею резолюциею.

Въ адинъ денъ идетъ канцеляристъ Хорватовъ и несетъ ко мнѣ ордеръ, я онои распечаталъ и сталъ читатъ слѣдующее:

Какъ вы определены отъ правителъствующаго сената указомъ въ новоформирующеи мною Болгарскои гусарскои полкъ, то для зачинания онаго изъволите ехатъ въ Малороссию за Днѣпръ и поблизости къ Новои Сербый въ сотенномъ местечке Манжелѣи взятъ сво[ю] квартеру, а чтобы сие зачало онаго полка было учинѣно на первои случаи ундеръ-афицерамы и редовимы, то посланъ отъ меня ордеръ въ Македонскои гусарскои полкъ, каторои также по близости васъ на квартерахъ состоитъ, чтобы изъ онаго прислатъ къ вамъ вахтмейстеровъ двухъ, ундеръ-афицеровъ и капраловъ четыре, да редовыхъ тридцатъ человѣкъ, коихъ вы принявъ изъволите причислитъ въ свою команду и назватъ Болгарскимъ гусарскимъ полкомъ, и по исполненій меня отърапортоватъ. Что же принадлежитъ о определеніи васъ въ Македонской гусарскои полкъ въ походь къ заграничнои армый о томъ остаетца на томъ какъ отъ меня вамъ сказано.

Таперъ получа я таковъ ордеръ, коимъ повелѣваетъ мнѣ зачинатъ формироватъ Болгарскои гусарскои полкъ, о чемъ онъ на прошлыхъ дняхъ нимало не упоминалъ, то и не остаетца болѣе чего разъсуждатъ, а заключитъ коротко что то естъ явнои ево Хорвата обьманъ, да прицепитца къ нему неможно, понеже онъ въ свою очистку въ ордере приписалъ, что оботправленій меня съ Македонскимъ полкомъ въ заграничную армию тѣмъ словомъ, что остаетца на томъ какъ уже онъ о томъ прежде мнѣ сказалъ, слѣдователно онъ и правъ, и ужь мнѣ приступытъ и податъ формалную прозбу и неможно, для чего вознамерился я еще снимъ словесно говоритъ и увижу что изъ него еще далѣе выдетъ.

Я взялъ тотъ ордеръ съ собою, пашолъ къ Хорвату, онъ меня принялъ видомъ ласкавимъ, самъ сталъ спрашиватъ получилъ ли я ордеръ и какъ скоро изъ Миргорода виеду, я отъвечалъ что тѣмъ ордеромъ нимало недоволѣнъ, для того говорилъ я ему что между нами такова уговора не было, чтобы я Болгарскои гусарскои полкъ форми-

ровалъ и тѣмъ укоснытъ и не бытъ въ армыи, а таперъ прошу что бы меня на то изъ Петербурга взялы и учинитъ обещалы, и дабы я до виступления въ походъ могъ познатъ полкъ и афицеровъ, а также свои порядки во ономъ полку предьпринятъ и привестъ людей къ себѣ въ познание, Хорватъ на сіи мои слова отъвѣчаетъ мнѣ что де то не надолго, а зачало Болгарскаго полка должно вамъ учинитъ потому, чтобы въ то время какъ вы преидете въ Македонски полкъ и отъправлятца будете къ армыи, а маиоръ Костюри останетца здесъ и вступытъ на ваше место въ Болгарской полкъ, то чтобы и ему было чѣмъ командоватъ и не-сочелбы онъ себы въ обыду, и тако вы говорилъ мнѣ Хорватъ оставаитесъ съ покоемъ и не сумнѣваитесъ ничемъ нимало изволите съ Богомъ ехатъ.

Сеи Хорватотъ отъвѣтъ съходствуетъ также съ тѣмъ ордеромъ и походитъ на резонъ, и тако собрался я съ мислямы, положилъ на томъ то ехатъ за Днѣпръ и зачинатъ Болгарской гусарской полкъ, какъ мнѣ предьписано и ожидатъ тамо виступления въ походъ.

Я виступылъ изъ Миргорода и поехалъ въ свою путъ, а какъ мнѣ было по дороги шанецъ Криловской, гдѣ госпожа подьполковница Хорватова жительствуетъ, то для отъданыя моего еи поклона заехалъ къ нымъ въ домъ, она приняла меня весма приятно, отъвелы мнѣ уже по близосты къ ихъ дому квартеру, былъ въ вечеру у нее на ужине, разговаривала со мною съ приятностыю, спрашивала меня куда иду и скоролъ опятъ возврачусъ, я сказалъ о всѣмъ томъ какая должностъ на меня наложена и что буду на квартере за Днѣпромъ по близосты къ нимъ, я тутъ и свою назначеную невѣсту видѣлъ, показалы мы другъ другу приятние възглады и говорилъ я съ нею по пристоиносты, однакъ о женидбе не упоминалъ я ничего, а также и ты о томъ ничего не говорилы, и съ тѣмъ ту вечеръ разошлысъ, а завтре рано прислала госпожа подьполковница ко мнѣ проситъ къ себѣ, я туда пашолъ подьнеслы намъ кофи, удержали меня обедатъ потомъ какъ я отъежатъ хотѣлъ проводила меня госпожа подьполковница съ моею невѣстою по дороге до ихъ хутора верстъ семъ, тамъ побулъ я съ нимы часа два, а потомъ простясъ совсѣмы наехалъ далѣ заночевалъ въ полку.

На другои денъ преправившисъ чрезъ реку Днѣпръ проехавъ городъ Кременчукъ прибылъ въ местечко Манжелѣю гдѣ и бытъ мнѣ велѣно, занялъ тамо себѣ квартеру, далъ также знатъ въ Македонской полкъ какъ о моемъ туда прибытіи, такъ и о томъ что велѣно присылатъ ко мнѣ изъ онаго полка людей, кои въскоре ко мнѣ и при-

сланы, но притомъ приметитъ могъ что всио то были таковы кото-рие тамъ негодилысъ, пияници и невоздержные отъ всякихъ худихъ дѣлъ, да чтожъ дѣлатъ принялъ я ихъ каковы оны естъ. и отърапортовалъ къ Хорвату.

Потомъ вскоре причислѣны ко мнѣ въ новои мой полкъ два прапорщика, искоихъ адинъ назначенъ былъ камысаромъ и оставатца ему при дежурстве Хорватовомъ, а другаго употреблятъ и посилатъ велѣно для вербунга за границею люден, катороп и отправленъ, и тако съчисляютца у меня два афицера, а налицо при полку ни адного нѣтъ.

Съ того времены мало по малу сталы ко мнѣ нововербованые люде прибавлятца, каковыхъ тогда доставалы въ Полскои украине по случаю находящихся тамо какъ отъ Цесарской, такъ и отъ Прусской армыевъ даволнаго числа дезертировъ, которихъ мои посланои прапорщикъ къ себѣ приглашалъ, а также изъ Молдавый преходящихъ въ Полшу разного звания люден набырая пресилалъ ко мнѣ въ полкъ, и тако въ полъгода набралосъ у меня ужо около двухъ сотъ человѣкъ.

Я съ етимы людмы съ перваго зачала превеликое мучение и трудъ имѣлъ, всио то было строптиво, развращено, пияно и всякои денъ происходилы между имы и съ обывателямы драки и сори, и такое то зборище люден было, каторие по несколко разъ изъ адного государства въ другое преходилы и служилы и потомъ уходилы, а напослѣдокъ дошлы въ Россию и ко мнѣ въ каманду, а при всеи тои моею трудносты еще болше то было что ни жалованыя; ни мундира ни провианта нѣтъ, и тако принужденъ я былъ по повелѣнию Хорвата продоволствоватъ своихъ люден пищею отъ обывателѣи и требоватъ хотя напцетъ заплаты, однакъ не безъ отягощения обывателямъ то было отъ чего зашлы великие со мною и съ земскимъ правлѣниемъ преныски и затрудненіи, почему принужденъ я былъ изъискиватъ способы какъ успокоить жалобщиковъ, обьнадеживая ихъ что по получеиій жалованыя всио будетъ имъ уплачено, и давалъ въ томъ обывателямъ писменые виды, а своихъ подькомандныхъ также воздерживалъ съ перва хорошимы словамы, а далѣ по приличеству и штрафомъ удерживалъ ихъ отъ междуусобнаго забоиства каковы част происходилы, ибо оны какъ отъ разныхъ всего свѣта нацыевъ состоялы, то и подружилысъ было на партій всякъ по своеи природы языке, и происходило у ныхъ часто сори, драки, даже что и ножами некоторие резалысъ, а особливо тѣ наиболщъ безъпокоины быми коп природные турки и татаре были и крестилысъ, и бывало иногда ка

между собою напившись пияние подерутца, то со страху обыватели изъ села вонъ бегутъ, а другие запиралысъ въ домы свои, я то всио трудамы моимы старался успокоитъ, изътребляль такое зло по всѣмъ моимъ возможностямъ и довелъ напослѣдокъ въ совершеную тишину и любовъ вовсѣхъ вообще.

А что никакои амуницій ни ружьевъ у меня не было и люде безъ всякаго военънаго упражнения остаютца, отъ чего что имъ дѣлатъ было нѣчего, то и проводилы время празно и тѣмъ о дисциплине мало думалы, для чего принужденъ я былъ завестъ образецъ военнаго дѣла, заготовилъ древяние ружи, выводилъ всякои денъ въ строи, зачалъ съ нимы хадитъ и показыватъ приемы, и подаватъ имъ въ наречияхъ въ Россійскомъ языке понятие обо всѣхъ названияхъ ексерцицій, еволуціи и строи, однимъ словомъ обо всѣмъ что толко до знания подолжносты военнои, всио то я имъ толковалъ.

Сталъ также наряжатъ болшимъ числомъ и сверхъ надобносты на караулъ, чтобь толко тѣмъ дѣлатъ людямъ движение съмены караула дѣлалъ повсѣдневно, часовыхъ разъставлялъ по разнымъ местамъ, а ночние въ притинки въ селению, обьходитъ ночию дѣлалъ самъ, училъ ихъ, а болѣе тѣхъ кои никогда прежде въ службе военнои небыли, какъ отъкликиватъ по руски, и какъ принимать рундъ и становитца къ ружыю, давалъ лозунги караулнымъ ундеръ-афицерамъ, и въ такомъ обращеній и трудахъ съ симы людми проводылъ я время уже годъ целы и собралосъ по то время ко мнѣ людеи болѣе трехъ сотъ человѣкъ.

Тѣмъ временемъ привезено жалованье, оное я принялъ за весь годъ и какъ по Хорватову о тѣхъ полкахъ то естъ Македонской и Болгарской учинѣному штату положено было въ годъ редовому гусару получатъ денгамы по тридцатъ по шестъ рублеи, въ чемъ состояло за привиантъ, также сапоги съ шпори, на рубахи, галстукъ, скребница и щотка на торбы конские, на подьковку лошадеи, и на попоны, потникъ, чамаиданъ и саквы фуражные, то получивъ я на полкъ по числу людеи всю полную годовую суму учинилъ первѣе расчетъ съ обывателями какъ за продоволстие гусаръ пищею, такъ и о противъ вчемъ кто былъ каму долженъ уплатылъ имъ порядочно и въ томъ взялъ квитанцию.

А потомъ что люде были голие и мундировъ не имѣлы то учредилъ чтобь изъ простаго сѣраго сукна подѣлатъ на первой случаи кафтаны и штани также и шубы, а затѣмъ досталные денги отъдалъ

людямъ на руки и по такои исправносты сталы мои люде повеселѣе, и вошлы въ привичку во всѣмъ томъ къ чему я ихъ училъ и меня чрезъвичаино любытъ сталы, а отъ земскаго правлѣния также нивчемъ никакои жалобы нѣтъ.

А въ Македонскомъ полку слишу я что происходытъ оченъ дурно и здѣлалысъ тои зимы чрезъвичаино великие побеги, къ чему оны спо[illegible] собѣ имѣлы какъ Днѣпръ замерзъ, и уводилы лошадеи а другие пѣ[illegible]комъ уносилы мундиры и амуницию съ собою въ Полшу за границ[illegible], а ктому по великимъ жалобамъ отъ земскаго правления дошло и [illegible]о Сената, почему Хорватъ получилъ жестокие репреманды, и завело болшое слѣдствие къ коему для разобрания і изслѣдования определ[illegible] Хорватъ меня презусемъ и прикомандировалъ изъ поселеныхъ а[illegible]церовъ трохъ человекъ, а также изътребовалъ для присудствия [illegible]ри томъ слѣдствій отъ стороны Малороссійскаго земскаго правления [illegible]у-бенскаго казачѣго полка членовъ, и тои камысій назначено бытъ въ томъ местѣ, гдѣ Македонской полкъ штабъ-квартеру имѣетъ въ [illegible]е-стечке Чигиринъ-Дубраве.

Я по полученій того повелѣния поехалъ туда на ту камысию съ великою моею досадою, ибо у меня въ полку для смотрения за под[illegible]ъ-команднимы никово болѣе не было окроме толко адни вахтмейстри [illegible]а ундеръ-афицерѣ и капралы, въ чемъ сумнѣвался я дабы тѣмъ врем[illegible]немъ моего отъсудствия не могло послѣдоватъ какова безъпорядка, как[illegible]ъ я въ томъ и угадалъ и узналъ опосля каковы сплетены для меня от[illegible]ъ Хорвата сѣты.

По собраній всѣхъ присудствующихъ къ тои камысій, прибыл[illegible] туда и самъ Хорватъ, онъ правда что маіора Костюрина не точи[illegible] что репремандовалъ за произшедшее отъ подькомандныхъ его непо-рядкахъ, но сверхъ того ругалъ его публично и показивалъ себя вес[illegible] недоволнымъ, онъ некоторыхъ караульныхъ что не показалысъ ему в[illegible] своеи форме опрятнимы тутъ жестоко билъ палочѣмъ.

Хорватъ послалъ нарочного за казачимъ Лубенскаго полка полков[illegible]никомъ, у коего въ селенияхъ Македонской полкъ квартируетъ, а такж[illegible] и за другимъ казачимъ полковникомъ Остроградскимъ отъ Миргоро[illegible]скаго малороссійскаго полка, у коего селенияхъ я съ полкомъ мои[illegible] на квартирахъ стою, тѣ оба полковника приехалы съ своею свито[illegible] туда въ Чигиринъ-Дубраву къ Хорвату, онъ сталъ съ нимы дружитц[illegible], показивая свое предь-нимы неудоволствие въ томъ что Македонск[illegible] полкъ наделалъ, ругаетъ маиора Костюрина всякимы непристоин[illegible]

словамы, обьявляетъ Хорватъ тѣмъ полковникамъ что онъ определылъ камысию для изъслѣдования, и пробулъ тамо Хорватъ шестъ днеи, причемъ тѣмы днямы примечалъ я что Хорватъ съ любенскимъ полковникомъ преговорилъ и наладилы, а также смотрю я и то что и съ Миргородскимъ полковникомъ Остроградскимъ отъмено Хорватъ ласкался, и часто съ нимъ наодинѣ говоритъ и ходятъ ихъ двое по саду, а потомъ приобщилы къ себѣ тогоже полковника полковаго писаря (каковъ чинъ между Малороссійскимы казакамы естъ въ числѣ ихъ полковыхъ старшинъ и почитался тогда человекъ великъ, звался онъ ляховичъ), я всио то съ стороны вижу и примечаю толко какъ Хорватъ съ нимы ласкаетца, потомъ тѣ полковники поехалы, а на другои денъ также и Хорватъ хочетъ ехать, и приказиваетъ мнѣ съ великимъ подьтвержениемъ, чтобы я ни подь какимъ видомъ никуда отъ камысій не отлучался и зачалбы по онои производитъ дѣло и съ тѣмъ онъ уехалъ.

По отъездѣ Хорвата хачу я зачинатъ ту возложеную на меня камысию, но тѣ определение казачие члены обьявилы мнѣ, что ихъ Хорватъ уволнылъ по ихъ нужде въ домы на шестъ днеи, и то сказавъ тотъчасъ поехалы а я остался.

Прошло уже шестъ днеи а тѣхъ господь еще нѣтъ, а я безъ ныхъ зачанатъ дѣла немогу, посилаю я занимы, но и потому оны не будутъ, отълагая еще дня на четире, ето такъ происходило днеи десятъ, я опятъ посилаю къ нимъ нарочнаго, и пишу къ ихъ полковнику и требую о висилке оныхъ, однакъ и то прошло а затѣмъ посилаю нарочнаго къ Хорвату съ рапортомъ, прописавъ что тѣхъ определеныхъ малороссійскихъ казачихъ членовъ, какъ ваше превосходителство ихъ уволнилы на шестъ днеи, и понинѣ къ слѣдствию нѣтъ и что я празно живу и дѣла еще никакова не зачиналъ, и спрашиваю Хорвата что мнѣ дѣлатъ.

Хорватъ отъвечаетъ мнѣ ордеромъ чтобь я нимало никуда неотлучался и былби тамъ при тои камысій, а о висилкѣ тѣхъ членовъ писалъ де онъ къ лубенскому полковнику; я еще послѣ того дожилъ неделю целую и живу празно, вотъ вдругъ изъ моего полка съ известнымъ рапортомъ прискакалъ ко мнѣ нарочны ундеръ-афицеръ, обьявляетъ что ужь сколко дней, какъ приехалы туда въ полкъ отъ Миргородской казачеи канцелярій послание два старшины, и возбунтовалы всѣхъ жителѣи мужиковъ и казаковъ у коихъ гусаре на квартерахъ стоятъ, спрашивая ихъ о обыдахъ какие оны отъ гусаръ имѣютъ чтобь подавалы жалобы и пишутъ, хотяжь казаки и мужики го-

воритъ мои ундеръ-афицеръ и отъвечалы съперва, что не имѣютъ ни какихъ обыдъ и что оны недавно отъ гусаръ за всио что имъ виноваты были получилы уплату денгамы, однакде сій старшины понуждаютъ мужиковъ чтобь жаловалысь и ужо де некоторыхъ гусаръ хазяева у коихъ оны квартеру имѣютъ обыжатъ сталы, викидиваютъ ихъ еквипажъ вонъ изъ дамовъ своихъ, бранятъ и ругаютъ, а на двухъ местахъ ужо и драка за то была, и заводитца болшое возмущение, и естлы вы говоритъ приежаи мои ундеръ-афицеръ не скор[illegible]о самы туда къ намъ прибудете, то Богъ знаетъ что еще здѣлатц[illegible]а можетъ.

Я всѣ сие вислушавъ и какъ тамъ у меня при полку никово др[illegible]гова окроме вахтмеистеровъ и ундеръ-афицеровъ нѣтъ и за пол[illegible]ъ статъ нѣкому, то я неупуская времены тотъчасъ написалъ къ Хо[illegible]вату рапортъ, что имѣю изъвестие какъ я отълучился по ордеру в[illegible]шего превосходителства что за моимъ отъсудствиемъ воспослѣдова[illegible]ы тамо при полку некоторие безъпокоиствы отъ стороны прислан[illegible]ъ казачихъ старшинъ, почему спешу для разобраныя того дѣла, а так[illegible]е что здесъ при камысій за неприбытиемъ определеныхъ Малороссійских[illegible]ъ членовъ живу празно, то по тѣмъ обьстоятельствамъ принужденъ оста[illegible]витъ сие место и ехатъ скорея въ полкъ, о семъ также что отъежа[illegible]о далъ я отъ себя и въ Македонски гусарски полкъ знатъ.

Приехавши я другимъ днемъ къ полку нашолъ великие возъму[illegible]щеній и чудние дѣла, ибо всѣ хазяева приведены и наущены от[illegible]ъ тѣхъ присланыхъ старшинъ, чтобь на гусаръ жаловалысь, и ужо никт[illegible]о ни мало продоволствоватъ гусаръ какъ уговорено пищею не хочетъ[illegible] я сталъ тѣхъ старшинъ спрашиватъ і требоватъ, чтобы оны всѣ т[illegible] жалобы какие оны написалы мнѣ представилы, и что хачу по спра[illegible]ведливосты жалобщиковъ удоволствоватъ.

Оны сперва не хотѣлы того здѣлатъ, отъзиваясъ что въ свое[illegible]и каманде предьставитъ хотятъ, но какъ я сего на томъ оставитъ не[illegible] хотѣлъ, а требовалъ чтобь конечне мнѣ всѣ жалобы показатъ, а ежел[illegible]ы нѣтъ то и полкъ мои хотябы и до слѣдствия дошло виноватъ бытъ не[illegible] можетъ, на что ужъ тѣ старшины согласилысъ и подалы мнѣ регистр[illegible]ъ обо всѣмъ что оны написалы, и по разбырателству моемъ обще съ ним[illegible]ы ничто болшъ ненаидено какъ толко о томъ что ужъ прошло, ка[illegible]ъ гусаръ оны кормилы и за то получилы уплату денгамы и я обо всѣ[illegible]ъ томъ имѣю очистителную квитанцию, а вновъ послѣ тои квитанц[illegible]й пичего и нималеише обыдъ не оказалосъ, окроме толко въ адномъ про[illegible]доволствій гусаръ пищею что хазяева въпредь даватъ того не хотятъ.

Я тѣмъ старшинамъ о томъ доказиваю, что въ продоволствій гу-
гъ не я таково определение дѣлалъ и не требую по своеи волѣ а
здьписано отъ команды, почему еще съ зачала и уговоръ съ ха-
вамы здѣланъ, что и посколко помесечно за то денегъ имъ по-
атъ, и что за прошлое время уже уплачено, а въпредъ по при-
е жалованыя также удоволствованы хазяева будутъ.

Таково возмущение по великимъ трудамъ едва успокоитъ я могъ
ъ тѣмъ тѣ старшины поехалы.

Того же дня приехалъ адинъ человѣкъ присланои ко мнѣ отъ
ятеля моего, каторои также былъ старшина того казачего Мирго-
скаго полка, онъ тогда былъ на ярмарку въ местечке Голтве разъ-
янием отъ меня въ десеты верстахъ, пишетъ ко мнѣ чтобь я къ
гу какъ можно поскорея приехалъ, имѣетъ нѣчто нужное со мною
оритъ, я не медля поехалъ туда къ нему, онъ и зачалъ мнѣ ска-
атъ сій слова, я де думаю что вы таперъ въ великои тревоге съ
имъ полкомъ, на то отъвечалъ я ему что такъ и пресказиваю
о что я засталъ, онъ говоритъ мнѣ что подъ секретъ и любя васъ
у вамъ сказатъ, чтобь вы могли взятъ свою предосторожностъ, ибо
ло васъ стараютца люде какбы вамъ досадитъ и сталъ сказиватъ
де Хорватъ упросилъ нашего полковника Остроградского и пол-
аго писара Ляховича (о коихъ я прежде говорилъ), чтобь какъ воз-
но постаралысъ привестъ въ конфузию вашу команду, и чтобы жало-
на васъ отъ обывателѣи запилы, для чего де безъ бытносты вашеи при
ку послано наши двое старшинъ туда въ тѣ селеній, гдѣ вы квар-
уете чтобь обывателѣи подьговоритъ, я де о семъ узналъ гово-
ъ мои приятелъ какъ тѣ старшины туда отъправлялысъ и знаю
зе имъ отъ нашего полковника и полковаго писаря наставление
о, при чемъ и то нашъ полковникъ говорилъ, что имъ лехко будетъ
ь здѣлатъ какъ васъ при командѣ нѣтъ и что Хорватъ вамъ при-
алъ строго чтобъ вы отъ камысій коя учреждена была при Маке-
скомъ гусарскомъ полку не отлучалисъ, а оно де видно по тому
рилъ мои приятелъ приказано вамъ бытъ тамъ: чтобь тѣмъ вре-
емъ сіи наши старшины моглы безъ вашеи бытносты здѣлатъ при
кеи командѣ то что имъ приказано.

Тотже денъ возвратился я въ полкъ, а по утру чрезъ нароч-
о получилъ я отъ Хорвата на тотъ мои рапортъ ордеръ, онъ тре-
тъ отъ меня отъветъ: какъ я могъ преступытъ его повелѣние и
лучитца отъ тои комыссій безъ дозволѣния, и повелѣваетъ чтобь
конечне опятъ туда ехалъ и былбы тамъ какъ мнѣ приказано.

Чрезъ того же нарочнаго каторои былъ моего полка ундеръафицеръ тамъ при Хорватовомъ дежурстве на ординарціи находящіися получилъ я отъ приятеля писмо, кое было безъ титула и безъ подьписки своего имены и не своею рукою писано, а сказано толко сему ундеръ-афицеру чтобь оное верно въ мои руки отъдалъ (то писмо было слѣдующаго содержания).

Врагъ не престаетъ строитъ хитросты какъ словитъ праведнаго, я думаю что ти таперъ обращаешся въ великомъ замешателстве, тебя тѣмъ хочетъ принудитъ нъ исполнению его воли, и стараетца довестъ вчемъ нибудъ чтобь ти былъ обьвинѣнъ, дабы ему резонъ былъ за тебя привезатца и учредитъ слѣдствие и судъ, и ожидаетъ толко при-силки къ нему какъ на тебя такъ и на твою каманду жалобь, о чемъ [illegible] тебя уведомляю.

Сие писмо а такжо и слова, вчерашны денъ на ярмарку чт[illegible] приятель мои мнѣ сказалъ, подалы даволно мнѣ обьясненія почем[illegible]у явно вижу, что Хорватъ своею хитростыю непрестаетъ меня гнатъ, [illegible]и хотя и повелѣваетъ онъ своимъ ордеромъ, чтобь по преждиѣму къ то[illegible] и камысіи я ехалъ въ Македонскои полкъ однакъ сие я оставылъ, [illegible]ъ разсужденій такихъ около меня устроеныхъ сѣтеи, дабы за моим[illegible]ъ отъсудствиемъ еще хуже перваго не могло какое зло и неустроист[illegible]о послѣдовать, то и положилъ чтобь не ехатъ, и отърапортовалъ Хо[illegible]-вату, что за неимѣниемъ у себя при полку ни адного афицера, а также и то въ резонъ приписалъ что въ небытностъ мою при коман[illegible]ѣ присланые отъ полковника казачѣго остроградского старшины сдѣла[illegible]ы возмущение и хотѣлы всѣ конечне чтобы произвестъ, по ихъ зло[illegible]о-варному умыслу на меня и на мою команду худие слѣдствій, наущ[illegible]аі и принуждая обывателѣи чтобы подавалы жалобы. Сие хотя при[illegible]з-домъ моимъ, пишу я въ томъ рапортѣ и прекращено и успокое[illegible]о, но дабы и въпредъ тому подобнаго покушения не могло послѣ[illegible]о-ватъ, не могу я свою команду безъ никакова по себѣ надъ ними [illegible]а-чалника оставытъ, и таковъ рапортъ въ место требуемаго имъ Х[illegible]р-ватомъ отъ меня отъвѣта я къ нему отъправылъ, на чемъ и остало[illegible]съ Такъ и я ужь въ Македонской полкъ болѣе не ездылъ и та камыс[illegible]ия изъчезла, между тѣмъ лѣто прошло и наступыла осенъ.

Въскоре потомъ ордеруетъ меня Хорватъ чтобь я прешолъ съ полкомъ въ другие квартеры, того же Малороссіискаго казачѣго Мир-городскаго полка въ местечко Бело-Церковку.

Преходь сеи было мнѣ зьдѣлатъ безъ трудносты, понеже то было недалеко и я въ адынъ денъ туда поспѣлъ и расположился по квар-

рамъ, какъ въ томъ местечке Бело-Церковке такъ еще и въ другихъ поблизосты до тои сотны принадлежащихъ селенияхъ, и были й новые квартеры вигоднѣе преждныхъ, но таково мое преселение чиниль Хорватъ не для моеи вигоды, а для того что бы новимы своы хитростямы ламатъ меня, выдумивая какбы толко завестъ чѣмъ будъ въ полку моемъ слѣдствыи и дошли бы до него жалобы.

Съ зачала моего туда приезда сьпознался я съ тамошнымъ сотникомъ звался Жуковски, онъ яко началникъ тои сотны обьходился перва весма ласково и былъ честнымъ человѣкомъ месецъ адынъ, насъ была съ зачала дружба велика, и думаю что на тобмы и вездь навсегда такъ осталосъ, если бы врагъ не употребылъ свои умыг, я какъ и више говорилъ что Хорватъ не преставалъ изъискиватъ особы чѣмбы толко могъ меня сътеснитъ, для чего онъ и здесъ просилъ того козачего полковника Остроградскаго, яко въ его дистикте я съ полкомъ наквартерахъ стою, чтобы какъ возможно постарался привестъ до того, чтобы отъ обывателѣи произышли какъ на ня такъ и на мою команду жалобы и чтобы полковникъ учинилъ томъ къ нему представленые.

Таковъ злокоуварны умыслъ возымѣлъ свое предьприятие и пере зачало было тѣмъ, что полковникъ призвалъ къ себѣ сего сотка Жуковского, приказалъ ему о томъ, и здѣлалъ его въ такомъ ѣе инъструментомъ, и тако мои сотникъ повинуясъ повелѣнию своо полковника зачалъ помаленку отъ меня удалятца и мало когда тѣдъ сомною видѣтца, даже что выселился совсѣмъ изъ дому и обрался житъ на хуторе, а потомъ сталъ подьущатъ своихъ казаковъ и мужиковъ къ возмущенью и приносили бы жалобы на гусаръ, семъ также чрезъ приятеля моего скоро я узналъ, и какъ сотникъ таково дѣло устремылся и отъвратытъ его было неможно, то въ комъ случае не ослабевалъ я содержаниемъ людеи своихъ въ должи дисциплине, кои ужо тѣмъ были приведены ко всякому послушаю, и ниже чего нимало противнаго не происходыло, и привяски за ня бытъ не могло.

На томъ у насъ продолжалосъ всю ту наступавшую зыму и живу въ Бело-Церковке близъ года, а тѣмъ временемъ прибавилосъ у меня вербунга поболшъ людеи въ команду и состояло уже до четыхъ сотъ человѣкъ всѣхъ чиновъ и редовыхъ, я получилъ также офицеровъ пятъ человѣкъ, адного капитана, двухъ порутчиковъ и два праворщика и тако зачало моего полка происходытъ со всякимъ успѣ-

хомъ, а тѣмъ болѣе было похвално что отъ зачала и до конца ни одинъ человѣкъ у меня не бежалъ.

Однако и на томъ еще не осталосъ, Хорватъ велѣлъ мнѣ прейтыть опять на другие квартеры, первѣе въ местечко малороссійское Миргородь, сие онъ здѣлалъ нарочно (какь я опосля узналъ) для того, чтобь меня отьдалитъ отъ Новой Сербый и отъ сусѣдства Македонскаго гусарскаго полка, и тѣмъ не могло бы мнѣ бытъ такь скоро сведомо что онъ еще предьпринимать намѣренъ, ибо ему велѣно Сенатскимъ указомъ (чего на то время я не зналъ да и Хорватъ никому не говорилъ) чтобь немедлѣно отъправитъ Македонской гусарской полкъ къ заграничной армыи въ Прусию, въ коемъ состоялы по внутреносты тогда весма дурние обьстоятелства, и уже болѣе двухъ сотъ человекь бежало, кои унеслы мундиры и амуницию и ружы съ собою въ Полшу, но Хорватъ о томъ весма съкривалъ и таилъ чтобь до Сената сведение дойтытъ не могло, и вь своихъ рапортахъ умалчивалъ.

Былъ онъ тогда во всѣмъ самовластенъ, не состоялъ ни чѣмъ и ни у каво другаго въ камандѣ, окромѣ толко что въ Сенатъ посылалъ фалшивые свои рапорты, по коимъ долгое время верилы, и для того онъ болшъ своеволилъ что никто въ его дѣла невходылъ, и ни какихъ смотровъ и щетовъ не было, и Военная Колъллегия до него никакова дѣла не имѣла, и тѣмъ его спортилы, покудова напослѣдокъ всѣ тѣ его дѣла отькрилысъ, о чемъ еще далѣ буду я говоритъ.

Онъ напослѣдокъ предь своимъ падениемъ такь было усилылся и взялъ свою волю надо всѣмы своимы подькомандними, не яко командиръ, а точно какбы самовластны владѣтель вообразе тирана, преступывъ во всѣмъ законы государственые дѣлалъ людямъ всякие мучения такь какь онъ хотѣлъ.

Въ адно время какь тѣ выходци Сербы и Черногорцы, о коихъ я прежде писалъ что Хорватъ учредылъ изъ ныхъ Миргородски гарнизонъ, и обратылъ ихъ подь названые яко виведеные синомъ его, и за то ему малолѣтному малчику доставылъ чинъ подьполковничій, а тѣмъ людямъ не давалъ ни жалованыя ни провианта и ни какова другова содержаныя, употребляя ихъ при всѣмъ томь въ службу по своимъ замысламъ съ великимъ отягощеныемъ, то и собралысъ было тѣ люде предь городомъ на площады, видя свою крайность что приходыть имъ съ голоду померетъ и осталысъ нагие безъ одежи, для чего и хотѣлы итыть кь нему о томъ просить и донесть, что по во-

ы своей претерпѣваютъ такову нужду, и вибырали изъ между
несколко человѣкь какбы пошлы къ Хорвату о томъ доложить.

Между жь тѣмъ какь Хорвату о таковомъ собраніи скоро отъ
наперстныковъ пресказано накриво, то онъ упредя своею яро-
о прежде, нежель тѣ люде къ нему придутъ, неспросясъ ничего
фирмоваль ихъ бунтовщиками, поспешилъ скорея на валъ, велѣлъ
пушки картечамы по ныхъ випалыть, и побылъ людей безъче-
чно, и съ коихъ адного мертвое тѣло за городомъ возлѣ болшой
ге приказалъ поставить на колесо, где и стаяло целой день, а
и какь онъ Хорватъ отъ той своей продерзосты опаметовался,
а велѣлъ своимъ доверенымъ, чтобь то мертвое тѣло тайнымъ об-
мъ сънятъ и отътаскатъ съ столбомъ и съ колесомъ въ сторону
вь скритое место и тамъ зарить въ землю, а то место гдѣ тотъ
бь съ колесомъ сталъ прикрить и загладить землѣю и дерномъ
атъ, чтобь нимало приметно не могло быть, и тѣмъ закрилъ свое
вѣное варварство, и кто бы могъ тогда отъважитца о томъ бо-
говорить илы жаловатца.

Другихже изъ тѣхъ людей содержалъ иныхъ въ железахъ, а
ихъ публично безъ милосердыя сѣкъ батожѣмъ, а одного бывъ
томъ сослалъ въ силку въ Сибыръ, и тѣмъ ихъ застрашилъ что
ужь осталысъ яко рабы подь его властию, и довелъ до того и
такой страхъ, что никто ни вчемъ и ни о какой своей нужде го-
итъ не смѣлы и повыновался всякъ его власты съ великимъ ра-
ѣбствиемъ.

Онъ здѣлалъ еще адно чудное позорище, что держалъ долго ад-
о прапорщика именемъ Чаки подъ карауломъ, и какъ случилосъ
Хорватъ проходылъ улыцею по предъ караулны, а на то время
ь прапорщикъ вышелъ изъ караулны предь двери и сталь про-
ь о своемъ освобожденіи, за что Хорватъ осердясъ подошедь къ
у былъ его по щекамъ своею рукою и съхватя за волоса таскалъ
землѣ и топталь ногамы, и тѣмъ не бывъ еще даволѣнъ закри-
ь барабанщикамъ подать батожья и раздевши того беднаго афи-
а дралъ его батожьемъ покудова ему угодно было.

А потомъ еще адного капитана въ своей канюшнѣ, какъ тотъ
итанъ пришолъ отъ Хорвата нашедь въ канюшнѣ нѣчто спро-
ь хотѣлъ, а Хорватъ остановившисъ мимоходомъ близъ одной
й лошады, на коей случилосъ что попона накриво стаяла, то и
азиваетъ Хорватъ капитану чтобь ту попону на лошады попра-

вить, онъ поспешилъ чтобь здѣлать, но какь не скоро и опять не пряма поправилъ, то Хорватъ размахнувши рукою ударилъ капитана въ щоку, отъ чего капитанъ мало не упалъ на землю и съ тѣмъ поскорея вышолъ вонъ.

Аднѣмъ временемъ и всио уже близъ своего надения здѣлалъ онъ еще адну отъвагу на границе съ Полякамы, какь обыкновено дѣлають Полские каманды по своей границе, противъ Новой Сербыи лежящей, часто разъезды, то услища Хорватъ что такова команда находитца по близости противо одного гусарскаго шанца, для чего велѣлъ Хорватъ командировать сто человекъ, вооруженыхъ на лошадяхъ своихъ гусаръ при афицерахъ и послалъ туда съ приказаниемъ чтобь остановитца въ скритомъ местѣ, а когда онъ имъ дастъ знать, то вто время чтобь на ту Полскую каманду ударить, порубать и побыть, тѣ гусаре какъ имъ приказано туда и поехалы, а Хорватъ также въ тотъ гусарски шанецъ послалъ напериодъ и велѣлъ обѣдъ заготовить, и потомъ рано и самъ туда жъ прибылъ, и посылает просить того надъ Полскою камандою началника, которой былъ полковникъ, къ себѣ обедать.

Сей сочелъ таковъ позывъ за милостъ, поехалъ съ двумя своими старшинамы, оставя свою каманду тамъ на границе, коя была с химъ урочищемъ, пустилы своихъ подь седламы лошадѣй пастыс на траву, и дожидалысъ на томъ местѣ своего полковника къ себѣ обратно, и какъ обыкновено поразышлись лошады путание по траве, а люде иные спалы, а другие сидѣлы не воображая никакой опасносты, между тѣмъ тотъ полковникъ какъ приехалъ къ Хорвату, то онъ принялъ его съ притворною ласкою, а тѣмь временемъ далъ своей гусарской команде знакъ, чтобы исполнилы то что имъ приказано, кои тотъ часъ напалы на Поляковъ, побыли безъвыно людей и мало кто могъ бегствомъ спастисъ, сие какъ ужъ здѣлалосъ и некоторые приведены ранѣные, то Хорватъ увидя сихъ повернулъ свои слова къ тому полковнику, яко бы его каманда напала на гусаръ, кои были въ разъездѣ по границе и что принуждены были оборонятца оружейною рукою, и послужило имъ счастие что противниковъ своихъ разбыли, для чего и велѣлъ Хорватъ того полковника и его старшинъ забытъ въ колодки, не давъ ему ни обедать, повезлы подь караулом въ Миргородь и посадылъ въ тюрму, а потомъ въ очистку свою писалъ въ Сенатъ таковъ рапортъ, что на границе Полская каманда учинила на разъездъ гусарской нападение, и гусаре должны были оборонятца и преодолѣлы, а полковника ихъ поймалы, каторой

содержитца подъ арестомъ, то и тому подобное многие дѣла дѣлалъ Хорватъ по своему самовластию, кои были противны и законамъ и человечеству, и такь ему всио съходыло съ рукъ, покудова напослѣдокъ обо всѣмъ отькрилось.

Онъ при всѣмъ томъ что современы моего битыя у него въ каманде мнѣ дѣлаль, и кажетца что всего было и слишкомъ сколко я отъ него претерпѣлъ, однакъ еще не могъ тѣмъ себя удоволствоватъ и усовеститца, но еще главную обыду мнѣ успѣлъ сдѣлатъ прежде нежель онъ самъ изъчезъ, ему какъ велѣно указомъ Сенатскимъ отьправитъ Македонской гусарской полкъ къ заграничной армыи въ Прусию, о чемъ я више говорилъ, то онъ тотъ часъ представилъ въ Сенатъ, одобривъ маиора Костюрина что онъ привелъ полкъ своимъ прилежаниемъ въ харошой порядокъ, и что полкъ состоитъ въ комплекте во всемъ исправенъ и отьправляетца по силѣ повелѣния къ армыи, а чтобы онъ Костюринъ не остался за такие его труды безъ куража, проситъ Хорватъ о произведеніи его Костюрина въ тотже Македонски полкъ подьполковникомъ, и отьправляетъ то представление чрезъ нарочнаго въ Сенатъ, такъ секретно что о томъ представленіи никто не зналъ.

А за тѣмъ присилаетъ Хорватъ ко мнѣ повелѣние назначивъ мнѣ денъ и число, въ каторое чтобы я прибылъ въ Македонской полкъ, накое де время и онъ самъ туда быть намеренъ, и полку смотръ хочетъ учинитъ, я не умедлылъ потому повалѣнию исполнытъ и прежде нежель мнѣ назначено дня за два туда прибылъ, между тѣмъ и Хорватъ туда жь приехалъ.

На другой денъ было у него всего полка афицеры въ собраніи, предъ коимы обьявылъ Хорватъ что полкъ Македонски въ походъ виступытъ имѣетъ, и что надъ онымъ, указывая на меня, буду я командиромъ, а маиору Костюрину приказываетъ, что онъ остаетца и вьместо меня командоватъ Болгарскимъ гусарскимъ полкомъ, а въ вечеру издалъ Хорватъ приказъ, чтобы на послѣ завтре былъ полкъ въ собраніи къ смотру.

Смотръ кончился и по спискамъ отъ ротъ состоитъ количество болшое людей что требуетца въ добавку, а то были на место беглыхъ кои въ прошлую зыму поуходилы и должно было такову убылъ пополнытъ, то и отозвался Хорватъ ко мнѣ что таково укомплектованіе возлагаетъ онъ на мое попечение.

Сие приказание какъ было для меня темно не знавъ, на какомъ основаніи таково укомплектование я могъ буду учинитъ, то и скоро-

[illegible] и Хорвата, развѣ говорю я ему въ дороге [illegible] полку [illegible] вать и пополнить недостающее число людей, [illegible] нять, а будетъ о томъ ко мнѣ прежде выступленіемъ полка еще ордер[illegible]

Хорватъ никогда прежде и во всю мою при немъ бытность [illegible] былъ ко мнѣ такъ ласкавъ какъ тогда; онъ непрестанно разговоры [illegible] мною имѣлъ о полку и о марше и о прибытіи къ арміи, и тому [illegible] подобное, чѣмъ и прикрилъ всю ту свою хитрость, какову онъ [illegible] производить намеренъ.

По окончаніи смотра на другой день Хорватъ отъезжаетъ, а [illegible] приказываетъ также ехать на прежднѣе мое место, и поспешать [illegible] готовленіемъ здачу полка и ожидать къ виступленію ордера, съ [illegible] мы разъехалысъ онъ въ Новую Сербыю за Днѣпръ а я въ полкъ.

И тако и на то время столь много Хорватовыми [illegible] [illegible] доролѣть, что ужь ни мало не сумнѣвался и мыслить было [illegible] началъ сколко харошо, напослѣдокъ отъправленіемъ полка [illegible] ряженіи адѣлалъ, а примечая также что и маіоръ Костюринъ [illegible] ной противносты въ темъ что на моемъ местѣ въ полку Болгарском[illegible] остаетца не показываль, а паче былъ действительно [illegible] [illegible] въ паходь нейтытъ, естли бы толка Хорватъ устоялъ на своемъ с[illegible] вѣ (какъ о томъ еще далѣ видно будетъ).

Я будучи наполненъ такимъ мыслей, что въ походъ къ арміи [illegible] итымъ какъ Хорватъ уже о томъ мнѣ приказалъ, то и бросилъ [illegible] [illegible] головыя дела прежде произходящее, и прибывши въ [illegible] свою квартеру, зачалъ исправлять повозки свои и другія [illegible] самы къ дароге потребнимы заготовлять, но такова моя надежда ве[illegible] сма меня обьманула, ибо Хорватъ совсѣмъ другие хитросты да[illegible] употребылъ.

Онъ на свое представленіе, о чемъ я выше говорилъ, [illegible] изъ Сената указъ что маіоръ Костюринъ [illegible] [illegible] комъ и [illegible] чтобы онъ напоперве [illegible] [illegible] къ арміи заграницу.

Хорватъ получивши таковъ указъ, о коемъ не токмо что [illegible] му не сказалъ но ни въ канцелярію не отдавалъ оныго, а удержалъ у себя въ своемъ кабинетѣ, а пустилъ нарочно такой [illegible] таго въ своемъ Миргородѣ, что я съ [illegible] [illegible] ходь отъправляюсъ, что всѣ тамошніе [illegible] [illegible] ордеры о томъ [illegible] [illegible] содержанія.

Какъ указомъ Правителствующаго Сената велѣно Македонской гусарской полкъ отъправитъ къ заграничной армыи въ Прусию, каторой въскоре и виступитъ имѣетъ, то симъ даетца вамъ знатъ какъ вамъ и прежде отъ меня приказано, чтобь вы были въ готовносты къ выступленню со онымъ, а какъ во ономъ полку до полнаго комплекта, потребно некоторое число военно служащихъ, то изволите изъ вербуночныхъ вашихъ полку Болгарскаго отъделытъ сто пятьдесятъ человѣкъ редовыхъ гусаръ, и присланому для препровожденія полку Македонскаго афицеру оныхъ вручитъ при формулярномъ списке, а самымъ вамъ о виступленіи вашемъ ожидать вторителнаго моего ордера, между жь тѣмъ немедлѣно сочинитъ о здаче вамы Болгарскаго полка, другому подьлежащие формуларние списки, равно писменые дѣла, и всѣ что къ здаче принадлежитъ имѣтъ въ самоскорѣйшей готовносты.

Я получа таковъ отъ Хорвата ордеръ, радуясъ тому что скоро въ походь къ армыи поеду, поспешилъ въ три дня всему моему Болгарскому полку учинитъ осмотръ, выбралъ лучшихъ людей сто пятьдесятъ человѣкъ редовыхъ гусаръ, вручилъ оныхъ какъ велѣно присланому отъ Македонскаго полка капитану, отъправылъ съ поспешностью, сказавъ притомъ что вскоре и вслѣдъ за нимы и я самъ туда буду, и отъправывши ихъ принялся заготовлятъ дѣла принадлежащие къ здаче полка, ожидая также прибытия къ себе и маиора Костюрина для препоручения ему своей командѣ, и потомъ ехатбы мнѣ поскоряе къ своему новому полку, и виступытъ съ онымъ въ походь.

Однако всѣ мои таковы мисли осталысъ безъполезны, ибо, Хорватъ что ко мнѣ въ своемъ ордере писалъ и прежде что говорилъ, было всно то фалшиво, и состояло толко въ томъ адно его обьманство, ибо онъ не могбы иначе не достающаго числа людей къ дополненню полнаго комплекта въ Македонскомъ полку имѣтъ, хотя бы онъ пряма о такой виключке людей изъ моего полка ко мнѣ и ордеръ прислалъ и я повиненбы былъ то исполнытъ, но конечне не далбы я лучшихъ а натурално хужихъ людей, а какъ уже успѣлъ онъ такимъ обьманомъ свое здѣлатъ, то и велѣлъ Костюрину немедлѣно съ полкомъ изъ своихъ квартеръ выступытъ и слѣдоватъ чрезъ Днѣпръ въ Новую Сербыю къ нему въ Миргородъ.

Я о томъ еще ничево не знаю а дожидаюсъ часъ на часъ ордера о моемъ выступленіи и со всѣмъ къ походу себя приуготовилъ, и ужъ проходытъ дней восемъ, а я никакова извѣстия и повелѣния не имѣю, въ адинъ денъ слишу я отъ проежыхъ людей что оны

тому назадь пятой денъ какъ видѣлы на превозѣ въ Кременчуке Македонской полкъ и едутъ за Днѣпръ въ Новую Сербыю, я сему на тотъ часъ не хотелъ веритъ, и считалъ за неточное дѣло, и оставался еще въ надеждѣ что ко мнѣ о моемъ походѣ будетъ повелѣние, покудова за тѣмъ вскоре не получилъ ордеръ отъ Хорвата, къ моему удивленію въ каторомъ пишетъ слѣдующее:

Съ получения сего изъволите съ полкомъ Болгарскимъ изъ тѣхъ квартеръ выступытъ, и слѣдовать въ местечко Городище, и тамъ расположитца, куда и казна на раздачу военослужащимъ жалованыя чрезъ камысара къ вамъ привезена будетъ, кою прицявъ произвесть людямъ жалованые и по исполненіи меня рапортовать.

Сие что въ ордере написано изъумыло меня, и что читаю самъ себе не верю і ищу по строкамъ и на оборотѣ, гдѣ бъ усмотрѣтъ о моемъ въ походъ съ Македонскимъ полкомъ виступленіи, но тщетно и узналъ тутъ совершеной отъ Хорвата обьманъ, а къ тому еще болшъ принесло мнѣ печалы чрезъ того жъ нарочнаго кто сей ордерь ко мнѣ привезъ, что получилъ я писмо изъ Новой Сербыи отъ приятеля, коимъ уведомляетъ меня съ сожаленыемъ извещая, что Македонской полкъ уже за границу помаршировалъ и какъ Хорватъ призвалъ къ себѣ мaиора Костюрина, и всѣхъ того Македонскаго полка афицеровъ, предъ коимы обьявылъ Костюрину чинъ подьполковничей, и приведши его къ присяге, отьправылъ заграницу къ армыи, и что Хорватъ говорилъ обо мнѣ, какъ онъ меня обьмануль и упоминалде и о Сенатскомъ указе что Костюринъ произведенъ, и что онъ тотъ указъ у себя долго держалъ не обьявляя ни кому, покудова лучшихъ людей у меня изъ полка досталъ.

У Хорвата былъ такой обычай, что свои наиболшие секреты иногда за столомъ своимъ сидя пресказиваетъ, прибавляя свои къ тому видумки, а много кратъ дѣлалъ удивителние прытворства, задумавшисъ со всякою тихостью благообразнымъ видомъ самъ одинъ, а потомъ пресказиваетъ какие видении и явлении ему во снѣ показалысъ, иногда пресказивалъ что нибудъ божественое, а иногда какова светога что съ нимъ въ чудномъ одеянии говорилъ и ему о всемъ будущемъ обьявлялъ, а много кратъ о делахъ какихъ нибудъ о коихъ онъ въ Сенатъ предьставлялъ, что въ ползу его решены будутъ, а иногда явленіи свои пресказивалъ что съ Императрицею говорилъ, и въ Сенатѣ въ присудствіи сидѣлъ и тому подобное, и тѣмъ обьманивалъ людей и многихъ доводылъ до соблазны.

Мнѣ не осталосъ болѣе ничего размышлятъ и Хорватовымъ обьманствомъ веритъ, для чего написалъ я челобитную съ прописанiемъ между протчимъ, что маиоръ Костюринъ произведенъ подъполковникомъ, каторой и службою и всѣмы чинамы моложе меня состоитъ, чрезъ что я въ обыдѣ, и прошу награждения, таковаго жъ подъполковничья чина и предь нимъ Костюриномъ старшинства и объ определенiй меня къ армыи, сiю челобытную отправиль я къ Хорвату, а потомъ по ево ордеру перешелъ съ полкомъ на новые квартиры въ мѣстечко Городище на берегъ Днѣпра противъ Новой Сербыи.

Въ скоре потомъ привезена камысаромъ казна на раздачу военно-служащимъ жалованыя, изъ коей доводилосъ и мнѣ за целои годъ какъ окладнаго такъ за рацiй и за порцiй съ денчичимъ по справочнымъ ценамъ получитъ безъ мала шесть сотъ рублеи, о коемъ объявляеть мнѣ комысарь что удержаль генералъ пятъ сотъ сорокъ рублеи а въ приеме оныхъ приказано де чтобъ вы въ книге расписалысъ и поднесь мнѣ о томъ ордерь слѣдующаго содержания.

Какъ вы должнымъ мнѣ состоите денегъ пять сотъ сорокъ рублеи, которая сума удержана здесъ изъ отьпущенаго вамъ жалованыя, о которыхъ денгахъ изволыте расписатца у комысара въ книге и потомъ можете свою росписку получитъ.

Изъ сего ордера я вижу что Хорватъ за тѣхъ лошадеи, которыхъ онъ мнѣ далъ для похода, денги мои удержалъ, я у комысара расписатца въ книге не хотѣлъ, а пишу къ Хорвату что я ему ни когда должнымъ ничѣмъ небывалъ, и хотя въ ордере о такомъ долге и не изьяснено, но я догадатца могу что то конечно за лошады, мнѣ отъ него даные, удержано мое жалованые, а какъ я тѣхъ лошадеи принялъ съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ итытъ въ походъ съ Македонскимъ гусарскимъ полкомъ и на тѣхъ лошадяхъ служитъ при армый съ изьясненiемъ, что за оные изъ армый денги переслатъ а не здесъ платытъ въ чемъ и расписку такову далъ, нинѣжъ какъ мнѣ изьвестно что полкъ Македонски уже заграницу въ повелѣнои походъ пашолъ и я остался, слѣдователно и не могу я долженъ бытъ за тѣ лошады платытъ денги и мнѣ оныхъ лошадей ненадобно, и прошу что ихъ отъ меня принятъ обратно, и доводящiесь къ получению денги моего жалованыя мнѣ сполна выдатъ, а буде того сдѣлатъ не соизволыте то я принужденъ буду формално о томъ просить.

Тогожь самаго времены присланъ чрезъ нарочнаго изъ Сената указъ во всѣ народное изьвѣстые о смерты блаженно почившей

ударинѣ Императрице Елисаветъ Петровнѣ и о вступленый на естолъ Императора Петра третяго и велѣно всеи армый и народу Государстве учинить присягу, по сему обстоятелству прошло не-олко времены покудова командированой штабъ афицеръ съ присяж-имы лыстамы ко мнѣ прибылъ, коего я дожидался и покудова та присяга у меня въ полку всѣмъ чинамъ происходыла всякому по-рознъ и таковыхъ имена въ тѣ листы вьписаны и дѣло кончено, а я какъ намеренъ былъ ехать кь Хорвату чтобы съ нимъ какъ о удержаномъ моемъ жалованью, также и по моеи къ нему предъ тѣмъ посланои челобытнои повторить хотѣлъ прозбу о уволненій меня въ Петербургъ, то тѣмъ временемъ покудова я при тои людямъ при-саге забавился, Хорватъ поспешилъ самъ ехать въ Петербургъ чтобъ ускорить показатъ себя новому Государю.

Я получа о таковомъ его отъездѣ изьвестие и что онъ уже изъ дому выехалъ, то чтобы не упустыть время поехалъ я къ нему на встречу въ городъ Кременчукъ и преправывшисъ чрезъ Днепръ на правои берегъ въ шанецъ Крюковской, тамъ его даждался, куда и онъ спустя часа два прибылъ, но не много онъ тамо бавился и тотъ часъ хотѣлъ ехать, для чего и нелзя было обо всѣмъ пространо съ нимъ говорить, однако онъ по своему лукавству какъ скоро меня увидѣлъ, могъ догадатця за чѣмъ я приехалъ, и что конечно хочу съ нимъ о своемъ дѣлѣ говорить, то и упредылъ меня своимы словами говорить, что вы по вашей челобытнои о уволненій васъ въ Петербургъ можете явытца въ Ново Сербскои главнои канцелярій, яде приказалъ васъ по полку счесть и определить на ваше место другова штабъ офицера и дать вамъ пашпортъ, и о денгахъ удержаныхъ изъ вашего жалованья что вы просилы, оставте до моего пріезда обратно какъ я не намеренъ говоритъ Хорватъ долго бавитца и скоро буду опять сюда и надѣюсь, что еще васъ здесь застану покудова вы по полку надълежащій щетъ и здачу кончите, тоде тогда я съ вами о сихъ денгахъ раздѣлаюсь по приятелски.

Всио сие Хорватъ мнѣ говорилъ, а ему ни мало не верилъ, и приступаю къ нему чтобъ онъ мнѣ мои денги отьдалъ, говорю пр томъ ему что щетъ мои и здача полка не продолжитца болѣе как дней шестъ и много восемъ, а вы конечне тамо въ Петербурге въ дороге забавитесъ болѣе одного мѣсеца, то мнѣ ожидать и врем такъ долго тратитъ не можно, и хочу отъ сюдова ехатъ и себѣ дру-гаго места искатъ, такъ пожалуите вы мнѣ мои денги.

Онъ на то съ некоторимъ неудоволствиемъ отьвѣчаетъ чтожь вы такъ приступаете, вамже можно обождатъ какъ я вамъ сказалъ покудова я возврачусъ, и съ тѣмъ Хорватъ селъ въ карету и поехалъ.

По отьездѣ Хорватовомъ тотже денъ чрезь нарочнаго послалъ я въ главную Ново Сербскую канцеларию доношеніе упомянувъ во ономъ о моеи прежде поданои челобытнои, и что я съ генераломъ Хорватомъ вь дароге видѣлся, также и то прописалъ какову онъ мнѣ резолуцию далъ что оботпускѣ меня въ Петербургъ оставилъ онъ къ оной канцеларій повелѣние, и потомъ прошу моего отьпуска и кому приказано будетъ оть меня полкъ принятъ, на сие мое доношение долго я принужденъ быль отьвѣта ждать, да и учинить мнѣ резолуцию было ни оть кого, ибо какъ я осведомылся что вь тои канцелярій по отьездѣ Хорвата старее никово другова въ засѣданій не было, окроме что толко старши синъ Хорватовь чинь подьполковничья малчикъ лѣтъ двенатцаты, каторои еще въ учитела въ школѣ подь началомъ состоялъ, и какъ прошло несколко днеи что я на то мое доношеніе резолуцій не имѣлъ, то повториль я еще разъ прозбу мою, на что едва уже требуемую резолуцию получиль, катория однако ни что не значила и толко для сведения мнѣ послужило, что главная Ново Сербская канцелария безъ особливаго писменнаго предложения оть главнаго командующаго Новою Сербыею сама собою такова отьпуска мнѣ учинитъ не можетъ, и тако я и поневолѣ остался въ томъ положеній въ каковомъ тогда я былъ и ожидатъ приезда Хорватова.

Здѣсъ хочу я таперь пояснитъ о моей женидбе какъ послѣ отьезда Хорватова здѣлалось.

Видно что судбына принесла то время чему она уже бытъ опредѣлыла, я какъ и прежде упомыналь что назначеная моя невѣста, племяница Хорватова, живутъ съ матерью своею и съ братомъ въ шанце Криловскомъ, для которои я изъ Петерь-бурга Хорватомъ призванъ, хотя онъ Хорватъ по приездѣ моемъ съ зачала въ Новую Сербыю о тои моеи женидбе и здѣлалъ чрезъ разные свои замыслы мнѣ обьманъ, и матеры невесты моеи ни когда ни слова не говориль, и не сказывалъ что онъ будучи въ Петерьбурге еще первои разъ мнѣ племяницу свою обещалъ и тѣмь меня пригласиль, что я оть двора отошоль и свое место покинулъ, но однако госпожа подьполковница и дочь ее Екатерина о томъ уже изьвестны были посторонно, то и не было имъ ни мало вь томь противносты, а паче съ перваго со мною свидания здѣлался я имъ приятенъ, и желалы оны достигнуть до сего дѣла, для чего всегда показивалы мнѣ отьменую любовъ и

привятство, но самы собою страха рады Хорватова и чрезъ его волю никакъ не моглы осмелитца сего дела совершитъ, а ожидалы отъ Хорвата на то повелѣния, чрезъ что и время такъ продлилось даже до сего часа, какъ я теперь о томь стану говоритъ.

Тотже денъ какъ я Хорвата въ шанце Крюковскомъ встретылъ и онъ поехаль въ Петерьбургь, а я остался и забавился писатъ къ Ново Сербскую канцелярию доношение и отьправлятъ нарочного о чемь я выше говорилъ, то и забавился я целои тоть день до вечера и остался уже ночевать тамъ, на то же время и вь тотже денъ приехаль также навстречу Хорвата племяникь, его а моеи невестѣ родной братъ подьполковникъ Иванъ Хорватъ, которои командоваль пехотнымь называемымъ Пандурскимъ полкомъ, юношъ еще молодои и какь онъ также съ зачала моего приезда вь Новую Сербыю со мною спознался, то и тогда яко уже знакомои радь былъ что со мною виделся и остался тамъ со мною ночеватъ.

Матушка же его госпожа подьполковница о томъ что я навстречу Хорвата туда приехаль была извѣстна, а поутру какь я хотѣлъ ехать обратно въ полкъ, упредылъ меня еще засталъ нарочно присланои отъ госпожи подьполковницы съ обьявлениемъ, что проситъ она къ сѣбѣ меня въ Криловъ, таковы вѣсты показалысъ мнѣ страные, я не хотѣль было то здѣлать разьсуждая что ехать мнѣ туда ни для чего, но какь брать моеи невесты въ томъ также сталь просить и говорить, что и ему оть матушки его чрезь сего же нарочно присланаго наказано, чтобы обще со мною туда приехаль и меня бы къ тому пригласилъ, то я на такову прозбу какь оно было не далеко согласился и поехаль кь нимъ вь Криловъ, мы обще я и брать моеи невесты поспѣлы еще до обеда туда и заехалы прямо на дворь къ хозяике, она вьстретыла и меня съ моею невестою оченъ ласково и обедалы всѣ застоломъ вь местѣ, и потомъ проводилы время въ приятныхь разговорахъ до самаго вечера, а после ужина я еще просидель съ нимы часъ места, а потомъ пашоль въ отьведеную мнѣ по близосты ихъ дома особливую квартеру, и толко что хотѣль раздѣватца, ално идетъ ко мнѣ маиорь Максимъ Вуичъ, которои состоялъ госпоже подьполковнице въ блискомъ свойстве и приехаль съ женою въ госты, человекъ онъ былъ уже пожилои а мнѣ давно знакомъ и стоиль того чтобь его почитатъ, то я для него проседель съ нымь литные времѣ вь разговорахь и ужо въ глубокую ночъ зашло.

Онъ между протчимъ въ разговорахъ обьявляетъ мнѣ, что госпожа подполковница ужь решилась и говоритъ какь таперь Хорвата здѣсь нѣтъ препятствовать некому, и буды я согласенъ то де госпожа подьполковница съ тѣмъ его прислала мнѣ обьявытъ, что она дочъ свою Екатерину отьдаетъ мнѣ въ супружество.

На такову весть я не могу сказать чтобь нерадь былъ, на что отьвечалъ ему что завтре еще увидимся и хочу я самъ съ госпожею подьполковницею о томъ говоритъ, послѣ того маиоръ Вуичь пашолъ, а я остался и легъ въ свою пастель въ великихъ размышленияхъ, первѣе пришли мнѣ на паметь какъ я съ Хорватомъ въ несогласіи и что онъ чина мнѣ подьполковничаго какъ обѣщалъ не доставилъ и вовсѣ на обьманствахъ со мною обьходился, къ тому же и то сталъ я думать что подалъ челобытную о уволненіи меня въ Петерьбургъ и что мнѣ неотмено должно искать другова места і итыть къ армыи и не быть въ Новой Сербыи, яко оная по всемъ обстоятелствамъ чрезъ Хорватовы поступки къ паденію клонитца, и какъ таперь женюсъ то и будетъ мнѣ изъ того лишнѣе затрудненіе, и что собьманствомъ Хорватовымъ потѣрялъ я много и лишился бывшаго при дворе своего места, по какимъ обстоятельствамъ и не надобно бы мнѣ сего дѣла предьпринимать и съ Хорватомъ въ своиство не вступать; съ другой же стороны сталъ я разьсуждать ежелы мнѣ отъ женидбы отьказатца и оставитъ по резону, что я всеи отъ Хорвата надежде по его обьманству лишился и чрезъ то не имѣю ни какова твердаго пристанища и доиду подьлѣта а не будетъ у меня наслѣдника, а можетъ быть что Богъ дастъ мнѣ приобресть имение и оное по себѣ оставить будетъ нѣкому, то и то и что таперь имѣю пропадетъ безъ всякои ползи и достанется чужому кому въ руки, къ томужь какъ таперь госпожа подьполковница своимъ намерениемъ уже решилась и за меня дочъ свою отьдать желаетъ, и вижу также что какъ она такъ и невеста моя великую имѣютъ ко мнѣ любовь и что оны о обьманстве Хорватовомъ ни мало невыны, и ежелы я отъ женидбы отькажусъ, то останутца оны тѣмъ огорчены и моя невеста будетъ вечно на меня сожалѣть давши мнѣ уже слово, притомь я такои невесты естлы сию покинутъ и опосля на другой женюсь, то можетъ быть что такова достоинства другая не будетъ какова сия есть, и я потомъ чѣмъ либо могу притытъ въ сожалѣние и жизнь моя будетъ безъпокоина.

Таковы мислы всю ту ночъ меня тревожилы и я ни одной минуты заснуть не могъ, напослѣдокъ собравшись съ мыслямы поло-

жился на одно, что послѣдовать судбыне и женитца, а потомъ хотябы и довелось по моей челобытнои что паиду къ армыи, то и молодую свою супругу взять съ собою, какъ много женатыхъ при армыи штабъ офицеровь бываетъ и люде успѣваютъ находить способы жонъ своихъ какъ съ собою возитъ, а въ случаяхъ гдѣ оны своихъ оставлять будутъ, то такимже примеромъ можетъ и моя быть тамъ где и протчие остаютца, и такъ будучи она со мною въ походѣ, яко человѣкь молодои, можетъ въ чужемъ краю получитъ еще лучшее себы просвещеные, и увидитъ свѣть, и поймѣтъ обращение и обычай каковы есть въ народахъ, и будетъ имѣтъ случай понятъ чужихъ языковъ и тако я на тѣхъ мисляхъ положилъ что совершитъ дѣло и женитца, и будучи поленъ такихъ разъмишлѣниевъ прошла уже вся ночъ и светь на дворе сталъ, я въставши съ постели зачалъ одѣватца.

Мало потомъ погодя идетъ ко мнѣ братъ невести моей, обьявляетъ мнѣ что проситъ матушка къ себѣ, я поспешилъ одѣтца пашолъ съ нимъ туда, въстреча мнѣ была весна приятна подьнеслы намъ кофи, а потомъ имѣлъ я разговоръ съ госпожею подьполковницею на одинѣ о томъ, что въ вечеру мнѣ маиоръ Вуичъ посолствомъ своимь обьявилъ, на что отьвечала она, что сие дѣло изъдавна тянетца и она слишитъ отъ посторонныхъ людей, на какое условие Хорватъ васъ сюда привелъ, хотя де я съ вамы о томъ еще и не говорила, а Хорватъ также со мною о томъ ни какихъ словъ по нинѣ не имѣлъ, и видно говорила она что Хорватъ проводитъ васъ толко пустимы словамы, а я пося пори боясъ ево, не могла сама собою осмелитца мымо его кончитъ сего дѣла, а таперъ какъ его Хорвата здесъ нѣтъ, и я слишу что вы ищете себы другое место и намерены ехать отъсюдова протчъ, а дѣло зачатое въ супружестве дочери моей съ вамы за отъездомъ вашимъ можетъ остатца упущено, то де и решиласъ я божиею помочию уже сама собою чтобь дѣло совершитъ и за то вчерасъ чрезъ дядю моего маиора Вуича о томъ я васъ изъвестила, а таперъ какъ вы отъ меня о томъ самомъ слишите то и остаетца на вашей волѣ какъ вы изъволите.

Я вислушавъ сіи слова поблагодарилъ госпоже подьполковнице за ее такову ко мнѣ отъкровеностъ, и прошу чтобь къ намъ по позволѣнию и моя невеста пришла, госпожа подьполковница на мою прозбу въставши съ стула подошедь къ другой горнице къ дверямъ позвала мою невесту, она вошедъ ко мнѣ, я ее взялъ за руку і говорю, судариня моя, вы я думаю уже давно изъвестны о томъ

о вы назначены быть моею невестою, и что я дядѣю вашимъ генераломъ Хорватомъ сюда по тому делу изъ Петеръбурга призванъ, тя онъ говорю я ей по сие время между намы союзъ брака и не тѣлъ здѣлать, и проводитъ меня вотъ уже третой годъ безъполезно, таперъ судариня моя какь я слишилъ отъ матушки вашей о она решиласъ сама и желаетъ нашь союзъ брачны кончитъ, о мъ уповаю и вы знаете, а и я съ моей стороны къ тому согласнъ, но толко хочу я отъ васъ самыхъ слишитъ и слово ваше будтъ мнѣ наиприятнѣйшимъ свидителѣмъ вашего желания.

На сей мой запросъ невеста моя отьвечаетъ мнѣ несколко съ аскою лица своего, что она воли матушки своей и ее намерению прикословитъ, и что также съ стороны съ своей согласна, я тѣмъ лучи доволѣнъ обьнадеживъ себя къ предьбудущему нашему счатю поцеловалы възаимно другъ друга, и променилысъ на первой учай между собою золотимы колечкамы, и потомъ повелъ я ее за ку въ другую горницу поклонилысъ матушке какъ она была вышотъ насъ въ другую горницу, обьявляю я ей что по согласию вашему представляю вамъ вашу дочъ, коя отъ сего часа естъ моя заручница, и отъдаемся мы обое въ вашу родителескую милостъ, всѣ едстоящие сродники кои на то время тамъ случилысъ въсталы насъ поздравляютъ, и на томъ тотже денъ въ церквы обручение ѣнѣно.

Тутъ денъ провелы мы нашимъ обьществомъ при музике весеа на завтре поехаль я въ полкъ чтобь приуготовитъ подлежащей рядокъ къ моей свадбе, какъ я о томъ не сподѣвался чтобь такъ аяно дѣло здѣлалосъ и у меня на таковъ часъ еще ничего заготленого не было, и то надобно ужъ было дѣлать на скорую руку лко чѣмъ могь успѣтъ, ибо я надалѣ отълагать не хотѣлъ, для о на четверты денъ поспешилъ опятъ обратно къ моей заручнице Криловъ, и на другой денъ было то въ воскресеные венчался и дбу отьправилы тамъ.

Потомъ теща моя не хотѣла насъ такъ скоро отъ себя отьпуятъ и осталысъ мы у нее еще две неделы, и затѣмъ я съ моею одою супругою поехалы въ полкъ.

Я какь выше говорилъ, что по челобытной моеи за отъездомъ рвата просимаго отъпуска получитъ отъ Ново Сербскои главнои нцеларіи не могъ и принужденъ дожидатца ево приезда и поневоо-

лѣ, то тѣмъ временемъ поверну лось сънымъ всю въ его надежд иначе, о чемь въ нижеслѣдующемъ поясняю.

Хорватъ приехавши тогда въ Петерьбургъ видно, что ему по то толко время по судбамъ и было назначено силу свою имѣтъ, онъ какь вездѣ изъдавна въ Петерьбурге стезы свои умѣлъ нагладить на кои и полагалъ свою надежду и достигалъ вовсѣмъ что толко хотѣлъ, и ни мало не воображалъ чтобы съ нимъ могла бытъ какая премена, и считалъ себя непоколебимымъ, что и побудило его съ перваго раза своего туда приезда къ приобретенью новыхъ еще себѣ патроновъ, яко въ то время послѣдовалы въ господахъ некоторие премены то чтобы при новомъ государе у придворныхъ его воитытъ въ знакомство, къ коимбы въпредь о себе могъ адресоватца, и предьстателствы отъ нихъ получатъ, для чего и покусился Хорватъ по своем обычаю чтобь оныхъ купытъ.

Онъ зналъ уже и виделъ, что при государе былъ очень близок адютантъ его Андреи Гудовичъ, а также что Государъ и камердинера своего жалуетъ, то Хорватъ чтобы сихъ двухъ первыхъ повернутъ на свою руку въздумалъ ихъ онъ подькупитъ денгамы, онъ сперва сталь къ нымъ такь ходитъ подь видомъ визита, и приобрѣтши у нихъ знакомство, тогда дерзнулъ ихъ даритъ, насипавь мешечекъ съ золотомъ отънесъ первѣе въ одинъ день рано къ камеръдинеру Государеву, коего онъ засталъ еще на квартере, подносит Хорватъ ему тотъ мешечекъ съ золотомъ въ подарокъ, камерьдинеръ видя сию отъ Хорвата поступку не говоря ему ни слова принялъ, и съ тѣмъ Хорватъ бывь доволѣнъ заключа что ужь первое зачало здѣлано, небавясъ ни мало поехалъ на свою квартеру, възялъ другои мешечекъ также насипанои золотомъ болшь еще перваго, посешилъ скорѣе къ адютанту Гудовичу чтобь и ево застать въ квартере.

Хорвату удалось и сие другое такъ какъ и первое здѣлатъ, онъ подьнесъ адютанту Гудовичу насипанои мешечекъ съ золотомъ въ подарокъ и проситъ въ знакъ предьбудущаго еще лучшаго знакомства и приязны чтобь принятъ, Гудовичъ принялъ неоказивая никакои въ томъ благодарносты а толко сказалъ что времены не имѣетъ болѣе съ нимъ говоритъ спеша изъ квартеры виехатъ, чтобь не проронитъ надлежащеи часъ бытъ у Государя, и съ тѣмъ виправодилъ Хорвата отъ себя, но Хорватъ сего ни мало не догадался а сочелъ что ужь дѣло въ свою ползу здѣлалъ и тѣмъ былъ много доволѣнъ, селъ въ карету поехалъ съ полною надеждою на свою квартеру, и тотъ часъ своимъ подькомандным при нѣмъ тогда бывшимъ квалитца

талъ, подавая разумѣтъ о себѣ важностъ, и какъ онъ тотъ денъ еликие дѣла успѣлъ здѣлатъ, пресказывая имъ по своему обычаю иного слишкомъ, какая ему встреча отъ тѣхъ особь была, и что онъ бънадеженъ всякою отъ Государя милостыю, и далѣ сколко ему на зыкъ пришло, о чемъ онъ весма плодовито своимы разъсказамы мелъ толковатъ.

Адютантъ же Гудовичъ, послѣ какъ Хорватъ отъ него пашолъ, оспешилъ скоро на подлежащій часъ у Государя бытъ, взялъ съ обою и тотъ подареной ему отъ Хорвата мешечекъ съ золотомъ, ошедъ къ Государю въ убыралной покой обьявылъ Государю о томъ го Хорватъ ему подарилъ, Государъ также имѣлъ уже и отъ камеръдинера своего тоежь утро о таковомже подарке изьвестие, былъ ѣмъ Хорватовимъ дерзновениемъ и подлою поступкою крайнѣ не оволѣнъ, и за такую поступку не хотѣлъ Государъ оставитъ, а приказалъ учинитъ публично Хорвату за то виговоръ съ великимъ при обраній ему стидомъ и мешки ему съ тѣмы червонцамы возвратытъ.

Потомъ Государь о томъ дѣле что Хорватъ отьважился учинитъ азьсудилъ что то не напрасно, а конечне естъ что нибудъ за нымъ отаеное и что онъ Хорватъ заблаговремено изъискиваетъ способы заититъ протекцію въ свою ползу, для чего первѣе приказано Хорвату изъ Петерьбурга выехатъ къ своему месту, а потомъ повелѣль Государь послатъ въ Новую Сербыю инъшпекторомъ полковника Спинискаго, коему при отправленіи самъ Государь словесно строжайше приказалъ, чтобь онъ приехавъ въ новую Сербыю обо всѣмъ и во всѣ ла вошелъ въ подробносты, и что окажетца отърапортоватъ.

Хорватъ о томъ ничего еще не зналъ, а приехавши на свою олицу то еще болше сталь было силу свою разьпространятъ, пере зачалъ ругатъ и бранитъ заочно невестку свою а мою тещу, за она мымо его воли дочъ свою за меня замужь отъдала, а также еня не оставылъ цѣнытъ по своему обычаю браными словамы, угразя своею силою и властыю, почему какъ я то слишилъ то и непоекъ нему, а онъ разьсѣялъ о себѣ сколко при новомъ Государе онъ иль себѣ приятелѣи и какь отьмено быль принятъ, утаивъ тоть каковымъ онъ изобличенъ, пресказивая обьнадеживание что орденъ получитъ и тому подобное веякие свои вимысли алъ.

днако все сие обратилосъ ему въ великую печалъ, ибо вь слѣдъ ъ поиехалъ иншпекторъ посланой отъ Государя полковникъ

ниски въ Новую Сербыю, и взялъ квартеру свою на первои слу-
въ крепосты святыя Елисаветы, учинилъ тотъ часъ во всеи Но-
Сербыи о себе публикацию, сталъ требоватъ отъ Хорвата отъ
дала Новои Сербыи какъ о казнѣ ему отъпускаемои такъ и обо-
ѣмъ подлежащихъ щетовъ, а отъ комысиевъ камысарыатскихъ и
ровиантскихъ и отъ другихъ местъ оботпускаемыхъ на Новую Сер-
ыю денгахъ ведомостѣи.

Тутъ въ другъ воспламенылосъ и не иначе какъ громъ ударил
со всѣхъ сторонъ съ жалобамы, на самъ периодъ маиоръ Шмитъ
Миргорода отъ Хорвата бежалъ въ крепость Святыя Елисаветы і со-
всѣмы своимы писменимы дѣламы явылся у иншпектора, подалъ то
часъ на Хорвата о похищеній казны доносъ, и просилъ защиты.

Хорватъ о томъ что Шмитъ бежалъ пишетъ сообщение къ
иньшпектору, прописивая на Шмита великие дѣла и что унесъ о
съ собою неизвестно куда всѣ щеты, и потому обьявляетъ Хорватъ
что не можетъ ни какихъ отьчетовъ показатъ.

На то отьвечаетъ иньшпекторъ Хорвату, что маиоръ Шмитъ
явылся у него и что дѣла писменые слѣдующие въ щету всѣ у него
Шмита въ сохранеңій состоятъ.

Послѣ того какъ Шмитъ бежалъ, то еще въ слѣдъ за нымъ не-
которие канцеларские чины отъ Хорвата тудажъ къ иньшпектору бе-
жалы, и о похищеній казны также доносъ подалы, а затѣмы сталы
многие подькомандніи Хорватовы изъ ротъ афицеры оставя домы свои
тудажъ къ иньшпектору бежать и подавать челобытни о причине-
ныхъ имъ отъ Хорвата обыдъ.

Иньшпекторъ не упустылъ время обо всѣмъ что на первои слу
къ нему жалобою зашло донестъ Государю, почему определылъ
сударь во образе своемъ главнаго иньшпектора генерала пору
князя Григория Семеновича Мещерскаго, коего съ полнымъ н
лѣниемъ отьправилъ въ Новую Сербыю.

Въ то же время пришло изьвестие, что съ прускимъ к
учинѣнъ мыръ и воина кончиласъ, то потому я ужъ о по
армый думатъ оставилъ, а надобно было предьпринимать д
ры начемъ свои фундаментъ положить, для чего на перво
поехалъ и я въ крепость Елисаветы, чтобъ явитца у иньш
доложитъ о себѣ что состою квартерою съ полкомъ въ М
но въ камандѣ у Хорвата, и на какомъ положеній полкъ

о всѣмъ подалъ иньшпектору поясненіе, онъ тѣмь быль много до-
лѣнъ и позволыль мнѣ быть при нѣмъ сколко днеи я самь хочу,
е и было мнѣ случаи обьстоятелно оть него узнатъ о томъ что
рвать въ Петерьбурге надѣлалъ.

Генераль порутчикъ князь Мещерски какь я више говориль что
ь Государя вь Новую Сербыю отьправленъ, и выехавши изь Це-
рьбурга на дороге за Новъгородомъ узналъ оть куриера, каторои
о обогналь съ манифестомъ вь Москву и вь другие места о пере-
не императора Петра третьяго и о вступленій на престолъ Госуда-
инѣ Императрице Екатерине второи, и потому изьвестию вернулся
язь въ Петерьбургъ обратно къ Государинѣ, докладиваетъ съ чѣмъ
ъ былъ оть бывшаго Государя отьправлѣнъ и спрашиваетъ что
у приказано будетъ вьновь дѣлать.

Государиня зная также Хорватовы дѣла, для чего изьволела по-
оритъ своимъ повелѣніемъ князю Мещерскому чтобы онъ на томжь
овленій ехалъ въ Новую Сербыю и комысию надъ Хорватомъ зачалъ.

Князъ Мещерски приехалъ въ Новую Сербыю и вьзялъ свою
артеру въ самомъ Миргородѣ, отьказалъ Хорвату во всѣмъ оть ко-
нды, поставыль политичной за нимъ присмотрь, принялся за всѣ
ла къ разбирателству, сталъ первѣе Хорватовъ гусарскои полкъ
отрѣтъ и вьходитъ во всякую подробность, при чемъ тоть часъ
азалосъ что амуничние вещи, по выходе сроковъ, тѣжь самые по-
зиваны вьновь построенимы и служуть уже на другои срокъ, а
ьпущеную на то суму Хорвать показаль изьдержкою, а вь самомъ
де явылосъ что онъ всѣ тѣ денги взялъ къ себе.

Я оставляю о всѣхь подробностяхъ Хорватовыхъ непорядкахъ
исиватъ дабы тѣмъ читателю не наскучить, а толко о важныхь
лахь стану говорить.

Генералъ порутчикъ князъ Мещерски вошедъ во всѣ дѣла Хор-
товы, и принявъ оть полковника Спичинскаго всѣ подаваемые къ
му челобытни и доноси на Хорвата, отьпустыль полковника Спи-
нскаго какъ онъ отьставку оть службы просилъ въ свои домъ, а самъ
язъ остался разбырать дѣла, и узнавь всѣ Хорватовы въ казнѣ
хищеній отьнесъ обо всѣмъ своимь рапортомь къ Государинѣ, по-
му и присланъ къ князю въ помочъ для формалнаго производства
ѣдствия и суда, генераль аншефъ Іванъ Феодоровичъ Глѣбовъ яко
езесъ да еще генералъ порутчикъ Мелгуновъ, всѣ сій господа со-

ралысь въ крепость святыя Елисаветы и тамъ дѣло производить за-
лы, но по несчастию вскоре князь Мещерски заболѣлъ и умре,
днакъ комысия не преставала а производилась своимъ порядкомъ.

Я о своеи обыдѣ какь више пространо обо всемъ сказано, то
тъ о удержаномъ оть Хорвата за лошады моего жалованыя подалъ
ь комысию челобытную, а на тожь время какь ужь мырь съ Пруса-
мъ заключонъ и воина кончилась, то и воспослѣдовала о всѣхъ
гсарскихь полкахь новая формирация, и положено некоторие полки
истожить, и пополныть тѣмы людми другие о чемъ въ переды вид-
о будеть, въ томъ числѣ положено чтобы Македонской и мой Бол-
рской гусарские полки касировать и распределить людеи по дру-
имъ гусарскимъ полкамъ, для чего и должно мнѣ было просить оть
авнаго надь тою комысиею генерала аншефа Глѣбова увольнения въ
оскву, какь тогда дворь тамъ находился, чтобы за благовремено
ыискать себѣ къ продолжению службы другова места.

Приехавши я въ Москву подалъ челобытную въ Сенатъ яко
лъ мои такъ какъ и Хорватово поселѣние состоялъ подь Сенатомъ,
потому я первѣе вь Сенать явылся прозбу и подалъ, прописавъ
юи свою обыду что Хорватъ произвель младшаго меня всѣмы чи-
мы въ подьполковники Алексѣя Костюрина а меня оставиль без
шакои моеи вь томъ притчины, и что я навербовалъ вь Болгарской
сарской полкъ до четырехь соть человѣкъ изь иностранаго народа
и и нинѣ остаютца вь Россій на службе, и просиль того слѣдуема
мнѣ подьполковничья чина и предь Костюриномъ старшинства.

Челобытная моя принята, и я обьнадеженъ, даже что безь су-
нния казалосбы бытъ дѣло мое пашло было хорошо, однако и тут
нѣль врагъ здѣлатъ мнѣ препону, ибо Хорватъ не престовалъ гна-
въ слѣдъ за мною, онъ какъ уже увидѣлъ свою погибель, то на-
ималъ коио каво изъ отъставныхъ, коихъ посилалъ къ господамъ
оскву съ писмамы прося надь собою милосты, въ томъ числѣ писалъ
ъ и обо мнѣ къ своему наиболшему еще тогда бывшему на нек-
рое время въ Сенатѣ на ногахъ оберъ секретарю Ермолаеву, ка
опосля о томъ узналъ, чтобы всячески старался о моемъ иске
дать успѣха, навалывъ на меня много въ выну своего неблаго-
я, яко бы я подаваль къ тому не какие предприятій, что и успѣло
ъвернутъ мое дѣло въ проволочку и принужденъ я былъ ходитъ
Сенату долго съ великою досадою и проживатца въ Москвѣ по
прасну.

Съ перва сколко мое дѣло пошло было хороша столкожь опосля въ двое умедлило, и гдѣ у каво объ ономъ въ повитій ни спрошу всякъ говоритъ что не знаетъ, и не могу добытца чтобъ присутствующимъ было доложено, одинъ толко секретаръ Данской изъ сожалѣния надо мною сказалъ мнѣ да и то какбы чрезъ зубы, чтобы у оберъ секретаря побывать и его бы болшъ просилъ, я и то дѣлалъ и ходылъ къ сему ідолу на дворь да чтожь я у него нашолъ ни отвѣту ни привѣту бытъ не могло, понеже слуга его всегда встречаетъ и говоритъ, что господина дома нѣтъ, илы болѣнъ, илы недосугъ, завтре приходитъ, а къ господамъ присутствующимъ какъ бывало паиду то тѣ отзывалысь всегда хорошо и говорятъ, что вотъ какъ скоро дѣло ваше къ слушаныю въ присутствій подьнесено будетъ то старатца будемъ вамъ полезную резолуцию положитъ, и на томъ провелъ меня оберъ секретаръ Ермолаевъ целыхъ три месеца, и на послѣдокъ едва такои резолуцій добылся, что велѣно отослатъ меня при указе изъ Сената и дѣло мое приложитъ въ военную коллегию съ такимъ приказаныемъ чтобъ военая коллегия прозбу мою разъсмотрѣла и буде слѣдуетъ просимымъ подьполковничимъ чиномъ меня произвестъ.

Въ тожь время въступылъ въ военную коллегию вицъ президентомъ графъ Захаръ Григориевичъ Чернышевъ, я у его явился, и онъ моего дѣла принялся, слушалъ оное въ присудствій и меня подполковничимъ чиномъ обьнадежилъ, и спрашиваетъ въ каторои гусарской полкъ я определенымъ быть желаю, на что отъвечалъ я что въ Молдавски полкъ и докладиваю что въ ономъ состоитъ полковникомъ Іванъ Подгоричанынъ и что онъ мнѣ изьдавна знакомъ и служилы въ цесарской службе въ местѣ въ одномъ полку, то и таперь говорилъ я желаю съ нимъ въ одномже полку бытъ, и что тамъ и ваканция того чина естъ, и тако мое дѣло было почти готово, но и тутъ удачи мнѣ не послѣдовало а надобно было имѣтъ препону и огорчение и надежду потерятъ. Какъ тогда по окончаній пруской воины поприежалы изъ армый за своимы дѣлами многие штабъ афицеры въ Москву (1763-го года), втомъ числѣ приехалъ также туда и полковникъ Подгоричанинъ каторои уже бригадиромъ пожалованъ, я услыша о его приездѣ поспешилъ скоряе чтобъ съ нимъ видѣтца яко съ давнымъ знакомымъ обьявляю ему, что я вскоре буду къ нему въ полкъ и что графъ Чернышевъ обьнадежилъ меня произвестъ въ тотже полкъ подьполковникомъ, Подьгоричанынъ показался тому радъ упомыная давнѣе наше знакомство и что довелосъ опятъ

вмѣстѣ въ одномъ полку служить, я сему повѣрилъ и твердо на его дружбу надѣяся, но тѣмъ обьмануся я жестоко.

Подьгоричанинъ на завтрешны денъ поехалъ по утру рано къ графу Чернышеву по своимъ деламъ чтобь съ графомъ говорить, и между протчимъ самъ графъ (что я о томъ опосля узналъ отъ приятеля да и самъ Подьгоричанынъ спустя сколко времены признался) какъ ему сказано упоминая мое имя и что я въ Молдавском полкъ буду скоро произведенъ подьполковникомъ, и похваляя графъ меня спрашивалъ какъ давно я ему знакомъ что я имено просился къ нему [illegible] у въ полкъ.

На то Подьгоричанинъ отъвечалъ и также меня хвалылъ и какъ [illegible] ъ я съ нимъ будучи въ цесарской службе служилъ въ одномъ полку [illegible] и давно ему знакомъ, но притомъ виговорилъ съ прозбою къ графу [illegible] у, Пишчевичъ де ваше сиятелство афицеръ достоины и ученъ, и вездѣ [illegible] во всѣмъ годенъ и исправенъ но еще молодь, ему де не может [illegible] тъ быть въ обыду, если онъ еще годь места произвожденыемъ по обож[illegible]ж-детъ онь де всио свое достигнетъ, да прошу ваше сиятелство гово[illegible]во-рилъ Подьгоричанинъ не оставте бедного и заслуженога старога офи[illegible]ци-цера въ полку моемь примерь-майоромъ служащаго Адама Янов[illegible]ова коего желалбы я чтобь былъ проиаведенъ подьполковникомъ.

Таковы Подьгоричанови слова и прозба привелы графа въ не[illegible]не-которое сумнителство и остановилъ мое дѣло, даже такъ что съ том[illegible]ого дня хотя я часто у графа бывалъ, однако не могъ более ни оть нег[illegible]его ни въ каллегій о своемъ дѣле слышить и какъ оно повернуло[illegible]осъ ничего не знаю, и въ такомъ обьстоятелстве проходитъ время и мо[illegible]ои трудь и хождение безъполезно, и живу я въ Москве уже месеца ч[illegible] че-тыре неведая ни чего что со мною ещь будетъ.

Въ одинъ денъ празника пашолъ я рано въ графу Чернышев[illegible]ву, засталъ его сидящаго въ креслѣ и парикмахеръ волоси ему чещет[illegible]тъ, поклонился я ему и сталъ предь нымъ, онъ на меня прилѣжно смо[illegible]от-рѣлъ съ четвертъ часа и молчитъ а потомъ сталъ говорить, что [illegible] ты въ Молдавской полкъ, я отвѣчалъ что такъ какъ ваше сиятелство м[illegible]нѣ изъволеды уже обьявить, онъ на то повторилъ что нѣтъ ти де б[illegible]у-дещъ определенъ въ старои Сербской полкъ и въ мою дивызию и та[illegible]ъ естъ ваканция, я и на то обьявление поклонясъ поблагодарилъ и г[illegible]о-ворю что и тѣмъ доволѣнъ.

То было на страсной неделѣ и потомъ зашли празничние дни светлого Христова воскресения и заседания въ присудственныхъ ме-

ахъ никакова нѣтъ, почему и моего отъправленыя скоро бытъ не гло и осталось еще на далѣ.

Между тѣмъ надобно было родитца въ моемъ счастіи новой прене, какъ тогда находился въ Москве бывшеи при армыи завсегда конвое у господина фелтмаршала графа Солтыкова, Сербскаго гурскаго полка примеръ маиоръ Величка, каторои предь окончанитъ воины просилъ отъставки и отосланъ былъ въ Петербургъ въ енную коллегію, и при выступленіи двора въ Москву приехалъ и ъ туда, и уже какъ мыръ съ Прусакомъ здѣлался, то мои Величка ъ отъставки кою онъ имѣтъ желалъ раскаялся, и узнавъ о томъ о меня графъ Чернышевъ обьнадежилъ производствомъ чина подьлковничья въ Сербской полкъ, такъ упредивъ Величка бросился фелтмаршалу графу Салтыкову, каторои на то время былъ подь сквою въ своеи деревнѣ, и проситъ о пожалованіи его въ тотже рбскои полкъ на ваканцию подьполковникомъ.

Фелтъмаршалъ неведавъ обо мнѣ, что я туда былъ назначенъ чего, принялъ Величкову прозбу, пишетъ къ Чернышеву писмо, роситъ о маиоре Величке чтобь его произвестъ въ Сербскои полкъ дьполковникомъ, и при томъ писме принятую отъ Величка челотную прилагаетъ, въ коеи Величка прописалъ что онъ хотя было и меренъ по болезны отъстатъ отъ службы, но понеже онъ восползался и совершено уже выздоровылъ, то и желаетъ попрежнѣму ужбу продолжатъ, то и проситъ награждения чиномъ подьполвника.

Графъ Чернышевъ получа то отъ фелтмаршала писмо и при омъ приложеную отъ Величка челобытную не зналъ уже что дѣтъ, мнѣ явно о томъ чтобь меня не огорчитъ сказатъ не хотѣлъ, также чтобь фелтмаршалскую прозбу не исполнитъ и того не могъ тавитъ, а сверхъ комплекта произвестъ меня въ подьполковники ло нелзя, потому что тогда по окончаніи пруской воины именымъ азомъ производытъ не велѣно, яко и такъ при полкахъ состояло ерхъ комплектныхъ много, и потому графъ Чернышевъ (какъ я о ъ опосля ажъ чрезъ полъгода узналъ) принужденъ былъ скрить дѣло, какъ то что меня обьнадежилъ было въ Молдавски полкъ Подьгоричанынъ оное спортилъ, такъ и сие что въ Сербскои полкъ тъ мнѣ свое слово а писмо фелтмаршалское по прозбе Величка ешибло, и удержалъ то определение что обо мнѣ было къ произдству написано у себя, и держа оное несколко днеи покудова на-

послѣдокъ въ здумалъ какимбы maнеромъ меня прежде изъ Москвы выпроводитъ, нежелъ Величку чинъ подьполковничеи объявытъ.

Онъ послалъ за мною изъ своеи канцеларій ординарца призватъ меня, было то поутру оченъ рано, я поспешилъ скорея туда явылся къ нему, графъ въстретылъ меня словамы какбы не какая екстра то была, спрашиваетъ не имѣюлъ я какую надобностъ ехатъ на Украину илы хочу просто въ Сербскои полкъ въ Смоленскъ ехатъ, и сколко мнѣ почтовыхъ лошадеи надобно я отъвечалъ что на Украину въ Новую Сербыю надобно мнѣ заехатъ за своимъ еквипажемъ и что пять почтовыхъ лошадеи мнѣ потребно.

Графъ отобралъ отъ меня сій слова пошолъ въ свои кабинетъ, тамъ у его видно что курѣрские бланкеты на почтовыхъ лошадеи лежалы готовы, позвалъ къ себе своего правителя канцеларій и немного бавился вишелъ графъ, идетъ ко мнѣ просто несетъ въ руке съвернутую бумагу подаетъ мнѣ и говоритъ вотъ вамъ подорожная изъволыте ехатъ съ Богомъ на Украину, а отътелъ поспешаите въ Сербскои полкъ, и вы какъ въ полкъ прибудете то и указъ ужо о себе въ полку застанете и не сумнѣвайтесъ нивчемъ, всіюде то зделано будетъ что слѣдуетъ къ вашему удоволствию и на томбы я на него положился.

Сіи слова и такое мое отъправление показалось мнѣ страно, представлялъ я графу мою прозбу и хотѣлъ знатъ съ чѣмъ я отъежаю и что въ моемъ производстве здѣлано, но графъ болѣе ничего не говорилъ, а толко то повторялъ чтобъ я нивчемъ не сумнѣвался и положился бы на него, и что конечне въ удоволствие мое дѣло здѣлано будетъ.

Я получа и сій слова и обьнадеживание отъклонясъ пошолъ отъ него и самъ не знаю съ чѣмъ, и идучи улыщею развернулъ подорожную вижу что я написанъ тѣмже примеръмаиорскимъ чиномъ какъ и былъ и Сербскаго гусарскаго полка.

Успѣлъ я еще тоежь утро заитытъ въ военную коллегию съпрашиваю у адного и другаго изъ секретареи о моемъ дѣле и прошу чтобь мнѣ сказалы, на чемъ по моеи челобытнои определение здѣлано, однако ни у кого я настоящее доведатца не могъ а всякъ говоритъ что не знаетъ, адинъ толко сказалъ что дѣло мое у графа остановлено, и съ тѣмъ пашолъ я на свою квартеру, сталъ въкладатца, послалъ за почтовимы лошадмы и тотже денъ выехалъ изъ Москвы и предьпринялъ путь свою въ Новую Сербыю.

Приехавши я туда засталъ уже что Хорватова комысия кончена, онъ осужденъ и закованъ въ железа, лышенъ по конфирмацііи всѣхъ чиновъ и сосланъ въ силку на Вологду, а его имущество конфисковано, и дѣла челобытческие всѣ решены въ томъ числѣ и по моеи челобытнои что Хорватъ удержалъ за лошады мое жалованые какъ я више говорилъ, присужено чтобь мнѣ уплачено было такое число денегъ изъ Хорватова имущества а лошадеи продатъ съ публичнаго торга такъ какъ и протчее ево движимое имѣные на уплату долговъ, деревни же осталысъ въ казеномъ ведомствѣ покудова также и казенои долги виплатитца, а потомъ отъдатъ его наслѣдникамъ 1763-го года (Новаяжъ Сербыя потеряла свое имя и названа Новороссіиская губерния и другои штатъ данъ, а привелегия что было дана Хорвату пропала).

Однако я видя такую его Харвата судбыну и что жена его съ детмы осталысъ въ само беднѣйшемъ состояніи и сины яко малолѣтние изъ службы выключены, то не порадовался я тому, а болѣе сожалѣлъ о его несчастіи, и что мнѣ въ томъ нѣтъ никакой сатисфакцій, хотя мое чрезъ него счастые и пропало, и я вовсѣмъ такои болшои убытокъ понесъ, но не хотѣлъ я при такомъ уже случае къ тому приступытъ чтобь деньги за лошады взятъ и отъдатъ ихъ съ публичнаго торгу продаватъ а удержалъ ихъ у себя, и въ приемѣ моего жалованыя что Хорватъ удержалъ въ книгѣ у комысаря расписался.

Послѣ того я въ Новой Сербыи немного бавился покудова толко успѣлъ съ еквипажемъ своимъ собратца и повоски исправылъ, възявъ съ собою малодую свою супругу поехалъ въ Смоленскъ гдѣ тогда и полкъ Сербскои квартеры свои имѣлъ, я спешилъ туда съ великою ж аностию какбы скорея достигнуть и увидѣть пообьнадеживаныю графа Чернышева каковъ то указъ о моемъ производстве въ подьполковники я въ полку застану.

Прибытие мое въ полкъ въ место приятносты въстретыла меня печалъ, ибо ужъ засталъ я маиора Величка произведенаго въ подьполковники, а обо мнѣ указъ весма коротко написанъ, что хотя и слѣдовало меня произвесть по за неимѣниемъ ваканцій ни въ одномъ гусарскомъ полку, то причислытъ меня тѣмже примеръ маиорскимъ чиномъ въ Сербской гусарской полкъ, и тако вся моя надежда, трудъ въ вербованіи людеи, обще съ счастиемъ пропало безъ полезно.

Я отъ великой печалы было заболѣлъ и хотѣлъ ехать опятъ въ Москву, чтобъ о такой своей обыдѣ просить, но чтожь каво бы про-

сить какъ разъсудылъ, того самаго графа Чернышева, у коего тогда великая власть была и онбы можетъ быть ничѣмъ болѣе меня не наградылъ, а толко развѣ тѣмъ что велѣлбы ехать обратно въ полкъ а при томъ нанесбы я на себя еще гнѣвъ и въ предь осталосбы на меня отъ него гонѣние, и тѣмъ въ другомъ случае въ произведении здѣлалбы онъ можетъ быть мнѣ еще болшь несчастия, а также при проезде моемъ въ Москву и обратно имѣлбы лишную издержку и убытокъ, такъ ужъ разсудылъ чтобь на томъ остатца, а о своеи обидѣ подать по командѣ челобытную и писать къ графу Чернышеву партикуларное писмо и просить его мылосты.

Такову челобытную я подалъ прописавъ въ оной свою обыду что произведеные въ подьполковники Величка вь Сербской, а Адабашъ Яновъ въ Молдавской гусарские полки состоятъ оба всѣмы чинами я моложе меня, и прошу уровнения какъ въ производстве такъ и старшинства предь тѣмы моложе меня произведенимы, та моя челобытная отослана въ военную коллегию, на которую (а также и по писму моему къ графу Чернышеву) въ скоре резолуция послѣдовала съ прописаниемъ великаго одобрения моей службы и что тотъ подьполковничеи чинъ получить мнѣ слѣдуетъ, но за неимѣниемъ ваканцій коллегия произвесть сверхъ комплекта не можетъ, и тѣмъ указомъ повелѣваетъ коллегия чтобъ о семъ меня при командѣ уведомыть и при томъ обьнадежить, что коль скоро первая ваканция въ гусарскихъ полкахъ отъкроитца то на оную произведенъ я буду конечне.

Мнѣ такова резолуция была обьявлена но и сие не могло меня утешить и я еще почиталъ за наиболшую свою обыду и хотѣлъ было въ другой разъ податъ прозбу, однако командующій дивызиею генералъ порутчикъ Нумерсъ не апробовалъ сего моего намерения, онъ могу сказатъ какъ приятелъ унялъ меня отъ того, и советовалъ бросить все изъ головы и въступитъ въ должность (ибо я еще и себя не принималъ, а жылъ толко такъ партикулярно при полку), и бы иногда говорилъ мнѣ генералъ естли зачну такову прозбу повторятъ не сочтено было за противностъ яко дѣло уже решено и указъ естъ, да и жалованые свое потѣрать могу естли на далѣ безъ должносты оставатца буду.

Таперъ ужъ было мнѣ последнѣе, и на добно на чемъ нибудь решитца илы когда въ должностъ не вступытъ подьвергнутъ себя новымъ хлопотамъ кои моглибъ нанестъ мнѣ еще какова нибудь напастыя, о чемъ какъ я сталъ разъсуждатъ что всѣ мои дѣла по

косты судбыне на такихъ препонахъ и пребывкахъ основаны, и что премѣныть инаково повсѣмъ моимъ трудамъ я не всостояніи и счастие мое остаетца безъ своей силы, то ужъ принужденъ тому послѣдовать какъ оно естъ и признать и по неволѣ Величку старшимъ надъ собою, и дожидатца что судбына моя впредь съ собою принесетъ.

Въступылъ я при полку Сербскомъ въ должностъ, а въ ономъ какъ тогда Пруская война кончиласъ произведенъ (на место отъшедшаго въ отъставку Стоянова) полковникомъ Петръ Тукелия, онъ хотя изъ Цесаріи естъ родомъ и также Сербынъ, но я его почти тамъ не зналъ, и всего разъ или другой я ево видѣлъ, да и то какъ я былъ тогда еще въ науке, а онъ уже былъ человѣкъ совершены и порутчикомъ въ тамошней службе, то и не доставалосъ времены по лѣтамъ моимъ съ нимъ знакомытца, а потомъ онъ оставя свое отечество пошолъ въ Россию, и я его уже сталъ настояще по выездѣ моемъ въ Россию жъ знавать и первой разъ въ Москве при определеныи моемъ въ службу видѣлъ его и съ нимъ познакомылся, и ужъ потомъ чинамы состоялъ я отъ него старее, но онъ будучи въ армыи вышолъ въ подъполковники какъ я о томъ прежде говорилъ, а тэперъ довелосъ бытъ у него въ камандѣ, яко бывши онъ прежде меня моложе, что также было мнѣ прискорбно, да чтожъ дѣлатъ когда моя судбына такая, надобно было всему тому повиноватца и съноситъ съ терпеливостью и бытъ при всѣхъ несчастияхъ великодушну.

Текели стало бытъ ужъ мои полковникъ и я у него въ камандѣ, надобно было его признаватъ, и почитатъ какъ долгъ службы требуетъ, онъ при вступленіи моемъ въ должностъ показалъ мнѣ видъ доволно приятны и надобно было думатъ, что мой приездъ не могъ бытъ ему противенъ, и я положилъ было на него яко на одно национальнаго своего такую надежду, что конечно онъ мнѣ во всѣмъ приятствоватъ будетъ, аднакъ ошибся я своимы мыслямы, какъ о томъ въ переды на своемъ местѣ не оставлю о его свойстве и какая у него душа объяснитъ.

Полкъ Сербски состоялъ тогда, какъ и всѣ бывшие старие въ Россіи гусарские полки, на штатѣ весма чудномъ, отъ зачала своего чрезъ несколко десятковъ лѣтъ еще прежде, и было ни мало на регуларное войско похожо, чрезъ что въкаренилосъ такое во внутреносты злоупотребление, что никто изъ полковыхъ командировъ не думалъ о исправносты полка и о службе, а всякъ на блю-

далъ болше свои собственои интересъ и прибылъ кармана, всѣ гусаре имѣлы какъ лошадъ такъ и мундиръ, амуницию, ружы, фуражъ и провиантъ свое собственое и покупалы на свои денги какъ и гдѣ кто обойтитца могъ, а получалы жалованые съ рацій и порцій по справочнымъ ценамъ гдѣ и вкакихъ местахъ находитца полкъ, почему полковые командиры старалысъ какъ можно изъискиватъ способы увеличиватъ на всио цены съ великою превасходностыю, въ чемъ разумѣлысъ оны весма искусно, почему всегда и денги отъ подлежащихъ местъ получалы ужасно великимы сумамы.

Показывалы въ полку при требованыяхъ казны налычнимы людей и лошадей по болшой часты полнымъ комплектомъ, соображая сходство съ семыдневнимы и месячнимы рапортамы, хотя иногда и смотри полкамъ дѣлалысъ, но и сие искуствомъ оставалось безъ настоящего обозрѣныя, и то самое подавало болшой поводъ ко великому послаблению.

Меня много удивило какъ я видѣлъ однажди на смотре что афицеры въ ротѣ слугъ своихъ и денщиковъ, афицерамъ тогда въ томъ старомъ штатѣ даваны денщики натурою изъ рекрутъ великоросійскихъ, одѣвалы въ гусарскіе мундиры на мѣсто недостающаго по списку гусара, покулъ смотръ минетъ, а также и гусаръ въ двойнѣ адинъ человекъ при приклички другимъ именемъ чрезъ смотръ проходылъ, полковыежъ командиры разумѣлысъ во всемъ съ ротнимы командирамы и съ протчимы афицерамы и делилы свои барыши пополамъ.

Въ ротахъ были капитанские и афицерские шинки, оны старалысъ чтобъ гусаръ поболше у шинкаря напивалъ нащетъ жалованыя и рационовъ, а шинкары были выбраны изъ тѣхже гусаръ, которой уже никакой другой службы не зналъ окроме того что на него поверено; а полковникъ имѣлъ свою лавку въ коей содержалысъ всякие какъ мундирские такъ и амуничние вещи, не возбранялось ни мало гусару бытъ своеволну и чѣмъ болшъ гусаръ тратытъ или пропиваетъ своихъ вещей, тѣмъ было лучше дабы можно ему почаще новые даватъ припысивая ему въ три цѣны дорого, а иногда смотря по уму человѣка написивалъ казначеи въ двойнѣ вещъ одну.

Казначеяжъ вибыралъ полковникъ такова, каторойбы съ нымъ во всѣмъ могъ разумѣтца, и щетъ ихъ былъ не подьверженъ никому и всио что гусарамъ давано шло на щетъ рационыхъ денегъ.

Лошадей содержалъ полковникъ всегда своихъ собственныхъ количествомъ. и раздавалъ гусарамъ приписивая онымъ цену такую считалъ изъ рационыхъ денегъ посколку онъ самъ хотѣлъ, а гусаръ таку цену а особливо каторои былъ пьяница не считалъ ни во что, бо торгъ шолъ всию въ периодъ и нащетъ рацiоновъ.

Ежелы иногда гусаръ изъ подъ себя лошадъ продастъ кому въ торону, а останетца пешъ хотя бы и во время военое было, то за о никакова штрафа и възисканыя не было, и оставалосъ безъ лужбы въ обозе отъ полка иногда и по сту человекъ, коихъ однако псивалы въ ротахъ иныхъ болнимы, а другихъ потѣрянниемъ противь еприятеля раненыхъ и убытихъ лошадѣй, покудова между тѣмъ спеетъ полковникъ по сторонамъ лошадей присовокупытъ и раздатъ ешимъ по оценке, записивая при томъ довереной казначей всѣ тѣ ни сколко кто былъ пешимъ, дабы за то время вичетъ изъ рационыхъ денегъ учинитъ было можно.

О дисциплине и о опрятносты никто ни мало мыслитъ не хотѣлъ, а въ полкахъ было великое множество женатыхъ гусаръ, кои мѣлы свои повоски, отъ чего и обозъ на марше за полкомъ чрезъычайно великъ былъ, иной гусаръ самъ подъ женою своею и съ етмы телѣгу погонялъ и что онъ не во фрунтѣ ето нѣтъ ничего, а другихъ редовыхъ и у ундеръ афицеровъ и другихъ чиновъ состоялы въ услуженiй люде волние и таковыхъ было въ полку безъ чоту, чрезъ что вездѣ происходилы отъ невоздержания непорядки воровство.

Всѣ сiи обстоятелства отъкрылисъ въ бывшую тогда прускую войну, чрезъ что принуждено было по окончанiи войны въ 1764-мъ оде всѣ гусарские полки преформироватъ и зделатъ новой штатъ.

Я какъ въ сей Сербской полкъ пришолъ, было то еще до публикования того новаго штата, и засталъ всию еще по прежнѣму стаому ихъ штату, хотя и носился слухъ но ни кто веритъ не хотѣлъ, говорено какъ чтобы полки гусарские были преформированы и чего учше желатъ нежель таперъ естъ и что то не естъ правда и бытъ е можетъ, и тако на всемъ томъ прежнѣмъ обычаи всякие дѣла отправлялысъ и то самое неустройство еще у ныхъ состояло.

Мнѣ случилосъ при преходѣ полка на свои квартеры на марше идѣтъ, что гусаре изъ фрунта скачутъ на лошадяхъ на выпередки

мымо полковника, а онъ ихъ выхваляя какъ храбри и проворны въ ездѣ, и ни мало въ томъ не запрещая, мнѣ то чудно показалосъ дерзнулъ было за то гусаръ штрафовать, но какъ сказано что мнѣ въ томъ нѣтъ надобносты возбранятъ, яко оны на своихъ собственыхъ лошадяхъ ездятъ, а мало затѣмъ погодя при проездѣ чрезъ деревню, вижу что также изъ фрунта остаютца гусаре при кабаке вино и пиво питъ, то и въ томъ сказано чтобь у ныхъ не трогатъ анѣ де приедутъ.

Афицеры тоже отъ фрунта и отъ местъ своихъ отълучаютца, ездятъ по сторонамъ съ сабакамы, кричатъ и тровутъ зайцовъ и то нѣтъ ничего.

Гусаръ ежелы во фрунте пьянъ и валяетца съ лошады илы разстрепанъ и неопрятенъ то также невзискуетца, и чѣмъ былъ гусаръ грубее въ речахъ и всегда на пияную руку отъвечалъ, тѣмъ болшь почиталсѣ храбрее.

Во всѣмъ полку тогда не состояло болѣе редовыхъ какъ триста человѣкъ, а писивалосъ налычнимы въ рапортахъ гаразда болше, а всѣ сіи обьстоятелства гледѣлъ тогда съ великимъ удивлениемъ и показалосъ мнѣ во всѣмъ страное дѣло, и принужденъ молчать, дабы не навестъ на себя ненависты какъ отъ полковника, такъ и отъ казначея, каторой весма великимъ въ полку значилъ человекомъ, онъ ни мало и ни вчемъ не былъ кому подъкомандныимъ, окроме толко что зналъ съ своимъ щетомъ адного полковника и наблюдалъ образъ фискала, всякъ его отъмено почиталъ и боялся, для чего и я яко новой припелецъ отъстоялъ отъ него въ стороне и не хотѣлъ о его дѣле ни знатъ ни спрашиватъ, и тако на томъ положеній прошло у насъ все лето.

Случалысъ тѣмъ временемъ часто собраній, кои составлялы ни вчемъ болше какъ толко чтобъ напиватца, и втомъ состояли вся приязнъ и объхождение, а кто не хотѣлъ тому пыслѣдоватъ тотъ не зналъ ничево, и остовался въ призреніи и другомъ полковнику бытъ не могъ, однако таково пированые пресеклосъ скоро, ибо новой штатъ уже вышолъ и повелѣние отъ главной команды прислано, чтобъ во всемъ по новому штату полкъ былъ уформированъ, тутъ уже всио претворилосъ на великое неудоволствие, сколко то было критики, сколко роптания; никто ни мало не хотѣлъ бытъ доволнымъ, сожалѣя и упомыная прежднуюу волностъ, а болѣе всего досадно не-

казалосъ что при зачале заглавыя того новаго штата описано какие непорядки въ полкахъ были, и всю то какъ оно въ самомъ дѣле состояло, и что по тому принуждено было полки преформировать и некоторые касировать, осталысъ толко тогда два полка Сербски да Венгерски, а Молдавски, Грузински, и Шватчековъ жолтои уничтожены, и распределены люде кои въ службе еще были способны въ сіи два полка, а другимъ даны отъставки и абшиты.

По сей реформе много изъ Сербскаго възялы абшиты и отъставки и на последокъ изъ старыхъ гусаръ мало кто остался, а кои и осталысъ то тѣ распродалы своихъ лошадѣй иныхъ по оценке въ полкъ а другие вь сторону, потомъ вскоре причислено въ полкъ Сербски изъ поселеныхъ Бахмуцкаго Прерадовичева полка что пришлы изъ похода и тамъ навербованы, а были иностранние и на поселению остатца не хотѣлы три ескадрона, да еще что отъ моего бывшаго Болгарскаго были соединены съ Македонскимъ а при разборе при камысій Хорватовой распределены болшая частъ на поселеные въ Новую Сербыю, а осталныхъ двесты человекъ прислано также къ причислению въ Сербской же полкъ, и тако тѣмы пришедшимы здѣлалосъ въ новъ зачало сего Сербскаго полка, да еще что велѣно послатъ въ Малую Россию въ города Нѣжинъ, Стародубъ и въ другие места чтобъ вербоватъ волно желающихъ людей, чѣмъ и успѣлы набратъ и привестъ вполкъ, и тѣмъ укомплектовано полныхъ восемъ ескадроновъ какъ и по штату что положено.

А чтобы ужъ было въ предъ всю казеное, то отъпущено по положению штатному отъ камысариата денги, на кои послано вь Москву о всѣхъ вещахъ дѣлатъ подьрядъ, а на мундиры принятъ натурою сукно и холстъ, за лошадьми жь послано также на Украину и на Донъ покупатъ, кои въ скоростыи пригнаны въ полкъ, и тако вь наступывшую тогда зыму было дѣла много покудова успѣлы всѣмъ подлежащимъ полкъ исправитъ, однако при всемъ томъ формированіи сего полка, естли бы не взялся командующій дивызиею генералъ порутчикъ Нумерсъ дѣло дѣлатъ, тобы вовсе ни чего не было и ни вчембы успѣтъ не могли какъ великая екстра въ то время того требовала, чтобы полкъ сей былъ какъ наискоряе всѣмъ подлежащимъ исправленъ, а моему полковнику новой нашъ штатъ вовсе былъ еще не понятенъ и толку мало въ ономъ разуметъ могъ, яко прежнимы временамы вь такихъ дѣлахь онъ не обращался, и потому новое сие регуларство было ему страно, и покудова бы онъ всю то разобралъ и дошолъ во всю внутреностъ, тобы еще продолжилосъ

время на долѣ и не можно бы было въ свое время того здѣлать, чего военная коллегия строго требовала, для чего сей генералъ, предвидевши такую медлителность и чтобы время не упустыть, принужденъ былъ самъ трудитца и приехалъ изъ Смоленска верстъ слишкомъ шестдесатъ къ намъ въ полкъ, а потомъ и въ другой разъ тоже здѣлалъ, онъ въ ходылъ во всю подробность, дѣлалъ толкований того новаго штата, приказалъ учредитъ швалню для строеныя мундировъ, отъправлялъ афицеровъ за подърядомъ, напоследокъ прислалъ сто пятдесятъ человѣкъ изъ пехотныхъ полковъ портныхъ солдатъ въ помочъ къ скорейшей постройке мундировъ, а на весну обьявленъ полку походъ въ Полшу.

Въ то время предъпринято было дѣло дворомъ нашимъ о возстановленіи нонѣшняго короля полскаго Станислава Августа Понятовскаго на престолъ, для чего вся наша Смоленская дивызия въ маие месеце подъ предводителствомъ приехавшаго изъ Петерьбурга генерала аншефа князя Волконскаго въ походъ выступила, въ томъ числѣ и нашъ Сербски полкъ успѣлъ уже виступытъ.

Воиско наше вошло толко въ границу полскую за Смолѣнскомъ на форпостѣ называемомъ Леды и тамъ остановилысъ и простоялы на томъ местѣ лагеромъ всио лѣто, покудова тѣмъ временемъ въ Варшаве на сеймѣ дѣло зделано и король возстановленъ, а потомъ въ наступывшую осенъ въступыла вся дивызия по прежднему въ Росию въ свои прежніи квартеры.

Тоежо лѣто супруга моя родыла мнѣ сина, каторой наименованъ Александра, и была со мною въ томъ походѣ въместѣ.

По вступленіи же нашемъ съ полкомъ на прежніи квартеры въ село Поречье, волостъ Дворцовая, упражнялысъ мы по болшой части вь обученіи ексерцици, въ строеніи канюшенъ и въ протчемъ что до исправносты полка потребно было и въ томъ провелы время до зимы.

А въ наступившую зиму отпросился я у главнаго командующаго дивызиею генерала на четыре мѣсяца въ домовой отъпускъ, и поехаль съ моею супругою възявъ съ собою и маленкова нашего сина въ Новую Сербыю къ теще моей, какъ она о томъ ко мнѣ писала и просила чтобъ къ ней приехатъ.

Ехалы мы тогда по худой дороге, были снега, ветри и мароѕы великие, почему и езда не могла бытъ поспешна, напоследокъ съ

трудностыю доехалы на Днепръ въ городъ Кременчугъ, тамъ не много покормя лошадей намерены были поспѣтъ на ночъ въ шанецъ Крыловски гдѣ и домъ тещи моей естъ, а что рѣка Днѣпръ предъ нашимъ туда приездомъ дня за три замерзла и лиодъ весма гладокъ былъ, то поопасался я каретою и шестмы лошадмы по лду ехатъ, а взядъ тамо въ городѣ Кременчуке у знакомова человѣка саны съ одною лошадыю, чтобъ супругу мою съ маленкимъ сыномъ чрезъ реку лдомъ провестъ, а карета шла за намы порожая на пары лошадей а другихъ въ слѣдъ водыли въ рукахъ, и преехавши чрезъ рѣку благополучно, зачады слуге закладыватъ лошадей въ карету чтобъ ехатъ, въ тотже насъ надъехалъ къ намъ человѣкъ знакомой, и узнавъ меня остановылся сказиваетъ, что теща моя совсѣмы детмы находитца въ гостяхъ у брата своего тогда бывшаго полковникомъ Өеодора Чорбы въ шанце Крюковскомъ (сей шанецъ лежитъ тутже на берегу Днѣпра въ Новой Сербыи разстояниемъ въ сторонѣ отъ того места гдѣ я рѣку преехалъ толко версты подторы), и то сказавъ намъ тотъ человѣкъ самъ тотъ часъ поварота свою лошадь на коеи онъ седѣлъ поскакалъ туда, чтобь о нашемъ приездѣ изъвестытъ, а мы сие услишивши также тому рады били согласилысъ туда кѣ нимъ ѣхатъ, и покудова лошадѣй нашихъ заложилы, а также и повоски чрезъ лиодъ въ слѣдъ за намы Днѣпромъ прешлы, то между тѣмъ тотъ вестникъ туда на дворъ прискакалъ и тещи моей о нашемъ приездѣ сказалъ.

Сему изъвѣстыю вся родня обрадовалась, велѣлы скорея позакладыватъ лошадей въ свои кареты, селы и поехалы къ намъ на встречу, мы же какъ скоро тамъ у берега на Днѣпре совсѣмъ управилысь и поехалы туда къ нимъ, видимъ что две кареты шесторнямы во весь опоръ скачутъ къ намъ, коихъ узналы что то наши едутъ, оны успѣлы и упредилы переехатъ лдомъ рѣчку Крюковъ на самомъ устѣ гдѣ оная въ Днѣпръ вливаетца, тажъ рѣчка Крюковъ на томъ местѣ состоитъ шириною саженѣй до сорока притомъ и глыбока.

Я какъ увидѣлъ что тѣ кареты ужъ и чрезъ рѣчку къ намъ навстречу скачутъ, то остановылся я и слѣзъ изъ кареты своей, что также и оны здѣлалы и повиходилы, а то были полковникъ Адабашъ, и дядя супруги моей полковникже Өедоръ Чорба и шуринъ мой подъполковникъ Іванъ Дмитриевичъ Хорватъ, обънялысъ мы рукамы и привиталысъ между собою радостно, на тожъ время въ слѣдъ за нимы и теща моя на своей каретѣ поспѣла и остановиласъ на той стороне речки, сълезла также изъ кареты и дожидаетца насъ.

Въ тотже денъ было оченъ холодно и морозъ великъ, почему супруга моя и не выходила изъ кареты, потомъ мы не бавывшись поехалы далѣ, первѣе поехалы чрезъ речку тѣ обе приежые кареты, а позады ихъ пошла моя, за коею я съ шуриномъ моимъ чрезъ лиодъ шли пешкомъ, а какъ на самой срединѣ наступыла моя карета то подъ нею въдругъ провалылся лиодъ и всѣ шестъ лошадей сталы топытца, форейторъ едва могъ ухватитца за лиодъ рукамы и съ нуждою выползалъ наверхъ, кучеръ тоже здѣлалъ, а лошады въ такой холодной водѣ былисъ долго, напослѣдокъ упутавшисъ въ шоры подавилысъ всѣ шестъ, карета жъ моя какъ подъ нею лиодъ провалылся то повалыласъ бокомъ въ воду, съчастие толко къ спасению осталосъ въ томъ, что заднѣе левое колесо на верхъ лда еще несколко держалосъ и карету не могла вода понестъ подь лиодъ, а также и то пособыло много что кучеръ поспешилъ съ форейторомъ и досталы отъ мертвыхъ передныхъ лошадей мунштучние повода и удержывалы, что лошадей не понесла вода подь лиодъ а какбы ни то, то ужъ былбы конецъ всему и спасеныя никакова не могло бы бытъ.

Таперъ разъсуждай мой читателю, каково мнѣ въ тотъ несчастливой часъ было, видя въдругъ предь глазамы погруженую свою супругу съ маленкимъ нашимъ синомъ въ водѣ и подъ лдомъ утопающихъ, не былолъ то мнѣ ударъ жестокой и болшъ еще прежняго, что такимъ же несчастливымъ случаемъ и первую свою супругу и сина потерялъ и были жертвою такой горкой смерты, а нинѣ тоже довела была жестокая моя судбына чтобъ пострадатъ; о горе мое въскричалъ я увы мнѣ какое сие несчастые, на тотже часъ какъ лиодъ провалылся зделалосъ чрезъвычайно великая трескотня и ломание болшими кускамы лда и предъ самимы моимы ногамы какъ я за каретою шолъ учиниласъ пропастъ и вода наверхъ вискочила и полыло меня по самые колена, и какбы толко еще адынъ шагъ въ периодъ было зделалъ тобы и я въ тую же пропастъ въвалылся.

Карета моя стала тонутъ превалѣная бокомъ въ воду и мало что ее видно, то я видя такое нечаяное несчастие, подьскочилъ на одинъ болшой кусокъ лда съ коего шагнулъ и сталъ на дрогу отъ кареты въ водѣ поколена, отворилъ скорея каретние дверци кои ужъ погружены были водою и почти мало видни, увиделъ мою супругу какъ она окутавшисъ въ шубе и въ платѣ не могла скоро съ бросить того съ себя, то и лежала она на ту сторону, куда карета повалыласъ и погружена вся въ водѣ, въ крайнѣмъ безъсилыи, кою сочелъ я ужъ не живой бытъ подъхватя ее за руки вытаскалъ вонъ изъ

воды, она повалылась на лду въместо мертвой, адно что залыла ее вода а друго что жестоко испужалась и вся объледилась отъ той великой стужи и мороза.

Сина же моего маленкова подъхватылъ братъ супруги моей изъ рукъ отъ кормылици, котораго живымъ не считалы, и поспешилы екоряе его внеетъ тутже на берегъ Днѣпра въ состоящую караулню къ огню, куда и супругу мою на рукахъ тоже принеслы, и въ той караулнѣ собралась вся наша родня, гдѣ въместо радости претворилось все въ жалостъ и плачъ, хотя селение того шанца Крюковскаго и домъ брата тещи моеи отъ туда не далѣе полуверсты состояло, но ехатъ съ того места были не всостояніи, а принуждены въ той караулнѣ провестъ время болѣе двухъ часовъ, адно чтобъ отъгрѣтца а друго покудова принеслы чужое платье и преодѣтъ супругу мою, она лежала на землѣ при огнѣ въ той караулнѣ съ часъ места совсѣмъ безъ паметы и не могла ни сматерыю своею и ни скѣмъ говоритъ ни одного слова, такой страхъ было ее обънялъ и при томъ и премерзла, на последокъ едва на ноги въстатъ могла, а сина моего маленкова поварачивалы на рукахъ при огнѣ совсѣмъ ослабевшаго, и толко что въ нѣмъ дихание примечалы а потомъ сталъ плакатъ.

Мы всѣ потомъ селы въ кареты и поехалы въ домъ брата тещи моеи полковника Феодора Чорбы, возблагодаря Бога за спасеные отъ такова несчастия, однакъ супруга моя заболѣла и целую неделю пролежала покудова съ своимъ здоровьемъ собратца могла.

Каретажь моя по наступывшему уже вечеру, хотя народь изъ селения и собрался помогатъ и принеслы разные деревы, шосты и доски, однако нелзя было того вечера ни чего болѣе здѣлатъ окромѣ толко что успѣлы привязатъ за то заднѣе колесо, которое еще на лду, переложа чрезъ пролубыну долгое дерево упуталы около онаго веревками и такъ оставилы чрезъ ночъ со всѣмъ моимъ еквипажемъ въ водѣ до утра, а на завтрашни денъ послалы людеи витаскиватъ на верхъ лда, мучилысъ люде по тои же такои стуже почты целои денъ, ибо въ ту ночъ какъ былъ марозъ великъ то и замерзла та пролубына, лиодъ новои зделался толшиною на пяденъ, почему принуждены были рубытъ лиодъ топорамы и мучитца покудова снуждою на верхъ карету подънятъ моглы.

Еквипажже мой въ двухъ сундукахъ съ платѣмъ что назадъ кареты привязаны были, то всио препортилось въ водѣ и потомъ употребытъ и носитъ не годилосъ и брошено.

58

Мы еще въ томъ Крюковскомъ шанце дня четыре пробулы а потомъ поехалы въ домъ къ теще моеи въ шанецъ Криловъ, и живу я тамо уже месецъ целой, между тѣмъ дошолъ до насъ слухъ что учинѣнъ о гусарскихъ полкахъ еще и другой штатъ и велѣно формироватъ изъ Слободскихъ казаковъ на краине пятъ новыхъ гусарскихъ полковъ и каждои въ шестъ ескадроновъ, а старие гусаркіе полки по раскасованій, что осталысъ толко два Сербской да Венгерской какъ я прежде говорилъ и было положено въ каждомъ по восмы ескадроновъ, то при сеи формирацій велѣно чтобы и тѣмъ бытъ въ шесты ескадронахъ.

Сій весты я толко что слышалъ а настоящаго уведомления еще не имѣлъ, и тако я съ моею супругою прожилъ у тещи моеи всю зиму и до положеного мнѣ срока домоваго отъпуска, на которое время какъ ужъ весна стала отъкрыватца и дорога чрезъвичаино худа была, чрезъ что чежелимы возамы и каретою никакъ было нелзя въ дорогу пуститца, почему и положилы мы чтобь супруга моя оставаласъ у матеры до лѣта, а я самъ налегке поехалъ въ полкъ и спешилъ чтобь на положенои мнѣ срокъ туда поспетъ могъ.

Дорога моя продолжаласъ съ великою трудностыю, дожди съ снегомъ проважалы меня всякои почти денъ и зделаласъ грязъ превеличаишая, отъ чего на некоторыхъ местахъ лошадмы никакъ нелзя было ехатъ, а принужденъ былъ въ свои маленкои полукаретокъ воламы ехатъ и съ такою трудностию едва толко что на срокъ поспетъ могъ.

По приездѣ моемъ въ Смоленскъ явылся я у главно-командующаго дивызиею генерала порутчика Нумерса, онъ какъ скоро меня увидѣлъ поздравляетъ меня новымъ чиномъ, я съ перва подумалъ что генералъ по ево ко мнѣ всегда доброи склоносты изъволитъ шутѣтъ и говорю ему что благодарю васъ за поздравление, но ничего не знаю чтобь я былъ произведенъ, на то отъвечалъ онъ что такъ и вы де пожалованы именымъ указомъ въ подьполковники въ ново формырующеи изъ Слободскихъ казаковъ Харковскои гусарской полкъ, и при томъ сталъ мнѣ еще онъ пресказыватъ на какомъ основаній о тѣхъ вънововъ формырующихъ петы полкахъ учинѣнъ штатъ, и что въ тѣ полки какъ въ полковники такъ и въ другие штабь афицерскіе чины выбраны изъ гусарскихъ полевыхъ і изъ поселеныхъ такожъ и кавалерійскихъ полковъ пробованые достоинствамы люде, въ томъ числѣ говорилъ генералъ и вы то участые имѣете, что ея вели-

ство васъ яко надежднаго афицера тѣмъ чиномъ пожаловатъ соиз-
тела, и вамде надобно скоро туда ехатъ понеже ту формырацию
тѣно какъ наискорея предьпринятъ, при чемъ сталъ генералъ еще
ѣ сказыватъ, что имѣетъ повелѣние отъ господина вицъ президента
енной коллегіи графа Чернышева чтобь препоручитъ мнѣ изъ
рбскаго гусарскаго полка два ескадрона для препровождения къ
ичисленыю въ ново формырующеи Сумскои гусарскои полкъ.

Сій весты были мнѣ ужъ настоящимъ изъвестыемъ моего вто
емя благополучия и утѣха за всѣ прежды мои страданій, кои толъ
гое время меня на всякомъ местѣ препровождалы, однако еще на
ъ не осталосъ, а надобно приуготовлятца къ разнымъ еще со мною
стоятельствамъ.

Я на завтрешны денъ поехалъ изъ Смоленска въ полкъ и при-
звши туда засталъ, что уже тѣ два ескадрона отъчислены и вы-
аны изо всего полка подлежащее число людеи и лошады что естъ
хуже, также и афицеры таковы которыхъ полковникъ не любылъ,
ѣжь до того выбора не было нужды чего говоритъ, потому что оное
на моемъ отъчотѣ оставалосъ, а ротние командиры во всѣмъ томъ
жны были ведатъ, а я принялъ оныхъ въ команду для одного
ько препровождения и смотрения надь нимы въ марше.

Таково отъправление продолжалосъ неделы две съ лишкомъ, ибо
ого того происходыло что полковникъ пременялъ людеи и лошадеи
ъ понесколку, я хотя и гледѣлъ на всио то съ некоторымъ неудо-
ствиемъ и могъ сподеватца, что мнѣ съ такимы отъборкамы кло-
ъ въ путы будетъ много, и докладывалъ полковнику чтобь того
дѣлатъ, и что ему изъ того честы не принесетъ ни мало, а болшъ
ъславыя, и не лучшелыбь было говорилъ я ему, чтобь отъделитъ
ескадрона со всѣмъ съ людмы и лошадмы какъ оны естъ, а не
стающее число людеи и лошадеи уже дополнытъ изо всѣго полка,
нако таково мое ему напомынание не могло въ ушахъ его наитытъ
ста, и дождался того что отъ главнои команды съ великимъ ему
говоромъ, и скорѣишемъ отъправленій тѣхъ ескадроновъ прислано
рителное повелѣние, почему уже едва на своихъ преборкахъ ут-
рдился и вручилъ совсѣмъ мнѣ иныхъ въ команду съ коимы я
ступилъ.

И какъ мнѣ было по путы маршироватъ чрезъ городь Смо-
нскъ, то не оставилъ я у командующаго дивызиею генерала порут-

чика Нумерса явытца и тѣ екскадроны на марше ему показатъ, о[illegible] ихъ поверхностыю видѣлъ, но при томъ однако приметылъ что [illegible] шады подь людмы были не такою добротою каковимбы бытъ долж[illegible] и узналъ тотъ часъ что то были изо всего полка отъборкъ, и по[illegible] дысъ еще на то адна лошадь ему въ глаза, каторая была немного [illegible] зачосе, чемъ будучи недоволѣнъ не умолчалъ сказатъ что изъ то[illegible] можетъ еще послѣдоватъ затруднение и хотѣлъ было отъ меня имѣтъ о томъ рапортъ, однако разсудылъ я что сие было бы отъ меня доносомъ и вишло бы на послѣдокъ худие слѣдствій, для чего и не хотѣлъ я вь то въступатъ, а доложылъ генералу что̀ какъ я ихъ въ Сумской полкъ приведу и тамошны полковникъ осмотритъ, то оные можетъ былъ покажутца ему угодны и тѣмъ мынетца могущее бытъ затруднение, генералъ по тѣмъ моимъ словамъ оставилъ на томъ и меня удержалъ у себя обедатъ, а послѣ обеда отъдалъ я въ походную генералскую канцеларую запечатанои ко отъсилке на имя Сумскаго полка полковника Ланова рапортъ, коимъ уведомляю его о моемъ съ тѣмы екскадронамы выступленій и что я нахожусъ на марше, и простясъ съ генераломъ помаршировалъ далѣ, и продолжалъ путъ свою къ слободскимъ полкамъ на Украину.

Путъ и время было хорошое, марши расположылъ я умереные и раздахи обыкновеные дѣлалъ, при чемъ способь послужылъ мнѣ на хорошихъ кормахъ поправитъ лошадеи и довелъ ихъ въ настоящее тѣло, но къ службе годнимы я ужь ихъ не могъ здѣлатъ, понеже болшая частъ стояла калычъ безъногая и престарелые лошады, о чемъ остаетца разъсуждатъ тому кому оны принадлежатъ, а таковъ мои трудъ въ поправке сихъ лошадеи былъ мнѣ въ двое болше нежелъ по службе долгъ требуетъ, ибо мои гусаре какъ оны были съборные то и послушание ихъ было разнообразно, никто о томъ мислитъ не хотѣлъ какбы лошадеи поправитъ и чтобь ездитъ на ныхъ порядочно, а болшъ упражнятца хотѣлы какбы напитца пыяну, а лошадь привязатъ где нибудъ и держатъ ее безъ корму до света и такъ опятъ сестъ на нее и ехатъ, а чтобы въ табунъ пущатъ и чрезъ ночъ и на раздихе за нимы смотретъ къ тому оны съ перва никакъ не соглашалысъ, а еще менше и афицеры по очереды чтобь въ табунъ итытъ и при лошедяхъ съ командою ночеватъ, то такъ много не угодно было что гонениемъ на себя такое дѣло почиталы представляя, что всякъ гусаръ у хазяина травы выпроситъ и чрезъ ночъ прокормытъ свою лошадь можетъ и темъ де минетца затруднение, что всякои денъ ловитъ и пребыватъ лошадеи, и тому подобные изговор-

ки были, однако на таковы советы не могъ я согласитца, а велѣлъ то дѣлатъ какъ я залучше нахожу и лошадеи на всякомъ ночлеге пущатъ въ полѣ изъискивая къ пазбе удобные места, чего чрезъ Малую Россию везде было достаточно, при чемъ и афицеръ съ наряженою камандою чтобь безъ отлучно былъ.

Еще жь и то на марше бывало, что некоторие афицеры хотѣлы по выступленій каманды съ ночлеговъ оставатца на квартерахъ и приедутъ опосля, а также и гусаре во всякои мымо проежеи деревнѣ чтобь изъ фрунта въ шинкъ заехатъ и оставатца на время а потомбы догонятъ команду, чего также дозволятъ было нелзя, а еще пущче было имъ то досадно как случалосъ, что за воровство на ночлегахъ и на марше делалысъ обьиски и не упущалосъ за то безъ штрафа, въ какихъ неприличныхъ поступкахъ адножды нашолся адинъ господинъ капитанъ, что вдеревнѣ будучи на раздахе укралъ отъ помещика крепостную дворовую дѣвку, и пряталъ ее несколко днеи отъ— силкою всегда въ периодъ преодѣтую въ гусарское платье, чрезъ что на томъ ночлеге я и квитанціи получить не могъ, и была за намы погонка, по чему принужденъ я было употребытъ къ изысканию того другие средствы и наидено, для чего тотъ капитанъ какъ за такову поступку такъ и за грубостъ ево речеи былъ арестованъ и водымъ при ескадронѣ безъ команды.

По какимъ обстоятелствамъ и что воиско мое было сперва такъ развратно и къ послушаныю несклоно, то принужденъ я былъ самъ оставатца всегда съ некоторимъ числомъ гусаръ на марше въ ариеръ гарде, и остающихъ изъ фрунта по путы гусаръ и по деревнямъ предь карчмамы пребыратъ и на томъ местѣ где кто вчемъ наиденъ, а по обстоятелствамъ и предь фрунтомъ штрафоватъ, и тѣмъ мало по мало пришлы въ чувство и сталы послушнѣе, и ужъ на концѣ было хорошо и спокоемъ, капитану же арестованому (звался Николаи Вуичичъ) чтобь его не счастливымъ не зделатъ отъдавалъ я каманду, но онъ не принялъ угрожая, что я его арестоватъ могъ, а каманду будто власты я не имѣю ему датъ, и что онъ признавая себѣ то за обыду еще по команде проситъ хочетъ, на чемъ предалъ я его волѣ и состоялъ въ марше даже до места волонтеромъ безъ саблы.

Приближившисъ уже я къ городу Сумамъ, гдѣ и того полка штабъ квартера бытъ назначена, куда послалъ я за два дни прежде отъ себя нарочнаго и далъ о томъ полковнику Ланову знатъ, почему онъ чрезъ тогожъ моего нарочнаго уведомляетъ меня, что находытца

проездомъ въ городѣ господинъ генералъ (тогда бывши аншефомъ) графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и что онъ желаетъ тѣ ес-скадроны видѣтъ, для чего графъ и отъ поездки своеи поудержался нарочно, и требуетъ Лановъ чтобь я на послѣ завтрешнѣи денъ могъ въ городь Сумы предь полъденъ поспѣтъ.

Я получа уже на последнѣмъ ночлеге таково отъ него извѣстие поспешилъ всио то исполнытъ чего онъ требуетъ, по утру рано въсталъ я до света приказалъ чтобь люде были въ подлежащемъ убранстве и чистоте и осмотревъ оныхъ помаршировалъ, я подъехавши подь городъ остановился, послалъ афицера къ полковнику да-ли о томъ ему знатъ.

Полковникъ Лановъ прислалъ ко мнѣ своего адютанта каторои повелъ меня съ тѣмы ескадронамы въ ту улыцу на коеи графъ квартерою стоялъ, и приближавшисъ къ тому месту приказалъ я ес-скадронамъ построитца позводно, обьнаживъ сабли и трубачи сталы игратъ маршъ.

Графъ услыша что я ужъ марширую вышолъ на улицу и ес-скадроны на марше видѣлъ, я и афицеры отъдалы сабляны честъ и прошлы, а мало погодя бѣжитъ адинъ унтеръ афицеръ пссланой отъ полковника обьявляетъ мнѣ что графъ меня спрашиваетъ, я велѣлъ ескадронамъ маршироватъ къ тому месту гдѣ имъ квартеры назна-чены, а самъ поехалъ къ графу, подалъ ему рапортъ, графъ принялъ меня оченъ ласково, говорилъ со мною долго спрашивалъ обо всѣмъ, и велѣлъ мнѣ у него остатца обедатъ, посадылъ меня возлѣ себя и почты во все время за столомъ со мною говорилъ.

Послѣ обеда графъ ни мало не бавылся поехалъ въ свою до-рогу, а потомъ пошолъ я съ полковникомъ на его квартеру и подаю ему о состоянiй въ тѣхъ ескадронахъ людеи и лошадеи рапортъ, и на томъ тотъ денъ прошолъ.

На завтрашны денъ поставылъ я ескадроны въ строй, пошолъ къ полковнику, подалъ ему именые о людяхъ и о лошадяхъ списки, а о вещахъ табелы; полковникъ тотъ денъ смотрелъ ескадроны при-ватно и толко одною поверхностию и оставылъ настоящи свои смотръ до утрешняго дня и велѣлъ ескадроны распустытъ по квартерамъ, а меня и всѣхъ офицеровъ просилъ къ себѣ.

Я идучи съ полковникомъ улыцею доложилъ ему, что у меня при команде естъ адинъ арестованои капитанъ и пресказалъ выну онаго

и что давалъ я ему по преждѣму командованые при екскадронѣ, но онъ не принялъ, для чего говорилъ я полковнику вы можете решитъ сие дѣло какъ изъволыте.

Лышъ толко что мы съ полковникомъ въ квартеру его пришлы, и онъ обь афицерахъ кои тутже съ намы пришлы зачалъ спрашивать, кто въ какомъ чинѣ состоитъ и я о томъ ему показываю, ално идетъ капитанъ Вуичичъ и скоро воидя въ покои подаетъ полковнику челобытную, полковникъ принялъ оную и видя его безъ сабли спрашиваетъ меня кто онъ таковъ, на что сказалъ я что онъ есть тотъ капитанъ о коемъ я вамъ давыча докладивалъ, котораго я на марше арестовалъ и потомъ давалъ ему каманду, но онъ не принялъ, и таперъ конечно подаетъ о томъ къ вамъ прозбу, и когда такъ говорилъ я полковнику что онъ прозбу заноситъ и не былъ доволѣнъ моимъ определеныемъ, какъ я намеренъ былъ оставытъ его выну безъ слѣдствия, то ужъ принужденъ таперъ я обьяснытъ вамъ въ присудствый его самаго и предь всѣмы здесъ предстоящимы афицерамы по какому резону онъ былъ арестованъ, и пресказалъ обстоятелно продерзостъ его дѣла.

О семъ какъ полковникъ Лановъ выслушалъ а также и поданную челобытную прочолъ, не говоря болѣе ничего, отъдаетъ капитану челобытную назадъ и говоритъ чтобь онъ шолъ куда хочетъ проситъ, а места ему въ полку нѣтъ и выслалъ его изъ горницы вонъ, а потомъ вскоре самымъ дѣломъ полковникъ его изъ полка выгналъ, и на томъ кончилосъ.

По утру полковникъ Лановъ смотрѣлъ екскадроны формою своего приема, первее делалъ прекличку людямь, а потомъ по списку всѣхъ лошадеи смотрѣлъ, а за тѣмъ и всю амуницию, карабыни, пистолеты, и саблы пребыралъ въ тонкостъ и смотрелъ всякую вешъ, гдѣ тотъ часъ приметылъ что всио то было изъ полка Сербскаго отьобрано что естъ похуже, а не такъ отъправлено какъ указомъ военои коллегій предьписано, къ чему въ доказателство повторилъ полковникъ людямъ прекличку и спрашивалъ всякаго человѣка какихъ ротъ оны въ полку Сербскомъ состоялы, также и о лошадяхъ спрашивалъ людеи въ какихъ ротахъ оны служилы, о чемъ и отъкрылосъ какъ оно въ самомъ дѣле было, и не бывъ тѣмъ доволѣнъ обьявылъ мнѣ, что онъ о томъ не оставитъ донестъ главнои команде.

Я по здаче сихъ екскадроновъ забавился въ городѣ Сумахъ еще два дни, а потомъ поехалъ въ свой Харковской полкъ, куда при-

бывши явился кь своему новому полковнику Николаю Ивановичу Чорбе, онъ былъ мнѣ оченъ знакомъ, а сверхъ того состоялъ я съ нымъ и вь свойстве по матеры супруги моей, она была ему родная племяница, почему и радь былъ много что я къ нему определенъ, и любылъ меня отьмено, а напротивъ того и я съ моей стороны и любылъ и почиталъ его какъ долгъ велитъ, и жилы мы оченъ согласно, для чего послалъ я, въ тое жь время моего въ Харковъ приезда, въ Новую Сербыю за моею супругою какъ она находылась тамо у матеры.

Мы оба я и мой полковникъ въззялысъ какъ сказатъ обеима рукамы за формированые того новаго нашего полка, людей же получилы мы на первой случай изъ бывшаго Белога Слободскаго гусарскаго полка, каторой былъ въ недавнѣ и предь концомъ Пруской войны уформырованъ изъ сихже казаковъ, толко на образецъ чтоби усмотретъ каковъ изъ ныхъ къ службе прокъ бытъ можетъ, для чего и определенъ былъ въ Москву на некоторое время для разъездовъ при палыціи, а потомъ раскасованъ и люде разъпределены къ симъ новимъ пяты полкамъ отъкудова кто былъ жителствомъ, каковыхъ вь нашъ полкъ прислано толко шестьдесятъ человѣкъ, а къ тому еще получилы мы по сходству положенаго по цветамъ мундира, изъ бывшаго Шватчекова жолтаго гусарскаго полка два ескадрона, къ коимъ уже вь добавокъ до полнаго шесты ескадронаго комплекта набыралы мы рекрутъ изъ казаковъ сей нашей Харковской провинціи, изъ людей такихъ, кои предь тѣмъ изъ давныхъ вековъ состоялы казакамы и почиталысъ ни кь чему не способнимы, а особливо въ бывшую Прускую войну, будучи сіи казаки при армыи по ихъ слабосты службою ни мало себя не оказалы, а также что оны предь тѣмъ своимы жилыщамы отъ стороны Кримской оставалысъ всегда въ опасносты, и самы собою никогда отъпора учинитъ не моглы, по какимъ обьстоятелствамъ и принуждено было, по окончаніи той Пруской войны, учинитъ имъ реформу и претворитъ ихъ регулярнимы гусарскимы полкамы, и определытъ къ нымъ въ полковые командиры, и въ другие штабь и оберъ афицерские чины некоторое число изъ армыи отъ кавалерискихъ полковъ, а болшую частъ таковыхъ изъ иностраныхъ выходцовъ Сербовъ какъ въ армыи состоящихъ, такъ і изъ поселеныхъ отъ Хорвата, Шевича и Прерадовича, людей такихъ, кои были практикованы и знаниемъ службы изъвестны. Названые же симъ петымъ слободскимъ новымъ гусарскимъ полкамъ положено именоватца по провинциямъ, то естъ Харковскои, Изюмской, Ахтырской, Сумской и Острогорской, надь коимы а также и въ разбырателстве

и маскированыи казаковъ і ихъ бывшаго прежде положеныя препоручено было главная иньепекция до настоящаго уформырования гвардіи маиору Евдокиму Алексеевичу Щербынину, къ симже новымъ полкамъ именымъ Ея Императорскаго Величества указомъ определены полковимы командирамы изъ стараго Венгерскаго въ Изюмской бригадиръ Максимъ Зоричъ, въ Актырской изъ бывшаго Молдавскаго бригадирже Іванъ Подгоричанинъ, въ Харковской изъ бывшаго Белога Слободскаго полковникомъ Николаи Чорба, въ Сумской изъ карабынерныхъ полковникомъ Петръ Лановъ, въ Острогорской изъ карабынеровже вь полковники Іосифъ Сатынъ, а ктому и другие штабьафицеры, по тому же именому указу, коихъ военная Коллегия по достоинствамъ и по известносты ихъ службы произведены и къ тѣмъ полкамъ помещены, и всѣ сіи полки состоялы во всѣмъ въ камандѣ, яко у главнаго иньспектора, у онаго гвардыи маиора Щербынина, каторой по прибытіи къ намъ квартеру свою взалъ по средине дистанціи сихъ провинциевъ въ городѣ Харкове.

Въ полкахъ содержание положено какъ лошады, такъ и всѣ вещи всио казеное по срокамъ, и афицерамъ жалованые окладное съ рационамы противъ карабынерныхъ полковъ, но съ прибавкою за денщиковъ денгамы по тридцати рублей.

И тако мы въ то первое лѣто съ нашею формирациею того новаго полка имѣлы дѣла доволно, покудова изъ провинціи досталы рекрутъ, также и лошадямъ казачимъ кои къ намъ вошлы въ полкъ преборъ учинилы и годныхъ удержалы на службу, а неспособныхъ продалы и денги отъдалы въ казну, а за тѣмъ что до комплекта еще было потребно, послалы покупатъ, амуницию жь послалы подрядытъ въ Москву, а сукна на постройку мундировъ принниматъ отъ камысаріата, на чемъ у насъ и лѣто прошло и осенъ настигла.

Между же тѣмъ какъ я выше говорилъ что Сумскаго полка полковникъ Ланинъ, не бывъ тѣмы прислаными изъ Сербскаго полка ескадронамы доволѣнъ, учинилъ прямо отъ себя въ военную колълегию представление съ прописаниемъ всего того какъ при приеме оныхъ оказалосъ, и просилъ дабы повелѣно было съ полковника Текелій всио то възискатъ и другие лошады и амуницию годное къ нему доставитъ, илы уплатытъ денгамы, почему отъ военой коллегіи къ нашему командиру гвардіи маиору Щербынину указомъ предьпысано чтобь изътребоватъ отъ меня рапортъ, яко я тѣ ескадроны препроводылъ и былъ въ томъ Сербскомъ полку примеръ маиоромъ,

слѣдователно я и долженъ знать подлинно тотъ, что тѣ ескадроны были изо всего полка вборные какь о томъ полковникъ Лановъ представляетъ, и для чего не такь исполнено как указомъ военъной колълегіи, велѣно чтобь отъделытъ седмой и восмой ескадроны со всѣмъ какъ оны есть, и по истребованыи отъ меня такова рапорта прислатъ въ Военную Коллегию онаго въ оригинале.

Такову задачу чтобь решитъ, какъ я о томъ оть Щербынин-ордеръ получилъ, было мнѣ великою тягостью, а болѣе тѣмъ ежелы по справедливосты написатъ какъ оно естъ, тобы конечне Текелій не обошелся безъ великаго отъвѣта и възискания и било бы весма честы его вредно, ибо полковникъ Лановъ точно право имѣлъ проситъ, и опять съ другой стороны разъсуждалъ я ежелы со всѣмъ на криво и не справедливо мнѣ въ своемъ рапортѣ написатъ и закритъ, а опосля дошло бы до слѣдствия, то бы тѣмъ можетъ бытъ подьвергъ я себя какому лыбо болше затрудненыю, для чего положился писатъ что называетця дѣло пополамъ и на удачу, чтобы Текелый учинитъ обьлехчение, а себя также охранытъ и написалъ рапортъ слѣдующаго содержания, между протчимъ:

Что на то время, какъ велѣно было указомъ военнои коллегіи объ отправленій изъ Сербскаго полка сихъ ескадроновъ, меня при полк небыло — а былъ въ отлучке, а какъ я въ полку прибылъ и узналъ что произведенъ подьполковникомъ въ сеи Харковскои полкъ, и застал что уже тѣ ескадроны были въ готовносты къ выступлению и дожидалысъ толко моего прибытия какъ велѣно было мнѣ ихъ препроводытъ, то и принялъ я оные не на моемъ отъчотѣ, яко мнѣ до внутреносты ихъ состояния дѣла не было, а ведалы о томъ ротные командиры, и я ихъ препроводылъ въ Сумскои полкъ такъ какъ оны были уже отъчислѣны, елыко же принадлежитъ до амуницій ежелы оная при сихъ ескадронахъ оказаласъ не годною то ужь и вся осталная въ полку Сербскомъ также не годна должна бытъ, ибо построикою дѣлалосъ всио въ одно время въ Москве, и нѣтъ болѣе адного года что на службе употреблялась, а лошады весъ комплектъ состоитъ изъ ново покупныхъ слѣдователно и тѣ осталние въ полку Сербскомъ не лучше сихъ, что при ескадронахъ въ Сумскои полкъ пришлы.

Однако я втомъ моемъ рапортѣ умолчалъ о томъ, что за покупкою лошадеи посланъ былъ отъ Сербекаго полка на Донъ капитанъ Папьяношъ и приведшіи оныхъ оказалысъ полковнику Текелій не годнимы и представылъ на капитана въ военную коллегию за что капи-

тѣмъ разжалованъ въ рядовые, а лошады осталисъ въ полку, изъ числа коихъ отъчислѣно потомъ болшая часть въ сіи гранадрованы.

А капитанъ пострадалъ напрасно, и единствено для того что онъ полковника Текелію по своему убожеству угостить не могъ, какъ тотъ, осмотръ лошадямъ чинѣлъ въ отдаленой деревны и полковникъ возвратился безъ обѣда назадь, то осердисъ онъ за то здѣлалъ сего капитане несчастливымъ и въ такомъ бедственномъ состояніи потомъ и жызнь свою кончилъ.

Таковъ сочинѣнои мною рапортъ подалъ я нашему камандиру гвардій майору Щербынину, которои и отъправлены въ военную коллегию въ оригинале, почему уже послужило Текелій счастие что осталосъ на томъ.

Чрезъ наступывшую зыму того нашего зачала формырованиемъ сего новаго полка успѣвалы мы постройкою мундировъ и обоза, и приуготовлялы съ поспешностью о всѣхъ что только до исправносты было потребно, а на весну зачалы по ескадроно въ своихъ еще квартерахъ обучать людеи деиствовать ружьемъ и приводить ихъ въ познанию ексерцицій, на чемъ продолжалы и устроивалы чрезъ всю зыму, то и на томъ и зыма прошла.

Маи месецъ первыхъ чиселъ 1765-го года показалъ намъ время веселое и трава землю покрыла, для чего получилы всѣ полки повелѣній чтобы выступытъ въ своихже провинциахъ въ лагеръ, и зачинать настоящимъ порядкомъ обучать полки военнои ексерцицій.

Полкъ нашъ Харковски въязлъ свои лагеръ при местечке Валкахъ, и лагеръ былъ учрежденъ великолѣпно со всякимы потребнимы выгодамы, гдѣ и продолжалы учение чрезъ целое лѣто коннои и пешои ексерцицій, и строи целымъ полкомъ дѣлады по три раза въ неделю, а между тѣмъ по ескадроно обучалысъ на чемъ продолжалы до самои осены, причемъ понеслы труда много покудова въ точное совершенство полкъ привестъ моглы, а потомъ понадѣявшисъ о себѣ что не постидно намъ будетъ показатъ полкъ главному камандиру господину Щербынину, онъ у насъ въ лагере еще не бывалъ и смотровъ полкамъ не дѣлалъ, а оставался въ упражненіи по протчимъ принадлежащимъ по его комысій дѣламъ въ своеи квартере въ городѣ Харковѣ, то согласилысъ мы съ полковникомъ нашимъ Николаемъ Ивановичемъ Чорбою, чтобъ отозватца къ Щербынину рапортомъ и доложить что Харковски полкъ естъ исправностью со-

лошады отъ скачки а особливо въ атаке весма были загрѣлыкъ и пѣна ихъ обьняла, то онъ какъ увидѣлъ сожалѣя обь ныхъ хатѣлъ было наше ученые сократытъ, повторая свое удоволствие и сънявъ съ головы свою шляпу кричитъ голосомъ, благодаритъ всему полку упомыная что наши труды принеслы отечеству вечную славу, я де что вижу не оставлю засвидѣтелствоватъ предь лицомъ Ея Імператорскаго Величества, и проситъ полковника чтобь полкъ въ лагеръ отъпустытъ.

Мы было отъ действия поостановилысъ покудова онъ слова свои говорилъ, и какъ опятъ потребовалъ что въ лагеръ въступытъ, то подьехалы мы я и полковникъ къ нему, сталы докладиватъ и проситъ чтобь зделалъ намъ то удоволствие и присудствовалбы до окончания всѣхъ еволуциевъ, и говоримъ ему что намъ нѣтъ ни какова въ томъ труда и чежелосты и что мы къ тому привыкли.

Онъ на то согласился и далъ намъ волю, и скакалъ возлѣ насъ, смотрѣлъ уже съ примечаныемъ и дождался коннаго строя конецъ, а по отъданыи ему целимъ полкомъ честь, то еще велѣлъ полковникъ учинитъ сидя на лошадяхъ изъ пыстолетъ беглои огонъ три раза а потомъ залбь.

Господинъ Щербынинъ думалъ что на томъ ужь всио кончилосъ, однако мы еще представилы ему дѣло что коннои полкъ болше дѣлатъ можетъ.

Полковникъ мои, послѣ учинѣнаго на лошадяхъ залба, далъ тотъ часъ съ праваго фланга сигналъ, почему въдругъ весъ полкъ чрезъ человѣка осадылъ, а по другому сигналу съ лошадеи сълѣзлы и оныхъ сомкнулы, и выступылъ весъ полкъ фрунтомъ подь ружые, сие учинѣно съ такою скоростыю что не болѣе времены прошло какъ минутъ шестъ, и зачалы пешую ексерцицию, первѣе приемы, а потомъ на местѣ, и въ приступе и въ отъступе съ палбою производылы ученые, что еще болше нашего инъшпектора въ удивление привело, яко онъ всегда въ пехотѣ служылъ и тверже пешеи строи разумѣлъ нежелъ коннои, то не толко что похвалылъ, но и предь пехотою лучшему полку намъ честъ приписивалъ, и бывъ всѣмъ тѣмъ даволѣнъ чрезъвычайно, пообождалъ еще не много, хотѣлъ видѣтъ какъ полкъ опятъ на лошадеи садитца будетъ, о чемъ также по сигналу учинѣно и стакою же скоростыю какъ и прежде и потомъ помаршировалъ полкъ въ лагеръ.

[illegible] ...ВИЧА.

[illegible] дворе
[illegible] остатца
[illegible] доволѣнъ,
[illegible] теплые
[illegible] чтобъ
[illegible] пищю
[illegible] ...
[illegible] выку-
[illegible] ...
[illegible] во-
[illegible] Ве-

[illegible] бу-
[illegible] ...

[illegible] ...

[illegible] утру
[illegible] ...
[illegible] поѣхать и
[illegible] ...
[illegible] весь
[illegible] ...
[illegible] палатке
[illegible] довольствие и
[illegible] ...

нѣ, и при томъ виговорилъ что онъ не оставытъ куда слѣдуетъ онесетъ о нашихъ трудахъ и хвалытъ будетъ то, что онъ видѣлъ и ашолъ сверхъ его чаянія.

И такимъ образомъ кончивши Щербынинъ свои инспекторскои мотръ оставылъ намъ на волю на сколко днеи еще мы въ лагере атымъ бытъ, а потомъ что полкъ вывестъ и распустытъ по квартеамъ, а самъ еще тотъ денъ погостылъ у насъ и поутру поехалъ въ Харковъ.

Мы после его отъезда оставалысъ въ лагере еще два дны, поудова полковникъ свои распоряженій зделалъ, а потомъ вывелы олкъ изъ лагера и распустилы ескадроны по квартерамъ.

Щербынинъ после нашего смотра, какъ ни отъ одного другаго олка о готовносты къ смотру рапорта еще не имѣлъ, то и потребоалъ того, и спрашиваетъ господъ полковыхъ командировъ: готоль оны съ своимы полкамы къ смотру, упомыная при томъ съ вековою похвалою что уже онъ Харковскои полкъ смотрѣлъ и нашолъ ъономъ всякую по должносты исправностъ, чего и въ другихъ олкахъ тоже ожидаетъ видѣтъ, и для того какъ осенѣе время уже аступыло, то и намеренъ всѣмъ протчимъ полкамъ инспекторски мотръ учинитъ и полки изъ лагереи по своимъ квартерамъ распуытъ.

Такова отъ иньспектора господина Щербынина требованіе не озымѣло отъ всѣхъ полковъ своего деиствия, а толко одынъ бригаиръ Зоричъ что отозвался о исправносты своего Изюмскаго полка и го онъ къ смотру готовымъ состоитъ, куда Щербынинъ и поехалъ нашолъ исправно, и былъ тѣмъ доволѣнъ.

После того вскоре отозвался полковникъ Лановъ, что и онъ ь своимъ Сумскимъ полкомъ также къ смотру готовымъ состоитъ.

Надобно же знатъ что отъ зачала формирацій сихъ Слободскихъ гсарскихъ полковъ, съ перва наиболшъ ехо и шло о Сумскомъ олку, даже такъ громко что еще и не выдавши, а ужъ изъвещалы го подобнаго ему нѣтъ, и потому и господинъ Щербынинъ воображалъ наитытъ какъ туда приедетъ великие горы и отъменые какие эйствыи.

Для чего онъ главны командыръ подьнялся туда ехатъ и предъ ьездомъ своимъ пишетъ ко мнѣ писмо уведомляя, что онъ для смотра

Сумскаго полка выехать намеренъ и желаетъ чтобь я при немъ былъ былъ, я получа сие писмо сочелъ себы за честъ, что інспекторъ і камандыръ для такова дѣла меня удостоиваетъ, поехалъ я къ нему въ Харковъ, онъ принялъ меня съ отменою ласкою и говоритъ, что де другъ мои я нарочно тебя беру съ собою для смотра Сумскаго полка, какъ оной у насъ первымъ слыветъ, а ты ужь какъ я видѣлъ знаешъ что естъ гусарской полкъ, то и можешъ примечатъ противо вашего полка вчемъ иногда какое несходство состоятъ будетъ, я господину Щербынину поблагодарилъ за ево такие обо мнѣ хорошие мысли, поехалы въ местѣ въ его каретѣ въ городъ Сумы куда и поспѣлы на третьы денъ.

Однако первѣе показаласъ ошибка, что полковникъ Лановъ на встречу ни каво не выслалъ и какъ конвоя такъ и подьемныхъ лошодеи не былю, я молчу и ничево о томъ не говорю, однакъ Щербынинъ самъ догадался и сталъ упомынатъ о встрече полка нашего какая ему учинена, я на сие отъвѣчалъ что можетъ бытъ полковникъ позасуетился дѣламы въ приуготовлениі, а напомнытъ никому другому не пришло въ голову, и тако мы въехалы въ городѣ Сумы и сталы на квартире у тамошнѣго помещика Захоржевскаго, куда въ скоре къ намъ и полковникъ Лановъ пришолъ и камандиру рапортѣ подалъ.

Ему приказываетъ Щербынинъ чтобь на послѣ завтре полкъ былъ въ готовносты къ смотру, полковникъ Лановъ побулъ у насъ часъ и другои и потомъ пошолъ на свою квартеру, а при отъходѣ видевшисъ на дворѣ при поставленомъ отъ него карауле со мною, говоритъ мымоходомъ мнѣ, я де желаю всѣхъ другихъ таперъ здѣсь видѣтъ, но тебя толко адного нѣтъ, осмехнувшисъ при томъ снялъ шляпу не могъ у себя съ головы пошоль протчъ, мнѣжъ сіи слова показалысъ дыко; не хатѣлъ я на томъ такъ оставитъ, поспешилъ за нымъ въ слѣдъ и кличу его чтобь остановился, что онъ и зделалъ, я говорю ему слушаи другъ мои, я то что ты выговорилъ не понымаю что значитъ, такъ пожалуи изъясны ты мнѣ въ какомъ разумѣ твоя слова были.

Онъ отъвѣчалъ приятнымъ видомъ и говоритъ что я сказалъ то правда, и ты толко адынъ послѣ завтре при смотре мнѣ чежелъ будешъ а о протчихъ я нимало не думаю, сие ужь я могъ разумѣтъ что онъ о смотре своего полка думаетъ и говорю что благодарю васъ дружески за ваши слова, но не сумнѣваюсъ чтобь чего ни естъ у

васъ могло въ критику войтытъ, какъ вы, говорю я ему, есте давнѣй кавалеристъ и дѣло коннаго полка вамъ изъвѣстно, онъ на то отъвѣчалъ я де ужь догываюсъ, что Щербынинъ не напрасно тебя сюда съ собою взялъ, съ тѣмъ мы разъсталысь и онъ пошолъ на свою квартеру.

На завтрашны денъ потребовалъ инъшпекторъ отъ полковника табелей о вещахъ и пресматривалъ уровнение сроковъ, а потомъ представлены были оставшие казачие вещи, кои приказалъ что не годылосъ къ употребленыю продатъ и зачестъ денги въ казну, и на томъ тотъ денъ прошолъ, а въ вечеру прибылъ къ намъ находящіися въ отъставке генералъ порутчикъ Софоновъ, какъ онъ отъ города Сумъ въ своихъ деревняхъ живетъ и слышалъ о приездѣ Щербынина, то и приехалъ для того чтобь съ нымъ видѣтца.

Утрешны денъ назначено бытъ полку Сумскому смотръ, а время было пасмурное и къ дожду склоно, но однако полкъ поставленъ въ строй, были на то время і изъ другихъ полковъ штабь афицеры и постороные люде посьежалысъ, чтобь видѣтъ полковую церемонию, а наиболѣе для того какъ я више говорилъ, что о семъ полку такое ехо разънеслосъ что нѣтъ подобнаго ему, и на томъ и господинъ Щербынинъ хотя еще ни чево не видѣлъ, однако того же мнѣния былъ и хотѣлъ жестоко чтобь на томъ и доказано было.

Полковникъ присилаетъ маиора и докладываетъ инъшпектору, что полкъ уже въ строй поставленъ, мы всѣ паехалы туда на полѣ, а Щербынинъ приказиваетъ мнѣ чтобь я при немъ не отлучне находылся, подьехавши мы къ полку съ праваго фланга и отъдана была честъ инъспектору целимъ полкомъ при трубахъ и литаврахъ, полковникъ подьскочилъ, подаетъ рапортъ и проводитъ чрезъ шеренги иньшпектора, я тутъ первую ошибку видѣлъ что шеренги криво стоялы и фигура полка несколко показаласъ дугою, однако на томъ осталосъ, и приказалъ инъшпекторъ чтобь полкъ начиналъ ексерцицию.

Полковникъ командуетъ задние приступы и пашолъ позводно, но съ перваго шага пашли ужъ не такъ а были на поворотахъ въ заездѣ ошибки, люде не ровно заежалы и вытеснялысъ изъ шеренегъ, иние заежалы скоро, а другие тихо и тѣмъ тѣрялы свою дистанцию, и далѣ то такъ происходыло и въ другихъ маршахъ разнообразно чѣмъ много выдъ строя портило.

Я примѣтылъ что инъшпекторъ несколко не доволѣнъ и говоритъ тихонка мнѣ, нѣтъ другъ мой я не то вижу, хотъ ты и молчишъ и мнѣ ни чего не говоришъ, какъ у васъ что было; тоже самое время какъ маршы и движеній полкъ зачалъ дѣлать, зачалъ по немногу дождикъ итытъ, и правда что люде и афицеры обымокли всѣ, то и отъвечалъ я на слова Щербынину прыпысывая не способностъ ексерцицій мокрому времены, а впротчемъ говорю и ему полкъ дѣлаетъ хорошо, послѣ сихъ маршовъ пришло дѣло атаку производитъ и пустился весъ полкъ целымъ фрунтомъ въперюдъ скакать, тутъ ужь болшъ всего дурно было что люде съ лошадмы падалы и вытеснивалысь изъ шеренегъ позады кучамы и здѣлалисъ разстройка фрунта, а при томъ надо было и тѣхъ людей подымать кои съ лошадмы попадалы, и дѣло пошло совсемъ конфузно, Щербынинъ не бывъ тѣмъ доволѣнъ и не дождавшисъ конца и ниже слова не говоря, поворотылъ свою лошадь и я за нымъ оставывъ и полкъ и всѣхъ протчихъ зрителѣй тамъ на полю, поехалы въ городъ на свою квартеру.

Тотъ денъ былъ столъ у полковника, обедалы всѣ за одным столомъ и собраные было болшое, однако Щербынинъ мало елъ и говорилъ а болшъ молчалъ, и полковнику ни худое ни доброе слово не сказалъ и на томъ на то время осталосъ, а дождъ весъ тотъ денъ и всю ночъ шолъ, почему и не можно было намъ бытъ въ лагере и амуницию смотретъ.

Къ вечеру проситъ генералъ порутчикъ Софоновъ Щербынина, какъ онъ ему давно знакомъ, чтобь къ нему поехалъ въ госты, сей господинъ узналъ и меня а и я ево, ибо въ то время какъ я при дворе былъ, то и онъ тогда при дворе же былъ камеръхеромъ, и проситъ меня и всѣхъ протчихъ къ себѣ въ деревню.

Щербынинъ не хотѣлъ было на то согласитца, какъ домъ Софонова верстъ за пятъдесятъ въ сторону состоитъ, то по далносты а при томъ что здѣлаласъ грязъ и худа дорога, а болѣе всего ексқузовался Щербынинъ что спешитъ и въ другихъ еще полкахъ смотра чинитъ, однако генералъ Софоновъ не оставилъ своею просбою и убѣдылъ Щербынина тѣмъ, что привелъ къ нему на дворъ болѣе дватцаты своихъ лошадей и кареты, и проситъ неотъступно всѣхъ чтобь къ нему поехатъ, почему на послѣдокъ и согласился Щербынинъ и поехалы.

Мы того не зналы что генералъ Софоновъ еще другихъ на половыни дороге емчицкихъ лошадей поставылъ, а думалы что толко

мы аднѣмы лошадмы ехатъ будемъ и что разве къ вечеру туда къ му на домъ поспѣемъ, однако лыщъ изъ города выехалы то езда ша такъ поспешна была, что на половыну дороги съ не болшимъ два часа поспѣлы, и выдимъ изъ далы что при дароге палатки збытие стоятъ и лошадеи много, намъ то показалась что какая нидь команда маршируетъ и тамо былы лагеремъ на томъ чистомъ лю, а Софоновъ сидитъ съ намы въ каретѣ и слишитъ что Щернинъ и я говоримъ и разъсуждаемъ о томъ лагере, но не говоритъ чего, покудова карета наша не подьехала къ той при дороге стояей палатке и тамъ остановилысъ.

Мы то еще не знаемъ что сие значитъ, а какъ изъ палатки шли лакеи одѣтие порядочно въ ливреи и подошлы къ кареты и ерци сталы отъворятъ. тогда Сафоновъ проговорилъ: мылости промъ на припуты отъпочинутъ и закуситъ хлебь и солъ, покудова ежихъ лошадеи въ кареты подьпрягутъ.

Намъ всѣмъ показалосъ такая въстреча какбы нѣкакое во снѣ чтание, что нечаяно въ полю и на чистой степѣ нашлы такое ранство, и столъ подь палаткою великолѣпно съ сребреною понюю поставленъ, на коемъ блюдь десятокъ холоднаго жареного и ванаго приуготовлено да водокъ разныхъ, кофи и чаю, всио то подьсено, и кто чего хатѣлъ за то и принимался, между тѣмъ сказано ужъ на дворе кареты готовы и дожидаютца чтобь ехатъ.

Мы всѣ селы и поехалы еще жесточее нежелъ что съ утра сего, поспѣлы въ деревню къ Софонову въ первомъ во исходѣ часе, и талы ужь настоящи обедь готовъ и столъ надькрытъ, на коемъ кже посуда вся была сребро.

Обѣдъ приуготовленъ былъ со вкусомъ и порядочно, для чего къ пораструсилысъ ездою, то и не могъ никто изъ насъ пожалотца что апетыта не имѣлъ.

Послѣ обеда селы забовлятца въ карты, а потомъ пришла мука и певчие, хазяинъ нашъ былъ вдовецъ, имѣлъ две дочеры децы еще въ молодыхъ лѣтахъ, при коихъ была молодая француженка спитательницею, а при томъ и управительницею въ доме, мы изъ тей сталы съ нимы танцовать и проводытъ вечеръ весело, другие сидѣлы и смотрѣлы.

Я какъ болшъ охоту имѣлъ кь танцамъ нежелъ къ игрѣ карзной, то и забавлялся въ танцованіи, при чемъ вижу что Щербы-

нинъ сидя въ сторонѣ съ хозяиномъ и съ другими гостьмы и нѣчто съ полковникомъ Лановымъ какъ и онъ тутъ съ намы приехалъ говоритъ, да словамы противо него горячитца и громко кричитъ, чего не могъ я дослишитца о чемъ оны говорятъ, ибо шумъ отъ музики то заглушалъ, для чего сократылъ я танецъ и подошолъ туда къ нымъ, чтобь послушатъ о чемъ оны спорятъ и какой разговоръ имѣютъ, и узналъ что Щербынинъ Ланова полкомъ будучи на смотре не доволѣнъ, какъ опосля мнѣ изъ чего у ныхъ тотъ разговоръ зачался пресказано, а то было причиною, какъ балъ отъкрылся и началъ я танцоватъ, то хазяинъ господинъ Софоновъ яко человѣкъ бывши долго при дворе и всѣ чины тамо происходылъ отъ пажа даже до камеръхера, и вотьставку пашолъ генѣраломъ порутчикомъ зная меня еще прежде, то и тогда въ ево доме какъ я сталъ танцоватъ смотрѣлъ онъ на меня и говорилъ съ Щербынинимъ, похвалил что хорошо я танцую и пресказывалъ какъ давно онъ меня знаетъ, и что въ бытностъ мою при дворе всѣ господа меня любыли, на тѣжъ слова отъвечалъ Щербынинъ также меня похваляя и говорилъ, что де сей человѣкъ естъ всякой похвалы достоинъ, онде своимъ поведениемъ заставляетъ всякаго человѣка себя любытъ и не доволю того какъ вы говорите, что онъ хорошо танцуетъ, но и всѣ дѣла ево и по службе харошие, когдабь вы говорилъ Щербынинъ къ Софонову видѣлы какъ похвално онъ съ своимъ полковникомъ Чорбою изъ Харковской полкъ устроилы и привелы во всемъ въ совершенство, катораго я въ недавнѣ смотрѣлъ и видѣлъ дѣло, каково желалбы я также видѣтъ и въ другихъ полкахъ.

На тѣ Щербынина слова въступылъ полковникъ Лановъ своимъ отъвѣтомъ и выговорилъ, что де думаю я полки должны бытъ всѣ ровны своимъ знаныемъ, но я говорилъ Лановъ не счастлывъ что вы при смотрѣ моего полка ни какой намъ благодарносты не предписалы.

На сіи Ланова слова Щербынинъ воспламенился и сталъ сныыъ громко говоритъ и кричатъ какъ я више упомянулъ, и какъ на тотъ часъ къ нымъ подошолъ засталъ ужъ Щербынина осердившагося и говоритъ Ланову сіи слова.

Вотъ видишъ я тебѣ предь людмы таперъ говорю, что ты до сего времены отъ зачала формырованыя своего полка толко что хвастатъ умѣлъ, и я надѣялся что ты чего нибудъ отъменое покажешъ, аднакъ при смотре ни чего я у тебя харошого не нашолъ, тебѣ де

це надобно итыть, указывая рукою Щербынинъ на меня, вотъ къ имъ въ Харковской полкъ учитца, и тамъ ты увидишъ что естъ вершенно знающи полкъ, и порядокъ во всѣмъ томъ чего служба ебуетъ, коимъ я, продолжалъ Щербынинъ, припысиваю всякую естъ и похвалу и не оставлю и далѣ куда надлежытъ о томъ несть.

При сихъ словахъ такъ горячо Щербынинъ противъ полковника анова поступылъ, что едва хазяинъ и мы предьстоящие унятъ моглы, ановъ, будучи жестоко такимъ выговоромъ тронутъ и предь посто-нниы людмы публично да еще и въ чужемъ домѣ, сочелъ себѣ за ыду и сказалъ ежелы я заслужилъ съ моимъ полкомъ такой выго-оръ, то вы яко инъспекторъ моглы мнѣ на томъ местѣ, гдѣ полкъ во рунтѣ стоялъ, то говорить а не въ кампаніи и на бале, и то вы-воривъ Лановъ отъвернулся пашолъ изъ компаніи протчъ.

Мы сочлы что онъ толко изъ досады пошолъ на квартеру, кою ъ имѣлъ поблизосты на другомъ дворе, и потомъ какъ ужынъ на олъ поставилы послалъ хазяинъ за нымъ попросить къ столу, но къ его не засталы, онъ тотже часъ скоро на квартеру пришолъ, нялъ емщика въ кибытке уехалъ, но не въ полкъ а въ городь Глу-въ къ господину генералу тогда бывшему аншефомъ графу Петру ександровичу Румянцову, яко Лановъ прежде у Румянцова былъ нералсъ-адютантомъ, и видно что для того туда поехалъ чтобь о учившимся ему пресказатъ.

Хазяинъ нашъ будучи много нашимъ къ нему приездомъ да-лѣнъ і что упросилъ Щербынина и всѣхъ насъ, чтобь еще дня а у него остатца и погостить, на чемъ едва могъ нашъ хазяинъ шаго Щербынина съклоныть, понеже онъ еще хатѣлъ ехатъ и угие полки смотрѣтъ, и тако отъклонясъ мы нашему доброму ха-ину паехалы, однако Щербынинъ сколко ни спешилъ чтобь еще талные два Ахтырской и Острогорской полки осмотретъ толко не ъ предьупредытъ, ибо наступила осенъ и дожды непрестано вся-й денъ шлы для чего и велѣлъ лагиры распустыть, а мы поехалы мсто въ Харковъ, куда и я ево проводылъ а потомъ вернулся къ оему полку и на квартеру.

Воображеные мое было, что ужъ я въ семъ полку утвердылся и обы въ наступывшую осенъ и чрезъ зыму до будущаго лѣта остатца слѣ трудовъ нашихъ съ покоемъ, и старался толко съ моимъ пол-

ковникомъ какбы заранѣе искупытъ фуражъ и отъправлятъ афицеровъ за покупкою на ремонтъ новыхъ лошадей, что всю и зделано и ужъ зыма настигла, но человѣкъ не ведущи о будущемъ, и что съ нимъ еще послѣдоватъ можетъ и долженъ на всякъ часъ ожыдатъ какихъ нибудъ съ собою пременъ худыхъ илы добрыхъ, для чего и не на-добно никогда на свои положеныи надѣятца, а оставлятъ должно частъ мыслей своихъ на случай судбыни и ожидатъ что еще она человеку съ собою принесетъ.

Тойже зимы будучи на квартерахъ слышимь мы, что будетъ отъправлятца адынъ корпусъ нашего войска въ походь за границу въ Полскую украину, съ коимъ и гусарской адынъ изъ нашихъ Слободскихъ полковъ назначенъ бытъ, но настояще о семь еще узнатъ было не можно, и указа отъ Военной Коллегіи не было, и потому и оставалосъ такь даже до предь весну, почему и думалы мы что изъ того ничего не будетъ, аднакъ вскоре самымъ дѣломь сие отъкрилосъ, и велѣно 1767 года въ февралѣ месеце, чтобь какъ наискорея полкъ Ахтырской съ генераломъ маиоромъ Подгоричаниномъ выступылъ, и слѣдовалбы въ Киевъ гдѣ о далшемъ маршированіи дано ему будетъ отъ генерала губернатора повелѣние.

Подьгоричанинъ хотя и произведенъ генераломъ маіоромъ, но съчиталося еще того Ахтырскаго полка полковымъ камандиромъ, а подьполковникъ у него что былъ изъ казачыхъ полковниковъ Беф-ски, тотъ по старосты лѣтъ своихъ възялъ отъставку, почему въ Ахтырскомъ полку состояла того чина ваканция.

Для чего при семъ виступленыи Подьгоричанынъ отъозвался своимъ сообщеныемъ пропысавъ, что онъ яко генералъ маиоръ конечно будетъ имѣтъ еще какие полки илы деташаментъ въ своей каманде, почему и не достанетъ ему времены по внутреносты полка управлятъ, и должно бытъ другому старшему по нѣмъ, на кого бы онъ правленыемъ полка положитца могъ, и проситъ обопределеныи къ нему изъ нашихъ слободскихъ гусарскихъ полковъ подьполковника, и притомъ сообщеніи приложылъ Подгоричанынъ къ Щербынину и писмо партикулярное, о чемъ я опосля узналъ, и проситъ имено чтобь меня къ нему определытъ.

Я какъ такой командираціи не сподѣвался то и не было у меня къ походу подьлежащаго всего еквипажа въ готовносты, а въдругъ какъ я получилъ отъ Щербынина ордеръ коимъ пропысываетъ, что я

въ полкахъ Слободскихъ состою старшимъ подьподковникомъ, то и припадаетъ по старшинству на меня итытъ съ Ахтырскимъ полкомъ въ паходъ, яко въ оновъ полку подьполковника нѣтъ, и чтобь я какь аяскоряе выступылъ и явылся бы у генерала маиора Подьгоричанина, о чемъ за известые а также чтобь меня изъ Харковскаго олка выключить и отъправить, посланъ и къ моему полковнику отъ Щербынина ордеръ, а на другой денъ уже и Подьгоричаньнъ присылаетъ ко мнѣ съ нарочнымъ свое повелѣние, изъвещая о присланомъ къ нему отъ Щербынина сообщеныи что я отъкомандированъ въ Ахтырской полкъ, и буде по короткосты времены не успѣю тоть часъ выступытъ то чтобы вслѣдъ за нымъ доганялъ полкъ по тракту Киевскомъ, яко онъ со всѣмъ чрезъ три дня въ повеленой паходь выступаетъ.

Такая нечаяно со мною премена что здѣлалась принесло мнѣ великую печалъ, не для того что въ паходь итытъ, а болѣе тѣмъ что покидатъ свой полкъ, въ коемъ я уже привикъ и много труда понесъ а переходытъ въ чужой безъ ни какова авантажа и понестъ убытокъ въ исправленіи мундира по цвету и форме того полка, а ктому и своего полковника оставитъ и растатца съ нымь сь коимь имѣлъ любовъ велику, и были всегда во всѣмъ согласны, для чего чтобь съ нымъ выдѣтца и преговоритъ поехалъ я изъ своей квартеры къ нему, і засталъ его весма печалнаго, сожалѣя о нашей разлуке, даже заплакалъ какь меня увидѣлъ, я также будучи тѣмъ тронутъ не могъ отъ слезъ воздержатца, упомыная адынъ другому какь согласны были, и харошо всегда между собою обьходилысъ а довелось таперь разъставатца, и говоримъ что естли бы такой паходь намь обеимъ съ полкомъ нашимъ случился, тобы съ радостыю шлы и ни мало бы ни чемъ не скорбыли, напослѣдокъ когда уже пременытъ нѣчимъ то надобно было повыноватца повелѣныю.

Простилысъ мы адынъ сь другимъ по дружески, приказалъ онъ состоящему у меня въ камандѣ капытану принять ескадронъ, что совершивши поспешалъ я поскоряе исправитца сколко можно было на скорую руку успѣтъ, і выехалъ февраля месеца дватцать шестаго дня.

Я какь обо всѣмъ сего моего сочинения обещаль самую истину говоритъ, то и хачу о свойстве и поведеніи полковника Николая Івановича Чорбы здесъ упомянуть, что онъ во первыхъ былъ во всемъ праведливъ и любылъ правду, и былъ совершеной человѣкь и воинъ

великъ и знающь своего дѣла, но толко адно разве въ порокъ сказать что натурою чрезьвычайно былъ жестокъ, и то ему несколко вредыло, а впротчемъ не найдетца никто чтобь чего худаго обь нѣмъ могъ сказатъ.

По выездѣ моемъ изъ Харковскаго полка надобно мнѣ было заехать въ городь Кременчукъ, и преправитъ чрезъ Днѣпрь супругу свою и осталной еквипажь кь теще моей въ Новую Сербыю, а оттоль предъпринялъ я путь свою къ Киеву, и поспешалъ чтобь догнать Ахтырской полкъ коего уже засталъ я въ Киевѣ марта девятога числа.

Явылся я того же дня къ генералу маиору Подьгоричанину онъ меня увидѣвши весма радь былъ, и сказываеть что чрезь дня два будемъ маршироватъ за граныцу въ Полшу, и что соединимся сь отьраженымъ корпусомь; которой также маршируетъ и уже чрезъ граныцу выше Киева въ Полшу въступылъ, но что сия експедиция значитъ о томь яко дѣло секретное онъ Подьгоричанынъ еще ничего не зналъ.

На завтрешны денъ поехалы мы оба въ крепостъ къ генералу губернатору Воейкову, а сего господина въ первое тогда имѣлъ честъ видѣтъ и здѣлатца ему знакомымъ, онъ принялъ меня ласкаво и приятно, разговариваль со мною по немецки, и нашолъ я ево весма и на всѣ языки учонаго человѣка, но несчастие его (къ чему въвеликь долженъ бытъ подьверженъ) что онъ былъ старъ лѣтамы, то потому и не вьмодѣ состоялъ какь обыкновено о старыхъ людяхъ разъсуждаютъ и скоро человѣкъ зайдетъ лѣтъ за пятьдесятъ тотъ уже и не годитца, и критикуютъ малодые ветреныи и что не такъ старикь выступылъ, не такъ одѣтъ, не то говоритъ, и тому подобное, такие думки о старыхъ людяхъ въселылисъ по несчастыю во многихъ господахъ, а не воображаютъ въ себѣ что и самы такимы же будутъ, и не хотятъ помыслитъ что старому человѣку а паче заслуженному какь по лѣтамъ такъ и по службе, его должно и надлежитъ честь и почтеные воздаватъ, о чемъ скажу я что старой и практикованой воинъ заслуживаетъ всегда похвалу своего имены, оть коего всякой молодой въступывшеи въ службу рекрутъ яко еще слѣпой не ведущій ничево долженъ отъ добраго стараго салдата принымать науку и повыноватца его наставленыю, а не полагатца на книжку носимую въ карманѣ какь я таковыхъ много видѣлъ, что изъ книжки воевалы считая что ужь всио знаютъ, и командирамы въдругъ бытъ

гятъ, а въ самомъ дѣле и отъводнаго караула поставытъ не умѣ-
ь и тѣмъ попадалысъ въ великие ошибки, кои прежде ни чемъ
шъ не практиковалы, а старалысъ болше отъ своего детскаго воз-
ста какбы за ранѣе успѣватъ узнатъ картиожную игру и бытъ
особенъ къ другимъ забавамъ, и по привичке критиковатъ стари-
ъ, какъ и того почтеного господина Воейкова, о коемъ я и речъ
о повелъ. Мнѣ тогда какь я выше сказаль приехавши къ нему
ержанъ я былъ при столе обедатъ, довелосъ слышитъ отъ сидя-
го возлѣ меня нѣкоего молодого знакомова мнѣ человѣка каторой
лъ ужь въ чинѣ подьполковничѣмъ, критикуя за столомъ разго-
ъ Воейкова, шептнулъ мнѣ на ухо назвавъ такова достойнаго
подына неприлычнимъ честы ево именемъ, каковы слова меня
ма удивыли, на то отъвечалъ я ему слушаи какбы ты мнѣ не-
комъ и не былбы другъ, то бы я тебя за такие слова разьругалъ,
ь ты говорю я ему можешъ и помыслитъ о томъ и такъ поно-
ъ старостъ сего господына; онъ потомъ устидился екскузуя себя
шутѣль.

Послѣ обеда въставши и за стола вошлы мы всѣ въ другие
кои, поседѣлы тамо еще не много, потомь приказаль генералъ-гу-
наторъ призватъ своего секретаря, каторому какь пришоль нѣчто
сторонѣ генералъ приказалъ, онъ пашолъ и чрезъ полъчаса идетъ
адь и несетъ писмы въ рукахъ, кои генералъ-губернаторъ взявши
шоль съным въ свой кабынетъ, куда потомъ и генерала Подьго-
чанына позвалы, и небавывшисъ болѣе какь четвертъ часа вы-
лъ Подьгоричанынъ держа вруке свернутую бумагу, а то было по
рету ордеръ, что ему генералъ губернаторъ далъ съ наставле-
емъ куда маршироватъ, какь я опосля оной читаль чтобь слѣдо-
ъ Полскою украиною до местечка Житомыра, и тамъ соединитца
генераломъ маиоромъ Петромъ Кречетниковымъ, каторой и корпу-
ымъ камандиромъ естъ; въ слѣдже за Подьгоричаныномъ вышелъ
ь кабынета и генералъ губернаторъ, у коего мы отьклонясъ по-
лы на Подолѣ на квартеру.

Въ вечеру того жь дня, обьявлень полку маршъ, почему зав-
шны денъ выступыли и на марше чрезъ крепостъ смотрелъ гене-
ъ губернаторъ полкъ, и съ тѣмъ тотже денъ успѣлы выехатъ за
ныцу въ Полшу, гдѣ ночлегъ въ первомъ селѣ взялы и раздахъ
ъ учинилы, 1767 года.

великъ и знающь своего дѣла, но толко адно разве въ порокъ сказать что натурою чрезьвычайно былъ жестокъ, и то ему несколко вредыло, а вьпротчемъ не найдетца никто чтобь чего худаго обь нѣмъ могъ сказатъ.

По выездѣ моемъ изъ Харковскаго полка надобно мнѣ было заехать въ городь Кременчукъ, и преправитъ чрезъ Днѣпрь супругу свою и осталной еквипажь кь теще моей въ Новую Сербыю, а отътель предъпринялъ я путь свою къ Киеву, и поспешалъ чтобь догнать Ахтырской полкъ коего уже засталъ я въ Киевѣ марта девятога числа.

Явылся я того же дня къ генералу маиору Подьгоричанину онъ меня увидѣвши весма радь былъ, и сказываеть что чрезь дня два будемъ маршироватъ за граныцу въ Полшу, и что соединимся сь отьряженымъ корпусомь; которой также маршируетъ и уже чрезъ граныцу выше Киева въ Полшу въступылъ, но что сия експедиция значитъ о томь яко дѣло секретное онъ Подьгоричанынъ еще ничего не зналъ.

На завтрешны денъ поехалы мы оба въ крепостъ къ генералу губернатору Воейкову, а сего господина въ первое тогда имѣлъ честъ видѣтъ и здѣлатца ему знакомымъ, онъ принялъ меня ласкаво и приятно, разговаривалъ со мною по немецки, и нашолъ я ево весма и на всѣ языки учонаго человѣка, но несчастие его (къ чему въсякъ долженъ бытъ подьверженъ) что онъ былъ старъ лѣтамы, то потому и не вьмодѣ состоялъ какь обыкновено о старыхъ людяхъ разъсуждаютъ и скоро человѣкъ зайдетъ лѣтъ за пятьдесятъ тотъ уже и не годитца, и критикуютъ малодые ветреныи и что не такъ старикъ выступылъ, не такъ одѣтъ, не то говоритъ, и тому подобное, такие думки о старыхъ людяхъ въселылисъ по несчастыю во многихъ господахъ, а не воображаютъ въ себѣ что и самы такимы же будутъ, и не хотятъ помыслитъ что старому человѣку а паче заслуженному какь по лѣтамъ такъ и по службе, его должно и надлежитъ честь и почтеные воздаватъ, о чемъ скажу я что старой и практикованой воинъ заслуживаетъ всегда похвалу своего имены, отъ коего военой молодой въступывшеи въ службу рекрутъ яко еще слѣпой не веду-щій ничево долженъ отъ добраго стараго салдата прынымать науку и повыноватца его наставленыю, а не полагатца на книжку но[illegible] мую въ карманѣ какь я таковыхъ много в[illegible] что [illegible] воевалы считая что ужь всио знаютъ, и ко[illegible] маневры [illegible]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Съколь великую тягость трудовъ въ жизны своеи человѣкъ перенесть можетъ, и какъ ничто не возпрепятствуетъ въ томъ что кому бытъ назначено.

Я въ первыхъ двухъ частяхъ сеи моеи повѣсты изъяснылъ о всѣхъ своихъ приключениях, что и гдѣ со мною прежде въстречалось—и счастиемъ и несчастиемъ происходыло и казалосбы того бытъ доволно, но нѣтъ, а надобно еще далѣ продолжатъ и сноситъ определеное, какъ сие не во власты человѣка состоитъ, то и долженъ всякъ итытъ въ ту путъ куда судбына ведетъ.

Почиталъ я всегда за наипервѣишій себѣ долгъ, чтобы службою во всякихъ случаяхъ оказыватъ своему Государю истинную ревность и усердие и потому пашолъ въ походъ, о коемъ въ сея часты изъяснено будетъ, употребляемъ отъ главныхъ камандировъ въ важныхъ и секретныхъ делахъ.

Сеи паходъ по дѣламъ предьприятия о устроистве Полши отъкрило съперва великие труда преходамы и форсированимы маршамы съ адного края Полши на другои, и въскоре потомъ здѣлаласъ конфедерация, каковыхъ съ зачала было две, первая въползу речи посполитои Полскои коя была съ согласиемъ стороны Россійскои, а другая потомъ въскоре въ слѣдующеи 1768 годъ учинилась на Украинѣ противная названая возмутителная Барская и предалысъ туркамъ подь защиту, чрезъ что возгорѣласъ и вся Полша и были противны. что и было притчиною несчастливому къ Полше кровопролытию, а къ тому подалы оны самы поводь къ собраныю на Украинѣ полскои великому скопыщу Гаидамаковъ, кои свирепствовалы и резалы въ жилыщахъ и на распутияхъ

безъ разбора жидовъ и поляковъ, и ворвалысъ было въ границы татарские къ местечку Балты, изъ чего на послѣдокъ родиласъ преужасная съ поляками и съ турками съ Россиею воина и продолжаласъ несколко лѣтъ, какъ о томъ въ своемъ местѣ показано будетъ.

Я какъ отъ зачала моеи юносты по выходѣ изъ училища всегда имылъ склонностъ вестъ о всякихъ приключившихся достопамятныхъ дѣлахъ кои случилысъ мнѣ знатъ запысы, а при томъ и о своеи жизны каково было лѣтъ моихъ течение пысалъ, и служа первѣе въ своемъ настоящемъ отечестве въ Австріи, а потомъ вишедь въ Россию, о чемъ въ первыхъ двухъ сеи моеи повѣсты частяхъ естъ подробно обьяснено, такъ по тому обычаю не преставалъ я вестъ изъ года въ годъ всему приключившемуся деные запыси и дождался по благосты вышняго и до сего времены, что и сочинило у меня таковыхъ запысокъ тетрады болшие, кои чтобы неосталысъ безъгласнимы положылъ здѣлатъ изо всѣго того своеручное историческимъ порядкомъ опысание, каторое современемъ можетъ бытъ окажетца каму читатъ въ удоволствие, для чего таперъ по сеи части въ опысаныи пущусъ какъ въ широкомъ море плаваниемъ, и хачу пояснытъ какъ о себѣ самомъ такъ и о тои воинѣ о коеи я выше упомянулъ, при коеи я самъ имѣлъ честъ присудствоватъ и по должносты своеи деиствоватъ, какова была съ великимы предъприятиями началомъ и продолженыемъ съ достопамятнимы произшедствиямы, какъ въ разъсужденіи ее деиствыя такъ и о притчине сеи весма пространо будетъ видно, о чемъ изъ приложенныхъ здѣсъ въключеныхъ манифестовъ и другихъ пысемъ показываетъ.

Два наисилнѣишііи и могущественые государства объявилы адинъ другому воину, то-есть нарушеныемъ мира Порта отоманская къ Россіи; и отъкрилы деиствующій театръ на сухе и на моряхъ къ зрѣнию целому свѣту.

Я не ошибусъ какъ сказатъ что подобнаго дѣиствия отъ времены Александра Великаго еще нигдѣ не было, какую Россия произвела и сама адна доказала: моря-окиянъ вели-

ки и Среди-земное, также Африка, Азия, и берега Египетские суть тому свидителы.

Европа не может сказат чтоб чѣм лыбо пособствовала, а оставаласъ въ гнѣздахъ своихъ съ ненавыстию косимъ толко зрѣниемъ и была болшъ желаниемъ доброхотна къ сторонѣ противнои.

Алжиръ и Тунисъ ужаснулысъ видѣвши приплившеи въ округъ Европы и отирающійся о ихъ берега огнедишущи флотъ россійскаго флага, съ водруженымъ мечемъ въ страну моря Средиземнаго, и не скажетли еще болшъ Арципелагъ и Морея і истребленые и съсоженые целога флота Турецкаго подь Чесмою, не сутлы то героичества первѣишие образцемъ целому свѣту, кои увенчалы Россію лаврамы сияющимы.

Мы увидимъ еще долѣ каково деиствие было и на сухе въ Молдавыи, Безарабый, и въ Валахій и по обеимъ сторонамъ Дуная, а также въ Криму, на Кубаны, и въ Грузій, какова ужасная обьширность тѣхъ земелъ обьнята была воискамы россійскимы и успѣвалы вездѣ победоносным оружием врага своего поражатъ, и сколко о важныхъ и многочисленѣхъ деиствыяхъ упомынатъ буду столко же еще невсостояній о всѣхъ въ подробностъ изъяснытъ, яко таковыхъ происходило неисчетно.

Я не хочу ничего увеличиватъ илы толко адну свою сторону хвалытъ а противную хулытъ, а буду болѣе справедливостъ наблюдатъ и говоритъ какъ самымъ дѣломъ было и сколко мнѣ изъвѣстно.

О туркахъ никто сказатъ не можетъ, чтобъ оны не были храбрие люде, но что не имѣютъ между собою подлежащаго устроиства, послушания, и регулы, а дисциплины нимало, и служутъ воинѣ инои изъ точнои храбросты а другие за добычию или изъ другова какова интереса, и остаетца на службе въ армыи по то время покудова ему не наскучитъ илы вчемъ лыбо неудача ему будетъ, и потому ищетъ случаи какбы удалытца і итытъ назадь, а командующихъ надь собою

также практикованыхъ и знающихъ людеи мало имѣютъ, и тѣмъ во многихъ случаяхъ возчувствовалы свои уроны (а при всѣмъ томъ еще и гордость пребезъмѣрная).

Въ семъ походѣ отъ зачала и до конца воины продолжалъ я службу восемъ лѣтъ, былъ первѣ въ чинѣ подъполковника и полъковымъ командиромъ, а потомъ и настоящимъ полковникомъ произведенъ, и командовалъ гусарскимъ полкомъ, имѣлъ камандѣ своеи много кратъ часть воиска кавалерискихъ полковъ и пехоты, понесъ труда великии.

Служба же моя признаваема была отъ камандировъ моихъ съ припысаниемъ честы и похвалы великои, чрезъ что удостоился получитъ пысмо своеручное отъ великои Императрицы Екатерини второи съ обьявлениемъ за мои дѣла Монаршего своего благоволѣния и удостоенъ военымъ орденомъ святаго великомученика и победоносца Георгия.

По окончаній же турецкои воины и по возвращеній въ Россию былъ у истребления и уничтожения 1775 года Сечи Запорожскои и потомъ удостоился получитъ на жалованые мнѣ по службе деревны за собствено ручнымъ Ея Імператорскаго Величества подъписаниемъ грамату; продолжая еще службу и дослужасъ до генералскаго чина, а за тѣмъ будучи уже подь время старосты остался на послѣдокъ по многимъ трудамъ на своемъ покое, подь все Высочаишею Монаршею милостыю.

Я въ конце второи часты сеи моеи повѣсты сказалъ, что прошедшаго 1767 года съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ пашолъ въ Полшу въ паходь, и что въ Киевѣ будучи данъ секретны ордеръ отъ генерала губернатора Воейкова генералу маиору Подьгоричанину, и что на завтрешны денъ мы изъ Киева выступыли и того же дня успѣлы за границу выехатъ на ночлегъ въ полскои Украйне въ первомъ за границею селѣ у князя Шуиского.

А отъ туда выступыли мы марта 14 числа и продолжалы маршъ къ местечку Житомыру, гдѣ и корпусъ весъ соединился подь командою генерала маиора Петра Кречетникова, онъ приказалъ какъ и мы тудажъ прибыли чтобь полкъ Ахтырскои въ назначеныхъ тамо поблизосты квартерахъ расположился и ожидатъ далшего повелѣния.

Въ тѣхъ квартирахъ простаялы неделы две, а между тѣмъ не оставылъ я побыватъ и у нашего главнаго надь корпусомъ камандира и старался узнать его свойства, яко онъ тогда въ великои довереносты состоялъ, и были иногда случаи что онъ со мною говорилъ, однако не нашолъ я въ нѣмъ далнѣго ничево окроме что былъ человѣкъ служивои а безъ никакихъ другихъ наукъ, но пысецъ великъ на своемъ природномъ языке.

Потомъ помаршировалъ корпусъ вовнутръ землы далѣ къ городу Бродамъ, въ томъ городѣ командующій корпусомъ генералъ занялъ свою квартеру, а полки расположилысъ въ другихъ по близосты местахъ гдѣ простаялы днеи десетъ.

Въступления нашего въ Полшу притчину никто съ перва незналъ, а состояло въ секретѣ у тѣхъ особь коимъ та експедиция доверена, а какъ къ предьприятъю дѣла пришло время, тогда корпусъ

...нимы ласкаво и заводитъ съ начални-...комство, и яко сия положеная на меня великая важностъ и секретъ, а отъ кор-...азстояній я находитца буду, тоде для та-...тъ мнѣ генералъ, вы яко надеждны штабъ ...огаетца сия довереностъ на васъ въ ту на-...полныте съ успѣхомъ и вѣрностыю, и то де ...въ болшую рекомендацию къ честы вашеи.

...ваетъ еще и то генералъ чтобъ имѣтъ всякую ...ностъ, чтобы иногда не могло отъ какихъ-лыбо противниковъ воспослѣдоватъ какова таинаго на

...леній отъ командующаго корпусомъ генерала мнѣ ...ехатъ какъ наискоряе въ путъ, а чтобы ескад-...гусарскаго полка въ команду мою датъ о томъ ...ные къ генералу маиору Подъгоричанину, и ка-...ъ тоже приказъ посланъ, чтобъ и оны съ старши-...сты человѣкъ не медленно у меня явилысъ.

...ь совсѣмъ отъ генерала свое отъправленые и отъ-...севши на почту поехалъ въ полкъ куда тотже денъ ...даю я то сообщеные генералу Подгоричанину о коман-...ною гусарскаго ескадрона и докладиваю ему, что я съ ...итомъ командированъ по той секретнои експедицій, ...ь тогда хотя и былъ въ чинѣ генерала маиора, но настоящимъ полковымъ командировъ Ахтырскаго полка ...л то врученое отъ меня сообщение осердился жестоко, ...у командирацию я самъ искалъ и хатѣлъ бытъ отъ пол-...учие, ескадрона мнѣ не далъ и меня самаго не отъпу-...ысалъ къ командующему корпусомъ въ отвѣтъ сообщение ...вылъ чрезъ нарочнаго, что онъ меня въ такую командира-...пустытъ не можетъ, яко я ему для управления по полку на-...а также и ескадрона чтобъ оторватъ отъ полка въ такую командирацию датъ не можетъ, пропысивая что лошады оста-...его отъчете и что отъ форсированаго марша пропастъ мо-...тѣмъ у него въ полку умалитца фрунтъ, и по такимъ резо-...ебовалъ Подгоричанинъ чтобъ повелѣно было въ ту коман-...ı вмѣсто меня отъправитъ отъ полка Ахтырскаго адного маи-...ихъ три на лыцо естъ, искоторыхъ адинъ можетъ съ тѣмы ...имы казакамы итытъ а ескадронъ чтобъ оставитъ.

нашъ распределенъ весъ на часты и разосланъ въ разные места, повѣты, и воиводства по Полше, а меня потребовалъ командующій корпусомъ къ себѣ (куда я и поехалъ), и прибывши къ нему далъ онъ мнѣ секретнои ордеръ и наставление определивъ мнѣ въ каманду особои деташаментъ, изъ полка Ахтырскаго адынъ ескадронъ и двеста казаковъ Донскихъ, въручилъ при томъ мнѣ генералъ несколко печатныхъ ексемпларовъ на полскомъ и французскомъ языкахъ.

Сій ексемплари имѣлы свое название декларация о гваранцій Ея Величества Государины Императрицы Екатерине второи, о защите благоденствия, волносты закона полскаго и десидентовъ въ Полше живущихъ.

То всио въручивъ мнѣ генералъ приказываетъ притомъ чтобь ехатъ какъ наискоряе и форсированимы маршамы на Украину полскую въ воиеводство Брацлавское въ судебное местечко Виныцу, и назначивъ мнѣ денъ и число въ каторое я тамъ долженъ бытъ конѐчне, отъкрывъ мнѣ секретъ сего дѣла и за чѣмъ я туда посилаюсь, и что на то же время тудажь прибудетъ полскои генералъ порутчикъ онже естъ и подьчаши лытовски графъ Потоцки, у коего, чтобь я явылся и съ нымъ во всѣмъ дѣле разумелся, и что онъ по приездѣ своемъ отъкроитъ въ томъ воивòдстве конфедерацию полѣзную къ сторонѣ нашеи, но о семъ ежелы иногда я прежде туда поспѣю, чтобь никому несказыватъ а ожидатъ онаго графа Потоцкаго, а тѣ печатные декларацій раздавалбы я проездомъ во всѣхъ городахъ и местечкахъ началныкамъ и въ ихъ канцеларій для ведома.

Ещежъ приказано мнѣ ежелы я на марше гдѣ и въ какихъ местахъ усмотрю какои отъ Поляковъ съездъ и собраные военыхъ людеи и команды, то чтобы остановился и спрашивалбы ихъ началника что такое собраные значитъ и къ чему оное дѣлаетца, коимъ чтобы учтивымъ образомъ и по приятельски совѣтоватъ военыхъ людеи разъпустытъ по своимъ местамъ куда оны принадлежатъ, а другимъ разоитытся бы по домамъ и били бы съ покоемъ, и даватъ имъ тѣ эксемпляры (сие было кажетца сьлышкомъ чтобъ имъ указыватъ).

Во время жъ отъкритыя подъчашимъ лытовскимъ графомъ Потоцкимъ тои конфедерацйи приказываетъ мнѣ генералъ, чтобъ и я притомъ былъ и старался бы всѣмы мерамы довестъ до того господъ Поляковъ къ подъпыси даныхъ мнѣ при томъ ордере особливыхъ пунктовъ, но при томъ поступать и наблюдатъ, дабы ни... неподатъ притчины въ какомъ-лыбо Полякамъ неудово

жаловатца, и обьходитца съ нимы ласкаво и заводитъ съ началниками того воиеводства знакомство, и яко сия положеная на меня експедиция естъ особливо великая важностъ и секретъ, а отъ корпуса весма въ далнѣмъ разъстояній я находитца буду, тоде для такова важнога дѣла, говорилъ мнѣ генералъ, вы яко надеждны штабъ афицеръ выбраны, и полагаетца сия довереностъ на васъ въ ту надежду что вы все сие исполныте съ успѣхомъ и вѣрностыю, и то де самое послужитъ вамъ въ болшую рекомендацию къ честы вашеи.

Наконецъ приказываетъ еще и то генералъ чтобъ имѣтъ всякую военную предосторожностъ, чтобы иногда не могло отъ какихъ-лыбо съ полскои стороны противниковъ воспослѣдоватъ какова таинаго намена нападения.

Всѣ сій наставлений отъ командующаго корпусомъ генерала мнѣ вручены и велѣно ехатъ какъ наискоряе въ путъ, а чтобы ескадронъ Ахтырскаго гусарскаго полка въ команду мою датъ с тѣмъ написалъ сообщеные къ генералу маиору Подъгоричанину. И казакамъ Донскимъ тоже приказъ посланъ, чтобь и оны съ старшинамы своимы двесты человѣкъ не медленно у меня явилысь.

Такова отъ Подгоричанина ошибка была велика и сказать что и не по долгу службы, и ежели бы о томъ командующій корпусомъ генералъ предъставылъ далѣ, то бы конечне Подгоричанинъ подьвергнулъ себя великому отъвѣту, но какъ командующій то оставылъ а написалъ отъ себя Подьгоричанину выговоръ, и велѣлъ конечне какъ наискоряе меня съ ескадрономъ отъправитъ.

Подьгоричанинъ получа таковь виговоръ отъпустылъ меня съ великимъ своимъ неудоволствиемъ, и зашолъ чрезъ то съ командующимъ генераломъ въ несогласие, незнавъ того что вскоре и въ слѣдза моимъ отъездомъ еще и другие ескадроны потаковымже надобностямъ разкомандированы будутъ, и остался онъ только съ адним ескадрономъ да лытаври на время.

На другои денъ поутру рано я съ своимъ деташаментомъ изъ местечка Зборова (такъ оное называлосъ гдѣ полкъ квартеры имѣлъ) выступыль и отъправился въ путъ, незная ни дороги нигдѣ естъ то Брацлавское воеводство и местечко Виныца куда мнѣ слѣдоватъ велѣно, а спрашиватъ о томъ не приказано и пробыратца самому неделая о своемъ марше публикацій и недавая о томъ ни кому знатъ а содержатъ въ секретѣ, по чему и принужденъ помогатъ себя отъ мапы, изъ которой могъ видѣтъ гдѣ и въ каторой сторонѣ и подь градусомъ то Брацлавское воиводство и местечко Виныца лежитъ, итако слѣдовалъ я съ перва отъ местечка адного до другаго держасъ болшои дороге, но всио то было весма криво и съ накладомъ яко Хоманова мапа кою я тогда имѣлъ несколко была не верна.

Въ одинъ же денъ наехалъ я въ вечеру въ адномъ селѣ прускую каманду при коеи былъ адинъ гусарскои капитанъ, едетъ онъ съ покупнимы лошадмы изъ Украины полскои і изъ Татарій отъ стороны местечка Балты; я о семъ уведавъ остановился тамъ нарочне адно для того чтобь покормытъ лошадеи, а друго и то было мнѣ удобно чтобь поразговоритца съ симъ капитаномъ, сказывая ему что и я для такоиже покупки лошадѣи еду въ украинские полские мѣста и просилъ его чтобъ показалъ мнѣ свой маршрутъ гдѣ и въ которыхъ местахъ онъ былъ, и гдѣбъ лошадей купытъ было способнѣе можно.

Сеи даброи афицеръ тотъ часъ вынулъ свою записную книжку показалъ мнѣ всѣ украинские города і местечка, при чемъ и воеводство Брацлавское и то местечо Виныца о коемъ и вся моя

эстъ состояла чтобъ узнатъ было написано, также мыли и разъ›яние по тракту одь места до места было отъмечено.

Я тотъ маршърутъ по дозволению капитана себѣ списалъ и по ıу уже въпериодь прямую свою путь, и простясъ съ капитаномъ эхалъ тую жъ вечеръ далѣе и на всю ночъ.

Марши чинилъ я по короткосты назначеного мнѣ срока весма ıикие и форсомъ и ночлеговъ нигдѣ не дѣлалъ а толко что отъ-ъ часа на два и на три покудова лошадѣи покормытъ, коимъ я ;а въ сутки слышкомъ давалъ и потомъ ехалъ и денъ и ночъ, отъ-о и подлино лошады у меня такъ ослабелы, что некоторыхъ при-жденъ былъ бросить и нанымать для оставшихъ отъ ныхъ пе-хъ гусаръ и для седелъ подводы, и отъѣхавши уже болшъ поло-ни дароги уведомылся я на попасе гдѣ лошадеи кормылъ въ карч-отъ жыда, что естъ въ передьı по дороге мыли за полторы горо-ъ Латычевъ прозываемои, тамде собралосъ множество полскихъ яхтъ и при ныхъ и воиско естъ, но тотъ жидъ не умѣлъ мнѣ ска-ъ о чембы то собрание было и что оное значитъ.

Сій весты услишивши я отъ жида задало мнѣ было о томъ ду-ъ, и принужденъ на томъ местѣ, подъ видомъ ночлега яко ужъ ю подь вечеръ, простоятъ всю ночъ до свѣта, а минутъ того ме-было неможно, то чтобы въ ночное время естлы туда нечаяно командою заеду не надѣлатъ тревоги разъсудылъ такъ здѣлатъ и бождатъ.

По утружъ на разъсвѣте предыринялъ я мои маршъ далѣ и ьехавши ужо подь тотъ городокъ остановился съ приезда при чме, было то по утру часъ въ начале девяты, спрашиваю арен-я тои карчмы о началнике того города, какъ его зовутъ и домалы ›, на что жидь отъвечалъ что де тутъ таперъ господь много и кто ıду имы первѣишій того онъ не знаетъ.

Мнѣ ужъ по сему изъвестыю не осталосъ болѣе чего ожидатъ и мя упускатъ а надобно было поскорея о такомъ собраній узнатъ оное значитъ, для чего тотъ часъ послалъ туда къ нымъ афи-а, и даю о себѣ знатъ обьявывъ подь видомъ будто для покупки ıадеи проежаю съ своего командою на украинскее мѣста, и что ановился здесъ при городѣ чтобь немного отъпочинутъ, при чемъ казалъ афицерю обьявытъ и то, что ежелы естъ свободное имъ время бы и я самъ къ нимъ зашолъ, имѣю ичѣто въ ихъ ползу тому

собраныю изъвестытъ (а то разумѣлъ я податъ имъ ту печатную декларацию и при томъ случае узнать притчину ихъ собранія).

Еще жъ афицеру моему приказалъ чтобь онъ проездомъ своимъ чрезъ городь примечалъ на улыце, какое тамъ имѣетца войско и многолъ онаго обозрѣтъ ему будетъ можно.

Афицеръ мои съ двумя гусарами туда поехалъ, а я остался при командѣ дожидаясъ обратно того афицера каторой скоро и возвратился, и рапортуетъ мнѣ что онъ какъ туда въ городь въехалъ нашолъ много шляхты въ собраныю въ одномъ домѣ, коимъ какъ скоро о себѣ далъ знатъ, то въпустилы его туда въ собрание и на ево обьявление отьвечалы, что имъ приятно будетъ меня видѣтъ и новостъ какую я имъ обьявытъ имѣю рады будутъ слышитъ, воискаже говоритъ мои афицеръ видѣлъ на улыцахъ и во дьворахъ даволно, но всио розношорстное надворное (по ихъ обыкновению что всякъ шляхта, инои самъ двухъ кафтановъ не имѣетъ а по нескблко жолныровъ держитъ), а другихъ какихъ командь воиска короного тотъ мои афицеръ невидалъ.

Я не медлено възявъ съ собою одного афицера и адного ундеръ-афицера, двухъ гусаръ и двухъ казаковъ поехалъ въ городъ къ тому собранию, куда какъ я вошелъ принялы оны меня видомъ даволно приятнымъ, засталъ-я ихъ всѣхъ около адного болшога стола сидящихъ, но столко были спесивы что ни адинъ съ стула не всталъ, я подошедь къ верхнѣму углу стола считая что тамъ долженъ быть между всѣмы старши, вижу что въ первомъ местѣ сидитъ адинъ духовнои чиновнои съ болшимъ на шее крестомъ, а по сторонамъ его еще двое духовнихже чиновъ, а осталные всѣ панове поляkове, спрашиваю я у всѣхъ вообще съ кѣмъ бы мнѣ говоритъ и кто изъ ныхъ въ томъ собраній естъ старши, на что отъвечалъ адынъ указывая мнѣ того крестоносца, назвавъ его каноныкомъ и что онъ естъ духовная особа и старши, да еще адного показалъ мнѣ изъ предьседящихъ назвавъ онаго паномъ поручникомъ Речи Посполытои, а протчиеде мы всѣ ровние шляхта и паны того повѣта.

Моежъ напротивъ того было къ нымъ обьявление что еду я по украинскимъ полскимъ местамъ гдѣ сищу лошадѣи покупытъ, а при томъ говорю я имъ имѣю повелѣные чтобь проездомъ моимъ раздаватъ въ городахъ и въ судебныхъ местахъ новую учинѣную декларацию отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Всероссійскои Екатерины второи о гварацій служащую въ ползу

всего обьщества полскаго государства, каторое здѣсъ адным печатнымъ ексемпларомъ предьставляю, и подалъ тому что панюмъ поручникомъ мнѣ сказанъ, онъ то отъ меня принялъ и подаетъ тому канонику, каторои въставши съ стула что и всѣ здѣлалы и сталъ въ слухъ читатъ, а по прочтенiй было имъ такова новостъ всѣмъ къ удивлению и сталы говоритъ, чтобы та гваранция и декларанция таково значила, яко мы и такъ на своеи волносты остаемся.

Мнѣ до сихъ рѣчеи не было далнѣи надобносты въходытъ съ нимы въ разговоръ, а желалъ болѣе узнатъ о ихъ собраныю и зачѣмъ оны тутъ, да приступытъ къ нымъ своимъ спросомъ я такъ въ другъ немогъ, а ожидалъ время.

Между тѣмъ всѣ оны того заседания въсталы и было ужъ время къ обѣду, къ чему въ другомъ пакое видно было что и столъ надькритъ, и какъ я наиболшъ съ тѣмъ каноникомъ имѣлъ разговоръ, то пригласилъ онъ меня остатца съ нимы отобедатъ, въ чемъ я не отъказался.

Селы мы за столъ, далы мнѣ место въ переды стола́ возлѣ каноника, съ коимъ я будучи за обедомъ имѣлъ случаи и далѣ въ разговоръ воитытъ, и мало по мало завелъ я речъ о ихъ собраныю похваляя ихъ обычаи, какъ оны всегда и во всѣмъ согласуютца и собыраютца для совѣтовъ, какъ и таперъ говорилъ я ему вы конечне также здесъ собралысъ для какихъ ныбудъ совѣтовъ, на что отъвѣчалъ мнѣ каноникъ что де мы собралысъ по церковному дѣлу, яко въ томъ городѣ заложенъ новои костиолъ, то чтобы о доходахъ къ выстроике онаго учинытъ общее распоряжение, и завтри де ужо хотятъ вся шляхта разъехатца по своимъ домамъ.

О семъ услышивши я, было то ужь для меня сведениемъ даволно, почему и невходылъ болшъ съ нымъ въ разговоръ, а спешилъ далѣ ехатъ въ свою путъ, и по окончанiй обѣда простясъ со всѣмы паехалъ къ своеи командѣ, и потомъ не медля предьпринялъ свои маршъ.

Отътуда должно мнѣ было на другои денъ проехатъ чрезъ городь Межибожь, тамъ у воротъ стоящеи караулъ хатѣлъ было меня остановитъ, аднакъ какъ я сказалъ что имѣю нѣчто въ томъ городѣ обьявытъ и на малое время въ ономъ остановлюсъ, при чемъ спросилъ караулнаго ундеръ-афицера о началнике того города и домалы онъ, на что караулны отъвѣчалъ что городь сеи принадлежитъ вои-

Посланои же отъ меня капитанъ, какъ къ тому старосте чрезъ местечко туда и обратно проехалъ и ко мнѣ возвратылся, сказиваетъ что вездѣ по улыцамъ и водворахъ много полскои шляхты и военыхъ людеи видѣлъ, и останавливалы его спрашивая зачѣмъ приехалъ и какое дѣло имѣетъ, и словамы инои даволно грубыми отъзывалысъ, я на то не смотрѣлъ хотя иногда изъ досадою по ихъ грубосты (какъ оны съперва всѣ таковы были) съносилъ и пропускалъ мыма, не хатѣлъ съ нимы никакои зацепкы имѣтъ, а старался еще болшъ оказыватъ имъ учтивостъ мою и приятство въ словахъ и въ обхожденій и тѣмъ доводылъ ихъ къ тихосты (Поляки люди таковы сколко горды столко же и мягки, естлы съ нимы человѣкъ обоитытца умѣетъ, а въ случае нужды бываютъ весма робки).

Тотъ день прошелъ у меня съ покоемъ, поставылъ я свой караулъ и людей никуды не распущалъ, а пустылъ вездѣ ехо что я для покупки лошадей приѣхалъ, нанялъ жидовъ человѣка два факторовъ далъ имъ немного денегъ чтобь оны въ околычные мѣста поехали для сыску таковыхъ лошадей, а для надобносты къ поставке съестныхъ припасовъ мяса и хлеба на мою каманду уговорилъ также двухъ жидовъ, кои о томъ взялы на себя старатца и потребное доставлатъ, хотя то было въ два дорого, однако понуждѣ надобно было онимы ползоватца, а потомъ какъ жителы того местечка увидѣлы что мы за всио хорошо плотимъ денги, то сталы и самы тѣми днямы приносить кто что на продажь имѣлъ и нанеслы всего и слышкомъ отъ чего у насъ на нашей площадки здѣлался торгь и безъ нужды доставалы потребное.

Я ужъ живу въ местечке Виныце двое сутки а о подьчашемъ Лытовскомъ графе Потоцкомъ ничего не знаю, а спрашивать объ нѣмъ не смѣю, дабы тѣмъ своего дѣла не повредить, и тако въ великихъ разьмышленияхъ провожу время и хатѣлъ было къ своему главному командыру отьправить о томъ курѣра.

На третеиже день къ вечеру заехалъ комнѣ полской адынъ господинъ на каретѣ съ слугамы своимы (и доволно пышно) былъ онъ въ томъ местечки въ собраній и едетъ домой, а домъ его отъ местечка разьстояниемъ всего верты две въ селѣ Петничанахъ, сей господинъ обьявляетъ мнѣ о себѣ что онъ есть того Брацлавскаго воиводства хоронжи и навываетца по фамылій Грохолски, человѣкъ онъ показался мнѣ весма приятенъ, говоритъ мнѣ какде онъ съ многимы россеинскими господамы имѣетъ знакомство и ползуетца ихъ приязныю, то вчислѣ протчихъ своихъ приятелѣи желаетъ также и меня имѣть,

и потомъ просилъ на завтрешны день къ себѣ отобедать, я на ту его учтивость согласился и обѣщалъ къ нему быть, и съ тѣмъ онъ поехалъ.

Послѣжъ его отъезда поздо уже въ вечеръ пришолъ ко мнѣ полской адинъ офицеръ въ немецкомъ мундире и въ плаще инькогнито самъ одинъ, и говориль понемецки изърядно, просить меня чтобь наединѣ со мною говорить, я пошолъ по двору съ нымъ прохаживатца и спрашиваю какое дѣло до меня имѣетъ, и кто онъ таковъ, на что отъвечалъ что онъ есть капитанъ и называетца по фамылій Мислецки, и служитъ у воиводы Киевскаго графа Потоцкаго, коего есть волость и дворъ въ здешнѣмъ воинстве, также и солдатъ держитъ надь коимы онъ командуетъ и придворе графскомъ въ местечке Браиле состоящемъ досмотръ имѣетъ; и то обьявывши о себѣ сей капитанъ винулъ писмо запечатаное подаетъ мнѣ и говоритъ я де къ вамъ тихонко пришолъ и нарочно такъ ночию чтобъ меня никто не приметылъ, а сие пысмо говоритъ онъ подьчашего Лытовскаго графа Потоцкаго, который состоитъ въ ближнѣмъ по кровы свойстве съ моимъ господиномъ воиводою Киевскимъ, ето де писмо чрезъ нарочнаго ко мнѣ прислано обьявляетъ капитанъ и велѣно подать оное вамъ самымъ въ руки, а болѣе никому о томъ не сказывать и приездь гравски содержать въ секретѣ, господинже подьчаши находитца таперь на Подолю въ своей тамъ деревнѣ, какъ онъ въ такой далнѣи изъ Варшавы дороге поутрудился, то для того дня на три или на четыре възалъ свой отъдихъ, а васъ тамо о своемъ приездѣ уведомлѣныемъ упреждаетъ.

Изъвестые сие принесло мнѣ несколко въ моихъ мысляхъ обьлехчение какъ я было о приездѣ гравскомъ позасуетылся, я възавши то пысмо какъ было на дворе очень темно и читать онаго неможно, пашолъ съ тѣмъ капитаномъ въ мою станцию каторая была въ адной на краю мужичей избе, велѣлъ подять огня сталъ то пысмо читать кое было писано понемецки.

Графъ пишетъ прямо на мое имя и чинъ мой въ адресе упомынаетъ, о чемъ ужь онъ зналъ что я тамъ буду и что я въ чинѣ подъполковничемъ состою, понеже при выездѣ ево изъ Варшавы дано ему отъ нашего полномочнаго россійскаго посла князя Репнина знатъ, графъ уведомляетъ меня тѣмъ писмомъ что онъ находытца въ своей деревнѣ, упомыная и о томъ какде таперь есть въ местечке Виныце болшой шляхетской съездъ по судебнымъ общимъ дѣламъ и упователно что ужь скоро и кончитца будетъ, то чтобы упредыть нежель шляхта разьежатца станутъ, проситбы тѣхъ господь, однако весма субтилнымъ образомъ, чтобы теченые ихъ заседания залимытовать то есть отъло-

житъ на четыре дня, а между тѣмъ и я поспешу пишетъ графъ на тотъ срокъ въ Выницу приехать, причемъ о его приездѣ чтобъ никому не сказыватъ.

Сие писмо я прочитавши не обьявляю тому капитану что графъ пишетъ, но какъ онъ отъ графа въ доставленыи ко мнѣ того писма имѣлъ довереностъ, то потому и я его почелъ постоянымъ человѣкомъ, и сталъ снымъ говоритъ, спрашивая что при семъ болшомъ шляхетскимъ собраныи желалбы я ведатъ кто естъ между имы здѣсъ голова, и каво оны найболшъ слушаютъ; на сей мой запросъ сказалъ мнѣ капитанъ что здѣсъ естъ старикъ князь Четвертински, да хоронжи речи посполытой сего воиводства Грохолски, коего вся шляхта отъмено почитаетъ, онде почты наиболшъ во всѣмъ первенствуетъ, таковъ отвѣтъ отъ капитана принесло мнѣ тотъ часъ на паметъ что то естъ конечно тотъ самой Грохолски, каторой меня на завтрешны денъ просилъ къ себѣ обедатъ, и думаю въ себѣ что къ статы будетъ завтрешны денъ между разговорамы сие дѣло въ ползу употребытъ.

Капитанъ не много у меня бавылся и при отъходѣ говоритъ что онъ спешитъ и едетъ на всю ночъ для приуготовления графу въстречи, и спрашиваетъ что я ему во отвѣтъ на то писмо обьявытъ имѣю, я болѣе ничево сказатъ не имѣю, говорю я ему, окроме что всио то старатца буду исполнытъ, о чемъ графъ ко мнѣ пышетъ, но между тѣмъ прошу я какъ скоро графъ будетъ сюда чтобъ меня хотя за несколко часовъ прежде изъвестытъ, капитанъ обещалъ то здѣлать и стѣмъ поехалъ.

По отъездѣ сего капитана надобно было мнѣ подуматъ, какимъ бы образомъ подоитить моимъ требованыемъ къ тому собранию чтобъ теченіе своихъ судебныхъ дѣлъ отьложитъ, и чтобы не принесло имъ какой противносты, для чего будучи въ великихъ разъмышлѣнияхъ, я ту ночъ весма мало спалъ, а составлялъ мислямы что и какъ предьпринятъ, и положылъ адресоватца первѣе къ тому хоронжему Грохолскомъ.

По утру въ часу седмомъ посилаю я афицера къ хоронжему на домъ съ прозбою, чтобы онъ здѣлалъ приязнъ, какъ поедетъ въ собраные заехалбы на часъ ко мнѣ, имѣю нѣчто нужное ему обьявытъ, афицеръ мой туда поехалъ и возвращаетца скоро назадъ съизвестыемъ что хоронжи обещалъ ко мнѣ заехатъ.

Хажу я по двору дожидаюсъ Хоронжего а между тѣмъ конпоную въ голове что съ нымъ говоритъ, и выглядиваю скороль приездъ его будетъ, и ужъ часъ десятой въ началѣ аль онъ едетъ пряма ко мнѣ кь воротамъ тамь остановился, я поспешилъ его въстрѣтыть, онъ вышелъ изъ своего полукаретка подошелъ ко мнѣ видомъ приятнымъ, спрашиваетъ чего я ему приказать имѣю.

Я на ту его учтивостъ отъвечалъ что моего приказания ни какова нѣтъ, а толко говорю я ему что я вась государь мой сь перва раза моего съ вамы свидания заключилъ найтытъ въ особе вашей себѣ приятеля и ни мало несумнѣваюсъ чтобь я въ томъ могъ ошибытца, для чего хачу вамъ обьявытъ что таперышни мой сюда приездъ состоитъ въ важномъ дѣле вь ползу вашего целаго общества, но не могу такъ скоро успеть сего вамъ отъкрытъ, а надобно мнѣ вь моихъ писменыхъ дѣлахъ имѣтъ время на четыре дня, и тогда надобно быть въ сей шляхты вь собраныю, нинѣ жь къ тому дѣлу есть лучшая удобностъ какь ваши судебные порядки здѣсь производютца и всѣ шляхетство сего воиводства собралосъ, то и не надобно бы другой трудъ въ собраныи предьпринимать а можетъ вся та надобность нинѣ кончитца, для чего и прошу васъ, говорю я ему, какь вы таперь въ заседаные ваше туда едете, то чтобы течение судебныхъ вашихъ дѣлъ залымытоватъ дня на четыре, о чемъ не оставте обьявыть всему обьществу.

Хоронжи мой какь я ему сие сказалъ потупывъ не много глаза помолчаль задумавшисъ, а потомъ отьвечалъ, ваше де требованые естъ несколко сь трудностыю и не знаю можно лъ то будетъ здѣлатъ, ибо вы самы знаете что наша шляхта волностъ свою наблюдаетъ, и не сутъ во всѣхъ людей нравы ровние, то чтобы иногда не было въ томъ противносты когда я имъ самъ собою ваше требованые обьявлю, а совѣтую за лучше чтобы вы въ часу адинадцатомъ прислалы туда въ собраные съ тѣмъ обьявлениемъ каго изъ своихъ афицеровъ, а что съ моей стороны принадлежытъ то готовъ я вамъ служитъ, и съ тѣмъ онъ поехаль.

Мнѣ ужь и нелзя было инаково здѣлатъ и казалосъ что и резонъ естъ такъ здѣлатъ какъ хоронжи советуетъ, почему призвалъ я къ себѣ моего капитана, приказываю ему чтобь онъ въ адинатцатомъ часу туда вь то собрание пашолъ, и твержу ему, что онъ говоритъ будетъ (сіи слова): я присланъ отъ камандира моего вашему всему Брацлавскаго воиводства благородному обществу здѣсъ соб-

равшемуся обьявытъ прозбу, чтобы учинилы ту склоностъ отъложитъ теченые вашихъ судебныхъ дѣлъ дня на четыре, яко приездъ нашъ сюда естъ важностъ въ ползу вашего всего обьщества, но не можно намь успѣть такь скоро сего обьявытъ, а требуетъ надобностъ вь приуготовленыи писменымъ дѣламъ времены дня на четыре.

Съ симъ моимъ наставлениемъ капитанъ мой туда пашолъ и далъ тому собраныю о себе знатъ, кои тотъ часъ его въ присудствие къ себѣ въпустилы, когда господамъ присудствующимъ то обьявылъ съ чѣмъ онъ присланъ, тогда вь отвѣтъ сказано ему, а первой на то отозвался хоронжи Грохолски къ протчимъ предь седящимь своимъ словомъ, что де сие намъ можно здѣлатъ и узнаемъ какое то будетъ дѣло, на чемъ и всѣ согласилысъ и далы мнѣ знатъ что оны къ тому приступыли, и до того срока свои дѣла отъложилы.

Хоронжи Грохолски въ проездъ свой обратно домой уже не заежалъ самъ ко мнѣ, а прислалъ своего человѣка сказатъ, что меня къ обѣду будетъ ожидатъ, и пришлѣтъ свою карету за мною, и проситъ чтобь я изъ офицеровъ своихъ каво съ собою възялъ.

Спустя мало, потомъ карета его цугомъ и свершникомы ко мнѣ пришла, я възялъ капитана своего и порутчика поехалы туда къ нему, онъ съ женою принялы насъ весма ласкаво, столъ у него былъ учрежденъ доволно велыколѣпно и на сребре, у стола играла ево придворная музыка, домъ каменой стариной архитектури, садъ регулярной, а за садомъ роща предлиная.

Послѣ обеда хадыли мы по саду и по роще проводилы время вь разныхъ разговорахъ, хозяинъ насъ угощалъ пытиемъ умерено и давалъ волю, чего у другихъ господь Поляковъ редко бываетъ.

При тѣхже нашихъ разговорахъ хатѣлъ хоронжи жестоко знатъ о моемъ дѣле, за чѣмъ я къ нымъ приехалъ, и какое дѣло объявытъ имѣю, для чего онъ съперва закидивалъ слова стороною невыдетлы чего отъ меня, но какь сего я не здѣлалъ а отъходылъ дискурсомъ въ другие кое какие матеріи, то напослѣдокъ сталь онъ меня пряма о томъ спрашиватъ, обьнадеживая меня своимъ честнымъ словомъ что никому о семъ онь сказыватъ не будетъ, и что въ случай надобносты можетъ мнѣ бытъ рука въ помочъ.

Я ему отъвѣчалъ что на сей денъ ничево о томъ прошу неупомынатъ, а вы говорю я ему будте увѣрены что первымъ вы будете узнать сие дѣло, толко потерпыте дня четыре илы можетъ бытъ и прежде здѣлаетца, и я поспешу конечне васъ известытъ а на сей часъ не могу болѣе ничего говоритъ.

Онъ хатѣлъ было еще о томъ повторять свои слова, но я чтобы иногда ево не оскорбытъ принужденъ отъклонытца у него и говорю, не погнѣвайтесъ государь мой что я не имѣю далѣ времены бавытца и принужденъ васъ оставитъ, поспѣшаю къ своимъ дѣламъ чтобы приуготовытъ оные къ показаныю вамъ и съ тѣмъ я паехалъ къ своей камандѣ.

На завтрешны денъ чтобь показатъ выдъ приходящимъ ко мнѣ Полякамъ, какъ оны любопытни и всего много спрашиваютъ и слышитъ хотятъ, то расположылъ я во округъ себя кое какие свои бумаги яко бы дѣламы занятъ, и что не имѣю времены съ нимы проводытъ разговоры, говорю имъ что вотъ зачинаю приуготовлятъ дѣло кь показаныю вь ваше собрание, о чемъ я просилъ чтобъ обождалы на четыре дня.

Симъ способомъ изъбавылся я отъ ихъ находовъ, а то непрестано адна партия толко что выдетъ, а другая уже приходытъ и всякъ хочетъ знатъ въ периодъ притчину моего туда приезда, и ежелы бы были люде отъ достоинствъ почотные, тобы еще лехче съ нимы обойтытца было можно; а то по болшой часты палистранты, голыши, а иные и со всѣмъ пьяние, а другие какова нибудь госпоДина изъ надворныхъ ево службы, тѣ соберутца человѣкъ по несколко придутъ и заводятъ такие страные запроси чего и пысатъ здесъ не можно, а въобще почты всѣ спрашиваютъ меня природной лы я Руськой илы какой иностраной, и много ль въ Россіи войска и скоролъ имъ мы отьдадымъ Киевъ, и что оны конечне то имѣтъ хотятъ и возмутъ, и тому подобные много коио какие дискурси заводытъ хотѣлы, каковы запроси мнѣ было наскучилы, а чтобы ихъ къ себѣ не допущать въходитъ, то и того здѣлатъ не хотѣлось, а надобно было сьнимы обьходытца ласково, и тако я подь видомъ будьто много дѣла имѣю, по тѣмь моимъ бумагамъ разъсматриватъ и пысатъ, принужденъ былъ седетъ надь нимы попустому, чтобь толко отъ приходящихъ такихъ гостѣй изъбавитца и на томъ провелъ время дня три.

На четвертой же денъ зацепилысъ оны за меня и присланъ ко мнѣ одъ того собраныя спросъ, требуютъ чтобы ихъ изъвестытъ тоголъ дня буду я имъ обьявытъ о томъ что я вь собраныю даъ знатъ, яко оны судебное свое течение отъложилы на мое слово дня на четыре, для чего и хотятъ знатъ притчину онаго дѣла, и что оны того же дня отькриваютъ вьновъ свое заседание и окончивъ хотятъ разъежатца по своимъ домамъ.

На сей спросъ отговорился, я что никакъ еще на тотъ денъ мы пысменимы дѣламы не могу исправытца но завтре конечне я къ нымъ въ собраные буду, и дѣло съ собою принесу.

Съ тѣмъ я того ко мнѣ присланаго выпроводылъ, і остался въ кихъ думкахъ и что дѣлатъ не зналъ, а положылъ напослѣдокъ лы еще того дня и чрезъ ночъ изъвестыя оть Подьчашего Лыкаго ко мнѣ не будетъ, то послать къ нему скорея съ писмомъ себѣ нарочнаго и уведомытъ его что шляхта намерена разъеха, а между тѣмъ принужденъ здѣлатъ другой оборотъ къ удерню ихъ хотя еще адынъ денъ, а то положылъ я чтобь завтре въ собраные пойтытъ и податъ имъ хотя изъ тѣхъ печатныхъ нпляровъ адынъ, и тѣмбы предь нимы себя оправдитъ, ибо я приезда моего о томъ еще никому не обьявлялъ потому что то бно самому Подьчашему графу Потоцкому, яко маршалокъ новой едераціи въ собраніи всей шлахты публиковатъ.

Однако таковы мои разъмишлѣныи того же дня въ вечеру реысъ ибо приехалъ ко мнѣ изъ местечка Браилы нарочной двора юды Киевскаго казакъ посланой съ пысмомъ оть того капитана лецкого, каторой первѣе у меня былъ, онъ уведомляетъ меня что Подьчаши Лытевски графъ Потоцки въ местечко Браилу прие и что завтре на вечеръ къ намъ въ Виныцу будетъ.

Я сему изъвестыю весма обрадовался и дождавшисъ утра поь рано афицера къ хоронжему Грохолскому уведомляю его какъ іу обещалъ что онъ первѣе всѣхъ узнаетъ притчину моего сюда езда, то потому таперь изъвещаю его что Подьчаши Лытовски фъ Потоцки къ вечеру сево дня будетъ здесъ, и что тоть самой приездъ естъ обьстоятелство моего сюда прибытия, о чемъ далѣ казываю я моему офицеру чтобь хоронжему сказатъ, что я съ ъ буду говоритъ.

Хоронжи Грохолски тотъ часъ прискакалъ ко мнѣ самъ съ вею желаностыю чтобь скорея обо всѣмъ услышить, туть ужь я отькрылъ что Подьчаши Лытовски графь Потоцки съвоимъ примь будетъ въ воиеводстве Брацлавскомъ отькритъ конфедерацию пользу обьщества, и сие сказавъ ему, поспешилъ скорея о при Подьчашего чтобь также въ то шляхетское собраные датъ знатъ, иногда оны по своимъ домамъ не разъехалысъ.

Я пришедь къ нымъ поутру въ деветъ часовъ, говорю имъ горы мои я просилъ васъ чтобы вы судебние ваши дѣла отьло-

жилы на четыре дня, и вы то здѣлалы, за что приношу вамъ мою благодарность, а что принадлежитъ до дѣла о коемъ я тогда сказалъ что обьявытъ вамъ имѣю, то сево дня о томъ вы всѣ узнаете отъ господина Подьчашего Лытовскаго, графа Потоцкаго, которой нарочито для такова важнаго дѣла въ ползу всѣго вашего обьщества сюда изъ Варшавы едетъ, и въ вечеру конечне сево дня здесь будетъ.

Всѣ то собрание почти изьумылисъ услишивъ отъ моня что такой болшой господинъ къ нымь едетъ, и не которымь образомъ сему верить не хотѣлы, я имъ отьвѣчаю ежелы въ чемъ иногда вы о приездѣ его сумнѣваетесъ, то пошлите въ местечко Браилу, вы тамъ его еще застанете илы по дороге сюда едущаго въстренете, оны здѣлалы послалы и въстретилы графа.

Мало потомъ съпустя въ часу двенадцатомъ приехалъ изъ Браила тотъ капитанъ Миелецки для занятыя графу квартеры кою и приказаль очистытъ въ манастире Езуитскомъ, и притомъ всѣмъ обьявылъ о приездѣ графскомъ, на сие уже изъвестые вся шляхта стала собыратца къ тому монастиру чтобь учинить графу приомъ и вьстречу, яко онъ есть человѣкь чина болшаго, а притомъ цѣлое то воиводство къ фамылiи Потоцкихъ имѣютъ особливую привязанность и почтеные, какь я самъ то даволно приметытъ могъ.

Въ часу въ четвертомь послѣ польдня приехалы графские люде и кухня въ периодъ, а потомъ въслѣдъ за нимы и осталной, графской еквипажь и лошады, всио то предвѣщало великолѣпые и огромность, ибо накладеныхъ фуръ по четыре лошады, и другихъ повозокъ, было всего около двадцаты, а таже и слугъ разныхъ должностѣй человѣкъ до тридцаты, всѣ въ своемъ порядке, предь конмы былъ адынъ началной изъ шляхты, коего называли маршалокъ двора графскаго.

Я при квартире графской поставилъ пешей караулъ двадцатъ четыре человѣка гусаръ при афицере, разъставилъ часовыхъ и дожидался приезда графскаго.

Въ часу седмомъ подь вечеръ графъ приехалъ, свита у него была въ несколкихъ каретахъ и калямкахъ, и конвой изъ драгуновъ воиводы Киевскаго что въ местечке Браиле находятца рота целая, какь скоро графъ подьехалъ къ воротамъ монастырскимъ, где и квартера назначена то остановился и сълѣзъ изъ кареты, тутъ вся дожидающаяся шляхта почты на землю учинилы предь нымъ свой уклонъ, подошлы толпою къ нему, кто въ руки кто въ полы отъ

кафтана целуютъ и говорятъ иние короткую речъ, а другие такъ поздравляя его съчастливымъ для ныхъ приездомъ.

На то время стаялъ я предь своимъ карауломъ по близы квартеры графской, и какъ онъ приближился то афицеръ стоя съ голою саблѣю у своего места сказалъ на караулъ и трубачи заигралы, графу тѣмъ отьдана честъ, а я подошедь несколко шаговъ къ нему въстречу подаю рапортъ о состояніи своей каманды (но то было несколко числомь увеличено), докладиваю о себѣ, ибо прежде я съ графомъ не имѣлъ свидания и знакомства, онъ принялъ оть меня рапорть и благодаритъ за учинѣную ему честъ, но какь онъ былъ несколко заикиватъ то и нада было минуту лишную пообождатъ, покудова всио выговоритъ, потомъ възяль меня за руку и павелъ съ собою въ пакой, называя меня при первомъ томь свиданіи съвоимъ товаришемъ, сказывая при томъ какь онъ слышилъ при отьправленіи изъ Варшавы отъ нашего Россійскаго полномочнаго посла князя Репнина, о томъ что я здесъ при немь буду, и какъ онъ тѣмъ продолжалъ графъ, много даволѣнъ что при семъ случаи имѣетъ ту честь меня узнатъ, по немецки говорилъ онъ даволно харошо.

Ту вечерь не долго то шляхетское собраные тамъ бавылосъ, графъ у ныхъ екскузовался что въ дороге поутрудился, а просилъ всѣхь чтобы на завтрешны денъ были въ собраній тутъ въ церквы въ монастире, сказавъ притомъ что онъ имѣетъ обьявитъ дѣло въ воиводстве Брацлавскомъ въ ползу отечества и всего обьщества народа Полскаго.

Шляхта вся разошлысъ по своимъ квартерамъ, а меня графъ удержалъ у себя на ужине, а между тѣмъ наодинѣ сомною имѣлъ разговоръ о дѣле каторое онъ отькрытъ будетъ обществу, и притомь еще говорить мнѣ, я де знаю что у васъ есть пункты даные вамъ коимъ завтре надобно быть подьписанымъ, каковы и я имѣю, такь прошу оные показать мнѣ поутру дабы съвестъ съ Полскимъ что я имѣю и посмотримъ нѣтли иногда какой разныци, да еще прошу васъ говоритъ графь какь завтре войдемъ въ заседаные то подать мнѣ печатную декларацию кою уповаю что также вы имѣете при себѣ, а о протчемъ къ доведеныю до надлежащаго порядка въ подьпысе тѣхъ пунктовъ чтобь оставытъ на его попечение, но притомъ присудствіи говоритъ графъ чтобь изъ моихь подькомандныхъ никто болшъ не былъ окроме меня одного, дабы иногда не сочла шляхта за какое нибудь принужденые и тѣмбы не испортитъ дѣла, я все

сие что графъ говорилъ выслушалъ и обещалъ такь здѣлатъ и съ тѣмъ разошлысь.

По утру въ часу восмомъ пашоль я къ графу, нашоль его уже одѣтого и весма въ богатомъ платье, показалъ я ему мои пункта кои и съвелы съ имеющимыся у него на Полскомъ языке кои были во всѣмъ съходны; содержаные жь оныхъ было благодарностъ отъ всѣго воиводства Браца́вскаго, о той деклараціи и о учиненой отъ Ея Величества Государини Императрици Екатерини второй, гваранцій о ползѣ и защите всего Полскаго государства, въ ихъ волносты закона католицкаго, и десидентовъ въ Полше живущихъ, и что оны ту гваранцию приемлютъ съ великою благодарностыю вь знакъ Высочайшей Ея Ве́личества мылости.

Потомъ стала шляхта собыратца, иные вошлы къ графу въ пакой а другие собыралисъ въ церкву.

Въ часу адинадцатомъ въ началѣ пашоль графь въ препровожденіи всѣхъ почотныхъ шляхтъ въ церковъ, гдѣ поставленъ былъ длиной столъ надькритъ краснымъ сукномъ, а въ округь онаго въ три ряда поставлѣны стуля и скамейки.

Скоро графъ вашолъ въ церковъ, тотъ часъ ударилы органы и началасъ служба, послѣ коей всѣ духовные вышли изъ церквы и двери затворилы, тогда графъ подошедь къ верхнѣму месту того стола указывая всѣмъ чтобы занымалы места по старшинству своему какъ оны между собою о томъ разумѣютца, а мнѣ показалъ графъ возлѣ себя съ левой стороны занятъ стуль, потомъ какь на свои места всякъ сталь, тогда виняль я ту печатную декларацию подаю графу, и говорю ему ужо по полски чтобы рѣчъ мою всѣмъ разумѣтъ было можно, и началъ говорить, первѐе изъспрашиваю отъ всѣго здѣсъ присудствующаго обьщества, чтобы принято было мое обьявленые съ уваженыемъ яко дѣло естъ слѣдующее вь ползу всѣго вашего обьщества и отечества.

Присланъ я сюда въ Брацлавское воиводство оть главной моей камандѣ съ тѣмъ чтобы обьнародоватъ и пobликоватъ учинѣнную оть Ея Величества моей Всѣмилостивѣйшей Государини Императрицы всероссійской Екатерине второй, для всѣго Полскаго королѣвства и всѣхъ обывателѣй во ономъ живущихъ декларацию и гваранцию; а какь вы господинъ графъ нинѣ здесъ находитца изъволыте, говорю я ему, а также и всѣ благородное шляхетство сего Брацлавскаго воиводства здесже въ собранії предьстоитъ, причемъ и я честъ имѣю

[illegible] то прошу [illegible] господинъ графъ яко вы первона[illegible] [illegible] сию декларацию отъ меня и по [illegible] вашему [illegible] всему обществу [illegible], надѣюсь я при [illegible] благородное [illegible] общество не оставить за толь Височай[illegible] къ вамъ оказаную отъ Ея Величества милость принесть монар[illegible] вашу благодарность, и оно на пысмѣ подать мнѣ дабы я къ [illegible]ежащему месту могъ доставить.

Графъ ту декларацию отъ меня принялъ и подаетъ того Брац[illegible] воеводства реенту, (значитъ [illegible] места секре[illegible]) [illegible] ему графъ чтобь читать вьслухъ велегласно.

По прочтенія той декларацій, зачалъ графъ говоритъ свою речъ [illegible] на [illegible] поворнувъ лыце свое къ собраныю, слѣдующее:

«Намъ обывателямъ отечества нашего естъ весма нужно чтобы [illegible] состояние обыщественое какъ нинѣ во многихъ пунктахъ [illegible] во внутреносты порчѣ, катораяя не толко въ управленій заве[illegible], но и волность [illegible] древная чувствуетъ нарушение, и но[illegible] вообще тягость, а дабы таковы тягости съ себя сънятъ, и по[illegible]тъ состояние наше въ цветущее благоденствие для нашего об[illegible] блага, волносты вери и закона, и едносты, по обычаямъ пра[illegible] нашихъ, и тѣмбы на всегда вънредь пользоватца могли, то [illegible] должно намъ имѣть въ предьприятиамъ нашимъ подь[illegible] ізъ сосѣдственныхъ Государей адну сторону, чрезь кою можемъ [illegible]емое достигнутъ, а какъ ко всему сему сия учинѣная отъ Ея [illegible]ичества Императрицы Всероссійской гваранция яко отъ нашей [illegible] сосѣдки, естъ то самое изьявление слѣдуемое въ [illegible] общества, и по своей высокой мылосты, Ея Величе[illegible] сама собою къ намъ отъзываетца и обещаетъ чинитъ во вся[illegible] случаяхъ подьпору и помочъ, намже изо всѣхъ протчихъ сусѣ[illegible] кто въ помочъ такъ полезенъ быть не можетъ какъ Россия, [illegible] что обширную границу съ нею имѣемъ, а друго по націи Сла[illegible]го языка свойство между намы естъ, почему таковы наши [illegible]ные дѣла и надобносты ни кѣмъ болшъ не могутъ быть подь[illegible]ены какъ Россиею, коя намъ и ту гваранцию изъявыла, то и [illegible] мы всѣ вообще такову высокую милость съ великимъ ува[illegible] принятъ и принестъ за то Ея Величеству нашу благодар[illegible]тъ, яже яко обывателъ по владѣнию моему въ семъ воиводстве [illegible]олящемъ, будучи сведомъ о многихъ дѣлахъ кои приуготовляютца [illegible]отве [illegible], то для того поспешилъ къ вамъ мои сер[illegible] [illegible] чтобы съ вамы положитъ союзъ обьществены и учи-

нитъ совѣтъ обо всѣмъ принадлежащемъ что къ ползе обьществу нашему слѣдоватъ можетъ, для чего надобностъ требуетъ чтобь первѣе съконфедероватца и потомъ выбрать обьщемы и всеиными голосамы той конфедераціи маршалка, что сево дня и должно бытъ и назначитъ ту особу каво за благо разъсудитеъ.

По окончаніи сей речи что графъ говорилъ тогда вся шляхта стоя еще на ногахъ принялы графское обьявление за благо и благодарятъ графа за ево толь великое о обществе старание, а первой изо всѣхъ отозвался въ выборе маршалка той новой конфедераціи своимъ голосомъ хоронжи Грохолски, представляя обьществу и показывая на графа что де мы ничто лучше сдѣлатъ къ достиженью всего желаемаго не можемъ, какъ ежелы согласимся на томъ чтобь яснѣвелможнему пану Подьчашему бытъ маршалкомъ.

Послѣ сего перваго голоса былъ второй голосъ отъ князя Четвертинскаго, а потомъ и всѣ вообще на томъ утвердилы, прося графа чтобь онъ то достоинство на себя принялъ, и что оны во всѣмъ предьпринятіи полагаютца на него.

Графъ благодаритъ всему обществу за ту учинѣную ему честь и приказано секретарю податъ чернилицу и бумагу, и пысатъ первѣе тотъ учинѣной отъ воиводства Брацлавскаго маршалку выборъ, коего подьписалы по согласию общему, двадцатъ четыре главныхъ того воиводства господъ, а за тѣмъ напысана маршалку на то достоинство присяга коя подьнесена для подьпыси графу.

Графъ принялъ оную и приступылъ совсѣмы предьстоящимы къ олтарю прочелъ самъ предь всѣмы въслухъ, и потомь подьписалъ; а за тѣмъ подьнесено графу тростъ илы жезлъ маршалски, коего принялъ графъ въ руку и поклонылся съ онымъ всѣму собранию увѣряя своимы словамы, что онъ по силѣ учинѣной присяге и возложеной отъ сего воиводства на него доверености будетъ яко синъ отечества во всѣмъ наблюдатъ правду, а по любве къ отечеству своему и въ ползу всего обьщества старатца долженъ исполнятъ.

Потомъ селы всѣ вьокругъ стола, а другие кои былы нижний шляхта каковыхъ собралосъ множество сталы на ногахъ, и всякъ кто хотѣлъ илы имѣлъ чего говоритъ то обьявлялъ, о чемъ ежели бы всио опысиватъ, то бы чтениемъ упустытъ время по пустому.

Напослѣдокъ чтобь сие сократытъ, а приступилтбы къ предьпринятыю дѣла и совершитбы то за чѣмъ я присланъ, (о чемъ я [illegible]

Болшая сумятица приступивши все то собраные къ подыпыси) для чего напомнылъ графу какъ я возлѣ него сидѣлъ, чтобь не оставилъ двинуть при семь собраніи и въ тотже день подьпысать тѣ пункта кои имѣютца у него, (а таковые жь и у меня о чемъ я выше говорилъ), дабы можно было оные поскорея отьправытъ.

Графъ тотъ часъ ударилъ своимъ жезломъ, каторой предь нымъ на столѣ лежалъ, въ знакъ, чтобы отъ многихъ глаголовъ поутышитца, отъ чего было уже и съльшкомъ шуму, по коему отъ графа знаку всно стало тихо и замолклы ожидая что еще сказано будетъ.

И потомъ вынулъ графъ имѣющиеся тѣ у него пункта (каковы были на полскомъ языке заготовлены въ двойнѣ), и сталъ говоритъ что намъ всѣмъ вообще, мои любезные братци и обывателы отечества нашего, надлежитъ, таперъ при зачале сего нашего союза, и сей новой конфедераціи учинитъ первѣе благодарностъ Ея Величеству Императрице Всероссійской за толъ велико оказаную намъ милостъ, о коей въ деклараціи выражено, и что мы остаемся подь гварантиею Ея Величества, то для того подьношу здѣсъ пункта кои изъявляютъ отъ нашего обьщества сего воиводства что тѣмъ будучи даволны приносимъ нашу благодарностъ, а что сие всѣмы намы учинено, и та декларація съ удоволствиемъ нашимъ принята, то здесъ въ нашемъ собраныи присудствующій сей господинъ подьполковникъ войска россійскаго, (указывая графъ на меня) каторой сюда потому тому присланъ, можетъ и отъ себя для верносты по своей камандѣ о томъ донестъ и засвидѣтелствоватъ.

И то обьявывъ графъ подаетъ тѣ пункта секретарю и приказываетъ читать вьслухъ велегласно, о коихъ по прочтеніи отозвалосъ было несколко голосовъ что о десидентахъ имѣютъ сумнителство какъ въ той деклараціи изъявляетъ, и что онымъ не принадлежитъ тѣмъ правомъ ползоватца на какомъ остаютца прямые сины отечества въ законѣ католицкомъ состоящие, а о протчемъ во всѣмъ оны сь великою благодарностью по той деклараціи остаютца даволны.

Изъ сего мало не зашумѣлы и всѣ протчие, и вижу я что дѣло идетъ почты къ раздору, то чтобы ускоритъ, (нежелъ всѣ по своему обычаю крикнутъ не позволямъ) въэглянулъ я на хоронжего Гройскаго а также и на старика князя Четвертинскаго, подалъ имъ тайно мину чтобь оне успокоитъ, почему хорожии тотьчасъ въставши сь стула обьявляетъ собранью что де мы уже вибралы маршалкомъ всемъ велможнаго пана Подьчашего каторой естъ такой же сынъ отечества какъ и всѣ мы, и онъ конечне таперъ приездомъ своимъ

отъселъ въ Варшаву, будетъ при отьиритіи генералной конфедераціи знатъ къ чему сие дѣло клонытца и можемы изъ того лучше последовать какая опасность илы нѣтъ, то не лучше лы [illegible] [illegible] на него какь онъ заблагоразсудитъ.

Графъ съ своей стороны на слова Грохолскаго сталъ говорить уверяя общество о своей къ нимъ преданносты и о той любовѣ къ отечеству какову онъ имѣетъ и что конечне не оставитъ во всякихъ случаяхъ ползу онаго наблюдать.

Сие увещание принесло въ протчихъ несколко сыклонность къ успокоеныю и ужъ не такь жестоко о томъ противоречить сталы, и видя что на то графъ яко маршалокъ согласенъ, то ужъ и протчие всѣ приступилы и сталы подписивать, первѣе подьпысался графъ а за нымъ и другие, а подьписавши вѣручилъ мнѣ графъ адины, а другие такнежь удержалъ онъ у себя.

Потомъ приказано чтобы позватъ старшего ректора того езуитского манастира съ протчимы духовнимы, кои какь пришлы, тогда графъ и со всѣмы присудствующимы въставши съ стулѣвъ объявляетъ графъ тому началнику и духовенству о учинѣной новой конфедераціи и далъ имъ читатъ ту печатную декларацію, и подьпысание благодарние пункта, а за тѣмъ сказалъ графъ чтобы отьпѣтъ тутъ въ церквы благодарной молебенъ, почему тотьчасъ и зачалось пѣние съ музыкою церковною и при возгласіи на латинскомъ языке: Te Deum Laudamus; то естъ тебѣ Бога хвалымъ, ударилы лытавры и органы а на дворе зачаласъ палба изъ мелкаго ружьа той драгунской роты что съ графомъ въ конвое пришла, а притомъ изъ церковныхъ четырехъ мартиръ три раза выстрелено, тутъ ужъ духовенство принесло маршалку поздравление и говорилы некоторые предъ графомъ свою речь.

По окончаніи всей сей церковной церемоніи просилъ графъ всѣхъ къ себѣ на обедъ, и съ тѣмъ вышли изъ церквы, и проводилы графа въ его покои, а мымо ходомъ отьдалъ графу караулъ моего ескадрона честь.

Я тотьчасъ напысалъ короткой рапортъ приложа при ономъ и тѣ подьписаные пункта отьправылъ нарочно афицера по почтѣ къ главнокомандующему корпусомъ генералу-маиору Петру Никитичу Кречетникову, причемъ также приложылъ по скорости того моего отправленыя не болшое партикуларное къ генералу пысмо съ изъявлениемъ о доброхотстве графа къ нашей сторонѣ также и о корол-

дому Гроходскомъ, что онъ былъ мнѣ въ подъмысаніи думктовъ надовонъ и помогалъ много.

Рапорты мой успѣлъ быть первымъ изо всѣхъ протчихъ деташементовъ, и тѣ пункта отправлены отъ генерала въ Варшаву, къ находящемуся тамо нашему россійскому полномочному послу князю Николаю Васильовичу Репнину, за которой такъ учиньной мною успѣхъ получилъ я благодарность.

Тотъ денъ покудова всио то кончилось, и какъ вышли изъ церквы было ужъ часъ въ началѣ четвертой после полъденъ, столъ у графа былъ поставленъ адинъ, въ болшой залѣ, (что по манастирски называетца Refectorium) надькрытъ на тритцатъ на шесть кувертовъ, вся посуда на серебрѣ и сервизъ весма харошъ, при томъ столѣ сѣлы самые почотние чины и знатная шляхта, при коемъ я и афицеры мой мѣсто имѣлы, а въ другомъ также болшомъ покое поставлены были еще два длинные стола, тамъ ужъ протчие мелкая шляхта заняли места селы, коимъ могло достатца, а другие многие и на ногахъ стаялы и ѣлы что какъ кто могъ.

У перваго стола слуги графские услуживалы двенатдатъ лакеевъ, шесть офицiантовъ, четыре гусара, два арапа, и два егера, и и всѣ въ богатой ливреи были одѣты.

Во время стола играла собственная графская музыка на разныхъ инструментахъ, и какъ первой букалъ съ виномъ венгерскимъ графу подьнесенъ, то онъ въставши съ стула отозвался ко мнѣ, что онъ пьетъ за здоровые Ея Величества Императрицы Всероссійской коя есть всѣмилостивѣйшая Государиня и гварантка полскаго государства, тогда зачаласъ на дворе палба, первѣе отъ моего ескадрона каторой тутъ былъ приведенъ и построенъ, а за нымъ изъ мартиръ и мелкаго ружья отъ графскихъ драгуновъ, и тако продолжалосъ далѣ то за здоровые пытие и не другимъ какимъ виномъ а всио венгерскимъ даже до самаго вечера, тутъ ужъ было напослѣдокъ болшая частъ пыяныхъ, а особливо изъ мелкой шляхты слишкомъ много, кои обькружа графа валялысъ по землѣ у его ногъ.

На томъ тотъ денъ и до одинъдцатаго часа въ ночъ безъ премѣнно такъ происходило, а потомъ болшие паны разошлысъ по своимъ квартерамъ, а мѣлочь осталысь во всю ночь, бурлилы и валялысъ по двору до самаго свѣта.

По утру въ часу десятомъ было опять въ церквы собраные, сие ужь было изъ собственая надобность, и некоторые чиновцы и

другая шляхта подавалы графу запыси яко маршалку о своихъ обыщественыхъ нуждахъ, кои онъ принималъ и чинилъ на оныя свои резолюціи, имѣлы также оны вообще обо всѣмъ разсуждені, что въ той новой конфедераціи принадлежить и обо всѣмъ учинѣнъ протоколъ и запысано по пунктамъ, оное продолжалось до третяго часа съ полъденъ, патомъ пашли всѣ въ графскіе покои и былъ столъ такъ какь и вчерасъ, после обеда графъ многихъ дарылъ часамы, табакеркамы, перстнямы, а мелкую шляхту денгамы и не оставылъ ни адного чтобы каму чего не далъ, а мнѣ графъ подарилъ верховую аглицкую лошадь, да на ескадронъ далъ сто червоныхъ а караулному афицеру часи золотие, и казакамъ по поль рубды на каждаго.

Не трецы денъ у графа стола болшаго не было, а по утру рано въ тотъ денъ какъ я уже пресилылся квартерою своею въ мѣстечко, и домъ былъ порядной, то прислалъ графъ ко мнѣ своего дворецкаго съ уведомленыемъ что после полъдня хочетъ графъ со всѣю шляхтою учинить мнѣ визитъ, и какде обычая есть чтобъ гостѣй попотчавать, а вы сюда заехалы на лехке и принасовъ съ собою не завезлы тоде для того присилаетъ графъ вамь вина венгерскаго адну бочку а другую французскаго, я ту посилку принялъ и поблагодарилъ.

Обедалъ я тотъ денъ у себя съ моимы афицерамы дома, и приуготовлялъ къ принятыю пришедшихъ къ себѣ гостѣй.

Въ часу четвертомъ изволилъ графъ съ протчимы господами ко мнѣ притыть, я гостѣй моихъ принялъ и подьчовалъ присланымъ мнѣ виномъ яко бы своимъ собственымъ, и было того давольно, отъ чего я напослѣдокъ какъ мелочь препылась на великой беды былъ, что недоволно въ тотъ денъ но и на другой со двора нейдуть а прочатъ дай пытъ.

Графъ на четвертой денъ паехалъ и при отъездѣ обьявыль мнѣ что онъ едетъ въ Варшаву, и что тамъ какъ соберутца всѣ маршалки той новоучинѣной по воиводствамъ конфедераціи, тоде тогда отъкроитця въ Варшаве генералная конфедерация, а потомъ будутъ сеимики въ тѣхже воиводствахъ на которое время говоритъ графъ что опятъ онъ сюда будетъ, и тогда вибыратъ станутъ депутатовъ, или пословъ отъ воиводства, кои должны ехатъ въ Варшаву для установления и отъкрития генералнаго сейма, и говоритъ ещѣ графъ что де я думою и вы о томже отъ своей каманде получите повелѣные и надѣюсь ещё васъ здѣсь по приездѣ моемъ видѣть, въ кое времѧ можетъ быть что всио лучше будетъ нежели тапѣрь было.

Я проводилъ Графа милю две и далъ [illegible] моего [illegible] до перваго местечка, и простясь съ нимъ вернулся, а назадъ [illegible] поехалъ на свою путь.

При отъкрытии сей нашей конфедераціи показовалъ себя графъ духомъ великимъ, и предьвозвещало нечто болшое, ево намерение хотя и съкрыто было но предьприятие его подавало выдъ величественной, я о томъ много кратъ помышлялъ и заключалъ что чему нибудъ да быть болшому, а особливо какъ онъ часто въ разговорахъ упомыналъ о правленыю по внутреносты что естъ порчъ и противность правамъ ихъ волносты и отечеству, сии слова напоследокъ подали мне обьяснение, какъ я увиделъ что графъ теми днямы [illegible] у насъ бытъ имелъ съ аднимъ господиномъ (которой у воеводы Киевского войскахъ состоялъ въ доверености и онъ тутже при отъкрытии сей конфедераціи присудствовалъ) разговоры часто наодине и графа проводилъ онъ до местечка Брайлы где и остался во дворе воеводы Киевскаго, дожидаясь обратно графскаго приезда, то я съ нимъ во время моего тамо пребыванія познакомылся и завелъ дружбу, назывался сей господинъ по фамыліи Ортински, я нарочно ездилъ [illegible] туда къ нему въ госты и входылъ съ нымъ въ разные разговоры, причемъ ужь довелъ ево до того что онъ мне отъкрылъ весь [illegible] секретъ, и говоритъ что де вся Потоцкихъ фамылия а особливо воевода Киевской [illegible] первоначалны той фамыліи имеютъ неудоволствие на постановленыя короля полскаго Станислава Понятовскаго, и для того де таперь при отъкрыліи сей конфедераціи съчитаютъ за удобность и въ помощь къ исполнению своего намерения утвердное отъ российской стороны заварантию, чтобы темъ способомъ короля Понятовскаго свергнутъ съ престола Полскаго, а на ево место возвести королемъ воеводу Киевскаго, и потому де таперъ господинъ Подьмаци Литевски принялъ на себя сие достоинство бытъ маршалкомъ сей конфедераціи, и по собраніи въ Варшаве всего обьщества старатца онъ будетъ пригласитъ къ тому господь сенаторовъ въ достиженыю того ихъ наме́реныя.

Такомъ предьметъ у сихъ господь былъ неосноватоленъ такъ далеко и даже простирались мыслями своимы въ ту надежду что [illegible] отъ стороны российской будутъ иметь въ томъ подькрепленые, о [illegible] однако оны ошиблысь, изъ чего что воспоследовало, будетъ [illegible] далее.

Я въ томъ местечке [illegible] оставался въ ожиданый посланного моего съ теми подьпысанимы пунктами курьера, которой на четвер-

той неделѣ ко мнѣ возвратылся и привезъ отъ главнокомандующаго корпусомъ генерала ко мнѣ ордеръ, въ коемъ предписано мнѣ дожидатца въторителнаго приезда въ местечко Виньцу господина Подчашего Литевскаго графа Потоцкаго, и что вто время ко мнѣ чрезъ нарочнаго курьера данно будетъ знатъ какое еще дѣло предьпринятъ і исполнытъ должно, а притомъ прислано ко мнѣ на покупку фуража и провианта потребное число денегъ, а равно и екстраординарной сумы триста рублеи кои употреблятъ велѣно на посылку курѣровъ и на угощеные иногда тамошныхъ господь.

Жылъ я въ местечке Виньце всего три месеца не имѣя между тѣмъ ни какова дѣла а толко для препровожденыя времены упражнялся въ екзерцицій моего ескадрона, забавлялся также по лесу за охотою, ездылъ по гостямъ, какъ я со всѣмы господамы съпознался и часто оны у меня бывали чѣмъ и вошолъ я къ нымъ въ любовъ, и тѣмъ всякъ изъ ныхъ радъ былъ меня у себя имѣтъ, и для посылалы за мною свои екипажи, просылы въ госты, отъ чего я не отказывался, дѣлалъ имъ въ томъ удоволствие и проводылъ время съ нымы весело.

Напослѣдокъ отъ главнокомандующаго корпусомъ генерала присланъ ко мнѣ курьеръ, каторой привезъ ордеръ и при ономъ приложены особливые пункта съ предьписаныемъ что въ томъ Браславскомъ воиводстве должно учинѣно быть отъ шляхетства собранье и открыть сеймикъ, на коемъ чтобъ выбрать двухъ депутатовъ и отправитъ въ Варшаву на генералной сеймъ, но притомъ отпритій чтобъ я старался конечно привесть всю шляхту того воиводства къ выбору обеихъ братьевъ Грохолскихъ первой хоронжим, а другой подьстолы воиводства, на которое время къ открытию того сеймикка пишетъ генералъ что приедетъ опятъ ко мнѣ господинъ Подчашии Литевски графъ Потоцки, а до прибытия его содержатъ мнѣ сие дѣло въ секретѣ.

О семъ хотя никому ничего я и не сказывалъ но необходимо надобно было уведатъ на периодъ о таковыхъ выборахъ, какие въ томъ прежныхъ временъ у господь Поляковъ обычаи былы, дабы узнавъ сие могъ я свои меры предьприниятъ, для чего и завелъ я о томъ стороною съ господиномъ хоронжимъ Грохолскимъ разговоръ, говорю ему что у васъ слышно и нѣтли чего новаго и будетли, что знаю, скоро въ Варшаве отъкриватца генералнои сеимъ и кто будетъ главнымъ маршалкомъ выбранъ, и что думаю надобно бытъ теперъ въ Варшаве болшому собраныю.

Хоронжи мнѣ на мои слова скоро отъвечалъ, и говоритъ что правда надобно бытъ въ Варшаве сейму, и какде слишно что уже генералная конфедерация кончиласъ и выбранъ на оной генералнымъ маршалкомъ князь Радзивилъ, тоде потому нада ожидатъ скоро и болшаго сейма, однако не прежде тому бытъ покудова на периодъ изо всѣхъ местъ целаго нашего государства не соберутца туда послы, кои должны бытъ выбраны во всѣхъ воиводствахъ и поветахъ, собраные для выбору тѣхъ пословъ должно бытъ на периодъ публиковано и денъ назначенъ когда собыратца, и собраные будетъ имѣтъ свои разъсужденіи обо всѣмъ что до общества принадлежитъ, а также на то время долженъ бытъ сюда нашъ маршалокъ каторои насъ съконфедеровалъ и онъ приехавши отъкроитъ здѣсъ яко довереная особа по королѣвскому повелѣныю въ нашемъ воиводствѣ сеимыкъ, и учинитъ выборъ тѣмъ посламъ, каторые потомъ снабжены будутъ отъ общества иньструкциею и отъправлятца въ Варшаву.

Я вислушавъ всѣ сіи отъ хоронжего слова говорю еще ему ежелы приедетъ сюда нашъ маршалокъ господинъ Польчаши и отъкроитъ сеимыкъ и на ономъ будутъ вибыратца послы, то каво вы думаете на таково посолство выбрану бытъ, онъ на то мнѣ сказалъ что де того на периодъ угадатъ нелзя потому что у насъ въ такихъ виборахъ бываютъ иногда споры велики, ибо всякъ желаетъ приобрѣсть ту честь, для чего де мелкая шляхта много мешаетъ кои придобщасъ къ которому ныбудъ изъ насъ болшому держа его сторону, хотя бы иногда другие и не хотѣлы на того выборъ учинитъ каво оны хотятъ но въ разъсужденій нашей волносты и обыкновенаго слова не позволямъ, то и удерживаетъ таково достоинство тутъ на кова болшъ голосовъ припадетъ.

Мнѣ ужъ сего что харонжи сказалъ было даволно разумѣтъ въ чемъ та ихъ обьщественая съвязъ состоитъ, однако хотѣлъ я еще и обь нѣмъ самомъ узнатъ каковихбы мыслеи онъ былъ естли бы о томъ ему отъкритъ что я оть команды въ виборе его повелѣние имѣю, а къ тому еще болѣе была моя въ томъ надобностъ чтобъ его дружбою къ себѣ приласкатъ и подькрепытъ себя дабы въ моемъ предьпринятіи былъ мнѣ кто ныбудъ рука въ помочъ, ибо мнѣ тѣ присланые пункта вертѣлысъ непрестано въ голове, о коихъ чтобъ при отъкритій сеимыка вся шляхта захотѣла принять и подьписатца я жестоко о томъ сумнѣвался, яко важностъ велика, то и долженъ я былъ упредытъ могущие иногда бытъ споры и старатца привесть

шляхту на свою руку, для чего и зачалъ я далѣ разговоръ вестъ съ хоронжимъ и говорю ему, ну ежелы таковъ выборь посолства отъ здешняго воиводства припадетъ на васъ то будете лы вы тѣмъ даволны.

Онъ отьвѣчалъ какже небыть доволну, мнѣбы говорить онъ сие здѣлало болшую честь и подалобы предь протчимы первенство, такъ говорилъ я ему ежелы вамъ угодно то въ то время какъ здесъ будетъ отъкриватца сеимыкъ постараюсъ я чтобъ васъ въ послы выбратъ и отъправить въ Варшаву, онъ на тотъ мои къ нему отъзывъ былъ весма доволѣнъ и сталъ еще просить моего въ томъ споможеныя, обѣщалъ съ своеи стороны възаимное делать естьлы въ чемъ была моя надобность, я ему повторилъ мое обещание и далъ твердое слово.

Изъ сего что хоронжи говорилъ было то уже на первои случаи въ моемъ предьприятій подькрепления доволно, и онъ сталъ ко мнѣ совсѣмъ дружелюбенъ, и даже что нѣкоторые секреты своихъ обьщественыхъ разговоровъ мнѣ обьявлялъ, что къ упрежденыю въ моихъ предьприятияхъ послужило мнѣ много.

Я ужь приобрелъ сего господина сторону къ себѣ надеждою крепко, но брата его меншаго подьстолаго Брацлавскаго хотя и знаю и онъ бывалъ у меня, однако я у него въ доме не бывалъ, яко онъ особно отъ брата въ другой местносты жылъ, и потому далней дружбы съ нымъ еще не имѣлъ, то и надобно мнѣ было и его также къ себѣ пригласитъ, яко изьвѣстно что онъ не есть свойственъ натурою съ братомъ а много упорливъ, а также что на своемъ полскомъ языке онъ на правахъ великои знатокъ, отъ коего я несколко сумнѣвался дабы иногда онъ не былъ мнѣ противенъ, для чего говорю я къ хоронжему что видишъ вотъ какъ я еще хочу вамъ оказать мою дружбу, и намеренъ старатца чтобы и братъ вашъ подьстолы былъ обще съ вамы вибранъ въ посолство въ Варшаву, и ежелы вамъ то есть угодно, такъ можете ему подъ секретъ о томъ дать знать, однако не сказываю я ему еще ничего о томъ что такое я повелѣние объ ныхъ обеихъ отъ команды своеи имѣю, сдѣлалъ предъ нимы такую маску нибы то я самъ собою такъ произвесть хочу, и тѣмбы болѣе ихъ къ себѣ въ привязаность привесть.

Хоронжи какъ я ему о томъ сказалъ что и брата его въ выборе въ послы хочу старатца, былъ тому оченъ радъ и брата своего о семъ изьвестылъ, которыи ко мнѣ скоро приѣхалъ и услышивши отъ

меня то самое здѣлался уже обще съ братомъ своимъ хоронжимъ наровнѣ мнѣ друзьямы, и были на всякъ случаи къ моей сторонѣ съклоны.

И тако я на томъ положеныи остался ожыдая прибытия подьчашего Литовскаго, а между тѣмъ зачалъ я знакомытца съ мелкою шляхтою, дабы всио приготовить за благовременно слѣдуемо въ ползу къ сторонѣ моеи надобносты, яко та мелкая шляхта суть люде такие кои въ своихъ собраныяхъ по ихъ волности могутъ много и хорошаго и худаго здѣлать, для чего призывалъ я ихъ къ себѣ угащивая напыткомъ чего оны весма принымать любили, а многихъ бедныхъ изъ моей екстраординарной сумы дарылъ денгамы иному на сапоги а иныиъ червонца по два и по три и болѣе смотря по его своиству и что прилычно кому дать, изъявляя тѣмъ мое къ нымъ доброжелателство и что знакомство радъ имѣть со всѣмы, какъ говорю я имъ есть время свободное и я въ воиводстве вашемъ нахожусъ и сколко уже времены здесъ живу, то и не хотѣлъ оставыть чтобъ со всѣмы вамы не познакомытца, и то есть мое наиболшее удоволствие когда приятелѣи себѣ наиду, хваля ихъ обычаи и храбрость, и что я самъ какбы радъ навсегда между имы быть, оны всѣмъ тѣмъ будучи даволны возвышалы меня своимы похвалнимы словамы до небесъ и готовы были на всио приступытъ чтобы толко я имъ дѣлать приказалъ.

Таковы госты уже опосля и незваные ко мнѣ почты всякой денъ наведивалысъ и съвежихъ другихъ съ собою приводилы и дѣлалы мнѣ свои визиты (однако за интересомъ) коихъ я всегда принималъ ласково, поилъ и подьчевалъ даже что допыяна напывалысъ и тутъ иные и чрезъ ночъ валялысъ.

Изъ сихъ голышевъ я ужь примѣчалъ кто можетъ быть полезенъ къ сторонѣ моеи, съ таковимы болшъ и разговоры имѣлъ и державъ ихъ напоготове какъ дѣло въ надобности придетъ.

Такимъ образомъ устроилъ я въ запасъ къ достижению своего предьприятия и ужо болшая часть шляхты моя рука были, и мнѣ такъ казалось что дѣло мое совершенно будетъ съ желаемымъ успѣхомъ, но потомъ чутъ и мало вся моя надежда не пропала, ибо приотъкрытїй сеимика и публикованыхъ пунктовъ явилысъ затрудненый какъ о томъ ниже видно будетъ.

Подьчаши Литовскии графъ Потоцкии скоро потомъ къ намъ приехалъ и остановился въ местечке Браиле въ доме воеводы Киевскаго,

о чемъ мнѣ далъ знать, а въ воиводство учинылъ публикацию назначивъ о собраній всѣи шляхты денъ въ который съездъ долженъ быть и онъ на тоже время въ местечко Виныцу прибылъ.

Въездъ его былъ ниже нимало съходенъ противъ прежняго и всего то состояло еквипажь карета одна, кухня и две повоски по четыри лошады да несколко человекъ слугъ, онъ показалъ выдъ жалостнои и невеселои, мы всѣ думалы неболенлы такъ онъ было лице свое пременилъ.

Квартерою сталъ въ томже езуитстскомъ монастире гдѣ и прежде былъ но такъ какбы партикуларно приехалъ безъ всякаго великолѣпыя, вся шляхта уже собралась и дожидалысъ его на улыце, также и я его тутже въстретылъ предь монастыремъ у воротъ, и въ честь такъ какъ и прежде ему караулъ отъ моего ескадрона поставылъ, приняли его всѣ господа съ великими уклонамы и препроводилы въ покои.

Бавылся я у него въ поздую вечерь дожидаясь покудова всѣ другіе разошлысъ, а потомъ обьявляю ему что я уже о томъ что его сиятельство къ намъ сюда приедетъ и сеимыкъ въ здѣшнемъ воиводстве яко маршалокъ отькроитъ и пословъ въ отьсилке въ Варшаву вибыратъ будетъ имѣю отъ команды моей увѣдомлѣние, онъ тотъчасъ пресекъ мою речь и говоритъ я де чаю что вы уже имѣете и такое повелѣные ково имено и въ послы назначитъ, а также и пункты къ подьпыси къ вамъ думаю присланы, на то сказалъ я ему что такъ есть и докладиваю что о исполненыи сего предьписано мнѣ что возложено на васъ, и вы говорю я ему конечно не оставите. въ томъ здѣлать такое расположеные каторое будетъ знакомъ вашего усердия къ волѣ ея величества нашей Всероссійской государынѣ, въ честь и похвалу вашего собственаго имены.

Онъ на то отьвечалъ другъ мои вы правда хотите и желаете того чего может быть обьщество здѣшнѣе едвалы будутъ на то согласны, яко дѣло важносты такои есть каторое отечеству нашему несносно и болѣе къ погибелы служитъ можетъ нежель къ ползе, а завтреде увидимъ что далѣ покажетца, и то выговоривъ отьвратылся протчъ и пошолъ въ другой покои.

Такова въстреча была мнѣ почти ударъ болшой, зная ежелы по предьпысаному мнѣ повелѣныю неудастца такъ здѣлать что могу потерпѣть невыное нареканіе и сочтетца за мою оплошность, и въ тѣхъ размышлѣныяхъ пообождалъ я еще тамъ покудова графъ опять ко мнѣ вы-

шелъ, тутъ я сталъ повторять ему о предьпринятій дѣла, выхваляя его особу какъ всио благоразумно было устроено прежде при отькритій здесь и конфедерацій, и какъ главная наша каманда тѣмъ всѣмъ доволна и что конечно о томъ его усердій и къ ея величеству нашей государынѣ донесено, и какъ таково дѣло болшои доверенносты ему приписуетца, а потому что оказалы говорилъ я ему вы господинъ графъ толь великій знакъ прежде вашего усердия то и таперь надѣюсь, что конечне неоставите доказать въ честь и въ славу вашего имены и въ ползу своему отечеству чтобы предьпринятое дѣло привесть въ совершенство, и то всио виговаривши предьставляю еще ему чтобы завтрешны день какъ сеимыкъ отькроитца неоставилбы при виборе пасловъ отъ воиводства здешняго выбрать таковыхъ какбы моглы при главномъ сеиме въ Варшаве быть въ ползу общества и отечества вашего, тѣмбы принесть честь особливую воиводству здешнѣму, а яко таковы послы должны быть люде знающие вопервыхъ въ своихъ собственыхъ правахъ и законовъ, и соглашатца на основаній прежде учинѣной здесъ конфедерацій начемъ и генералная въ Радоме конфедерация свое основание положила, то чтобы въ противность оной не было нонѣшнымъ предьпринятыемъ въ деле какои розницы, для чего сколко времены я здесъ нахожусъ говорилъ я графу были случаи доволны обознатца со всѣмы здешнимы господамы, о коихъ немогу инаково сказать какъ что суть люде съ достоинствамы и наровнѣ адинъ какъ и другои, изъ между коихъ какъ мнѣ кажетца ваше сиятелство весмабы потрафилы естлы завтрешны день вы яко маршалокъ положите первы свои голосъ въ виборе пословъ на обеихъ господъ Грохолскихъ, анѣ говорю я графу люде бывалие между болшимы господамы и сложеныя хорошаго кои уповаю что возложенаго на ныхъ отъ общества дѣла не испортютъ нимало.

Графъ слушалъ мои слова что я ему говорилъ оченъ вънятно и отъвечаетъ, чтоде я сколко сылъ моихъ есть буду о всѣмъ томъ старатца что вы таперь говоритъ изволыте привесть въ желаемыи вами успѣхъ и о выборе господъ Грохолскихъ на посолство могу васъ тѣмъ обьнадежитъ какъ я и самъ на ныхъ мое мнѣніе полагаю, но въ подьпысе тѣхъ пунктовъ кои къ вамъ присланы не знаю что вамъ сказать, понеже сие дѣло есть прискорбнои намъ пунктъ.

Я еще мои слова представлялъ графу выражая адно и другое въ похвалу его имены естлы онъ приложитъ свое стариные и доведетъ дѣло къ благополучному окончанию, и подьношу ему преводъ на полскомъ языке съ тѣмъ присланыхъ мнѣ пунктовъ кои завтре

при открытіи сеимыка подьписать должно онъ ихъ оть меня принялъ и прочелъ, и подаетъ обратно, сказанъ притовъ что и онъ такиежъ имѣеть, а сій чтобь я ему завтре въ присутствій подалъ, и между тѣмъ доутра будетъ онъ о томъ имѣтъ свои разьсужденій (и натомъ какь ужо часъ адинатцаты въ ночъ время въ разговорахъ нашихь продолжилось то я оставылъ его сь пакоемъ и самъ пошолъ на квартеру).

Признаюсъ тебѣ читателю мои что я ту всю ночъ ниже глазъ моихъ не затворилъ и спатъ неляговился, такъ тревожилы меня мысли мои всю ту ночъ и до самаго утра.

Я какъ скоро разъсвело послалъ къ господамъ Грохолскимъ прося ихъ къ себѣ, оны приехалы было то рано въ часу восмомъ, мы вошлы въ разговоры адно и другое между протчимъ сказываю я имъ что оны оба въ посольство будутъ выбраны и что я о томъ уже у господина маршалка сгезы направылъ и что онъ здѣлатъ обещалъ.

Такимъ моимъ обьявленыемъ сій господа были много даволны, а таперъ говорю я имъ хочу вамъ обьявытъ пункта кои надобно вамъ старатца сево дня при отъкритій сеимика чтобь подьписаны были, и вы тѣмъ самымъ докажете свое усердые въ ползу начатого дѣла, и приобретете честъ своему имены, какъ я о томъ что вы окажете свою склоностъ не оставлю чрезъ нарочнаго курыера донестъ главнои камандѣ, и вы говорю я имъ по прибытій въ Варшаву надѣятца можете получитъ за то благодарностъ отъ нашего полномочнаго посла въ Варшаве пребывающаго.

Сіи господа сталы тѣ пункта читатъ и всно харошо имъ показалосѣ окроме толко третяго пункта, что о дисидентахъ, и последныхъ въ ономъ вираженыхъ словъ; говорятъ мнѣ что сій термыни сутъ великои важносты и не знаемде мы какъ къ сему приступытъ и что еще на то общество наше говоритъ будетъ чрезъ что опасатца должно великаго не согласия и споровъ, на послѣдокъ по многимъ моимъ къ нымъ увещаваныямъ обещалы и положилы на томъ что въ присудствый на обьявленые въ обществе сихъ пунктовъ не будутъ оны противоречитъ, а примечатъ станутъ на какую сторону протчихъ господъ голосъ клонытца будетъ, дабы иногда неподьвергнутъ себя въ обьществе какому-лыбо подозреныю, и съ тѣмъ пашлы оны туда глѣ имъ собыратца надобно.

Я тотъ часъ послалъ еще призватъ тихонка къ себѣ некоторыхъ ужо прежде мною приласканыхъ и на коихъ несколко положитца могъ изъ мелкои шляхты, коимъ не много я отъкрилъ дѣла а

толко адну поверхностъ, уговоривъ ихъ при томъ чтобы оны сколко можно между собою наблюдалы тишину, и не билобы въ собраній по ихъ обычаю шуму и крику, и говорю чтобы въ условыяхъ болшъ смотрѣлы на господь Грохолскихъ яко оны сутъ люде почотние й знающие въ своемъ дѣле порядокъ, то чтобы соотвѣтствовалы своимы голосамы й оны на чемъ тѣ господа Грохолские согласны будутъ, а также и господинъ маршалокъ говорю я имъ не оставитъ конечне всио то здѣлатъ что къ ползе обыщества принадлежитъ, такъ по тому чтобы и вы не прекословилы и были бы на то согласны.

Сій часто бывалые прежде у меня гостьі принялы таково отъ меня наставление правда съ охотою, но та беда что ужъ инои успѣлъ не много нагрѣтца да и тутъ у меня еще водки просятъ, я имъ принужденъ здѣлатъ удоволствие, хотъ не великою порциею но однако сумнѣвался чтобы иногда не здѣлалы конфузіи и раздору, для чего еще я имъ напомыналъ о томъ благочиній какое имъ наблюдатъ должно и чтобы на томъ утвердилысъ.

Оны всио то обещалы исполнытъ и обьнадежилы что ошибки не будетъ, яко имъ ужъ не въ первое при такихъ собранияхъ бытъ и оны свои обычаи знаютъ и чтобь я ни мало о томъ несумневался, и съ тѣмъ отъ меня вышли.

Часъ ужъ десятои въ началѣ пашолъ и я къ графу, засталъ ево ужо одевшисъ самъ еще адинъ былъ въ своемъ пакое, принялъ онъ меня ласково, говорилы мы о дѣле кое начато будетъ, однако еще не примѣчаю чтобь онъ съклонъ былъ на требованій наши, между тѣмъ сталы ужо и другие приходытъ и мало погодя собралысъ всѣ господа къ нему; въ часу адинатцатомъ пошлы въ церковъ слушалы службу коя не долго насъ забавыла, а потомъ затворилы двери, селы около приуготовленаго болшаго стола въсякъ по своимъ местамъ, мнѣ показалъ графъ сестъ возлѣ себя съ левои стороны, потомъ говорилъ онъ речъ свою яко маршалокъ къ обществу что намъ сево дня надьлежитъ учинитъ нашимъ союзомъ общи советъ и по силѣ заключенои предь симъ въ здешнѣмъ воиводстве конфедерацій отъкритъ таперъ сеимыкъ, и учинитъ выборъ двомъ особамъ отъ нашего обьщества въ посолство кои отъправлены будутъ при нашеи общеи инъструкцій въ Варшаву на генералны сеимъ, что и отъдаю таперъ на волю всего обьщества каво заблагоразъсудите на то посолство вибратъ, или балантировкою илы такъ толко аднимъ общимъ условиемъ.

Господа присудствующие то вислушавъ зачалы между собою о томъ говоритъ и советоватъ, а потомъ въсталъ съ стула старикъ князъ Четвертински докладиваетъ обществу не лучше лы будетъ, говорилъ онъ, положитца на яснѣ велможнаго пана маршалка ково онъ заблагоразъсудитъ то тѣ да и будутъ отъ нашего воиводства посланы, къ сему приступыли и всѣ протчие, обьявывъ графу что возлагаютъ тотъ выборъ на него.

Графъ въставши благодаритъ обьществу за толъ велико оказаную ему честъ, говоритъ ко всѣмъ: високо урождены господа здѣсь присудствующие и мои любезные собратыя, приступаемъ мы таперъ къ дѣлу такому каторое зависитъ важносты великои, изъ чего ожидаемъ и надѣемся къ достиженыю благоденствия, мыра и тышины въ любезномъ отечестве нашемъ но конецъ того еще неизвестенъ, для чего таперъ необьходымо надлежитъ намъ зачатое дѣло порядкомъ и силою волносты нашеи кончитъ, послы отъ воиводства нашего кои сеи денъ вибраны будутъ къ отъправленыю въ Варшаву на генералнои сеимъ должны бытъ сънабдены иньструкциею съ предьпысаниемъ имъ чтобы оны яко сины отечества наблюдалы всякую справедливостъ, защищали бы на генералномъ сеиме отечество, веру, законъ и волностъ нашу древную, ежели бы въ противностъ тому могло что примечено бытъ, а что таковъ выборъ пословъ возлагаете на меня то кладу къ вашему удоволствию мои голосъ на високоурожденыхъ господь Грохолскихъ здѣсь присудствующихъ, пана хоронжего и пана подьстолего, кои уповаю суть достоины такой довереносты и могутъ свою услугу доказатъ обьществу, для чего ежелы вы всѣ на то согласны, то сънабдѣтъ ихъ инструкциею и отъправитъ въ Варшаву.

Всѣ господа на тотъ виборъ приступилы и сказалы что тѣмъ даволны, а мелкая шляхта коихъ позады стаяла толпа болшая закричалы зъгода, а чтобы тотъ виборъ былъ и на пысме учинѣнъ и всѣмы присудствующимы подьпысанъ, о томъ приказалъ графъ секретарю чтобь по ихъ форме напысатъ.

Между тѣмъ покудова то заготовлялосъ, графъ въсталъ и говоритъ къ объществу что онъ на мынуту имѣетъ надобностъ изъ присудствия отълучитца для пересмотреныя нѣкоего дѣла слѣдуемаго еще кь обьявленыю, и оборотясъ ко мнѣ говоритъ прошу изъволыте со мною.

Я въсталъ незная чтобы то значило, графъ пашолъ мымо олтаря чрезъ маленкие дверцы кои виходилы туда къ его покоямъ, онъ

вошедъ къ себѣ затворилъ дверы, тамъ не было болѣе никово какъ толко насъ два.

Онъ зачалъ мнѣ говоритъ: любезнои мои господинъ подьполковникъ немогде я удержатца, чтобь вамъ не сказатъ что дѣло предьпринятое таперъ намы естъ истинъная нашеи націй погибель, ежелы вы тѣхъ слѣдствиевъ не знаете каковы намъ приуготовляютца то сказываю сие я вамъ подь секретъ, ибо всѣ тѣ обьнадеживаный каковы были прежде учинѣнои намы конфедерацій выходятъ со всѣмъ не въ ту форму какъ тогда говорено и пришло таперъ время на семъ нашемъ собраныю что я соглашаюсъ здѣлатъ, а оно естъ въ противностъ всѣхъ нашихъ правъ и законовъ и какъ сказатъ, говорилъ графъ, отечество свое изьменытъ хочу, дѣлая толко адну угодностъ въ желаній сторонѣ Россійской, а къ тому еще и для вашеи собственои особы ибо я знаю, что тѣ пункта каторие къ вамъ присланы ежелы мы не подьпишемъ и не вънесемъ оные вибранымъ нинѣ посламъ въ иньструкцию, что можете вы чрезъ то бытъ несчастливы, я де знаю строгосты службы вашеи каковы оны, а труда ваши сколко вы стараетеся мнѣ изъвестно, и для того единствено хачу учинитъ вамъ подькрепление чтобы камысия ваша сочтена была добрымъ стараниемъ, но при всѣмъ томъ хотя мы тѣ пункта, говоритъ графъ, сево дня и подьпишемъ однако помните мое слово что изъ того ничего не будетъ, и вы увидите каковъ огонъ на генералномъ сеиме изъ сего дѣла вазгоритца и будетъ напослѣдокъ мятежъ и кровопролытие велико, вы не думаите продолжалъ графъ свои слова чтобь изъ того не вышла великая война, всѣ сие говорилъ онъ съ наполненимы въ глазахъ слѣзамы напослѣдокъ заплакалъ и отъворотылся къ окошку утирая платкомъ слѣзы свои.

Такова несподѣваная вьстреча и слова сего господина были мнѣ ужасному удивленыю, я остолбенѣлъ незная что отьвечатъ, и въ самомъ дѣле думаю въ себѣ ежелы тѣхъ пунктовъ подьписатъ не примутъ, то деиствително я могу понестъ невыное нареканые и сочтено можетъ быть будеть что я мало о томъ старался, для чего собравшисъ съ мыслямы приступылъ я къ графу съ моею къ нему благодарностыю за его обо мнѣ такие хорошие мысли, а притомъ докладаваю что слова его я вовсе страно разумѣю, ставъ на томъ крепко что то не можетъ быть и что конечне кто нибудъ его накриво изьвестылъ, а лучше будетъ чтобь вы, говориль я ему, ни о чемъ не сомнѣвалысъ, упомыная ему декларацию и гваранцию публикованую оть ея величества нашей государинѣ на чемъ чтобь и положитца и ожидатъ бла-

гополучнаго на генералномъ сеимѣ въ Варшаве всему тому окончаныя, и мятежу илы воинѣ чтобь могло быть о томбы нимало недумалъ ибо Россия болѣе желаетъ съ своимы сусѣдамы имѣтъ тишину нежелъ въходытъ въ несогласій, докладивая еще ему какие мы проежающие съ деташаментамы командиры имѣемъ строжаишій подьтвержденыи о наблюденій истинои дружбы съ обывателямы здешнѣи землы, я то и другое сколко мнѣ тогда въ голову пришло ему предьставлялъ, чтобь толко тѣмъ сколко нибудь его унятъ и привестъ въ лучшие мысли, однако то не пособыло ибо мои графъ на томъ утвердился что мнѣ сказалъ, и едва толко что могъ далѣ оть слезъ воздержатца пашоль опять туда въ собраные.

Выборъ посламъ уже заготовлѣнъ и прочлы въ слухъ велегласно и подьнесено графу подьписатъ а за нымъ и всѣ прочие тоже зделалы.

Дошолъ уже тотъ часъ что писатъ посламъ иньструкцию о коеи зачинаютъ присудствующие уже говоритъ и составлятъ условыи на чемъ оной быть, въ которою надлежитъ и тѣмъ моимъ пунктамъ быть вьнесенымъ, я ихъ виняль подьношу графу въставши съ стула говорю мои слова: вы господинъ графъ яко маршалокъ сего воиводства и глава сего собраныя прошу принять отъ меня сій пункты, каторые отъ моеи главнои командѣ ко мнѣ присланы кои слѣдуютъ быть вьнесены въ ту иньструкцию нинѣ сочиняемую для отьправленыя на генералнои сеимъ въ Варшаву ново выбраныхъ оть здешняго воиводства господъ пасловъ, а яко сій пункты не естъ что иное какъ толко адна благодарность отъ всего здесъ присудствующаго благороднаго обьщества ея величеству нашей Всероссійскои Імператрице, за ту оказанную високую мылостъ къ республике речи посполитои Полскои, которая изьявлена въ декларацій и гварацій отъ ея величества, что уповаю и вы милостивы государы (оборотясь я ковсѣмъ присутствующимъ) не инаково сие примыте, а точно знакомъ вашей съклонносты и уваженыемъ сколь много для васъ вообще ея императорское величество простираетъ свою мылостъ въ защищеній вашей волносты, правъ и закона, и будучи вы всѣмъ тѣмъ подькреплены и такову руку въ помочъ себѣ имѣетѣ, то и надлежитъ вамъ на томъ положитца и принестъ ея величеству свою благодарность.

Пункта мои были писаны въ двоинѣ на рускомъ и на полскомъ языкахъ, изь коихъ тѣ что пополски были графъ приняль и подаль секретарю читатъ въ слухъ велегласно.

Таперь то ужь ожидатъ что будетъ, пункта мои какъ прочлы и увидѣлы силу оныхъ то и возгорелосъ къ собраныю великимъ не-

удоволствиемъ и были голоса разные, иные вовсѣ къ тому приступытъ и подьписатъ не хотѣлы, толкуя то вь противностъ своей волносты и закону и что десидентамъ никакова преимущества датъ не хотятъ яко оны не суть католики, другиежь разумѣлы таково требованые а особливо на конце третяго пункта какъ изьяснено что неиначе значитъ говорилы оны а точно подьвергнутъ себя вь подьданство Россій и останутца неволныками.

Я ужь съ моеи стороны при такомъ шуму и разногласию нехотѣлъ ничево говоритъ и мешатца въ ихъ голоса, а оставыль имъ волю покудова оны между собою преговорилы, дабы иногда нездѣлатъ еще болшъ между имы жару, а толко что поглядивалъ часто на господь Грохолскихъ показывая имъ тѣмъ знакъ чтобь оны хотя въ посредство вьступыли, ибо какъ завелысъ споры то оба оны приметыть было можно что жестоко напоготово стаялы чтобь также тѣ пункта оспариватъ, а особливо меншой братъ подьстолы былбы первой на то не доволѣнъ, естлибы толко небыло уже такъ здѣлано что оны въ послы вибраны и потому осталысъ оны оба неутралны и почти не говорилы ничево.

Моиже добрие всѣгдашние прежде госты, голыши, позадѣ стоящие мелкая шляхта, кои при такихъ случаяхъ по ихъ обыкновеныю много вреда могутъ здѣлатъ, а особливо таковы что по породѣ значутъ въ почотѣ и вовсякихъ случаяхъ при общемъ собраныи наровнѣ съ протчимы волной голосъ имѣютъ, а бедны и поместыя мало илы и вовсѣ иной не имѣють, и ужь оны между таковимы что мелкая шляхта именуетца первенствуютъ, то тѣ на коихъ я по знакомству также часто погляднваль и осталысъ въ молчаній что пособыло въ моемъ желаныи много.

Напослѣдокъ какь сеи шумъ немного поутишился то докладиваю я графу и прошу его чтобь онъ яко маршалокъ вошелъ въ сие дѣло и не оставилбы привестъ ко окончаныю, ибо и онъ ни къ одноя ни къ другои сторонѣ ничего неговориль а молчалъ, дожидаясъ на чемь собрание положить свое мнѣние, такь по тои моея прозбе удариль графь жезломъ своимъ маршалскимъ о поль подавая тѣмъ знакъ чтобь престалы шумѣть а послушалибы его слова что онъ будеть говоритъ.

Потомь какь всио поутишилось то зачаль онь говоритъ и въ собраные предьставлять упомыная изьданную отъ ея императорскаго величества Всероссійской Государини гваранцию и декларацию что по оной прежде приступыли и съконфедеровалысъ и что потому уже

ставляетъ болѣе шесты сотъ верстъ, ехалъ поспешно, и на марше къ вышолъ на болшую Варшавскую дарогу съехался на одномъ ...леге нечаяно съ полкомъ своимъ, которои съ генераломъ Подьго...аныномъ также къ Варшаве слѣдовалъ, и ужь я отъ полка не ...лъ отълучатца а шолъ съ онымъ въ местѣ, покудова уже дошлы местечка Виланова, и тамъ командующаго корпусомъ генерала ...четникова нашолъ и явылся кь нему, отъ коего приказано чтобь ...шихъ со мною казаковъ къ ихъ камандѣ отъпустытъ а самому ...тца при полку.

Корпусъ нашъ соединившисъ расположился тамъ по ближнымъ ...мъ на кантониръ квартерахъ гдѣ и простаялы восемъ днеи, а ...ндующи корпусомъ генералъ поехалъ въ Варшаву, яко сей го... отъ Виланова толко верстъ пятнатцатъ разстояниемъ состоитъ.

Резонъ собраныя туда нашего корпуса былъ тотъ, чтобь воиско ...е было близъ Варшавы на всякъ случаи для того, что генерал-сеимъ уже предьпринятъ, почему въ адинъ вечеръ приказано ...усу выступытъ и собратца всѣмъ тую жь ночъ подь городь Вар...у что и здѣлано со всякою тихостыю такъ что никто ниже ма...ше въ городѣ о томъ не зналъ.

Мы окружилы Варшаву съ нашего приезда съ левой стороны ... Вислы, и занялы всѣ выезды подь городомъ своими пикетамы ... что никто изъ города ту ночъ выехатъ не могъ и всѣхъ еду...ъ въ городь і изъ города останавливалы и удержалы до свѣта, ...мъ и приметытъ было можно что въ ту ночъ въ городѣ нѣчто ...дьпринято будетъ.

На другой же сторонѣ Варшавы за рекою Вислою подь фаршта ...ъ Прагою было также наше воиско, изъ пехотныхъ и кавалер...ихъ полковъ, отъделеное отъ корпуса Смоленскаго въступывшаго ... Литву подь командою генерала маиора князя Прозоровскаго, кои ...ишлы туда предъ тѣмъ и сталы лагеремъ.

Сеймже генералны тѣмы днямы зачался и продолжался уже не...колко дней своимъ собраныемъ, но не съ успехомъ въ нашемъ же...ланый, ибо силные противносты и споры отъ стороны некоторыхъ магнатовъ по тѣмъ пунктамъ нашего требованыя произошлы а особ...иво о десидентахъ, что имъ преимуществъ на ровнѣ съ протчимы ...ъ законѣ католицкомъ состоящимы датъ не хотѣлы, къ чему наибо...лѣе противны были изъ сенаторовъ быскупъ Краковски-Солтыкъ (онъ же естъ и князь Сиверски) да полны хетманъ графъ Ржевуски

и генералная конфедерация въ Радоме совершилась, тоде и таперь, говорилъ графъ, находитъ онъ занужно чтобь приступытъ къ сему дѣлу и принестъ ея величеству должную благодарность, а тѣ пункта хотя и вьнесть посламъ въ инструцию, но съ тѣмъ напротиво того обьяснениемъ, чтобы оны будучи на генералномъ въ Варшаве сеимѣ имѣлы великое разьсмотреные какъ о сохранений нашеи древнои волносты такъ вери светои католицкои, дабы всио то оставалось въ отечестве нашемъ непоколебымо безь нарушения и безь всякои опасносты, и чтобы слѣдуемое о десидентахъ оны соглашалысь голосомъ своимъ противъ протчихъ таковыхже туда на сеимъ генералны собравщихся оть целога нашего государстве пословъ, и наиболѣебы смотрелы какие голоса будутъ оть господь сенаторовъ нашихъ и оть духовенства и потому чтобы и оны свои голоса слѣдуемые оть сего воиводства далы.

Таперъ ужь едва по сему отъ маршалка обьявлению господа присудствующие на томъ согласилысъ, а мелкая шляхта закричалы згода, згода, то естъ бытъ потому, потомъ приказано секретарю чтобы тѣмы самимы терминамы какъ графъ говорилъ писатъ посламѣ иньструкцию въ кою и тѣ пункта отъ меня даные вънесены и подьписалы, а съ оныхъ за подьписаныемъ секретаря и обенхъ пословъ господь Грохолскихъ мнѣ копыю далы.

Сие дѣлалось 1767 года августа 14-го дня.

И тако сеимыкъ нашъ кончился и собраные изъ церквы вышло въ препровожденыи маршалка въ его пакои, было то ужъ часъ четвертой съ полъдня.

Столъ былъ у графа поставлѣнъ даволно великъ но совсѣмъ не то что прежде при отъкрытіи конфедерацій было; я селъ поскорея напысалъ короткой рапортъ, приложа при ономъ и ту данную мнѣ съ иньструкцій копыю, отъправылъ чрезъ курѣра къ главнокомандующему корпусомъ генералу Кречетникову, спрашивая притомъ что мнѣ далѣ приказано будетъ дѣлатъ; маршалокже нашъ Подьчашій Литевски Графъ Потоцки на другой денъ оставя насъ поехалъ въ свою путъ.

Курѣръ мои очень скоро возвратылся ко мнѣ съ повелѣниемъ чтобь я съ моимъ деташаментомъ какъ наискорея по приложеному маръшруту слѣдовалъ прямо къ Варшаве и соединитца съ корпусомъ при местечке Выланове, я получа таково повелѣние тотъ часъ изъ Виныци виступылъ и предьпринялъ такую далную дарогу которая

составляетъ болѣе шесты сотъ верстъ, ехалъ поспешно, и на марше какъ вышолъ на болшую Варшавскую дарогу съехался на одномъ ночлеге нечаяно съ полкомъ своимъ, которои съ генераломъ Подьгоричаныномъ также къ Варшаве слѣдовалъ, и ужь я отъ полка не хатѣлъ отълучатца а шолъ съ онымъ въ местѣ, покудова уже дошлы до местечка Виланова, и тамъ командующаго корпусомъ генерала Кречетникова нашолъ и явылся кь нему, отъ коего приказано чтобь бывшихъ со мною казаковъ къ ихъ камандѣ отъпустытъ а самому остатца при полку.

Корпусъ нашъ соединившисъ расположился тамъ по ближнымъ селамъ на кантониръ квартерахъ гдѣ и простаялы восемъ днеи, а командующи корпусомъ генералъ поехалъ въ Варшаву, яко сей городь отъ Виланова толко верстъ пятнатцатъ разстояниемъ состоитъ.

Резонъ собраныя туда нашего корпуса былъ тотъ, чтобь воиско наше было близъ Варшавы на всякъ случаи для того, что генералнои сеимъ уже предьпринятъ, почему въ аднинъ вечеръ приказано корпусу выступытъ и собратца всѣмъ тую жь ночъ подь городь Варшаву что и здѣлано со всякою тихостыю такъ что никто ниже малѣише въ городѣ о томъ не зналъ.

Мы окружилы Варшаву съ нашего приезда съ левой стороны реки Вислы, и занялы всѣ выезды подь городомъ своими пикэтамы такъ что никто изъ города ту ночъ выехатъ не могъ и всѣхъ едущихъ въ городь і изъ города останавливалы и удержалы до свѣта, о чемъ и приметытъ было можно что въ ту ночъ въ городѣ нѣчто предьпринято будетъ.

На другой же сторонѣ Варшавы за рекою Вислою подь фарштатомъ Прагою было также наше воиско, изъ пехотныхъ и кавалерскихъ полковъ, отъделеное отъ корпуса Смоленскаго въступывшаго въ Литву подь командою генерала маиора князя Прозоровскаго, кои пришлы туда предъ тѣмъ и сталы лагеремъ.

Сеймже генералны тѣмы днямы зачался и продолжался уже несколко дней своимъ собраныемъ, но не съ успехомъ въ нашемъ желаный, ибо силные противносты и споры отъ стороны некоторыхъ магнатовъ по тѣмъ пунктамъ нашего требованыя произошлы а особливо о десидентахъ, что имъ преимуществъ на ровнѣ съ протчимы въ законѣ католицкомъ состоящимы датъ не хотѣлы, къ чему наиболѣе противны были изъ сенаторовъ быскупъ Краковски-Солтыкъ (онъ же естъ и князь Сиверски) да полны хетманъ графъ Ржевускі

и генералная конфедерация въ Радоме совершилась, тоде и таке говорилъ графъ, находитъ онъ занужно чтобь приступытъ къ с дѣлу и принестъ ея величеству должную благодарность, а тѣ пун хотя и вьнесть посламъ въ инструцию, но съ тѣмъ напротиво т обьяснениемъ, чтобы оны будучи на генералномъ въ Варшаве сеі имѣлы великое разьсмотреные какъ о сохраненій нашеи древнои в носты такъ вери светои католицкои, дабы всио то оставалось въ с честве нашемъ непоколебымо безь нарушения и безь всякои опас сты, и чтобы слѣдуемое о десидентахъ оны соглашалысъ голосо своимъ противъ протчихъ таковыхже туда на сеимь генералны бравшихся оть целога нашего государстве пословъ, и наиболѣе смотрелы какие голоса будутъ оть господь сенаторовъ нашихъ и духовенства и потому чтобы и оны свои голоса слѣдуемые оть с воиводства далы.

Таперъ ужь едва по сему отъ маршалка обьявлению господа п судствующие на томъ согласилысъ, а мелкая шляхта закричалы д да, згода, то естъ бытъ потому, потомъ приказано секретарю ч бы тѣмы самимы терминамы какъ графъ говорилъ писатъ посл иньструкцию въ кою и тѣ пункта отъ меня даные вънесены и по писалы, а съ оныхъ за подьписаныемъ секретаря и обеихъ посло господь Грохолскихъ мнѣ копыю далы.

Сие дѣлалось 1767 года августа 14-го дня.

И тако сеимыкъ нашъ кончился и собраные изъ церквы вь въ препровожденыи маршалка въ его пакои, было то ужъ част вертой съ полъдня.

Столъ былъ у графа поставлѣнъ даволно великъ но совс то что прежде при отъкрытіи конфедерацій было; я селъ п напысалъ короткой рапортъ, приложа при ономъ и ту данн съ иньструкцій копыю, отъправылъ чрезъ курѣра къ главнок ющему корпусомъ генералу Кречетникову, спрашивая при мнѣ далѣ приказано будетъ дѣлатъ; маршалокже нашъ В Литевски Графъ Потоцки на другой денъ оставя насъ по свою путъ.

Курѣръ мои оченъ скоро возвратылся ко мнѣ съ по чтобь я съ моимъ деташаментомъ какъ наискорея по п марършруту слѣдовалъ прямо къ Варшаве и соединитца с при местечке Выланове, я получа таково повелѣние Виныци виступылъ и предьпринялъ такую далную

и синъ его староста Долынски, (каторої былъ выбранъ на посолство отъ воиводства Волынскаго) а къ тѣмъ также въ согласие и быскупъ Киевски, по фамылій Залуски, коихъ никакъ оспоритъ и согласитъ было не можно, къ коимъ и всѣ ихъ собраные почты болшъ клонылосъ на подаваемые отъ ныхъ голоса, для чего и принужденъ былъ нашъ полномочны пасолъ въ Варшаве состоящій князь Николаи Василиевичъ Репнынъ въ ту ночъ тѣхъ господь възятъ подь арестъ и вывестъ изъ города вонъ, и тѣмбы пановъ Поляковъ привестъ въ послушаные.

Такова камысия для възятыя сихъ господь препоручено было находящимся тогда при посолстве вънутре города при квартире посолскои съ особливою камандою двумъ полковникамъ Игельштрему, и Каро; Игельштремъ подьстерегъ (а то видно что ужъ было направлено какбы узнатъ) когда быскупь Краковски въ глибокую вечеръ пашолъ пешкомъ со двора самъ адинъ инькогнито въ домъ господина Мнишека, для учинѣния хазяину и хозяйке своего визита, тогда полковникъ Игелштремъ въслѣдъ за нымъ туда же пашолъ, оставя на улыце карету на то приуготовленую и несколко человѣкъ салдатъ, а самъ еще съ двумя служивимы вошедь въ пакои, однако учтивымъ образомъ и безъ шуму, коего какъ увидѣлы было то быскупу чрезъвычайно противно, и хозяйки того дома также, и незналы чтобы то значило, а болѣе того какъ Игелъштремъ могъ бытъ такъ дерзновенъ и въ поздое вечернѣе время туда незваной прытыть, однако сие разъмышление прекратилосъ тѣмъ когда Игелштремъ подошедь къ быскупу обьявылъ ему арестъ, и проситъ его чтобь онъ съ нымъ шолъ.

Быскупь не хотѣлъ съперва тому поверитъ и гордо отъвечалъ, знаетлы онъ съ кѣмъ говоритъ, и ктобы властъ такую имѣлъ чтобь надь нымъ то здѣлатъ, на что отъ Иголштрема въ отъвѣтъ сказано что онъ всио то знаетъ какова онъ естъ особа и что съ бискупомъ Краковскимъ говоритъ, однако между тѣмъ пожаловалбы онъ выходитъ.

Сего еще быскупу было мало и хатѣлъ поупорствоватъ, но что время не дозволяло съ нымъ много разговоры вестъ то Игелъштремъ възявши его подь руку сказавъ изволте со мною итытъ, я васъ беру съ честью, а буде нѣтъ то поступлю съ вамы уже инаково обьявывъ ему и то что на дворе дожидаютца таковы кои и безъ прозбы его поведутъ.

На таково обьявление быскупь спужался видя себя уже противитца не въ силахь, сказалъ толко какбы сие хотя во дворе моемь было здѣлано а не въ чужемь доме, а то значило что у него своихъ салдатъ на карауле тамь стаяло болѣе ста человѣкъ.

И тако простясь господинъ быскупь того дома сь хазяикою пашоль по лѣснице въ ныэъ, гдѣ ужь его дожидалысъ, и посодя въ карету тоть час приставленой на то афицерь повезь чрезь реку Вислу въ состоящеи тамо нашь лагерь, гдѣ и поставилы на приуготовленую (солдатской жизны квартеру) палатку подьполковника Чернышева, тамь ужь и часовыхъ оть гранадеръ кь нему два человѣка како обыкновено съ штикамы поставлено.

На тотже часъ и въ адно почты время и полковникъ Каро подьстерегь едущаго изь театра сь оперы сина Хетманскаго старосту Далынского, остановывъ его на улице (имѣвъ также несколко человѣкъ при себѣ служивыхъ, а каманда настоящая стаяла въ преулке немного въ сторонѣ) и подошедь кь каретѣ отьвориль дверци обьявляеть Каро сему господину ареcть, и что еще надобно и отца его о томже изьвестыть, то чтобы онъ пожаловаль говориль ему Каро о семь донести батюшки своему самь и безь тревогы ежилы инаково не хочеть жызнь свою вь опасность подьвергнутъ.

Ибо Хетманъ быль въ доме, и яко старои человѣкъ положился заранѣе спать, а на дворе у себя имѣль на карауле собственыхъ драгунъ рота цѣлая при капитане, для чего полковникъ Каро ежелибы сь камандою самь туда на дворъ пошолъ тобы была въ городѣ тревога и дошлобы можетъ быть до худого, и потому надобно было чтобь первѣе взять сина, а онъ ужь самь гостѣи на дворъ поведеть и батюшку своего разьбудитъ.

Таково обьявленые полковникъ Каро сему господину на улице сказавъ сель тотьчасъ къ нему въ карету, поехалы и приказалъ такь здѣлать какъ я више сказалъ и чтобь ихъ на дворе караулъ не тревожился и не подавалбы никакова къ шуму знака и разбудилбы отца своего.

Оны такимъ образомъ вьзьехалы на дворъ, то караулние тотьчасъ было затревожилысъ и афицеръ выскочилъ приказываеть салдатомь стать въ ружье, а самъ подьбежаль къ каретѣ на вьстречу, но какъ дано ему знакъ чтобь тыше и не тревожилбы, и онъ узналъ по словамъ Хетманскаго сина приказывающаго ему, то и остановился, почитая

и синъ его староста Долынски, (каторой былъ выбранъ на посолство отъ воиводства Волынскаго) а къ тѣмъ также въ согласие и быскупъ Киевски, по фамылїй Залуски, коихъ никакь оспорить и согласитъ было не можно, къ коимъ и всѣ ихъ собраные почты болшъ клонылосъ на подаваемые отъ ныхъ голоса, для чего и принужденъ былъ нашъ полномочны пасолъ въ Варшаве состоящій князь Николаи Василиевичъ Репнынъ въ ту ночъ тѣхъ господь възятъ подь арестъ и вывестъ изъ города вонъ, и тѣмбы пановъ Поляковъ привестъ въ послушаные.

Такова камысия для възятыя сихъ господь препоручено было находящимся тогда при посолстве вънутре города при квартире посолскои съ особливою камандою двумъ полковникамъ Игельштрему, и Каро; Игельштремъ подьстерегъ (а то видно что ужь было направлено какбы узнатъ) когда быскупь Краковски въ глибокую вечеръ пашолъ пешкомъ со двора самъ адинъ инькогнито въ домъ господина Мнишека, для учинѣния хазяину и хозяйке своего визита, тогда полковникъ Игелштремъ въслѣдъ за нымъ туда же пашолъ, оставя на улыце карету на то приуготовленую и несколко человѣкъ салдатъ, а самъ еще съ двумя служивимы вошедь въ пакои, однакоучтивымъ образомъ и безъ шуму, коего какь увидѣлы было то быскупу чрезъвычайно противно, и хозяйки того дома также, и незналы чтобы то значило, а болѣе того какъ Игелъштремъ могъ бытъ такь дерзновенъ и въ поздое вечернѣе время туда незваной притытъ, однако сие разъмышление прекратилосъ тѣмъ когда Игелштремъ подошедь къ быскупу обьявылъ ему арестъ, и проситъ его чтоб онъ съ нымъ шолъ.

Быскупь не хотѣлъ съперва тому поверитъ и гордо отъвечалъ, знаетлы онъ съ кѣмъ говоритъ, и ктобы властъ такую имѣлъ чтоб надь нымъ то здѣлатъ, на что отъ Иголштрема въ отъвѣтъ сказано что онъ всио то знаетъ какова онъ естъ особа и что съ бискупомъ Краковскимъ говоритъ, однако между тѣмъ пожаловалбы онъ выходитъ.

Сего еще быскупу было мало и хатѣлъ поупорствоватъ, но что время не дозволяло съ нымъ много разговоры вестъ то Игелъштремъ възявши его подь руку сказавъ изволте со мною итытъ, я васъ беру съ честыю, а буде нѣтъ то поступлю съ вамы уже инаково обьявывъ ему и то что на дворе дожидаютца таковы кои и безъ прозбы его поведутъ.

На таково обьявленние быскупь спужался видя себя уже противитца не въ силахь, сказалъ толко какбы сие хотя во дворе моемь было здѣлано а не въ чужемь доме, а то значило что у него своихъ салдатъ на карауле тамь стаяло болѣе ста человѣкъ.

И тако простясь господинъ быскупь того дома сь хазяикою пашоль по лѣснице въ нызъ, гдѣ ужь его дожидалысъ, и посодя въ карету тоть часъ приставленой на то афицерь повезь чрезь реку Вислу въ состоящеи тамо нашь лагерь, гдѣ и поставилы на приуготовленую (солдатской жизны квартеру) палатку подьполковника Чернышева, тамь ужь и часовыхъ оть гранадеръ кь нему два человѣка како обыкновено съ штикамы поставлено.

На тотже часъ и въ адно почты время и полковникъ Каро подьстерегь едущаго изь театра сь оперы сина Хетманскаго старосту Далынского, остановывъ его на улице (имѣвъ также несколко человѣкъ при себѣ служивыхъ, а каманда настоящая стаяла въ преулке немного въ сторонѣ) и подошедь кь каретѣ отьвориль дверци обьявляеть Каро сему господину аресть, и что еще надобно и отца его о томже изьвестыть, то чтобы онъ пожаловаль говориль ему Каро о семь донести батюшки своему самь и безь тревогы ежилы инаково не хочеть жызнь свою вь опасность подьвергнутъ.

Ибо Хетманъ быль въ доме, и яко старои человѣкъ положился заранѣе спать, а на дворе у себя имѣль на карауле собственыхъ драгунъ рота цѣлая при капитане, для чего полковникъ Каро ежелибы сь камандою самь туда на дворъ пошолъ тобы была въ городѣ тревога и дошлобы можетъ быть до худого, и потому надобно было чтобь первѣе взять сина, а онъ ужь самь гостѣи на дворъ поведеть и батюшку своего разьбудитъ.

Таково обьявленые полковникъ Каро сему господину на улице сказавъ сель тотьчасъ къ нему въ карету, поехалы и приказалъ такь здѣлать какъ я више сказалъ и чтобь ихъ на дворе караулъ не тревожился и не подавалбы никакова къ шуму знака и разбудилбы отца своего.

Оны такимъ образомъ вьзьехалы на дворъ, то караулние тотьчасъ было затрєвожилысъ и афицеръ выскочилъ приказываеть салдатомь стать въ ружье, а самъ подьбежаль къ каретѣ на вьстречу, но какъ дано ему знакъ чтобь тыше и не тревожилбы, и онъ узналъ по словамъ Хетманскаго сина приказывающаго ему, то и остановился, почитая

что приехалъ по обыковеныю дэмой; камандаже съ порожою каретою остановилась у воротъ на улыце.

Каро пошолъ съ своимь арестантомъ въ верхъ по лѣсницѣ и у двереи на спалнѣ стучить сталы, и сынъ батюшку отъзиваетъ, а Хетманъ разбудившись и узнаетъ сина своего голосъ, догадался тоть часъ (яко невьобыкновеное ночью время пришолъ) что то какое нибудь важное дѣло значить, отворылъ дверы и увидѣлъ сина своего въ препровожденыи приехавшаго съ нымъ такова ассистента тотьчасъ заплакалъ, и говоритъ что синъ мои любезнои ты конечне несчасдывъ, на что полковникъ Каро прекратылъ ихъ разговори обьявляеть Хетману арестъ и даль ему толко времены чтобь поскорея одѣтца, беретъ его и съ синомъ вь низь по лѣсници и посадя въ приуготовленую карету въ препровожденій конвоя повезъ чрезь городь просто на Вислу реку и преправившисъ доставыль въ лагерь подь особливую палатку и приставлены часовые.

Осталосъ еще взятъ и быскупа Киевскаго Залускаго, коего Игельштремъ успѣлъ въ доме разбудытъ въ чемь далнѣи трудносты несостояло яко у него собственыхь салдатъ и караула па дворе не было, но какь уже зоря разныматца стала и народь по улыцамь ходить зачалъ то и неможно было его чрезь городь туда куда и протчихъ вестъ, а привезено его на сию сторону гдѣ мы сь нашимь корпусомъ въ округѣ города стаялы, а что палатокь мы не имѣлы то поставилы его вь состоящую тамо позады нашего фрунта цигелню при коеи была адна изба, и тотьчасв командированъ адинъ оть нашего полка ескадронъ при капитане Подьгоричанине сь коимь и сеи арестантъ отьправленъ уже въ округь на другой пrевозъ что подь Виланувымъ на Вислѣ реке состоить, и тамь тою стороною отьвезено его тудаже въ лагерь гдѣ и протчие.

Стала уже зоря разныматца а я какь много утрудылся и всю ту ночь были въ марше и приехавши къ городу долго на ногахь стаялы, а время осенѣе и холодно, то я обьвернувшись плащемь положился на правомъ фланге своего полка на землю хатѣлъ немного заснуть, и лышъ толко что загрѣлся и дремáть зачалъ, какже въ другь адютантъ нашь полковой прибежавши тропулъ меня рукою и будить, обьявляя чтобь я скорея къ генералу Подьгоричаныну явылся, каторои тамь подь цигелнѣю также лежаль.

Я скорея вьскочивши поспешиль кь генералу, онъ приказываеть мнѣ чтобь я сеи часъ ехаль вь городь и явилсябы у командующаго корпусомъ генерала Кречетникова на дворе посолскомъ.

Мнѣ сій весты не иное что предьвещало и думаю въ себѣ что конечне опять будетъ мнѣ какая нибудь новая командирация какъ я вь томъ и неошибся.

Я сѣвши на лошадь поскакаль въ городь и явился кь генералу, онъ видно также ту ночъ мало илы и ничево не спаль ибо засталь я его совсѣмъ въ формe своего мундира, ходить по горнице, и увыдѣвь меня говорить что вы командированы для препровожденыя секретныхъ арестантовъ, и знаете говориль генераль что вамь сия камысия рекомендациею особливою къ честы вашеи служить будеть, яко вы нарочито на такое важное дѣло вибраны, и то сказавь вьзяль свою шляпу, говорить паидемь къ господину послу.

Разьстояние всѣго до посолскихъ пакоевь было толко чрезъ несколко горныцъ, господинъ пасоль князь Николаи Василиевичъ Репнинъ обьявляетъ мнѣ какъ велика важность есть въ томъ, что сій господа упомыная ихъ по именамъ вьзяты сеи ночи подь арестъ, коихъ таперь препроводыть надлежить вь Литву въ городъ Вилну, къ состоящему тамо сь воискомъ нашимъ генералу порутчику Нумерсу, отъ коль далѣ препроводимы будуть куда надлежить; а вы господинъ потъполковникъ говорить мнѣ господинъ пасоль какь де я известенъ о вашей честносты и хорошемь вашемъ поведеныи, и что вы и предьсимь въ наложеныхъ на васъ также важныхъ дѣлахъ доказалы верностью своею всегда хорошие успѣхи и яде тѣмь много даволѣнъ, то и таперь сию довереностъ говориль посоль возлагаю на васъ яко на надежнаго штабь-афицера, что вы наилучше исправить то можете, и сихь арестантовъ доставите туда какь вамъ сказано, но притомь подьтверждаю вамъ говориль посоль что вь семъ случае состоить вся честь и жизнь ваша подьвержена, естлы вы ихъ какимь нибудь образомь изъ рукъ своихъ упустыте.

На содержаныежь оныхъ въ дороге столомъ и на уплату подьводъ даетца вамь денегъ пять сотъ червоныхъ, а о протчемь будетъ вамъ ордерь сь наставленыемь, указавъ пасоль на генерала Кречетныкова что вотъ его превасходителство Петрь Никитычъ о всемъ томь васъ снабдѣть будеть, и съ тѣмъ вы завтре въ вечеру виступыть изьволите.

Денги сказаные пять сотъ червоныхъ мнѣ тотьчасъ отъ посолскаго секретаря виданы, и я на оные въ тотъ день и завтра, всио подлежащее къ столу вь дороге искупылъ, какь вины разные такь и сьестное въ запасъ и со излишествомъ заготовыль, ибо такь велѣно

67

что сій господа хотя и арестанты суть, и наблюдать должно надь нимы строгость и сохранение, но однако столомь въ дороге чтобь харошо содержаны были, для чего уже я и денегь не желѣлъ дабы толко было всего въ дороге даволно.

Ящики разные заказалъ скорея здѣлать и всио искупленое вложить а на то данна со двора посолскаго болшая адна фура а что въ оную немогло вьместытца то еще вь прибавокъ две повозки были.

Повара жъ два человѣка съ подлежащею кухонною посудою и столовымъ приборомъ прислано ко мнѣ отъ князя Прозоровскаго, и тако къ завтрешнему моему отъезду было у меня всио исправлено.

По утру жъ дано мнѣ въ каманду аднъ ескадронъ гусаръ отъ нашего Ахтырскаго полка съ капитаномъ Георгиемъ Подьгоричаниномъ, тотъ самои что быскупа Киевскаго въ лагеръ препроводылъ какъ я више сказалъ, да ктому еще сто человѣкъ Донскихъ казаковъ, и шестъ афицеровъ отъ корпуса кои сидетъ будутъ приставамы съ арестантамы въ дароге, также вручено мнѣ отъ генерала Кречетникова ордеръ.

Подъ вечеръ преправился я чрезъ рѣку Вислу, на ту сторону за фарштатъ Прагу, гдѣ арестанты мои въ лагере содержатца, я остановилъ каманду на левомъ фланге а самъ явился къ генералу князю Прозоровскому, коему наложена была камысия о заготовленій артилерискихъ лошадеи и о доставленый въ лагеръ со двора посолскаго трехъ новыхъ каретъ для арестантовъ, и то всио отъдано мнѣ на руки, и было ужъ совсѣмъ къ отъезду готово.

Генералъ Прозоровски при наступывшемъ вечеру възялъ меня съ собою, пашлы въ лагеръ первѣе къ быскупу Краковскому, было съ намы еще трое нашихъ штабь-афицеровъ два полковника да хазаинъ тои палатки подьполковникъ Чернышевъ, мы всѣ вошедъ въ палатку нашлы быскупа на постелѣ спящего, князъ Прозоровски его разбудылъ и сказываетъ ему что отъправляетца въ дарогу и что въ препровожденые препоручаетца онъ на руки указавъ князъ на меня.

Быскупъ въставши изъ просоня протираетъ глаза и слушаетъ что ему говорятъ ехатъ, потомъ спросилъ куда жъ меня вестъ хатыте, на то отъвечалъ князъ что сеи господинъ подьполковникъ естъ вашъ провожаты и онъ знаетъ куда васъ вестъ надобно, а вы изъволыте въстатъ и ехатъ, сій последныи слова ему весма не понравилысъ, онъ какъ еще сиделъ на постелѣ сказалъ толко, что лучше хатѣлъ еще спатъ нежелъ ехатъ, а тамъ далѣе подънялъ голову по-

гледѣлъ на всѣхъ насъ видомъ суровымъ, вздохнулъ и заплакалъ и съ тѣмъ вишелъ изъ палатки вонъ.

Карета ужъ была подьвезена въ каторую онъ съ великою досадою вошолъ и селъ, считая что толко онъ адинъ седетъ въ неи будетъ, но какъ еще два пристава къ нему вошлы капитанъ да порутчикъ и селы съ нымъ, то еще пуще ему досадно было, однако пременытъ того было нелзя, затворилы карету и вывезли изъ лагера къ дароге поближе, тамъ остановилы покудова и другихъ тудажъ привезено, и также имъ князъ меня показалъ что въ препровожденыи моемъ состоятъ будутъ, и такимъ образомъ вывезены всѣ изъ лагера, Хетманъ съ синомъ посажены вьмѣстѣ и къ нымъ еще два афицера, а Киевскому быскупу также два афицера, кареты же адна за другою поставлены въ такую дистанцию, чтобь оны адинъ за другаго не зналы и видется бы не моглы, что и афицерамъ съ нимы сидящимъ приказано не сказыватъ кто взятъ и кто едетъ.

Ко всякои же каретѣ приставлѣнъ былъ особои конвои изъ гусаръ и казаковъ по несколко человѣкъ, арестанти же мои надобно знатъ что слугъ собственыхъ ни у аднаго не было что имъ весма было прискорбно, для чего я ужо на другои денъ определылъ каждому на услугу харошихъ людеи гусаръ по одному человѣку, а также и афицерские денщики услуживалы отъ тѣхъ афицеровъ что при ныхъ приставамы были, къ тому жъ еще были одѣты весма лехко, ибо какъ ихъ взалы то въ томъ оны и въ дарогу едутъ, у быскупа Краковскаго вся одежа состояла суртукъ сиренкои аглицкои, камзолъ июсовои шитои узорцемъ тоненкимъ сребренымъ, на голове картузъ чорнаго бархата да штаны чорние бархатние жъ и сапоги на ногахъ аглицкие тутъ и всио, а у тѣхъ другихъ то же всио лехкое было, а время осенее наступыло и ночи сталы холодние, то и надобно было ихъ снабдѣтъ на тотъ часъ чужою одежою, для чего князъ Прозоровски велѣлъ у штабь-афицеровъ собратъ шубы и датъ на денъ на другои въ заимы въ дарогу, покудова пришлѣтца въ слѣдъ за мною ихъ гардеробы.

Итакъ будучи у меня уже совсѣмъ въ готовносты, предъпринялъ я путь по тои темнои ноче весма прискорбно, не зная еще что і въ дароге послѣдоватъ можетъ, ехалъ я предъ командою своею верхомъ вьпереды, а капитану съ подлежащимъ числомъ гусаръ и казаковъ приказалъ я ехатъ позады всѣхъ, и бытъ на всякъ часъ готовъ къ отпору военою рукою ежели бы иногда въ отьнятій арестантовъ было отъ Поляковъ какое на насъ покушеные.

Мы отъехавъ отъ лагера не болѣе какъ съ полъ мыли събылисъ съ дороге, яко не болшою дорогою ехатъ приказано, а направлятъ проездъ свои проселошними дарогамы и тѣмбы слѣдъ свои прятатъ, дабы не такъ скоро въ городѣ могло бытъ известно куда и въ каторую сторону сій арестанты повезены, въ проводники же дано два жида верхамы, оны съ места отъ лагера повелы просто поперекъ болшои дороге обьнадеживая меня что дарогу знаютъ и чтобь толко я за нимы держался, но исправностъ и знание ихъ не долго послужило, вижу я что оны путатца сталы и завелы въ рвы и въ коно какие ямы что мало я самъ на одномъ местѣ съ лошадыю не въ валылся, а гусаръ два человѣка по сторонамъ каретъ едущие со всѣмъ въ валылысъ, кареты тоже сталы прекачиватца и доходытъ до худого что и ехатъ далѣ не можно, для чего принужденъ остановитца, жиды жъ мои ужъ признаютца что заблудилы и чтобь датъ имъ время покудова дарогу наидутъ, я то принужденъ зделатъ посилаю съ нимы ундеръ-афицера и двухъ гусаръ искатъ дарогу а за тѣмъ мало погодя вернулисъ и повелы уже я и самъ не знаю куда, но толко что изъ тѣхъ рвовъ вышли и было далѣ ехатъ ровно, да не примечаю чтобь по дороге а такъ чистимъ полѣмъ едемъ, а на то время и счастие такое было что ночъ темна и ниже ни мало чего видѣтъ не можно, на послѣдокъ приехалы мы опятъ подъ нашъ лагеръ отъкудова первее выехалы и слышу я ужъ отъ себя не далеко что часовые отъкликиваютъ ночнои обьходъ рундомъ.

Я догадался что мы опять заблудилы и принужденъ остановитца не ехатъ ближе къ лагеру чтобы не наделать тревоги, а жиди мои спужалысъ и говорятъ что ужь оны не знають гдѣ таперь стоимъ.

Съ такою досадою была мнѣ та ночъ что жизны своей не радь былъ, я принужденъ моихъ жидовъ поприпридержатъ къ себѣ поближе чтобь не ушлы, кои препужалысъ до краиносты и такъ что и говоритъ не могутъ, и думаю въ себѣ какъ еще оны уидутъ вь такую темноту то останусъ я на томъ местѣ безь проводниковъ до света что и принеслобы конечне командиру моему неудоволствие, и былобы мнѣ нареканые, для чего я сталъ жидовъ моихь уговаривать словамы ласкавимы чтобь оны не боялысъ. и что имъ ничего худаго не здѣлаетца а толкобы поехалы сь гусарамы поискать дорогу, какъ таперь говорю я имъ пришлы мы кь лагеру то поидите въ округь сего места и узнаите по приметамъ съ какои стороны мы пришлы и везмите опятъ оть лагера свое примечание покудова видете на ту дорогу коя намъ надобна.

Оны послушалысъ и немного сталы подобрее, я сь нимы послаль такь какь и прежде ундеръ-афицера и еще четырехь гусаръ и двухъ казаковъ, напослѣдокъ чрезъ часъ места вернулысь сь изьвестиемъ что нашли дорогу и повелы туда.

Ехалы мы по тои дороге немного полѣмъ а тамъ далѣ показалысь кустарники, а за тѣмь болшои лѣсъ и болото изьлывающее изь Висли реки, но не было то сьпасностию что грунтъ пещанои и вода неглибока и кареты шли безъ остановки, а выехавъ далѣ изь леса говорять мои проводники что туть дорога ровная и способная хоть деревы стоячие и видны но редкие и ехать можно поспешнѣе.

Я приказаль ехать на рысяхь дабы успѣтъ въ ту ночъ околко ныбудъ отьдалытца отъ города, ибо велѣно какъ можно поспешать и два дни хотя ночлеговъ не делатъ и всио проселощнимы дорогамы пробыратца чтобы насъ навстречи никто не могь видатъ, и такь что толко изь леса выехалы и поспешалы на рисяхь, какже въ другь на зарѣ закричалы стои, стои, я туть спужался и пришло мнѣ на паметь что конечне естъ сь зады какая нибудъ противная догонька, велѣлъ тоть часъ своеи въ переды командѣ построитца, а самъ поскакаль назадъ чтобь узнать причину о томъ что кричатъ куда какъ прибежаль вижу карету быскупа Киевскаго повалылась бокомъ и лежить на землѣ, каторая будучи самая задная и какъ рисию ехала то по темноте ночи погонщики неусмотрѣлы и наехалы на одну лежащую близь дорогы калоду и карету опрекинулы.

Быскупъ изь кареты едва витаскалы и ушибся беднои въ голову крепко, счастие что порчи другои не было окроме что стекла у окошекь небыли, чтожь дѣлать стаять далѣ нелзя, карету подьнялы и посадя арестанта хоть и безъ стекель осталысь окошка (на кои я потомъ купыль шкуру и здѣлалъ занавеси) предьпринялы путь далѣ и приехалы на разьсвете въ адно село, гдѣ были карчмы четыре тамъ остановилысъ чтобь лошадеи немного покормыть и напоитъ, а попутчикамъ также здѣлатъ маленкои отьдихъ.

Я велѣль поскорея очистить три корчмы кои были получша а хазяевя вислать вонъ, и прокурить избы порошкамы коихъ я нарочно на такову надобность въ Варшаве купыль и повезъ съ собою, а потомъ вьвелъ моихъ арестантовъ туда; имъ показаласъ первая такая вьстреча и притомь что квартеры невеликолѣпны страно, яко люде болшие и отъ роду можеть быть въ такихъ простыхъ избахь не бывалы, а особливо быскупу Краковскому досадно было, о чемь екскузо-

вался я предь нимы что на сеи часъ лучщихъ квартерь не случилось а выпредь надѣятца что будеть выгоднѣе.

Между тѣмь повара мои какъ имъ было отъ меня приказано изъ коихъ адинъ отъ меня быль искусенъ изьготовилы и подалы кофи сь молокомъ и чаю также сыръ и масло хлебь белои, и водки двухъ трехъ сортовь всио то моимъ арестантамъ на подькрепление желудка подьнесено, но всѣмь порознъ и оны ничево адинъ про другова не знаютъ.

Хетманъ съ сыномъ приступыли къ тому охотно также и быскупь Киевски былъ тѣмь даволѣнъ и ель и пыль изьрядно, но быскупъ Краковски нимало ничего принятца не хотѣль, а вошедь изъ кареты въ карчму то непрестанно ходитъ по горнице смотрить на меня и на приставленыхь часовыхъ видомъ суровимъ, прекусивая губамы слова коимы по приметѣ жестоко браинть хотѣлось, а далѣ зачаль уже говорить упоминая Короля своего и другихь своихъ союзниковъ называя ихъ доволно ругително что столко были слѣпы говориль онъ, и допустилы Москалѣвь изъ столычнаго города его вывесть, къ семже словамъ зачалъ еще упомынатъ и нашего полномочного посла князя Репнина съ некоторимъ непристоинстомъ что слушалъ я съ перва съ досадою великою, но какь еще не обозналысъ то далъ ему несколко волю покудова его тоть жаръ мынетъ, а потомъ приступылъ кь нему съ учтивостью говорю чтобь онъ всио то оставылъ а лучше будеть для его здоровыя принять чего нибудь покушатъ и подькрепытъ себя въ дороге, тѣмъ уже я его съклонылъ и възялъ чашку кофи, а болѣе ничего не хотѣлъ.

Потомъ чрезъ часа полтора какъ уже лошадеи покармилы и заложилы въ кареты (ибо я тѣмы аднѣмы артилерискимы лошадмы безъ премены ѣхаль два дни) то докладиваю я быскупу чтобы пожаловалъ витытъ и ехатъ.

Какже мои быскупъ возгорѣлся еще пуще и говориль, что ехатъ нѣтъ я не поеду, а хочу сево дня здесъ остатца, и требуетъ чернилици и бумаги чтобь писать въ Варшаву кь своему дворецкому о присылке къ нему камерьдинера и платья, и чтобь дать съ тѣмъ писмомъ нарочнаго, упомыная что съ нымъ поступлено жестоко и онъ утрудился, вьзглядивая при томъ на меня говоритъ разве вы незнаете какая особа я есмъ и что я есмъ Князъ Сиверски, сенаторъ, и быскупъ Краковски, отвечаю я ему на его требованые что у меня никакои канцеларій нѣтъ и потому чернилици и бумаги дать не могу, а о его чинахь и достоинстве я ужь знаю, но между тѣмъ говорю я ему оставте вы

всно то на сие время въ сторону а пожалуите видите сидте въ карету и поедемъ далѣ.

Онъ и на тѣ мои слова былъ столко свирепь что нимало несклонялся (а говоритъ разве ти маешъ таки указь же бы мнѣ менчицъ) и то сказавъ селъ на лавку говоритъ что нѣтъ не поеду, и повторяетъ свои слова что разве имѣешъ такое повелѣние чтобь меня мучитъ, називая еще варварамы.

На то сказалъ я ему не думаите вы о такои суровосты чтобь повелѣние было васъ мучитъ, но повелѣние я имѣю такое чтобь скоро ехатъ.

Однако думаю я въ себѣ какбы онъ зналъ о седмоиъ пунктѣ моего ордера какова тамъ о его жизны ужасная сентенция положена, тобы конечне позабылъ теперъ обь однои толко ездѣ сопротивитца.

Таково его сопротивленые что ехатъ не хочетъ принужденъ я сократытъ и ужь безь церемоній даю ему разумѣть что то не состоитъ вовласты его, и вы должны повиноватца говорю я ему яко арестантъ и творить волю повелѣвающаго, а ежелы и за симъ не хотыте съ доброю волѣю, то нехорошо будетъ какь я долгъ свои на то употреблю и вы тогда конечне послушаете, и указываю ему чтобь выходылъ.

Изъ сего уже онъ могъ разумѣтъ что оно значило и такъ согласился вышелъ и селъ въ карету.

Выехалъ я изь того села и время было хорошое, послалъ въ периодъ своихъ поваровъ сказалъ имъ куда ехатъ, было то также село неболшое и въ ономъ состаялы какъ о томъ я разведалъ карчмы жидовские, велѣлъ тамь очистытъ и приуготовитъ настоящій абѣдъ, и на трехъ квартерахъ чтобь столы надъкриты были.

Езда наша тотъ денъ была поспешна и приехалы туда въ часу вовтороиъ сь польдня, засталы всио заготовлено какь я приказалъ и блюда сталы на столъ ставытъ; хотяжъ мои Краковски быскупъ (при коемъ я наиболшъ всегда находылся яко онъ всѣхъ другихъ опаснѣе былъ) еще непрестаетъ злытца и гледытъ на всѣхь насъ видоиъ суровымъ, но что поогололалъ и пораструсился въ дароге то принялся однако за хлебь и за соль и обедалъ хорошо, вины разные я ему подьносилъ что его удивыло и несподѣвался того вь дороге имѣтъ, припывалъ и пылъ но наиболшъ держался шампанскаго.

Послѣжь обѣда зачалъ онъ опятъ свое волытъ, упомыная себя въ неволѣ у варваровъ, а къ тому еще поносить нашего посла князя Репнина.

Я сколко его не угаваривалъ чтобь онъ отъ того престалъ представляя ему, что онъ яко болшои такои господинъ говоритъ слова непристоиные а сатисфакцій никакои изъ того не имѣетъ а болѣе тѣмъ толко себя опорочаетъ, но какъ и то онъ не уважылъ а простиралъ еще болшъ, то ужь я вышелъ изъ терпѣныя и говорю ему безъ церемоній: слушаи господинъ быскупъ, вы видно мало разумѣете что естъ нашъ Россійской полномочны пасолъ, знаетелы вы противъ каво вы такие поносителние слова говорите, и знаетель вы что князь Репнынъ всио то дѣлаетъ что ему отъ Монархины нашей приказано, а вы ежелибы были съ покоемъ а непротивны тобы не были таперь здесъ, а я яко есмъ службы Россійской верной слуга то и нехочу болѣе отъ васъ такихъ словъ слышитъ и запрещаю вамъ въ предь о томъ говоритъ, ибо вы ничто иное таперъ не значите какъ толко что есте арестантъ и подь властыю довереною на меня состоите, то и будте съ покоемъ совѣтую я вамъ и повинуитесъ тому званыю въ какомъ вы таперь есте, а иначе съ вамы за такую вашу поступку можетъ худо бытъ.

За симъ уже онъ потише сталъ и оставылъ болѣе Репнина упомынатъ, а толко что иногда своихъ Поляковъ побраниваль приписивая имъ стидь и были слѣпы что допустилы изъ столычнаго города такъ его вывестъ, чѣмъ ужь онъ меня не могъ досадитъ, а слушалъ я иногда то отъ него заместо забавы, но и то мало по мало у него изъ головы изъчезло и зачалъ обьходытца поучтивее и ласково, однако сие было умышлѣно и съ хитростыю какъ о томъ далѣ видно будетъ.

Тотже денъ какь я въ томъ селѣ остался ночеватъ, ибо мнѣ надобно было артилерійскихъ лошадей отъпустытъ обратно и заготовитъ на езду нашу обывателскихъ лошадѣй и покудова оные собраны, то и успѣлъ посланои въслѣдъ за мною афицеръ меня нагнатъ, каторой привезъ для арестантовъ отъ ихъ домовъ данное по требованыю нашего посла какъ зимнѣе платье, постелы, рубахи, и обувъ, такъ и денегъ коихъ однако невелику суму составляло, и то всио я по регистру за рукамы ихъ управителѣй принялъ и кому чего слѣдовало раздалъ, а даные при отъправленій ихъ изъ лагера въ займы афицерские шубы отобралъ и отъправылъ съ тѣмъ афицеромъ обратно.

По утру рано въставши попотчевалъ я моихъ арестантовъ кофимъ и чаемъ, отъправылъ поваровъ въ периодъ гдѣ ночлегъ будетъ для заготовленыя тамо обеда, ибо я расположился такъ чтобь маршъ дѣлатъ всякой денъ въ адну упряжку, и гдѣ обедъ назначенъ

бытъ, тамъ чтобы ужь и ночеватъ, понеже съ камандою и съ обозомъ естли бы дѣлатъ въ польленъ попасъ, тобы по наступывшему уже осенему времены езда наша могла бытъ весма медлителна, и такъ выехалы мы и продолжалы маршъ часу до одинадцатаго, потомъ остановился, съехавъ не много съ дароги въ сторону въ право и въ лѣво съ каретамы подь прикритыемъ конвоя и по за кустарникамы чтобь мои господа адинъ другаго видѣтъ не моглы, подьнесъ имъ водки веиновой и другихъ лыкворовъ также хлебь белой, сиръ и масло свежое, оны принималысъ за то охотно закусилы порядочно, а затѣмъ не долго бавясъ поехалы далѣ, и продолжалы путъ часу до втораго съ полъдня тамъ ужь было то село гдѣ ночлегу быть назначено, засталы всио исправлено какь я приказаль, столы на трехъ местахъ надькриты и обедъ готовъ.

Обедалы всѣ порядочно и съ аптитомъ, подано также было къ столу подорожной десертъ изъ овощи какие я могъ достатъ въ Варшаве и заедки, что моимъ пановамъ показалосъ приятно, и сталы повеселѣе.

И такимъ образомъ во все время моего марша было всякой денъ, но при всѣмъ томъ имѣлъ я трудь сверхъ силы моей кидатца непрестано кь тремъ партиямъ и смотрѣтъ за нимы, я ужь о своей камандѣ въ продоволствіи фуражемъ и хлебомъ, какъ того чрезъ Литву по бедносты той землѣ доставатъ весма трудно было, а особливо еще когда съ опасностыю проездъ продолжается и платытъ за всио сълышкомъ, о томъ я не говорю чтобы еще не много значило лижбы толко достатъ можно было, но арестанты мои болѣе всего меня озабочивалы, ибо по всѣмъ приметамъ оны надѣялысъ твердо что конечне ихъ собратыя Поляки не оставатъ на томъ чтобь ихъ не выручитъ, илы догонкою илы въстречою, или бы какимъ нибудъ образомъ самымъ изобрестъ способь къ уходу, а особливо быскупъ Краковски на то великие приметы подавалъ, онъ часто въ дароге въ лѣсныхъ местахъ хатѣлъ пешкомъ халитъ что иногда я ему и дозволялъ, но всегда спешивалъ гусаръ человѣка по четыре чтобь въслѣдъ за нымъ хадилы, а къ тому еще по сторонамъ гдѣ лѣсъ посиланы казаки по несколко человекъ для прикрытыя дароги, что ему было противно, йлы какъ случитца проехатъ чрезъ какое село и мымо постоялые дворы гдѣ обыкновено бываютъ за всегда люде, то мои Краковски быскупъ хатѣлъ всио то видѣтъ и показатца съ своимъ на голубой лентѣ крестомъ і изъ кареты даватъ рукою чрезъ окошко смотрящимъ благословеній, и тѣмъ хотя изъявитъ что его везутъ, одна-

ко ему нелзя было того дѣлатъ, разъ въ проездъ адной карчмы удалосъ а болѣе нѣтъ, ибо стекелъ въ окошкахъ чрезъ жилию подьнимать я афицерамъ съ нымъ сидящимъ приказалъ не дозволятъ, а къ тому еще и конвойная каманда съ обеихъ сторонъ окошка закляняла, отъ чего зрителы, коимъ случалосъ при дароге быть, никакъ его видѣтъ не моглы о чемъ онъ жестоко не быль даволѣнъ.

Также и то не было ему приятно что съверхъ тѣхъ двухъ афицеровъ кои за всегда съ нымъ на ночлегахъ въ адной избе спалы, но еще и по два гусара съ голимы саблямы и при заряженыхъ карабынахъ въ ночное время тутже въ избе на часахъ что становлятца было ему до крайносты противно, о чемъ онъ много просилъ чтобь отьменытъ, предьставляя что ему дѣлаетца тѣмъ безъпокойство, а особливо какъ часовые съменяютца то всегда его разбуживаютъ и тѣмъ не имѣетъ своего покоя, а доволно де и того для вашего надо мною караула говорилъ онъ что афицеры со мною въ одной же избе спятъ, уверяя притомъ что онъ уходытъ не намеренъ.

На такову его прозбу, а также что и тѣ афицеры къ тому приступилы свидетелствуя о томъ какъ и быскупъ что говоритъ, согласился я на то чтобь часовыхъ вь ночное время вь избе не ставитъ, а ставылъ ихъ въ сенцахъ, однако чтобы не могло бытъ иногда какой хитросты дѣлалъ я самъ обьходь всякую ночъ раза по два, и надобно знатъ что я во всю дарогу не раздѣвался и былъ всегда осторожен, сверхже того приказывалъ я моему ундеръ афицеру каторого я съ довереностыю выпериодъ въ должносты квартиръмейстра отьправлялъ, чтобъ онъ въ техъ квартерахъ гдѣ арестанты поставлены будутъ здѣлалъ всегда при занятій оныхъ и до нашего приезда маленкую въ окошке дирочку въ какомъ нибудъ онаго углѣ, коя бы ни мало не могла бытъ приметна, а толко бы я при обьходѣ могъ чрезъ оную во внутръ заглядѣть, ибо свеча хотя всякую ночъ при ныхъ и горитъ, но быскупъ Краковски въ своей квартере всегда самъ какъ спатъ ляговитца закривалъ окошка салфеткою, а еще и то что мало когда въ ночъ раздѣвался, и былъ всегда напоготове какъ нибы всякой часъ каво ожидаетъ, и виходылъ иногда такъ одѣтой изъ избы на дворъ и ходылъ въздадъ и въ периодъ по двору, и отълучался несколко въ сторону и всио разсматривалъ, и терпѣтъ того не могъ чтобь часовой за нымъ хадылъ.

Съ верхже того закривалъ еще всякую ночъ свою постелъ присланымъ къ нему съ платьемъ маленкимъ шелковой матеріи павилономъ, подь коимъ сидя ночию на постелѣ и зажегши восковую све-

чу каковы также съвиткамы болшимы къ нему были изъ Варшавы присланы, и тако часъ илы и болѣе читалъ книжку, каковы приметы и подавалы резонъ мнѣ обь немъ сумнѣватца, онъ подь видомъ того читания книжки, обьманывалъ съперва много и даже болшъ какъ до половины дороги, покудова я ужь узналъ что онъ предьпринялъ дѣлатъ, какъ о томъ далѣ будетъ видно.

Ундеръ афицеръ мой тотъ каторой въ переды всегда едетъ и квартеры занымаетъ, какъ више я говорилъ, заготовлялъ всякой разъ въ квартере быскупа Краковскаго въ уголку у окошка сънызу какъ ему я приказалъ дирочку илы стеклушка не много проломытъ илы раму буравчикомъ провертытъ и такъ безъ приметы оставитъ чтобы то место какъ быскупъ по своему обычаю закриваетъ ночию окошка салфеткамы было свободно, и не мешало бь хотъ аднымъ глазомъ заглеdѣтъ и видѣтъ что тамъ во внутрѣ дѣлаетца, что я всякую ночъ при обьходѣ и дѣлалъ, и вижу всегда съ вечера что до позда быскупъ сидитъ подь павилономъ и читаетъ книжку.

Онъ тѣмы днямы между разговорамы со мною зачалъ просить чтобь ему обьявытъ о тѣхъ другихъ двухъ каретахъ кто тамъ сидитъ, и конечне де въ ту ночъ въ Варшаве говоритъ онъ какъ меня възялы, то взято еще каво нибудь изъ господь и таперъ веземъ оныхъ съ собою.

О таковой ево прозбе надобно было мнѣ первѣе не много подуматъ и соглашатца съ тѣмъ данымъ мнѣ повелѣниемъ, въ каторомъ запрещено толко о томъ чтобы оны не были въместѣ а порознъ, что я и наблюдалъ, а чтобы адынъ о другомъ не зналы въ томъ не предьвидѣлъ я важносты никакой, ибо сие ни опасносты ни противносты принестъ не можетъ, для чего разъсудылъ я чтобь моему просителю здѣлатъ удоволствые, и сказалъ ему о томъ чего онъ знатъ желалъ.

Сие его весма овеселыло и говоритъ что попутчикамъ такимъ радь и надѣетца что когда нибудъ въместѣ будутъ, при томже говоритъ еще и сій слова что мена взялы то была важностъ велика и какбы сказатъ и резонъ, ибо не могбы вашъ Россійской пасолъ князъ Репнынъ ничево предьуспѣтъ въ своемъ предьпринятыи здѣлатъ естли бы я былъ на волѣ; также и хетмана съ синомъ что взято, то и то было князю Репнину здѣлатъ надобно, понеже и сій люде сутъ въ голосахъ свои первие, но быскупа Киевскаго тово ужь говоритъ онъ я не знаю за что взято, и насмѣявшисъ сказалъ разве что вамъ въ дароге около него естъ лишны трудь, и что вамъ съестъ и попыетъ, а болѣе никакой важносты въ немъ не состоитъ.

При сихъ словахъ повторяетъ мой Краковски быскупъ еще и другую прозбу чтобь допустытъ ему съ нимы видѣтца.

Вотъ ужь сего было отъ него и съ лишкомъ, я къ тому не хотѣлъ было согласитца, уговаривая его чтобы онъ то требованые оставылъ, обьнадеживъ что конечне оны въ скоросты будутъ всѣ въместѣ, и что тогда время имъ будетъ даволно свободное въ разговорахъ себя удоволствоватъ.

Однако просителъ мой усилно приступылъ съ прозбою о томъ, что ужь не могъ я вопреки ему отъказатъ, согласился, и говорю что свиданыя формалнаго никакъ здѣлатъ вамъ не могу и не сево дны, разве въ удоволствие ваше завтре и на марше то здѣлаю чтобы вамъ съ нимы видѣтца, чѣмъ уже онъ былъ даволенъ и благодарилъ.

Поутру при выездѣ изъ того села велѣлъ я первѣе быскупа Киевскаго каретѣ ехатъ въ періодъ, и отъехавъ несколко на чистомъ полѣ остановылъ, а тамъ приказалъ подьехатъ каретѣ быскупа Краковскаго и поставитъ въ рядъ съ первою а съ правой стороны въ рядже съ онимы подьвезлы и Хетмана съ синомъ, и такимъ образомъ дозволылъ имъ въ каретахъ видѣтца между собою, какая тутъ была съперва радостъ у ныхъ, что несповѣдано видѣлысъ а тамъ и плакатъ сталы, и было бы сего еще много естли бы время дозволяло на томъ местѣ стаятъ долго, для чего прекратылъ я ихъ разговоры велѣлъ ехатъ, и потомъ иногда при таковыхже съ ночлѣговъ выездахъ давалъ имъ мымоездомъ видѣтца, но говоритъ болѣе между собою имъ не дозволялъ.

Въ адинже вечеръ какъ я обьходъ мои здѣлалъ, и не приметывъ болѣе ничево окроме то что и прежде, быскупь сидѣль и книжку читалъ, а офицеры тѣ что при нѣмъ раздѣвшись леглы спатъ, но что низко и на землѣ лежалы то ихъ я чрезъ ту въ окошке дирочку не могъ видѣтъ а слышу толко что еще не заснулы и не что по межь собою говорятъ, я то поглядѣлъ и потомъ пашолъ на свою квартеру, и такъ какъ пришоль снялъ толко съ себя саблю велѣлъ принестъ немного сѣна и послатъ на лаве, прикрылъ оное плащемъ, а шубою на верхъ себя лѣгъ не раздевавшисъ спатъ, и было ужь заснулъ, какже меня изъ самаго лучшаго сна разбудило, почувствоваль что рукою меня человѣкъ трогаетъ и зоветъ, свеча хотъ на землѣ и горѣла у меня и могбы видѣтъ кто ко мнѣ пришолъ *) но что

---

*) Здѣсь прерывается переписанная на бѣло рукою самаго Пишчевича рукопись «Извѣстія» и начинаются черные листы, не сшатые въ тетрадь и къ

изъ просоня и нечаяно то было, такъ я въскочивши испужался до крайносты, стою на ногахъ протыраю себѣ глаза и пришолъ немного въ себѣ, подумалъ что ныбудъ да естъ важное когда меня будютъ, и нѣтлы съ ночнаго пикета чего, и вижу предь собою что тотъ самои ундеръ-афицеръ о коемъ я више говорилъ стоитъ, а ему я всегда приказывалъ чтобь онъ послѣ моего вечерняго обьхода самъ около полъночъ поглѣделъ около часовыхъ и чрезъ окошко примечалбы спитли арестантъ, и потому сеи ундеръ-афицеръ и пришолъ съ рапортомъ сказывая что изъволыте поскорея самы посмотрѣтъ, я де послѣ вашего вечерняго обьхода вотъ таперъ тамъ былъ у быскупа Краковскога и видѣлъ чрезъ окошко что онъ пишетъ, и для того де я поспешилъ и васъ разбудылъ.

Такова новына показаласъ мнѣ чорна, незнаю кто бы ему перо и чернилыцу далъ а онъ того у себя не имѣлъ, и пысатъ имено приказано ему и никому изъ сихъ арестантовъ не дозволятъ, я услишивши то отъ ундеръ-афицера поспешилъ скорея туда чтобъ видѣтъ, и вижу чрезъ ту у окошка дирочку что такъ, Быскупъ мои закрившисъ павилономъ сидитъ на кравате и пишетъ, у негожъ было прислано изъ Варшавы съ платьемъ маленкои бюро на съкладныхъ ножкахъ, въ коемъ было бритвы, мыло, и еще коио какие спирты, что я какъ ему по регистру протчие вещи отъдавалъ видѣлъ, но черниліцы и пера не было, и тотъ бюро въ ночное время ставылъ всегда онъ предь себя подь павилономъ и служыло ему за место столыка, на коемъ клалъ свою восковую свечу и книжку, то и тогда онъ на ономъ пысалъ, и мнѣ толко тѣнъ его отъ свечи чрезъ павилонъ видна и доволно, даже вижу какъ рукою по бумаге водытъ и чернило перомъ достаетъ, на сие я погледѣлъ мынутъ две, три не подавалъ знака никакова чтобь его не спужатъ и не спортытъ его дѣла, отвшолъ тихонка протчъ и съ тѣмъ его оставылъ ожидая что изъ того еще далѣ будетъ.

Афицера же что тамъ въ избе не могъ я примѣтытъ, спалыіъ оны илы нѣтъ потому что ниско на землѣ лежалы и мнѣ невидно, изъ просоня такь вскочивши испужался до крайносты подумавъ что нибудъ да естъ важное когда меня будютъ.

При отьходѣ моемъ приказаль я моему ундеръ-афицеру чтобь онъ еще пообождалъ и присматривалъ долголъ еще Быскупъ писатъ

сожалѣнію не доводящіе до конца всего разсказа. Отсутствуютъ также и документы, которые не разъ Пишчевичъ обѣщалъ приложить къ своему сочиненію.

будетъ и по утру чтобь мнѣ о томъ отьрапортовалъ при чемъ подьтвердилъ ему чтобь онъ ни кому ни слова о томъ не оказывалъ и держалбы сие въ таинѣ.

По утру рано приходитъ мои ундеръ-афицеръ и сказываетъ что Быскупъ писалъ непрестано после меня еще съ полъчаса и потомъ престалъ и въкладалъ то писаное въ тотъ предь собою бюро и затваривъ загасилъ также свою восковую свечу и легъ спатъ.

И какъ было кь выезду всно готово и моимъ арестантамъ принесено кофи то я зашолъ къ Быскупу и пылъ тамъ у него также кофи при чемъ спрашиваю о его здоровьи и каково ему было въ ночи и спаль ли хорошо, онъ отъвечалъ веселимъ духомъ что ни адну ночъ небыло ему такъ спокоенъ какъ таперъ и что лиогокъ и здоровъ, капитана жъ итого другаго афицера что при немъ состоялъ также спрашиваю я что каковы имъ и спалылъ харошо и не былолъ у ныхъ тaраканoвъ и клоповъ какь у меня что было, на то отьвечалы что нѣтъ а было имъ хорошо.

Мы потомъ выехалы и продолжалы путъ какъ обыкновено до втораго часа и тамъ гдѣ назначено обедатъ заночевалы.

А въ вечеру я по моему обыкновеныю дѣлалъ въ поздую ночъ обьходъ и гледѣлъ чрезъ окошко на Быскупа, коего по преждиѣму нашолъ что подъ павилономъ читалъ книжку, но уже я недоверялъ а приказалъ тому моему ундеръ-афицеру чтобь онъ пообождалъ и наведался бы опять что Быскупъ дѣлатъ будетъ и не зачнетлы опятъ писатъ и съ тѣмъ пашолъ я на свою квартеру.

Съпустя съ полъчаса прибежалъ мои ундеръ-афицеръ а репортуетъ что Быскупъ оставилъ книжку и зачалъ писатъ, я поскорея туда и смотрю чрезъ ту приуготовленую у окошка дирочку вижу что такъ Быскупъ пишетъ и стѣмъ пашолъ я на свои квартеру идучи думаю въ себе дабро наидужъ я твою канцелярию не останется оно на томъ какъ ты думаешъ.

Таперъ оставимъ его спокоемъ не будемъ ему мешатъ пущаи онъ свое дѣло совершитъ, а потомъ доидетъ оно совсѣмъ изъготовленое до рукъ нашихъ, а станемъ говоритъ о тѣхъ другихъ господахъ какъ оны въ дароге обращалысъ.

О Быскупе Киевскомъ говоритъ нѣчего онъ человѣкъ былъ уже въ лѣтахъ и драхлои, молчалъ болшъ нежель говорилъ, а что иногда и говорилъ то было почты полуумное разве гдѣ какая речъ къ статы

придетъ, и наевшисъ и напившисъ разденетца порядочно и ляжетъ отъдихатъ и на томъ всио его дѣло было.

Хетманже человекъ былъ также старои и тыхои учтывъ, скроменъ, и благообразенъ, слова его приятны, ни о чемъ не досадовалъ а полагался на свою судбыну, а синъ его староста Долински послѣдуя отцу обходился весма ласково и яко человекъ молодои былъ веселъ, однако и обь ныхъ сумнѣватца мнѣ было надобно, ибо и оны оба такъ какъ и Быскупъ Краковски ночыю не раздѣвалысъ и были всегда одѣтие, также что Хетманъ бороду запустылъ и бритца не хотѣлъ, ужъ борода ему на вершокь отъросла, о чемъ я ему несколко разовъ говорилъ чтобь того не дѣлалъ и чтобь вибрился, на что отъвечалъ что неволнику въ такои формѣ должно бытъ, чѣмъ также подавалъ онъ мнѣ резонъ чтобь надь нымъ имѣтъ крепкое смотрение, и тако приближилысъ мы уже подъ городъ Гродно отъ коего разьстояниемъ ночлегъ взялы въ адну мылю.

Городъ сеи великъ доволно и народа въ немъ много а мыноватъ мнѣ его было нелзя понеже подъ нимъ река Нѣманъ, чрезъ кою надобно провозитца на поромахъ, опасносты же тутъ въ моемъ проездѣ не могло бытъ понеже тамъ стоялъ отъ воискъ нашихъ генералъ Измаиловъ съ кавалерскимы полкамы, къ коему я тотъчасъ послалъ съ афицеромъ рапортъ уведомляя его, какихъ людеи я препровожаю и прошу его чтобь пособствовалъ толко о поромахъ, между тѣмъ покудова мои афицеръ возвратылся подоспѣла уже и ночъ, а генералъ сказалъ афицеру что онъ не советуетъ мнѣ тутъ преправлятца чрезъ городь арестантовъ провозытъ, яко народа въ городѣ много и чтобы какова безъпокоиство послѣдоватъ немогло, а ехалбы я пониже города за две мыли на другои превозъ и тамбы преправился.

Я тотъ часъ послалъ другова афицера съ проводникомъ на всю ночъ туда чтобь тотъ превозъ осмотрѣтъ, и то отъправивши неляговился я уже спатъ, а учредылъ свои пикеты и люде всѣ при лошадяхъ были также караулъ какъ должно поставилъ, и ужъ какъ ночъ горазда наступыла дѣлалъ обыкновенои обьходъ первѣе зачалъ отъ Быскупа моего Краковскаго и усмотрелъ чрезъ дирочку у окошка что опятъ пишетъ, и приметылъ точно что афицеры будни были и не спалы ибо адинъ изъ нихъ лежа на землѣ кашлялъ, я пообождалъ несколко дожидаясъ что изъ того писана еще далѣ будетъ, каторое онъ сократылъ и сталъ конверты дѣлатъ и печататъ, сего ужъ для меня было доволно оставывъ тутъ моего ундеръ-афицера съ приказаныемъ чтобы еще приметилъ на чемъ конецъ будетъ, а самъ па-

шолъ къ другимъ арестантамъ коихъ уже нашолъ я спящихъ, и съ тѣмъ вернулся къ своеи квартере.

Идучи жъ я мымо квартеру первую дождалъ меня тамъ въ сторонѣ мои ундеръ-афицеръ, сказываетъ что Быскупъ выходилъ и ходилъ по двору и подьходылъ къ другои тутъ по блызы избе да кликалъ къ себе капитанского денщика и говорилъ нѣчто съ нимъ и потомъ вернулся въ свою избу и денщикъ съ нымъ и тамъ легли спатъ, я услишавъ въ избу сие загледѣлъ у окошко вижу, что свеча на землѣ горитъ и денщикъ възлѣзъ на печъ тамъ лежитъ что прежде ни однажды не было, денщикже тотъ былъ того самаго капитана каторои при Быскупе находитца и услуживалъ Быскупа, а гусара что я ему предъ тѣмъ было на услугу приставылъ того онъ имѣтъ не хотѣлъ обьявляя что квартери случаютца тесние и повернутца всѣмъ нѣгде и что тотъ денщикъ адинъ его потребы исправитъ можетъ, на чемъ я такъ и оставылъ.

Таперъ доходитъ дѣло до денщика и разьсуждатъ инаково ненадобно и писма конечне у него а думаю что и капитанъ въ томъ естъ участныкъ, но что денщикъ тамъ въ избе легъ спатъ и не могу его на тотъ часъ имѣтъ а тревожитъ въ ночъ нехотѣлосъ то оставылъ до утра, и съ тѣмъ пашоль въ препровожденіи того ундеръ-афицера на свою квартеру.

По утру рано было у меня дѣло прежде нежель протчие повставалы первѣе приставилъ смотрѣтъ денщика, чтобъ его въ руки възятъ и ожидалъ покудова выдетъ, а ктому было у меня дѣло что посланой мои афицеръ отъ того другаго превоза возвратылся и рапортуетъ что преправлятца тамъ никакъ не можно, ибо паромъ толко адинъ да и то маленкои и каретъ нетокмо всѣхъ но ниже эдну въместытъ неможно, и такъ по сему принужденъ я сего афицера тотъ часъ послатъ опятъ къ генералу и доложитъ ему что преправа моя по необходимосты должна бытъ подь городомъ.

Онъ на то отъвечалъ что я могу дѣлатъ какъ мнѣ угодно и что ему до моеи камысіи дѣла нѣтъ, а покудова то было въ задъ и въ периодъ преездка и порома осмотрены и заготовлены то ужъ принужденъ въ томъ селѣ дневатъ и остатца до утра.

Мои же быскупъ тотже денъ всталъ ранѣе обыкновенаго и онъ уже знаетъ что предь намы городь Гродно естъ и чрезъ онои ехатъ будетъ надобно, то и посилаетъ за мною спрашиваетъ будемли скоро ехатъ, и узнавъ о дневаныю, зачалъ проситъ чтобь позволитъ пoслатъ

въ периодъ въ городь денщика Крюкова (а онъ его прозвалъ Краковъ) чтобь наитыть прачку и датъ помытъ рубахъ кои могутъ до утра поспѣтъ и онъ насъ тамъ въ городѣ въстренетъ, и датбы ему подьводу.

На то я ему отъвечалъ что съ охотою пажалуи изъволите его отъправитъ и подвода сеичасъ будетъ готова, и вотъ паиду я и пришлю оную сюда, а вы говорю я ему изволите приуготовитъ вашу посилку и чтобь Крюковъ былъ готовъ.

Я поспешилъ скоряе къ своеи квартере приказываю моему ундеръ-афицеру давъ ему еще надежныхъ двухъ гусаръ велѣль имъ поскорея ехатъ верхамы въ периодъ хоть за четвертъ мыли и дождатъ на дороге едущаго денщика Крюкова, възятъ подь караулъ и тотъ часъ изътребоватъ отъ него какие ему оть Быскупа даны писмы принятъ оные кь себе и привезть сюда ко мнѣ, а денщика также привезть но скрито и въ округъ села чтобь никто не видѣлъ.

Ундеръ-афицеръ мои поехалъ, а подьводу заготовленую отослалъ я къ квартере Быскупской на кою селъ денщикъ и поехалъ, а тамъ ужъ его дождалы и здѣлано такъ какъ я приказалъ и пысма въ адной конверте наидены.

Между тѣмъ какъ скоро денщикъ выехалъ то я тотъчасъ того капитана оть Быскупа съ тѣмъ другимъ афицеромъ онъ же и былъ его братъ сменылъ, коихъ я предъ темъ ни мало не знавалъ, отданы мнѣ были при отъправленыи отъ князя Прозоровскаго, и възявши ихъ прочъ приставылъ къ Быскупу другихъ досмотрщиковъ на коихъ уже я получше надѣятца могъ.

Быскупу моему былъ то ударъ не малъ посилаетъ за мною и проситъ къ себѣ, но я не пошолъ и сказалъ что дѣла много имѣю и нѣтъ времены.

Денщикъ какъ увидѣлъ приуготовленые на него батоги признался тотъчасъ что онъ купылъ у жида чернилицу и перо досталъ и Быскупу далъ и за то получилъ четыре червонца и что о томъ и его капытанъ зналъ, а бумагы я ему говоритъ денщикъ не приносилъ и не знаю гдѣ онъ ее взялъ.

Но о томъ я опосля узналъ что Быскупъ употребылъ къ писаную бумагу такову, которая у него была между платѣмъ преложена, простая.

Капитанъ же еще не знаетъ что денщикъ его възятъ и писма наидены, я велѣлъ его къ себѣ призватъ спрашиваю знаетлы онъ о

томъ что Быскупъ уже сколко ночеи пышетъ и отъ кудава ему чернилица и перо, онъ на то сталъ изгавариватца что того не было и не можетъ статца яко онъ при нѣмъ былъ приставомъ и онбы видѣлъ ежелыбы то правда была, я ему отъвечаю чтобь не таилъ и лучше для него будетъ сказатъ правду онъ и на то было зачалъ отъпыратца, но я прекратылъ его слова и велѣлъ деншика въ колодке привестъ и пысма показалъ, о чемъ денщикъ повторилъ и его улычилъ, капитапа хотелъ я тутъ арестоватъ но онъ видя свою беду упалъ предо мною просилъ помылованыя и признался, не хочу я его упомынатъ какъ зовутъ, а были и онъ и братъ его изъ пехотныхъ полковъ и оба Немцы.

Конвертъ надъписанъ былъ по полски и приказано чтобь отъдатъ тамъ въ городѣ въ монастыръ езуитскои началнику супериору. я его распечаталъ и нашелъ не болшую цедулку въ коеи пишетъ Быскупъ о себѣ, что его везутъ яко неволника и заклиняетъ ранами Христовимы чтобь приложеной другои конвертъ отъправитъ какъ можно скорея и чрезъ нарочнои въ Варшаву двора его къ маршалку Валегорскому, и на тои цедулке подъпысалъ свое имя.

Я и тотъ другои конвертъ распечаталъ и прочелъ въ коемъ писано по полски на несколкихъ ласкуткахъ много, и составляло бы то болѣе адного целаго листа, а первоначалная материя упоминаетъ и говоритъ неволя моя какъ вижу продолжаетъ безъ препоны и страданые свое сносилъ терпеливо ибо оное естъ за веру, въ протчемже вовсемъ томъ пысаныи не было въжного ни чего а почты на релацыю походытъ онъ наиболѣе о марше и ездѣ писалъ, и какъ ево кормятъ и поятъ хорошо и нужды втомъ не имѣетъ.

Писма жъ сіи какъ оные не составлялы никакои важносты и чтобы не здѣлатъ сего капитана естли бы оные по камандѣ предъставытъ не счастливымъ, то удержалъ я ихъ у себя кои и таперъ имѣю между протчимы своимы бумагамы, капитана жъ я съ братомъ его отълучилъ и определылъ къ другому дѣлу съ приказаныемъ, чтобь оны во всю дарогу Быскупу на глаза не показывалысъ а денщика возылъ арестованаго въ колодке.

По утру рано какъ всио было къ отъезду готово и парома на сеи сторонѣ моимъ афицеромъ приуготовлены, то выехалы мы съ нашего ночлега и прибыли подъ городъ на преправы, и тотъчасъ чрезъ реку преправлятца сталы, способь намъ былъ хорошъ что четыре болшие порома имѣлы и тѣмы моглы скоро пребратца на ту сторону.

Городь сеи возлѣ самои рѣки состоитъ несколко на висотѣ, и видно что ужъ о нашемъ приездѣ жителы изъвестны были, для чего толпамы народъ стекался и гледѣлы, и многие хотѣлы и къ самымъ каретамъ подьходитъ и благословенья отъ быскуповъ взятъ но сие ихъ намереные было тщетно, ибо конвоиные по обеимъ сторонамъ каретъ такъ густо были приставлены что никто сидящихъ моихъ арестантовъ видѣтъ не могъ, я тутъ видѣлъ глупостъ что по сторонамъ дароги, многие люди и жоны упалы на колена, держа чотки въ подънятыхъ рукахъ, читалы молитвы и съ тѣмъ поехалы мы далѣ, однако не чрезъ самои городъ, а взялы немного въ право, во округъ другимы преулкамы, которыхъ афицеръ мои въпереды посланои сискалъ и тѣмы провелъ и выехалы за городъ.

Я на часъ заехалъ къ генералу Измаилову чтобь съ нымъ видѣтца яко прежди не имѣлъ честы его знатъ и доложитъ ему хатѣлъ почитая за долгъ что я проезжаю и арестантовъ уже вывезъ за городъ.

Онъ принялъ меня учтиво и ласково, а при томъ говоритъ, что отъвагу велику я здѣлалъ, и какъ могъ осмелытца здѣсъ преправитца яко городъ болшои и народа въ немъ естъ много изъ чего надобно было, говорилъ онъ, первѣе подуматъ какбы на случаи какои тревоги можно было охраныть, и могло бы изъ того вытытъ велика конфузия.

На то отъвѣчалъ я, что преправа сия была мнѣ нужна и немынуема, чрезъ кою уже я преправылся благополучно, а конфузій и замешателству чтобь послѣдоватъ могло, ны мало не сумнѣвался по тому говорю я ему, что ваше превосходителство здесъ съ воискомъ находитца изъволите, и конечне въ случаи неоставилибы помочъ датъ, а сверхъ того и каманда моя не допустила бы надъ собою стида здѣлатъ, я отъклонясъ у него поехалъ въ слѣдъ за командою, кои меня за городомъ дождалысъ, и предъпринялъ путъ свою далѣ.

Я тутъ приказалъ ундеръ-афицеру моему, чтобь посланые отъ быскупа Краковскаго съ денщикомъ вчерашны денъ въ городъ для мытия завязаные въ солфетке три рубахи отъдатъ въ карету быскопу при чемъ сказатъ, что то ему мымоездомъ дано отъ человѣка какова-то манастира, и что приежающій съ онымы нарочно присланои заболѣлъ жестоко и остался въ городѣ.

Быскупъ то принялъ и заскорбѣлъ чрезъвичаино, даже во всю дорогу въ тотъ денъ мнѣ сказивалы сидящие съ нымъ досадовалъ и непреста-

но о денщике упомыналъ и гдѣ онъ остался и чтобь послатъ его привестъ, однако я въ переды того что онъ говоритъ и суетытца не слишу и ехалъ свою дарогу куда надобно.

Отъ Гродна дорога была болшъ лѣсиста и болотна и много безъпокоина для чего и нелзя мнѣ было съ такимы чежелымы каретамы ехатъ по сторонамъ проселошнимы дорогамы а принужденъ уже былъ держатца болшои дороге, по которои хотя и случалысъ местечки но я оные всегда проежалъ и становился начлегамы въ селахъ и въ деревняхъ, какъ и въ тотъ денъ я здѣлалъ.

Надобно же сказатъ что я у моего друга быскупа Краковскаго уже два дни не бывалъ не видѣлся, для чего въ тотъ денъ какъ на квартеру сталы пашолъ я къ нему, онъ тотъчасъ началъ о денщике спрашиватъ говоритъ гдѣ Краковъ (такъ имя онъ ему далъ въместо Крюкова), на то отъвечалъ я что заболѣлъ въ городѣ какъ мнѣ сказано и что послано за нымъ и говорю что уповаю севодня ево привезутъ, и тѣмъ я его немного успокоилъ, однако въ тотъ денъ разовъ несколко онъ о своемъ Кракове спрашивалъ.

Между тѣмъ чтобь его провесь и оставилбы онъ болѣе обьнѣмъ спрашиватъ, то призвалъ я къ себѣ одного моего афицера заставылъ его напысатъ на имя мое пысмо, якобы оное прислано отъ генерала Измаилова чрезъ того нарочно посланого о коемъ я быскупу сказалъ будто за денщикомъ посланъ, и тѣмъ писмомъ будто генералъ мнѣ даетъ знатъ что заболѣвшаго въ городѣ денщика Крюкова по его жестокои болѣзны нелзя было въ слѣдъ за мною отъправытъ, коего приказалъ онъ отъвестъ въ гошпиталъ и тамъ для ползования находитца будетъ до моего обратнаго приезда ежелы виздоровиетъ и то писмо запечатавъ въ конвертъ, призвалъ адного моего капрала отъдаю ему и говорю чтобь онъ селъ на одну мужицку телѣгу, и подъвечеръ какъ я буду у быскупа, то бы онъ приехалъ просто предъ квартеру быскупа и тамбы мнѣ то писмо подалъ съ объявленыемъ что оное дано ему отъ генерала Измаилова и что денщика по его болѣзны съ собою привестъ немогъ.

Такимъ образомъ и писмо мнѣ тутъ у быскупа подано, которое я предь нымъ распечаталъ и расмотрѣлъ и подаю афицеру тутъ приставленному чтобь онъ предъ быскупомъ прочелъ, и тѣмъ ужъ его уверылъ и остался я съпокоенъ, однако онъ жестоко было зажурился и всио задумавшись сидѣлъ но я никакова вида не подовалъ чтобь писмы его у меня были.

Вотъ таперъ быскупъ станетъ ... квартеру дѣлатъ, онъ зачалъ чрезъвычаино ... около меня, даже желалъ чтобы целои ... поводылъ разговоры о разныхъ материяхъ, я ... онъ волствые и бывалъ всякои денъ у него и ... валъ и просиживалъ съ нымъ сколко мнѣ ... въходылъ съ нимъ въ дискурсъ и сказатъ пра... векъ онъ былъ разумнои и учонъ на разныхъ я... ятно съ нымъ вестъ разговоръ какъ онъ уже отъ ... суровосты отъсталъ и былъ во всѣмъ съклонъ и тихъ ... всѣ подробносты дискурсомъ своимъ въходылъ много вра... ныхъ дѣлахъ и судылъ во всѣмъ хорошо (но врагъ а то ... умышлѣно).

Онъ меня какъ уже далеко со мною пообознался спраши..., природнои лы я рускои илы какои иностранои и какъ примѣча... по моему прозваныю что надобно мнѣ Венгру бытъ и кахова я за-кона, и давнолъ служу и тому подобное много како чего спрашивалъ.

Я ему на всио то отъвечалъ что я не Венгеръ а природны Сербынъ выежи съ абшитомъ изъ службы цесарскои и закона греческаго исповеданыя и служу въ Россіи уже давно даволно, онъ на то съспросилъ какъ велико намъ естъ жалованые, я и то въ удоволствие сказалъ чему онъ много дивовался упомыная что противъ труднои такои нашеи службы жалованые имѣемъ не велико, и что у ныхъ въсякои господынъ своимъ придворнымъ афицерамъ болшъ даетъ.

Таково его разъсужденые я моимъ отъвѣтомъ прекратылъ и говорю что служба императорская не обь одномъ жалованыи состоитъ, но честъ велика и можетлы вашихъ господъ служба о коеи вы упомынаете бытъ на ровнѣ съ нашею службою, хотя бы оны сколко своимь названымъ афицеромъ денегъ давалы, но сие естъ партикулярство такъ какбы мои илы чіи другои слуга былъ.

Онъ потомъ сталъ расказыватъ о своеи власты и господстве въ какомъ онъ въ Полше почитаетца, и что естъ владѣтелны князь Сиверскіи, и какая обьширностъ его владѣния и доходы до полумылиона червоныхъ ежегодно имѣетъ, и какъ въ великои естиме состоитъ у папы Римскаго и что въ скоросты было бы ему достоинство гардинала дано какъ де о томъ уже отъ туда естъ къ нему известые, естли бы толко таперъ говоритъ онъ не помешало мнѣ сие несчастые что я въ неволю взятъ.

Потомъ сталъ проситъ чтобь позволылъ ему проходитца немного по двору, и меня тоже просилъ съ собою, я согласился на то и вышли по за дворомъ къ текущему ручею тамъ место было свободное где ходитъ было можно, мы оба пошлы но за намы не много вотъдалъ шло еще два человека гусаръ.

Онъ зачалъ опятъ повторятъ свои маетносты и доходы считатъ, но при томъ говоритъ что жъ мнѣ и ползы, оноде служитъ толко покудова я живъ, а наслѣдниковъ тэкихъ не имѣю каму бы могло въ потомство бытъ полѣзно, а разве была бы то къ вашеи сторонѣ говоритъ онъ мнѣ какъ я васъ вижу достоиную особу и вы бы всѣмъ тѣмъ еще при жизны моеи восползоватца моглы естлы согласитца хотыте.

Сие я вислушавъ, разумѣтъ могъ въ какую цѣлъ онъ то говоритъ, и отъвѣчаю ему несколко съ пренебрежениемъ чтобь на сие время о томъ не помышлялъ, ибо обьстоятелства ваши говорю я ему таперъ такие что вамъ самымъ всио то что имѣете будетъ надобно, а лучше взятъ терпѣные и ожидатъ своего освобожденыя, какъ можетъ бытъ со временемъ вы то и получите.

Онъ прехватылъ мои слова какъ о освобожденый я сказалъ и говоритъ что освобожденые мое завыситъ единствено таперъ отъ васъ, ежелы ту мылостъ со мною здѣлатъ хотыте и меня выпустытъ то я кленусъ честыю своею, что всио мое изъ доходовъ годовыхъ будетъ ваше и лучше де всего какбы со мною въместѣ удалытца изъволелы алы гдѣ прикажете получитъ.

Тутъ ужъ я съгорѣлъ тронуло меня жестоко, остановился и говорю ему съ серцемъ, слушаи быскупъ богатство твое и честъ твоя видно ни куды не годно, какъ ти могъ осмелитца меня такою хитростыю пробоватъ, знаешлы ти говорю я ему что не токмо твое всио имены но и всю вашу Полшу не премeню я на свою честъ, такъ велико я оную почитаю и храню чтобь не была повреждена, не доволно лы тебѣ разумѣтъ говорю я ему изъ того толко одного что сколко въ воиске моеи монархины состоитъ разныхъ чиновъ и доволное число состояло оныхъ на то время въ Варшаве какъ тебя подъ арестъ възялы, однако изъ между всѣхъ меня адного выбрано въ такую довереностъ что васъ арестантовъ къ препровожденыю въ такои далнѣи дароге отъдалы мнѣ на руки, такъ чтобы я такую честъ и вѣрностъ свою хотѣлъ пренебречъ безъ честы и согласитца на твою не годную пропозицыю, тякъ не думаи о томъ чтобь ты во мнѣ могъ то сискатъ и стидисъ словъ своихъ, и сие я ска-

завъ повернулся назадъ и говорю ему изъволте въ свою квартеру итытъ.

Быскупъ мои послѣ моихъ къ нему словъ устидился и весъ покраснѣлъ, и что я отъвернулся и шагнулъ назадъ итытъ, то онъ сталъ проситъ чтобь на минуту остановитца, я сталъ и говорю чевожъ вамъ еще болшъ надобно, на то зачалъ онъ говоритъ и проситъ, чтобъ его въ томъ простылъ, предоставляя что освобожденые бы ево было ему конечне приятно и о такои желаносты ни кто права не имѣетъ его осудитъ, для чего по такои нуждѣ осмелылся мнѣ о томъ напомнытъ, а вы велможны панъ (такъ онъ меня тогда назвалъ) имѣете разумъ и знаете какъ велика человеку есть нужда, когда помочы себѣ желаетъ и что принужденъ метатца искатъ онои, что и дерзнулъ было искатъ въ вашеи мылосты но когда верностъ ваша такъ велика и не дозволяетъ вамъ къ моему желанью съклонытца то ужъ принужденъ остаюсъ послѣдовать своеи судбынѣ, а васъ покорно прошу простытъ меня и не имѣтъ злои воли, и сие выговаривъ подьнялъ руки и глаза къ небу и говоритъ о счастлива Императрица Россiиская что такихъ особь въ воискѣ своемъ имѣетъ и нѣстъ чуда что всио преодолѣваетъ, и заплакавши сказалъ еще, что ужъ таперъ какъ изъволыте властъ ваша надо мною.

Меня ужъ и сие тронуло сожалѣя что онъ залылся слѣзамы, обратился къ нему и говорю оставте вы всю сию печаль, возложите надежду лучше на Всевишняго и ожидаите себѣ милосты отъ Ея Величества нашеи Государыни, не отьчаяваитесъ ни мало, будте великодушни, съносите терпеливо, и надѣитесъ получитъ свое освобожденые честнымъ образомъ, а не такъ какъ вы намерилысъ было приобрестъ, воидите вы самы въ себя что чины и достоинство ваше должны вы хранытъ, и сколко бы много говорю я ему вы себя тѣмъ обесчестилы если бы такимъ образомъ освобожденые себѣ получилы, такъ совѣтую я вамъ ожидаитѣ сносно, а время всио само собою принесетъ, престанте суетитца и будте съ покоемъ.

Онъ ужъ послѣ сеи моеи къ нему проповеды потупылъ голову, замолчалъ и съ тѣмъ вернулысъ мы къ своему месту, и далѣ престалъ онъ уже съ своимы замашкамы и болѣе мнѣ ни о чемъ таковскомъ не говорилъ.

Мы продолжалы путъ еще несколко днеи и приблежилысъ къ городу Вилнѣ и мыли за две остановылся въ адномъ селѣ ночеватъ тамже и дневалъ, а того жъ дня нашего туда приезда послаль я въ

Вилну чрезъ нарочнаго афицера къ генералу порутчику Нумерсу рапортъ, коимы уведомляю его о моемъ приездѣ и спрашиваю какимъ образомъ прикажетъ арестантовъ въ городь въвестъ, онъ уже о томъ прежде моего прибытия чрезъ писмо отъ полномоченаго нашего посла изъ Варшавы князя Репнина быль уведомлѣнъ, и по тому присилаетъ бывшаго при нѣмъ за плацъ-маиора подьполковника Кулѣбакина, чтобь со мною условитца какимбы образомъ то здѣлатъ и арестантовъ въ городъ въвестъ чтобы не было тамошнымъ жителямь изьвестно, и суетытца о томъ Кулѣбакинъ сказиваетъ что городь весма великъ и народа въ нѣмъ очень много, то чтобы иногда не воспослѣдовало какои тревоги и не было бы нападенья, отчего можетъ бытъ дошлобы въ защищеные и кровопролитые.

Я его на то спрашиваю что разве нѣтъ въ городѣ нашего воиска чтобь то могло такь опасно бытъ, онъ отъвечалъ что баталъона два гренадеръ въ городѣ стоятъ, я на то насмѣялся и говорю съ двумя баталионамы гренадеръ не токмо Вилну но и всю Литву привестъ вь послушаные можно, и когда такъ какъ вы говорите что трудностъ въ томъ естъ то доложите генералу не соизволытли онъ возложитъ сие дело на меня и я ужъ самъ ихъ въ городъ въвезу.

Мои товарищъ господинъ подьполковникъ Кулѣбакинъ, *которои* мнѣ давно знакомъ былъ, на то мое обьявленые согласился и былъ тому радъ спрашиваетъ при томъ какимъ образомъ намерень я то здѣлатъ чтобь умѣлъ генералу сказатъ, я ему отъвечаю чтобы еще севодня прислать ко мнѣ сюда адного хотя ундеръ-афицера, которои бы меня повелъ къ тѣмъ воротамъ куда въехатъ надобно, а при воротахъ уповаю караулъ нашъ естъ, то чтобы при тѣхъ воротахъ были въ готовносты три афицера верхамы кои на квартеры поведутъ и толко и всеи естъ надобносты, а о протчемъ будетъ мое стараные, но и то скажите генералу, говорю я ему что я со всѣю командою не буду въ городъ въежатъ а оставлю оную у воротъ, а толко при каретахъ будетъ человека по четыре гусаръ и`я при ныкъ буду ехатъ къ тому жъ чтобь на каждои квартере были столы надъкриты и ужинъ готовъ, а я отъсудова въ наступывшую сево дня ночъ виеду, всио то мои другъ Кулѣбакинъ что я ему сказалъ апробовалъ за хорошо и простясъ со мною поехалъ обратно (а я приуготовиль подьводы и состояль къ отьезду въ готовносты дожидаясъ толко ночи и того ко мнѣ изъ города провожатого).

А подь вечеръ какъ тотъ присланои проводникъ уже ко мнѣ прибылъ то я не медля выступыль, ночъ мнѣ послужила хорошо что

месецъ светылъ и дорога была поспешна, приездъ мои былъ къ городьскимъ воротамъ предь самую польночъ, каманду я свою оставылъ на полю за воротамы възявъ толко съ собою при каждои каретѣ по четыре человека гусаръ въехалъ въ ворота.

Караулъ нашъ сталъ у ружья и тѣ афицери какъ я Кулѣбакину сказалъ вьстретыли меня верхамы, каторие уже званы какимы улыцамы ехатъ повелы кажды свою карету, куда надобно, а я держался вьпереды предъ каретою быскупа Краковскаго.

Ехалы мы всѣ вьместѣ весма тихо безъ стуку и безъ шуму и приехалы предь ворота тои квартеры гдѣ быскупу Краковскому бытъ, ево вьвелы на верхъ, а тѣ протчие также въведены тутже на тои улыце не далеко, гусаръ моихъ конвоиныхъ отослалъ я назадь къ командѣ, а самъ остался туть у быскупа Краковскаго куда уже и подьполковникъ Кулѣбакинъ пришолъ.

Столъ былъ надькритъ и блюда сталы носитъ, но что слугъ другихъ не было а носилы блюда приставлѣные тутъ караулные гренодери и люде отъмено были харошие съ ихъ наваксенимы бакеньбартамы и одѣты чисто, то мои быскупъ стоитъ на ныхъ махнулъ толко головою сказалъ своимъ полскимъ языкомъ (нѣхцалембы я такихъ комординеровъ мацъ).

Послѣ ужина оставилы мы быскупа спочиватъ й я пашолъ на отьведеную мнѣ квартеру, а по утру пашолъ къ генералу съ моимъ докладомъ, что арестанты привезены въ городъ и каму прикажетъ съ рукъ моихъ принятъ.

Генералъ сеи также былъ мнѣ отъ прежняго времены даволно знакомъ, принялъ меня ласково и былъ любопитенъ о всемъ томъ знать какъ сихъ арестантовъ въ Варшаве взято и не былоль при томъ какои тревоги, я ему обо всѣмъ пресказалъ и остался у него обедать, а потомъ приказалъ подьполковнику Кулѣбакину отъ меня арестантовъ принятъ, а я чтобы еще пообождалъ съ командою дня три для приему и отъвозу на корпусъ нашъ присланой изъ Москвы на жалованые казны.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.

ЧАСТЬ III.

Поправка. Въ Предисловіи отъ редакціи на стр. II, строка 11 сверху, напечатано: Александръ *Пчеловичъ* Пишчевичъ, вмѣсто *Платоновичъ*.